

НЕМЦЫ РОССИИ:
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ
1871 - 1941 гг.

Материалы 8-й международной
научной конференции

Москва, 13-16 октября 2001 г.

Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие
(1871 - 1941 гг.). — М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002 — 552с.

Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Федеративной Республики Германия

Die vorliegende Ausgabe ist durch das Auswärtige Amt
der Bundesrepublik Deutschland gefördert

ISBN 5-94586-010-7

© АОО «Международный союз немецкой культуры», 2002
© Издательство ЗАО «МДЦ Холдинг»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Vorwort	9

Правовые и государственно-политические аспекты жизнедеятельности немецкой диаспоры в России

<i>Шадт А.</i> Правовой статус немецких колонистов в России XVIII-XIX вв. (состояние вопроса и постановка проблемы)	15
<i>Айсфельд А.</i> Российские немцы и самоуправление: планы и действительность	30
<i>Вибе П., Баах С.</i> Антинемецкая кампания в Сибирском регионе в начале XX века	54
<i>Баах С.</i> Законопроект П.А. Столыпина об ограничении иностранного землевладения в Юго-Западном крае Российской империи	49
<i>Воронежцев А.</i> Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войн (на материалах Саратовской и Самарской губерний)	71
<i>Нелипович С.</i> Политика оккупационных властей Центральных держав в отношении немцев Царства Польского. 1915-1918 гг.	95
<i>Вагина-Мозговая О.</i> Немцы Поволжья в советско-германских отношениях 1924-1927 гг.	110

Экономическая жизнь

<i>Малиновский Л.</i> Столыпинская реформа и немецкая деревня в России 1900-1917 гг.	119
<i>Бетхер А.</i> Соотношение индивидуального и коллективного начал землепользования у различных этнических групп немцев Западной Сибири (конец XIX - начало XX в.)	125
<i>Бетхер А.</i> Состояние животноводства в хозяйстве немецкого населения Западной Сибири в первой трети XX века (на примере меннонитов)	137
<i>Плохотнюк Т.</i> «Странный эксплуататор»: патернализм барона Штейнгеля (конец XIX - начало XX вв.)	150
<i>Венгер (Осташева) Н.</i> Формирование торгово-промышленной элиты на территории меннонитских колоний юга Украины (вторая половина XIX в. - 1917 гг.)	157
<i>Плесская Э.</i> Экономическое и культурное развитие Одессы в XIX в.: культурологический аспект	173
<i>Ланга Е.</i> Немецко-волжский банк сельскохозяйственного кредита (организация и деятельность в 1920-е годы)	183
<i>Морозова Ю.</i> Вовлечение женщин в экономическую и общественную жизнь АССР немцев Поволжья (по материалам периодической печати немецкой автономии)	187
<i>Герман А.</i> Индустриализация в Республике немцев Поволжья: планы и реальность	195
<i>Мазина О.</i> Феномен «вредительства» в экономике АССР немцев Поволжья в 1930-е годы	211

Вопросы культуры и духовной жизни

<i>Трошина Т.</i> Архангельские немцы: социокультурный аспект	221
<i>Солодова В.</i> Вклад российских немцев в изучение истории Новороссии (по материалам Одесского общества истории и древностей)	228
<i>Ханья С.</i> Рафаэль Густавович Кебер - первый российский немец в Японии	239
<i>Лаптев Ю.</i> Евангелическо-лютеранские общины немцев Крыма (1880-е - 1930-е гг.)	251
<i>Лиценбергер О.</i> Немцы-католики и положение Римско-католической Церкви в России в конце XIX - начале XX вв.	256

<i>Джавадов Д. Джавадов Г. Немецкие благотворительные общества в городе Баку в начале XX века</i>	269
<i>Гумбатова Т. Благотворительные вечера и духовные концерты в жизни немцев Баку</i>	280
<i>Иларшнова Т. Немецкие издатели в России в конце XIX – начале XX веков</i>	288
<i>Хердт В. Периодическая печать российских немцев в период между революциями 1917 г.</i>	303
<i>Черказьянова И. Обострение проблемы использования немецкого языка в прифронтовых областях России в годы Первой мировой войны</i>	314
<i>Гартвиц Б. Классовая дискриминация в системе образования АССР НП и её последствия</i>	329
<i>Ерина Е. К истории немецкого государственного хора АССР немцев Поволжья</i>	339
<i>Шульга И. Ликвидация неграмотности поволжских немцев-военнослужащих в РККА (1920-е – 1930-е гг.)</i>	352
Проблемы этнического самоосознания	
<i>Нам И. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков)</i>	361
<i>Кригер Е. Отношения между Россией и Германией в начале XX в. как условие формирования образа мира российских немцев</i>	399
<i>Прокопьева Н. К вопросу о формировании этнической культуры российских немцев</i>	403
<i>Вашкау Н. Феномен культурной идентичности российских немцев в условиях родины и чужбины. XX век</i>	409
Статистика, демография, миграция	
<i>Плеве И. Эмиграция немцев из Поволжья во второй половине XIX века (начальный этап)</i>	421
<i>Атаманенко С. Образование меннонитских комитетов помощи в США накануне иммиграции меннонитов Юга Украины в начале 1870-х гг.</i>	430
<i>Крылов Н. Трансформация расселения меннонитов в Молочанском регионе</i>	440
<i>Славина Л. Немцы Сибири в 1920-е годы (статистический анализ на материалах переписи населения)</i>	449
<i>Малова Н. Вынужденное переселение из Республики немцев Поволжья в 1929-1933 гг.</i>	464
<i>Кригер В. Некоторые аспекты демографического развития немецкого населения 1930-х-1950-х годов</i>	470
Источники	
<i>Бобылева С. Материалы Особого Комитета как источник по истории судеб немецкого населения периода Первой мировой войны</i>	495
<i>Красникова О.А. Карты как источник по изучению хозяйственного освоения и общественно-политической жизни АССР НП</i>	506
<i>Бургарт Л. Материалы Земельных управлений по землеустройству в 1920-е годы как источник по истории немецких поселений в Казахстане</i>	528
<i>Бабаева С. Документы государственного архива Азербайджанской Республики о жизни немецкого крестьянства в Азербайджане накануне и в период сплошной коллективизации</i>	546
Наши авторы	549

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных трудов подготовлен по материалам очередной 8-й международной научной конференции, проведенной Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев, Геттингенским исследовательским центром (Германия), Ассоциацией общественных объединений «Международный союз немецкой культуры» 13-16 октября 2001 г. в пос. Мамонтовка, в Подмосковье. Место для проведения конференции было любезно предоставлено руководством Образовательного и информационного центра российских немцев (BIZ-Mamontowka).

Тема конференции - "Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. 1871-1941" - была выбрана далеко не случайно, хотя, на первый взгляд, может показаться, что она как бы выбивается из общего логического контекста, проводившихся до этого в 1999 и 2000 гг. конференций, последовательно освещавших периоды жизни российских (позднее - советских) немцев в 1901-1941 и 1941-1955 гг.

Как показали отмеченные выше предыдущие конференции, проблемы существования немецкого этноса в России (а затем и СССР) в первой половине XX века настолько многоплановы, взаимосвязаны и переплетены между собой, что до сих пор содержат множество исторических фактов, сюжетов, явлений, вопросов, так и не получивших должного освещения в современной российской и зарубежной историографии. Кроме того, большинство этих проблем зародилось не в XX веке, а в последние десятилетия XIX века, и потому без знания истоков невозможно составить полную целостную, внутренне объективную картину жизни немцев России и СССР в XX веке.

По этой причине Правление Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев и приняло решение в рамках исторической хронологии как бы вернуться назад к 1871 году и еще раз обратит пристальное внимание на развитие немецкого этноса России в пре-реформенный период, в годы Первой мировой войны и советской власти вплоть до начала Великой Отечественной войны (1941 г.). При этом предполагалось рассмотреть, главным образом, проблемы социально-экономического и духовного развития немцев, как менее изученные. Однако реальные выступления участников конференции значительно расширили рамки конференции, обозначенные Правлением Международной ассоциации исследователей.

Важнейшими историческими явлениями рассмотренного на 8-й международной конференции исторического периода (1871-1941 гг.) стали:

- ликвидация колониального статуса и связанных с ним особого порядка управления колонистами и ряда привилегий, приравнивание колонистов, составлявших основную часть российских немцев, по своему статусу к российскому крестьянству;

- развитие процессов постепенной интеграции немецкого этноса в общероссийский социум и связанные с ними многочисленные противоречия;

- ощутимые изменения (как позитивные, так и негативные) в жизни различных социальных слоев немецкого населения Российской Империи;

- возросшая миграционная активность немецкого населения, вызванная как экономическими (главным образом), так и другими причинами;

- постепенное нарастание антинемецких настроений в российском обществе, появление и развитие в общественном сознании тезиса о "немецком засилье";

- Первая мировая война и ее последствия: дискриминация немецкого населения России в различных сферах общественной жизни;

- победа большевизма в России и связанные с этим коренные изменения в социально-экономической, политической и культурной жизни немецкого этноса.

Каждое из перечисленных выше явлений общественной жизни весьма многогранно, внутренне противоречиво, имело множество конкретных особенностей своего проявления в различных регионах, в различные годы.

Участники конференции попытались найти ответы на некоторые ранее неизвестные или малоизученные вопросы общественной жизни немецкого этноса в России и СССР в 70-летие 1871-1941 гг. Представляется, что в целом конференция смогла заметно продвинуть вперед историографию российских немцев в рассматриваемом историческом периоде. Эта историография обогатилась не только анализом целого ряда исторических событий, но и интересными выводами и обобщениями, позволяющими более четко и обстоятельно нарисовать общую картину истории немецкого населения в России.

Представляемый читателю сборник научных трудов состоит из шести общих разделов.

В первом разделе - "Правовые и государственно-политические аспекты жизнедеятельности немецкой диаспоры в России" - содержится выступление А. Шадта, в котором поднимается вопрос правового статуса немецких колонистов в России XVIII-XIX вв. А. Айсфельд исследует проблему самоуправления в немецких колониях, сравнивая планы и реальность их осуществления. П. Вибе и С. Баах освещают развитие антинемецкой кампании в Сибири в начале XX века. В связи с этим С. Баах исследует подготовленный

еще до войны П. Столыпиным законопроект об ограничении иностранного (гл. образом, немецкого) землевладения. Жизни немецких колонистов Поволжья в годы Первой мировой войны посвящена работа А. Воронежцева. С ней перекликается выступление С. Нелиповича, в которой впервые в отечественной историографии исследуется отношение оккупационных властей Германии и Австро-Венгрии к немцам Царства Польского, являвшегося до оккупации территорией России. О. Вагина-Мозговая свое выступление посвятила проблеме немцев Поволжья в советско-германских отношениях середины 1920-х годов.

Второй раздел - "Экономическая жизнь" - включает в себя статьи Л. Малиновского, А. Бетхера, Т. Плохотнюк, Н. Венгер, освещающие различные аспекты хозяйственной жизни немцев в конце XIX - начале XX вв., влияние на нее реформ П. Столыпина, других факторов. Рассматривается процесс формирования немецкой торгово-промышленной элиты. Э. Плесская исследует экономическое развитие Одессы в дореволюционный период XX века. Целый ряд материалов этого раздела посвящен социально-экономическим проблемам развития Республики немцев Поволжья в 1920-е - 1930-е гг. Е. Панга рассматривает деятельность на территории АССР НП Немецко-Волжского банка сельскохозяйственного кредита, Ю. Морозова - вовлечение женщин в социально-экономическую жизнь немецкой автономии. А. Герман и О. Мазина исследуют различные проблемы индустриализации Республики немцев Поволжья и ее социально-политические аспекты, в частности - феномен "вредительства".

Третий, весьма обширный раздел сборника - "Вопросы культуры и духовной жизни". Здесь размещены работы, посвященные культурной жизни немцев в отдельных городах - Архангельске (Т. Трошина), Одессе (В. Солодова), Баку (Т. Гумбатова, Д. Джавадов). С. Ханья исследует жизнь и судьбу интереснейшей личности - русского немца Р. Кебера, долгие годы прожившего в Японии. Проблемы использования российскими немцами родного языка в годы Первой мировой войны рассматривает И. Черказянова. Выступление Т. Иларионовой освещает вклад немцев в развитие издательского дела в России на рубеже XIX-XX вв. Выступления Ю. Лаптева и О. Лиценбергер посвящены жизни лютеранских и католических общин в регионах России в конце XIX - начале XX вв. В. Хердт исследует содержание периодической печати российских немцев в 1917 году. Б. Гартвиг и И. Шульга рассматривают некоторые аспекты развития образования и грамотности поволжских немцев в 1920-е - 1930-е гг. Е. Ерина реконструирует историю Немецкого государственного хора Республики немцев Поволжья.

Четвертый раздел сборника посвящен проблемам этнического самосознания российских немцев. И. Нам раскрывает проблемы этнической жизни немцев - городских жителей Западной Сибири. Феномен культурной идентичности российских немцев в условиях чужбины в XX веке рассматривает Н. Вашкау. Н. Прокопьева свое выступление посвятила формированию этнической культуры российских немцев.

В пятом разделе - "Статистика, демография, миграция" - опубликованы работы шести авторов. И. Плева рассматривает вопросы миграции Немцев Поволжья во второй половине XIX века. Этому же периоду посвятили свои выступления С. Атаманенко и Н. Крылов, однако они исследуют перемещения меннонитов Украины. Проблемы социально-демографического положения немцев в годы советской власти посвящены работы Л. Славиной, В. Кригера, Н. Маловой.

В шестом разделе сборника рассматриваются вопросы источниковедения, дается характеристика некоторых архивных фондов, содержащих материалы по различным периодам и аспектам истории немцев России и СССР. С. Бобылева дает характеристику материалов Особого комитета по борьбе с немецким засильем, О. Красникова исследует с источниковедческих позиций изданные в разное время карты Республики немцев Поволжья. Л. Бургарт и С. Бабаева исследуют архивные материалы, характеризующие аграрные проблемы жизни немецких крестьян в годы нэпа и коллективизации.

Таким образом, в целом, в сборнике материалов 8-й международной научной конференции представлен широкий спектр различных исторических исследований, охватывающий практически все сферы общественной жизни немцев России и СССР в 1871 - 1941 гг. Оргкомитет конференции и Правление Международной ассоциации исследователей выражает надежду, что материалы конференции окажутся полезными не только историкам-профессионалам, но и вызовут познавательный интерес у всех, кому безразлична история и судьба российских немцев.

Оргкомитет.

VORWORT

Die vorliegende Sammlung wissenschaftlicher Arbeiten wurde nach den Materialien der 8. ordentlichen wissenschaftlichen Konferenz vorbereitet, die von der Internationalen Assoziation der Forscher der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen, vom Forschungsarbeitskreis Göttingen (Deutschland) und von der Assoziation der Öffentlichen Vereinigungen „Internationaler Verband der deutschen Kultur“ vom 13. bis zum 16. Oktober 2001 in der Siedlung Mamontowka bei Moskau durchgeführt wurde. Der Veranstaltungsort wurde liebenswürdig von der Leitung des Bildungs- und Informationszentrums der Russlanddeutschen in Mamontowka zur Verfügung gestellt.

Das Konferenzthema – „Die Deutschen Russlands: sozialökonomische und geistige Entwicklung. 1871-1941“ – wurde nicht zufällig gewählt, obwohl es auf den ersten Blick vorkommen mag, dass es über den Rahmen des allgemeinen logischen Kontexts der Konferenzen hinausgeht, die in den Jahren 1999 und 2000 organisiert wurden und konsequent die Lebensperioden der Russlanddeutschen (später Sowjetdeutschen) in den Jahren von 1901 bis 1941 und von 1941 bis 1955 beleuchteten.

Wie die oben genannten Konferenzen gezeigt haben, sind die Probleme der deutschen Ethnie Russlands (und später der UdSSR) in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts dermaßen vielseitig, dass es immer noch viele historische Fakten, Sujets, Erscheinungen und Fragen vorhanden sind, die in der gegenwärtigen russischen und ausländischen Historiografie nicht gebührend beleuchtet worden sind. Außerdem entstanden die meisten dieser Probleme nicht im 20. Jahrhundert, sondern in den letzten Jahrzehnten des 19. Jahrhunderts, und aus diesem Grund ist es unmöglich, sich ein komplettes und innerlich objektives Bild vom Leben der Deutschen Russlands und der Sowjetunion im 20. Jahrhundert zu machen, ohne dass man den Ursprung kennt.

Aus diesem Grund fasste die Verwaltung der Internationalen Assoziation der Forscher der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen den Entschluss, im Rahmen der historischen Chronologie aufs Jahr 1871 zurückzublicken und nochmals die Entwicklung der deutschen Ethnie Russlands in der Vorreformperiode, in den Jahren des Ersten Weltkrieges und der Sowjetmacht bis hin zum Beginn des Großen Vaterländischen Krieges (1941) unter die Lupe zu nehmen. Dabei sollte vor allem Probleme der sozial-ökonomischen und geistigen Entwicklung der Deutschen untersucht werden, die vorher kaum erforscht worden waren. Aber die realen Vorträge der Konferenzteilnehmer erweiterten den Konferenzrahmen, der von der Verwaltung der Internationalen Forscherassoziation festgelegt worden war.

Die wichtigsten historischen Erscheinungen der historischen Periode (1871-1941), die auf der 8. internationalen Konferenz erörtert wurden, sind die folgenden:

- Abschaffung des Kolonistenstatus und der damit zusammenhängenden Kolonienverwaltungsordnung sowie einer Reihe von Privilegien; Gleichstellung der Kolonisten, die den größten Teil der Russlanddeutschen ausmachten, ihrem Status nach dem russischen Bauerntum;
- Entwicklung der Prozesse einer allmählichen Integration der deutschen Ethnie in die gesamt-russische Sozietät und die damit zusammenhängenden Widersprüche;
- spürbare Veränderungen (sowohl positive als auch negative) im Leben verschiedener sozialer Schichten der deutschen Bevölkerung des Russischen Reiches;
- gestiegene Migrationsaktivität der deutschen Bevölkerung, hervorgerufen durch ökonomische (vor allem) und andere Gründe;
- allmähliche Verbreitung der deutschfeindlichen Gesinnung in der russischen Gesellschaft, Aufkommen und Etablierung der These über die „deutsche Vorherrschaft“ im gesellschaftlichen Bewusstsein;
- der Erste Weltkrieg und seine Folgen: Diskriminierung der deutschen Bevölkerung Russlands in verschiedenen Bereichen des gesellschaftlichen Lebens;
- Sieg des Bolschewismus in Russland und die damit zusammenhängenden grundsätzlichen Veränderungen im sozial-ökonomischen, politischen und kulturellen Leben der deutschen Ethnie.

Jede von den genannten Erscheinungen des gesellschaftlichen Lebens ist durchaus vielseitig, innerlich widersprüchlich und hatte viele konkrete Besonderheiten in der Art, wie sie in verschiedenen Regionen und in verschiedenen Jahren zum Vorschein gekommen sind.

Die Konferenzteilnehmer unternahmen einen Versuch, Antworten auf einige früher unbekannte und wenig erforschte Fragen des gesellschaftlichen Lebens der deutschen Ethnie in Russland und in der UdSSR in den 70 Jahren von 1871 bis 1941 zu geben. Es scheint, dass die Konferenz im Allgemeinen die Historiografie der Russlanddeutschen in der besagten Periode wesentlich vorantreiben konnte. Diese Historiografie wurde nicht nur durch eine Analyse einer Reihe historischer Ereignisse, sondern auch durch interessante Schlussfolgerungen und Zusammenfassungen bereichert, die es ermöglichen, sich die Geschichte der deutschen Bevölkerung in Russland deutlicher und detaillierter vorzustellen.

Die vorliegende Sammlung wissenschaftlicher Abhandlungen besteht aus sechs allgemeinen Abschnitten.

Der erste Abschnitt – „Rechtliche und staatspolitische Aspekte der Lebenstätigkeit der deutschen Diaspora in Russland“ – enthält den Vortrag von A. Stadt, in der die Frage des rechtlichen Status der deutschen Kolonisten im Russland des 18. und 19. Jahrhunderts behandelt wird. A. Eisfeld setzt sich mit dem Problem

der Selbstverwaltung in den deutschen Kolonien auseinander und vergleicht die Pläne und ihre Umsetzung. P. Wiebe und A. Baach beleuchten die Entwicklung der antideutschen Kampagne in Sibirien Anfang des 20. Jahrhunderts. In diesem Zusammenhang nimmt A. Baach den von P. Stolypin bereits vor dem Krieg vorbereiteten Gesetzentwurf über die Einschränkung der ausländischen Grundstückbesitzer. Dem Leben der deutschen Wolgakolonisten in den Jahren des Ersten Weltkrieges ist die Arbeit von A. Woroneschzew gewidmet. Ähnlich ist auch die Abhandlung von S. Nelipowitsch, in der erstmals in der russischen Historiografie die Beziehung der deutschen und österreichisch-ungarischen Besatzungsbehörden mit den Deutschen des Polnischen Reiches, die vor der Besetzung zu Russland gehört hat, untersucht. O. Wagina-Mosgowaja widmete ihren Vortrag dem Problem der Wolgadeutschen bei den deutsch-sowjetischen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre.

Der zweite Abschnitt – „Das wirtschaftliche Leben“ – beinhaltet die Artikel von L. Malinowskij, A. Betcher, T. Plochotnjuk und N. Wenger, die sich mit verschiedenen Aspekten des wirtschaftlichen Lebens der Deutschen Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts, mit dem Einfluss der Reformen von Stolypin und anderen Faktoren befasst. Es wird der Prozess der Herausbildung der deutschen Handels- und Industrielite analysiert. E. Plesskaja untersucht die ökonomische Entwicklung Odessas in der Vorrevolutionsperiode des 20. Jahrhunderts. Eine Reihe von Materialien dieses Abschnitts ist den sozial-ökonomischen Problemen der Entwicklung der Republik der Wolgadeutschen in den 1920er – 1930er Jahren gewidmet. E. Panga setzt sich mit der Tätigkeit der Wolgadeutschen Bank der landwirtschaftlichen Kreditierung auf dem Territorium der Republik der Wolgadeutschen auseinander, Ju. Morosowa – mit der Einbeziehung der Frauen ins sozial-ökonomische Leben der deutschen Autonomie. A. German und O. Masina untersuchen verschiedene Probleme der Industrialisierung in der Republik der Wolgadeutschen und ihre sozial-politische Aspekte, u. a. – das Phänomen der „Sabotage“.

Der dritte Abschnitt – „Fragen der Kultur und des geistigen Lebens“ – ist sehr umfangreich. Er enthält Arbeiten, die dem Kulturleben der Deutschen in einzelnen Städten (in Archangelsk (T. Troschina), in Odessa (W. Solodowa), in Baku (T. Gumbatowa, D. Dschawadow)) gewidmet sind. S. Chanja untersucht das Leben und Schicksal einer sehr interessanten Persönlichkeit – des Russlanddeutschen R. Kerber, der jahrelang in Japan gelebt hat. Die Probleme des Gebrauchs der Muttersprache durch Russlanddeutsche in den Jahren des Ersten Weltkrieges werden von I. Tscherkasjanowa analysiert. Der Vortrag von T. Illarionowa beleuchtet den Beitrag der Russlanddeutschen zur Entwicklung des Verlagswesens in Russland an der Jahrhundertwende vom 19. zum 20. Jahrhundert. Die Vorträge von Ju. Laptew und O. Lietzenberger sind dem Leben der lutherischen und katholischen Gemeinden in den russischen Regionen Ende des 19. – Anfang des 20.

Jahrhunderts gewidmet. W. Herdt untersucht die Inhalte der russlanddeutschen Periodika im Jahr 1917. B. Hartwig und I. Schulga setzen sich mit einigen Bildungsaspekten der Wolgadeutschen in den 1920er – 1930er Jahren auseinander. Je. Jerina rekonstruiert die Geschichte des Deutschen staatlichen Chors der Republik der Wolgadeutschen.

Im vierten Abschnitt werden Probleme des ethnischen Selbstbewusstseins der Russlanddeutschen behandelt. I. Nam deckt uns Probleme des ethnischen Lebens der Deutschen – der Stadtbewohner in Westsibirien – auf. Das Phänomen der kulturellen Identität bei den Russlanddeutschen in der Fremde im 20. Jahrhundert wird von N. Waschkau untersucht. N. Prokopjewa widmete ihren Vortrag der Herausbildung der ethnischen Kultur der Russlanddeutschen.

Im fünften Abschnitt – „Statistiken, Demografie, Migration“ – werden Arbeiten von fünf Autoren veröffentlicht. I. Plewe untersucht die Fragen der Migration der Wolgadeutschen in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Auch S. Atamanenko und N. Krylow widmeten ihre Vorträge diesem Problem, aber sie analysieren die Migration der Mennoniten der Ukraine. Den Problemen der sozial-demografischen Lage der Deutschen in den Jahren der Sowjetmacht sind die Arbeiten von L. Slawina, W. Krieger und N. Malowa gewidmet.

Im sechsten Abschnitt der Sammlung werden die Fragen der Quellenkunde behandelt, es werden einige Archivfonds analysiert, in denen Materialien zu verschiedenen Perioden und Aspekten der Geschichte der Deutschen Russlands und der UdSSR enthalten sind. S. Bobyljowa charakterisiert die Materialien des Sonderkomitees zur Bekämpfung der deutschen Vorherrschaft, O. Krasnikowa untersucht vom quellenkundlichen Standpunkt die Landkarten der Republik der Wolgadeutschen, die zu verschiedenen Zeiten herausgegeben wurden. L. Burghart und S. Babajewa untersuchen Archivmaterialien, die die Agrarprobleme im Leben der deutschen Bauern in den Jahren der Neuen ökonomischen Politik und der Kollektivierung.

In der Sammlung der Materialien der 8. internationalen wissenschaftlichen Konferenz wird also im Allgemeinen eine ganze Reihe verschiedener historischer Untersuchungen präsentiert, die alle Bereiche des gesellschaftlichen Lebens der Deutschen Russlands und der Sowjetunion von 1871 bis 1941 umfassen. Das Organisationskomitee der Konferenz und die Verwaltung der Internationalen Forscherassoziation sprechen ihre Hoffnung aus, dass die Konferenzmaterialien nicht nur für studierte Historiker von Nutzen sind, sondern auch Interesse aller Menschen, denen die Geschichte und das Schicksal der Russlanddeutschen nicht gleichgültig ist, wecken können.

— исторический
— 05.10.1991

Organisationskomitee

ПРАВОВЫЕ
И ГОСУДАРСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НЕМЕЦКОЙ ДИАСПОРЫ
В РОССИИ

А. Шадт

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ В РОССИИ XVIII-XIX ВВ. (СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Несмотря на появление в последнее время значительного количества работ по истории российских немцев, среди них практически отсутствуют публикации посвященные правовому статусу немецких колонистов в России. Имеющиеся работы, в той или иной мере, бесспорно, затрагивают вопросы правового положения немецких колонистов в России, однако они либо рассматривают процесс въезда колонистов на территорию Российской империи, либо уже сложившийся, устоявшийся порядок регламентации их социального и правового статуса в сформировавшихся колониях, опираясь в основном на социально-экономические факторы и условия.

За рамками исследований историков и правоведов оказались проблемы, возникшие перед законодателем, вынужденным в новых условиях восполнять пробелы права, выработать новые правовые нормы, соотносить существующее законодательство и возникшие правовые потребности, требующие конкретной регуляции статуса колонистов. Также практически не рассматривались исследователями вопросы получения немцами российского подданства и другие проблемы, вставшие при въезде и проживании немецких колонистов в Российской империи.

Обратимся к истории изучения вопроса. Библиография по рассматриваемой проблеме крайне скудна. Однако говорить о ее отсутствии было бы неправомерно. Проблему правового статуса иностранцев в России, в том числе колонистов, с позиций юридической науки впервые затронул М.И. Мыш. Но в своей, без сомнения, важной и продолжающей оставаться в значительной степени актуальной и поныне работе «Об иностранцах в России»¹ автор не ставил задачу выйти за рамки конкретной юридической проблемы - комментирования законодательства, регламентирующего правовой статус иностранцев. Работа носит описательный характер, содержит значительное количество фактических материалов, касающихся положения иностранцев в России, в первую очередь в XIX в., однако научной критике эти документы практически не подвергались. Остальные, известные

автору, публикации затрагивают данный вопрос в еще меньшей степени или рассматривают конкретные социальные, национальные группы и хронологические периоды².

Определенную работу по сбору и обработке материалов, в той или иной мере затрагивающую вопросы правового статуса немецких колонистов в России, проделали исследователи, занимающиеся непосредственно вопросами истории российских немцев. Серьезный труд по анализу документов, регламентирующих процесс въезда, условия проживания и некоторые другие аспекты правового положения немецких колонистов в России, написал Я.Е. Дитц³. В его работе обстоятельно рассматриваются основополагающие документы, определяющие въезд и проживание немецких колонистов в России, но основное внимание, в указанном нами контексте, автор уделил предпосылкам издания манифестов и последствиям ими вызванными, а также анализу социально-экономических сюжетов, содержащихся в «колониционных законах»⁴. «Внутренняя» политико-правовая оценка и сравнительный анализ манифестов и колониционных законов оказались большей частью за рамками этого основательного научного труда.

Практически единственными современными работами, посвященными анализу законодательных актов, связанных темой немцев-колонистов, являются публикации И.Р. Плеве. Автор проанализировал практически все важнейшие документы и действия правительственных структур по организации приглашения, приема и проживания в России иностранных колонистов. Особое место среди его работ занимает статья, целиком посвященная Манифесту Екатерины II от 22 июля 1763 г.⁵ Автор убедительно, с позиций современной исторической науки, провел анализ указанного законодательного акта и в полной мере решил поставленные задачи. Значительный научный материал содержится в монографии И.Р. Плеве «Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века», в которой содержится богатый фактический и аналитический материал, в том числе и по вопросам правового статуса немецких колонистов⁶. Однако определение правового статуса российских немцев-колонистов не являлось предметом анализа автора и затронуто в монографии частично. И.Р. Плеве основное внимание в правовом контексте уделил организации приглашения и поселения иностранных колонистов в России, социально-экономическому развитию немецких колоний и системе управления поволжскими колониями. Определенное количество публикаций, позволяющих подкрепить или опровергнуть возникшие вопросы, в том числе юридического характера, содержатся в материалах научных конференций по проблемам истории и культуры российских немцев⁷.

Правовой статус иностранцев, его регламентация и получение ими российского гражданства затрагиваются также в работах известных российских правоведов и в современной юридической литературе⁸. Единственной юридической работой, посвященной правовому статусу иностранцев в России с позиций современного права, является публикация Дмитриева Ю.А., Корсика К.А. «Правовое положение иностранцев в Российской Федерации»⁹. Однако авторы практически не уделили внимания историческим традициям, сложившимся в России по вопросам регламентации правового статуса иностранцев в контексте отечественной истории XVIII – XIX вв.¹⁰

Помимо этого, существует значительный пласт научных публикаций, позволяющих провести сравнительный анализ правовых статусов национальных групп в России¹¹, рассмотреть общие тенденции развития российского и иностранного законодательства по национальным проблемам, подкрепить изучение проблемы материалами смежных дисциплин¹². Также необходимо отметить работу А.М. Тесленко «Правовой статус иностранцев в России (вторая половина XVII - начало XX вв.)»¹³, в которой автор достаточно подробно рассмотрел процесс развития института подданства в России, трансформацию правовой базы государства в зависимости от внешних и внутренних потребностей государства. Российские немцы-колонисты оказались практически не включены в сферу анализа автора по причине размытости и непрописанности их правового статуса (не всегда иностранцы и не всегда российские подданные).

Исходя из известных источников и опубликованной литературы, в том числе и по смежным с историей и правом областям, мы можем предполагать, что приезд немецких колонистов в Россию привел к:

- 1) юридическим коллизиям (противоречиям - А.Ш.) - возникшим в российском законодательстве при регуляции статусов иностранцев (при наличии уже практически сложившейся системы оформления получения российского подданства) и немецких колонистов (чей статус регулировался «особо», в первую очередь Манифестами и «колониционными законами»);
- 2) юридическим казусам (случаям. - А.Ш.) - когда отсутствие нормативной базы, регулирующей правовой статус немцев-колонистов, привело к самостоятельности местных органов, противоречащей основам российского законодательства;
- 3) юридическим новеллам (новшествами. - А.Ш.) - изменениям в российском законодательстве, предполагающим трансформацию старой нормативно-правовой базы или создание новой в связи с изменившимися правовыми условиями.

Мы можем предполагать наличие определенных лакун, возникших как в плане междисциплинарного обмена по поводу регуляции статуса иностранных колонистов в России (между историками и правоведами), так и в хронологическом развитии, когда изучение указанной проблемы в юридической науке застопорилось на уровне XIX в.

В поле исследователей не вошла сравнительная характеристика законодательных актов, что позволило бы проследить трансформацию государственного права и политики по отношению к немецким колонистам в течение всей колонизационной политики, а также правовые последствия рассматриваемой законодательной практики и ее влияние на судьбу немецкого этноса в России.

Таким образом, мы можем утверждать, что вопросы правового анализа процессов приема и проживания иностранных (немецких) колонистов в России, механизм оформления и регламентации их правового статуса, получение ими российского подданства - находятся практически в неразработанном состоянии и нуждаются в дальнейшей конкретизации с опорой как на уже существующие работы, так и на современное состояние исторической и юридической наук, накопивших за последние годы значительный багаж в области истории права и его научной трактовки.

Целью нашей работы является анализ возникших вопросов определения правового статуса немецких колонистов в Российской империи и постановка проблемы его детализации.

Современная трактовка правового статуса позволяет рассматривать его как положение человека в обществе и государстве, принципы их взаимоотношений. Правовой статус включает в себя: принадлежность к гражданству и регулирование отношений по поводу гражданства; юридически закрепленный статус личности, т.е. правоспособность личности в государстве и основные права, свободы и обязанности.

Ключевым вопросом исследования является вопрос государственной принадлежности немецких колонистов, анализ которой позволяет высветить причину многих противоречий в правовом статусе колонистов. Так как только наличие гражданства является предпосылкой полного распространения на данное лицо всех прав и свобод, признаваемых законом, дает право на защиту лица государством. Под гражданством в нашем случае понимается наличие устойчивой правовой (юридически закрепленной) связи человека с государством, выражающейся в совокупности взаимных прав, обязанностей и ответственности.

Обладание гражданством является всеобщим универсальным условием правосубъектности лица, т.е. его возможности реализовывать права и ис-

полнять обязанности, предусмотренные законодательством государства.

В Российской империи существовало подданство, а не гражданство. Подданство определялось как принадлежность лица государству и характеризовалось распространением на лицо суверенной власти государства и внутри страны, и за ее пределами, наделение лица государством всей полнотой установленных законом прав, свобод и возложением всех обязанностей.

Понятия подданство и гражданство являются семантически близкими. Первое предполагало фактическую принадлежность или «подзаконность» человека законам конкретного государства, персонифицированного в лице монарха (отсюда институт присяги), и носило сословный характер. Институт гражданства подразумевал взаимность отношений человека и государства (наличие взаимных прав и обязанностей) и являлся всеобъемлющей категорией. Критерием, позволяющим в 18 – 19 вв. определять наличие института подданства или гражданства являлась форма государственной власти – монархия или республика. В настоящее время системы права объединяют эти понятия.

Особенностью института подданства в Российской империи являлось отсутствие юридического равенства подданных перед государством, разделение подданных на несколько разрядов с особым правовым статусом. С принадлежностью к той или иной категории подданных законодательство связывало весьма существенные различия в правах и обязанностях.

Поданные Российской империи подразделялись на следующие сословия: дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели. Все они обладали набором определенных прав и обязанностей.

Иностранцы в России рассматривались как отдельное сословие и, конечно, не обладали таким объемом прав как главные сословия, однако на оговоренные в Манифесте о привилегиях от 22 июля 1763 г. сроки (от пяти до тридцати лет) имели особые льготы и привилегии по сравнению с остальными сословиями. К ним относились налоговые льготы, наличие местного самоуправления, освобождение (навечно) от несения военной и гражданской службы и т.п. По истечении указанного в Манифесте срока льготы снимались, что подразумевало выравнивание статусов немецких колонистов со статусами российских подданных.

Особое место в нашем исследовании занимает вопрос приобретения немецкими колонистами российского подданства, сроки и условия его получения, трансформация указанной процедуры с течением времени.

Известно, что большинство немецких колонистов, в первое время после переселения и значительная их часть впоследствии, продолжали сохранять

подданство государств мест прежнего проживания, что привело к многочисленным юридическим коллизиям, имеющим свои последствия вплоть до нашего времени. Впоследствии для иностранных колонистов были выработаны особые правила, которые к середине XIX в. были унифицированы и приведены в достаточно стройную систему.

Основным фактором, оговаривающим переход под юрисдикцию Российской империи, было принятие присяги на верность государству и монарху. Принятие присяги явилось первым шагом на пути к получению российского подданства.

Рассмотрим процедуру принятия российского подданства и его трансформацию на протяжении 18 – 19 вв., так как именно этот сюжет стал определяющим в генезисе правового статуса немецких колонистов в Российской империи.

Первоначально, до середины XIX в., в Российской империи действовала достаточно простая процедура принятия подданства. Закон требовал лишь подачи заявления в губернское правление, после чего иностранец допускался к принесению присяги и становился «рускоподданным», практически без изъятий¹⁴.

При принятии иностранца в подданство выяснялась его семейная принадлежность и религиозные убеждения. В случае отсутствия знаний официального имперского языка законом предусматривалась возможность принесения присяги на своем родном языке¹⁵. Основным доказательством государственной принадлежности являлся сам факт принятия присяги.

Впоследствии, по закону 1864 г., процедура принятия российского подданства была усложнена. После пятилетнего «водворения» или «укоренения» в России иностранец имел право просить о принятии его в русское подданство. Принятие русского подданства являлось личным делом и не распространялось на прежде рожденных детей. Прощение о принятии в подданство подавалось министру внутренних дел и должно было содержать в себе указания на место проживания и сословие¹⁶. В случае положительного решения претендент получал свидетельство о принесении присяги, которая и являлась документом подтверждающим его государственную принадлежность. В законодательстве не предусматривалось двойное подданство, что для многих колонистов оказалось сдерживающим фактором. Присяга на верность российскому монарху подразумевала автоматическую отмену прежнего подданства. Следует отметить, что принятие российского подданства немецкими колонистами также зависело от внешней и внутренней политики государства. От торжества принципа «чем больше населения

тем лучше для государства» в XVIII в., до принципа «главное не количество, а качество» в середине XIX в. Затем, с созданием Германского государства, процедура принятия российского подданства для немецких колонистов начинает ужесточаться, доходя до абсурда, когда немецким колонистам, уже принявшим российское подданство, вменялась в вину прошлая государственная принадлежность.

Краткий экскурс в историю позволяет нам определить, что отношение к иностранцам в России периодически менялось на прямо противоположное и зависело от многих условий, таких как внутренняя и внешняя политическая обстановка, личности монарха и его политических установок, что нашло свое отражение в законодательстве Российского государства. Так, первой попыткой регламентации правового положения иностранцев в Российском государстве стал Новоторговый устав от 22 апреля 1667 г., по которому запрещался свободный въезд «иноземцев» в Россию.

Впоследствии, в связи с реформами Петра I, необходимостью экономического развития государства, внешней торговли, был снят запрет на свободный въезд иностранцев в Россию. Манифестом Петра I от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию» в страну открывался доступ для иностранцев. По манифесту иностранцам гарантировались определенные права, привилегии и свобода вероисповедания, что связывалось со стремлением царя усилить могущество России, развить в стране торговлю, промыслы, науку и искусство.

Этом манифест предполагалось «повсюду объявить и, напечатав, по всей Европе обнародовать». В манифесте указывались гарантии и права, которыми иностранцы должны были пользоваться в России. В первую очередь оговаривался сам факт отмены запрета на въезд в Россию иностранцев. Особо указывалось на свободу богослужений (для христиан). Внимание законодателя акцентируется на привлечении иностранцев в царскую армию. В манифесте оговаривалось, что «иностранцы, поставленные на военную службу, в делах судебной юрисдикции подчинялись тайной коллегии военного совета, подотчетной только царю или генеральному военному суду», в соответствии с положениями о «иноземных регулярных армиях», чтобы они не «опасались подпасть суду не соответствующему земским их законам, обычаям и правам». Также в манифесте декларировалась возможность свободного оставления царской службы в соответствии с европейскими правилами. Указанный манифест носил ограниченный характер, так как въезд в Россию «дозволялся» в первую очередь лицам «военного звания», и лишь во вторую очередь купцам и «разным мастерам»¹⁷.

В дальнейшем, формированием и развитием правового статуса иностранцев и законодательством о них занималась Екатерина II. В числе практических соображений, которыми руководствовалась императрица, называются следующие: «об умножении» в России населения, развитие сельского хозяйства, заимствование коренными обывателями у иностранцев улучшенных способов обработки земли, разведения скота и улучшения правил ведения хозяйства. Екатерина II Манифестом от 4 декабря 1762 г. «О позволении иностранцам... выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» приглашает иностранцев на поселение¹⁸. Этим актом она решила вопрос о свободном въезде иностранцев в Россию и предоставила им значительные права и льготы. Этот период (с 1762 г. и до конца XVIII в.) можно охарактеризовать как этап, связанный с наибольшим благоприятствованием в правовом положении иностранцев в России: им отводились обширные земельные наделы, предоставлялись деньги, разные льготы в податях и повинностях. Но с другой стороны, такие обширные льготы в правовом положении иностранцев имели, по мнению некоторых правоведов, в частности М.И. Мыша,¹⁹ в конечном счете, и отрицательную сторону, которая, по мнению указанного автора, заключалась в слишком большой обособленности и автономности «иноземцев» от коренного населения.

Манифест Екатерины II от 22 июня 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах» послужил основанием для обширной колонизации пустынных пространств России преимущественно со стороны немецких выходцев²⁰. В Манифесте, достаточно подробно проанализированном предыдущими исследователями, декларировался значительный объем льгот, среди которых были: право поселяться в любой губернии, бесплатный проезд к выбранному месту жительства, жилье и подорожные для неимущих, свобода вероисповедания, временное освобождение от налогообложения и платы за жилье, денежные ссуды и кредиты для желающих заниматься ремеслами, земледелием, самоуправление колоний, освобождение от обязательной военной и гражданской службы, сохранение свободного возвращения в страну прежнего проживания. Льготы распространялись на всех потомков колонистов. Впоследствии многие льготы, предоставленные колонистам и носившие бессрочный характер, были сужены или отменены, что вызвало рост эмиграционных настроений среди колонистов.

По мнению М.И. Мыша первоначальная цель водворения иностранных поселенцев заключалась не только в умножении населения, но «главным образом в том, чтобы коренные обыватели могли у них заимствовать улуч-

шенные способы обработки земли, разведение скота и вообще лучшие правила введения хозяйства»²¹. Для этой цели «правительство понесло большие жертвы отводом колонистам обширных земельных наделов, деньгами и предоставлением разных льгот в податях и повинностях, денежной и рекрутской. Насколько цель эта была достигнута – другой вопрос. Ошибка же правительства, для своего времени, может быть, неизбежная, заключается в водворении поселенцев отдельными от прочего населения колониями, в поддержании их обособленности в управлении, обучении и проч., вследствие чего иностранные колонии, подчиняясь притом действию особого устава, представляли собой как бы государство в государстве, затрудняющее слитие прошлого элемента с туземным».

С подобным утверждением упомянутого автора согласиться достаточно сложно, так как исходя из духа и буквы закона (манифестов) государство не обозначало в качестве цели этническую и культурную ассимиляцию колонистов. А свою задачу аккультурации местного населения, заселения и освоения пустынных земель Юга России колонисты выполнили в значительной мере. С другой стороны, акцентирование ассимиляционного фактора могло отпугнуть колонистов, лишив Россию потенциальных переселенцев, для которых значительной привлекательностью обладала, помимо экономической свободы и самостоятельности, декларация конфессиональной, культурной автономности.

Понятно, что сужение автономных начал и самоуправления колоний во второй половине XIX в. не могло не вызывать некоторого сопротивления. Права колонистов, как известно, были определены особым «Уставом о колониях иностранцев в Империи» изд. 1857 г., оговаривающим определенный объем прав, свобод и обязанностей колонистов и в значительной мере отличающим их от остального населения Российской империи²². Устав закрепил и конкретизировал социальный и правовой статус колонистов. Однако с изданием Закона от 4 июня 1871 г. «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов) водворенных на казенных землях»²³, в категорию которых переводились «бывшие» колонисты, произошла полная ломка этого устава, что не могло не нарушить привычный уклад жизни колонистов. Власть традиции оказались сильнее власти права. Тот же М.И. Мыш пишет: «До какой степени в колониях было сильно развито сознание своей обособленности и привилегированного положения видно, например, из того, что когда правительство приступило в 1871 г. к устройству их быта с целью привести их применительно к положению сельских обывателей, то колонисты усмотрели в этом посягательство на свои привилегии и стали массами выезжать из России»²⁴.

Так что на самом деле ошибка правительства заключается в резком нарушении сложившегося равновесия, отказа от декларировавшегося в манифестах особого статуса колонистов в России, попытке понизить их социальный уровень до уровня крестьян – низшего сословия в государстве. С целью оправдания подобной недалекой политики государства, М.И. Мыш пишет про колонистов: «Многие из них, не будучи в состоянии пристроиться за границей, вынуждены были вернуться обратно в Россию»²⁵.

Указанная проблема, по мнению вышеуказанного автора, была осознана правительством лишь в начале 60-х гг. XIX в., когда в правовых документах стали особо оговариваться механизмы приема колонистов на условия дисперсного расселения переселенцев селениями и деревнями с общим подчинением местному управлению, при обязательном принятии русского подданства. В качестве примера М.И. Мыш приводит «Правила о порядке заселения владельческих земель в Крыму заграничными выходцами», в которых и приводились упомянутые ограничения²⁶.

Мы уже отмечали, что на положение иностранцев в России практически всегда влияла международная политическая ситуация. Это и ограничение въезда, и ужесточение контроля над иностранцами в период 1789 – 1820 (период Французской революции, наполеоновских войн). К числу ограничительных законов относятся указания о высылке из России французских подданных или подданных государств, состоящих под французским протекторатом. В 1806 г. появился Указ Александра I «О высылке из России всех подданных французских и разных немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; о не пропуске оных в Россию без паспортов Министра иностранных дел»; «О прекращении действия торгового договора с Францией и об учреждении комиссии для разбора иностранцев» и др., например, ввод ограничений по владению недвижимым имуществом в пограничных губерниях²⁷.

Ограничения прав иностранцев существовали до 7 июля 1860 г. когда Александр II своим указом «О правах пребывающих в России иностранцев» вновь даровал иностранцам такие же права по торговле, земледелию и промышленности, какими пользовались русские подданные²⁸.

Со второй половины XIX века начинается процесс активного реформирования и изменения законодательства России об иностранцах. Появились такие важнейшие законодательные акты как: Законы о состояниях, Устав о паспортах, Устав таможенный, Устав иностранных исповеданий, Устав промышленный, Устав горный, Устав о службе, Устав торговый, Уложение о наказаниях, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Устав со-

держания под стражей, Уставы гражданского и уголовного судопроизводства и многие другие законы, в той или иной степени затрагивающие положение иностранцев, а следовательно, и колонистов в России.

По новому законодательству, все иностранцы, прибывшие в Российскую империю, подразделялись на несколько сословий (разрядов): 1. Иностранцы – дворяне; 2. Иностранцы – духовные лица; 3. Иностранцы – городские обыватели; 4. Иностранцы – ремесленники; 5. Бывшие иностранные колонисты (поселяне собственники); 6. Обязанные поселяне; 7. Иностранные евреи²⁹. Переведенные в категорию поселян-собственников бывшие иностранные колонисты оказались лишены значительной доли льгот и привилегий доставшихся им, в частности, в наследство по Манифесту 22 июля 1763 г. или оговоренных Уставом о колониях иностранцев в Империи 1857 г.

По вышеупомянутому Закону от 4 июня 1871 г. «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях» к поселянам-собственникам причислялись только лица, пользующиеся лично и по состоянию теми же правами, какие присвоены членам общества, в составе которого они приписываются. В течении десяти лет со дня издания этих правил поселяне обладали правом: 1. Записываться в другие сословия; 2. Оставив русское подданство, выехать за границы России, без взноса в казну части нажитого ими капитала. По истечении 10-летнего срока они были обязаны подчиняться действию общих законов Империи относительно оставления русского подданства³⁰. Исходя из буквы Правил, все прежде бессрочно дарованные колонистам льготы и привилегии ограничивались десятилетним сроком, колонисты приравнивались к категории сельских обывателей, местное самоуправление колоний резко ограничивалось, местное делопроизводство в обязательном порядке переводилось на русский язык. Управление колониями передавалось в подчинение уездным и губернским учреждениям. В Правилах вводился запрет на наличие двойного гражданства.

Поселянам-собственникам (бывшим колонистам) были предоставлены права пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению данными им во владение по записям землями. Все поселенные в России поселяне-собственники сохраняли право пользоваться свободой в «отправлении веры по их уставам, учению и обрядам»³¹. Как мы видим, при сохранении декларированных манифестами культурных и конфессиональных свобод, изменения в правовой базе носили характер унификации законодательства о колонистах и приведении их в равностатусное положение с остальным населением Российской империи, с тем же набором прав и свобод, и, естествен-

но, обязанностей. Внешнеполитическая ситуация, по мнению законодательных органов, не позволяла иметь на территории России обособленного, как экономически так и культурно, значительного числа иностранцев, подданных другого государства. Новая политика носила достаточно осторожный, но оперативный характер. На первое место был выдвинут экономический фактор, позволяющий разъединить традиционную сплоченность колонистов, основанную на общественной собственности земель, с последующим переходом к культурной унификации.

В указанном направлении особое значение для бывших колонистов, далее поселян-собственников, имело новое законодательство, регулирующее вопросы землевладения и найма земель у помещиков. Формирование новых колоний практически завершилось, как и выделение свободных земель, и единственным механизмом расширения земельных владений стало их приобретение у местного (коренного) населения, что не могло не вызвать сопротивления со стороны местного руководства, вылившегося в обвинение против самих колонистов.

В новом законодательстве выделялось два вида иностранных колоний: 1. Водворенные на коренных землях; 2. Поселенные на приобретенных иностранными поселенцами землях в собственность³². К числу первых относились земли, выделенные правительством или монаршей волей для формирования собственно колоний. К числу вторых относилась и значительная доля так называемых дочерних колоний, создаваемых на собственные средства колонистов через покупку новых земель. Таким образом, законодательство позволяло приобретать колонистам новые земли, но на условиях личного владения и дисперсного расселения колонистов, что, соответственно, ускоряло процессы ассимиляции.

Указанные процессы активно были начаты с 1860 г. и продолжались вплоть до ликвидации Российской империи.

В итоге хотелось бы отметить, что правовой статус немецких колонистов, за всю историю пребывания немцев в России, практически никогда не носил постоянного характера. На статус колонистов определяющее значение оказывало состояние внешней политики, внутренняя экономическая и политическая ситуация в стране, социальные изменения и культурное состояние общества. Правовой статус колонистов оказался чутким барометром, отражающим колебания в обществе и государстве. Немецкие колонисты не в первый и не в последний раз выступили в качестве заложников государственных интересов как Германии, так и России.

В качестве заключения укажем, что в данном исследовании автор только попытался обрисовать примерные границы столь обширной темы. Дан-

ная работа является первым опытом анализа правового статуса немецких колонистов в России в XVIII – XIX вв. в качестве отдельной темы исследования.

Проведенное исследование позволяет говорить о несомненной актуальности поднятой темы и ставит перед нами ряд проблем, требующих своего разрешения. В ряду поставленных задач хотелось бы отметить самые основные.

Нами выделяется два блока вопросов, возникших при изучении правового статуса российских немцев-колонистов, – внешний и внутренний, что предполагает для анализа законодательной базы, регламентирующей правовой статус немецких колонистов, выполнить следующее:

Во-первых, выяснить причины и условия, приведшие к появлению особой законодательной базы, что предусматривает:

- 1) осветить политическую и экономическую ситуацию в Российской империи XVIII – XIX вв.;
- 2) определить роль и влияние на формирование правовой базы международных социально-политических и экономических факторов;
- 3) выявить соответствие колониального законодательства экономическим и политическим реалиям в мире и в России;
- 4) уточнить соотношение законодательных актов в отношении немецких колонистов и существующего российского права, регулирующего статус иностранцев в России, а также их соответствие законам о гражданстве Российской империи.

Во-вторых, провести политико-правовой анализ колониальных проектов и законов (выявить смысл правовых норм, содержащихся в документах), что предполагает:

- 1) проследить динамику изменений целей и приоритетов манифестов, трансформацию их социально-политической направленности, соотношение актов между собой;
- 2) рассмотреть вопросы толкования норм права, содержащихся в российских нормативных актах;
- 3) выяснить исторические условия издания колониального законодательства;
- 4) определить социально-политические цели, которые преследовал законодатель, издавая эти акты;
- 5) рассмотреть историю принятия, цели и мотивы, обусловившие введение новых правовых норм в систему правового регулирования;
- 6) проанализировать материалы официального толкования (см. Полное собрание законов Российской империи);

7) проанализировать также источники, находящиеся вне рамок права (мнения специалистов в смежных с юриспруденцией областях);

8) определить формальную и фактическую отмену правовых норм, установленных колониальным законодательством (хронологически).

Поставленные задачи, по мере их выполнения, позволят конкретизировать правовой статус немцев-колонистов в России, выделить специфику и отличия их статуса от положения других категорий иностранцев в стране, проследить трансформацию изменений в правовом положении немцев с течением времени.

Современное состояние юридической науки позволяет найти новые подходы к поднятой проблеме, расширить методологическую базу исследования процесса въезда немецких колонистов в Российскую империю, регулицию их правового статуса, комплексно подойти к истории российских немцев в рамках междисциплинарного подхода.

Примечания

¹ См.. Мыш М.И. Об иностранцах в России. Сб. указаний, трактатов, конвенций с правительственными и судебными разъяснениями. СПб. 1888.

² См.. Андриевский И. О правах иностранцев в России. СПб., 1854; Мыш М.И. Руководство к русским законам о евреях. 4-е изд., пересмотренное и значительно дополненное. СПб., 1914; Никольский Д. О выдаче преступников по началам международного права. СПб., 1884; Пероговский В.И. О началах международного права относительно иностранцев у народов древнего мира. Киев. 1859; Руководство к российским Указаниям о евреях. Сост Мыш М.И. СПб. 1892; Зайденман Е. Правовое положение евреев в России. СПб. 1906; Мулюкин А.С. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса. 1912; Законодательные акты Российской Империи: Устав об инородцах М.М. Сперанского. Горно-Алтайск, 1999; Соколова Е.С. Словное законодательство Российской империи. Основные тенденции развития. Екатеринбург, 1995 и др.

³ См.. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. - М.. ГОТИКА, 1997. С. 496.

⁴ Под колониальными законами здесь и далее подразумевается вся совокупность законодательных актов – нормативная, законодательная база, регулирующая условия въезда, расселения, проживания и прочие вопросы правового характера в отношении иностранных колонистов (немцев) в России XVIII – XIX вв.

⁵ См.: Плева И.Р. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г.: обещания и реальность. // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. - М., 1995. С.26-33.

⁶ См.. Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. - М.. ГОТИКА, 1998. С. 448.

⁷ См.. ежегодные сборники по истории и культуре российских немцев, выпускаемые изд. "ГОТИКА" под руководством Международного союза немецкой культуры и Ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, где практически в каждом сборнике имеются материалы по истории немецких колоний в России.

⁸ См.. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1912; Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 1997; Коркунов Н.М. Укоренение иностранцев и прекращение подданства // Журнал министерства юстиции, 1895. Октябрь; Д. Галет. Международное право. СПб., 1860; Камаровский Л. Международное право. М., 1897; Мартенс Ф.Ф. Конспект международного права. 1880-1881 г. СПб., 1881; Мартенс Ф.Ф. Современное международное право

цивилизированных народов. СПб., 1882 Т. 1-2., Уляницкий В. Международное право. Томск. 1911; Захаров Н.А. Курс общего международного права. Пг., 1917; Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994 и др.

⁹ См.. Галенская Л.Н. Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1982; Дмитриев Ю.А., Корсик К.А. Правовое положение иностранцев в Российской Федерации. - М.. Манускрипт, 1997. - 112 с. Корсик К.А. Теория, практика и проблемы правового регулирования статуса иностранных граждан в Российской Федерации. (Опыт сравнительно правового исследования): Дисс... д-ра юрид. наук. М., 1999; Манолов К.И. Международно-правовое регулирование статуса иностранцев. Дисс... канд. юрид. наук. М., 1991 и др.

¹⁰ Эти традиции прослеживаются именно с 18 в. и позволяют говорить об определенной преемственности, несмотря на периодическую смену государственного курса.

¹¹ См.. Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865; Граев В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912; Песецкий В. Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск, 1913; Рагоза А. Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы. // Военный сборник. 1903. № 6. Н.П. Семенов. Наше дворянство. СПб., 1899; Устимович П. Мысли и воспоминания при чтении законов о дворянстве. М., 1886; Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994.

¹² См.: Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М.. 1990; Зорин В.Ю. Национальный вопрос в Государственных Думах России. М., 1999; Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-прикладные аспекты). М., 2000; Коренные народы России: самоуправление, земля, природные ресурсы/ XIX - XX вв. М., 1999. и др.

¹³ См.: Тесленко А.М. Правовой статус иностранцев в России (вторая половина XVII - начала XX вв.). Автореферат Дисс... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

¹⁴ См.. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1912. С.125.

¹⁵ См.. Свод Законов Российской Империи (СЗРИ). 1857 г. Ст. 1543.

¹⁶ См.. СЗРИ. 1871. Ст. 1017

¹⁷ См.. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 1. (ПСЗРИ). Т. I. № 1910.

¹⁸ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. № 11720.

¹⁹ См.. Мыш М.И. Указ. соч. С. IX.

²⁰ См.. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. № 11880.

²¹ См.. Мыш М.И. Указ. соч. С. IX.

²² См.: СЗРИ. 1857 г. Т. XI. Ч. 1. Т. XII. Ч. 2.

²³ См.. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVI. № 49705

²⁴ Мыш М.И. Указ. соч. С. XI.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Там же. С. 37

²⁷ См.. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIII, № 17201, 17683, 17689, Т. XXV, № 18564, 18565, Т. XXIX. № 22371 и др.

²⁸ См.. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXV, № 35880.

²⁹ См.: СЗРИ. Т. IX (XV). 1876 г

³⁰ См.. Там же. Ст.750.

³¹ См.. Там же. Ст. 754.

³² См.. Там же. Ст. 700.

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ И САМОУПРАВЛЕНИЕ: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В исследованиях, посвященных истории и культуре российских немцев в XVIII и XIX вв., часто речь идет о самоуправлении. Это было, наряду с земельной собственностью, привилегией, отличавшей их от других земледельческих сословий России. Имеется, однако, в виду система управления, в которой исполнительные органы на уровне общины и колонистского округа состояли из должностных лиц, избранных из числа самих колонистов. Должностные лица из числа колонистов и немецкого населения других социальных групп встречались и в XX в. Правовое поле их деятельности и их полномочия значительно отличались от таковых в дореформенный (до 1871 г.) период, но в научной литературе до сих пор нет исследований сравнительного характера, включающих некрепостных крестьян и казаков дореформенного периода, крестьян и поселян-собственников пореформенного периода и малоизученного периода 1917-1920 гг. Цель нашего экскурса - выяснение особенности управления немецкими населенными пунктами в Поволжье и в Причерноморье в дореволюционной России, в Причерноморье и в Закавказье в период революций 1917 г., гражданской войны и первые годы советской власти.

Немало работ опубликовано на тему «Национальная политика в СССР и немецкое население». Публикации 1920-х и 1930-х гг., как правило, восхваляли эту политику¹. Лишь в 1990-х гг. в русско- и украинскоязычной историографии появился ряд работ, написанных непредвзято на широкой источниковой основе², позволяющих по-новому увидеть и оценить события этого периода.

I. ПЕРИОД КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (1763-1871)

Управление и самоуправление в этот период было многоступенчатым. Для колонистов в Поволжье оно состояло, в начальный период их развития, из Канцелярии опекунов иностранных в С.-Петербурге, Саратовской конторы опекунов иностранных, окружных комиссаров и избранных из сре-

ды колонистов окружных и сельских шульцев или форштегеров. И.Р. Плевел указывает на то, что уже по закону «О размежевании земель для колонистов» от 19 марта 1764 г. правительство России в значительной мере урезало провозглашенное манифестом от 22 июля 1763 г. право колонистов на «внутреннюю юрисдикцию» по их «благоустройству»³. Утвержденная Канцелярией в 1769 г. «Инструкция» определяла права и обязанности как сельских должностных лиц, так и колонистов, причем комиссары Саратовской конторы контролировали работу выборных сельских должностных лиц⁴. В декабре 1774 г. Саратовской конторе было предоставлено «право определять сельских начальников, не полагаясь на собственный выбор колонистов»⁵.

После ликвидации Конторы опекунов и передачи колоний в ведение казенной палаты Саратовского наместничества в 1782 г. самоуправление в колониях, по мнению И.Р. Плевел, «впервые по-настоящему заработало»⁶. 15 лет спустя колонии оказались в экономическом упадке, потребовавшем вмешательства государства и восстановления системы колониального управления.

1797 г. был знаменательным в жизни крестьян и колонистов, т. к. правительством был принят ряд мер, имевших целью упорядочение управления и подъем их благосостояния. 4 марта была создана Экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства. Через неполные четыре месяца (30 июня) была утверждена Инструкция Саратовской конторе опекунов иностранных, а спустя еще пять недель утвержден указ «О разделении казенных селений на волости и о порядке их внутреннего управления»⁷, который предусматривал образование волостного правления, причем избранный на два года волостной голова именовался по обычаю той губернии, в которой находилась волость, или того народа, который её населял. Примечательно также, что компетенции сельских и волостных должностных лиц в волостях казенных селений во многом схожи с таковыми же должностных лиц в колониях и колониальных округах.

Следующими шагами в организации внутреннего управления были «Инструкция внутреннего распорядка и управления в саратовских колониях»⁸ от 17 сентября 1800 г. и «Инструкция для внутреннего распорядка и управления новороссийских иностранных колоний»⁹ от 16 мая 1801 г. В соответствии с этими инструкциями и дополнениями к ним каждая колония составляла мирское общество (мирской сход), близлежащие колонии составляли округ. Управление округом осуществлялось окружным приказом, состоящим из приказного головы (обер-шульц) и 2 бейзицеров. Сельский приказ состоял из шульца и двух бейзицеров. Обер-шульцы, шульцы и бей-

зицеры избирались колонистами из своей среды. Компетенции окружных и сельских приказов были такие же, как в казенных селениях.

Новороссийская контора опекунства иностранных поселенцев (г. Екатеринослав) была образована в 1800 г. по типу Саратовской и должна была управлять всеми колониями Новороссийского края.

Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России, образованный в 1818 г., подчинялся до 1837 г. непосредственно МВД, а с 1837 г. - Министерству государственных имуществ (МГИ). Региональными органами Комитета до 1834 г. были конторы иностранных поселенцев, которые управляли колониями посредством смотрителей, окружных и сельских приказов. Окружные приказы возглавляли выбранные из среды колонистов окружной голова (обер-шульц) с двумя бейзицерами, сельские приказы - шульц с двумя бейзицерами.¹⁰ В 1834 г. Екатеринославская, Бессарабская и Одесская конторы были упразднены.

После образования МГИ (1837 г.) колонии иностранных поселенцев подчинялись этому министерству. В Поволжье Саратовская контора опекунства иностранных подчинялась начальнику губернии (гражданскому губернатору) на правах палаты государственных имуществ (1841 г.) и руководствовалась установленным для них порядком.¹¹ Она управляла колониями через смотрителей, окружные и сельские приказы. Компетенции окружных и сельских приказов были такие же, как в казенных селениях.

Необходимо отметить, что под управлением МГИ находились более 8 млн. душ мужского пола незакрепощенных крестьян и малороссийских казаков. К 1841 г. на местах была создана четырехступенчатая система управления: губерния - округ - волость - сельское общество. Сельский сход избирал из своей среды сельского старшину и других должностных лиц. Волостной сход избирал из своей среды волостное правление в составе волостного головы и двух заседателей. Судопроизводство по определенным вопросам входило в компетенцию сельских и волостных судов соответственно «Сельскому полицейскому уставу» и «Сельскому судебному уставу» от 23 марта 1839 г.

Со времени вступления в силу инструкций для внутреннего распорядка и управления как саратовскими, так и новороссийскими колониями, колонисты были ограничены в праве совершения сделок (ст. 180), натуральные земские повинности¹² исполняли наравне с прочими обывателями, жившими вокруг них, содержали патеров и пасторов, шульмейстеров, окружные и сельские приказы согласно установленному государством закону.¹³

О самоуправлении может идти речь лишь на уровне окружного и сельского правления в том смысле, что должностные лица (обер-шульц, шульц

и бейзицеры) выбирались колонистами из своей среды для исполнения заданий, предписанных вышестоящими инстанциями государственной власти и колониального управления. В этом неоспоримы параллели между колонистами и государственными крестьянами и казаками, имевшими волостное правление.

У колонистов не было ни законодательной инициативы, ни представительства при Дворе или Сенате. При необходимости жалобы могли подаваться через Контору или чиновников по особым поручениям на имя министра или даже императора.

Освобождение крестьян от крепостного права в 1861 г. не уравнило их в экономических вопросах с государственными крестьянами, казаками, колонистами и меннонитами. Однако, Общее положение о крестьянах от 19 февраля 1861 г. стало поворотным пунктом в управлении на местном уровне. Были образованы сельские общества и волости с должностными лицами, избранными из своей среды. Сельские старосты и волостные старшины были наделены правами наравне с таковыми же государственных крестьян и колонистов¹⁴.

II. ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1871-1914)

Земское управление на уровне губернии и уезда в соответствии с Положением о земских учреждениях от 1 января 1864 г. имело целью «по возможности полное и последовательное развитие начала местного самоуправления». Гласные в уездное земское собрание избирались на съезде уездных землевладельцев, на съезде городских избирателей и на съезде выборных от сельских обществ.

Сельские общества и волости устраивались на основании статей 40-45 Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г.¹⁵ На местном уровне волостное и сельское правление в колониях избиралось из числа жителей этих колоний на основании статей 46-129 Общего положения. Иными словами, после проведения аграрной реформы 1861 г. сельское и волостное управление было введено для всех разрядов крестьян, для колонистов и меннонитов на одинаковых условиях. В губернское и уездное земское собрание они выбирали своих гласных на съезде выборных от сельских общин.

Следующее преобразование было проведено в соответствии с высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 18 января 1866 г. «О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уезд-

ных, а также местных по крестьянским делам учреждений»¹⁶. Основой служило Общее положение о крестьянах от 19 февраля 1861 г. Подготовленный МГИ указ императора «О передаче колоний иностранных поселенцев в ведение общих по крестьянским делам учреждений» от 17 декабря 1866 г.¹⁷ был логическим продолжением предыдущих реформ правительства и не нес в себе особой новизны, поскольку оставлял в силе правила о внутреннем управлении колоний согласно Уставу о колонистах. В вопросах управления, как мы видели, существенных изменений не произошло.

При упразднении колониального управления (1871 г.) и подчинении колоний по хозяйственным вопросам и земским повинностям общему земскому управлению в среде колонистов опасались, что в рамках нового управления интересы колонистов останутся без внимания. Такие факты имели место прежде всего в Причерноморье при включении хуторов и населенных пунктов с числом населения, не дававшим возможности образования собственной волости. Там возникали разногласия при выборах волостных должностных лиц во вновь образуемых смешанных волостях. Иначе дело обстояло в местах компактного проживания колонистов, получивших статус «поселянин-собственник».

К такому выводу пришел в своем исследовании, посвященном поволжским немцам в пореформенный период, американский исследователь Джеймс В. Лонг. В местах компактного проживания колонисты вполне могли не только избирать должностных лиц из своей среды, но и быть избранными на должности на уровне уезда голосами выборных других национальностей. Так, староста (шульц) колонии Таловка Петер Лук с 1866 по 1891 г. восемь раз избирался на руководящие должности Камышинского уездного земства.¹⁸

К таким же результатам приходишь, изучая документы волостных правлений мест компактного проживания колонистов в Одесском уезде и меннонитов на территории современной Запорожской области.

Волостное и уездное правления имели больше компетенций, чем шульцы и обер-шульцы. Тем не менее, за эти 30 с небольшим лет возникли и работали различные заведения, заботившиеся об интересах отдельных групп населения.

Назовем лишь некоторые из них: Меннонитский школьный совет (1869)¹⁹, Комиссии сельского хозяйства, меннонитские лесничьи команды, приюты для глухонемых и душевнобольных, страховые кассы, учебные заведения, спортивные общества и т.д. Для всех них характерно, что возникли они по частной инициативе и работали на основании законов или распоряжений правительственных органов. Финансирование, по большей час-

ти, осуществлялось за счет основателей заведения при поддержке частных лиц, сельских обществ или государства. Эти общественные заведения удовлетворяли запросы населения и дополняли деятельность волостных и уездных служб. Общей характерной чертой их возникновения и деятельности можно видеть самоуправление в дозволенных государством рамках, в то время как управление на уровнях сельской общины, волости и уезда осуществлялось на основании изданных для этого законов.

III. ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД (1917-1921)

1917 г. был поворотным для России и населяющих ее народов. После свержения самодержавия во всех частях империи проявился небывалый подъем политической активности населения. Основой были декреты Временного правительства о равенстве всех народов, о политических свободах, о праве на самоопределение и т. д.

На этом фоне автономистское движение немцев России было логичным и принципиально не отличалось на стадии становления от аналогичных движений других национальных групп. В отличие от финнов, поляков в Царстве Польском, украинцев, грузин, армян и азербайджанцев, немцы не ставили целью выделение территории из состава России и образование суверенного государства.

Р.Г. Симоненко в своей статье о национально-культурной автономии на Украине в 1917-18 гг. пишет: «Уровень исторического самосознания немецких колонистов, сосредоточенных в основном на Юге Украины, был значительно ниже, чем у поляков, несколько столетий тому назад устремившихся на Юго-Восток и считавших украинские земли своими»²⁰. Далее он рассматривает участие русских, поляков и евреев в создании органов власти на уровне Украинской Народной Республики. Однако Симоненко не рассматривал в своей статье политическое движение в немецких колониях и поэтому, вероятно, пришел к выводу об имевшей, по его мнению, место политической пассивности.

Обзор немецкого автономистского движения в 1917-1918 гг. опубликован в энциклопедии «Немцы России»²¹, поэтому ограничимся здесь вопросами создания структур, разработкой программ управления и их реализацией. При этом необходимо учесть, что в Одессе и Одесском регионе власть с марта 1917 по февраль 1920 г. не менее семи раз переходила из рук в руки:

1. Временное правительство и переходное время (12.03.1917-27.01.1918).

2. Период советской власти (27.01.-13.03.1918).
3. Период австро-немецкой оккупации (13.03.-18.12.1918).
4. Период французской интервенции (18.12.1918-04.04.1919).
5. Период советской власти (04.04.1919-23.08.1919).
6. Период добровольческой власти (23.08.1919-08.02.1920).
7. Советская власть (08.02.1920)²².

Первое собрание представителей немецкого населения Одессы состоялось 18 марта 1917 г. На этом собрании был создан Временный организационный комитет (ВОК), задачей которого были подготовка и созыв Всероссийского конгресса представителей немецкого населения. В ВОК были созданы секции: организационная, политическая, аграрная и народного образования.

На втором собрании немцев Одессы, состоявшемся 28 марта 1917 г., было принято решение о создании «Всероссийского союза русских немцев», состоящего из 17 региональных комитетов, объединяющих все немецкое население России. На этом же собрании было решено издавать печатный орган ВОК. Им стала газета «Еженедельник», на смену которой пришли газеты с другими названиями.

Первый Всероссийский конгресс немцев России состоялся 14-16 мая в Одессе. В нем приняли участие более 2000 чел. Помимо вопросов общеполитического характера (форма государства, аграрный вопрос, политические и гражданские права) и формы организации немецкого населения, был принят ряд резолюций, касавшихся народного образования. Начальное образование признавалось всеобщим. Для этого необходимо было создать немецкую национальную школу, подконтрольную местным отделениям Союза²³.

1-3 августа 1917 г. в Одессе состоялся 2-й конгресс Союза немцев-колониистов Причерноморья, в работе которого, в отличие от майского конгресса, принимали участие делегаты местных отделений и региональных организаций «Союза русских граждан немецкой национальности» и делегаты меннонитских организаций.

В Основных положениях, принятых делегатами конгресса, много внимания уделено вопросам гражданских и политических прав, восстановления правопорядка (Судебные уставы 20 ноября 1864 г.) и местного самоуправления²⁴. Все вопросы культурной и хозяйственно-экономической жизни, включая поддержание общественного порядка, относились к компетенции местных органов самоуправления. Их распоряжения не должны были представлять опасности для государства в целом.

Много внимания уделено вопросам преподавания в школах, программе обучения, подготовке учителей и повышению их профессиональных знаний.

Надо учесть, что к этому времени уже вступили в силу «Временное Положение о волостном земстве», а затем Закон о волостном земстве. Согласно Временному положению ведению волостного земства подлежали «дела местного, общественного и хозяйственного управления в областях дорожной, пожарной, народного здоровья, народного образования, общественно-го призрения, ветеринарной, юридической»²⁵. Поскольку волости сохранялись в их прежнем составе и компетенции принципиально не отличались от таковых существовавших волостных правлений, закон этот существенных изменений в жизнь колоний не внес.

3 сентября 1917 г. в Одессе проходило совещание полномочных представителей немецких волостных комитетов Одесского округа. Это совещание поддержало решения августовского конгресса и приняло решение об участии в предстоящих земских выборах с единым списком кандидатов, получившим название «Список русских немцев» (позже - Список русских граждан немецкой национальности).

Из вышеизложенного видно, что волостные комитеты и «Союз русских граждан немецкой национальности» не были конкурентами. Союз ставил себе задачи общего руководства и представительства интересов населения в политической борьбе, в то время как органы местного самоуправления (сельское правление, волостное правление) имели функцию исполнительной власти.

Интересно, что и меннониты в течение 1917 г. за короткий срок смогли создать свою, объединяющую все меннонитские общины России организацию, которая занималась исключительно светскими, политическими вопросами²⁶.

Следующим рубежом развития был распад Российской империи и выделение из ее состава новых государств, объявивших свой суверенитет. К числу этих новых государств относились Украина, Грузия и Азербайджан. В дальнейшем обратим внимание на немецкое население, проживавшее на территории этих государств.

Украинская Центральная Рада одобрила 9 января 1918 г. «Закон о национально-персональной автономии»²⁷. Согласно этому закону каждая из населяющих Украину национальных групп имела право на национально-персональную автономию в пределах Украинской Народной Республики. Для этого предусматривалось создание соответствующего Национального Союза, власть которого распространялась на всех его членов, независимо от их места проживания в УНР.

Русским, евреям и полякам право на национально-персональную автономию предоставлялось законом. Белорусы, чехи, молдаване, немцы, татары, греки и болгары имели право на автономию в случае подачи соответ-

вующего заявления в Генеральный суд, подписанного не менее чем 10 тыс. гражданами соответствующей национальности.

Национальный Союз наделялся правом законодательства и управления в делах, касающихся нужд и интересов данной нации (ст. 4). Круг дел, подлежащих ведению Национального Союза и отдельных его органов, равно, как и устройство последних, определялись постановлением Учредительного Собрания данной нации, которое определяло, вместе с тем, и порядок изменения своих постановлений. Постановления Национального Союза подлежали рассмотрению и утверждению Учредительным Собранием У.Н.Р. или ее парламентом (ст. 7).

Органы Национального Союза суть органы государственные и действуют на общих основаниях (ст. 9). Национальный Союз устанавливает свой ежегодный бюджет и имеет право налогового обложения своих членов на началах, устанавливаемых для общегосударственного податного обложения, заключения под свою ответственность займов и принятия иных финансовых мер для обеспечения деятельности Национального Союза (ст. 6).

Из средств УНР и органов местного самоуправления отчисляется в распоряжение Национального Союза такая часть, каковая сообразно с численным составом данной нации должна быть затрачена на дела, входящие в круг ведения Союза (ст. 5).

Центральная Рада, однако, 8 июля отменила закон о национально-персональной автономии, и летом 1918 г. он не смог стать основой для создания самоуправления.

Заключение Брест-Литовского мирного договора и присутствие австро-венгерских и германских оккупационных войск вызвало у части активных представителей немецкого населения Украины надежду на покровительство со стороны Германии²⁸. После ноябрьской революции 1918 г. в Берлине и Вене последовал вывод оккупационных войск из Украины. Немецкое население вынуждено было найти свое место в украинском государстве в рамках украинского законодательства. В первую очередь встал вопрос местного самоуправления.

В ноябре 1918 г. Союз немцев-колонистов Причерноморья разработал проект организации автономного управления немецких колоний Украины,²⁹ состоящий из 459 статей³⁰. В числе 24 разделов есть такие: управление, исполнительная власть, полиция, вооруженные силы, правосудие, здравоохранение, образование, налоги и сборы.

Управление на всех уровнях предполагалось подразделить на 5 отделений: а) внутреннее управление, б) внешнее управление, в) культура и

благотворительность, г) экономика, торговля и промышленность, д) финансы и учет.

Вооруженные силы предусматривалось организовать по принципу милиции под руководством генерала (ст. 333).

Страхование, учебные заведения, пожарная охрана, нотариат, полиция, национальный банк расписаны в этом проекте довольно подробно.

Что же Союз южно-русских немцев-колонистов смог из этого реализовать? Архивный фонд Союза пока еще не удалось найти. Поэтому в дальнейшем приходится опираться на публикации в периодической печати и разрозненные документы, найденные в различных фондах.

Экономический отдел Центрального Комитета Союза немцев-колонистов Черноморского края в декабре 1918 г. разослал утвержденные ЦК разъяснения о правилах работы Торгового бюро³¹.

О подготовке к открытию Торговой конторы Одесский ЦК сообщил местным комитетам Союза уже в августе 1918 г.³², хотя в «пробном балансе», датированном 31 июля 1918 г., показаны операции и дебет в сумме более 1,79 млн. руб. Правила Торгового бюро при ЦК утверждены уже 13 мая 1918 г.

В марте 1919 г. был опубликован отчет о деятельности Торгового бюро за прошедший год. Чистая прибыль составила 191 822 руб.³³ 4 апреля 1919 г. Торговое бюро Союза заключило договор с Одесским комиссариатом продовольствия, на основании которого оно имело право закупать продовольственные продукты. Эти продукты реквизиции не подлежали³⁴.

Сохранились финансовые отчеты, из которых видно, что весной 1919 г. бюро действительно работало.

Военная секция. В начале апреля 1918 г. командование австрийского отряда оккупационных войск вернуло Гросс-Либентальской волостной управе винтовки, изъятые ранее у населения. При передаче винтовок присутствовал начальник местной самообороны³⁵.

20 августа 1918 г. австрийское командование разослало в волостные управы Одесского округа информационное сообщение о защите немецких колоний. В нем рекомендовалось использовать все предоставленные возможности для организации самообороны³⁶.

Необходимо учесть, что население многих населенных пунктов в силу сложившихся обстоятельств вынуждено было с оружием в руках защищаться от грабежа различных банд и мародерствующих воинских частей. Так, в августе 1917 г. в Одессе была создана «Еврейская боевая дружина», просуществовавшая с перерывами более двух лет. Она насчитывала в своих ря-

дах от 400 до 600 постоянных бойцов (кроме резерва) и была хорошо вооружена. Одесская «Еврейская боевая дружина» высылала летучие отряды в другие города региона для оказания поддержки еврейским общинам³⁷.

В ноябре 1918 г. был разработан проект организации автономного управления немецких колоний Украины. Уже 18 ноября правила организации самообороны в немецких колониях были поданы на утверждение представителя украинского правительства при командующем австро-венгерским корпусом. Эти правила вступили в силу 19 ноября³⁸ и были разосланы сельским и волостным правлениям. 30 ноября Правила организации самообороны в немецких колониях были опубликованы в газете "Odessaer Rundschau"³⁹.

По правилам все мужчины были обязаны к несению караульной службы. Отряды отдельных колоний имели своих выборных командиров и объединялись в сводные отряды района (волости) также с выбранным из своей среды командиром⁴⁰.

С 4 апреля 1919 г. в Одессе власть была в руках Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Сельские общества всеми силами пытались оградить себя от набегов банд и грабежа имущества. Так, 23 мая 1919 г. военные комиссары сел Граденицы, Кандель, Зельц, Баден и Страсбург постановили: «Всеми имеющимися средствами обеспечить спокойствие жителей нашего района от нашествия банд и просить Уездный съезд Советов исходатайствовать от подлежащих властей необходимое количество оружия и патронов»⁴¹. Какова была реакция властей на это ходатайство неизвестно, но когда «Группа спартакистов», состоявшая из германских и австрийских военнопленных, числившаяся немецкой группой украинской компартии, в конце июля 1919 г. по поручению Одесского совета пыталась провести в к. Гросс-Либенталь мобилизацию для Красной Армии, вспыхнули беспорядки, переросшие в крестьянское восстание. Оно охватило несколько волостей Одесского и Тираспольского уездов с немецким и русским населением. Тыл Красной Армии был ослаблен, и частям под командованием И.Э. Якира пришлось покинуть Одессу. В город вступили части Добровольческой Армии⁴².

Центральный комитет немцев-колонистов Черноморского края немедленно установил контакт с командованием Доброармии и заручился его поддержкой относительно отрядов самообороны. ЦК немцев-колонистов на своем заседании 15/28 августа 1919 г. создал Центральный совет самообороны, подчиненный Ц.К. немцев-колонистов⁴³. Отряды самообороны возглавил генерал-майор Густав-Адольф Яковлевич Шелль,⁴⁴ которого ко-

оптировали в ЦК⁴⁵. На заседании ЦК 19 августа был принят измененный генералом Шеллем Устав самообороны с дополнениями⁴⁶.

27 сентября 1919 г. Центральный совет самообороны предписал коменданту Мангеймского района мобилизовать военнообязанных 36 и 37 лет для несения тыловой службы. 1500 самых видных, благонадежных и здоровых из них могли быть назначены в Государственную стражу в Одессе⁴⁷. Это распоряжение с исходящим № 427 было подписано председателем Совета генерал-майором Шеллем.

В сентябре же 1919 г. ЦК Союза напомнил Кандельскому сельскому правлению о необходимости уплаты задолженности на содержание самообороны. Налог был в размере 5 руб. с десятины обрабатываемой земли⁴⁸.

Приказом Центрального совета самообороны № 50 от 19 декабря 1919 г. Начальником Одесского отряда самообороны был назначен полковник Г.В. Жданов. Само создание отряда самообороны было санкционировано приказами Командующего войсками Новороссийской области от 14 и 18 декабря 1919 г.⁴⁹

27 декабря 1919 г., по приглашению Ц. К. Союза немцев-колонистов Причерноморья, состоялось совещание представителей ряда немецких и русских волостей Одесского, Тираспольского и Ананьевского уездов Херсонской губернии, на котором было решено создать Народное ополчение Херсонской губернии под руководством Комитета, состоящего из представителей крестьян, колонистов, рабочих и горожан, для совместной защиты от нападений вооруженных банд⁵⁰. По мнению руководителя отрядов самообороны генерал-майора Шелля это народное ополчение, в которое готовы были войти русские села, немецкие и болгарские колонии и городская дума Одессы, могло бы обеспечить порядок на полосе, оказавшейся между частями Доброармии и Красной Армии. Он не верил, что Красная Армия может дойти до Одессы⁵¹.

Одесский отряд самообороны в начале января 1920 г. сконцентрировался в колонии Ландау, носившей в это время название Свято-Покровское. Отдельные роты были размещены в колониях Шпейер и Розенфельд. 12 января 1920 г.⁵² отряд получил от английской военной миссии 500 шинелей и другое обмундирование,⁵³ из чего можно сделать вывод о наличии в отряде не менее 500 человек. Совет обороны Союза немцев-колонистов Черноморского края предоставил отряду 4 пулемета «Кольт», 100 винтовок, 20000 патронов и незначительное количество повозок, полевых кухонь и др.⁵⁴ Вскоре после этого отряд принял участие в боевых операциях, понес потери и 23 января 1920 г. прибыл в Одессу. Приказом генерала Шелля отряд был переименован в «Сводный отряд самообороны» получил во время своего кратко-

го пребывания в Одессе пополнение офицерского и рядового состава⁵⁵ и 25 января начал отступление в направлении Румынии. Поскольку Румыния не разрешила частям Добровольческой армии перейти границу, Сводный отряд самообороны в составе группы генерала Бредова⁵⁶ прошел через Парканы-Ямполь-Куча-Стрый на контролируемую Польшей территорию и был интернирован в Кракове. В августе 1920 г. полковник Жданов с несколькими офицерами, а затем и часть рядового состава, смогли переправиться в Крым и продолжили борьбу на фронтах гражданской войны.

Генерал Шелль ошибался: Красная Армия вошла в Одессу через три недели после его оптимистического прогноза. За день до этого генерал погиб.

Образование. Э.Г. Плесская пишет в своей книге «Одесские немцы» о просьбе церковного совета общины Св. Павла об открытии имевшегося до войны училища, поданной управляющему Одесским учебным округом в начале 1919 г.⁵⁷ Из сообщения в газете за 3 апреля 1919 г. известно, что к этому времени в Одессе работали открытые осенью 1918 г. гимназия для мальчиков и отдельная гимназия для девочек⁵⁸.

В период французской интервенции земские заведения продолжили свою работу. В феврале 1919 г. было получено разрешение открыть с начала 1919/20 учебного года смешанное учебное заведение по курсу мужских гимназий. В номере „Odessaer Rundschau“ от 2 февраля 1919 г. сообщалось, что на внеочередном заседании Одесского уездного земского собрания было решено создать «совершенно автономную секцию для управления всеми немецкими школами уезда». В эту секцию были избраны гласные земского собрания Рейхерт, Таубергер и Лауер⁵⁹, игравшие видную роль в автономистском движении.

После вступления в Одессу частей Доброармии и восстановления деятельности уездного земства Школьный отдел ЦК Союза немцев-колонистов Черноморского Края вел переговоры со школьной секцией Одесского уездного земства о возобновлении своей работы и созыве своих членов для совещания перед началом учебного года⁶⁰.

В сентябре 1919 г. ЦК, однако, вновь ходатайствовал перед попечителем Одесского учебного округа об открытии мужской 8-классной гимназии с реальным и коммерческим отделениями, женской 8-классной гимназии по программе мужской гимназии и подготовительной школы с тремя классами. Помещения реального училища Св. Павла для этой цели были пригодны. Ходатайство было успешным, и на 26 сентября было назначено начало занятий в немецкой гимназии Союза немецких колонистов Причерноморья для мальчиков и девочек⁶¹.

После вступления частей Красной Армии в Одессу в начале 1920 г. в этом здании размещалась немецкая школа № 38.

Грузия и Азербайджан. В ряде немецких колоний Закавказья местные комитеты русских граждан немецкой национальности были созданы в первой половине мая 1917 г. 14 мая в Тифлисе состоялось заседание краевого съезда делегатов этих комитетов. Съезд выбрал краевой комитет, определил сумму на его содержание, которая должна была состоять из поступлений пропорционально величине и благосостоянию колоний (налог). Кроме того, съезд определил основные вопросы, которые надлежало обсудить на предстоящем Всероссийском съезде делегатов российских граждан немецкой национальности: а) помощь выселенцам из Волыни и Польши; б) учреждение учебных заведений; в) отношение Союза к различным политическим партиям и выборы в Учредительное собрание; г) уравнивание в гражданских правах со всеми национальностями, населяющими Россию⁶².

В соответствии с этими решениями в Еленено (Еленендорф) было создано училищное отделение Союза русских граждан немецкой национальности. По прошению правления этого отделения от 18 августа 1917 г. ему было разрешено с начала 1917/18 учебного года открыть полноправное смешанное реальное училище⁶³. Расходы на содержание училища возлагались на Союз. Правовой основой работы были «Временное положение об управлении мужскими и женскими учебными заведениями», циркуляр Министерства народного просвещения от 10 октября 1917 г. № 11808⁶⁴ и штатное расписание от 10 мая 1912 г. и от 1 июля 1914 г.⁶⁵

Занятия начались 1 октября 1917 г. Программа преподавания в училище отличалась от программ, утвержденных для русских школ тем, что в 1-м, 2-м и 3-ем классах предусматривалось больше уроков немецкого языка. Кроме того, все без исключения ученики обучались Закону Божьему, хотя согласно распоряжению председателя Комиссариата по управлению Закавказским учебным округом от 16 ноября 1917 г. это считалось необязательными.

13 апреля 1918 г. был принят Устав Еленендорфского училищного отделения Союза русских граждан немецкой национальности (юридическое лицо)⁶⁶.

На следующем съезде, состоявшемся 21-23 октября 1917 г. в Еленендорфе, обсуждались вопросы создания вооруженной охраны, отношения к политическим партиям, помощи выселенным из Волыни и Польши, создания кредитного общества и возобновления издания газеты на немецком языке (Kaukasische Post).

2-3 февраля 1918 г. в центре внимания съезда стояли вопросы создания немецкого полка и издания газеты на немецком языке. Было решено создать из призывников 19-25 лет немецкий полк в составе Грузинского корпуса. Предусматривалась их мобилизация на 6 месяцев, из которых основная часть времени отводилась для охраны самих колоний. Обмундирование, вооружение и денежное довольствие должны были обеспечиваться Грузинским корпусом. Мужчины 25-50 лет также зачислялись в полк и назначались для караульной службы⁶⁷.

Заседание Национального немецкого совета в Закавказье 15 февраля 1918 г. было целиком посвящено немецкому полку. На этом заседании был определен состав Военной секции при Национальном немецком совете, а штаб полка определен как исполнительный орган Национального Совета. Создание полкового, батальонных и ротных комитетов было категорически воспрещено⁶⁸.

14 марта 1918 г. Национальный немецкий совет принял решение о статусе немецкого языка как официального в полку и смене командира полка из-за недостаточного его знания⁶⁹.

Этим, однако, порядок наведен не был. Особенно в адрес запасной роты, расположенной в Александерсдорфе, поступали жалобы: солдаты пили слишком много вина, дебоширили, имели место столкновения с местными жителями с нанесением телесных повреждений.

После этого состоялись съезды делегатов в мае и ноябре 1918 г., в январе, апреле, августе и декабре 1919 г., июле и декабре 1920 г., в апреле 1921 г. и подготовлен съезд на апрель 1922 г. Состоялся ли он - неизвестно⁷⁰.

Особого внимания заслуживает вопрос взаимодействия Союза с властными структурами. Представитель колонистов 26 декабря 1917 г. был включен во вновь созданный Елизаветпольский губернский комитет общественной безопасности и 9 января 1918 г. в Елизаветпольскую губернскую комиссию для оценки убытков, причиненных анархией⁷¹.

На политическом уровне интересны следующие решения: Съезд российских граждан немецкой национальности 8 октября 1917 г. решил присоединиться к грузинским меньшевикам. Представитель Союза Штейнингер был включен в список партии на 8 месте (из 20). Кроме того, было решено создать «Фронтной список социал-демократов-меньшевиков воинов немецкой национальности». В дальнейшем представители Союза из Тифлиса Эрих Бернштейн и Пауль Бюль были избраны по списку меньшевиков в Учредительное собрание Грузии⁷².

В апреле 1918 г. на страницах «Кавказской почты» впервые был поднят вопрос о «культурной автономии» в смысле книги Пауля Реннера об авст-

рийском национальном вопросе. В мае 1918 г. съезд делегатов Союза принял решение о разработке программы. В дальнейшем этот вопрос обсуждают съезды в апреле, августе и декабре 1919 г. 8 мая 1920 г. ЦК Союза совместно с немецким национальным советом Грузии определил основные требования культурной автономии: обязательное преподавание Закона Божьего, неприкосновенность земельной собственности, привилегии колониального кодекса и самообложение налогом для культурных целей⁷³.

Помимо немецкого национального совета существовали Национальный совет немцев в Грузии и с начала 1919 г. - Национальный совет немцев Азербайджана.

Азербайджанский Национальный Совет на своем заседании 24 ноября 1918 г. постановил пополнить свой состав представителями народностей, проживающих в Азербайджане, и образовать таким образом парламент. На основании этого решения немецкому национальному совету было предложено делегировать одного депутата⁷⁴. Ганджинский губернатор, в свою очередь, 26 ноября предписал выбрать депутата от немецкого населения Азербайджана, которому надлежало быть 3 декабря в г. Баку к открытию Азербайджанского парламента.

На заседании немецкого национального совета, состоявшегося в тот же день в колонии Еленендорф, депутатом единогласно был избран Лоренц Яковлевич Кун⁷⁵.

Таким образом, представители немецкого населения были представлены в парламентах Грузии и Азербайджана, принимали участие в работе органов государственного управления на губернском уровне и создали систему самоуправления для колоний и городских общин Тифлиса и Баку.

IV. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

По мере установления советской власти в этих регионах распространялись решения и постановления центральных органов власти, в т.ч. РКП(б). В то время как существование Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии как особых советских республик было временно признано, VIII съезд РКП(б) постановил построение коммунистической партии как единой централизованной, с одним ЦК, которому национальные ЦК подчинены на правах областных комитетов⁷⁶. Согласно принятому в декабре 1919 г. 8-й Всероссийской конференцией РКП(б) уставу РКП(б) для особых форм партийной работы выделялись специальные отделы (национальные, работа среди женщин, среди молодежи и т.д.)⁷⁷.

Немецкие секции РКП(б) состояли при их создании из германских и говорящих на немецком языке военнопленных. При установлении советской власти на Юге Украины в феврале 1920 г. немсекции возобновили там свою работу. Одним из вопросов, которым было уделено много внимания, был вопрос автономии для немецких колоний. В газете Одесского губревкома на немецком языке в ультимативной форме отвергалась такая возможность, как в экономическом развитии, так и в административном делении⁷⁸. Тем не менее, была допущена деятельность таких организаций как «Союз потомков голландских выходцев», «Культурферейн», «Колонист», «Союз южнорусских колонистов и граждан германской расы». Рассмотрим несколько подробнее деятельность первых двух союзов.

После окончания гражданской войны и установления советской власти на юге Украины политика по отношению к сельскому населению, в т. ч. и к колонистам и меннонитам, была полна противоречий. В Одесском уезде проводились «походы на кулака», являвшиеся по сути реквизицией сельхозпродуктов. Уездные немсекции сообщали об этом Одесскому губкому⁷⁹.

По отношению к меннонитам правительство Украины осенью 1920 г. заняло несколько иную позицию. В ноябре Наркомзем рекомендовал губземам оставить за меннонитами все ранее закрепленные за ними площади при условии их объединения в коллективные хозяйства, которые могли бы под руководством комнезаможей (комбедов) совместно выполнять производственные задания и стать надежными поставщиками сельхозпродукции⁸⁰. Продразверстка, однако, продолжалась. По сути своей она была реквизицией. От этой политики Украина отказалась весной 1921 г. (переход к НЭПу).

Для преодоления последствий гражданской войны и голода, охватившего в 1921 г. практически все меннонитские колонии Украины, меннониты начали вновь действовать совместно, обращаясь за помощью, прежде всего, к своим единоверцам в Европе и Северной Америке.

Внутри страны своеобразной нормативной базой стали новый Кооперативный закон, принятый в апреле 1921 г., и директива ЦК КП(б)У от 23 июня 1921 г. Кооперативный закон разрешал создание добровольных кооперативных объединений как по производственному, так и по территориальному признаку. В директиве подчеркивалось, что если деятельность религиозной группы «не носит враждебного по отношению к советской власти характера, следует всячески воздерживаться от какого бы то ни было стеснения ее хозяйственной деятельности в рамках существующих законоположений»⁸¹.

В организационном отношении начало послереволюционного периода деятельности меннонитов можно датировать 19 февраля 1921 г., когда на конференции в к. Александерволь был создан «Союз обществ и групп меннонитов юга России». Поскольку конфессиональное объединение не имело практически никаких возможностей для легальной работы, устав и название были изменены. «Союз потомков голландских выходцев» был организован на основании постановления ВУЦИКа от 15 ноября 1921 г. в форме кооперативной организации⁸².

Своими целями Союз ставил:

- 1) сельскохозяйственную и промышленную кооперацию;
- 2) благотворительную деятельность (призрение душевнобольных, глухонемых, беспризорных и т.д. в имеющихся у Союза учреждениях);
- 3) содействие образованию, особенно сельскохозяйственному, с разрешения Наркомпроса и Наркомзема;
- 4) взаимное страхование от огня.

Все виды возможной деятельности подробно расписаны в Уставе Союза⁸³.

Деятельность Союза была, несомненно, успешной. Уже осенью 1923 г. из-за границы были получены первые 25 тракторов, весной последовали еще 25. Однако СНК Украины не понравилось название. На своем заседании он постановил изменить название на «Сельскохозяйственный союз потомков голландских выходцев на Украине»⁸⁴.

Насколько эффективной была работа Союза видно из докладной записки по результатам обследования деятельности Союза в местах компактного проживания лиц немецкой национальности в Екатеринославской губернии от 16 декабря 1924 г., направленной в коммунистическую фракцию губернского партийного комитета. «С формально-правовой стороны Союз... развивает свою деятельность на основании устава, утвержденного УЗС [Управление землеустройством], в основу которого лег статут сельскохозяйственного кооперативного союза. По существу же фракции названного Союза не ограничиваются только хозяйственной деятельностью в узконациональных рамках за счет государственной кооперации, что, между прочим, в данных условиях также недопустимо. Но и наблюдается еще у них сильное течение к охвату культурно-просветительной работы и политического руководства всей жизнедеятельностью немцев-колонистов, что заставляет нас обратить особое внимание на эту, идеологически чуждую нашей общественности, организацию». Далее: «Все это, как и стремление с их стороны к постоянному расширению союзных фракций, правозащиты населения немколоний, часто путем нажима «сверху», не соблюдая установленной административ-

ной линии, создает идейную тягу к ним, подрывает нам авторитет в глазах местного населения и в последнем счете задерживает окончательную советизацию немколоний и дальнейшее развитие государственного кооперирования немецкого населения. Все это усугубляется еще тем, что Екатеринославская губерния является до сих пор фактическим культурным центром немецких колонистов Южной Украины, и это, чуждое нам идеологическое влияние кулацко-националистического Союза, так называемых потомков голландских выходцев-меннонитов (ничего общего с Голландией не имеющих), уже перекинулось в ряд южных губерний, а именно: Одесскую, Донецкую, Херсонскую, Ростовскую и др.»⁸⁵

После этого «сигнала» началось негласное обследование экономической и политической деятельности Союза, закончившееся его ликвидацией в 1927 г.

Культурно-просветительское общество «Кulturферейн». Культурно-просветительское общество немцев-колонистов "Kulturverein" (Кulturферейн) было учреждено на собрании учредителей 6 июля 1923 г. и претендовало на роль правопреемника «Союза немцев-колонистов Причерноморья»⁸⁶. Целью общества было содействовать культурному развитию своих членов а) путем организации необходимых культурно-просветительских учреждений; б) содействия существующим учреждениям; в) путем изыскания денежных средств для этих целей; г) путем издания и приобретения учебников, книг, газет и журналов; д) путем организации юридической, медицинской и агрономической помощи своим членам⁸⁷

Немецкая секция при Одесском губпарткоме письмом от 4 июня 1923 г. высказалась за регистрацию устава, мотивируя это тем, что «нам предстоит много работы, которая может быть проведена через культобщество»⁸⁸.

О самостоятельной работе, не говоря уже об автономии, не могло быть и речи. 11 июля члены правления общества должны были дать подписку Отделу управления Одесского губисполкома, в которой обязались не только «проводить деятельность ... исключительно в пределах утверждаемого устава и методами, не противоречащими конституции УССР и ее законам», но и «беспрепятственно допускать уполномоченных Отдела управления или НКВД присутствовать на заседаниях и к ознакомлению с делами общества, а также с денежными и хозяйственными его операциями, и давать необходимые справки и разъяснения»⁸⁹.

Решение о ликвидации общества было принято на заседании правления общества 10 ноября 1925 г. Этому решению предшествовало давление со стороны немсекции и ГПУ⁹⁰. Акт о состоявшейся ликвидации был составлен 28 марта 1926 г.

Во многом похожей была судьба созданного в 1921 г. в г. Таганроге «Союза южнорусских колонистов и граждан германской расы». Союз успешно работал по приобретению сельскохозяйственной техники за границей и ее доставке на Северный Кавказ⁹¹. После организации немецких секций подотделов национальных меньшинств при окружках ВКП(б) в июле 1923 г. на этот Союз было оказано давление, в результате которого собрание уполномоченных немецких колоний 5 июля 1923 г. приняло решение о его роспуске⁹².

РЕЗЮМЕ

На протяжении всего рассматриваемого периода, со времени поселения первых немецких колонистов в Поволжье до середины 1920-х гг., немцы и меннониты принимали участие в управлении на уровне сельского общества и колониального округа. Полномочия выборных должностных лиц были регламентированы инструкциями для внутреннего распорядка и управления в саратовских (1800 г.) и новороссийских колониях (1801 г.). Казенные крестьяне имели схожие права на основании указа «О разделении казенных селений на волости и о порядке их внутреннего управления» (1797 г.). Колонисты, таким образом, относительно самоуправления привилегий не имели. Выборные из их среды должностные лица исполняли регламентированные законом обязанности в управлении и судопроизводстве.

После создания Министерства государственных имуществ (1837 г.) Попечительский Комитет об иностранных поселенцах Южного края России и Саратовская контора опекунов иностранных были органами управления, способствовавшими экономическому развитию колоний и не в последнюю очередь обеспечивавшими возврат колонистами причитающихся казне сумм.

В пореформенный период (1871-1914 гг.) колонисты и меннониты, получившие статус поселян-собственников, участвовали в управлении на уровне окружного и сельского правления в соответствии с «Общим положением о крестьянах» от 19 февраля 1861 г., т.е. помимо государственных крестьян и казаков теми же правами пользовались бывшие крепостные крестьяне. Другой вопрос – насколько они смогли, в силу своего экономического развития и общего образования, этим воспользоваться? Их правовой статус в вопросах местного и волостного управления был идентичен с 1861 г., т.е. за десять лет до упразднения колониального управления.

В годы революций и гражданской войны немцы и меннониты Причерноморья и Кавказа восполнили вакуум, образовавшийся в результате распада государственной власти, и вынуждены были взять на себя решение задач государственного управления на местном и региональном уровнях. При этом они не только использовали накопленный ранее опыт решения экономических и социальных задач, но и проявили себя в создании политического представительства (политические организации, избирательные списки, депутаты в парламенте) и создании вооруженных формирований для поддержания общественного порядка. Инициатива исходила от населения, а правовой основой были отчасти имевшие до революции силу законы, отчасти правовая основа создавалась соответствующими органами непосредственно для решения тех или иных вопросов (выборы, национально-персональная автономия, самооборона и т. д.).

После установления советской власти речь шла по сути не о порядке, экономическом процветании, праве национальных групп на самоопределение или самоуправление. Речь шла о создании государства нового типа - диктатуры пролетариата; не о законности, а о социалистической законности (включавшей "красный террор", реквизиции, институт заложников, лишение права голоса по социальному признаку и т. д.). Общественные организации в этих условиях могли работать только до тех пор, пока это не мешало социальному и политическому перелому.

Приглашаю Вас к глубокому изучению истории России и ее народов в первой половине 1920-х гг., к анализу происходивших процессов на основе ставших доступными архивных материалов. Уверен, что после этого вряд ли кто-либо будет еще говорить о том, что советская национальная политика (создание национальных сельсоветов и районов, печать на национальных языках и т. п.) была призвана помочь народам России в своем развитии. Одними из главных в этих исследованиях должны быть вопросы: что хотели конкретные люди и группы людей; как они определяли свои интересы; как формировалось правовое поле их деятельности?

Примечания

¹ См.: Müller, A. 15 Jahre Oktoberrevolution im deutschen Dorfe. Charkow-Kiew 1932; Kampf um die Rätewacht in der Ukraine und im deutschen Dorfe. Charkow 1927; Reinmarus, A.; Langner, O. Guldendorf. (Ein deutsches Stürmer-Kollektiv zur 15. Oktoberfeier). Charkow-Kiew 1932.

² См.: Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х - 1930-е годы). М., 1995; Герман А. А. Немецкая автономия на Волге 1918-1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924. 1941. Саратов, 1994; Кулинич И. М., Кривець Н. В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. Київ 1995; Німці в Україні. 20-30-ті рр. XX ст. Київ, 1994; Осташева Н. В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914-1931 гг. М., 1998; Ченцов В. В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е -

1930-е годы. М., 1998.

³ См.: Плева И. П. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998. С. 230.

⁴ См.: Там же. С. 249.

⁵ См.: Там же. С. 252.

⁶ Там же. С. 279.

⁷ См.: Полный свод законов Российской империи. Изд. первое (далее - ПСЗ I). Т. 24. № 18082.

⁸ См.: ПСЗ. I. Т. 26. № 19562.

⁹ См.: Там же. № 19873.

¹⁰ См.: Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Т. 12. Часть II. Уставы о городском и сельском хозяйстве в казенных и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в империи. С.-Пб., 1857. С. 5-7.

¹¹ См.: Там же. С. 13.

¹² См.: Устройство и починка дорог, мостов, плотин и содержание перевозов; квартирная повинность; дача подвод; провод арестантов; содержание пожарного устройства в селениях; сохранение в селениях внутреннего устройства, чистоты и опрятности (ст. 201).

¹³ См.: Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Т. 12. Часть II. С. 40.

¹⁴ См.: ПСЗ II. Т. 26. № 36657, С. 147-160.

¹⁵ См.: Свод узаконений и распоряжений правительства по устройству поселян-собственников (бывший колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и в области Бессарабской / Сост. А. Разин. СПб., 1871. С. 8.

¹⁶ См.: ПСЗ. II. Т. XL. № 42899.

¹⁷ См.: ПСЗ. II. Т. XLI. № 44000.

¹⁸ См.: Long James W. The Volga Germans and the Zemstvos 1865-1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 30 (1982), H. 3, S. 339.

¹⁹ См.: Peter J. Braun Der Molotschnaer Mennoniten-Schulrat 1869-1919. Zum Gedenktage seines 50jährigen Bestehens. Bearb. Wladimir Süß. Red. Sabine Eichwald. Göttingen 2001. 150 S.

²⁰ Симоненко Р. Г. Национально-культурная автономия на Украине в 1917-1918 годах // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 50.

²¹ См.: Автономистское движение // Немцы России: Энциклопедия. Т. 1 (А-И). М., 1999. С. 15-20.

²² См. Одеська періодична преса років революції та громадянської війни 1917-1921. Праці Одеської центральної бібліотеки. Том III. За ред. С. Р. Рубінштейна. Опис Г. Д. Штейнванда. Одеса 1929. С. VIII-IX.

²³ См.: Bericht über den Allrussischen Kongreß der Deutschrussen, der vom 11.-16. Mai 1917 zu Odessa stattgefunden hat. Odessa [1917], 31-32.

²⁴ См.: Bericht über den 2. Delegierten-Kongreß des Verbandes der deutschen Kolonisten im Schwarzmeergebiet vom 1. bis 3. August 1917. Odessa [1917], 77-86.

²⁵ Временное положение о волостном земстве // Ежедневник 1917. № 3. С. 3.

²⁶ См.: Айсфельд А. Политическая жизнь меннонитов России в 1917 - 1919 годах // Вопросы германской истории: Сборник научных статей. Днепропетровск, 2000. С. 223-248.

²⁷ См.: ГАОО Ф. 16. Оп. 94. Д. 98. Л. 1.

²⁸ См.: Eisfeld, A. mit Beiträgen von D. Brandes und W. Kahle: Die Russlanddeutschen. München 1999, 2. Auflage, S. 82-90.

²⁹ См.: Закон о национально-персональной автономии был введен в действие Директорией 16 декабря 1918 г., т. е. после того как был разработан проект, о котором идет далее речь.

³⁰ Документ готовится к публикации в: Eisfeld, A. Wie soll es weiter gehen? Dokumente zur Lage der Deutschen in der Südukraine von Februar 1917 bis 1921.

³¹ См.: ГАОО. Ф. П-1465. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

- 32 См.: ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 57 а. Л. 4.
- 33 См.: Die Handelsstelle beim Zentralkomitee // Odessaer Rundschau Nr. 14 (20. März 1919). S. 3.
- 34 См.: ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 63 а. Л. 24.
- 35 См.: ГАОО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 374. Л. 8.
- 36 См.: ГАОО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 374. Л. 75.
- 37 См.: Книга о русском еврействе. 1917-1967 / Под ред. Я.Г. Фрумкина, Г.Я. Аренсона и А.А. Гольденвейзера. Нью-Йорк 1968. Репринт Иерусалим-Москва-Минск, 2002. С. 42-43.
- 38 См.: An alle Ortschaften des Schwarzmeergebiets mit deutscher Bevölkerung! // Odessaer Rundschau Nr. 220 (30. November 1918), S. 2.
- 39 См.: Selbstschutz-Ordnung gegen Bandenunwesen für die Ortschaften mit deutscher Bevölkerung im Schwarzmeergebiet // Odessaer Rundschau Nr. 220 (30. November 1918). S. 2; Nr. 221 (1. Dezember 1918) S. 2.
- 40 См.: Там же. С. 2.
- 41 ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 63 а. Л. 21.
- 42 См.: Безносков А.И. К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне на Юге Украины (1917-1921 гг.) // Вопросы германской истории. Немцы в Украине: Материалы украинско-германской научной конференции. Днепропетровск, 26-29 сентября 1995 г. Днепропетровск 1996. С. 120-121.
- 43 См.: Auszug aus dem Protokoll der Sitzung des Zentralkomitees vom 15./28. August 1919 // Der Vereinsbote. Organ des Verbandes der deutschen Kolonisten im Schwarzmeergebiet. Jg. II. Nr. 19; S. 4.
- 44 См.: Шелль Густав-Адольф Яковлевич // Дивный И.В. Страницы военного некрополя старой Одессы. Книга вторая. Киев 2000. С. 81.
- 45 См.: Deutsche Brüder! // Der Vereinsbote. Organ des Verbandes der deutschen Kolonisten im Schwarzmeergebiet. Jg. II. Nr. 18; S. 3;
- 46 См.: Protokoll der Sitzung des Z.-K. vom 19. August 1919 // Der Vereinsbote... Nr. 20. S. 3.
- 47 См.: ГАОО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 412. Л. 21.
- 48 См.: ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 60. Л. 25.
- 49 См.: Российский государственный военный архив (далее - РГВА). Ф. 39805. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- 50 См.: An die russischen Bauern und die Kolonisten! // Vereinsbote Nr. 54 (31. Dezember/13. Januar 1920). S. 1.
- 51 См.: General A. I. Schöll über den Selbstschutz // Der Vereinsbote Nr. 54 (31. Dezember 1919/13. Januar 1920). S. 4.
- 52 Датировка по старому стилю; соответствует записям в тетради «Приказы Одесского отряда самообороны».
- 53 См.: РГВА. Ф. 39805. Оп. 1. Д. 1. Л. 68.
- 54 См.: РГВА. Ф. 39805. Оп. 1. Д. 1. Л. 68 об. - 69.
- 55 А. Безносков пишет со ссылкой на Ф. Штейнмана, что «Колонисты... вынуждены были, распустив свои части, разойтись по домам». См.: А. Безносков. К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне на Юге Украины (1917-1921 гг.) // Вопросы германской истории. Немцы в Украине: Материалы украинско-германской научной конференции. Днепропетровск, 26-29 сентября 1995 г. Днепропетровск, 1996. С. 121. Списки офицеров и солдат, вступивших в отряд непосредственно перед выступлением из Одессы и во время отхода через немецкие колонии, свидетельствуют об обратном.
- 56 См.: Бредовский поход // Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России / Сост. С.В.Волков. М., 2002. С. 540-541; Штейнман Ф. Отступление от Одессы (Январь 1920 г.) // Архив русской революции. Т. II. Москва 1991. С. 87-97.
- 57 См.: Плесская-Зебольд Э.Г. Одесские немцы. 1803-1920. Одесса, 1999. С. 255.
- 58 См.: Die deutschen Schulen // Odessaer Rundschau Nr. 18 (3. April 1919). S. 2.
- 59 См.: Zur Schulfrage im Odessaer Kreise // Odessaer Rundschau Nr. 1 (2. Februar 1919). S. 2.

- 60 См.: Schule // Der Vereinsbote. Jg. II. Nr. 20. S. 3.
- 61 См.: Deutsches Knaben- und Mädchen-Gymnasium des Verbandes der deutschen Kolonisten im Schwarzmeergebiet // Vereinsbote Nr. 26 (20. September/3. Oktober 1919). S. 1.
- 62 См.: Государственный исторический архив Азербайджанской республики (далее - ГИА АР). Ф. 508. Оп. 1. Д. 388. Л. 1-2.
- 63 См.: ГИА АР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 18. Л. 133.
- 64 См.: Там же. Л. 50 об.
- 65 См.: Там же.
- 66 См.: Там же. Л. 128-131 об.
- 67 См.: Там же. Ф. 508, оп. 1, д. 388, л. 12 об.-13.
- 68 См.: Там же. Л. 16.
- 69 См.: Там же. Л. 20.
- 70 См.: Fischer, K.A.. Die "Kaukasische Post" Leipzig 1944, S. 213.
- 71 См.: ГИА АР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 395. Л. 7-8 об.
- 72 См.: Fischer, K.A.. Die "Kaukasische Post" Leipzig 1944, S. 212.
- 73 См.: Там же..
- 74 См.: ГИА АР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 439 а. Л. 24.
- 75 См.: Там же. Л. 25.
- 76 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1970). Издание восьмое. Т. 2. 1917-1924. М., 1970. С. 73-74.
- 77 См.: Там же. С. 128.
- 78 См.: Die Autonomie der deutschen Kolonien // Nachrichten des Odessaer Gubrevkom № 12 (1920). С. 1.
- 79 См.: ГАОО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 351. Л. 24-25. Положение в немецких колониях Одесской губернии в политическом, хозяйственном и культурно-просветительском отношениях.
- 80 См.: Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914-1931 гг. С. 63.
- 81 См.: Там же. С. 84.
- 82 См.: Там же. С. 19.
- 83 См.: ЦГАВО Украины. Ф. 5. Оп. 1. Д. 976. Л.1-12.
- 84 См.: Там же. Ф. 1. Оп. 12. Д. 28. Л. 79.
- 85 Там же. Л. 56-59.
- 86 См.: ГАОО. Ф. Р-3865. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
- 87 См.: Там же. Л. 56.
- 88 Там же. Л. 4. Так в документе.
- 89 Там же. Л. 12.
- 90 См.: ГАОО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 555. Л. 19.
- 91 См.: Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001. С. 111.
- 92 См.: Там же. С. 114.

АНТИНЕМЕЦКАЯ КАМПАНИЯ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

“Земельная теснота” и рост “арендных цен” привели к тому, что к концу XIX в. взоры правительства и безземельного крестьянства были обращены к огромному земельному фонду Сибирского региона, практически не освоенному.

Не остались в стороне и немецкие поселяне-собственники, также переживавшие земельный кризис. В конце XIX - начале XX вв. наблюдается массовое переселение немцев в Сибирь. В 1885 г. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов отмечал: “В последнее время замечается наплыв переселенцев-немцев из самарских колоний, идущих без разрешения, по паспортам”¹. В это же время в Омском уезде были образованы первые немецкие переселенческие поселки – Александровка (1893 г.) и Привальное (1894 г.).

Властями отмечалось, что немецкие поселяне-собственники приглашались в Сибирь для повышения общего уровня культуры сельского хозяйства. Однако, уже через несколько лет, в сибирской и центральной прессе стали появляться первые статьи с сообщениями о “завоевании” немцами Акмолинской области².

В 1910 г. в Государственную Думу правительством был внесен законопроект, лишавший всех лиц иностранного происхождения и немецких поселян трех западных губерний (Киевской, Волынской и Подольской) права покупать земельные владения вне городов и местечек, а также арендовать и передавать по наследству по боковым линиям земли, находящиеся в их пользовании и владении. Однако, благодаря думской фракции партии “Союз 17 октября”, этот законопроект так и не был вынесен на обсуждение общего собрания Государственной Думы. В конечном итоге его забрали для доработки. Несмотря на это, он вызвал широкий общественный резонанс, в том числе и в Сибири. Так в статье “Завоевание Сибири немцами”, опубликованной в газете “Свет”, отмечалось, что озабоченность правительства грозными размерами немецкого заселения западных окраин следует перенести и на восток страны. “Пока наши парламентарии занимаются разглашательствами в Государственной Думе, немецкая крыса спокойно кушает русскую телятину... В Сибири появилось целое немецкое государство

где не говорят по-русски... Западная Сибирь в половине своей является немецкой страной...”³. Обвинялись в этом местные власти, попустительствовавшие такому положению вещей⁴.

Реакцией на публикации такого рода, как в центральной, так и в местной прессе, стали докладные записки степного генерал-губернатора Е.О. Шмита министру внутренних дел П.А. Столыпину⁵. Местной администрацией составляются списки прибывших немцев-колонистов с указанием места их проживания до переселения⁶, описанием имений крупных немецких сельскохозяйственных предпринимателей с указанием местоположения, состоянием движимого и недвижимого имущества и т.д.⁷

Первая мировая война стала толчком, вследствие которого негативное отношение к немецким колонистам со страниц газет перешло в реальную жизнь. По всей стране разразилась борьба с немецким засильем во всех областях общественной и экономической жизни. В российском обществе с новой силой разгораются дебаты о национализме, проявляющемся в агрессивной форме по отношению к немцам. Германофильские тенденции, витавшие в умах общественности, уступили место яркой “германофобии”, разжигавшей враждебность ко всему немецкому, ко всем лицам - выходцам с территории Германии. Это послужило новым поводом для недоверия и вражды между этническими группами внутри России⁸.

Воинствующий национализм стал проявляться в стихийных движениях и создании различных организаций, выражавших неприязнь к российским немцам. Причем проявление этой неприязни было различным. Относительно мирные формы заключались в запрете преподавания немецкого языка, запрете немецкой музыки, переименовании населенных пунктов и улиц, носивших немецкие названия и т.д.⁹ Жесткие формы выражались в вспышках антинемецких выступлений: в Санкт-Петербурге было разгромлено германское посольство; в конце мая 1915 г. в Москве произошли патриотические манифестации, завершившиеся погромом магазинов с немецкими вывесками.

Антинемецкие настроения, как огромная волна, захлестнули практически все регионы Российской империи, начиная от Санкт-Петербурга и заканчивая восточными рубежами. Одной из первых компаний по борьбе с немецким засильем в Сибирском регионе стал арест всех германских и австро-венгерских подданных. В телеграмме министра внутренних дел Н.А. Маклакова степному генерал-губернатору от 26 июля 1914 г. сообщалось, что “все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту..., запасные чины также признаются военнопленными и

высылаются... из Сибири в Якутскую область"¹⁰. В итоге были арестованы многие служащие различных предприятий.

В этой же телеграмме был затронут вопрос о шпионаже. "Арестованные с уликами в шпионстве предаются суду, арестованные лишь по подозрению в шпионстве, но без определенных улик, немедленно высылаются в упомянутые губернии. Мирно занимающиеся австрийцы и германцы и находящиеся вне всякого подозрения могут оставаться в своих местах и пользоваться покровительством наших законов или выехать за границу. Семьи высылаемых австрийцев могут следовать за ними. Австро-венгерским и германским консулам разрешается выехать на родину, если против них нет указаний на участие в шпионстве. В последнем случае они не выпускаются, а сведения о них сообщаются Министерству внутренних дел для надлежащих решений"¹¹. В ноябре этого же года исполняющим обязанности начальника жандармского управления в Забайкальской области было подготовлено отношение директору Департамента полиции, в котором находились сведения о деятельности агентов германского шпионажа в Сибири. В документе содержались данные по агентурной сетке Омский округ – Иркутск – Чита – Харбин; Хабаровску, Благовещенску, Владивостоку; Забайкалью. За всеми людьми, отмеченными в этом отношении, было установлено наблюдение¹². Пиком борьбы со шпионством стали сообщения в прессе о неизвестном аэроплане. Омским уездным начальником 20 августа 1915 г. был издан циркуляр, сообщавший о том, что в различных частях Омского и других уездов Акмолинской области и Тобольской губернии был замечен аэроплан. "Целью появления здесь аэроплана может служить попытка повредить железнодорожные мосты, станции и саму линию, поэтому вопрос о расследовании места, где скрывается аэроплан, является вопросом первостепенной государственной важности"¹³.

Не обошло стороной Сибирь и переименование населенных пунктов, носивших немецкие названия. 15 октября 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков направил губернаторам циркуляр, которым предписывал выявить подобные селения и подготовить предложения по их переименованию¹⁴. Наибольший размах этот процесс приобрел в Томской губернии, где в годы массового переселения крестьян возникло немало немецких поселков с именами, повторявшими названия немецких колоний Европейской России. Так, в Орловской волости было выявлено 23, а в Новоромановской волости – 11 поселков с немецкими названиями¹⁵. По предложению заведующего водворением переселенцев в 1-м Кулундинском подрайоне им были даны новые названия, которые являлись либо русским переводом немецкого, либо соответствовали названию переселенческого участка. Таким

образом, в Орловской волости название поселка Гнаденфельд было заменено на Мирное, Тиге на Угловое, Шенвизе на Дектярку, Гальбштадт на Полгород, Александрфельд на Гришковку, Александркрон на Гусак; в Новоромановской волости название поселка Шенфельд заменили на Желтенское, Гейдельберг на Заячье и т.д.¹⁶

Наибольший ажиотаж в Российской империи, в том числе и в Сибири, вызвала кампания, связанная с ликвидацией немецкого землевладения и землепользования. 8 сентября 1916 г. Совет Министров распространяет действие ликвидационных законов от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. на Каинский уезд Томской и Тюкалинский и Ишимский уезды Тобольской губерний. Был установлен порядок отчуждения и денежных компенсаций за земли и недвижимое имущество¹⁷. 16 декабря 1916 г. Тобольское губернское управление объявило, что если в течение шести месяцев немцы, проживающие в Ишимском и Тюкалинском уездах, не ликвидируют свои частновладельческие хозяйства, то они будут выставлены на публичные торги. К объявлению прилагался подробный список этих хозяйств.

Настойчиво добивался ликвидации немецкого землевладения и землепользования в своем крае степной генерал-губернатор Н.А. Сухомлинов. Им высказывались серьезные опасения по поводу того, что немецкие поселения на землях Сибирского казачьего войска располагались вдоль Сибирской железной дороги и по берегам Иртыша. В докладе военному министру генерал-губернатором был отмечен главный смысл антинемецких выступлений, заключавшийся в передаче экспроприированных земель в войсковой запас. Это бы дало возможность увеличивающемуся казачьему населению удовлетворить насущную потребность в земле¹⁸.

Сложившуюся ситуацию в Сибири изменили революционные события 1917 г. Временным правительством было принято постановление, приостановившее действие ликвидационных законов¹⁹. Смена государственной власти в России привела к тому, что сибирских немцев вновь стали рассматривать как хороших, рачительных хозяев, способных в трудную годину помочь отечеству.

Примечания

¹ Прибавление к Всеподданнейшему докладу Министра Земледелия и Государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. – СПб., 1896. С. 78.

² См.. Сибирские письма // Сибирские вопросы. 1908. №25. С. 51-52.

³ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 235. Л. 1; Свет. 1910. 11 октября.

⁴ См.. статью А. Папкова в газете "Объединение" "Немецкое царство в Западной Сибири на развалинах казачьего владения" // Немцы в Сибири: сборник документов и материалов по ис-

тории немцев в Сибири / Сост. Вибе П.П. – Омск, 2000. С. 136.

⁵ См.. Ответ степного генерал-губернатора Е.О. Шмита министру внутренних дел П.А. Столыпину по поводу статьи в газете "Объединение" // Там же. С. 139.

⁶ См., например: РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 235. Л. 155 – 157 об.

⁷ См.. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. – СПб., 1913; Государственный архив Тюменской области (далее ГАТюмО). Ф. 580.

⁸ См.. Баах С.В. "Немцефобия" как явление общественной жизни в период Первой мировой войны // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. Ч. 1. – Омск, 2000.

⁹ См.: Малиновский В. Л. Немцы в России и на Алтае. – Барнаул, 1995. С. 98-99; Положение Совета Министров о воспрещении преподавания на немецком языке // История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) – М., 1993 и др.

¹⁰ Центральный государственный архив республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Оп. 1. Д. 1348. Л. 65.; См. также: Немцы в Сибири: сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири // Сост. Вибе П.П. – Омск, 2000. С. 215.

¹¹ Там же.

¹² См.. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1348. Л. 241-242.

¹³ Немцы в Сибири: сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири // Сост. Вибе П.П. – Омск, 2000. С. 232.

¹⁴ См.. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1242. Л. 2.

¹⁵ См.. Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков // Немцы. Россия. Сибирь. – Омск, 1996. С. 46.

¹⁶ См.. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1242. Л. 47-48.

¹⁷ См.. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 152-155.

¹⁸ См.. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2930. Л. 126.

¹⁹ См.. Вестник Временного правительства. 1917. 14 марта.

С.В. Баах

ЗАКОНОПРОЕКТ П.А. СТОЛЫПИНА ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В конце первого десятилетия XX в. Департаментом общих дел Министерства Внутренних Дел в Государственную Думу был направлен ряд законопроектов, ставших результатом бурных дебатов общественности по поводу иностранного, и немецкого в частности, землевладения и землепользования. Их целью являлось ограничение, а с 1915 г. – ликвидация иностранного землевладения на территории Российской империи. Первым из законопроектов стало предложение "Об изменении временных правил о водворении в Волынской губернии лиц нерусского происхождения и о распространении действия этих правил на губернии Киевскую и Подольскую". 28 сентября 1910 г. оно было представлено нижней палате парламента. Подготовкой данного проекта занимался премьер-министр, министр внутренних дел П.А. Столыпин. В связи с заявленной спешностью предложение рекомендовалось рассмотреть в осеннюю сессию¹.

20 октября 1910 г. законопроект поступил на обсуждение в Комиссию по направлению законодательных предложений, где был рассмотрен на заседании 23 апреля 1911 г. в присутствии товарища министра внутренних дел Крыжановского. Результатом обсуждения стал подготовленный доклад, с которым на общем собрании Государственной Думы должен был выступить депутат Н.Н. Яновский.

Законодательное предложение, подготовленное Министерством Внутренних Дел, состояло из нескольких частей. В первой части под названием "Изложение дела" была дана характеристика иностранной колонизации Юго-Западного края, начало которой в конце XVIII в. положили меннониты из Голландии и Пруссии, искавшие убежище от религиозных преследований на их родине. В следующей волне переселенцев помимо преследуемых сектантов стали появляться люди, привлеченные экономическими выгодами и льготами, обещанными правительством иностранным колонистам начиная с правления Екатерины II, которая стремилась к скорейшему заселению плодородных, но безлюдных окраин Юго-Западной части империи. Прибывшие в эти края переселенцы бы-

ли в основном немцами - выходцами из Пруссии и Австрии, Царства Польского и немецких колоний внутренних губерний Российской империи².

П.А. Столыпин отмечал, что до начала 60-х гг. XIX в. движение иностранных переселенцев в Юго-Западный край происходило сравнительно медленно. До 1860 г. в трех юго-западных губерниях (Подольской, Киевской и Волынской) водворилось всего 2443 семейства. Начиная с 1861 г. заселение данной территории иностранными колонистами принимает массовый характер. Причинами для этого послужили: 1) уничтожение крепостного права, вызвавшее недостаток рабочих рук в больших хозяйствах края и усилившее прилив иностранных переселенцев, водворившихся на собственных или арендуемых землях без принятия русского подданства; 2) восстание в Польше, ставшее толчком к передвижению иностранцев из Привисленского края на Волынь, где порядок был быстро восстановлен. В 1882 г., по итогам проведенного расследования о ходе водворения иностранных поселенцев в западной полосе России, в Киевской, Подольской и Волынской губерниях выяснилось, что в них разместилось 93108 колонистов, владевших на праве собственности и аренды обширным земельным пространством общей площадью в 552707 десятин. Из них 87731 человек и 399953 десятины земли приходилось на одну только Волынскую губернию³.

Наряду с быстрым ростом иностранной колонизации, в первой части законопроекта указывалось также на изолированность переселенцев, выражавшуюся в нежелании смешиваться с окружающим населением, в образовании самостоятельных поселков, в которых устанавливались свои внутренние распорядки, выбирались должностные лица, строились школы, молитвенные дома и другие общественные здания. Отмечалось и то, что колонисты были освобождены от повинностей в пользу государства, а при столкновениях с местными властями обращались с ходатайствами к дипломатическим агентам своих правительств.

В 1885 г. правительством была образована комиссия для разработки вопроса о мерах по прекращению наплыва иностранных поселенцев в западные окраины Российской империи. Ознакомившись с положением дела, комиссия признала опасным и вредным для интересов государства активизировавшееся переселение иностранцев в приграничные губернии. Однако в то же время она не сочла возможным принять решительные меры против иностранной колонизации и ограничилась выработкой мероприятий, целью которых являлось лишь ослабление вредного характера пребывания на данной территории огромного количества иностранцев⁴.

Далее П.А. Столыпин приступает к характеристике правительственных мер, предпринятых в конце XIX — начале XX вв. в отношении иностранной колони-

зации. Первым шагом в этом направлении стал указ 14 марта 1887 г., запрещавший иностранным подданным в пределах 21 губернии западной полосы приобретать в собственность недвижимое имущество вне городских поселений. Исключение составляли случаи наследования в прямой нисходящей линии и между супругами, если при этом наследник поселился в России до 14 марта 1887 г. 15 июня 1888 г. были утверждены правила, выработанные комиссией 1885 г., упорядочивавшие условия быта водворившихся в Юго-Западном крае колонистов. Однако, несмотря на принятые меры, количество иностранных колонистов в Волынской губернии продолжало быстро расти. С 1882 по 1890 гг. оно увеличилось почти на 128 % и составило около 200 тысяч человек⁵. Причину этого П.А. Столыпин видел в том, что ни указ 1887 г., ни правила 1888 г. не ставили перед собой цель ограничить дальнейшее водворение в крае иностранных поселенцев. 14 марта 1892 г. для прекращения дальнейшего наплыва иностранных поселенцев Комитетом Министров были установлены временные правила относительно водворения в Волынской губернии лиц нерусского происхождения. На основании ст. 1 этих правил всем иностранным выходцам, в том числе и принявшим русское подданство, запрещалось:

- а) селиться в пределах Волынской губернии вне городских поселений;
- б) приобретать в данной губернии право собственности на недвижимое имущество, расположенное вне городских поселений, а также право владения и пользования этим имуществом. Исключение составляло лишь право наследования⁶.

Устанавливая такие правила, Комитет Министров исходил из соображения, что иностранные выходцы, принявшие русское подданство, ничем не отличались по своим политическим убеждениям от иностранцев и поэтому могли считаться русскими лишь формально. Ввиду этого в случае возникшей политической напряженности существование иностранных колоний в районе стратегических путей могло, по мнению Комитета, представлять серьезную опасность. Однако в январе 1895 г., из-за возникших осложнений, затрагивающих интересы местных землевладельцев, указанные выше ограничения были отменены.

19 марта 1895 г. Комитет Министров утвердил новые правила, по которым приобретение права собственности на недвижимое имущество вне городских поселений Волынской губернии, а также права владения и пользования ими, вытекающего из договора найма и аренды, запрещалось:

- а) иностранным поселенцам, состоящим в русском подданстве;
- б) лицам, переселяющимся из Привисленских губерний.

Ограничения не распространялись на лиц, водворившихся вне городских поселений до издания положения 19 марта 1895 г.

Таким образом, с изданием правил 19 марта 1895 г. сила ограничительного законодательства была значительно ослаблена, хотя за местными властями было оставлено право выдачи по их усмотрению свидетельств на покупку земли в западных губерниях. Оно было закреплено за ними законом 1 ноября 1886 г. После отмены этого закона - 1 мая 1905 г. - колонистам снова открылось широкое поле для массовых покупок земли на Волыни. Об этом свидетельствуют представленные П.А. Столыпиным Государственной Думе количественные данные о выдаче иностранным поселенцам свидетельств на покупку земли до и после издания закона 1 мая 1905 г.⁷

К 1910 г., по сведениям П.А. Столыпина, в руках немецких колонистов, состоящих как в русском, так и в иностранном подданстве, было сосредоточено до 700 тысяч десятин земли, составляющих свыше 10 % внегородской земли Волынской губернии⁸.

В связи с тем, что местные власти не были в состоянии бороться с надвигающейся опасностью, министр внутренних дел отмечал необходимость немедленного принятия серьезных и решительных мер по охране юго-западных приграничных районов от мирного, но настойчивого завоевания земель иностранными колонистами. Объяснялось это тем, что водворившиеся в России иностранные колонисты, "несмотря на многолетнее пребывание в русских пределах, не только не обнаруживают стремления к слиянию с окружающим населением, но и упорно сохраняют свою обособленность и отчужденность от русского народа, к которому они, по удостоверению местной власти, относятся враждебно, с гордостью и презрением. ...Иностранные поселенцы могут считаться русскими подданными лишь формально"⁹.

В разделе "Соображения" П.А. Столыпин отметил основную задачу государственной власти в приграничных губерниях – содействие росту русской государственности и укреплению населения в духе коренных русских начал. Иностранная колонизация в приграничной Волынской губернии признавалась нежелательной и опасной для государственных интересов Российской империи, так как иностранные колонисты, "несмотря на многолетнее пребывание в русских пределах, не только не обнаруживают стремления к слиянию с окружающим населением, но и упорно сохраняют свою обособленность и отчужденность от русского народа, к которому они, по удостоверению местной власти, относятся враждебно, с гордостью и презрением. ... Иностранные поселенцы могут считаться русскими лишь формально, на самом же деле, по политическим убеждениям, языку, обычаям и религии всецело тяготеют к своим зарубежным сородичам и к центрам иноземной цивилизации"¹⁰.

Аргументом в пользу важности вопроса о заселении иностранцами приграничных районов империи стало также принятие германским правитель-

ством закона о двойном подданстве, изданного, по словам министра внутренних дел, в ответ на ограничительные меры против иностранцев в России. В 1895 г. ограничения в отношении иностранных поселенцев были отменены по причине нежелательных колебаний экономики края, которые могут возникнуть вследствие этого. Однако в начале XX в., с точки зрения государственно-экономических отношений, эти соображения, ввиду естественного повышения требований на землю коренного населения губернии, в значительной мере уже утратили свое значение. Они должны были целиком уступить место "более важным соображениям предпринятого правительством землеустроительного дела, нуждающегося в свободном запасе земель для расселения крестьянства по хуторам"¹¹.

В качестве отрицательного факта отмечалось и то обстоятельство, "что более предприимчивые и сильнейшие экономически иностранные колонисты ... являются победителями в борьбе за землю не только над местным крестьянством, которому вследствие этого угрожает опасность быть вытесненным в Сибирь, но также и над пришлыми чехами и галичанами"¹².

В связи с вышеизложенным, П.А. Столыпин отметил необходимость пересмотра временных правил от 19 марта 1895 г. о водворении в Волынской губернии лиц нерусского происхождения, установленных на основании положения Комитета Министров. Для этого министр внутренних дел предложил внести следующие изменения в приложение к статье 698 (прим. 3). Т. X, ч. I Свода Гражданских законов 1900 г. издания:

"Ст. 1. Лицам, введенным в состав сельских и городских обывателей на основании правил об устройстве быта принявших русское подданство иностранных поселенцев, водворившихся в губерниях Киевской, Подольской и Волынской (Свод Зак. Т. IX, Зак. Сост., изд. 1899, ст. 680 (прим 2), прил. II.), а также лицам, переселившимся в означенные губернии из Привисленских губерний, равно как и нисходящему потомству всех этих лиц по мужской линии неправославного исповедания воспрещается впредь приобретение права владения и пользования таковыми недвижимыми имуществами, вытекающего из договора найма или аренды.

Ст. 2. Действие изложенного в статье правила не распространяется: а) на переселившихся в Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии из губерний Люблинской и Седлецкой лиц русской народности православных от рождения, а равно принявших русское подданство иностранных поселенцев, принадлежащих к русской или чешской народности и исповедывающих православную веру от рождения; б) на случаи наследования в прямой нисходящей линии и между супругами в недвижимых внегородских имуществах, принадлежащим указанным в ст.1 лицам. Во всех остальных случаях

наследования, поименованные в ст.1 лица обязаны продать недвижимое имущество в течение трех лет со времени приобретения ими прав на такое. При несоблюдении сего правила имущество, по распоряжению губернского начальства, берется в опеку и продается с публичного торга в подлежащем Губернском Правлении, а вырученная от продажи сумма, за вычетом из оной издержек по опеке и продаже, выдается наследнику.

Ст. 3. Если совершенная в нарушение или обход статьи 1 сего приложения сделка обнаружена будет местным губернским начальством, то, по истребовании необходимых сведений, которые означенному начальству обязаны немедленно доставить как судебные, так и все прочие правительственные места и лица, Губернатор уполномочивает подчиненное ему должностное лицо на предъявление в местном Окружном Суде иска об уничтожении состоявшейся сделки или совершенного акта. Дела эти производятся порядком, для дел казенного управления установленным.

Ст. 4. Киевскому, Подольскому и Волынскому Губернаторам, по принадлежности, предоставляется выслать административным порядком из пределов вверенных им губерний лиц, которые, в нарушение правила статьи 1 сего приложения, окажутся фактическими владельцами недвижимых имуществ вне городских поселений на основании словесных соглашений и вообще неформальных условий или же после состоявшихся судебных решений об уничтожении заключенных ими сделок на владение или пользование этими имуществами¹³.

В дополнение к законопроекту Министерства Внутренних Дел в феврале 1911 г. в Государственную Думу под грифом "секретно" была направлена справка со сведениями по Волынской губернии. В ней содержались такие разделы, как: воинская повинность; двойное подданство; статистические данные; характер немецкого расселения; ущерб интересов местного крестьянства; стремление иностранцев к расширению землевладения; села, заселенные немцами; движение за границу; школы.

В первой части раздела "Воинская повинность" был помещен список проживающих в Волынской губернии иностранцев, отбывших воинскую повинность за границей и возбудивших ходатайства о принятии их в русское подданство. Всего в списке значилось двадцать три фамилии¹⁴.

В примечании к списку было отмечено, что ходатайства всех перечисленных лиц о переходе в русское подданство по разным причинам были отклонены.

Во второй части раздела были помещены сведения о чинах запаса иностранной армии (австрийской и германской), проживающих в Волынской губернии в 1909 г. Всего на территории губернии было отмечено 380 нижних чинов

запаса иностранных войск. При этом основная их часть расселялась, главным образом, вблизи государственной границы. В справке отмечалось, что все солдаты, состоящие в запасе австрийской и германской армий, "в настоящее время не выражают ничем своего участия в военном шпионстве, организованном с австрийской стороны в пределах Волынской губернии. Что же касается военного времени, то, в случае наступления такового, присутствие подобных лиц в губернии отзовется на наших военных интересах в высшей степени тяжело. Не говоря уже о том, что лица эти могут быть призваны на действительную службу иностранных войск и, в случае вступления последних в пределы Волынской губернии, явиться лучшими знатоками театра военных действий"¹⁵.

Ниже были приведены данные об условиях отбывания русскими подданными из иностранных поселенцев воинской повинности в России. Отмечалось, что среди молодежи немецких поселений, призываемой к исполнению воинской повинности, наблюдается постоянное стремление к уклонению от призыва. В 1909 г. уклонистов в Волынской губернии было 426 человек. Многие из них бежали за границу, в основном в Аргентину.

В разделе "Двойное подданство" была дана характеристика германского закона о натурализации 1 июня 1870 г., первоначально изданного для Северо-Германского Союза, а затем, с учреждением Германской империи, распространенного на все государства, вошедшие в ее состав. В этом постановлении была узаконена возможность, по которой он мог быть подданным как германского, так и любого другого государства.

В разделе "Характер немецкого расселения" отмечалось, что значительная часть водворившихся в крае немцев-колонистов ни в каком определенном месте прочно на земле не оседает и находится в движении. Колонисты, водворившиеся до 19 марта 1895 г., являлись как бы передовым отрядом, расчищающим за собой дорогу тем, кто водворился после означенного срока и потому лишен права приобретения и аренды внегородской недвижимости¹⁶. При этом, переход земельного владения от лица, имеющего по закону право на него право, к лицу, подобного права не имеющего, не поддавался формальному учету и контролю, так немцы использовали различные способы для обхода положений установленных законом 1895 года. Среди них были такие, как аренда участка по домашнему договору и обработка участка в качестве наемного рабочего¹⁷. В справке также указывалось, что дело аренды земли у немецких колонистов было поставлено на таких началах, что при ближайшем рассмотрении трудно было усмотреть в праве иностранной аренды и праве собственности какое либо различие, кроме формального.

В разделе "Ущерб интересов местного крестьянства" указывалось на то, что указанный выше образ действий иностранных поселенцев приносит вред

национальной и землеустроительной политике государства и препятствует созданию класса мелких собственников-земледельцев, крепко сидящих на земле и связанных с нею. "Волынские помещики продают свои земли гораздо охотнее немцам, нежели местным крестьянам, так как последние, не имея достаточных наличных денег, покупают обыкновенно при помощи Крестьянского Поземельного Банка, который входит сам в оценку земли и нормирует условия сделки, между тем как немецкие колонисты располагают обыкновенно столь значительным запасом свободных денег для приобретения (...) В итоге оказывается, что иностранные поселенцы почти всюду препятствуют крестьянам укреплять за собою в собственность земельные участки"¹⁸.

В разделе "Стремление иностранцев к расширению землевладения" для подтверждения факта расширения иностранного землевладения были приведены данные о количестве разрешений на приобретение земли, выданных немецким колонистам местной администрацией. В 1909 г. лицам иностранного происхождения были выданы разрешения на покупку 22889 десятин земли, в том числе 1039 немцам на покупку 21598 десятин. С 1 января по 15 ноября 1910 г. подобным же лицам было разрешено купить 10718 десятин, в том числе 498 немцам 10498 десятин. Помимо этого в производстве канцелярии Волынского генерал-губернатора находилось 2572 прошений о разрешении немецким колонистам приобрести в общем 47750 десятин земли, которые, как отмечалось в справке к законопроекту 1910 г., почти все будут удовлетворены в случае неосуществления данного законодательного проекта Министерства Внутренних Дел¹⁹.

В разделе "Села, заселенные немцами" была представлена таблица со сведениями о заселении Волынской губернии иностранцами²⁰. Данные таблицы показывают, что в начале XX в. в губернии находилось 450 иностранных колоний с землями, находящимися в собственности, 612 – с землями в долгосрочной аренде. 613 населенных пунктов были заселены немцами.

В разделе "Движение за границу" указывалось, что, передвигаясь с места на место в пределах территории Российской империи, немецкие колонисты с большой легкостью покидают ее во всех тех случаях, "когда это представляется для них почему либо выгодным"²¹. Это было "едва ли не лучшее доказательство того, насколько, в действительности, немцы Волынской губернии могут признаваться русскими гражданами, способными поддерживать существующий государственный порядок"²². В качестве примера приводилось миграционное движение, следствием которого стали революционные события 1905-1906 гг. В течение 1908 и 1909 гг. из Владимировольского, Дубенского, Житомирского, Луцкого, Новоградволынского, Ровенского уездов Волынской губернии безвозвратно за границу выехало около 2142 немецких колонистов.

В разделе "Школы" отмечалось, что к 1 января 1910 г. в пределах Волынской губернии находилось 286 иноверческих школ, находящихся в ведении Министерства Народного Просвещения. В них обучалось 6502 мальчика и 5207 девочек. Во всех этих школах учителями были иностранцы немцы, допущенные к преподавательской деятельности с разрешения надлежащего начальства²³.

Оглашение находящегося в разработке законопроекта активизировало обсуждение немецкого вопроса в Государственной Думе и за ее пределами. Председателю Думы было направлено письмо с поддержкой предложенного правительством законодательного предложения об ограничении иностранного землевладения в Волынской, Киевской и Подольской губерниях: "В настоящее время скупка земельных имений лицами нерусского происхождения в этих губерниях имеет уже массовый характер. Чтобы прекратить это невыгодное для коренного русского населения Юго-Западного Края явление, необходимо проведение названного законопроекта незамедлительно"²⁴. Обращение было подписано депутатами, избранными от Юго-Западного Края. Приблизительно в это же время в Москве была собрана небольшая группа немецких октябристов под руководством председателя московской организации "Союза 17 октября" К.Э. Линдемманна, который заявил, что предложенный законопроект нарушает основные гражданские права лиц иностранного происхождения и прежде всего немецких колонистов. При этом отмечалось, что проблема неограниченного приобретения и аренды земли для немецких колонистов является "жизненно важным вопросом первого порядка". Итогом собрания стал вывод, что принятие такого закона недопустимо²⁵. Для того, чтобы законопроект не прошел на общем голосовании Государственной Думы, члены собрания обратились за помощью к думской фракции октябристов, от которой как от "партии центра" зависела судьба многих законопроектов.

10 мая 1911 г. состоялось заседание партии "Союза 17 октября", на котором присутствовали председатель партии октябристов и фракции А.И. Гучков, московские октябристы немецко-русского происхождения, а также представители от западно-русских немецких колонистов. После обстоятельных дебатов собрание постановило отклонить законопроект П.А. Столыпина. В Думе фракция "Союза октябристов" должна была отметить, что понимает озабоченность правительства экспансией иностранного землевладения в западных приграничных областях, а также его старания направить иностранный земельный прирост в другие русла империи. Однако одобрение такого рода законопроект получит лишь тогда, когда запретит покупку и аренду земли только тем иностранцам, которые получают российское подданство лишь после вступления его в юридическую силу. К колонистам иностранного происхождения, которые получили российское подданство

еще до издания нового закона, он не может быть применен. Одновременно с этой директивой к фракции октябристов партийное собрание разработало ноту протеста к председателю Совета Министров П.А. Столыпину, которая должна была проинформировать его о недостатках планируемого им мероприятия, а также о неприемлемости его для немецких колонистов²⁶.

После этого, на заседании Думы 18 мая 1911 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин от имени правительства отклонил законопроект, который так и не был представлен общему собранию Государственной Думы²⁷.

Таблица №1. Сведения о выдаче иностранным поселенцам свидетельств на покупку земли до 1 мая 1905 г.

Выдано свидетельств на покупку земли в Волынской губернии	За 1902 г.			За 1903 г.			За 1904 г.			Итого число десятин
	число десятин	всего скольким лицам		число десятин	всего скольким лицам		число десятин	всего скольким лицам		
		выдано	отказано		выдано	отказано		выдано	отказано	
Немцам	609	65	395	192	14	128	630	33	275	1430
Полякам-выходцам Привисленского края	830	60	117	498	40	34	667	48	79	1995
Чехам и галичонам	4763	263	87	2126	136	67	3677	213	36	10566
Всего иностранной колонизации за три года (в дес.):										13991

Таблица №2. Сведения о выдаче иностранным поселенцам свидетельств на покупку земли после 1 мая 1905 г.

Выдано свидетельств на покупку земли в Волынской губернии	За 1906 г.			За 1907 г.			За 1908 г.			Итого число десятин
	число десятин	всего скольким лицам		число десятин	всего скольким лицам		число десятин	всего скольким лицам		
		выдано	отказано		выдано	отказано		выдано	отказано	
Немцам	3971	80	22	9888	563	22	22144	1144	38	36003
Полякам-выходцам Привисленского края	370	6	50	396	19	9	1197	49	11	1963
Чехам и галичонам	449	20	1	714	32	2	223	16	9	1386
Всего иностранной колонизации за три года (в дес.):										39352

Таблица №3. Список проживающих в Волынской губернии иностранцев, отбывших воинскую повинность за границей и возбудивших прошение о принятии их в русское подданство

№	Фамилия, имя, отчество	Подданство	Уезд водворения
1.	Эбергардт Эдуард Леонард	германское	--
2.	Андриле Вячеслав Вацлавов	австрийское	Острожский
3.	Вахович Андрей Криштофов	тоже	--
4.	Адольфов-Зиверт Фридрих Вильгельм	прусское	Новоградволянский
5.	Вегген Андрей Готлибов	тоже	--
6.	Гринке Роберт Людвигов	тоже	Житомирский
7.	Ристоу Эдуард Михайлов	тоже	Тоже
8.	Войцешек Андрей Маринов	австрийское	Ровенский
9.	Зелинский Мартин Иоаннов	тоже	Владимировольный
10.	Бек Иоганн Иоганнов	прусское	Луцкой
11.	Дуль Григорий Антонов	австрийское	Владимировольный
12.	Карлов-Вольф карл Фридрих	прусское	Тоже
13.	Петрик Альберт Германов	тоже	Староконстантиновск
14.	Стыблик Вацлав Вацлавов	австрийское	--
15.	Михайлов Константин Ярослав	тоже	Житомирский
16.	Крашевский Юзеф Францишков	тоже	--
17.	Эбергардт Эдмунд Адольфов	германское	--
18.	Пелчинский Станислав Леонов	австрийское	--
19.	Сеньковский Каликт	тоже	Кременецкий
20.	Гондык Яков Матеушов	тоже	Дубенский
21.	Венцель Генрих Адам Генрихов	прусское	--
22.	Крагер Бернанд Адальфов	тоже	--
23.	Липперт Август Христианов	тоже	Луцкой

Таблица №4. Иностранцы колонии в Волынской губернии в начале XX в.

Наименование уездов	Количество колоний иностранцев с землями, приобретенными:		Количество населенных пунктов, заселенных немцами
	в собственность	в долгосроч. аренду	
Новоградволянский	55	112	Сведений нет
Овручский	12	--	7
Острожский	6	6	5
Ровенский	42	70	97
Староконстантиновский	1	--	--
Итого по губернии	450	612	613

Наименование уездов	Количество колоний иностранцев с землями, приобретенными:		Количество населенных пунктов, заселенных немцами
	в собственность	в долгосроч. аренду	
Владимировольский	62	107	80
Дубинский	30	22	29
Житомирский	142	4	132
Изяславский	4	9	9
Ковельский	9	46	--
Кременецкий	7	15	--
Луцкий	80	221	254

Примечания

¹ См.: Российский государственный исторический архив (далее РГИА), Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1213. Л. 1

² См.: Там же. Л. 93.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же. Л. 93 об.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Таблицу №1 "Сведения о выдаче иностранным поселенцам свидетельств на покупку земли до 1 мая 1905 г."; таблицу №2 "Сведения о выдаче иностранным поселенцам свидетельств на покупку земли после 1 мая 1905 г."

⁸ См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1213. Л. 94 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 95.

¹³ См.: Там же. Л. 95-97.

¹⁴ См.: таблицу № 3 "Список проживающих в Волынской губернии иностранцев, отбывших воинскую повинность за границей и возбудивших прошение о принятии их в русское подданство"

¹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1619. Л. 3 об.

¹⁶ См.: Там же. Л. 4 об.

¹⁷ См.: Там же. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 5 об.

¹⁹ См.: Там же. Л. 6.

²⁰ См.: таблицу № 4 "Иностранные колонии в Волынской губернии в начале XX в."

²¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1619. Л. 7.

²² Там же

²³ См.: Там же. Л. 7 об.

²⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1213. Л. 82-83.

²⁵ См.: Fleischauer, Ingeborg. Die Deutschen in Zarereich. - Stuttgart, 1986. S. 420.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1213. Л.85-85 об.

А.В. Воронежцев

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ В ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОЙ И САМАРСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Отечественная историография проблемы взаимоотношений потомков немецких колонистов в России с окружающим их населением, с правительственной администрацией в центре и на местах в годы первой мировой войны насчитывает не один десяток работ, но особенно существенно пополнилась благодаря исследованиям 90-х гг. XX в¹. В ряду последних особое место занимает претендующая на обобщение статья С.Г. Нелиповича², который свел данную проблему к вопросу наличия или отсутствия лояльности российских немцев к государству.

При этом автор по-своему логичен. В частности, он приходит к выводу о безусловной лояльности немцев к Российской империи и о существовании государственной установки на признание всех немцев нелояльными. За государственную установку выдаются суждения авторов, в том числе и анонимных, а также некоторых представителей царской военной или гражданской администрации кануна и периода войны³.

Другие авторские тезисы имеют более умозрительный характер. Так, С.Г. Нелипович голословно отвергает мнение об "онемечивании" прибалтийских народов, которые оказались в худшей ситуации, чем колонисты при введении русского языка в школах колоний, но лишь колонисты удостоились защиты вышеназванного автора. Столь же безапелляционно последний утверждает, что посредством ликвидационных законов 2 февраля и 13 декабря 1915 г. правительство России стремилось решить земельный и национальный вопросы и даже проблему освоения Сибири за счет российских немцев⁴. По мнению С.Г. Нелиповича, "российский немец уже потому считался "подозрительным", что был НЕМЦЕМ. Требовался отказ от исконной культуры, надо было слиться в одну безликую массу"⁵. В последнем случае речь, вероятно, идет об ассимиляции немцев, но тогда как понимать суждение о слиянии "в одну безликую массу"? Как признание отсутствия всякой культуры у русских или как признание преобладания немецкой культуры над русской?

Причина подобной трактовки "немецкого вопроса" в годы Первой мировой войны видится не только в определенной установке С.Г. Нелиповича, но и в том, что, по его справедливому замечанию, многие аспекты этой

проблемы, в том числе и на региональном уровне, не исследованы до конца. Последнее замечание с полным основанием применимо и к отечественной историографии поволжских немцев.

К собственно научным работам можно отнести статьи В.П. Тотфалушина и Д.Г. Решетова, опубликованные в 90-е гг. XX в. Работа В.П. Тотфалушина, к сожалению, носит тезисный характер и имеет неточности, как, например, утверждение о введении запрета на издание немецких газет в Поволжье с началом первой мировой войны⁶. Работа Д.Г. Решетова посвящена исключительно участию поволжских немцев в оказании помощи фронту во время войны⁷.

Настоящая статья имеет целью расширить представление о "немецком вопросе" в годы первой мировой войны на материалах Нижнего Поволжья.

Манифест о начале войны Германии с Россией вызвал неоднозначную реакцию населения Нижнего Поволжья. Горожане на вызов Германии откликнулись патриотическими манифестациями. Например, в г. Петровске Саратовской губернии 27 июня 1914 г. толпа в несколько тысяч человек с портретом царя несколько часов подряд неутомимо дефилировала по городу в сопровождении частного оркестра⁸. Схожие картины можно было наблюдать и в других городах.

Крестьяне встретили сообщение о войне скорее с чувством отчаяния от краха своих надежд на лучшую жизнь в будущем. Семьи теряли кормильцев, а хозяйства – устойчивость. В большинстве уездов мобилизованные ответили на призыв в армию разгромом винных лавок. Следует отметить, что толчком к разгромам закрытых по распоряжению местной администрации винных лавок послужила неподготовленность и нерасторопность чиновников, отвечавших за работу мобилизационных пунктов. В Вольске Саратовской губернии, например, мобилизованных собрали в городе 18 июля, но из-за нерешенности вопроса организации питания, их решено было отпустить по домам до 19 июля. Многие мобилизованные из-за удаленности сел и деревень от города остались в Вольске, что привело к нехватке продуктов. Мобилизованные потребовали открыть трактиры, где могли бы купить "чай". Отказ привел 19 июля "к пьяному" бунту, в ходе которого были разбиты винные лавки, оружейный магазин, избиты пристав и 4 городовых. "Ответным огнем" был ранен 1 участник бунта, после чего погром был прекращен⁹.

По признанию саратовского губернатора князя А.А. Ширинского-Шихматова разгромы винных лавок вследствие недовольства мобилизованных имели место в большинстве уездов губернии. 22 июля 1914 г. он телеграфировал министру внутренних дел: "Целом ряде мест, особенно пути сле-

дования запасных и городах Вольске, Камышине, Царицыне и уездах разграблены призывниками винные лавки. Возникают серьезные беспорядки почве опьянения громадного числа провожающих, неожиданного скопления в небольших городах десятков тысяч народа, вызывающих недостаток провизии, и растерянности некоторых воинских начальников (подчеркнуто в тексте, пунктуация наша. - А.В.)"¹⁰. В Царицыне при подавлении бунта запасных было убито 12 и ранено 24 человека¹¹ (по другим данным, убито 19 и ранено 25 чел.)¹².

Случаев участия поволжских колонистов в "винных" бунтах замечено не было, впрочем, их и не могло быть, так как с началом войны они оказались, как выяснилось, в двусмысленном положении. С одной стороны, потомки колонистов за 150 лет укоренились в России, добровольно приняв подданство империи, в то время как население некоторых регионов оказалось в составе государства в результате покорения этих территорий или перекройки границ после военных конфликтов с соседними государствами. С другой - предки колонистов переселились большей частью из Германии, которая в рассматриваемый период объявила войну России. Длительное изолированное по различным причинам развитие колоний не способствовало если не сближению, то, по крайней мере, лучшему узнаванию друг друга представителями различных национальностей.

Естественно, что речь здесь идет о немцах и русских. Военное столкновение Германии, родины предков колонистов, с Россией, их сегодняшней родиной, как бы бросало тень на поселен-собственников, в которых колонисты были переименованы в 1871 г. Неслучайно 30 июля 1914 г. кн. Ширинский-Шихматов обеспокоенно сообщал в Петербург: "Имею основания опасаться за многочисленные немецкие колонии Саратовском, Камышинском, Царицынском уездах, где отношения русского населения немцам ввиду войны значительно ухудшаются и по первому поводу могут вызвать обострение почве зависти лучшему экономическому положению и земельной обеспеченности колонистов (пунктуация наша. - А. В.)"¹³.

Тем не менее, и бывшие колонисты частично оказались подвержены недовольству, о чем свидетельствуют события в Лесном Карамыше Камышинского уезда Саратовской губернии. Здесь 24 июля 1914 г. 14 запасных нижних чинов из местных колонистов подошли к чертежной землемеров губернской землеустроительной комиссии и потребовали отдать им "все чертежи и планы по разрезке земли на отруба для уничтожения, заявив о своём нежелании нарезки земли. После отказа землемера они ворвались в чертежную и стали уничтожать все деловые бумаги"¹⁴. Землемер был избит, планы уничтожены. Убытки от разгрома чертежной составили около

12000 руб.¹⁵ Это выступление было направлено не только против столыпинской аграрной реформы, но косвенно и против войны, так как отмеченный случай никак невозможно отнести к демонстрации единства правительства и населения в условиях военного времени.

К этому моменту поволжские немцы стали энергично голосовать ногами против правительственной политики. Об этом, в частности, свидетельствует рост эмиграции из Нижнего Поволжья после российской революции 1905-1907 гг. По данным Саратовского губернского присутствия, с 1910 по 1912 гг. включительно из Саратовской губернии выехали за границу, преимущественно в США, временно на заработки 14348 чел. и на постоянное местожительство 2860 чел. При этом 93% выехавших на заработки обратно не вернулись¹⁶.

Основную массу выехавших составили поволжские немцы, причем эмиграция шла по нарастающей. Так, в 1910 г. из Камышинского уезда выехали на заработки 1661 чел. и окончательно порвали с Россией 219 чел., в 1912 г. соответственно 6743 чел. и 1597 чел.¹⁷ По утверждению земского начальника 9-го участка Аткарского уезда Саратовской губернии, по немецкой "Медведицкой волости, хотя все эмигранты выехали с шестимесячными паспортами, но почти все отбыли с намерением оставить родину навсегда"¹⁸. По мнению ряда земских начальников, в основе эмиграции лежали, главным образом, экономические причины и лишь отчасти стремление "уклониться от исполнения воинской повинности"¹⁹. По данным Камышинского уездного по воинским делам присутствия, среди неявившихся в призыв 1909 г. немцев насчитывалось 472 чел. – до 85% всех призывников, из них 373 чел. находились за границей. По отдельным колониям "уклонисты" составляли до 30-40% подлежащих призыву²⁰.

Несколько иной ситуация была в Заволжье. Из подлежащих призыву весной 1914 г. в 16 заволжских волостях с немецким населением Самарской губернии в США оказались 11,2% призывников, в то время как, например, в Ягодно-Полянской волости Саратовского уезда – 80%²¹. Немаловажно отметить, что если русские после начала войны с Германией продолжали возвращаться в Россию из США, то крайне слабенький ручеек возвращавшихся поволжских немцев уже к осени 1914 г. окончательно пересох²². В итоге из подлежащих призыву немцев Камышинского уезда в 1915 г. 20% осели в США²³.

Вместе с тем нет оснований утверждать, что оставшиеся в России поволжские немцы с началом первой мировой войны избегали мобилизации или пытались дезертировать. Во всяком случае жандармы смогли зафикси-

ровать лишь два нерядовых случая в Балашове Саратовской губернии в 1914 г. В ночи на 13 и 14 ноября из 561 пешей Саратовской дружины исчезли около 50 немцев, преимущественно уроженцев Самарской губернии, ввиду появления слуха о скорой отправке на фронт. 22 декабря жандармский ротмистр Кононов сообщил в Саратов: "К настоящему времени в Балашовской дружине (речь идет о 561 пешей Саратовской дружине. – А.В.) нет в 1-й роте 3 – 4 немцев, во 2-й – 20 и в 3-й несколько. Из третьей в последний раз отлучилось 28 чел., часть вернулась. В дружине есть взводы наполовину из немцев... Говорят по-немецки, обособлены"²⁴. Другой случай имел место 29 ноября, когда из следовавшей через Балашов в Карс в 21-й пехотный запасной батальон команды нижних чинов № 31 из 112 чел., большей частью бывших колонистов Камышинского уезда, 83 запасных разъехались по домам, но 3 декабря прибыли к Балашовскому уездному воинскому начальнику и "были отправлены как отставшие"²⁵.

Поволжские немцы наряду с другими приняли участие в оказании благотворительной помощи как фронту, так и различным категориям населения, пострадавшего в ходе боевых действий. С началом войны неправительственные учреждения и общественные деятели предприняли ряд усилий по организации посильной помощи фронту.

Земства и городские думы различных губерний создали Всероссийский земский союз (ВЗС) и союз городов, деятельность которых правительство первоначально ограничило оказанием помощи раненым и больным. Одновременно органы местного самоуправления принимали конкретные меры по оказанию помощи семьям фронтовиков. Например, земства Саратовской губернии помогали семьям призванных в армию в проведении уборочной, а затем и посевной кампаний²⁶. Представители различных христианских конфессий обратились к населению страны с призывом к оказанию помощи фронту²⁷.

Следует отметить, что участие поволжских немцев в оказании благотворительной помощи было инициировано, по крайней мере в Саратовской губернии, местной администрацией. В 20-х числах июля (точная дата неизвестна. – А.В.) 1914 г. губернатор телеграфировал Камышинскому уездному предводителю дворянства: "Прошу предложить обсуждение сходов немецких селений вопрос оказания помощи раненым воинам. Хочу верить пожертвования виду (так в тексте – А.В.) экономического благосостояния не будут малы. По утверждении приговоров земскими начальниками жертвования перевести мне"²⁸. В другой телеграмме на имя волостного старшины сел. Сарепты Царицынского уезда говорилось: "Предлагаю немедленно собрать волостной сход обсудить вопрос оказания помощи раненым вои-

нам. По утверждению приговора Земским начальником все имеющие поступить пожертвования перевести мне"²⁹.

В начале августа земский начальник Перфилов сообщил губернатору, что 1 августа Сарептское общество единогласно заявило о "верноподданнических чувствах, беспредельной любви и преданности" и приняло решение о выделении "из общественных сумм четырехпроцентной ренты пяти тысяч рублей". Губернатор в ответ передал "сердечную благодарность молодцам сарептцам за их щедрый дар"³⁰. Развивая успех, 3 августа губернатор направил телеграмму в Аркадак Балашовского уезда земскому начальнику 5 участка, где накануне войны выходцами из меннонитского Хортицкого общества Екатеринославской губернии были основаны 7 поселков на купленной у кн. Вяземского земле. В телеграмме говорилось: "Предложите срочно обсуждение сходов немецких селений как отличающихся особой зажиточностью вопрос оказания помощи раненым воинам. Надеюсь при известной мне зажиточности их пожертвования не будут малы. Пожертвованные суммы переводите мне телеграфом. Сарепта ассигновала и выслала уже пять тысяч"³¹. Уместно заметить, что инициатива губернатора была проявлена лишь по отношению к немцам, что уже в силу отмеченного обстоятельства позволяет говорить об определенной доле цинизма в действиях начальника губернии, но вместе с тем немцы получили возможность достойного выхода из затруднительного положения, в котором они оказались.

Распоряжения губернатора привели в движение население немецких селений. 27 июля из Камышина была получена телеграмма, в которой сообщалось: "Община немцев колонистов лютеран г. Камышина и его окрестностей почтительно просит Ваше Высокопревосходительство повергнуть к стопам Его Императорского Величества Государя Императора наши верноподданнические чувства. Наши сыновья и братья теперь лучше чем когда-либо за полтора века служения своей родине будут иметь возможность доказать свою преданность своему Царю и Дорогому отечеству. Председатель церковного совета А.П. Шнайдер"³².

30 июля заявили о готовности "жертвовать жизнью и всем достоянием для блага Государства и отечества" немцы-лютеране Саратова, а в Голом Карамыше Камышинского уезда было организовано торжественное молебствие "о даровании победы русскому оружию" и проведена патриотическая манифестация. Немцы заявили, что "всегда готовы жертвовать всем не щадя жизни своей до последней капли крови"³³. 5 августа правление Саратовского немецкого общества пожертвовало 500 руб. на помощь семьям призванных в армию³⁴. Меннониты Балашовского уезда осудили "алчные замыслы неблагодарных иноземцев" и ассигновали семьям фронтовиков 3

тыс. руб. одновременно и 200 руб. ежемесячно вплоть до окончания войны³⁵. Решения о даровании победы и о сборе пожертвований принимались и в других немецких селениях. Так было положено начало участию немцев в благотворительных акциях, вызванных потребностями военного времени.

К сожалению, источники не позволяют выявить полный объем благотворительной помощи, оказанной поволжскими немцами в годы первой мировой войны. По некоторым данным, к 1 июня 1915 г. поволжские колонисты "дали около ста тысяч рублей деньгами и не меньше обувью, бельем, продуктами"³⁶. В пожертвовании принимали участие и отдельные лица и общества и даже целые волости. Так, в ноябре 1914 г. все 13 сельских обществ Сосновской волости Камышинского уезда Саратовской губернии в связи с вступлением в войну Турции на стороне Германии приняли однотипные приговоры о пожертвовании на нужды войны 8400 пудов ржи из общественных запасов, в том числе на нужды общеземской организации – 5080 пудов, обществу Красного Креста – 2320 пудов. Кроме того, Голо-Карамышское общество выделило 1000 пудов в пользу семей фронтовиков-односельчан. Камышинский уездный съезд земских начальников, "принимая во внимание столь целесообразную высоко-патриотическую цель пожертвования", поддержал эту акцию, в отличие от Саратовского губернского присутствия, хотя она и нарушала Временные продовольственные правила. Потребовалось вмешательство Междуведомственного совещания по продовольственному делу в Петербурге, которое 28 марта 1915 г. согласилось с действиями камышинцев и тем самым принудило к аналогичным действиям Саратовское губернское присутствие³⁷.

По данным проф. К.Э. Линдемана, самые крупные пожертвования до 1915 г. среди немецких селений дала колония Гуссенбах одноименной волости Новоузенского уезда Самарской губернии. Общая стоимость пожертвований составила около 25 тыс. руб., в том числе деньгами – около 6 тыс. руб., одеждой, обувью, продуктами и т.п. – более 18,5 тыс. руб.³⁸ Внесли свою лепту и немцы-предприниматели. Так, во время сбора пожертвований в конце мая 1915 г. от Торгового дома А. Бендер поступило 500 руб., Товарищества бр. Шмидт – 1000 руб., Торгового дома Э.И. Борель – 100 руб., К.А. Штафа – 100 руб., что составило более трети крупных пожертвований по Саратову во время сбора³⁹.

Для сбора пожертвований практиковались различные способы, в том числе приговоры обществ, организация кружечных сборов, благотворительных спектаклей, лотерей-аллегри, продажа флагов. Сами сборы имели адресно-целевой характер. Они направлялись непосредственно, или через соответствующие учреждения и организации, преимущественно на помощь

раненым и больным, семьям призванных в армию, беженцам и высланным из западных губерний. Например, в сентябре 1914 г. были организованы благотворительные спектакли в Камышине – в пользу “семейств запасных без различия вероисповедания”, в Сарепте – в пользу местного лазарета, в Голом Карамыше Камышинского уезда – в пользу семей призванных в армию. В августе в Сарепте был проведен кружечный сбор, давший более 200 руб., в октябре – лотерея-аллегри. По непонятным причинам аналогичная лотерея, средства от которой должны были пойти на содержание лазарета в 20 копеек, не была разрешена в Голом Карамыше⁴⁰.

Земства и городские думы создавали комитеты, попечительства по оказанию помощи семьям фронтовиков, раненым и больным, позже – беженцам. Нуждами беженцев занимался также и общероссийский комитет вел. кн. Татьяны Николаевны – Татьянинский комитет. Его губернские отделения были открыты летом 1915 г., затем были созданы уездные отделения и волостные попечительства. В отдельных случаях создавались объединенные структуры. Так, 8 августа 1915 г. в Камышинском уезде был создан объединенный комитет вел. кн. Татьяны Николаевны и уездного земства по оказанию помощи раненым, семьям призванных на войну и беженцам⁴¹.

В благотворительных акциях принимали участие и рядовые прихожане, и представители церкви. В августе 1914 г. в Саратове прихожане римско-католической церкви избрали исполнительный комитет для сбора пожертвований в пользу больных и раненых. В состав комитета вошли 12 человек, в том числе настоятель прихода⁴². 31 января 1915 г. А.А. Ширинский-Шихматов получил телеграмму из Царицына от пастора Шмидта, который “ввиду ужасной бедности среди высланных из Привислинского края русскоподанных немцев и возможного развития эпидемии (так в тексте. – А.В.) на почве недоедания” просил разрешения открыть столовую и ночлежку для беженцев на пожертвования евангелическо-лютеранского прихода. Разрешение было дано⁴³. К 1 декабря 1915 г. в Царицыне действовал Евангелический комитет попечения о беженцах во главе с А.А. Гергардтом⁴⁴.

Насколько можно судить, значительную часть сборов поволжские немцы затратили на организацию практической помощи раненым и больным. В августе 1914 г. они поддержали идею местного учителя Августа Лозингера о создании в Саратове лазарета имени немецкого населения Саратовской и Самарской губерний. В течение двух месяцев немцы собрали на лазарет 50 тыс. руб.⁴⁵, по другим данным – около 30 тыс. руб. и лишь к июлю 1915 г. – до 50 тыс. руб. В соответствии с последним источником крупные сборы дали, в частности, заволжские колонии Ровное, Тонкошуровка и Гуссенбах – по 3 тыс. руб. каждая, правобережные Денгоф – 2 тыс. руб., Щербаковка –

3,5 тыс. руб. и т.д.⁴⁶ 14 ноября 1914 г. лазарет на 100 коек был открыт в доме немецкого предпринимателя Зайферта. К лету 1915 г. он принял 357 пациентов. 25 августа 1914 г. лазарет был открыт при церкви Св. Марии в Саратове⁴⁷. Лазареты открывались и в колониях. По данным Юстуса, поволжские немцы создали и содержали в годы войны 7 лазаретов, однако не исключено, что их могло быть больше. Если подытожить сведения отдельных авторов, то лазаретов было не менее 9⁴⁸. Кроме того, в больницах немецких селений создавались дополнительные места для раненых. Например, в Тарлыцкой волости Самарской губернии было принято решение выделить 500 руб. на оборудование 10 мест для раненых в местной лечебнице и 100 руб. на их ежемесячное содержание⁴⁹. В колониях также проводились сборы на содержание евангелического лазарета в Петрограде⁵⁰.

К концу 1914 г. в сфере внимания поволжских немцев оказались также немцы-беженцы и административно выселенные из западных губерний Российской империи, которые составили часть беженского потока, захлестнувшего Нижнее Поволжье.

К концу 1914 г. в Саратовской губернии беженцев насчитывалось свыше 151 тысячи человек⁵¹.

По жандармской информации, с прибытием в Саратов в декабре 1914 г. большой партии высланных немцев среди волжских немцев распространилась идея о создании комитета для оказания помощи беженцам. Одним из инициаторов стал А.К. Рейнеке, видный предприниматель-мукомол. Идею поддержал губернский предводитель дворянства В.Н. Ознобишин. Он обратился с просьбой возглавить комитет к пастору Л.Г. Беннингу, а после его отказа из-за опасения “прослыть германофилом”, подключил к процессу уговаривания пастора Лянкау, саратовского полицмейстера, городского голову М.Ф. Волкова. Беннинга убедили, – до получения официального разрешения на открытие комитета, – в необходимости собирать и распределять пожертвования, при этом “санитарную часть” взял на себя город. Так как местные немцы ограничились лишь материальной помощью, то состав комитета был сформирован из немцев, уроженцев других регионов. Пожертвования шли не только от саратовских немцев, но и из других городов. В июле 1916 г. комитет был легализован. К тому времени российские немцы, “опасаясь прослыть германофилами”, прекратили помощь. Сбор средств принял на себя американский генеральный консул в Москве, который ежемесячно высылал деньги в комитет для распределения их среди “гражданских” лиц⁵².

В мае 1915 г. подобный комитет во главе с колонистом из Усть-Залихи А.П. Шнайдером был создан в Камышине по инициативе члена уездной

земской управы Е.Х. Брандта. Деятельность комитета оказалась неудачной. Попытка получить разрешение губернатора на сбор пожертвований "путем устройства спектаклей, публичных гуляний, благотворительных кинематографических сеансов" натолкнулась на отказ ввиду оказания помощи беженцам администрацией, возможности обеспечить себя посредством заработков и использования сборов "для более важных государственных нужд"⁵³. Определенная логика в этих суждениях была, так как нередко беженцы отказывались от предлагаемой им работы. Вместе с тем администрация не учитывала то обстоятельство, что в ряде случаев возможности беженцев не соответствовали предлагаемой им работе.

Война способствовала распространению антинемецких настроений в стране и принятию правительством ряда ограничительных мер применительно к выходцам из германских земель, в том числе и к бывшим колонистам. Первые действия были направлены против подданных воюющих с Россией Германии и Австро-Венгрии. В соответствии с указаниями из Петербурга саратовский губернатор 27 июня 1914 г. предписал полицейским учреждениям губернии считать арестованными и подлежащими высылке в завожские губернии всех военнообязанных, подданных Тройственного союза. 2 августа 1914 г. последовало уточняющее циркулярное распоряжение, в соответствии с которым аресту и высылке в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии подлежали все военнообязанные враждебных России стран в возрасте от 18 до 45 лет, а также заподозренные в шпионаже. Исключение допускалось для "лояльно" настроенных и неспособных к военной службе, которые могли выехать за границу или остаться на месте под полицейским контролем. 11 августа 1914 г. Министерство внутренних дел расширило территорию для выселяемых. Помимо упомянутых губерний в нее вошли завожская часть Казанской губернии, кроме мест, прилегающих к Волге и Каме, Костромская губерния, за исключением приволжских уездов, восточные уезды Олонецкой губернии и два уезда Архангельской губернии. Условия высылки жестко оговаривались. Выселяемые отправлялись под охраной за свой счет по железной дороге "3 классом" или парходом "2 классом". При отказе от высылки их предписывалось отправить за свой счет по этапу. В конечном пункте высылки с них бралась подписка о невыезде и устанавливался надзор. МВД предписывало размещать высланных группами и подчеркивало, что хотя интернированные обеспечивают проживание за свой счет, но "какой-либо комфорт не допустим: лишь необходимые жизненные удобства"⁵⁴.

25 июля 1914 г. саратовский губернатор издал обязательное постановление, затрагивающее интересы всего населения губернии. Были запреще-

ны всякие призывы к стачке, "распространение ложных слухов, возбуждающих враждебное отношение к правительству, войскам" и т.д. За нарушение постановления предусматривалось наказание в виде тюремного заключения или ареста сроком до 3 месяцев, или штрафа в размере до 3 тысяч рублей⁵⁵. 1 августа была получена телеграмма министра внутренних дел Н.А. Маклакова с указанием на "необходимость использовать немедленно все средства и способы для поддержки полного спокойствия в среде обывателей вверенной Вам губернии". Для борьбы с "злонамеренными лицами" предписывалось пользоваться "всеми возможными средствами", "забывая о формальных соображениях там, где требуется во что бы ни стало охранять общественный порядок и спокойствие". В телеграмме отмечалось, что превышение власти в таких случаях "встретит всегда одобрение и поддержку" министра, в то время как нерешительность и бездействие будут рассмотрены "как тягчайшая вина перед долгом службы"⁵⁶.

Постепенно ограничения распространились и на поволжских немцев - потомков первых колонистов. 5 августа 1914 г. был установлен персональный контроль над выходящими в Саратове немецкими газетами. Инспектору по делам печати Б.К. Миллеру была поручена цензура над газетами "Evangelischer Gemeindebote", "Der Morgenstern", "Volkszeitung", "Unser Zandwirt"⁵⁷. В том же месяце губернатор не принял протокол заседания членов Обердорфского кредитного товарищества, в которое входили жители 4 немецких колоний Камышинского уезда Саратовской губернии, с пожеланием победы "русскому воинству", так как он был "подписан на иностранном, а не государственном языке"⁵⁸.

Серьезным психологическим испытанием для российских немцев стала правительственная кампания по переименованию населенных пунктов с немецких на русские названия. После переименования Петербурга в Петроград некий корреспондент, судя по всему, немец, эмигрировавший в США, писал в сентябре 1914 г. жителю колонии Карамышевки Камышинского уезда И. Бругу: "Я вполне точно не знаю, к кому я принадлежу: формально я считаю совершенно русским, но если царь перекрестил Петербург в Петроград, то мое понимание считать себя русским получает уже поражение, от которого едва ли снова оправится"⁵⁹.

15 октября 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков направил на места циркуляр о переименовании селений с немецкими названиями. "В виду войны России с Германией и Австро-Венгрией, - подчеркивал Н. А. Маклаков, - я нахожу своевременным поставить на очередь вопрос о переименовании тех селений и волостей, кои носят немецкие названия, с присвоением им наименований русских"⁶⁰.

23 октября 1914 г. состоялось заседание Саратовской городской думы, в котором были заслушаны заявления гласного Н.Н. Петрова и группы мещан о переименовании Немецкой улицы в Скобелевскую. Ещё 25 июля 1883 г. городская дума единогласно утвердила постановление, в котором говорилось: "Признавая полезным увековечить в населении память героя последней русско-турецкой войны и одного из лучших русских людей, переименовать Немецкую улицу в Скобелевскую". 16 марта 1884 г. министр внутренних дел уведомил саратовского губернатора, что "он полагал бы более ответственным отклонить ходатайство Саратовской городской думы о переименовании Немецкой гор. Саратова улицы в Скобелевскую". В октябре 1914 г. гласные думы уже более ответственно отнеслись к проблеме: "После долгих прений большинством 21 голоса против 18 постановлено согласиться с докладом управы и не переименовывать Немецкую улицу"⁶¹. Упорство проявило и волостное правление в с. Чардым Саратовского уезда, которому земский начальник предложил переименовать селение Зафорштатское в Засаратовское или Запристанское. Однако волостное правление "не приняло название сельского общества за немецкое"⁶².

Иначе сложилась судьба немецкоязычных названий колоний Илавлинской волости Камышинского уезда. 13 января 1915 г. состоялось заседание Саратовского губернского присутствия, на котором рассматривались варианты новых названий колоний, предложенные Саратовской ученой архивной комиссией (СУАК). 5 селений по предложению СУАК получили народное название: Розенберг, ранее получивший название по прилегающей горе, стал именоваться Уметом; Унтердорф (по расположению в нижней части волости) превратился в Веселовку; Обердорф (по расположению в верхней части волости) стал Купцово; Эрленбах (по названию ручья – Ольховый) был переименован в Ременниково; Иосефсталь (в память старца Иосифа) - в Скрыпалево. Для остальных селений губернское присутствие дало свои наименования. Мариенфельд, получивший название в память Богоматери, был переименован в память императора Николая I в Николаевское. Александрталь, названный "по прилегающей долине в память Александра II", стал называться Александровским. Ней Бальцер получил новое имя Перевозинка по протекавшей здесь речке. Лизандердорф, названный по имени старосты Лизандера, был переименован в Пограничное из-за своего расположения вблизи границы уезда. Ней Денгоф, как выселки старого села Денгоф, было решено именовать Новым⁶³.

Кампания по переименованию в Саратовской губернии закончилась 14 июля 1915 г. В этот день было переименовано селение Ней Мюль Усть-Кулалинской волости Камышинского уезда. История селения началась

1845 г. с основания мельницы колонистом Давыдом Делингером из Верхней Грязнухи. Губернское присутствие, отвергнув варианты новых названий, предложенные Камышинским уездным предводителем дворянства – Давыдкина мельница, Давыдовка и земского начальника – Столыпино, переименовало селение Ней Мюль в Мучное⁶⁴. В Самарской губернии уже в ноябре 1914 г. не осталось селений с немецкими названиями.

Следует заметить, что параллельно с принудительным переименованием наблюдалась картина добровольного переименования лиц с немецкими именами, временами доходившая до курьеза. Так, командующему III армии Леону Вильгельмовичу Лешу по его просьбе Николай II разрешил поменять отчество Вильгельмович на Павлович. Принца А.П. Ольденбургского в ставке Верховного главнокомандующего за глаза иронично именовали Ольденбургским⁶⁵.

В мае 1915 г. товарищ министра внутренних дел, начальник корпуса жандармов В.Ф. Джунковский наблюдал любопытный эпизод: "Приехав в Варшаву ночью, я не выходил из вагона, мой вагон отцепили и поставили на запасном пути станции. Проснулся я от странного крика на станции. Прислушавшись, я узнал голос принца Александра Петровича Ольденбургского, который кричал на кого-то на платформе вокзала. Я подошел к окну и увидел его, окруженного своей свитой и разными чинами медицинского ведомства. Принц кричал: "Да подайте же мне этого, ну как его? Как его? Ну, рожденного Рейнбота!"

Рейнбот, бывший градоначальник в Москве ... занимал должность по санитарной части в Варшаве. Вследствие повальной болезни, которой страдали в то время многие, носившие немецкие фамилии, Рейнбот переименовался в Резвого, вот принц Ольденбургский старался вспомнить его новую фамилию и не мог. Резвого – Рейнбота вскоре отыскали, принц покричал на него и успокоился"⁶⁶.

В 1915 г. волна ограничительных мер усилилась. По некоторым данным, с начала 1915 г. было запрещено издание в России немецкоязычных газет⁶⁷. Правда, эта мера не затронула распространения в стране газет на немецком языке, ввозимых из дружественных России государств. Упомянутые газеты подлежали предварительной цензуре⁶⁸.

Гнетущее впечатление на поволжских колонистов произвел закон 2 февраля 1915 г. о ликвидации немецкого землевладения в России. По этому поводу В.Н. Дульзон, служивший в управлении уездного воинского начальника в Тифлисе, в письме от 19 апреля 1915 г. писал своему отцу Н.Е. Дульзону в с. Краснополье Ровенской волости Новоузенского уезда Самарской губернии: "По отношению к немцам Поволжья он несправедлив и не вы-

зван государственными интересам, а шовинизмом известного круга лиц, недолюбливающих всех тех, кто не принадлежит к их лику. Лояльность немцев, непричастность их к симпатиям "немцев колонистов" вытекает уже из одной разницы их истории колонизации и географии положения"⁶⁹.

Не менее гнетуще сказались на настроении поволжских немцев вести с фронта, где в январе 1915 г. был издан приказ об отчислении немцев-военнослужащих из фронтовых частей и переводе их в тыловые команды на Кавказский фронт. Служивший в 82-й пехотной дивизии Э. Недергауз писал 25 февраля 1915 г. своим братьям в Ершово Новоузенского уезда Самарской губернии: "Радостного я вам сообщить не могу, а наоборот много печального. Страшно восстановлены против нас колонистов, даже из двух полков выделили наших, и как пишут в приказе, они будто переведены в другие полки для пополнения; по сведениям, их гнали как аре/стантов/ без оружия, партиями по 200 человек. В общем, здесь существует большая несправедливость"⁷⁰.

К.П. Винс, санитар эвакуационного лазарета имени наследника Алексея Николаевича в Петербурге, сообщал своей жене в Кеппенталь Самарской губернии, что часть немцев, "хотя в лазарете нами довольны", по приказу военного ведомства высылают на турецкую границу. "Сказывается, что невзирая на наши труды, - продолжал Винс, - нас все равно причисляют к немцам и к ненавистникам нашей родины. Сколько мы здесь не трудились, исполняя добросовестно свои обязанности, нам все же не доверяют, боясь пропаганды"⁷¹.

В 228-м Новоузенском пехотном полку 82-й дивизии служили братья Д.Д. и К.Д. Гартман. Прапорщик Д.Д. Гартман принимал участие в качестве рядового в русско-японской войне и был награжден Георгиевским крестом. В боях за Перемышль в 1915 г. он заслужил ордена св. Анны 4-й степени и Станислава 3-й степени с мечами. Его брат К.Д. Гартман писал родственникам: "Здесь уже дало себя чувствовать гонение на немцев. Всех состоящих в полках дивизии немцев распределили по соседним дивизиям 58-й и 81-й, оставляя в полках нашей дивизии от 150-200 самых лучших по усмотрению ротных командиров... Не коснулось это гонение и господ офицеров немцев, которых тоже немало особенно в Новоузенском полку... По рассказам Д.Д. многие плакали ибо вели как арестантов под конвоем". В другом письме К.Д. Гартман сообщал: "Переводимых конвоируют при усиленной охране как будто бы они совершили страшное преступление. Печально и мало утешительного: войну также и нам объявили... Это пощечина и неожиданность для Вас, а также и для солдат. Причины к тому нет, насколько я знаю, ошибки с нашей стороны не допущались"⁷².

Как явствует из писем, правительственные ограничения в отношении российских немцев поставили перед ними проблему их государственной самоидентификации и вполне могли спровоцировать возникновение негативного отношения к государственной власти, в одних случаях, или его усиление, в других.

21 марта 1915 г. саратовский губернатор получил письмо от Камышинского уездного предводителя дворянства М.Х. Готовицкого, в котором последний сообщал о разговорах местных колонистов, беженцев и горожан из немцев "на немецком языке, нередко принимающих демонстративный характер, чем вызывают в среде русского населения заметное неудовольствие и ропот". Аналогичная телеграмма была получена из Царицына от группы частных лиц с жалобой на разговоры на немецком языке в публичных местах. После запроса в Департамент полиции губернатор 14 апреля 1915 г. издал обязательное постановление о том, что "воспрещаются во всех городах Саратовской губернии, на улицах и вообще в публичных местах разговоры на немецком языке, имеющие явно демонстративный характер". Виновные подлежали аресту или заключению в тюрьму на срок до 3-х месяцев, или денежному штрафу до 3 тысяч рублей. Постановление вступало в силу с 25 апреля⁷³. Оно было применено однажды, но без использования максимальных санкций. В июне 1915 г. губернатор получил письмо от начальника 55-й бригады ополчения, расквартированной в Пензе. Начальник бригады писал, что в Саратове на ул. Малой Казачьей поселянин А.А. Гарлингер содержит немецкую столовую в доме прапорщика 692-й дружины Бауэра. Посетителями столовой являлись почти исключительно немцы, которые разговаривали свободно на родном для них языке, что вызвало "неудовольствие русских офицеров". В итоге столовая была закрыта⁷⁴. 28 августа экземпляр постановления запросил самарский губернатор для использования опыта своего коллеги⁷⁵.

В условиях постоянного давления на немцев, в том числе и поволжских, совсем не удивительна история, наблюдавшаяся в некоторых колониях Камышинского уезда в мае 1915 г. 16 мая в 16 часов 15 минут староста с. Голый Карамыш получил телеграмму от старосты Таловки следующего содержания: "Приготовьте квартиру для её высочества Ольги Николаевны". По распоряжению волостного старшины, так как село являлось волостным центром, для великой княжны была подготовлена квартира в доме текстильного фабриканта Бендера, дом при этом был украшен государственными флагами. По предложению местного пастора учитель собрал у дома учеников с флагами для встречи.

Спустя полчаса из Таловки подъехала незнакомка с повязкой Красного Креста на рукаве "с ямщиком на паре лошадей". Волостному старшине и писарю она сказала, что больше никого не будет, и проследовала в дом Бендера. Вскоре туда же направилась толпа колонистов с двумя портретами царя и пением "Боже, царя храни!" Старшина и староста поднесли ей хлеб-соль под крики "Ура!", а незнакомка при этом "назвалась именем великой княжны", после чего предложила произвести сбор пожертвований и передать его ей на следующий день к 5 часам вечера, а в 19 часов подать лошадей для отъезда. Манера поведения, "выражения некоторых слов" заставили волостную власть усомниться в высоком происхождении гостьи, и в Голый Карамыш был вызван исправник. При беседе с ним незнакомка отказалась предъявить документы, назвалась вновь великой княжной и пригрозила исправнику отправкой на фронт. Не оробевший исправник оказался настойчив и добился признания гостьи в том, что она является крестьянкой Симбирской губернии Е.К. Базарновой в возрасте 26 лет. Некоторое время она работала прислугой и портнихой. Последний раз она служила прислугой в Вольске, где за кражу была осуждена. Прибыв после освобождения из тюрьмы из Самары в Саратов, она направилась в Камышинский уезд, где решила использовать благоприятную для себя конъюнктуру. 15 мая она приехала в Сосновку, где назвалась сестрой милосердия, произвела сбор денег на сходе и получила 13 рублей. По дороге в Таловку аппетит значительно вырос, и она представилась уже великой княжной. В соответствии с этим сбор увеличился почти до 50 рублей⁷⁶. Вряд ли подобная затея могла найти поддержку немецкой сельской администрации в условиях мирного времени, но война и связанные с ней ограничения в отношении немцев подготовили благодатную почву для авантюры. Вполне вероятно, что дезориентированные поселяне могли заставить себя поверить гостье в расчете на облегчение своего положения.

2 декабря 1915 г. последовало очередное ограничение, когда командующий Северным фронтом генерал Рузский своим приказом запретил использование немецкого языка в почтовой переписке в районе фронта⁷⁷, что ощутимо сказалось на личной переписке солдат из немцев со своими родственниками. К тому времени и те и другие весьма слабо владели русским языком. 8 ноября 1916 г. из штаба Казанского военного округа саратовскому губернатору потупило конфиденциальное сообщение, "что немцы колонисты в школы прапорщиков не допускаются, а к ним относятся и немцы русского подданства, принадлежащие к поселянам собственникам, проживающие в немецких колониях в разных местах России"⁷⁸.

В декабре 1915 г. был принят очередной закон об ограничении немецкого землевладения и землепользования, а 12 октября 1916 г. Особый ко-

митет по борьбе с немецким засильем сделал запрос в Саратовскую губернию о возможности и желательности применения "узаконений" 2 февраля и 13 декабря 1915 г. к проживавшим в губернии немцам⁷⁹. В архивных материалах удалось обнаружить 5 ответов на запрос. Балашовский уездный съезд земских начальников высказался против распространения на территорию уезда ограничений, резонно заметив, что уезд находится в глубоком тылу, "почему подданные враждебных государств, выходцы из этих государств и их потомки никоим образом не могут содействовать успеху неприятельских войск"⁸⁰.

К балашовцам присоединился председатель Царицынской уездной земской управы, который не увидел оснований "в желательности и необходимости немедленного распространения" на уезд упомянутых узаконений, но признал "целесообразным" их применение при появлении соответствующих фактов. Его коллега из Вольска высказался за желательность применения ограничений только в случае их применения в Саратовском и Николаевском уездах, где немцев больше. Безоговорочно поддержал правительственные узаконения начальник 4-го земского участка Камышинского уезда и с оговорками - Сердобский уездный съезд земских начальников. Последний высказался против "землевладения целыми группами, представляющими из себя общество, поселки и т.д., состоящие из лиц немецкого происхождения, в ущерб коренному Русскому населению, которому свободные земли предпочтительно должны представляться во владение". Съезд допускал возможность сохранения землевладения для немцев, но в размере, не превышающем средний размер надела для местного населения, и для "не более одного, много двух лиц" на целое селение с тем, чтобы местные крестьяне могли учиться у немцев правильному ведению сельского хозяйства⁸¹.

Реакция поволжских колонистов в этой ситуации была достаточно предсказуемой. 27 февраля 1917 г. Аткарский уездный мировник рапортовал в Саратов, что Положение Совета министров о ликвидации немецкого землевладения, опубликованное в № 39 "Правительственного вестника", "не только произвело на немцев-колонистов удручающее впечатление, но и заметное озлобление против правительства". По информации исправника, "вожаки немецких колоний в уезде: Штрасгейм, Зиннер и Миллер, в Саратове: Шельгорн, Шмидт, Борель и друг., - объединившись в тесный кружок, часто собираются в городе Саратове, где и вырабатывают соответствующие меры. Все немцы-колонисты слепо верят членам этого кружка и повинуются их инструкциям охотно". По его же сведениям, кружок делегировал лютеранского священника в Петроград для встречи со Стишинским с просьбой об отмене или смягчении ограничений, но безрезультатно. В ито-

ге колонисты высказались за сокращение посева, в то время как "кружок" - за засев всех земель с целью демонстрации лояльности⁸². Февральская революция поставила точку в противостоянии правительственной администрации и немцев.

Насколько же были обоснованы антинемецкие настроения в России в годы первой мировой войны? Уместно предположить, что одним из их первоначальных факторов явилось проявление неизбежной в конфликтах такого масштаба психологической установки "свой"- "чужой". В этих условиях сохранение немецкими колонистами своей обособленности трактовалось как населением, так и властями, как недружелюбная мера по отношению к России. Именно на этой почве в начале войны стали распространяться слухи о возможном предательстве поволжских немцев.

7 сентября 1914 г. Саратовский уездный исправник Соколов направил рапорт губернатору о том, что 25 августа крестьяне деревни Сергиевки, находясь на мельнице Миллера в с. Норки Камышинского уезда, видели аэроплан, пролетавший в направлении колонии "Кресты" Аткарского уезда. По словам немцев, полеты имели место несколько раз. Ходят слухи, что аэропланы большей частью показываются над немецкими колониями, а над с. Славнуха с аэроплана даже сбросили "какие-то брошюры на немецком языке"⁸³. В ноябре 1914 г. Балашовский уездный исправник донес губернатору, что группа крестьян увидела аэроплан в небе над немецкой колонией. К чести исправника, он поручил приставам "вообще принять меры к недопущению подобных слухов..., чтобы не возникло враждебного к поселенцам движения". В свою очередь, губернатор предписал местным властям проверить информацию, и, в случае её не подтверждения, привлечь к ответственности виновных за распространение слухов⁸⁴. Уже в октябре две русские крестьянки за слухи о немецких аэропланах были арестованы на неделю⁸⁵. Эта мера позволила пресечь явное распространение слухов, но не смогла остановить нарастание в населении недовольства немцами-колонистами.

Определенный повод к тому давали и сами колонисты. По утверждению местных гражданских и полицейских чиновников, некоторые из немцев симпатизировали Германии и проявляли свои взгляды при встречах с русскими крестьянами. Недовольство колонистов подогревалось также и ограничительными мерами местной администрации в их отношении.

Так, 29 августа 1914 г. саратовскому губернатору поступило сообщение помощника начальника Саратовского губернского жандармского управления по Камышинскому уезду ротмистра Кононова "о враждебном отноше-

нии немецкого населения к русским, причем немцы свое отношение или плохо скрывают или вовсе не скрывают. Немцы по поводу приговоров о верноподданических чувствах говорят, что приговоры эти у них вынуждены и вообще всякого рода патриотические действия их не добровольны... Во многих колониях, главным образом, среди меннонитов распространены портреты Вильгельма и Франца Иосифа и совершенно нет портретов Николая II. Отношение немцев, если не прямо враждебно, то пренебрежительное"⁸⁶. Правда, в дальнейшем портреты германского и австро-венгерского императоров были обнаружены лишь у 6 колонистов⁸⁷.

В августе 1914 г. 5 колонистов из разных правобережных колоний были подвергнуты аресту на срок от 2 недель (1 человек) до 3-х месяцев (3 человека) и даже до 1 года крепости (1 человек) за прогерманские высказывания. Всего же за июль 1914 - 1916 гг., по неполным данным, власти зафиксировали до 25 случаев враждебных высказываний колонистов в адрес России; в 11 случаях было применено наказание⁸⁸. Трудно судить о соразмерности наказания проступкам, но важно отметить несколько обстоятельств. Во-первых, уместно предположить, что масштабы прогерманских настроений были больше, так как об антирусских высказываниях колонистов властям становилось известно лишь тогда, когда колонисты вступали в споры с русскими крестьянами. О настроении немецкой деревни власти могли лишь гадать, так как внутренняя жизнь мононациональных колоний была закрыта от чужого глаза. Но, несмотря на все усилия властей, подтверждения шпионской деятельности колонистов обнаружить не удалось, хотя переходы колонистов на сторону противников России были⁸⁹.

В июле 1915 г. газета "Новое время" обвинила саратовских немцев в пособничестве Германии. Так, мукомол Э.И. Борель обвинялся в том, что незадолго до захвата Либавы германскими войсками отправил туда "громадные запасы хлеба для неизвестных целей", так как хлеб не продавался и полностью был захвачен неприятелем. Епископ Кесслер был обвинен в прогерманских симпатиях. Жандармская проверка не подтвердила эти обвинения, несмотря на пристрастность нижних чинов. Так, жандармский унтер-офицер, сообщая о встречах немцев на квартирах служащих и на мельнице Бореля в Нижней Добринке, подытожил: "Цель незаконного сборища немцев также не известна, но можно полагать, что они преследуют, бессомненно, какую-либо вредную против России идею и возможно допустить, что у названных выше немцев имеется нелегальная переписка"⁹⁰.

Во-вторых, губернатор достаточно взвешенно подходил к вынесению решений о наказании за нарушение обязательного постановления, требуя

от подчиненных доказательства вины обвиняемых. При отсутствии фактов дело прекращалось⁹¹. Лишь в одном случае сыграл свою роль национальный момент. В мае 1915 г. совладелец мукомольной фабрики бр. Гергардт в Царицыне А.А. Гергардт по требованию местной администрации продал ей 9 тысяч пудов муки по реквизиционной цене в 1 руб. 18 коп. за пуд, но высказал недовольство ценой за пустой мешок, так как ему давали 50 копеек за мешок, в то время как его реальная стоимость равнялась 60 коп. За свою фразу: "Что так и быть подарю на бедность вашей казне 10 коп.", - он был вынужден выплатить штраф в 2 тыс. руб., так как в противном случае ему грозил 2-х месячный арест за "иронию, злобу и презрение к Русской национальности и вообще к России", в чем сыграла свою роль немецкая национальность Гергардта⁹². Однако следует заметить, что не менее жестко губернатор за "антироссийские" действия наказывал и русских.

Так, одна 17-летняя сестра милосердия была приговорена к 2-х недельному аресту лишь за присутствие при разговоре другой сестры с немецким военнопленным на улице. Просьба сестры отложить наказание до окончания экзаменов на высшие женские курсы была отклонена губернатором⁹³.

Характерно, что когда в июле 1915 г. была получена информация об усиленной скупке оружия колонистами с целью самообороны против якобы готовящегося погрома, то все незарегистрированное оружие (337 ружей и 40 револьверов) было изъято, при этом его оставили у тех, кто имел разрешение (117 ружей и 109 револьверов)⁹⁴.

Небезынтересно отметить антироссийский настрой немецких эмигрантов в Северной Америке, которые переписывались с земляками в Поволжье. Некий Вульф писал своей сестре А.А. Шмидт, проживавший в с. Нееб Самарской губернии: "Я тысячу раз поблагодарил бы бога, если бы Германия всю Россию завоевала и все начальство перевешала бы, дабы оно получило заслуженную кару"⁹⁵. С ним был солидарен Я.И. Штерцер, эмигрант из Тонкошуровки Самарской губернии: "Враги Германии хотят уничтожить страну искусства и науки и из нее образовать жалкую нищенскую Россию".⁹⁶ О том же писал неизвестный автор И. Бругу в Карамышевку Камышинского уезда: "Но если вы считаете виновницей войны Германию, то вы крайне заблуждаетесь. Россия есть источник зла. Эти демоны, имеющие камни в руках, должны быть повешены, как бешеные собаки"⁹⁷. Сквозила в письмах и обида. Некто Мелинг писал Ф. Венцелю в Линево Озеро Камышинского уезда Саратовской области: "Пусть там вспомнят, что более полтора десятилетия немцы лестью и обманом были вовлечены в Россию, где и были

закреплены в настоящее рабство". Некоторые авторы ставили перед адресатами вопрос: "...должны ли помогать немецкие братья и друзья русским медвежьям?"⁹⁸.

Однако власти должны были учитывать распространение антивоенных настроений и среди русских. Получает развитие дезертирство под влиянием, как фронтовых неудач, так и рукоприкладства. Корреспондент хранителя музея в память Столыпина тит. сов. С.А. Щеглова писал ему из Польши еще в ноябре 1914 г.: "Наше начальство рукоприкладствует: бьют не только сверхсрочные, но даже мордобойствуют офицеры"⁹⁹. Учащаются случаи сдачи в плен. Саратовец И. Максимов писал в июле 1915г. своему отцу, что при разгроме его бригады его земляки "помолились богу и сдались в плен"¹⁰⁰. О сдаче в плен заговорили и солдаты в госпиталях: "Идут разговоры такие, что лучше в плен будем, говорят, сдаваться, чем нас заставят добивать"¹⁰¹. К 1917г. в плену было около 4 млн. российских солдат. Однако под подозрением оставались лишь российские немцы.

Таким образом, необходимо констатировать, что немецкая проблема имела несколько составляющих. На правительственном уровне в годы войны был взят курс на ликвидацию немецкой собственности, в первую очередь в прифронтовых регионах, где администрация прибегала к жестким мерам в отношении немецких колонистов. На губернском уровне, по крайней мере, в Поволжье, администрация действовала в рамках законов, имея своей целью обеспечение порядка, в том числе и защиту колонистов. Источником усиления взаимной вражды на национальной почве, помимо бытовой составляющей, является непродуманная правительственная политика. Важно также отметить, что нельзя немецкий вопрос сводить к проблеме лояльности или нелояльности немцев или к национальной принадлежности. Он является производным от проблемы взаимоотношений элиты, общества, народа одного государства с потомками выходцев из другого государства в условиях серьезного конфликта между этими государствами. Остроту проблеме при этом придает компактность проживания национального меньшинства в рамках замкнутой мононациональной общины. Ведь в большей степени правительственная политика была по колонистам, нежели по городским немцам или немцам в государственном аппарате. Тем не менее, думается, что в современных условиях подавляющее большинство государств неизбежно прибегнет к превентивным или репрессивным мерам против выходцев из враждебных государств в случае масштабного конфликта, несмотря на декларируемую толерантность.

Примечания

- 1 См.. Немцы России и СССР: 1901-1941 гг.: Материалы международной научной конференции. М., 2000.
- 2 См.. Нелипович С.Г. Проблема нелояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. С. 365-380.
- 3 Там же. С. 366-368.
- 4 Там же. С. 368.
- 5 Там же. С. 369.
- 6 См.. Тотфалушин В.П. "Русские" немцы и немецкий вопрос в годы первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV-VI чтений. Саратов, 1994. С. 181-182.
- 7 См.. Решетов Д.Г. Помощь немецких колоний Нижнего Поволжья фронту в годы Первой мировой войны // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. С. 52-61.
- 8 Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф.1. Оп. 1. Д. 9394. Л. 11.
- 9 ГАСО. Ф. 53. Оп.1. 1914 г. Д. 47. Л. 128, 141.
- 10 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9399. Л. 1.
- 11 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 47. Л. 113.
- 12 Очерки истории Саратовского Поволжья /1894-1917/. Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2. С. 286.
- 13 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9399. Л. 42.
- 14 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 47. Л. 238-239.
- 15 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9399. Л. 29-29об.
- 16 ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 4, 7, 9.
- 17 Там же.
- 18 Там же. Л. 30 об.
- 19 Там же. Л. 17, 22, 30, 57об, 60, 71об, 73, 80.
- 20 Там же. Л. 63
- 21 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 15. Т. 4. Л. 12-132; Т. 3. Л. 65об-66об. (Подсчет наш - А.В.)
- 22 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9289. Л. 44-269; Д. 9339. Л. 1-99; Д. 9389. Л. 2-89.
- 23 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1915 г. Д. 15. Л. 112-333 об. (Подсчет наш - А.В.)
- 24 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 47. Т. 1. Л. 248, 253об-254.
- 25 Там же. Л. 257-257об.
- 26 ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3810
- 27 См.. Решетов. Д.Г. Указ. соч. С. 53.
- 28 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9391. Л. 78.
- 29 Там же. Л. 79.
- 30 Там же. Л. 80-80 об.
- 31 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9391. Л. 82.
- 32 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9266. Л. 67.
- 33 Там же. Л. 104, 106.
- 34 Там же. Л. 80-80 об.
- 35 Там же. Л. 144.
- 36 Юстус К.Ф. Приволжские колонисты /По поводу закона 2 февраля 1915 г./ . Саратов, 1917 г. С. 26. 13 мая 1915 г. губернатор отменил хлебные пожертвования ввиду "полного обеспечения армии хлебом". ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9504. Л. 54.
- 37 ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 7881. Л. 1-21 об, 25-25 об.
- 38 Линдеман К.Э. Законы 2-го февраля и 13-го декабря 1915 г. /об ограничении немецкого землевладения в России/ и их влияние на экономическое состояние Южной России. М., 1916. С. 155.
- 39 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11493. Л. 208.
- 40 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9277. Л. 23, 99, 100, 176, 186, 187, 223; Д. 9276. Л. 87.

- 41 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11493. Л. 21, 177; Д. 11340. Л. 32.
- 42 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9276. Л. 87-87 об.
- 43 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9539. Л. 85.
- 44 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11340. Л. 27 об.
- 45 См.: Решетов Д.Г. Указ. соч. С. 59.
- 46 См.; Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 153-154.
- 47 Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь Св. Марии в Саратове. (1770-1935). Саратов. 1996. С. 37.
- 48 См.: Юстус К.Ф. Указ. соч. С. 28; Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 154; Решетов Д.Г. Указ. соч. С. 58.
- 49 Решетов Д.Г. Указ. соч. С. 59.
- 50 Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 154.
- 51 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11493. Л. 207.
- 52 ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. 1916 г. Д. 17. Л. 1213-1215 об.
- 53 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9530. Л. 91-94 об.
- 54 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 47. Т. 1. Л. 11, 13, 14, 15, 26-26 об.
- 55 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9362. Л. 2.
- 56 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 47. Т. 1, Л. 22-23.
- 57 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9241. Л. 1, 4.
- 58 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9266. Л. 186, 189.
- 59 ГАСО. Ф. 1. Оп. 51. 1914 г. Д. 26. Л. 145.
- 60 ГАСО. Ф. 1. Оп. 51. Д. 9230. Л. 47.
- 61 ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4712. Л. 9, 10, 11.
- 62 ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8148. Л. 23.
- 63 ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8031. Л. 6 об.-7
- 64 Там же. Л. 15 об.
- 65 Лемке М. 250 дней в Ставке. М., 1920. С. 523.
- 66 Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 550.
- 67 Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 156.
- 68 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9631. Л. 34 об.
- 69 ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. 1915 г. Д. 17. Л. 311.
- 70 ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. 1915 г. Д. 17. Л. 102.
- 71 Там же. Л. 158.
- 72 Там же. Л. 178, 183.
- 73 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9363. Л. 130, 131, 133.
- 74 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9623. Л. 183-186.
- 75 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9363. Л. 156.
- 76 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9631. Л. 140-141, 144-144 об.
- 77 ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. 1916 г. Д. 17. Т. 2. Л. 218.
- 78 ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8960. Л. 75-75 об.
- 79 Там же. Л. 27.
- 80 Там же. Л. 31-31об.
- 81 ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9172. Л. 3-10 об; Д. 8960. Л. 31-31 об.
- 82 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10113.
- 83 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9387. Л. 22.
- 84 Там же. Л. 23, 26-26 об.
- 85 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10113. Л. 102.
- 86 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 47. Т. 1. Л. 240-240 об.
- 87 Там же. Л. 247
- 88 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9444, 9592-9594, 9779; Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 56, 62; 1915 г. Д. 48; Оп. 8. 1915 г. Д. 7; Ф. 1089. Оп. 1. Д. 659, 660, 662.

- ⁸⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9778. Л. 1.
⁹⁰ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. 1915 г. Д. 48. Л. 63-65, 17-17об; Оп. 8. 1915 г. Д. 7. Л. 33-35.
⁹¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9592. Л. 27-32 об.
⁹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9593. Л. 44 об., 50.
⁹³ Там же. Л. 1-2.
⁹⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9576. Л. 227, 228.
⁹⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. 1915 г. Д. 17. Л. 36.
⁹⁶ Там же. Л. 39.
⁹⁷ ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. 1914 г. Д. 26. Л. 144.
⁹⁸ Там же. Л. 171-172об.
⁹⁹ Там же. Л. 121-121об.
¹⁰⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9576. Л. 187об.
¹⁰¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. 1916 г. Д. 17. Л. 57.

С. Нелипович

ПОЛИТИКА ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В ОТНОШЕНИИ НЕМЦЕВ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО. 1915-1918 ГГ.

Первая мировая война стала тяжелым испытанием для немецкой общины в России. Август 1914 г. стал началом новой эпохи – эпохи преследований и репрессий по национальному принципу. Российские немцы стали “внутренним врагом” российского государства и общества, с которым активно боролись, стремясь вытравить национальное самосознание. Следует заметить, что антинемецкая кампания, репрессии, ликвидационное законодательство стали катализатором процесса осознания российскими немцами себя как нации внутри России. Бедствия немцев привлекли к ним и внимание правительства Германии. Со времени первой мировой войны они стали составляющим звеном русско- и советско-германских отношений.

Притом, что положение немцев России в прошедшем десятилетии перестало быть закрытой темой и появилось множество работ о первой мировой войне, ситуация, сложившаяся для немецкой общины России на оккупированных противником землях, пока остается неизученной. Во многом это объясняется плохой сохранностью и долгой закрытостью для ученых архивных фондов оккупационных органов Центральные держав – Австро-Венгрии и Германии. В монографии Ю. Левандовского “Королевство Польское под австрийской оккупацией 1914-1918” вопрос об отношении оккупантов к российским немцам не затронут¹.

Источниковую базу данного исследования составили документы фондов оккупационных структур Германии и Австро-Венгрии на территории части Российской империи – Царства Польского – из государственных архивов Польши – Главного архива древних актов (Archiwum Głównie Akt Dawnych) и Архива новых актов (Archiwum Akt Nowych) в Варшаве. Первый хранит документы с древнейших времен до 1918 г., второй – документы с 1916 г. (образование Польского королевства под эгидой Центральные держав) до наших дней.

Главный архив древних актов хранит документы германских оккупационных учреждений 1915-1918 гг., прежде всего фонд Шефа администрации при Варшавском генерал-губернаторе (Verwaltungschef beim General-Gouvernement Warschau) и Императорско-германского генерал-губернаторства “Варшава” (Kaiserliches Deutsches General-Gouvernement Warschau).

Отчеты Шефа администрации за 1915-1918 гг. (квартальные) рисуют положение немецкого населения Царства Польского во время германской оккупации (как и другого населения этого региона). Это и трудности с продовольствием, особенно в зиму 1915/16 гг., поскольку при отступлении русских войск польская территория была разорена, данные о продовольственной и финансовой помощи населению со стороны оккупационных властей, о размещении и снабжении беженцев, о восстановлении учреждений евангелическо-лютеранской церкви и развитии общественных религиозных организаций (Фонд Густава Адольфа и др.).

Особый интерес представляют отчеты о мерах по охране собственности высланных русскими властями немцев-колонистов, о возвращении высланных немецких крестьян в родные места и о мерах по восстановлению их прав на недвижимость. Несколько дел содержат списки вернувшихся колонистов и указание о размерах выплаченных им пособий на подъем хозяйства (от 40 до 5000 марок).

В октябре 1917 г. было образовано Попечительство о немецкой земельной собственности в Польше (*Fürsorgestelle für deutsche Grundbesitz in Polen*), и отчеты отражают деятельность этого учреждения по выкупу проданных за бесценок при выселении колонистов земельных наделов. Представляют интерес и данные о расходах на содержание беженцев, на восстановление хозяйства, на снабжение населения и возвращающихся высланных.

Документы Попечительства о немецкой земельной собственности в Польше можно найти и в фондах Архива новых актов – прежде всего в фонде Бюро Версальской мирной конференции при Министерстве иностранных дел (*Biuro rządu kongresowuch*). Здесь сосредоточены в копиях письма и отчеты о действиях оккупационных властей по восстановлению прав высланных русскими немецких крестьян, устав Бюро немецкой земельной собственности в Польше и протоколы его сессий. Эти документы служили в Версале доказательством ущерба, нанесенного Польше Германией в 1914-1918 гг.

Летом 2000 г. фонд австро-венгерского Военного генерал-губернаторства в Польше (*K.u.K. Militärische General-Gouvernement in Polen*) был открыт для исследователей. Документы этого фонда представляют для нас интерес прежде всего потому, что затрагивают судьбы немцев, живших в начале XX века на территории части Царства Польского и в Волынской губернии и оказавшихся под австро-венгерской оккупацией.

Большое количество дел посвящено процессу освобождения интернированных лиц германского и австро-венгерского подданства после захвата австро-венгерскими войсками части территории Российской империи и по-

мощи беженцам из Волынской губернии (главным образом, это были немцы-колонисты, спасавшиеся от возобновления депортаций в ходе наступления армий Юго-Западного фронта генерала А.А. Брусилова). Также большое количество документов касается репатриации в марте-октябре 1918 г. Главным образом, это рассмотрение вопроса по каждому из возвращающихся. Кроме того, много документов посвящено организации процесса репатриации через Украину.

Документы Военного генерал-губернаторства в Польше освещают и иные миграционные процессы 1915-1918 гг., в частности переселение немцев-колонистов на время войны из России в Германию для использования в качестве сезонных рабочих. В том же деле есть данные о количестве немцев (в основном женщин и детей), уцелевших после депортации русскими войсками немецкого населения в 1915 г. в каждом из оккупированных австро-венграми уездов.

Таким образом, введение в научный оборот документов германских и австро-венгерских оккупационных властей позволяет расширить источниковую базу исследований по истории российских немцев в период первой мировой войны, осветить ранее неизвестные страницы жизни немецкой общины в условиях оккупации Центральных держав – темы, которая пока не затрагивалась ни отечественными, ни зарубежными историками.

Прежде и сильнее всего война затронула население западных губерний России, ставших театром военных действий. Здесь можно выделить три региона с большим количеством немецкого населения – Прибалтика, Царство Польское и Волынь. В Прибалтийском и Привислинском краях немцы жили с середины XIII века. Колонизация Волыни началась позже, особенно активно – со второй половины XIX века. В Прибалтике немало немцев жило в городах, в Польше и на Волыни немцы прежде всего представляли сельское население, однако немецкая община играла видную роль в социально-экономической и культурной жизни таких городов, как Варшава и Лодзь. Всего к началу мировой войны в Царстве Польском жило около 410 тыс., на Волыни – 210 тыс., в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии – 180 тыс. немцев.

К сожалению, пока трудно установить количество немцев западных губерний, призванных в войска по объявлению мобилизации 1914 г. Также трудно вычленить немцев из призывов военного времени как по Прибалтике из лютеран, так и по Царству Польскому из католиков. По Волынской губернии есть сведения только по двум уездам (Ковельскому и Владимир-Волыньскому). Тем не менее, только лютеран в контингенте 1914 года, призванного осенью, по вышеуказанным областям было более 6200 человек

(католиков – свыше 14000). В призыв 1915 и 1916 года (зима и лето 1915 г.) из Царства Польского по неполным данным было призвано 720 лютеран и более 23000 католиков². В это время уже проводилась депортация немецкого населения, поэтому призыв высланных проводился по месту административного водворения. К моменту оккупации противником Царства Польского, Волыни и части Прибалтики в рядах российско-императорской армии могло служить (без учета потерь) до 50 тыс. немцев – уроженцев западных губерний империи.

Для западных губерний принципиально важным был исход сражений осени 1914 г. под Ченстоховом, Лодзью и на линии Мазурских озер. Военные неудачи ускорили принятие репрессивных мер против российских немцев, поскольку в них военное руководство видело потенциальных пособников врагу. И если Совет Министров в октябре 1914 г. выступил против выселения немцев-колонистов и даже подданных Германии, живущих в России более 25 лет, то верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич требовал от царя передать лично ему все полномочия в “немецком вопросе”. 7/20 ноября главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский приказал начать выселение военнообязанных немцев из Прибалтийского края, а 30 ноября (13 декабря) началось поголовное выселение немцев из Сувалкской губернии.

К 19 декабря 1914 г. Совет Министров разработал три законопроекта о лишении немцев-колонистов и их потомков земли (кроме офицеров и волонтеров русской армии, семей погибших на войне и перешедших в православие) в 250-верстной полосе по западной границе от Торнео до Каспийского моря. Такое решение стало основой для дальнейших действий военного командования. Пользуясь исключительными полномочиями в зоне военных действий, начальник снабжений армий СЗФ Н.А. Данилов приказал с 23 декабря (5 января) начать выселение немцев мужчин старше 15 лет с левого берега Вислы и в 15-верстной полосе вдоль железных дорог. Выселению подлежали “все крестьяне – русские подданные немецкой национальности и онемеченные литовцы-лютеране”. Спустя 6 дней последовало приказание об очищении от немцев всего Привислинского края, но на правобережье Вислы эта мера была распространена только 13/26 января 1915 г. 11/24 января эти меры стали проводиться и в полосе армий Юго-Западного фронта.

Массовые выселения немцев вызвали разногласия и среди военных. Так, начальник штаба верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич настаивал на депортации не только сельского, но и городского немецкого населения, а Варшавский генерал-губернатор П.Н. Енгальчев требовал выселять не только мужчин, “а по возможности всех немецких колонистов, не-

зависимо возраста и пола”. Ко 2/15 февраля 1915 г. Особая комиссия в Варшаве согласовала все позиции. Поселяне-собственники, даже живущие в городах, их слуги и батраки подлежали выселению в заволжские губернии в 5-дневный срок. Их хозяйства (более 20 тыс.) переходили в управление местных органов Главного управления земледелия и землеустройства Министерства государственных имуществ.

В тот же день, 2/15 февраля 1915 г., были утверждены ликвидационные законы, распространявшиеся на 500-верстную зону к востоку от государственной границы. 13/26 апреля Варшавский генерал-губернатор заявил о завершении депортации 200 тыс. “немецких выходцев” из Привислинского края.

Новая волна депортаций поднялась после цепи тяжелых поражений армий Юго-Западного фронта и была составной частью плана эвакуации оставленной противнику территории. Уже 12/25 июня начальник штаба Верховного главнокомандующего требовал от главных начальников Киевского и Одесского военных округов: “Надо всю немецкую пакость уволить, и без нежностей – наоборот, гнать их, как скот”. Колонии Прибалтики, Литвы и Волыни рассматривались как “готовая база для германского нашествия”. С 19 июня (1 июля) 1915 г. в полосе армий Юго-Западного фронта главнокомандующий генерал от артиллерии Н.И. Иванов приказал начать выселение немцев, реквизируя предварительно у них продукты до нового урожая и взяв заложников, главным образом из учителей, старост и пасторов – по одному на тысячу населения. В колониях намеревались расселить беженцев из Галиции.

23 июня (5 июля) в Ставке было созвано Особое совещание во главе с Н.Н. Янушкевичем, выработавшее порядок депортации немцев-колонистов. Высылке в губернии “вне театра войны” подлежали все приписанные к колониетским обществам, в том числе и безземельные, за исключением жен, матерей и детей тех, кто находился в действующей армии. Их недвижимость подлежала секвестру. Фактически, при отступлении хозяйства не только немцев, но и евреев, поляков, украинцев, литовцев и русских подвергались полному опустошению. Всего было уничтожено более 120 тыс. хозяйств, уведено или забито до 700 тыс. лошадей и более 213 тыс. голов крупного рогатого скота³. Из почти 1100 промышленных предприятий в результате прямых военных действий закрылось всего 74, а остальные были разорены при “великом отступлении”.

В полосе армий Юго-Западного фронта выселение велось из зоны к западу от Днепра и должно было завершиться к августу 1915 г. Из полосы армий Северо-Западного фронта “добровольный” выезд колонистов дол-

жен был пройти в 5-дневный срок. К 6/19 июля все немцы были выселены из Холмской губернии. В июле на выселяемых из зоны ответственности Северо-Западного фронта были распространены нормы довольствия беженцев. Всего выселению подверглось более 250 тыс. немцев, в том числе около 50 тыс. – осенью 1915 г. из тыловых районов 12-й и 8-й армий по инициативе их командующих – Радко Димитрева и А.А. Брусилова. Весной-летом 1916 г. последовала депортация Гиршенгофской колонии Рижского уезда (7 тыс. чел.) и 13 тыс. колонистов из освобожденных в результате наступления местностей Волынской губернии. Всего же за время войны депортации подверглось более полумиллиона немцев русского подданства из западных губерний, а также интернировано около 250 тыс. германских и австрийских подданных, постоянно живших в России⁴. По данным, собранным общественными организациями и службами репатриации Австро-Венгрии, в 1915 г. только из Люблинской, Холмской, Петроковской, Келецкой и Радомской губерний (27 уездов) русским командованием было депортировано 606108 человек, в том числе 133114 немцев, 348874 поляка и 124120 евреев⁵.

К осени 1915 г. войска Центральных держав оккупировали Царство Польское (в ноябре 1916 г. было провозглашено независимое Польское королевство), Холмскую, Гродненскую, Ковенскую, большую часть Волынской, Виленской и Курляндской губерний. Варшавская, Калишская, Ломжинская, Сувальская, Седлецкая и Плоцкая губернии вошли в состав германского генерал-губернаторства "Варшава", территории к востоку подчинялись тыловому командованию Главнокомандующего войсками на Востоке (Oberbefehlshaber Ost). Петроковская, Люблинская, Радомская, Келецкая и часть Холмской губернии подчинялись австро-венгерскому Военному губернаторству. Оставшаяся часть Холмской и Волынской губернии оказались в подчинении тылового командования 4-й австро-венгерской армии.

Политика оккупационных властей в отношении немецкого населения была различной. Германские оккупационные власти проявляли больше заботы, не жалея средств (генерал от артиллерии Х. фон Безелер). В особенности такой курс проводился с весны 1916 года, когда имперский канцлер Х. Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге, что правительство Германии "считает своим правом и обязанностью распахнуть двери перед нашими соотечественниками, которых истребляют и истязают в русском рабстве"⁶. Австро-венгерское правление на оккупированной территории (генерал-майор барон Э. Диллер, с мая 1916 г. К. Кук, с мая 1917 г. С. Шептыцкий, с февраля 1918 г. А. Липосцак) больше склонялось к поддержке украинского польского населения, нежели к немцам-колонистам.

В генерал-губернаторстве Варшавском уже с осени велись мероприятия по воссозданию духовной и культурной жизни всех населяющих эту область народов, в том числе и немцев. Для восстановления сети евангелическо-аугсбургских приходов, которые в первую очередь подвергались насилию со стороны русских войск (из 56 приходов уцелело 16, депортации подверглось 150 тыс. лютеран из 500 тыс., проживавших в крае), в Польшу было направлено до конца марта 1916 г. 19 пасторов, в том числе 6 военных. С апреля при консистории действовали курсы (всего 4) для ускоренной подготовки учителей и священников. Американский лютеранский союз "Крисчен Хэралд" пожертвовал лютеранам Польши 100 тыс. марок. Новый глава консистории (президент) королевско-прусский ландрат (наполный советник) граф фон Посадовски-Венер начал подготовку к празднованию 400-летия Реформации в 1917 г. С октября 1916 г. возобновился выпуск газеты "Unsere Kirche", которую финансировал Фонд Густава Адольфа (15 тыс. марок)⁷.

17-18 октября 1917 г. лютеранский Синод в Лодзи принял новый церковный устав. Воссоздание духовной жизни немцев в Польше получило окончательное завершение. К концу первой мировой войны в генерал-губернаторстве действовали 91 община, 4 певческих клуба, 5 спортивных обществ, 7 благотворительных, 4 промышленных, 3 ремесленных, 55 других общественных организаций, 65 касс взаимного кредита, 2 финансовых фонда и 4 товарищества с общим капиталом в 5 млн. марок⁸.

Немаловажной задачей оставалось обеспечение имущественных прав высланных русскими войсками немцев-колонистов. В январе 1916 г. с этой целью были созданы особые опекунства (Pfleageschaften), всего 4090 – 117 в Блоне, 286 в Гарволине, 314 в Гройце, 101 в Липно и Рыпине, 49 в Ломже и Кольно, 284 в Ловиче и Сохачеве, 118 в Лукове, 2 в Млаве, 341 в Цеханове, 152 в Минске Мазовецком, 296 в Острове, 27 в Прасныше, 500 в Пултуске и Макове, 105 в Седлеце, 56 в Скерневицах, 23 в Сохачеве, 308 в Велюне, 1037 в Варшаве. Количество опекунств соответствовало количеству крупных хозяйств, лишившихся владельцев. Кроме того, было сохранено 5147 секвестров, введенных русскими властями (Главное управление землеустройства и земледелия) в хозяйствах высланных колонистов. Более 300 русских управляющих даже не были сменены, поскольку оккупационные власти признали их работу удовлетворительной⁹.

Новой бедой стали беженцы, покидавшие местность по обе стороны фронта и направлявшиеся вглубь Польши. Для их размещения были организованы лагеря в Ломже, Щучине, Остроленке, Острове, Пултуске, Новоминске, Седлеце, Соколове, Лукове, Гарволине, Гроеце, Радзимице. Бежен-

цы (немцы, евреи, украинцы, поляки, белорусы – к сожалению, нет возможности уточнить количество лиц каждой национальности) должны были выдержать 3-недельный военный карантин, а затем получали снабжение от военного ведомства Германии. К октябрю 1916 г. их число достигло 39300 человек. На содержание семьи выдавалось по 40 пфеннигов в день взрослому и по 20 ребенку до 14 лет (для размещенных в городах; для живущих в деревнях – соответственно по 30 и 10 пфеннигов). Кроме того, они получили 10 тыс. м полотна на рубахи, 25 тыс. пар обуви, 2000 мужских и 3000 женских костюмов. Всего до начала 1918 г. на содержание беженцев было отпущено 550 тыс. марок. В то же время только за октябрь 1917 - март 1918 г. 23 тыс. семей русских солдат, живших в польше, получили от германской казны пособия на 530 тыс. марок¹⁰. Подобные мероприятия на территории военного генерал-губернаторства не проводились.

Главной трудностью оставалось восстановление хозяйства. Оккупанты, по собственному признанию, сделали крупный просчет, оценивая Польшу прежде всего как аграрную страну, где не придется снабжать население. Но полное разорение сельского хозяйства заставило зимой ввести карточное снабжение мукой – по 154 г, а затем по 100 г на человека. Требовалось срочно организовать работы для беженцев и безработных. С сентября 1916 г. по сентябрь 1917 г. на работу в Германию было направлено 71981 человек, в распоряжение Главнокомандующего на Востоке – 9402 человека, на работы в генерал-губернаторстве – 3572 человека. На дорожно-ремонтных работах летом 1916 г. было занято 44412 человек, летом 1917 г. – 11434 человека¹¹. Эти усилия позволили не только сделать первые шаги к восстановлению разоренной экономики края, но и обеспечить инфраструктуру тыла действующей армии, что сказалось на успехе в отражении русских наступлений. В дальнейшем подобная практика продолжалась. В октябре 1917 - июле 1918 г. в Германию на работы было отправлено еще 57744 человека, а в распоряжение Главнокомандующего на Востоке – 6854 человека. Количество беженцев в лагерях снизилось до 29637 человек, а после подписания Брест-Литовского мира осталось всего два лагеря – 10983 человека¹².

Еще больше людей покинуло Польшу и направилось в Германию на заработки добровольно. Таких было 700 тыс. человек, и около 400 тыс. из них (главным образом, безработные) попали на принудительные работы, правда, с хорошим обеспечением (кроме питания, но тогда голодала вся германия). Во всяком случае, несмотря на большую кампанию в Польше после войны по выдвижению претензий к правительству Германии, только 65633 человека заявили иски о взыскании оплаты их труда.

Тяжелая обстановка в сельском хозяйстве Германии заставила обратиться к идее использования разоренных войной немцев-колонистов России на новом поприще. Для этого по указу Вильгельма II от 6 марта 1916 г. в Берлине было создано Общество попечительства над немецкими переселенцами (29 марта 1916 г.). Задачей общества было привлечь немцев из России, лишившихся хозяйств, на временные (до конца войны) сельскохозяйственные работы в Германию. Впоследствии до 50 тыс. этнических немцев из так называемой русской Польши пожелали навсегда остаться в Германии. Главным образом это были сельские жители, уехавшие на заработки в Германию в период первой мировой войны¹³. Таким образом, можно заключить, что большинство немцев из оставшихся в Царстве Польском после депортации (в 22 уездах, оккупированных Германией) было вовлечено в экономику Германии.

Для охвата этими мероприятиями и зоны австро-венгерской оккупации было достигнуто специальное соглашение между министерствами иностранных дел Центральных держав. Всего после депортации в Военном генерал-губернаторстве (26 уездов) насчитывалось 11005 немцев-колонистов, в основном женщины и дети, в том числе к востоку от Вислы – всего 951 человек¹⁴. 5 мая 1916 г. военное ведомство выпустило приказ о порядке переселения. Однако большого успеха эта программа не имела. За 1916 г. в Германию переселилась только одна вдова с дочерью.

11 марта 1917 г. было объявлено, что германское командование готово менять переселенцев на военнопленных из расчета один на один или одного за двух женщин. Переселенцы снабжались коровой на каждую семью, 6 кг фруктов на человека и 100 кг сена на голову скота. Движимый и недвижимый инвентарь мог продаваться австро-венгерскими властями. Однако до подписания Брест-Литовского мира в Германию выехало всего 358 человек, в том числе 71 работоспособный мужчина. Оставшиеся колонисты не хотели покидать пределы своих селений, опасаясь захвата земли поляками и евреями. Даже там, где в семьях остались только дети, производилась обработка земли или сдача ее в аренду хозяйственным частям австро-венгерской армии. В некоторых гминах агитаторов – офицеров и солдат германской армии – колонисты встречали камнями, палками и вилами.

Более широкий отклик идея переселения в Германию на время войны получила среди беженцев из Холмской и Волынской губерний. Уже к марту 1917 г. в Германию переселилось 1135 беженцев немцев, летом 1917 г. – еще 169 человек. Однако число работоспособных мужчин было слишком мало – всего 176 человек. Еще 800 беженцев отказались от работы в Германии¹⁵. Общее же число беженцев на оккупированной австро-венграми

территории достигало в 1917 г. 20 тыс. человек. На их содержание было затрачено военным ведомством и городским самоуправлением 3 млн. крон¹⁶.

Совершенно новым явлением в жизни немцев-колонистов стало основание в период оккупации Немецкого союза Лодзи и окрестностей (Deutscher Verein für Lodz und Umgegend) в марте 1916 г. для самообороны и культурного развития немецкого населения. К концу войны союз имел 90 отделений и 20 тыс. членов и издавал две газеты ("Deutsche Post" и "Unsere Kirche")¹⁷.

Политика германских оккупационных властей по отношению к немцам-колонистам претерпела существенные изменения после провозглашения независимости Королевства Польского (ноябрь 1916 г.) и последующего формирования польских органов государственной власти и управления. На новый курс оказал влияние и начавшийся после марта 1917 г. процесс возвращения высланных немцев в родные места. Уже в сентябре 1917 г. генералу Безелеру стали поступать пространные меморандумы от управляющих уездами о формировании польских финансовых союзов и фондов с целью скупки земель немцев, высланных вглубь России, с тем, чтобы не допустить их обратного возвращения. Впервые должностные лица Германской империи обращали внимание на сознательную политику новых польских властей "с помощью денег очистить Польшу от немцев". При этом ликвидации должны были бы подвергнуться немецкие церкви и школы¹⁸.

Результатом таких обращений стало образование 13 октября 1917 г. Бюро немецкой земельной собственности в Польше. Это учреждение имело целью сохранить немцев-колонистов как неотъемлемую часть польской экономики и как аванпост германского культурного влияния путем экономического противодействия распродаже немецких земельных угодий (выкуп проданных наделов, сохранение наделов высланных, финансовая помощь колонистам). Капитал Бюро первоначально составил 250 тыс. марок¹⁹. Особенно возросла роль Бюро при возвращении высланных немцев-колонистов после заключения Брест-Литовского мира 3 марта 1918 г.

Уже в феврале 1918 г. первые 20 высланных семей колонистов вернулись в Польшу и приняли дела у управляющих их хозяйствами. В апреле-мае 1918 г. прибыло еще 295 семей, получивших пособия на восстановление хозяйства и выкуп проданного в 1915 г. скота и инвентаря, всего на сумму около 374 тыс. марок. Каждый человек получил от 50 до 2000 марок, смотря по степени разорения²⁰. К сентябрю 1918 г. в Польшу вернулось 162443 высланных, в том числе 30 тыс. колонистов. В секвестрованные хозяйства вернулось 4400 семей. На обеспечение возвращающихся генерал-губернаторство истратило 3 млн. марок²¹.

Возвращение высланных немцев не проходило идиллически и вызвало многочисленные конфликты, поскольку их имущество было частью разграблено, частью скуплено за бесценок соседями – польскими, украинскими и еврейскими крестьянами и торговцами. Так, члены Польского государственного Совета во главе с Х. Радзишевским направили 2 августа 1918 г. германскому рейхсканцлеру протест против действий оккупационных властей при возвращении колонистов. Приложенные свидетельства говорили о том, что в ряде мест имущественные права колонистов восстанавливались с помощью военных команд, польским крестьянам насильно вручались деньги за когда-то купленный у высылаемых скот, зерно и инвентарь, причем в ценах 1915 г. Колонисты же считали такое вполне законным, поскольку продавали свое добро в результате чрезвычайных обстоятельств и оговаривали право обратного выкупа²². Протесты остались без ответа, имперское правительство придерживалось принципа "помощи словом и делом возвращающимся из русского плена". Кроме того, еще на совещании имперских министров в Берлине 31 марта 1917 г. был одобрен проект вытеснения не немецких землевладельцев из Прибалтики путем переселения туда в обмен немцев из Поволжья²³.

Иным было положение в австро-венгерском военном генерал-губернаторстве. Чрезвычайно красноречив меморандум разведывательного отдела при Военном генерал-губернаторстве в Люблине от 24 апреля 1918 г. Его руководитель считал невозможным возвращение высланных русскими военными властями, поскольку для них нет рабочих мест, нет необходимого транспорта для перевозки, велик риск "заразы большевизма" и проникновения преступных элементов и шпионов Антанты, однако "по гуманитарным соображениям нельзя лишать людей права вернуться домой, и особенно надо поддержать крестьян-собственников земли". Поэтому для репатриантов был введен 14-дневный карантин²⁴.

Но существенной помощи возвращавшиеся колонисты не получали. Ковельская комиссия по репатриации 21 июня 1918 г. отмечала: "На Волыни среди обратных переселенцев свирепствует нужда, особенно среди переселенцев немецкого происхождения. Их земля... на 70-80% захвачена украинцами. Они живут, тесно скучившись, в домах или землянках, очень боятся наступления зимы, а до осени прибудет еще 30-40 тысяч". С мест шли сигналы комендантов округов о "недружественном приеме колонистов соседним польским населением, которое чинит им всевозможные препятствия и неудобства", о необходимости выделения денег и леса для постройки жилья, сожженного русскими войсками при отступлении. Однако воен-

ный губернатор генерал-майор Липосцак фактически отказал в помощи возвращающимся²⁵.

Справедливости ради надо сказать, что в военном генерал-губернаторстве дело осложнялось тем, что в нем летом 1918 г. встретились три потока репатриантов: беженцы с Волыни шли на Восток, с Украины возвращались выселенцы из занятых австро-венграми губерний, а также те, кто жил на территории Варшавского генерал-губернаторства. Беженцев с Волыни было 16 тыс., а на Украине скопилось 68 тыс. бывших депортированных немцев²⁶. К июлю через Люблин в Варшавское генерал-губернаторство вернулось 70149 колонистов, из которых 3267 были направлены на работу в Германию. На территорию Люблинского генерал-губернаторства прибыло 6103 человека из Варшавы, а из России и с Украины – 38635 человек (к августу). На Волынь за это же время вернулось 23115 беженцев, остальные 8649 вернулись до осени²⁷. Дальнейший процесс репатриации был задержан забастовкой украинских железных дорог, а затем – денонсацией Брест-Литовского мирного договора и началом гражданской войны в России и польской интервенции.

Проведенное исследование показывает, что для большинства немецкого населения, пережившего депортации 1915 года, оккупация также стала нелегким испытанием, прежде всего в силу разоренности края во время “великого отступления”. Оккупационные власти на первых порах не стремились к созданию для немецкого населения режима наибольшего благоприятствования. Особенно это характерно для австро-венгерской зоны оккупации, поскольку Дунайская монархия проповедовала принцип равноправия всех народов империи.

Вопрос о репатриации также решался по-разному. Правительство Австро-Венгрии не желало портить отношения с молодым польским государством и закладывать основы претензий на Западную Галицию, поощряя возвращение высланных немцев из восточных губерний России. В германской зоне делалось все возможное для скорейшего возвращения депортированных немцев-колонистов и для включения их в экономическую систему края. В ведущей роли немцев в польской экономике правительство Германской империи видело залог будущего крепкого германо-польского союза. Такая политика вызвала затем резкую реакцию польских националистов и дискриминацию немцев в независимой Польше.

Оценивая политику Центральных держав в отношении немцев России, оказавшихся под их оккупацией, следует отметить, что германская сторона начала с процесса восстановления духовной жизни соплеменников, прежде всего лютеранского вероисповедания. Католицизм в Польше яв-

лялся более оплотом польских национальных традиций и, вероятно, в силу этого не поддерживался материально со стороны германских оккупационных властей.

Политика экономической поддержки этнических немцев в генерал-губернаторстве “Варшава” заключалась в организации временных работ, как на оккупированной территории, так и в Германии, в образовании специальных финансово-экономических структур – опекунов и Бюро немецкой земельной собственности в Польше, в помощи репатриантам из числа колонистов (поселян-собственников).

Германская сторона с 1916 года стремилась использовать оставшихся немцев-колонистов и для работы в сельском хозяйстве империи на время войны. Хотя такая политика не дала ощутимого результата, она свидетельствовала о новом отношении к немцам, жившим за пределами Империи. Германская сторона стала расценивать этнических немцев в Польше как опору и средство своего влияния в этой стране, что не было характерно для довоенного периода (когда поддержкой пользовались польские националисты в России). Следует добавить, что и немцы, проживавшие на территории Царства Польского, в результате национальных гонений осознали себя частью германской нации. Об этом свидетельствует формирование разветвленной структуры Немецкого союза Лодзи.

Австро-венгерская сторона не проводила таких масштабных мероприятий, что во многом определялось спецификой государственного устройства и внутренней национальной политикой Дунайской монархии. Заинтересованное более в создании польско-украинского центра вне империи, австро-венгерское Военное генерал-губернаторство не оказывало ощутимой и планомерной поддержки немцам-колонистам. Кроме того, урон польского, украинского и еврейского населения был на подконтрольной австро-венгерским войскам территории столь же велик. Однако и принцип “равноудаленности” не спас зону Военного генерал-губернаторства от межнациональных конфликтов при возвращении беженцев и депортированных. Австро-венгерские оккупационные власти не смогли организовать возвращение многих тысяч людей и отказались помочь им в восстановлении разоренных хозяйств. Вплоть до конца войны правительство империи Габсбургов не меняло политики в отношении этнических немцев России, не считая их ни частью своего населения, ни “аванпостом германизации”, как это преподносилось русскими, а затем польскими националистами. В дальнейшем эта территория стала ареной войны между Польшей, Украиной и советской Россией.

14 июля 1920 г. Совет Министров Польши фактически восстановил действие ликвидационных законов 1915 г. на территории Польши. Ликвида-

ции подлежало 3518 поселений немцев-колонистов – это 22 тыс. семей²⁸. Подобные действия обострили польско-германские отношения и способствовали созданию очага напряженности в межнациональных отношениях. Лозунг защиты прав немецкого меньшинства в Польше стал одним из основных для правительства Германии в межвоенный период.

**Приложение. Движение немецкого населения
в Военном генерал-губернаторстве в 1916-1918 гг.²⁹**

Поветы	Осталось немцев-колонистов на 04.11.1916	Выехало в Германию к 1918	Вернулось на Волянь к 01.09.1918	Осталось беженцев на 01.09.1918	Вернулось из России на 01.09.1918
Билгорой	247				5000
Буск	3		1916		
Холм	864	1135*	4158	2000	2000
Домброва					
Грубешов			2823	1199	4227
Янов	5				1201
Енджеув				1148	
Кельцы	560	169		660	
Конск	81				
Козеницы	162				5500
Красностав			850	1240	7
Любартов	148	2	2235	157	3154
Люблин	93				28
Мехав					353
Новорадомск	2740	20			685
Олькуш	45	2			270
Опатов	5				
Опочно	250		950	1112	1061
Пинчов					
Петрохов	4404		1750		
Пулавы					500
Радом	27				
Сандомир	5				577
Томашов	330		3574	1791	
Вержбик	98			1500	519
Влоццова	810				95
Зомостье	125			1500	1406
ИТОГО	11005	1328	18256	12307	26583

Примечание: * Включая волянских беженцев

Примечания

¹ См.: Lewandowski J. Królestwo Polskie pod okupacją austriacką 1914-1918. – Warszawa, 1980.

² Подсчитано по: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2676, 2677, 2678, 2679, 2680.

³ См.: Archiwum Akt Nowych (AAN). Główny Urząd Likwidacyjny (GUL). Akt 331. S. 8.

⁴ Подробнее см.: Нелипович С.Г. Репрессии против подданных Центральных держав в России 1914-1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1996. №6. С. 32-42; Он же. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: "Немецкую пакость уволить, и без нежностей..." Депортации в России 1914-1918 гг. // Там же. 1997. №1. С. 42-53.

⁵ См.: AAN. GUL. Akt 331. S. 39; Archiwum Główny Akt Dawnych (AGAD). Generalne GubernatorstwoWojskowe w Polsce (GGW). Akt 460. S. 581-584.

⁶ Линдемманн М. Сведения о российских немцах в фондах Политического архива МИДа Германии. // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М.: Готика, 1996. С. 42, 47.

⁷ См.: AGAD. Szef Administracji przy Generalnym Gubernatorze Warszawskiem (SA GGW). Akt

4. S. 63-64; Akt 6. S. 46, 51; Akt 8. S. 46.

⁸ См.: AAN. Biuro Prac Kongresowych (BPK). Akt 23. S. 2.

⁹ См.: AGAD. SA GGW. Akt 9. S. 70; Akt 10. S. 93.

¹⁰ Ibid. Akt 7. S. 41-42; Akt 8. S. 54; Akt 11. S. 80.

¹¹ Ibid. Akt 10. S. 72.

¹² Ibid. Akt 12. S. 68, 82-84.

¹³ См.: AAN. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych. (MSW). Akt 1418, 1433.

¹⁴ См.: AGAD. GGW w Polsce. Akt 1719.

¹⁵ Ibid. Akt 1719. S. 130-132.

¹⁶ См.: AGAD. GGW w Polsce. Akt 1786.

¹⁷ См.: AAN. BPK. Akt 23. S. 2.

¹⁸ Ibidem. Akt 20. S. 1-2.

¹⁹ Ibidem. Akt 15. S. 59-62.

²⁰ См.: AGAD. SA GGW. Akt 29. S. 44-55.

²¹ Ibidem. Akt 12. S. 82-84.

²² См.: AAN. BPK. Akt 15. S. 57-58, 67-68.

²³ Ibidem. Akt 18. S. 21-30.

²⁴ См.: AGAD. GGW w Polsce. Akt 460.

²⁵ Ibidem. Akt 494. S. 185-192.

²⁶ Ibidem. Akt 1732.

²⁷ Ibidem. Akt 1733, 1736.

²⁸ См.: AAN. Ambasada RP w Berlinie. Akt 1488. S. 131-136; Ministerstwo spraw zagranicznych. Akt 12685. S. 112.

²⁹ Таблица составлена на основе рапортов комендантов поватов-округов. См.: AGAD. GGW w Polsce. Akty 1719, 1733, 1736.

НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1924-1927 ГГ.

В силу различных причин (поиск работы, бегство от революции, гражданской войны и голода) к середине 1920 гг. в Германии оказалось немало семей поволжских немцев, желавших возвратиться домой, на берега Волги.

5 апреля 1924 г. по согласованию с Москвой ЦИК и Совнарком АССР немцев Поволжья издали постановление "Об амнистии в связи с образованием АССР немцев Поволжья". Оно освобождало от наказания рабочих и крестьян – участников "политического бандитизма" на территории республики и, что имеет непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблеме, разрешало эмигрантам возвращение домой¹. Постановление было утверждено ВЦИКом СССР².

Амнистия производилась в Полпредстве СССР в Берлине и Консульствах СССР в Германии до 1 сентября 1924 г. Полпред мог на месте отказать лицам, которые желали воспользоваться амнистией, но при этом не стремились вернуть советское гражданство. Те, кому удалось получить "свидетельство на возвращение в СССР" должны были за свой счет, в течение трех месяцев покинуть пределы Германии³.

Немаловажную роль в том, что СССР согласился принять выехавших ранее за рубеж российских немцев, сыграла Германия, которая уже в начале 1924 г. обращалась к СССР с просьбой о принятии реэмигрантов. Так, 17 марта 1924 г. на секретном заседании Постоянной комиссии Совета Труда и Оборона СССР по иммиграции и реэмиграции (далее КомСТО) обсуждали требование Германии и Чехословакии принять российских граждан. В результате постановили "установить действительный контингент, подлежащих возвращению". Комиссия в составе трех человек (Угарова, Гольдберга и Берга) должна была проработать этот вопрос и согласовать с Экономически-правовым Отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел (далее – НКВД).

В то же время Полномочному Представителю СССР в Германии давалось указание "осведомить российских выходцев (эмигрантов) о предстоящих трудностях, связанных с хозяйственным положением, которые ожидают их при возвращении в СССР"⁴. По подсчетам НКВД на 14 июля 1924 г. количество желавших вернуться в СССР на Волгу по амнистии из Германии немцев-ко-

лонистов составляло примерно 500 семей. Полпреду рекомендовалось в силу неурожая на территории АССР НП, отсрочить амнистию "на максимально возможное время, во всяком случае, до улучшения положения... в АССР НП"⁵.

Однако Германию такая позиция советского руководства не устраивала. 25 июля 1924 г. в Москве была получена вербальная нота германского правительства, в которой Германия просила принять 8 тыс. репатриантов, ходатайствовало перед правительством СССР об их возвращении в упрощенном порядке и предлагало за свой счет отправить несколько транспортов с военнопленными и реэмигрантами до Ленинграда⁶.

Советское правительство отнеслось к этому предложению однозначно негативно. Оно считало, что Германия стремится "отделаться от беженцев-немцев Поволжья", которых до и после Брестского мира, в период гражданской войны, голодное время принимала в большом количестве. ОГПУ предложило правительству сократить число репатриантов до 4 тыс. чел. (то есть, вдвое) и отказаться от упрощения процедуры въезда репатриантов в СССР⁷. НКВД настаивал на возвращении за счет Германии только военнопленных и рекомендовал отказаться "от принятия немцев-колонистов и эмигрантов", ссылаясь на тяжёлое положение в Республике немцев Поволжья. Такой отказ обуславливался нежеланием предоставления "помощи, которую придётся оказать немколонистам в деле устройства их хозяйства"⁸.

КомСТО сформулировала для советского правительства следующие предложения:

- реэмиграция не может носить массовый характер;
- желательна сельскохозяйственная иммиграция, а не промышленная, причем большими группами, а не одиночная;
- желающие вернуться должны сами, без помощи государства, переселиться и обеспечить себя (таким образом с правительства снималась ответственность за судьбу реэмигрантов.- О.В.-М.);
- состав иммигрантов должен строго проверяться, в СССР должен допускаться только "трудовой элемент"⁹.

В дополнительных инструкциях, направленных представителям СССР в Германии, указывалось, что лицам, чей приезд в СССР нежелателен, нужно отказывать в принятии советского гражданства, если этого сделать не удаётся, то отказать в визе на въезд. В случае, если отказ в визе может вызвать конфликт с германским правительством, то запрашивать для получения указаний центр¹⁰.

Не зная о готовившихся препонах, наивно поверив документу об амнистии, немцы-колонисты стремились вернуться в СССР. В апреле 1924 года в

Полпредство СССР в Германии были поданы списки на 92 семьи (527 чел.) поволжских немцев, желавших вернуться на родину. По этому поводу КомСТО сделал запрос в ЦИК АССР немцев Поволжья, требуя предоставить сведения об их былом хозяйственном положении, наличии у них в республике родных. ЦИК АССР НП, исходя из своей информации, расширил количество семей реэмигрантов до 161 (647 чел.) и, передавая запрос КомСТО кантональным властям добавил ещё два вопроса: каково отношение сельскохозяйственных обществ к желающим вернуться и каково мнение по этому вопросу самого кантисполкома¹¹.

ГПУ АССР НП, проверив списки, сообщило, что только два реэмигранта - Иосиф Герман и Август Бопп - числятся в качестве "бандитов". 12 семей были признаны неизвестными, а 6 - неблагонадежными¹².

16 и 26 мая 1925 г. ЦИК АССР НП возвращает после проверки в КомСТО ещё два списка немцев Поволжья, желающих вернуться на родину, в которых въезд запрещается одной семье, а неизвестными ГПУ числятся 12 человек¹³.

Побывавший в Германии весной 1925 г. Председатель Совнаркома АССР немцев Поволжья В. Курц ознакомился с практикой работы советских дипломатических представительств по реализации амнистии для граждан немецкой автономии и пришёл к весьма неутешительным выводам. 24 апреля 1925 г. он направил в совнарком СССР жалобу, в которой отметил, что полпредство СССР отказывалось принимать заявления от поволжских немецко-колонистов, желавших на основании амнистии вернуться домой, "кормя их бесконечными "завтраками", пока не прошел срок подачи заявлений. Как пишет В. Курц, колонисты всё более считают, что "амнистия выражает только наше (т.е. РНП) доброе желание, но Центральное правительство в этом вопросе, оставалось при своем мнении". Полпред СССР в Германии Н. Крестинский невыполнение амнистии объяснял какими-то инструкциями, которые рекомендовали временно от амнистии воздержаться. В. Курц указывает, что большинство из реэмигрантов "имеет достаточно средств, чтобы не быть обузой нашему правительству"¹⁴.

В. Курцу самому пришлось взять несколько ходатайств о въезде в СССР с собой в республику¹⁵. Предложение В. Курца об установлении "исключительного порядка получения виз" было отклонено Центром. НКВД настаивал на своей монополии в выдаче виз, а "если будет необходимо" он "может запросить мнение ЦИКа АССР НП"¹⁶.

Представители АССР НП в Германии на свой страх и риск самостоятельно продолжали работу в Германии по поиску желающих вернуться на родину. В июле 1925 г. временный представитель АССР НП в Германии Дейлов ездил в лагерь беженцев голода во Франкфурте на Одере, где насчитал 77

семей (363) человека, желавших вернуться домой, имевших родных в республике на Волге, однако не имевших средств для возвращения¹⁷.

Однако вернуть этих людей домой было сложно. Между Центром и правительством Республики немцев Поволжья имелись серьезные расхождения в политике реэмиграции. Нехватка рабочей силы заставляла правительство АССР НП ходатайствовать об увеличении притока немцев-колонистов, что никоим образом не входило в планы Москвы.

Тем временем в ЦИК немецкой автономии на Волге приходило всё больше и больше ходатайств от немцев-колонистов, волею судьбы оказавшихся в Германии¹⁸. В ноябре 1925 г. руководство АССР НП ходатайствовало перед НКВД ещё о 69 семьях немцев-колонистов, ждавших право на въезд в СССР¹⁹, на что получили традиционный ответ: "Надлежит обратиться непосредственно в Полпредство СССР в Германии"²⁰.

В апреле 1926 г. к представителю Немецко-волжского банка в Германии А. Миллеру-Малису обратилось трое доверенных от поволжских немецко-эмигрантов. Они желали знать, как обстоит дело с их возвращением в Республику Немцев Поволжья. Многие из них доверились Советскому правительству, объявившему скорое их возвращение домой, в результате уволились с работы, оставшись, по их выражению, "без куска хлеба" и теперь чувствовали себя обманутыми. Миллер просил срочно урегулировать данный вопрос по одной лишь причине: "Если эти люди останутся без работы и не смогут поехать обратно (т.е. в РНП), может получиться неважное впечатление здесь (в Германии), чем, несомненно, подорвется наш авторитет"²¹.

На протяжении всего этого времени германское правительство, стараясь не осложнять взаимоотношения с СССР, постепенно, деликатно, но твердо проводило свою политику по возвращению реэмигрантов. Плодом этих стараний явилось достижение соглашения о принятии Советским Союзом нескольких транспортов с немцами-колонистами. В августе 1926 г. руководство СССР получило от германских дипломатов сообщение о прибытии 1-го транспорта реэмигрантов. По поручению министра иностранных дел Германии германский консул в Сибири Г. Гроскопф не только сопровождал колонистов до Ленинграда, но должен был озаботиться и о дальнейшей их переправке в Республику Немцев Поволжья²². Берлин просил "предоставить въезжающим льготы, в том числе и льготный железнодорожный тариф", и желал видеть в Ленинграде представителя Республики немцев Поволжья, "который и возьмет на себя все хлопоты по отправке репатриантов"²³. Москва же считала, что "расходы по отправке... по железной дороге будут, конечно, покрыты германским правительством..."²⁴.

Первый транспорт репатриантов прибыл в Ленинград 14 августа 1926 г. в составе 124 чел.²⁵ Германия выделила колонистам на восстановление своего хозяйства в России денежную сумму в размере 3508 руб., которая была использована не по назначению. Представитель АССР НП А. Тиде, встречавший колонистов в Ленинграде, потратил эти деньги на перевозку немецких семей в Поволжье, т. к. вопреки соглашению на дорогу до Саратова советское правительство денег не выделило²⁶.

Несмотря на все трудности, эмигранты этой партии вернулись домой, полные стремления работать и применять свой трудовой опыт, накопленный в Германии, где им приходилось работать по 10-12 часов в день, при малой оплате труда, подчас грубом отношении со стороны работодателя, высоких ценах на продукты первой необходимости и высокие налоги. Тем не менее, все они испытывали симпатии к Германии, стране приютившей их в трудное время, и признавали необходимость дружественных отношений с ней²⁷.

25 августа 1926 г. из Штеттина прибыл второй транспорт с колонистами в количестве 95 чел. (хотя сначала планировалось 82 чел.)²⁸. На этот раз, учитывая печальный опыт предыдущей акции, германское общество "Дерурто" заранее заказало билеты, а германское правительство позаботилось о льготном проезде и отпустило на нужды колонистов 2833 руб. 60 коп., которые были распределены между реэмигрантами²⁹.

Представитель АССР немцев Поволжья А. Маттерн, который сопровождал реэмигрантов из Ленинграда, сообщал, что колонисты "на чем свет стоят ругают германцев за их жестокую эксплуатацию немцев-колонистов, как рабочей силы, при грошовой оплате труда. Они уверяют, что очень много желающих вернуться осталось в Германии, но у них нет денег на дорогу, а германцы их, ради эксплуатации, задерживают, пропуская небольшие партии"³⁰. Вряд ли стоит доверять этим высказываниям. Скорее всего, таким образом, вернувшиеся пытались завоевать доверие советских властей.

По другой информации, от тех же колонистов, Германия отправляет людей "с разбором и далеко не всем дает возможность уехать. Тормозит, прежде всего, отправку хороших работников, используя их на сельскохозяйственной работе у помещиков. Отправляют лиц, нуждающихся в социальном обеспечении, безработных или осмелившихся иметь свое суждение"³¹.

28 августа из Штеттина в Ленинград направился третий транспорт (95 чел.), 6 и 13 мая 1927 г. в СССР из Германии прибыло еще 2 транспорта. Все за счет германской стороны³². Общее число прибывших составляло примерно 188 человек³³, кроме того Германия в мае 1927 г. попросила ускорить рассмотрение дел немцев-колонистов желающих покинуть террито-

рию Германии, так как хотела "до осени за свой счет отправить" всех, кто может еще получить право на въезд³⁴.

Нужно отметить, что в действиях германской стороны прослеживалась некоторая поспешность отправления транспорта. Так, советская сторона еще не знала точной даты прибытия первого транспорта, как Германия объявила об отправлении второго. Имело место постоянное несоответствие числа заявленных на прибытие и реально прибывших реэмигрантов (последних было больше).

Парируя упреки советской стороны, Германия подчеркивала, что она оказывает большую поддержку СССР в возвращении её граждан, оплачивая им дорогу до Ленинграда и снабжая деньгами на первое время. В ответ Отдел Центральной Европы НКВД СССР заявлял, что "заинтересованность германской стороны в ликвидации вопроса о застрявших в Германии немцах Поволжья несомненно больше, чем наши интересы в их возвращении в СССР. Оставим в стороне... вопрос о политической целесообразности внедрения на территории АРНП большого числа реэмигрантов из Германии, ...само расселение... требует больших средств"³⁵.

Из отмеченного выше можно заключить, что российские немцы, вынужденные волей судьбы покинуть Россию и искать спасения в Германии, оказались помехой для двух государств. Теоретически имея две Родины, фактически они оказались не нужны ни одной. Германия, испытывая экономический кризис, была не в состоянии содержать большое количество беженцев голода. Именно эти, требующие социальной опеки люди, Германия и отправляла в Республику немцев Поволжья, стараясь оставить в самой Германии высококвалифицированных рабочих, фермеров, специалистов. Нужно заметить, что и сами немцы-колонисты стремились попасть в Республику немцев Поволжья, имидж которой в Германии в 1920-е годы был достаточно высок. Не справляясь с суровыми условиями рыночной жизни в Германии, реэмигранты наивно мечтали найти свое спасение в СССР, где им обязательно поможет правительство Республики Немцев Поволжья. Их иллюзиям не суждено было сбыться. СССР не стремился принимать беженцев из "чуждых" капиталистических стран, стремясь сохранить и утвердить в СССР идеологию социализма. Кроме того, возвращение реэмигрантов сопровождалось и денежными расходами, на которые в то время у страны не было средств. Но заинтересованность России в Германии как в экономическом, финансовом партнере, обладавшим современными технологиями, нежелание обострять с ней отношения позволило всё же нескольким сотням эмигрантов вернуться домой на берега Волги.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Часть 2. Автономная республика. 1924-1941. Саратов, 1994. С. 43-44.
- ² См.: Ерина Е.М. Трудная дорога домой: возвращение эмигрантов в СССР НП в 1920-е гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М. 1998. С.253.
- ³ См.: Архив Министерства Иностранных Дел СССР (далее АМИД) Ф. 082. Оп. 7. Д. 26. Л. 6.
- ⁴ Там же. Л. 7.
- ⁵ Там же. Л. 4, 8.
- ⁶ См.: Там же. Л. 5.
- ⁷ См.: Там же. Л. 1, 3.
- ⁸ Там же. Л. 2.
- ⁹ См.: Там же. Л. 10-17.
- ¹⁰ См.: Там же. Л. 9.
- ¹¹ См.: Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (далее ЭФГАСО) Ф. 849. Оп. 3. Д. 22. Л. 199, Д. 12. Л. 32.
- ¹² См.: Там же Д. 22. Л. 89, 93.
- ¹³ Там же. Д. 13. Л. 51.
- ¹⁴ См.: Там же. Л. 30.
- ¹⁵ Там же. Д. 6. Л. 10.
- ¹⁶ См.: Там же. Д. 9. Л. 144.
- ¹⁷ См.: Там же. Д. 6. Л. 173, 191-208, 225-227, 237-276.
- ¹⁸ См.: Там же. Д. 13. Л. 85.
- ¹⁹ Там же. Л. 120-122.
- ²⁰ АМИД. Ф. 082. Оп. 11. Д. 16. Л. 18; Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф.1. Оп. 1. Д. 1175а. Л. 61.
- ²¹ См.: АМИД. Ф.082. Оп. 11. Д. 16. Л. 5, 33.
- ²² Там же. Л. 4.
- ²³ ЭФГАСО. Ф.849. Оп. 3. Д.70. Л.281.
- ²⁴ См.: Там же.
- ²⁵ См.: АМИД. Ф. 082. Оп. 11. Д. 16. Л. 17; ЭФГАСО. Ф. 849. Оп. 3. Д. 70. Л. 282-284; Д. 5. Л.285.
- ²⁶ См.: АМИД. Ф. 082. Оп. 11. Д. 16. Л. 17.
- ²⁷ См.: ЭФГАСО. Ф.849. Оп. 3. Д. 9. Л.246, 247, 279.
- ²⁸ См.: Там же. Л. 246.
- ²⁹ Там же. Л. 247.
- ³⁰ Там же. Л. 279.
- ³¹ См.: АМИД. Ф. 082. Оп. 11. Д. 16. Л.28, 47.
- ³² См.: Там же. Л. 44-46, 47.
- ³³ См.: Там же. Л. 40.
- ³⁴ Там же. Л. 41.
- ³⁵

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Л. Малиновский

П.А. СТОЛЫПИН, ЕГО АГРАРНАЯ РЕФОРМА И НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ

Провозглашенная новым премьером после революционных событий 1905 г. реформа, получившая название столыпинской и сама личность П.А. Столыпина до сих пор вызывают ожесточенные споры - одни превозносят П.А. Столыпина как спасителя России от революции, некоторые пытаются даже представить его как сторонника "крестьянской России", другие осуждают его реформу и, вслед за Лениным, говорят о ее "провале". Точно так же можно обнаружить различные мнения о нем и о реформе в литературе о немецких колониях в России, хотя следует отметить, что оба главных автора, писавших о колониях Поволжья, Я. Дитц и Д. Шмидт¹, эту реформу обошли молчанием; для них этот период истории был еще не прошлым, а настоящим, они не брались его всерьез рассматривать или анализировать. Единственной конкретной работой о реформе в Поволжье является скромная диссертация М. Преториуса, изданная в Германии². По южным колониям России и такой работы нет.

В сохранившихся публикациях самого П.А. Столыпина немецкая деревня и колонисты вообще не упоминаются. Речь, прежде всего, идет об его отчете "Поездка в Поволжье и в Сибирь"³. О причинах умолчания мы скажем несколько ниже.

Прежде всего, нас интересовал вопрос о том, а не была ли сама идея реформы связана с существованием немецких колонистов в России, как одного из самых заметных элементов капитализма в сельском хозяйстве страны? Действительно, немецкие колонисты, а в особенности южные меннониты, уже с середины XIX века встали на капиталистический путь, т.е. развивали свое фермерское хозяйство на наследственных участках, механизировали его на конной тяге и широко практиковали скупку земель, что являлось одним из явных признаков развития капитализма. Можно было предположить, что П.А. Столыпин как саратовский губернатор и владелец имения в Таврической губернии позаимствовал свою реформаторскую идею у своих соседей-колонистов, подражая, как и они, примеру американских фермеров.

Однако это наше предположение не подтверждается историческими фактами. Во-первых, позаимствовать фермерскую идею у колонистов сво-

ей Саратовской губернии П.А. Столыпин не мог - саратовские немецкие колонии жили обычаями русской передельной общины и фермерство развивалось у них не в большей степени, чем у русского крестьянства в этой местности. Во-вторых, в таврическом имении Столыпина Мордвиновке было развито отрубное и хуторское арендное хозяйство, однако среди 18 арендаторов его земли был только один немец, вряд ли это могло оказать влияние на П.А. Столыпина.

П.А. Столыпин несомненно знал о наличии хуторского хозяйства на западных окраинах России, в частности в Прибалтике и в Польше, тем более, что он был и гродненским губернатором и предводителем дворянства в той же губернии. Однако мы не можем сослаться на влияние, например, существования эстонских хуторов на взгляды Столыпина. Не пишут об этом, насколько нам известно, и прибалтийские исследователи.

Но имеется свидетельство дочери П.А. Столыпина о том, что примером для него как реформатора служили не поляки и не эстонцы и даже не немецкие колонисты Таврии, а настоящие германские фермеры. В своих воспоминаниях дочь П.А. Столыпина пишет, что, по пути в свое гродненское имение, ее отец должен был проезжать по части территории Восточной Пруссии, где он видел фермерское хозяйство прусских крестьян и с восторгом отзывался о нем⁴.

Все это так, но ведь тысячи русских помещиков ездили по Европе и видели эти хозяйства, но почему-то не горели желанием подражать европейским фермерам. Почему именно П.А. Столыпин оказался столь восприимчив к прусскому образцу? Мы полагаем, что эта восприимчивость была вызвана не только личными впечатлениями из Восточной Пруссии, где фермерское земледелие, кстати, не было столь широко развито как в Западной Германии или в Голландии. Недаром описанный В.И. Лениным прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве был вовсе не фермерским, а основывался на развитии помещичьих хозяйств, которые и господствовали в Пруссии.

По-видимому П.А. Столыпин воспринял эти идеи не столько из непосредственных наблюдений, сколько из деятельности своего дяди Дмитрия Аркадьевича Столыпина (1818-1893), который, согласно данным энциклопедии Брокгауза и Ефрона⁵, вернувшись в Россию после зарубежной поездки, "занимая устройством быта крестьян в своих многочисленных имениях... в противоположность общине он выдвигал хуторское хозяйство... и даже написал книгу "Арендные хутора".

Мы, конечно, не смотрели через плечо П.А. Столыпину, когда он читал книгу своего дяди, но можем предположить, что дядя, умерший всего за 13 лет до того, как племянник перевернул всю Россию, все же оказал нема-

лое влияние на реформатора, тем более, что он был не только родственником его и известным философом-позитивистом, но и практиком сельского хозяйства и помещичьего "домоводства".

Итак, по опубликованным ранее материалам (в том числе и по изученной нами прессе 1906-1910 гг.) и по новым публикациям отчетливо видно, что результаты аграрной реформы П.А. Столыпина оказались неоднозначными. Особенно ясно это видно из Сибири. Оттуда неудача реформы в Европейской части была не так заметна, а положительные результаты переселенческой политики П.А. Столыпина были очевидны. Переселив на льготных условиях миллионы крестьян в Сибирь, П.А. Столыпин не предотвратил революции в России, но дал мощный толчок развитию Сибири, особенно южной и западной ее части.

Столь же велика неоднозначность политики П.А. Столыпина и в отношении немецкой деревни. Немцы-колонисты не участвовали в революции 1905 г. и, следовательно, не подверглись преследованиям в годы столыпинской реакции. Это объясняется, прежде всего, тем, что в колониях помещиков не было, а если и были крупные землевладельцы, то они селились на хуторах и в имениях за пределами колоний и самих колонистов в их землепользовании не утесняли. Ликвидация общины и переделов вызвала сомнения и колебания в среде колонистов Поволжья, как об этом пишет М. Преториус, но все же большинство колонистов Поволжья перешло согласно реформе "на собственность"⁶, которая способствовала как появлению и развитию фермерства, так и уходу беднейшей части колонистов в города и в развивающуюся промышленность (например, на сарпиночное производство в Поволжье).

На Юге, где колонии были гораздо богаче, никаких сомнений не было - реформу там просто игнорировали, поскольку фермерское хозяйство "по Столыпину" там уже существовало, как на арендованных, так и на купленных землях. Об этом свидетельствуют прежде всего материалы газеты "Odessaer Zeitung" за 1906-1910 гг. Об использовании реформы заговорили только в связи с переселением в Сибирь, которое давало возможность отделаться от беспокойной бедноты, воспользоваться предложенными льготами и, возможно, самим поехать в Сибирь ради предпринимательской деятельности, не столько в сельском хозяйстве, сколько в обслуживающих отраслях (мельничное дело и производство сельхозмашин).

Таким образом, П.А. Столыпин оказался как бы благодетелем немецкого фермерства, предоставив ему бесплатно или за дешевую цену обширные владения в Сибири. Более того, он самолично посетил в 1910 г. немецкие колонии в Кулундинской степи, был торжественно принят там, раздавал

деньги на школы и больницы и обещал даже меннонитам в Орлове провести к ним железную дорогу, что и было сделано после его смерти, уже в 1914-1918 гг.

В свете отмеченного выше представляется загадочным, почему же П.А. Столыпин и его соратник А.В. Кривошей в своем отчете о поездке в Сибирь и Поволжье ни словом не упомянули о процветающих немецких колониях в Сибири? Это представлялось нам совершенно непонятным, пока позднее не была опубликована секретная записка П.А. Столыпина о поездке в Сибирь⁷. Здесь, в отличие от опубликованного отчета, П.А. Столыпин хвалит немецких колонистов, которые, в том числе и его стараниями, были "водворены" в Кулундинской степи! И это было написано в 1910 г., когда тот же П.А. Столыпин в своем качестве как министр внутренних дел выдвигает "проект закона о колонистах", который вызвал резкие возражения не только в немецкой, но и в помещичьей среде и был похоронен тогда же, не дойдя даже до обсуждения в Думе, стараниями партии октябристов.

Секрет двуличия П.А. Столыпина проясняется вполне четко при чтении этого законопроекта. Он предусматривал запреты и ограничения для немецких колонистов западных губерний и новых колонистов, приехавших из Германии в начале XX века. Оказывается, этот закон вовсе не был направлен против колонистского землепользования вообще, а был призван только ограничить приток новых колонистов и передачу им собственности в тех западных губерниях, где они селились на землях польских помещиков. На эти земли претендовали русские помещики и богатые крестьяне, передача этих земель не немцам, а русским, соответствовала также русификаторской политике российского правительства в Польше, что не имело прямого отношения к старым немецким колониям.

Таким образом, П.А. Столыпин вовсе не был врагом немецких фермеров, хотя его враждебность к русскому революционному крестьянству не может быть подвергнута сомнению, он, конечно, был "слуга царю" и противник того русского крестьянства, которое требовало земли и жгло помещичьи усадьбы. Его проект против колонистов никакой вражды к старым колониям не содержал, хотя и был впоследствии использован против них.

Мы можем полагать, что П.А. Столыпин, как премьер, не был врагом немецких колонистов, а как реформатор был, несомненно, их сторонником. Как же объяснить при этом, что он ни в своем отчете о путешествии 1910 г. ни в своих выступлениях в Думе, которые были изданы после его смерти⁸, даже не упоминает о немцах-колонистах? А ведь они радушно принимали реформатора в сибирской степи, а потом даже поставили в Орлове памятник в честь посещения им этого села⁹.

Такая сдержанность в публичных выступлениях, однако, вполне объяснима, по нашему мнению, положением П.А. Столыпина в Петербурге и при дворе. Он был сыном своего класса и, несомненно, действовал в интересах русского дворянства, стремясь сохранить самодержавие и господство этого сословия. Вот как П.А. Столыпин характеризовал революционное движение своего времени: "преступная волна", "кровавый бред", "кровавое безумие", "смута", "открытое разбойничество" "преступные элементы", "враги общества" и т. п. Всё это говорил и писал не черносотенный консерватор, а признанный реформатор и ниспровергатель таких устоев российского общества, как крестьянская община и дворянское имение, - ведь несовместимы были общинные порядки и "вишневые сады" старорусского барства с фермерским капитализмом, который хотел ввести П.А. Столыпин в "хуторской России".

Однако понимало ли само дворянство и само самодержавное правительство, что путь к величию России ведет не через тупой консерватизм, а через буржуазные реформы? Очевидно, не все и не всегда понимали это. Черносотенно-консервативные круги явно боялись возвышения и распространения капиталистических методов и идей, в том числе и в лице немецких колонистов. Именно эти круги добились того, что на Урале был создан специальный барьер, так называемый "челябинский тарифный перелом", который не пускал дешевый крестьянский и колонистский хлеб на Запад, где он создал бы конкуренцию помещичьему хлебу из европейской части России. Как раз в годы столыпинской реформы в правых газетах появлялись статьи типа "Завоевание немцами Сибири", именно в это время совет екатеринославского дворянства в специальном обращении к правительству выступил за ограничение немецкого землевладения в своей губернии.

Во время Первой мировой войны именно эти круги развернули антинемецкую кампанию и боролись с мнимым "немецким засильем", используя против всех колонистов и против всех немцев вообще и тот проект закона, который П.А. Столыпин в свое время предлагал только против новых колонистов в западных губерниях.

Оказывается, что не провал, а как раз успех реформы за Уралом вызвал негодование консервативных противников П.А. Столыпина. По нашему мнению именно это обстоятельство и заставило его опустить в открытом отчете всякие упоминания о немецких колониях и о своём визите туда. Эта информация просочилась лишь в немецкую прессу¹⁰, а затем - в закрытую записку самого П.А. Столыпина, так и не опубликованную при его жизни. Позднее она нашла своё отражение в мемуарах меннонитских эмигрантов

в Канаде, которые в своих книгах рассказали еще раз о визите Столыпина в немецкие колонии¹¹.

Так, П.А. Столыпин оказался между двух огней: между необходимостью буржуазных реформ и желанием сохранить существующее самодержавие и соблюсти интересы господствующего класса. Вот в каких выражениях описывал Столыпин свой родной класс: "образованный класс земледельцев, ... культурные очаги на местах, ... нельзя обездолить 130 000 владельцев, оторвать их от привычного и полезного для государства труда"¹². Эти его слова, кстати, только подтверждают, что Россия еще не была капиталистической державой, как в советские времена полагали многие, а оставалась полусамодержавной монархией при господстве дворянства, для ликвидации которой и потребовалась Февральская революция 1917 г.

Именно противоречия нарождавшегося капитализма и сохранявшегося феодализма, как представляется, и смогли привести к неслыханному событию - к открытому убийству П.А. Столыпина в киевском театре в присутствии многочисленной охраны и самого царя. Не то чтобы сами правые организовали это покушение, но они либо попустительствовали этому, либо просто с облегчением вздохнули после смерти всевластного реформатора.

Таким образом, взаимоотношения П.А. Столыпина с немецким крестьянством, выразившиеся в двойственной политике, в тайной поддержке и в явном замалчивании, проясняют нам в какой-то мере и "загадку века", неожиданную смерть крупнейшего реформатора царской России.

Примечания

¹ См.: Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen, Pokrowsk, 1930. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. Д. Шмидт приводит, правда, в конце своей работы порайонные данные о переходе колонистов Поволжья на собственность, но не дает никакого анализа хода реформы и причин различий для разных местностей.

² См.: Prätorius M. Galka, eine deutsche Ansiedlung an der Wolga. Weida in Thüringen, 1912.

³ См.: Столыпин П.А., Кривошей А.В. Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб., 1911.

⁴ См.: Бок М.П. П.А. Столыпин: воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 43.

⁵ См.: "Столыпин Д.А." // Брокгауз и Ефрон. Т. XXXI. СПб., 1901. С. 685.

⁶ См.: Schmidt D. Указ. соч. С. 385.

⁷ Записка П.А. Столыпина опубликована В. Козодоевым в ст. "П.А. Столыпин - вешатель или вершитель?" в альманахе "Алтай" (1990, № 4).

⁸ См.: Столыпин П.А. Сборник речей... 1906-1911. СПб., 1911.

⁹ См.: Шелленберг И. История села Орлова. М., 1996. Обложка.

¹⁰ См.: Odessaer Zeitung. Nr. 239. 21.10.1910.

¹¹ См.: Fast A. In den Steppen Sibiriens. Rosthem, Kanada, 1955.

¹² Цит. по: Дзяков И. Забытый исполин // Наш современник. 1990. № 3. С. 145-148.

А. Бетхер

СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО НАЧАЛ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ У РАЗЛИЧНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX В.)

Одним из важных направлений исследований в современной отечественной этнографической (этнологической) науке является изучение специфики этнического развития, особенностей культуры национальных групп, проживающих за пределами основной территории расселения того или иного народа, в иноэтническом окружении¹. Для создания новых концепций, соответствующих современным тенденциям в науке и обществе, необходимо накопление фактического материала, разработка специальных программ и методик по изучению отдельных народов и различных компонентов культуры. В связи с этим, весьма актуальным является изучение этнических групп различных народов, особенностей их культурных комплексов, например, российских немцев, с их сложной этногрупповой структурой.

В данном сообщении рассматривается один из элементов хозяйственно-культурного комплекса - землепользование у различных этнических групп немецкого населения в Западной Сибири в конце XIX - начале XX в. Изучению различных компонентов хозяйства, в том числе и землепользования, у российских немцев в Западной Сибири в отечественной исторической и этнографической науке практически не уделялось внимания. В данном сообщении, на основе материалов исследователей по изучению немецких переселенческих хозяйств А.Н. Букейхана, А. Морозова, В.Я. Нагнибеды, В. Юферева², материалов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Омской области, данных полевых исследований автора, будут рассмотрены и сопоставлены формы землепользования у различных этнических групп немецкого населения Западной Сибири - поволжских, вольнских немцев и меннонитов.

Получаемый крестьянами при переселении в Сибирь надел, отводившийся на основании Степного Положения из расчета 15 десятин на каждую душу мужского пола, независимо от возраста, включал в себя землю, отводимую под усадьбу, пашню, выгон, покосы, а также мог содержать неудобные земли, лес, болота и т.п. Распределение этих угодий на отводимом участке опреде-

лялось системой землепользования. Система землепользования у немецких крестьян в Западной Сибири определялась, прежде всего, традициями у различных этнических групп немцев и в основном была схожа с формами землепользования в местах прежнего проживания в европейской части России.

В поволжско-немецких селениях Сибири, где господствовало общинное землепользование, распределение практически всех основных видов сельскохозяйственных угодий решалось приговорами сельских сходов. Ими определялись норма пашенного и сенокосного надела, сроки их переделов, и даже мог устанавливаться принудительный севооборот, регулировалось использование имеющегося на участке леса. Кроме того, общиной определялось место под выгон для пастбы скота, а после завершения уборочных работ скот пасся и по всей площади поселенного участка. В безусловном пользовании отдельного хозяина у немцев, выходцев из Поволжья, оставался практически только один усадебный участок.

Немецкие крестьяне – переселенцы из Поволжья принесли с собой в Сибирь нетрадиционную для других этнических групп российских немцев общинную систему землепользования. В первое время после переселения в Сибирь поволжские немцы не придерживались определенной системы пользования земельными угодьями. Обычно в течение первых лет после образования немецких поселков в Александровской волости Омского уезда, жители этих поселков, немецкие переселенцы из Поволжья, пахали землю свободно, по захвату: “каждому предоставляется полная свобода распашивать какое угодно количество земли, и где угодно”³. Но уже через некоторое время население этих поселков приходило к мысли о необходимости нормировать пользование землей. Так, например, в селе Александровка уже в 1896 г. крестьянами был составлен приговор сельского схода, запрещающий распашку свыше 5 десятин на причисленную душу в течение одного года. Каждый хозяин в этом году остался при этом на своем месте, если площадь его распашки не превышала указанную норму. В 1901 г. землю переделали сроком на 8 лет. При этом переделе весь сельский надел, за исключением выгона, разбивался на 4 части, или “полей”, а хозяин получал в каждом поле участок земли на все души в одном месте, при норме на душу во всех четырех полях вместе 6,5 десятин. На этих полях община вводила обязательный трехпольный севооборот⁴.

Подобная же система землепользования пахотными угодьями складывалась и в других поволжско-немецких поселках Александровской волости. Пашенные угодья обычно разбивались на несколько частей – “полей”, в зависимости от качества почвы, расстояния от поселка, удобства от потрав. Эти части разбивались на полосы по количеству наделных душ. Поэтому

у каждого хозяина пашня оказывалась в нескольких местах. Между “полями” и полосами часто оставались клинья неудобной для пашни земли, находящиеся в общем пользовании для выпаса лошадей во время полевых работ. Внутри “полей” полосы распределялись по жребию, периодически подвергаясь переделу. Срок переделов составлял от 4 до 12 лет; причем для разных “полей” он мог быть различным, а также меняться со временем. Для отдельных кусков, наоборот, не определялся, в зависимости от решения сельского схода. Обычно срок переделов составлял 5-6 лет.

На пашенных угодьях вводился обязательный севооборот, регулируемый общиной. Так, в селе Красноярка пахотная площадь была разбита на 7 полей, из которых 3 поля ежегодно возделывались, из остальных 4-х одно обязательно каждый год оставалось под пар на 1 год. В Александровке из имеющихся 3 пашенных и 2 картофельных полей одно ежегодно оставалось под неунавоженный пар⁵. На этих полях община вводила обязательный трехпольный севооборот⁶. Еще одно поле было уже выпажано, оставлено под залежь и находилось под выгоном.

Душевая норма земли, предназначенной под пашню, по решению схода также могла увеличиваться; обычно при очередном переделе, когда недостающую до нормы землю нарезали из свободной целины, либо специально разбивали новый участок. К 1901 г. размер душевой доли пашенной земли в поселках волости составлял в среднем 5 десятин. Душевые доли отсутствующих или умерших сдавались обычно в аренду сроком на 1 год (“на один посев”).

Помимо пашенных угодий одна десятина из душевого надела отводилась под усадьбу, куда входил огородный участок. Остальная наделная земля находилась под выгоном для скота, покосами, лесом (если он имелся).

Земли пригодной для покосов на участках немецких поселков в Александровской волости было довольно мало. Особо бедными на покосные угодья были Сосновка, Поповка и Новинка, где “найти подходящие сенокосные угодья кругом, на киргизских землях, едва ли удастся”⁷, а в Поповке приходилось первое время покупать сено в Омске. Обычно под покосы отводили лесные колки, либо один из углов участка. Отведенный для этого кусок разбивался на пай, которые уже делились между отдельными хозяйствами по жребию, обычно пай делился на 5 или 10 душ. Так, например, в Александровке “сенокосные же угодья отводятся каждому из 28 десятков (пай на 10 душ – Б.А.), на которые разбито население (по дворам) и уже каждый десяток производит раздел земли среди своих членов”⁸. Кроме того, под покосы могли использовать нераспаханную целину на собственном наделе.

Под выгон земля отводилась обычно возле поселка и находилась в общем пользовании всех жителей. Иногда скот пасли по всему участку, обегая при этом посевы и покосные места. Осенью после завершения уборочных работ скот могли пастись также по всему участку.

Лес, имеющийся на участке, также становился собственностью всей общины. По мере надобности, для нужд строительства, жители поселков могли пользоваться древесиной из наделных лесков; в назначенном для рубки колке деревья нумеровались и распределялись между хозяйствами по жребию. Община регулировала количество вырубаемой древесины, определяя на сельском сходе размер годовой рубки в зависимости от необходимости ремонта, топлива. Так, например, в Новинке ежегодно по постановлению сельского схода отводилась делянка с расчетом определенного количества деревьев на душу (обычно от одного и, были случаи, до пяти), а в богатой лесом Александровке (585,5 десятин) колонисты брали по 5 деревьев на душу два раза в год - весенняя рубка шла на ремонт построек, осенняя - на дрова. Община осуществляла надзор за сохранностью лесов на наделном участке. Для этой цели из жителей поселка избирался общественный лесник, лесной сторож, осуществлявший охрану лесов от самовольных порубок. За свою успешную деятельность сторожа получали вознаграждение: штраф, либо его часть, который должен был заплатить браконьер.

В ходе Столыпинской реформы, после принятия закона 9 ноября 1906 г. о переходе к личному землепользованию в Сибири, как и по всей России, в том числе и среди немцев, начал проводиться курс на размежевание крестьянских наделов, на выделение отрубов и хуторов отдельных крестьян из общинных наделов. Еще в ходе обследования переселенческих хозяйств в Степных областях в 1900-1901 гг. поволжские немцы Александровской волости, с одной стороны, высказывали желание разделить землю подворно, так как только в таком случае, по мнению колонистов, можно было её, например, навозить⁹. Но, с другой стороны, они высказывали опасения, что сделать это будет трудно из-за неоднородности участков, в некоторых местах с преобладанием, например, леса, что уменьшало бы посевные площади хозяина участка. Кроме того, переход к подворному владению потребовал бы, по мнению колонистов, таких расходов (как, например, для добычи воды каждым хозяином), которые невозможно было бы возместить получаемыми с участка доходами. Поэтому общинное владение для поволжских немцев здесь было выгоднее, хотя оно и "уравнивает только голод", как говорили колонисты. О медленных темпах перехода от общинной к отрубной, подворной системе землепользования говорят и данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Ко времени проведения

переписи в Красноярке вся наделная земля оставалась еще общинной. В селе Побочино Александровской волости, основанном также поволжскими немцами уже в начале XX в., из около 4,5 тысяч десятин наделной общинной земли только 33 десятины находились в отрубном пользовании¹⁰.

В другом крупном ареале проживания немецкого поселения в Западной Сибири - Кулундинской степи в Барнаульском уезде Томской губернии среди поволжских немцев также было распространено общинное землевладение. Об этом свидетельствуют данные обследования экономического положения переселенцев в Томской губернии, проведенного в 1911 г. под руководством В.А. Нагнибеды. По данным обследования, большинство переселенческих хозяйств в Кулундинской степи - 62,65% - имели общинную форму землевладения. Лишь 36,38% хозяйств придерживались подворной формы, причем большинство из них - это меннониты, составлявшие в Кулундинской степи 29,45% населения¹¹. Остальную часть хозяйств с подворным землепользованием можно отнести на украинских немцев (католиков и лютеран). Можно предположить, что поволжские немцы и здесь придерживались традиции общинного землепользования, имевшей более чем вековую историю у немцев в Поволжье.

По данным обследования, в переселенческих поселках с общинной формой землевладения, в том числе и поволжских немцев, до тех пор, пока участок не вполне был заселен, существовало вольно-захватное пользование землей, когда каждый домохозяин распахивал землю в размерах, допустимых наличием сил и средств в хозяйстве. При большей заселенности участка, переселенцы переходили к регулированию земельных отношений: устанавливалась норма, определяющая максимальные размеры запашки в одном хозяйстве (обычно, не свыше 5 десятин на одну мужскую наделную долю). Если хозяйство имело средства увеличивать размеры запашки сверх нормы, то переселенец платил обществу арендную плату. Для равномерного распределения качественно различных земель под пашню, немецкие крестьяне делили их на ряд полос, и в этих полосах устанавливалось определенное количество земли на каждую долю. Такой порядок пользования землей устанавливался иногда на неопределенные сроки, но обычно на несколько лет, по истечении которых должен был производиться передел¹². Как мы видим, система землепользования в Кулундинской степи была схожа со сложившейся системой общинного землепользования в поволжско-немецких поселках Александровской волости Омского уезда. В поволжско-немецких селениях Кулундинской степи, как и в Омском уезде, выделение земли из общинного пользования для ведения хуторских хозяйств также шло довольно медленными темпами. Так, например, к 1911 г. в Подсоснов-

ской волости, как уже было выше отмечено, только 31 из 448 хозяйств волости перешли к хуторской форме землепользования.

Общинная система землепользования сохранялась у поволжских немцев отчасти и после Октябрьской революции. Так, введенное в РСФСР декретом ВЦИК от 27 января 1918 г. уравнильное трудовое землепользование, связанное с постоянными переделами земли, как нельзя лучше соответствовало общинным традициям немцев. Еще в 1924 г. Западносибирская краевая немецкая газета "Der Landmann" писала: "При нашем теперешнем землепользовании крестьянин связан по рукам и ногам общинным сельхозоборотом. Лучше..., чтобы поле каждого крестьянина было в одном куске"¹³. И это, прежде всего, касается немецких крестьян, выходящих из Поволжья, так как у других групп немцев система общинного землевладения с раздробленным наделом и принудительным севооборотом отсутствовала.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о превалировании общинного начала над индивидуальным в отношениях землепользования у поволжских немцев в Западной Сибири в конце XIX - начале XX в. В ведении общины в поволжско-немецких селениях находилось распределение практически всех основных видов сельскохозяйственных угодий. Приговорами сельских сходоков, в которых могли участвовать все главы приписных хозяйств определенного селения, как можно было увидеть выше, определялись норма пашенного и сенокосного надела, сроки их переделов, и даже мог устанавливаться принудительный севооборот, регулировалось использование имеющегося на участке леса. Кроме того, общиной определялось место под выгон для пастбища скота, а после завершения уборочных работ скот пасся и по всей площади поселенного участка. В безусловном пользовании отдельного хозяина оставался практически только один усадебный участок.

Община, гарантируя получение определенного пашенного надела, стремясь уравнивать каждого хозяина по размеру и качеству этого надела, оставляла право использовать его по своему усмотрению. Прежде всего, хозяева, не имеющие достаточных средств и возможностей для обработки своего надела, могли сдать его, частично или полностью, в аренду, причем не только приписанным жителям своего села. Экономически более сильные крестьяне могли брать в аренду землю, как у бедных односельчан, так и из фонда запасных земель, находящегося в распоряжении всей общины. То есть, община у поволжских немцев оставляла место для процесса социальной дифференциации и выделения из ее среды, как бедняков, так и хуторщиков. Это проявлялось, например, в процессе, хотя и идущем медленными темпами, перехода к хуторскому и отрубному землепользованию.

Еще одной из этнических групп немецкого населения в Сибири являлись переселенцы с северо-западной Украины – волынские немцы. В большинстве волынско-немецких поселков в Сибири переселенческие хозяйства представляли собой группы отдельных дворов и хуторов, в которых вокруг усадьбы распространялись и все угодья. При этом в пользовании всего общества определенного переселенческого поселка оставалась только некоторая часть леса, покотина, выгон. Усадьба, пашня и сенокосы поступали в подворное наследованное пользование отдельных домохозяев¹⁴.

Немецкий крестьянин на Волыни мог приобрести столько земли, сколько он был в состоянии оплатить и обработать, в отличие от Поволжья и Причерноморья, где каждый колонист получал земельный надел определенного размера. Это было обусловлено тем, что переселение немецких колонистов на Волынь носило частный характер, в отличие от регулируемого государством переселения в Поволжье и Причерноморье. Поэтому немцы селились здесь на покупаемые или арендуемые помещичьи земли, пользуясь определенными земельными участками на основании купчих, или документов на аренду. Договоры на аренду заключались на 12, 24, 36 лет, причем обычно не отдельными арендаторами, а, как правило, группой переселенцев. Величина участка у немецких крестьян на Волыни составляла в конце XIX – начале XX в. в среднем 10 десятин на хозяйство. Основным видом поселения волынских немцев были хутора, на которых жило в среднем 20-30 человек (3-5 хозяйств). Иногда возникали колонии с населением до 100-150 человек. Хуторской тип поселения позволял хозяину земельного участка иметь его в одном куске и недалеко от усадьбы¹⁵.

Являясь приверженцами хуторского типа поселения и подворной системы землепользования, волынские немцы, придя в Сибирь, здесь также селились хуторами. В первом ареале расселения волынских немцев в Сибири – Тарских урманах (Седельниковская волость Тарского уезда Тобольской губернии) возможность хуторского поселения облегчалась также тем, что этот район в конце XIX в. являлся районом "вольной колонизации". Поэтому земля здесь первоначально не была разбита на участки, каждый переселенец мог занимать то место, которое ему больше нравилось. Хутора располагались преимущественно на расстоянии 1/4 - 1/2 версты друг от друга, так, чтобы каждому хозяйству достался, по возможности, округленный участок. При последовавшем в 1899 г. (после перевода этого района в разряд переселенческих) землеустройстве и отрезке участков, каждому двору было отведено соответствующее количество земли, в расчете 15 десятин на мужскую душу. При дроблении семейств переселенцев происходило разделение обрванных хуторских наделов таким образом, что отошедший двор получал часть земельного надела того двора, от которого он отделялся¹⁶.

У волынских немцев в этом районе сложилась особая смешанная подворно-общинная система землепользования, проявлявшаяся в двух видах хозяйств - мызовых и подворных. В большинстве волынско-немецких поселений отдельные хозяйства устраивались так называемыми "мызами", и представляли собой группы отдельных дворов и хуторов, в которых вокруг усадьбы разпространялись и все уголья. Границы такой мызы, включая поля и дороги, определялись изгородью. При мызовом устройстве в пользовании всего общества определенного переселенческого поселка оставалась только некоторая часть леса (обычно от 4 до 6 десятин на мужскую душу). Остальные уголья разбивались на сплошные подворные участки по количеству мужских душ на каждом отдельном дворе. Кроме этого, в пользовании всего поселка оставался особый земельный фонд, включавший неудобные земли, за исключением совершенно непригодных, который использовался на "непредвиденные нужды" - приселение новых переселенцев, увеличение семей и т.п.¹⁷

В поселках волынских немцев с подворным устройством в пользовании всего общества также отводились леса, покотина, выгон и имевшиеся свободные земли. Усадьба, пашня и сенокосы поступали в подворное наследственное пользование отдельных домохозяев, при этом соблюдалась строгая уравнительность в размере наделения, когда на каждый вид угодий отводилась определенная норма земли на наделную мужскую душу.¹⁸

Мызно-подворная система землепользования, сложившаяся у волынских немцев, наиболее отвечала местным условиям, как отмечал проводивший в 1899 г. обследование переселенческих хозяйств в Тарском уезде чиновник канцелярии кабинета министров Сосновский. Он подчеркивал, что благодаря такой системе землепользования, переселенцы в девственных урманых лесах при отсутствии достаточного количества открытых пространств могли удержать за собой расчищенные от тайги участки. Поэтому переселенцы волынских немцев также нанимали за свой счет землемеров для обмежевания отдельных участков, как это сделали, например, в 1899 г. жители участка Березовский.¹⁹ Однако подобная система землепользования была непривычна для окружающего русского населения. Так, в отчете Сосновского отмечалось, что "нашим бабам-переселенкам не нравится, что у немцев нет улицы".²⁰

При переселении волынских немцев в другие районы Западной Сибири они также придерживались хуторской (мызной) системы землепользования. Поселок Князе-Трубецкой Александровской волости Омского уезда населенный волынскими немцами, также был "разбит на хутора".²¹ В районе железнодорожной станции Любино на арендных участках Казанцевский и Беляевский в Тюкалинском уезде Тобольской губернии волынскими немцами был образован целый ряд хуторов. Подобный характер земле-

пользования у волынских немцев был сохранен вплоть до середины 1930-х гг. и был разрушен только в ходе массовой коллективизации. Так, сселением хуторов, населенных немцами, в Любинском районе Омского округа местные власти занялись только в 1934 году.²²

Как мы видели выше, система землепользования, распространенная у волынских немцев в Сибири, была принесена ими из мест прежнего проживания и связана, прежде всего, с частновладельческим характером землепользования у немцев на Волыни. Закрепление мызно-подворной формы землепользования в волынско-немецких поселениях также обуславливалось изначально вольным характером колонизации в Тарских урманах. Подобная система способствовала лучшей обработке земли, когда возделанный с огромным трудом участок таежной целины закреплялся во владении отдельного хозяина. Как видно из приведенных примеров, в системе землепользования у волынских немцев наблюдалось преобладание индивидуального начала в распределении хозяйственных угодий.

Меннониты, еще одна крупная этническая группа российских немцев в Сибири, также являлись приверженцами подворной системы землепользования. При переселении в Россию, на территорию северного Причерноморья, меннониты, помимо общих привилегий, получали от российских властей участок земли в 65 десятин на переселенческую семью в подворное владение с правом единонаследия.

В отличие от Поволжья, Новороссийская контора опекунов иностранных колонистов следила за тем, чтобы переселенцы строго придерживались правила единонаследия - весь надел в 65 десятин земли после смерти отца должен был перейти во владение одного из сыновей. Подобная практика привела к образованию большого количества безземельных колонистов в меннонитских поселениях. Уже в 1841 г. в различных меннонитских округах Причерноморья доля безземельных или малоземельных крестьян (последним могли выделяться 2-6 десятин, так называемые усадебные или ремесленные участки) доходила до 45-56% населения.²³

Безземельное население в меннонитских колониях Украины переселялось на отводимые из специального фонда свободные земли, что вело к образованию дочерних колоний. Кроме этого, отдельные богатые меннониты, либо целые общины прибегали к аренде или покупке земли у новороссийских помещиков. В поисках свободных земель меннониты также начинают переселяться и в Сибирь. При этом меннониты так же стремились, чтобы им отводили отдельный участок земли на отдельную семью, независимо от ее состава. Например, ходок Реймонд Блатц от имени 160 безземельных меннонитских семейств из колонии Нью-Йорк Бахмутского уезда Екатерино-

славской губернии, в обращении к переселенческим властям Томской губернии просил разрешить разделить землю на выбранном им для водворения участке подворно, т.е. "наделить каждому семейству равным числом... по 50 десятин на двор"²⁴. При этом Р. Блатц аргументировал свою просьбу давней традицией подворного землепользования в меннонитских хозяйствах.

Как отмечает исследователь переселенческого хозяйства в Томской губернии В.Я. Нагнибеда, меннониты являлись практически единственными приверженцами подворного земледелия в Кулундинской степи: "они свои участки разделили на равные части по числу дворов, независимо от количества душ"²⁵. На один двор в меннонитских селениях Барнаульского уезда Томской губернии приходилось приблизительно по 50 десятин земли.

Пахотные угодья у каждого домохозяина находились в целях уравнивания качества земли в двух или трех кусках. Этот факт, однако, сближает систему землепользования меннонитов с общинной формой. Но в отличие, например, от русских общинных полей с их чересполосицей "треугольных, косягольных, то широких и коротких, то страшно узеньких вдоль и поперек разбросанных пашен", земельные куски у меннонитов выглядели как "правильные, солидной ширины, очень длинные, строго прямоугольные и параллельные друг другу поля..."²⁶.

В распределении сенокосных угодий у меннонитов Кулундинской степи также можно отметить общинные элементы. Так, В. Я. Нагнибеда отмечает, что меннониты покосные угодья "или переделают ежегодно, соответственно качеству урожая, или выкашивают свободную площадь все сообща, а потом делят сено поровну"²⁷. Вообще, меннониты для сенокосения оставляли мало земли, планируя использовать ее под пашню, а скот кормить зерном²⁸. Под пастбище обычно в меннонитских колониях в Кулундинской степи отводили участки на солончаках. Земля здесь была не пригодной для пашни, но трава произрастала в достаточном количестве, чтобы прокормить скот летом²⁹.

Как отмечали многие наши информаторы, в меннонитских колониях у получавших надел переселенцев было достаточно земли для пашни, но не вся она возделывалась. Каждый хозяин обрабатывал столько земли "сколько хотел, насколько сил хватало"³⁰. Поэтому часть находившейся в подворном владении земли оставалась свободной, не возделываемой. Но в связи с тем, что наделение происходило по 50 десятин, свободный фонд у переселенческих поселков быстро расходовался. Поэтому растущее население - взрослые сыновья, заводившие свою семью, оставались без земельного надела.

Ярким примером землепользования меннонитов в Кулундинской степи является поселок Хорошенькое Орловской волости. По словам нашего ин-

форматора Шартнер М.Я., пашенная земля вокруг села была разбита на три части. Это разделение было связано с различием в плодородии земель. Так, например, у деда информатора земельный надел был разбит на три части. Две части пашенной земли больших размеров были предназначены для зерновых культур, прежде всего для пшеницы. В третьем куске меньшего размера и хуже качеством выращивались бахчевые культуры, не требовавшиеся к условиям произрастания. Между селом и бахчей находилась непаханая целина, которую использовали под пастбище³¹.

Как мы видели свои земельные участки меннониты, например в Кулундинской степи, разбивали на равные части по числу дворов независимо от количества душ. На каждый двор приходилось примерно по 50 десятин земли. Для уравнивания качества земли пахотные угодья у отдельного хозяина могли находиться в 2-3 кусках. Покосные угодья меннониты переделывали ежегодно, соответственно качеству урожая, или выкашивали свободную площадь сообща, а потом делили поровну.

Отличия в системах землепользования у различных этнических групп немцев Западной Сибири в начале XX века, как мы видели, определялись прежде всего традициями, господствующими в местах их выхода из европейской России. Как видно из вышеприведенных примеров, как у последователей общинного землепользования (поволжских немцев), так и приверженцев хуторской (волынские немцы) и подворной (меннониты) форм землепользования в распределении и использовании различных земельных угодий присутствовали в той или иной мере элементы, как индивидуального землепользования, так и коллективного. В начале XX века в Сибири у немцев - выходцев с Поволжья отмечается практически полное преобладание коллективного землепользования, а индивидуальное землепользование наиболее ярко было выражено у немцев - выходцев с Волыни. У меннонитов, несмотря на то, что им была присуща подворная система землепользования, в Сибири, прежде всего в Кулундинской степи, были сильны коллективные элементы в распределении различных угодий.

Исследования по становлению и развитию форм системы землепользования у различных этнических групп немецкого населения в Западной Сибири в конце XIX - начале XX в. позволяют значительно дополнить и расширить имеющиеся в настоящее время в исторической и этнографической науке представления о состоянии хозяйства и хозяйственно-культурного комплекса у немецкого населения России. Сопоставив различия в землепользовании отдельных групп немецкого населения с другими особенностями хозяйственного уклада, можно сделать определенные выводы о факторах и условиях развития хозяйства у немцев в Западной Сибири.

Примечания

- ¹ См.: Томилов Н.А. Региональные отношения и проблемы малочисленных народов и национальных групп Сибири // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. Омск, 1993. С. 278-284.
- ² См.: Дополнительные сведения // Материалы по переселенческому хозяйству в Степной Тургайской областях. Акмолинская область. СПб., 1907. Т. 5; Кулундинская степь // Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. - Томск, 1913. Вып. 1; Морозов А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году. - Омск, 1900; Юферев В. Переселенцы в Тарских урманах // Вопросы колонизации. - 1907. № 2. С. 270-299.
- ³ Морозов А. Указ. соч. С. 8.
- ⁴ См.: Дополнительные сведения... С. 9-10.
- ⁵ См.: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. - СПб., 1913. Вып. 1. С. 94-95.
- ⁶ См.: Дополнительные сведения... С. 9-10.
- ⁷ Морозов А. Указ. соч. С. 14.
- ⁸ Там же. С. 7-8.
- ⁹ См.: Там же. С. 4.
- ¹⁰ См.: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-146. Оп. 1. Д. 29. Л. 30. Л. 86.
- ¹¹ См.: Кулундинская степь... С. 173-174.
- ¹² См.: Там же. С. 174.
- ¹³ Der Landmann. 1924. 7. November.
- ¹⁴ См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 408. Л. 13-14; Юферев В. Переселенцы в Тарских урманах // Вопросы колонизации. 1907. № 2. С. 270-299.
- ¹⁵ См.: Nikef S. Die Deutschen in Wolhynien. - Kiew-Charkow, 1935. - S. 105; Rink F. Die Wolhyniendeutschen - Ihr Werk und ihr Schicksal // Heimatbuch der Russlanddeutschen. - Stuttgart, 1959. S. 39-53.
- ¹⁶ См.: Юферев В. Указ. соч. С. 280.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 281; РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 408. Л. 13.
- ¹⁸ См.: РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 408. Л. 13.
- ¹⁹ См.: Там же. Л. 14.
- ²⁰ См.: Там же. Л. 13.
- ²¹ Справочные сведения о переселенческих селениях и участках Акмолинского переселенческого района. - Омск, 1911. С. 23.
- ²² См.: Малиновский Л. В. Немцы в России и на Алтае. - Барнаул, 1995. С. 212.
- ²³ См.: Там же. С. 35.
- ²⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 353. Л. 289 об, 290.
- ²⁵ Кулундинская степь... С. 174.
- ²⁶ Казанский П. У кулундинских немцев // Алтайский сборник. - Барнаул, 1930. Вып. XII. С. 62.
- ²⁷ Кулундинская степь... С. 174.
- ²⁸ См.: Там же.
- ²⁹ См.: Материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета. 1996. Полевая опись 12. Л. 21.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ См.: Там же. Л. 23.

А. Бетхер

СОСТОЯНИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА В ХОЗЯЙСТВЕ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ МЕННОНИТОВ)

Изучение материальной культуры является одной из важнейших составных частей этнографического исследования любого народа. Значение материальной культуры для этнических общностей как самовоспроизводящей системы обусловлено той ролью, которую она играет в обеспечении их витальных (жизненных) потребностей. Материальная культура, как одна из подсистем культуры, представляет собой механизм адаптации общества к условиям природной и социальной среды его существования. В ней находят отражение как природно-географическая среда обитания определенной этнической общности, так и уровень общественно-экономического развития, политическая структура, иноэтническое окружение и другие конкретно-исторические условия¹.

Исследование традиционных элементов материальной культуры, в том числе и хозяйства, у различных групп российских немцев в Западной Сибири, имеет особый интерес. За короткий промежуток времени, на протяжении 150 – 200 лет, российские немцы, в том числе и меннониты, в связи с миграциями три – четыре раза меняли место проживания. При этом резко менялись природно-географические, климатические, экономические, социально-политические условия жизнедеятельности, что должно было сказаться на состоянии материальной культуры. Одни традиции в культуре российских немцев должны были исчезнуть, другие трансформироваться, возникнуть новые. Поэтому анализ изменений в материальной культуре различных этнических групп немецкого населения в Сибири, особенно в сравнении с состоянием материальной культуры в местах их первоначального поселения в России, а до этого в Германии, позволит проследить процесс адаптации традиционной культуры российских немцев к меняющимся в ходе миграции условиям жизнедеятельности.

В данном сообщении будет рассматриваться роль одного из элементов материальной культуры – животноводства у российских немцев в начале

XX в. Подробно будет рассмотрено состояние скотоводства (разведение крупного рогатого скота) на примере меннонитских колоний Сибири. Мы рассмотрим содержание крупного рогатого скота в хозяйствах меннонитов в Западной Сибири в начале XX в: породы, племенную работу, стойловое содержание, выпас скота.

Изучение подобных вопросов хозяйствования в настоящее время является еще и потому актуальным, что позволяет восстановить некоторые несправедливо забытые достижения меннонитов в племенной работе. Так, например, в 1940-е гг. выведенная в XIX – начале XX вв. меннонитами красно-немецкая порода коров по идеологическим мотивам была переименована в “красно-степную”. Вместо меннонитского происхождения советская сельскохозяйственная наука отдавала приоритет в создании и усовершенствовании породы только русскому и украинскому населению. Термин “красный немецкий скот”, который, как утверждалось, в коммерческих целях “всячески стремились укоренить и упрочнить иностранные переселенцы (меннониты и немцы), а обрусевшие немцы и русские космополиты всячески им в этом помогали”², признавался неправильным и идеологически вредным.

Несмотря на довольно обширное количество публикаций по истории немцев в Сибири, этнография, и особенно материальная культура, различные компоненты хозяйства российских немцев, в том числе у меннонитов остаются мало изученной темой. Отдельное упоминание о породах и способах содержания скота в меннонитских колониях встречается в работах Л.В. Малиновского и Л.П. Белковец³.

Источниками для нашей работы послужили, прежде всего, полевые материалы этнографических экспедиций в Западной Сибири, архивные материалы и данные литературы рассматриваемого периода⁴.

В начале XX в. в Сибири у немцев животноводство находилось на высоком уровне. Исследователи переселенческого хозяйства Сибири отмечали, что “всюду у немцев, особенно у немцев меннонитов, мы видели лучший скот, лучшее сено...”⁵, имелись свои инструктора скотоводства. Животноводство – содержание и разведение домашних животных и птиц, являлось традиционной и важной отраслью сельского хозяйства у российских немцев, как в Европейской России, так и в Сибири. По своей роли и значению животноводство в сфере хозяйства уступало земледелию и играло преимущественно подчиненную роль по отношению к земледелию. Продукты животноводства, прежде всего, использовались для удовлетворения собственных нужд и нужд определенного крестьянского хозяйства. Лошади были основной тягловой силой для земледельческой техники того времени, а

также могли продаваться на племя. Домашний скот и птица представляли продукты питания (мясо, молоко, яйца) для собственного потребления и на сырьё и продажу (кожу, шерсть, пух) для кустарной промышленности и нужд домашнего хозяйства.

В Сибири, в отдельных немецких хозяйствах, доля животноводства также могла превышать долю земледелия. Это было характерно, прежде всего, для крупных экономий отдельных хозяев. Обычно это были арендаторы участков в несколько тысяч десятин земли, арендовавшие их у Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска на условиях ведения “культурных хозяйств” и снабжения казачьего населения “высококачественными производителями породистого скота,... продавать казакам улучшенные породы скота и проч.”⁶, например, выходец из Таврической губернии Абраам Гехтер.

Так, Абраам Гехтер в 1902 г. заарендовал вблизи станции Москаленки более 8 тыс. десятин земли, сроком на 12 лет, с правом продления аренды еще на такой же срок, куда перевел своё хозяйство из Таврической губернии. По условиям аренды он должен был завести 600 каракулевых овец при десяти производителях и привезти 1 вагон крупнорогатого скота⁷. В 1907 г. Омское управление государственного имущества отмечало, что экономия “Кочубаево” А. Гехтера имела “исключительно скотоводческий характер”: в ней содержалось 200 голов крупнорогатого скота и 2 500 голов овец. Пашню в имении предполагалось завести только с весны 1907 г. и довести ее до 200 десятин⁸.

Но такие примеры были не характерны для основной массы немцев в Сибири. У большинства немецкого населения основным занятием оставалось земледелие, а у немцев, наемных рабочих в крупных скотоводческих хозяйствах имелись собственные земельные обрабатываемые наделы. Так, например, в экономии Ф.Ф. Штумпфа, расположенного в 12 верстах от г. Омска на левом берегу Иртыша, наемные рабочие, меннониты, жившие особым хутором, помимо того, что работали в экономии, имели собственные земельные наделы от 2 до 40 десятин⁹.

Рассмотрим особенности развития животноводства у меннонитов Западной Сибири в конце XIX – XX вв. Меннониты в конце XIX – начале XX в. как в Причерноморье, так и после переселения в Сибирь относились к хозяйственно-культурному типу оседлых землевладельцев. В определенные моменты, прежде всего под влиянием рыночной конъюнктуры, в структуре хозяйства меннонитов могло преобладать также отчасти и животноводство. Так, например, в начале XIX в. в Северном Причерноморье из-за отсутствия рынков сбыта и путей сообщения с торговыми центрами у меннони-

тов, переселившихся в эту местность, не получило широкого развития зерновое земледелие. Поэтому, для получения прибыли от ведения хозяйства меннониты вынуждены были заниматься разведением крупнорогатого скота и овец. Стада этих животных отгонялись в черноморские порты и сбывались на мясо. Но с проведением новых торговых путей и появлением дешевого мяса из-за рубежа в этом регионе, меннониты вернулись к своей основной отрасли хозяйства - зерновому земледелию¹⁰.

В Западную Сибирь меннониты начинают переселяться на рубеже XIX – XX вв. Первоначальным ареалом заселения меннонитов здесь являлись земли вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали в Омском уезде Акмолинской области - в районе станций Исилькуль, Москаленки, Мариановка и западнее г. Омска. Эти земли принадлежали в основном Сибирскому казачьему войску. Меннониты либо покупали наделы у казачьих офицеров, получивших эти земли в качестве пенсионного пособия, либо арендовали свободные участки земли у Войскового хозяйственного правления под "образцовые хозяйства" или у отдельных казачьих станиц, которые имели свободные юртовые наделы в расчете на рост населения.

В 1900 – 1903 гг. были образованы меннонитами из Молочанского округа хутор Матис на землях станицы Захламенской в 12 верстах от г. Омска, в районе ст. Исилькуль поселок Маргенау на землях Николаевской станицы, поселки Фриденсру, Розенорт, Тигервайде на участке офицера Солнцева. В это же время меннониты, в основном переселенцы из Крыма, селились на покупаемые или арендуемые у казны земли в Куликовской и Кулачинской волостях Тюкалинского уезда Тобольской губернии в 40 верстах северо-восточнее г. Омска. Это поселки Кирьяновка, Трусовка и др. Основная масса меннонитов переселилась сюда несколько позднее в 1906 – 1912 гг.

С 1906 г. идет переселение меннонитов в районе станции Татарская в Каинском уезде Томской губернии, на купленные земли участка офицера Неудачина – хутора Неудачино, Клюевка, Ливановка. В период Столыпинской реформы меннониты образуют переселенческие поселки в Кулундинской степи, переданной в 1907 г. в ведение Переселенческого управления. Здесь меннониты селились на казенных землях, наравне с другими переселенцами, получая от государства во владение землю в расчете 15 десятин на мужскую душу. В Кулундинской степи в районе Славгорода меннонитами была заселена Орловская волость Барнаульского уезда Томской губернии. Отдельные меннонитские поселения имелись в Новоромановской, Славгородской и в некоторых других волостях уезда¹¹. В Сибирь меннониты переселялись преимущественно с юга европейской России – Екатеринославской и Таврической губерний, в меньшей степени из Самарской и Уфимской губерний.

В начале XX в. в Сибири животноводство у меннонитов находилось на высоком уровне развития. Как уже отмечалось, для меннонитов были характерны "лучший скот, лучшее сено..."¹², имелись свои инструктора скотоводства. В 1926 г. по данным Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества (Менобщества) среди меннонитского населения России безлошадных хозяйств было - 10,3%, имело 1-2 головы рабочих лошадей - 52,4% хозяйств, 3-4 головы - 28,2%, 5 и более - 9,2%. Группировка меннонитских хозяйств по количеству крупного рогатого скота была следующей. Хозяйств без крупного рогатого всего 5%, имели 1-2 головы крупного рогатого скота в 55,9% меннонитских хозяйств, 3-5 голов в 33,7%, более 5 голов в 5,4% хозяйств. При этом Правление Менобщества подчеркивало, что меннониты в России по этим данным были более обеспечены скотом, чем другое население¹³.

Большинство меннонитских семей приезжало в Сибирь без всякого скота, продав его при переезде. Поэтому на первых порах для обеспечения своего хозяйства мясомолочными продуктами меннониты приобретали местный скот сибирской или киргизской породы.

Киргизская корова являлась мясной породой. По основным показателям - мелкая, с грубой шерстью и толстой кожей, с плотным туловищем на коротких ногах, хорошо откармливалась на подножном корму, давала много мяса¹⁴. Сибирская (крестьянская) корова являлась молочной породой, ее убойный вес составлял в среднем всего 7-8 пудов, а взрослого быка - 10-14 пудов. Вследствие позднеспелости, высшая молочность у коровы наступала после 7-8 теленка. Среднегодовой удой "сибирки" был относительно высоким и равнялся 60 пудам при высоком проценте жирности 4-7%¹⁵. Низкая цена сибирской коровы (15-25 руб. за голову) и высокий процент выхода масла из жирного молока коров этой породы оказывали огромную помощь в первые годы после переселения меннонитов в Западную Сибирь. Так, например, из-за неурожая зерновых в 1900-1902-х гг. основной источник поступления денежных средств в хозяйствах меннонитов с хуторов в районе г. Омска составили доходы от продажи сливочного масла¹⁶.

Однако местные породы для меннонитов, которые владели на Украине породистым высокопродуктивным скотом с большей молочностью, являлись не совсем удовлетворительными. Оценивая рост, окраску, внешние формы местных пород, меннониты отмечали, что местный скот некрасив, мало продуктивен. Поэтому меннониты в своих хозяйствах пытались улучшить местные породы. При этом они применяли испытанный уже раньше в местах своего выхода метод поглощения производителями красно-немецкой породы серых степных коров.

В первое время после переселения в Сибирь, меннониты не могли найти чистого культурного скота в необходимом количестве. В Омском уезде, например, в различных, крупных частновладельческих хозяйствах, где обычно культивировался скот той или иной породы, меннонитами приобретались производители симментальской, ангельской, шотгорн, калмыкской и других пород, причем не всегда "чистых кровей". Скрещивание часто шло бессистемно. Подобные эксперименты привели к тому, что меннониты несколько скрасили свой скот, придав ему большой рост. Но молодая помесь получалась разнообразных форм и окраски, и главное, не намного увеличивалась молочная продуктивность¹⁷. Поэтому большинство меннонитских поселков в Сибири становились на другой, более определенный путь – систематического "онемечивания" своих стад, путем приобретения производителей красно-немецкой породы и по возможности "чистых немецких" корней.

Так, например, на хуторе Фрейзе-Нейфельд, основанном в 1906 г. в 10 верстах от железнодорожной станции Москаленки, хозяева в 1908 г. привезли из Екатеринославской губернии 7 телок и 2 бычка красной немецкой породы, а "сибирки", купленные ранее, были вскоре зарезаны на мясо. Красно-немецкие коровы были завезены в молодом возрасте весной, что было сделано не случайно. Молодой скот, как более эластичный, должен был скорее приспособиться к новым для себя сибирским условиям. Будучи привезен сюда весной, когда местная растительность обильно разрасталась, а впереди было все лето, молодой организм скота на сибирской целине не только быстро оправлялся от переезда, но и развивался, окрепнув, подходил к осеннему ненастью и холодной затяжной зиме постепенно и более безболезненно¹⁸.

Меннониты старались приобретать уже испытанный ими на Украине красно-немецкий скот, выписывая его из Таврической и Екатеринославской губерний, или покупая на железнодорожных станциях у едущих дальше на восток меннонитов. Со временем, некоторые хозяйства становились "рассадниками" племенного скота красно-немецкой породы, например, хутор Ивана Матиса, основанный в 1900 г. в 12 верстах западнее г. Омска. В стаде Матиса присутствовали коровы разных кровей – голландской, симментальской, шотгорнской, а также немецкой. К середине 1920-х гг. хозяйство выпустило с племенными целями большое количество крупного рогатого скота, главным образом быков-производителей. Скот продавался преимущественно меннонитам, и не только в соседние селения Омского уезда, но и в другие уезды Омской губернии, куда входили все основные вышеназванные места проживания меннонитов в Сибири – Калачинский, Славгородский уезды, а также Павлодарский уезд Казахской АССР¹⁹.

С началом НЭПа в первой половине 1920-х гг. вопросы племенной работы с крупным рогатым скотом в меннонитских колониях Западной Сибири стали одним из важных направлений деятельности Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества. На прошедшем в феврале 1925 г. съезде уполномоченных Омского отделения Менобщества было принято постановление: "Для освежения крови стад меннонитов, оперирующих с чистым выводным скотом, и для закрепления немецкой крови в стадах других населенных меннонитами пунктов, выписать племенной материал чистых немецких кровей с юга России"²⁰. На эти цели обществом отпускалось 2000 рублей, выбирались уполномоченные для поездки. Приобретенные быки-производители распределялись среди племенных товариществ в меннонитских поселениях. По инициативе Менобщества, охватывающего 83% меннонитских хозяйств Омской губернии, в племенных товариществах меннонитов организовывались контрольные союзы, фиксирующие надои и привесы коров красно-немецкой породы, была заведена племенная книга красного немецкого скота, куда заносились лучшие по экстерьеру и надоям коровы этой породы, потомство от которых рекомендовалось для племенной работы.

Как констатировал специалист по животноводству Омского губернского земельного управления А.П. Соколов по результатам обследования, проведенного осенью 1924 г., корова-"немка" в меннонитских колониях Омского уезда, потеряла несколько в длине туловища по сравнению с коровой этой породы юга Украины. В то же время дала несколько больший рост, а главное, большее развитие туловища в ширину и глубину груди. А.П. Соколов отмечал, что "красный немецкий скот, переброшенный в пределы Омского уезда с юга Европейской России, в новых для него сибирских условиях, не только не пострадал и ничего не потерял, но на обычно обильной и пышной растительности в летнее теплое солнечное время, будучи поставлен в зимний период деловитым меннонитом в соответствующие условия ухода и кормления, явно заметно раздался туловищем в положительную сторону"²¹.

Красно-немецкая корова была породой молочной направленности и давала в меннонитских хозяйствах Сибири в среднем 150 – 170 пудов молока в год, а отдельные представители до 200 пудов, и даже до 300 пудов. В первые дни после отела и во время пастбищного кормления при сочной траве в сутки корова могла давать до 1 пуда молока. К осени надои снижались до 10 – 20 фунтов (4-8 кг.). Молоко у красно-немецкой породы было довольно жирным. По результатам исследования А.П. Соколова только у 21% обследованных коров молоко имело процент жира ниже 4%, а 72% имели жи-

ра в молоке от 4 до 6%²². Выход масла у красно-немецких коров со 150–170 пудов готового удою составлял 20 пудов.

Чем меньше корова в сутки давала молока, тем выше была его жирность. Утром жирность была выше, чем вечером. Например, корова Галка Г.П. Фаст – чистокровная “немка”, с хутора Петерс возле ст. Москаленки, 11 лет, весом 27 пудов 14 фунтов, принесшая 9 телят, имела ко дню обследования последний отел в феврале 1924 г., до октября дала 146 пудов 29 фунтов, в день обследования дала 26 фунтов молока с жирностью 3,7% вечером, и 3,8% утром. Корова Ласточка К.А. Нейфельд, 13/16 “немецкой” крови, с хутора Фрейзе–Нейфельд, 7 лет, весом 32 пуда, имела последний отел в феврале 1924 г., по неполным данным контрольного союза дала с конца февраля до июня 67 пудов 22 фунта. В день обследования суточный удой в фунтов при жирности 5,4% вечером и 6,3% утром.

Меннониты стали распространителями красно-немецкой породы крупного рогатого скота в Западной Сибири, которая идеально подходила к местным климатическим условиям. Так, если представители таких европейских пород, как симментальской или голландской, были не приспособлены к сильным ветрам или холодным дождям осенью, к долгой морозной зиме в Западной Сибири. Красная немецкая порода не только переносила нелегкие климатические условия, но коровы этой породы были неприхотливы в своем рационе, давали хорошие надои и приносили стабильный приплод²³. Продажа телок и бычков красно-немецкой породы на племя окружающему населению были для многих меннонитских хозяйств стабильным источником доходов. С хутора Дал Генриха Яковлевича, основанного в 1908 г. возле ст. Москаленки, в 1924 году с племенными целями было продано 17 коров, 9 телок и 7 бычков. С хутора Варкентин Ивана Исааковича было продано 20 бычков в возрасте полутора лет, а также “порядочное количество коров и телок”²⁴. Именно в меннонитских селениях создавались в 1930–50-х гг. в Омской области племенные фермы, совхозы и племхозы уже переименованного красного степного скота, как, например, в селе Екатериновка возле Москаленок²⁵.

У меннонитов в Кулундинской степи крупный рогатый скот был также в основном красно-немецкой породы, которую старались приобрести все меннонитские хозяйства. Отдельные селения, например деревня Калачи в Славгородском уезде, где культивировался красный немецкий скот, также занимались продажей скота окружающему населению с племенными целями, причем скот этот пользовался большой популярностью²⁶.

Содержание крупного рогатого скота у меннонитов в Западной Сибири в рассматриваемый период было по преимуществу пастбищно-стойловым. Летнее содержание – выпас на пастбищах скота начинался еще ранней вес-

ной, как сходил снег и земля в степи немного просыхала. В районе г. Омска скот выгоняли на пастбища обычно во второй половине апреля; в Кулундинской степи на несколько дней раньше, в середине апреля. Но состояние травяной растительности в начале пастбищного содержания обычно было таким, что скот еще не мог получить достаточного корма. Выгон скота на пастбище в это время по существу являлся лишь моционом. Поэтому дома скот обязательно подкармливался сеном, но чаще соломой, которая еще сохранялась за зиму. Меннониты были практически единственным исключением среди местного населения, наряду с другими группами немцев, кто подкармливал дома скотину в начале и конце пастбищного периода.

Достаточный корм на пастбище обычно появлялся к середине – ко второй половине мая. Заканчивался выпас на пастбище с появлением снега: в районе г. Омска во второй половине октября, в Кулунде – ближе к ноябрю. Таким образом, пастбищное содержание скота у меннонитов в Западной Сибири длилось около 6 месяцев в году²⁷.

Для пастбы стада сельское общество определенного хутора или поселка нанимало пастуха. Общее собрание хозяев селения определяло цену с головы скота того или иного вида, которую хозяева платили за весь период выпаса. Пастух мог собирать плату ежемесячно, либо в конце года. В последнем случае, если пастух плохо пас скот – подтравливались посевы, либо терялась скотина, ему могли не доплачивать, высчитывая стоимость потерь из заработной платы. Платили меннониты пастуху обычно деньгами.

Пастухами в меннонитские деревни нанимались обычно русские или казахи, сами меннониты скот практически не пасли. В селе Протасово Немецкого национального района Алтайского края наши информаторы давали этому такое объяснение. Пасты скот для немца (т.е. меннонита) было делом постыдным, если нанимался пастухом молодой парень из этой деревни, то с ним не гуляли девушки, не общались сверстники. Поэтому пастухами нанимались обычно русские, реже казахи. В селе Неудачино Татарского района Новосибирской области приходилось слышать такое мнение, что “у немцев (меннонитов) нет терпения к скотине: немец идет впереди стада и практически не следит, что делается у него за спиной, а русский идет, наоборот, позади стада”²⁸.

На время выпаса пастух обычно селился в специально для него построенную на краю села на средства общества мазанку. При ней обычно был небольшой участок земли под огород, где пастух мог выращивать “всякую огородную мелочь”.

На выпасе стадо находилось с раннего утра и до позднего вечера. Дойных коров доили по возможности три раза в день – утром, днем и вечером.

В обед для дойки скотину пригоняли домой, в это же время скот обычно поили водой. Пастбища, как в Омском уезде, так и в Кулундинской степи были очень бедны открытыми водоемами – естественные водоемы практически отсутствовали. Очень редко в степи рылись специально колодцы с помилками для скота. Чаще разрывались естественные углубления в почве и делались котлованы – “ляги”, куда весной собиралась талая вода. В подобных котлованах, при наличии специальных снегозадержательных работ зимой (в виде создания различных заграждений и т.п.) вода могла сохраняться и использоваться для водопоя скота до середины июля²⁹.

Как уже было отмечено выше, полное стойловое содержание крупного рогатого скота в меннонитских поселениях Западной Сибири начиналось в конце октября – начале ноября. Хозяйственные постройки у меннонитов в Сибири строились в одну линию с жилым домом, под одной крышей и сквозным проходом. Вот как описывает типичный меннонитский дом современник в 1900 г. в Уфимской губернии: “Немец строит себе длинный глинобитный корпус, часть которого отделяет под жильё, ... в остальной части корпуса устраивает по одной стороне коров, по другой лошадей; потолок в доме и над всем корпусом залит цементом, служит ему прекрасным амбаром, а крыша так высоко, что там может поместиться огромное количество и хлеба, и сена”³⁰. Подобное устройство сараев для зимнего содержания скота, схожее с устройством в приуральских степях, имелось и у меннонитов в Западной Сибири.

Расположение жилого дома, сарая, амбара, сеновала под одной крышей, устройство здесь же личного колодца делало возможным то, что “зимой в буран или осенью в слякоть немецкие крестьяне (т.е. меннониты. – А.Б.), благодаря такому расположению двора, могут обслуживать свой скот, не выходя сами на улицу”³¹. Некоторые исследователи, однако, указывали на повышенную пожароопасность такой конструкции построек³². Но применение огнеупорных строительных материалов – земли, саман, глина – приводило к тому, что большие пожары в меннонитских колониях были редкостью. Так, например, жители меннонитской колонии Глядень (ныне Благовещенский район Алтайского края) в 1927 г. отмечали, что, благодаря строительству построек в селении исключительно из самана, за двадцать лет существования поселка у них не было ни одного пожара³³.

Хозпостройки могли строить, как и весь дом, из саманного кирпича. При отсутствии достаточного времени и рабочих рук могли ставить сарай с камышовыми или соломенными стенами. Ставился деревянный сруб – четыре столба, которые соединялись жердями, жерди переплетались камышом или соломой. Затем стены обмазывались смесью из глины и навоза³⁴.

В крупных хозяйствах, где имелись несколько десятков, и даже сотен голов крупного рогатого скота, могли строиться специальные отдельно стоящие постройки. Так, в экономии А. Гехтера, наряду с двумя кошарами для овец, конюшней, имелись загоны для 200 коров. Все эти постройки были сделаны “на деревянных столбах, за плетневыми стенами, оштукатурены снаружи и изнутри глиной и под крышами, крытыми соломой, положенной пучками по частой обрешетке”³⁵. При этом подобные помещения были довольно прочными, красивыми и достаточно теплыми.

При описании хозяйственных построек у меннонитов всегда отмечалось, что помещения для скота у них зимой теплые, “в которых при закрытых дверях вода не замерзает”³⁶, обычно довольно широкие и достаточно светлые³⁷. Подобное устройство позволяло держать в период отела стельных коров и новорожденных телят непосредственно на скотном дворе в особых помещениях – телятниках. Русские и украинцы в это время в Сибири в отличие от меннонитского населения держали стельных коров в обычных холодных помещениях, а телят брали в жилые помещения, либо в бани³⁸. В отличие от окружающего населения у меннонитов в помещениях, где содержался скот, имелись потолок и пол, оборудованные деревянные стойла.

Подобное оборудование скотного двора позволяло свободно чистить и приводить стойла в порядок. Поэтому, как отмечал специалист по животноводству Омского губернского земельного управления А.П. Соколов, скот зимой у меннонитов всегда был чист и опрятен, прежде всего, благодаря характерному для них любовному отношению к сельскохозяйственным животным³⁹.

По своей направленности скотоводство у меннонитов являлось молочным. Так, например, А.П. Соколов отмечал, что для Славгородского уезда характерно преобладание молочного скота, “так как население, в виду требования рынка, начинает интересоваться коровами со стороны молочности, а не мяса”⁴⁰. Это было обусловлено, прежде всего, высокой прибыльностью сливочного масла. Поэтому вырабатываемое в меннонитских хозяйствах молоко шло на переработку на масло. Для производства масла строились общественные маслобойни, развивалась производственная и потребительская кооперация в меннонитских колониях Сибири. В 1920-х гг. действовало Омское отделение Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества (Менобщество), действующее, в том числе, и в плане кооперации молочного животноводства. Благодаря деятельности Менобщества, которое на 1 октября 1925 г. охватывало в Омской губернии 83,5% меннонитского населения губернии, процент улучшенного скота, одобренного зоотехником, составлял 38% (0,4% по губернии).

В отличие от меннонитского населения в Сибири, у других групп немецкого населения животноводство, разведение крупного рогатого скота, имело меньшее значение.

Некоторое развитие скотоводство получило среди волыньских немцев проживающих в Тарском уезде Тобольской губернии. Это было обусловлено, прежде всего, тяжелыми природно-климатическими условиями в этой местности и трудностями в возделывании зерновых культур. Здесь животноводство имело важное товарное значение, так как было зачастую основным источником поступления денежных средств в хозяйство⁴¹. Но после переселения в другую местность, например, в Тюкалинский уезд Тобольской губернии, либо в Омский уезд Акмолинской области, где занятие земледелием носило менее рискованный характер, роль животноводства у волыньских немцев снижалась⁴².

У поволжских немцев животноводство играло меньшую роль и служило для удовлетворения, прежде всего, личных потребностей определенного хозяйства. Об этом свидетельствует состав стада в хозяйствах немцев-выходцев из Поволжья в Сибири – большой удельный вес лошадей по сравнению с крупным рогатым скотом⁴³.

Оценив развитие животноводства у различных групп немецкого населения, проживающего в рассматриваемый период в Сибири, можно определить место, которое занимало животноводство в хозяйственно-культурном комплексе немцев Западной Сибири в первой трети XX века. Это значительно обогатит наши данные о жизни немецкого населения Сибири, о его культурном комплексе, сформировавшемся в этот период.

Примечания

- ¹ См.: Свод этнографических терминов. Материальная культура. - М.: Наука, 1989. С. 5-6.
- ² Бондарев Ю.Ф. Красный степной скот. - М.-Л.: Сельхозгиз, 1950. С. 15.
- ³ См.: Малиновский Л.В. Сельское хозяйство национальных меньшинств в Сибири (1919 - 1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. - Томск, 1967. Вып. 3. С. 202-213; Белковец Л.П. "Большой террор" и немецкая деревня в 1920-е гг. - М., 1996. С. 24-25.
- ⁴ См.: Кулундинская степь // Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии, уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский // Под ред. В.Я. Нагнибеда. Вып. I. Томск, 1913. С. 179; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. - СПб., 1913; Кулундинская степь // Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. - Томск, 1913; Соколов А. П. Красный немецкий скот в Омской губернии. - Омск, 1926; Он же. Скотоводство и скот Омской губернии по данным по губернского обследования в 1925 году. - Омск, 1927.
- ⁵ Кулундинская степь. - С. 179.
- ⁶ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2289. Л. 84.
- ⁷ См.: Там же. Л. 50б.
- ⁸ См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 260. Л. 2.

- ⁹ См.: ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2022. Л. 309.
- ¹⁰ См.: Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. - Барнаул, 1996.
- ¹¹ См.: Соколов А.П. Красный немецкий скот... // Материалы этнографической экспедиции МЭЭ ОмГУ, 1994. Полевая опись (далее По) № 7. Л. 16; МЭЭ ОмГУ - 1997. По. ОмГУ (далее МЭЭ ОмГУ), 1994. Полевая опись (далее По) № 7. Л. 16; МЭЭ ОмГУ - 1997. По. № 12. Л. 3; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России... Кулундинская степь. С. 281.
- ¹² Кулундинская степь. С. 186.
- ¹³ См.: ГАОО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 384. Л. 20.
- ¹⁴ См.: Митаревский А. Акмолинская область. - Полтава, 1913. С. 16.
- ¹⁵ См.: Морозов И.М. Алтайский округ в сельскохозяйственном отношении и условия жизни переселенцев в нем. - Харьков, 1908. С. 41-42.
- ¹⁶ См.: Rahn P. Mennoniten in der Umgebung von Omsk. Winnipeg, Canada: Christian Press Ltd., 1975. S. 17-18.
- ¹⁷ См.: Соколов А.П. Красный немецкий скот... - С. 12-13.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 14.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 47-48.
- ²⁰ Там же. С. 45.
- ²¹ Там же. С. 45.
- ²² См.: Там же. С. 42.
- ²³ См.: Бондарев Ю.Ф. Указ. соч. С. 25; Соколов А.П. Красный немецкий скот... С. 18.
- ²⁴ Соколов А.П. Красный немецкий скот... С. 18 - 19.
- ²⁵ См.: Бондарев Ю.Ф. Указ. соч. С. 18 - 19.
- ²⁶ См.: Малиновский Л.В. Сельское хозяйство... С. 210; Соколов А.П. Скотоводство и скот... С. 76 - 77.
- ²⁷ См.: Соколов А.П. Скотоводство и скот... С. 68, 76 - 77.
- ²⁸ МЭЭ ОмГУ - 1996. По. 10. Л. 57; МЭЭ ОмГУ - 1997. По. 12. Л. 9.
- ²⁹ См.: ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2289. Л. 6(об) - 7; МЭЭ ОмГУ. - 1997. По. № 12. Л. 9.
- ³⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 754. Л. 3-3(об).
- ³¹ Казанский П.А. У Кулундинских немцев // Алтайский сборник. - Барнаул, 1930. Т. XII. С. 62.
- ³² См.: Кирякин И.Ф. Немецкие поселения на 10-верстном степном пространстве // Немцы Сибири: история и культура. - Омск, 1993. С. 115.
- ³³ См.: Казанский П.А. Указ. соч. С. 65.
- ³⁴ См.: МЭЭ ОмГУ. 1997. По. 12. Л. 13.
- ³⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 260. Л. 3.
- ³⁶ Земли для коневодства... С. 218.
- ³⁷ См.: Соколов А.П. Красный немецкий скот... С. 51.
- ³⁸ См.: Соколов А.П. Скотоводство и скот... С. 68.
- ³⁹ См.: Соколов А.П. Красный немецкий скот... С. 52.
- ⁴⁰ Соколов А.П. Скотоводство и скот... С. 125.
- ⁴¹ См.: Юферев В. Переселенцы в Тарских урманах // Вопросы колонизации. 1907. № 2; Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 470.
- ⁴² См.: МЭЭ ОмГУ. 1995. По. 10. Л. 23.
- ⁴³ См.: Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года по Омской губернии. - Омск, 1922.

“СТРАННЫЙ ЭКСПЛУАТАТОР”: ПАТЕРНАЛИЗМ БАРОНА ШТЕЙНГЕЛЯ.

В данной статье предпринята попытка обобщения практического опыта организации производства экономии “Хуторок” с целью выявления факторов, обеспечивших экономический и финансовый успех предпринимателей семьи Штейнгель. Проведенный анализ позволил определить степень участия и роль представителей этнических немцев в создании экономического потенциала региона в конце XIX – начале XX вв., персонализировать это участие.

Экономия “Хуторок” была основана бароном Рудольфом Васильевичем Штейнгелем в начале 80-х годов XIX века в Кубанской области (ныне Краснодарский край). Инженер Штейнгель составил свой капитал во время постройки Владикавказской железной дороги. Завершение строительства и ввод этой важной в хозяйственном отношении магистрали значительно ускорили многие экономические процессы на Северном Кавказе. Регион имел мощный аграрный потенциал, поэтому сельскохозяйственное и сопутствующее перерабатывающее производство стали развиваться быстрыми темпами. Поставив целью создание большого образцового хозяйства, барон Штейнгель приобрел два участка земли. Один участок был приобретен у генерал-адъютанта князя Н.И. Святополк-Мирского, другой – у надворного советника И.Г. Тулаева. После смерти Рудольфа Васильевича в результате оформления раздельного акта (7 ноября 1897 года) его наследниками сыновьями Сергеем, Иваном, Федором и Владимиром имение “Хуторок” перешло во владение последнего. Владимир Рудольфович оказался достойным преемником, который не только сохранил, но и преумножил достигнутое его покойным отцом¹.

Организация производства экономии началась с устройства винокурного завода. Здание этого завода было заложено в августе 1882 года, а в конце марта 1883 года уже началось винокурение. План здания, установка оборудования – паровых котлов, заторных чанов, перегонных аппаратов и т. д. – были выполнены фирмами Паукша, Бормана, Шведе, Темплера, крупнейшими в Европе. К началу XX века, по мнению специалистов, завод в экономии “Хуторок” считался одним из первых по количеству выкуриваемого спирта в России, а на Кавказе – образцовым и единственным обладающим ректификационным аппаратом².

Необходимость обеспечения винокурного производства сырьем и стремление к выгодной утилизации его остатков обусловили оформление таких направлений хозяйства экономии как полеводство и животноводство. Винокурный завод ежегодно потреблял до 600 тысяч пудов зерно-вых: 500 тысяч пудов кукурузы и 100 тысяч суржи, ржи и ячменя. Половину требуемого объема зерновых выращивали в имении, остальную часть приобретали в соседних хозяйствах. До появления винокурного завода Штейнгеля кукуруза не культивировалась в хозяйствах этой части Кубанской области. Но со второй половины 1880-х годов она заняла соответствующее место в севооборотах всех близлежащих хозяйств, так как ее сбыт был обеспечен³.

Побочный продукт винокурения – барду в сочетании с другими кормами использовали как средство для откормки мясного скота. Ежегодно в экономии возвращали от 6 000 до 8 000 быков, которых транспортировали по железной дороге в живом виде или мясом в Москву и Санкт-Петербург. Самостоятельной отраслью сельскохозяйственного производства экономии являлось тонкорунное овцеводство. В начале разведение овец обеспечивало эксплуатацию огромнейших еще целинных земельных угодий, но и по мере их освоения и использования под пашни часть земель имения была отведена под выгон, сенокос и травосеяние. Со временем по мере увеличения поголовья овец (оно достигает 40 тысяч) земли под пастбище и травосеяние (в экономии выращивали эспарцет, люцерну, горчицу) стали арендовать в соседних хозяйствах. В имении “Хуторок” под виноградник было отведено 78 десятин земли, под искусственное лесоразведение – 100 десятин (50 десятин были засажены деревьями в возрасте от 7 до 14 лет, а 50 – от 2 до 7)⁴.

Вся площадь собственной земли была разбита на 5 хуторов – “Хуторок”, Федоровский, Мариинский, Сергеевский, Ивановский. Главная контора находилась на территории “Хуторка” и была связана с каждым отделением телефонной сетью. По телефону не только передавали телеграммы и депеши, но и отдавали распоряжения, связанные с ведением хозяйства, что существенно сберегало время и облегчало ведение переговоров с приказчиками. Все части экономии была связана грунтовыми дорогами, перевозка грузов по которым обходилась предприятию недорого – от 1 до 2 копеек с пуда за 10-тиверстное расстояние⁵.

Даже такая крайне сжатая характеристика этих отраслей производства в экономии свидетельствует о том, что имение “Хуторок” было крупным сельскохозяйственным предприятием и являло собой передовой опыт. Оно привлекло к себе внимание специалистов практиков и теоретиков.

Несколько раз хозяйство было удостоено почетных высоких наград. Владельцы имения особенно гордились Почетным дипломом Московской сельскохозяйственной выставки 1895 года "За организацию и влияние имения "Хуторок" на окружающие хозяйства". Ежегодно в хозяйстве практиковались в организации и ведении образцового сельскохозяйственного производства владельцы или представители соседних хозяйств, а также студенты сельскохозяйственных курсов Петровской Академии, Технологического Института⁶.

К началу XX века основной капитал (земли, постройки, земледельческие машины и орудия, пасака, скот, т. д.) составлял 1 232 274 рубля 28 копеек и оборотный (запас натурой и деньгами) – 1 714 441 рубль 48 копеек. Всего 2 946 715 рублей 76 копеек⁷. Столь солидная сумма, высокий уровень темпы развития производства были не только результатом его рациональной организации. Для объяснения феномена столь необычного успеха барона Штейнгеля следует обратиться к понятию "человеческий капитал". Только человеческий физический труд, его интеллектуальные способности, приложенные к материальным средствам, создают нечто новое, делают производство эффективным.

"Человеческий капитал" экономики состоял из двух групп: администрации и наемных рабочих (годовых, сроковых и подённых). Особенно тщательно отбирали кандидатуры для формирования администрации. Административно-хозяйственная структура экономики была сложной и разветвленной. Самостоятельными административными единицами были отделы сельского хозяйства, виноделия и виноградарства, винокуренный завод, ректификационный завод, конный завод. Для служащих этих отделов был обязательным образовательный ценз. Главноуправляющий, заведующие всеми отделами и их помощники должны были иметь специальное высшее образование. Все отделы имели в своих штатах профильных специалистов – агрономов, ветеринарных врачей, технологов, инженеров. Все остальные – конторщик, табельщик, приказчики и другие имели высокий уровень грамотности и, по возможности, специальное образование. Наличие таких качеств как исполнительность, пунктуальность, инициативность определяли длительность пребывания каждого из них в должности⁸.

В экономике быстро сложилась своеобразная инфраструктура, которая обусловила высокий уровень производства: это механическая мастерская, электрическая и телефонная сети, бондарня, амбары, оранжерея, больница, школа и т. д. Функционирование этой вспомогательной системы обеспечивалось трудом служащих и штатных из числа годовых и сроковых рабочих. Самой сменяемой и подвижной категорией рабочих в экономике были по-

денные. Договоры с ними заключались на неделю. По истечении этого срока могли измениться оплата и условия труда. Категория поденных была и самой многочисленной⁹.

Первое десятилетие существования экономики администрация не раз встречалась со значительными трудностями, обеспечивая производство рабочими руками. Представители местного населения – казаки и горцы – никогда не шли на наемную работу. Живущие в регионе немцы нанимались на работу в чужие хозяйства, только в период сенокоса, чтобы обеспечить свое хозяйство сеном в необходимом количестве. Рабочих нанимали в Воронежской и Харьковской губерниях, отправляя туда специальных агентов. Как только спрос на наемный труд стал устойчивым, крестьяне из внутренних губерний уже по собственной инициативе стали приходить в регион в поисках заработков. Такие селения и станицы как Армавир, Старо- и Ново-Михайловка, Кавказская, Тихорецкая стали биржами труда: здесь в воскресные дни на базарных площадях шел наем поденных рабочих. Но так как практически каждое хозяйство региона в разгар сельскохозяйственного сезона нуждалось в наемных рабочих, то спрос на них был громадным, и только лишь высокой оплатой труда создать стабильность в обеспечении рабочей силой хозяевам не представлялось возможным¹⁰. Для сохранения конкурентоспособности производства экономики в плане обеспечения рабочими кадрами с целью его непрерывности и рентабельности понадобилась система мер и мероприятий.

Она формировалась в течение десятилетий существования имения "Хуторок". Ее развитие во многом было определено позицией владельца экономики по отношению к своим служащим и рабочим. Основной характерной чертой этой позиции стал патернализм предпринимателей семьи Штейнгель. Сначала отец, а потом и сын стремились не только к техническому и технологическому усовершенствованию производственного процесса, но и к созданию экономической заинтересованности и особой обстановки комфорта для всех категорий служащих и рабочих. Такой подход можно назвать концептуальным, он был основой предпринимательской деятельности Штейнгелей и проявлялся во всем.

Прежде всего, барон Штейнгель в полной мере использовал экономические стимулы. Оплата труда была строго дифференцирована и являлась справедливой компенсацией интеллектуальных и физических затрат работающих в экономике. Приказчики, старшие рабочие и табельщик вели учет ежедневных работ, выполняемых рабочими, в памятных книжках и ежедневной табели. На основе этих данных определяли ежедневную заработную плату. В конце недели составляли недельную табель заработной платы

и производили расчет с поденными рабочими. Сдельные работы оплачивались ежедневно. Месячные, сроковые и годовые рабочие получали жалование ежемесячно¹¹.

Но своевременность и четкость выплат не могли обеспечить экономии бесперебойность рабочих рук, избавить от текучести кадров. Способы найма в Кубанской области были весьма разнообразны: рабочих нанимали по-денно от праздника до праздника, от воскресенья до воскресенья; нанимали сдельно или целыми артелями. Цены на одном и том же базаре, где шел наем, могли колебаться не только по дням, но и в течение одного дня. Наем на базарах представлял какую-то игру, ничем не регулирующую и очень рискованную для такого крупного предприятия как экономия "Хуторок". Поэтому здесь с целью привлечения рабочих применяли дополнительные меры, такие как четкая организация трудового процесса, начиная с момента доставки поденных в экономию, комфортное обустройство мест отдыха и обеспечение питанием¹².

Кроме постоянного жалования служащие экономии получали ежегодную премию, отчисляемую в размере определенного процента от чистого годового дохода (например, в 1897-1898 гг. отчисляемая премия в сумме составила 23 083 рубля 92 коп.) и полное содержание, т.е. бесплатные квартиры с отоплением, освещением и мебелью. Служащие каждого отдела могли пользоваться продуктами производства своего отдела, главноуправляющий – всеми продуктами имения. Приказчики имели право держать на экономическом продовольствии по 6 голов скота, а старшие рабочие – по одной¹³.

Забываясь об улучшении технологий производственных процессов, барон Штейнгель приглашал в экономию высококвалифицированных специалистов. Таким образом, они создавали условия для реализации их интеллектуального и творческого потенциала и делали свое имение привлекательным местом службы для наиболее талантливых. Например, улучшая производство спиртов и добиваясь эффективной утилизации отходов винокурения, технологи этого производства получали необходимые средства на организацию и проведение опытов, наблюдений. Им была доступна отечественная и иностранная литература по технике винокурения. В имение был приглашен доктор химии общества "Мальтозы" из Брюсселя для проведения первых опытов с фтористо-водородной кислотой, которые длились в течение 3 месяцев¹⁴.

Если средства, выделенные на содержание специалистов, проведение опытов, внедрение новых технологий приносили прямую выгоду организации производства, то средства, потраченные на содержание больницы,

школы, бани, являли собой значительную статью расходов. Медицинское обслуживание и обучение в школе были бесплатными. Организация школьного дела и медицинского обслуживания (постройка зданий, приобретение необходимого имущества, ежегодное содержание, оплата жалования учителям и медикам) осуществлялась на средства экономии.

Больница была устроена с соблюдением санитарно-гигиенических требований. Из 4 палат одна была приспособлена под бокс для инфекционных больных. Отдельно от помещений для больных в больничном дворе были устроены кухня, прачечная, кладовая для платья больных, погреб и ледник. При больнице имелись большая аптека с бесплатными медикаментами, все необходимые медицинские инструменты, приборы для анализов и микроскоп. Больничный персонал состоял из врача, фельдшера, мужской и женской прислуги. Содержание одного больного в год обходилось в 21 руб. 39 коп.¹⁵

Школа была открыта в сентябре 1887 года для детей служащих, мастеровых и рабочих имения "Хуторок", а также для детей из близлежащих поселений. Это частное училище 3-го разряда. Расход на годовое содержание составлял 1231 руб. 70 коп. Эта сумма включала в себя траты на отопление, освещение, ремонт здания, жалование учителям, прислуге и приобретение учебной литературы. Особо одаренные ученики, независимо от происхождения, могли получить стипендию Штейнгеля на продолжение образования в гимназии.

Составными элементами инфраструктуры экономии были лавка, харчевня, базар, "разъезжая" конюшня, гостиница для приезжих, пекарня, водопровод, баня. Помещения для лавки и харчевни были собственностью экономии, их сдавали в арендное содержание контрагентам. На площади рядом с этими помещениями ежедневно устраивали торг. Торговали свои и окрестные хуторяне. Они выносили на продажу хлеб, молоко, овощи, яйца, птицу, мясо. Цены устанавливала администрация экономии. Таким образом, служащие могли приобретать все необходимые съестные припасы, не выезжая за пределы экономии. На содержание конюшни, обслуживающей транспортные потребности служащих и приезжих, и гостиницы, предоставляющей приезжим комнату, стол и прислугу, ежегодные расходы составляли около 5000 рублей. Полностью на средства экономии содержались водопровод, пекарня и баня, эксплуатация этих систем для рабочих и служащих была бесплатной¹⁶.

Проанализированный характер отношений, сложившихся в экономии, следует назвать социально ориентированным, патерналистским. Принятие бароном Владимиром Штейнгелем патернализма как принципа своей предпринимательской деятельности не могло быть случайным. Преданность

этому принципу, неизменное следование ему было обусловлено прежде всего экономической грамотностью, высоким профессионализмом предпринимателя Штейнгеля и его личными нравственными качествами. Высоконравственная жизненная позиция барона выражалась в ответственности за свои действия, в высоких требованиях к содержанию жизни и дела.

Примечания

¹ См.: Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774-р. Оп. № 2 откр. Д. 1235. Л. 1.

² См.: Имение "Хуторок" барона В.Р. Штейнгель в Кубанской области. Описания разных авторов. Сост. Лещенко И.В. // Труды Московского общества сельского хозяйства. Вып. I. Москва, 1895. С. 197-198.

³ См.: Там же. С. 10, 204–205.

⁴ См.: Там же. С. 10–12.

⁵ См.: Описание кубанского имения "Хуторок" барона В.Р. Штейнгель / Сост. агроном Котлов П.Н. М., 1900. С. 37-39, 59-60.

⁶ См.: Имение "Хуторок"... С. 15-16.

⁷ См.: Там же. С. 14.

⁸ См.: Там же. С. 207-209; Описание... С. 59-64.

⁹ См.: Имение "Хуторок"... С. 145-146.

¹⁰ См.: Там же. С. 142-144.

¹¹ См.: Там же. С. 208-210.

¹² См.: Там же. С. 143-144.

¹³ См.: Там же. С. 209; Описание... С. 64.

¹⁴ См.: Имение "Хуторок"... С. 201-203.

¹⁵ См.: Там же. С. 211-214.

¹⁶ См.: Там же. С. 215-217.

Н.В. Венгер (Осташева)

ФОРМИРОВАНИЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭЛИТЫ НА ТЕРРИТОРИИ МЕННОНИТСКИХ КОЛОНИЙ ЮГА УКРАИНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В. – 1917 Г.)

Социальная трансформация меннонитского сообщества была закономерным результатом и реальным выражением экономических процессов, происходящих на территории поселений. Одним из ее итогов явилось появление особой, получившей признание в традиционном меннонитском сообществе группы предпринимателей, ставших деятельным субъектом сообщества, являвшихся одновременно и свидетельством его жизнеспособности, и гарантом его дальнейшего развития. Процесс формирования предпринимательской элиты инициировался ходом экономического развития колоний и определялся его особенностями. Решающим при этом оказалось наличие следующих факторов: 1) правового обеспечения данного процесса; 2) наличия первоначального капитала; 3) формирования общественного мнения поощрению предпринимательской деятельности внутри замкнутого социума. Поскольку формирование торгово-промышленной элиты второй половины XIX в. явилось лишь продолжением ранее начатых процессов, его рассмотрение невозможно без исторического экскурса в более ранний период истории колоний.

Развитие предпринимательства на территории поселений определялось двумя видами законодательств, колониального и промышленного. Первые колониальные документы, "Манифесты" Екатерины II (1862 и 1863 гг.) и Александра I (1804 г.), осуществили "запуск" процессов предпринимательства на территории колоний, позволив переселенцам заниматься иными, помимо земледелия, занятиями, а именно основывать фабрики, записываться в купечество, цехи¹. Утвержденные "Манифестом" Александра I новые правила для водворения иностранцев резко ограничили контингент переселенцев, предоставляя возможность эмиграции лишь для экономически благополучных категорий, зажиточных и семейных хозяев, занимавшихся земледелием и сельским ремеслом, что сыграло положительную роль в формировании социальной и экономической базы предпринимательства².

На поощрение различных видов предпринимательства была направлена деятельность "Опекунской над иностранными поселенцами конторы", основанной в 1800 г. В её компетенцию вверялось привлечение колонистов и меннонитов к заведению полотняных, суконных, кожевенных и других фабрик³. Решение тактических и конкретных ситуативных экономических проблем, возникавших в колониях, являлось задачей органов, регулирующих колонизационные процессы, и, прежде всего, Министерства Внутренних дел. Совместная деятельность Министра Внутренних дел, графа В. Кочубея, С.Х. Контениуса и Дюка де Ришелье обеспечивала скорое и максимально эффективное решение по каждому из возникавших вопросов. Так, в 1916 г. их совместными усилиями были разработаны правила обложения для ремесленников, пожелавших избрать ремесло в качестве основного источника своего дохода. В связи с этим был принят и закон 1812 г., легитимизировавший предпринимательскую деятельность колонистов за территорией колоний, а также позволявший им переходить в другое, например купеческое звание, либо оставаться по их желанию в звании колонистов, выполняя все повинности по вновь приобретенному званию⁴.

В последующий период статуса немецких колонистов касались законы, принятые Сенатом в 1817, 1833-1849 гг., на основе которых в 1857 г. был составлен свод законов – "Устав о колониях иностранцев в Российской империи"⁵. Устав определял полноправное место колонистов в процессе капиталистического развития страны, позволял свободно переходить в другие звания, приобретать любую частную собственность. Эти положения открывали неограниченный простор для использования первоначальных капиталов, накопленных предпринимателями-колонистами за предшествующий период.

Процесс регулирования предпринимательства на территории меннонитских колоний осуществлялся также и промышленным законодательством. К началу XIX в. в России уже были сформированы минимальные юридические нормы промышленного законодательства. Были приняты: "Городское обложение" (1785), "Устав о ценах" (1799), "Устав о банкротстве" (1800), а в 1807 г. появился Манифест Александра I "О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий"⁶. В 1824 г. были приняты "Дополнительные постановления об устройстве гильдий и о торговле прочих сословий", регулирующие вопросы о правах, обязанностях по торговле и промыслам отдельных сословных групп, иностранных торговцев, межсословных переходах⁷. Так как важной особенностью промышленного законодательства России являлась его сословность, колонисты были законода-

тельно включены в число сословий, которым было дозволено заниматься предпринимательством.

В процессе естественно-экономического развития меннонитских поселений проявились три вида предпринимательской деятельности: производственная (ремесленная и промышленная), торговая, банковская.

Уже в первые годы колонизационной программы на территории поселений появляются первые ремесленные мастерские и стационарные торговые точки. Несмотря на то, что сама колонизация изначально задумывалась как аграрная, в каждой партии переселенцев насчитывалось значительное количество представителей ремесленных профессий. Например, анализ 3-ей партии эмигрантов за 1787 г., свидетельствует о том, что большее количество переселенцев владело ремесленными специальностями (69 ремесленников и 48 земледельцев)⁸. И хотя колонизационные органы всячески стимулировали и поддерживали земледельческий характер колоний, а ремесленную деятельность долгое время рассматривали лишь как подспорье к семейному бюджету, уже в 1808 г. процент ремесленных хозяйств был исключительно высоким: в Хортицких колониях он составлял – 26%, Молочанском меннонитском округе – 20%, Молочанском колонистском округе – 13%, Крымских колониях – 57%⁹.

Изначально предпринимательская деятельность на территории меннонитских поселений стимулировалась особой системой наследования, а также ускоренным демографическим ростом населения, когда размер запасных земель не мог удовлетворить всех желающих. Примерно тогда же появлялись и первые фабричные предприятия, пивоварни, винокуренные заводы, крупорушки, мельницы, уксусные фабрики. В 40-х гг. количество хозяйств, имеющих прямое отношение к производственной деятельности, на территории Хортицких колоний возросло до 48%, на Молочной – 25%, на территории Крымских колоний – 20%¹⁰.

По данным на 1841 г. на Хортице числилось 4 маслобойки, 52 мельницы, 5 крупорушек¹¹. В 50-х гг. на Молочной по данным Канцелярии Таврического губернатора насчитывалось 28 маслобоек, 41 мельница, 4 круподерки, 1 суконный, 26 кирпичных, 8 черепичных, 2 пивоваренных, 4 уксусных, 1 винокуренный заводы¹².

Уже в первой половине XIX столетия достаточного развития на территории поселений достигла и торговля. Началом торгового предпринимательства может быть признан 1806 г., когда меннонитами с Хортицы Г. Вильямсом, Г. Диком, П. Мантлером, В. Мартенсом, было выстроено на Кичкасской верфи судно и совершена первая торговая экспедиция к Черному морю¹³. Первое свидетельство об основании стационарной торговли зарегистриро-

вано в 1811 г. Именно тогда житель селения Шенвизе Герцен основал Молочной торговую лавку и приобрёл на заработанные средства дом¹⁴. В 1862 г. в Молочанском меннонитском округе числилось 44 стационарных торговых лавки разной специализации (бакалейных, мануфактурных, суточных, табачных, торгующих железными изделиями и лесоматериалами)¹⁵. Самые крупные из них принадлежали Генриху Вильмсу (Гальбштадт), Якобу Тиссену (Шенау), Петру Регире (Альтонау). На территории этих же поселений числилось 9 заезжих дворов, 26 шинков¹⁶. В Хортицком колонистском округе насчитывалось 12 торговых лавок¹⁷.

Одним из основных вопросов при создании предприятий являлся вопрос о стартовом капитале. Частым источником при этом выступали личные накопления, которые были привезены в Россию в процессе заселения. Уже в Манифестах Екатерины разрешался ввоз для продажи на местных рынках товаров на сумму до 300 руб.¹⁸ Манифест Александра I привёл к привлечению в Россию некоторых капиталов. Например, в 1804 г. коллежский советник Л. Трефурт, сообщая о выезде из Данцига 50-ти семей, отмечал, что 10 из них в декларации заявляли о ввозимой в Россию сумме более 1000 руб.¹⁹ В качестве первоначального капитала также могло быть использовано наследство, получаемое из-за границы колонистами. Некоторые из колонистов, которые уже прожили определённое время в России и заложили основы своего материального благополучия, дополнительно полученные средства использовали для основания собственных предприятий. Материалы Опекунской конторы изобилуют подобными сведениями. Данным источником для создания своих предприятий частично воспользовался, например, Иоган Тиссен при основании своей первой мельницы в Екатеринославе²⁰. Третьим путём получения средств являлось получение ссуды. Их предоставление гарантировалось "Манифестами", однако было законодательно подкреплено лишь высочайше подтверждёнными правилами "на заимообразную выдачу фабрикантам, заводчикам и ремесленникам ссуды из капитала для поощрения промышленности" в 1807 г.²¹ Достаточно распространённым и традиционным для меннонитов способом поправить своё имущественное положение и расширить финансовые возможности было заключение выгодных династических браков.

Поощрительным было отношение рядовых общинников к предпринимательской деятельности. Изначально в числе первых приверженцев Менно Симонса находилось значительное количество лиц ремесленных профессий. То, что меннонитские общины задумывались в России как сельскохозяйственные, накладывало некоторый отпечаток на этику собственности. Важнейшим показателем благосостояния меннонита долгое время являлся раз-

мер земельного надела. Однако и другие виды деятельности пользовались признанием у меннонитов. Как следует из представленного выше социального анализа, большинство общинников невольно оказывалось в родстве с представителями неземледельческих профессий.

Практика накопления капитала не противоречила этике собственности меннонитского вероучения. В центре вероучения Менно Симонса лежала идея об общине, которой подчинялось всё, чем владели верующие: время, деньги, дарования, физический и духовный труд²². В общине истинных христиан не было места некающимся грешникам, скрягам и ростовщикам. Однако сам факт использования денег и торговли не отрицался. Товарно-денежные отношения не допускались лишь с отлученными. Характерно, что даже в самый начальный период формирования меннонитского вероучения, в нём никогда не присутствовало требование о перераспределении материальной собственности. Будучи противниками любого насилия, меннониты отвергали перераспределение как акт, неизбежно с ним связанный²³.

Особая общинная организация жизни меннонитов, поселившихся в России, изменила систему социальной иерархии. Поскольку в России меннонитские общины являлись более сплочённым социальным организмом, то с развитием различных сфер жизнедеятельности колоний выдвинулись новые социально значимые группы. Если ранее таковыми являлись преимущественно пасторы, то в первой половине XIX в. к ним присоединились учителя (и другая интеллигенция), а также предприниматели.

То, что предпринимательство открывало некоторые перспективы финансового накопления, вызывало некоторое неприятие лишь наиболее радикальных представителей меннонитского вероучения, и, прежде всего, "Малой общины" (Kleine Gemeinde)²⁴. Согласно российской модели, в меннонитских колониях общинному контролю, помимо религиозной, была подчинена и экономическая сфера жизни поселенцев. Индивидуальная деятельность большинства предпринимателей оказывалась вне сферы контроля. Идеолог "Малой общины" Питер Петерс, обвиняя предпринимателей в их индивидуализме, призывал безжалостно "искоренять из сердец общинников дьявола жадности, самолюбия, индивидуализма, стремления к удобству и тому подобному"²⁵. Занятие предпринимательством в рамках данной общины поощрялось лишь в качестве альтернативы для немощных, неспособных к тяжёлому крестьянскому труду людей, а также для выходцев из многодетных бедных семей.

Уже в середине столетия проявилась ещё одна важнейшая социальная "представительская" функция предпринимательства. Созданные в России

массивы поселений, основанные на ином экономическом укладе, сформировали своего рода микрону, развивавшуюся по особым законам (вот почему так важна была регулирующая деятельность Опекунской конторы). Это определяло некоторую замкнутость данного региона, усложняло процессы интегрирования микрополя в общую экономическую макросистему. Катализатором процессов взаимного интегрирования, которые на начальном этапе приняли форму межнационального интеллектуального обмена, являлось предпринимательство.

Предприниматели осуществляли роль представительства, информируя окружающее население о новшествах и изобретениях, образе жизни внутри поселений. Для жителей самих колоний они приоткрывали завесу в новый мир, приобретая опыт его познания и сотрудничества с ним, отказываясь от примитивного эгоцентризма, свойственного меннонитам как замкнутому религиозному движению. В связи с этим хотелось бы упомянуть о сознательно спланированной Попечительным комитетом акции обучения мальчиков, выходцев из болгарских колоний, ремеслу на Молочной. Процесс обучения длился около 5 лет, в 1858-1863 гг., и в целом имел положительные результаты для обеих сторон²⁶.

Таким образом, к середине XIX столетия на территории меннонитских колоний юга Украины выделилась специфическая социальная группа, основным средством получения доходов которой являлась предпринимательская деятельность (производственная либо торгово-посредническая). Производственное предпринимательство было представлено ремесленниками и владельцами первых фабричных предприятий (по неполным данным к числу таковых на Молочной можно было отнести 50 фабрикантов и 408 ремесленников)²⁷.

К этому же времени сформировались и первые предпринимательские династии. Они, как правило, появлялись в тех областях, где необходимо было обеспечить преемственность в управлении крупными предприятиями, именно в мукомольном и более крупном фабричном производстве. Среди первых мукомольных династий уже в середине столетия о себе заявили Нибуры (Хортицкие поселения - Яков, Абрахам, Герман Нибуры) и Тиссенсы (Екатеринослав - Генрих старший, Генрих младший, Иоган Тиссенсы)²⁸. Крупнейшая суконная фабрика, основанная в 1815 г. в Гальбштадте И. Классеном и Фейном, была унаследована братьями Тевсами (Генрихом Бергом и Иоганом)²⁹. На данном этапе накопление средств вовсе не обеспечивало успешное продолжение ранее избранного направления в бизнесе, ибо династические цепи зачастую прерывались ввиду стремления наследников либо, следуя принятым у меннонитов стереотипам, использовать

накопления для покупки земель, либо изменить направление предпринимательской деятельности, выбирая иное, более доходное и перспективное. Примером этому может служить история семьи Вильмсов из Гальбштадта. Отец, Гейнрих Вильмс, был удачливым торговцем, владевшим самым крупным на Молочной магазином с оборотом 28 тыс. руб. Его сын, Яков Вильмс, использовал унаследованные средства для покупки мельниц, и к 1912 г. являлся главой крупнейшей акционерной кампании "Вильмс и Ко"³⁰.

Развитие предпринимательской деятельности и товарно-денежных отношений на территории поселений было важнейшей особенностью экономической зоны, возникшей на территориях поселений. Приступая к колониальному эксперименту, царское правительство едва ли задумывалось о глубине эксперимента и его сути, которая первоначально сводилась лишь к процессу освоения и интегрирования новых земель. По сути же содержанием данной программы явился опыт по комплексному использованию новых для России экономических методов и отношений на достаточно обширных территориальных массивах.

Когда со второй половины XIX в. Россия вступила на путь целенаправленного капиталистического развития, перенимая опыт развитых промышленных государств, правительство, похоже, едва ли задумывалось над тем, что на территории собственной страны, в отдельно взятых колониях уже на протяжении полувека успешно проводился эксперимент по утверждению рыночных форм экономики, который принёс позитивные результаты. На рубеже XIX-XX вв. в работах экономистов-теоретиков Г. Щепотьева, П. Струве появился тезис о насаждении капитализма в России сверху, а сам капитализм называли либо "искусственным", либо "правительственным"³¹. Не вступая в отдельные теоретизирования по данному вопросу, отметим, что даже если приведённый тезис применим для оценки развития и состояния российской промышленности в целом, он абсолютно не отражает динамику экономического развития меннонитских колоний. Экономическую ситуацию в данном регионе как нельзя точнее отражает другое высказывание П. Б. Струве: "В России, как и везде, он (капитализм) развивается искусственно, но в то же время нет ничего естественнее этого искусственного развития"³². Не вызывает никаких сомнений тот факт, что немецкие и меннонитские колонии были вполне подготовлены к восприятию серии реформ середины XIX столетия, которые не были для данных территорий "переломным событием", поскольку не требовали ломки традиционной экономической системы, а лишь органично вписались в неё, оказав живительное влияние на все области хозяйственной деятельности, явились катализатором прогрессивных явлений, в том числе и в предпринимательской сфере.

Со второй половины XIX в. в предпринимательской среде проявлялись черты экономической и социальной иерархии. Долгое время, несмотря на то, что финансовое положение предпринимателей было различным, их социальный статус оставался одинаковым: большинство из них носило купеческое звание. Уже с 30-х гг. были зарегистрированы первые случаи перехода в купеческое звание. Это было связано, прежде всего, с необходимостью изменения региона предпринимательского действия.

Со второй трети XIX в. был начат процесс формирования меннонитской промышленности не только на территории колоний (наиболее развитые центры - Гальбштадт, Орлов, Тиге, Альтонау, Руднервайде), но и за её пределами (Пришиб, Орехов, Бердянск, Мелитополь). В последней трети XIX в. факты перехода меннонитов в купеческое сословие, принадлежность к которому требовало подтверждения в каждом поколении, становятся всё более частым явлением. Среди владельцев крупных предприятий таковыми являлись Г. Франц и П. Шредер (владельцы машиностроительного предприятия в Гальбштадте), А. Классен (Мелитополь) и многие другие.

Иерархичность торгово-промышленной элиты определялась во многом типом предприятия, находившегося во владении того или иного предпринимателя. Согласно "Уставу о промышленности", внесённого в систематический свод законов уже в 1832 г., все производственные предприятия делились на три основные группы: ремесленные мастерские, заведения домашней промышленности и фабрично-заводские. Между фабрично-заводской и ремесленной промышленностью устанавливались следующие различия: 1) первые из них "имели в большем виде заведения и машины", а вторых они отсутствуют, за исключением ручных машин и инструментов; 2) в процессе производства на фабричных предприятиях должно было участвовать не менее 16 чел.³³

Применяя данные положения к оценке предприятий Таврической губернии в середине XIX в., заметим, что лишь одно из них (суконная фабрика наследников Классена) полностью соответствовала категории фабричных заведений. Здесь было зарегистрировано 23 машины различной специализации, а в качестве рабочих рук использовалось 42 наёмных рабочих³⁴. Остальные, хотя и были оснащены некоторой техникой (например, кирпичные, черепичные, известковые - печами), могут быть отнесены лишь к категории "домашних заведений" - "малых фабрик и заводов, отличавшихся от настоящих мануфактурных заведений только меньшим размером"³⁵. Доходы владельцев различных категорий предприятий соответствовали их размеру.

Масштаб предприятия и доходы предпринимателей также во многом зависели от избранного направления деятельности. К концу XIX столетия

различных отраслях промышленности на территории колоний появляются свои монополисты. В мукомольной промышленности (одной из приоритетных сфер производственной деятельности у меннонитов) первенство принадлежало владельцам паровых предприятий и мельниц с новым усовершенствованным вальцовым механизмом. Впервые вальцовый механизм был опробован на мукомольном предприятии Иогана Тиссена в Екатеринославе³⁶. Первые паровые мельницы появились в меннонитских колониях Юга Украины в 1867 г., а их владельцами являлись представители династий, проявившие себя уже с начала XIX в.: Г. Нибур на Хортице (его отец основал первую частную мельницу в Розентале в 1804 г.), Г. Тэвс в Розентале, П. Фаст на Хортице, Тиссен в Екатеринославе (Первая мельница Тиссенов основана в 1806 г.)³⁷.

На рубеже XIX-XX столетий монополистами в мукомольном производстве на юге Украины являлись династии Нибуров (Хортицкие колонии) и Вильмсов (Молочанские). На самых крупных мельницах, предприятиях капиталистического типа, работало не более 20 чел. Однако их производительность была чрезвычайно высокой. Характеризуя высокие производственные возможности мукомольных предприятий, А. Блау писал: "Число рабочих не является верным показателем роста промышленности, ибо в России имеются мельницы, дающие миллионные обороты при 4-5 рабочих"³⁸.

В целом к 1914 г. на территории Хортицкой волости действовало 30 паровых и 30 ветряных мельниц, находившихся в собственности меннонитов³⁹. На территории Гальбштадтской волости зарегистрировано 27 паровых и 37 ветряных мельниц, в пределах Гнаденфельдской - 38 ветряных и 16 паровых⁴⁰.

Другим важнейшим направлением производственной деятельности меннонитов являлось создание сельскохозяйственных машин. Первые подобные производства возникли в 40-60-х гг. Прогрессивное развитие предприятий данного типа проходило в направлении от ремесленного к домашнему производству, а затем к фабрично-заводскому предприятию. В этом отношении показательными являются воспоминания Я. Нибура, основателя двух фабрик - в Ольгофельде (Таврической губернии) и Бахмуте: "В 1882 г. открыл мастерскую. Сначала работал с 2-3 подмастерьями, но, благодаря моим стараниям и поощрительному сбыту изделий, мастерская преобразилась в маленькую фабрику, где работало около 30 человек с помощью паровой машины... Устроил ещё и литейное заведение"⁴¹.

По понятным причинам данное направление бизнеса оказалось чрезвычайно перспективным. Поскольку данные фабрики развивались в условиях жесткой конкуренции с зарубежным производителем, они требовали по-

стоянного усовершенствования и вложения значительных финансовых средств, особых знаний и образования. Предприятия передавались наследникам, что привело к возникновению династий и даже целых кланов наиболее значимыми из которых являлись, например, Копы (родоначальник Я. Коп, основавший в 1863 г. на Хортице машиностроительную мастерскую и завод)⁴², Леппы-Вальманы (первое предприятие Питера Леппа основано в 1850 г.)⁴³, Нибуры (основал предприятия в Ольгофельде в 1888 г. в Нью-Йорке Бахмутской волости в 1894 г.), Гильдебрандты (основатель Корнелиус Гильдебрандт)⁴⁴.

Значительным препятствием для развития машиностроительного направления была сырьевая проблема. В связи с этим многие из машиностроительных предприятий создают свои собственные металлургические производства. Чугуно-литейные фабрики-спутники были открыты заводами Леппа, Копы (Шенвизе), "Франц и Шредер" (Гальштадт).

Династические группы, развернувшие свою деятельность в мукомольном и машиностроительном производствах, являлись богатейшими и занимали самую высокую позицию в меннонитской иерархии предпринимателей. Однако, необходимо отметить, что с появлением крупных форм бизнеса на территории меннонитских колоний не утратила свою значимость ремесленная деятельность. Последняя существовала весь исследуемый период и была социально и экономически востребованной.

Предпринимательская энергия меннонитов проявилась в различных производственных направлениях: кирпично-черепичном (в начале XX столетия более 40 предприятий только в Таврической губернии); шпагатно-канатном (крупнейшее предприятие "Янцен и Винс" в Бердянске); каретно-бричечном (завод Унгера в Кичкассе); пивоваренном (Нейфельд в Гальштадте); крахмальном (предприятие братьев Пеннер в Мунтау)⁴⁵. Лишь некоторые из принадлежащих к данной группе предприятий достигли уровня фабричных производств. Условно их владельцы занимали вторую ступень в социальной иерархии предпринимателей (между собственниками ремесленных мастерских и фабрично-заводских производств).

Важнейшим моментом в становлении социальной иерархии предпринимательства явилось возникновение акционирования. Так или иначе, более значимые и крупные формы предприятий являлись именно акционерными компаниями. В 1880 г. был основан "Торговый дом Лепп и Вальман", который в 1903 г. был преобразован в акционерное торгово-промышленное общество⁴⁶. Примерно в это же время были основаны торговый дом "Сыновья Гильдебрандт и Присс", "Клейнер и Ко" (Б. Токмак), "Генрих Шредер" (Гальштадт), "Франц и Шредер" (Гальштадт), "Коп и Гелькер" (Шенвизе)⁴⁷.

Важнейшим фактором ускорения развития производственных предприятий являлось не только привлечение дополнительных финансовых средств, что решалось посредством акционирования, но и обеспечение их оперативного оборота и удачного финансового вложения. В связи с этим владельцы крупнейших предприятий сочетали производственную и банковскую деятельность. Крупнейшим банковским предприятием, находившимся в собственности меннонитов, являлся "Коммерческий банк" компании "Нибур и Ко" (основан в 1904 г.)⁴⁸. Среди других предприятий данного направления следует упомянуть банковскую контору П. Дика и П. Унгера (с. Нью-Йорк Бахмутского уезда)⁴⁹.

Торгово-посредническая деятельность на территории колоний второй половины XIX в. отражена в документах достаточно полно. Лавки и склады находились фактически в каждой колонии. Среди крупных торговцев: И. Винс и Я. Регир (Альтонау), отец и сын Винс (Александрталь), Г. Питер и его зять И. Энц (Гнаденгейм), М. Янцен (Шенси), отец и сын Раймеры (Орлово) и т.д.⁵⁰ Данные предприятия имели незначительный оборот (до 11 тыс. руб. в год), но имели важнейшее значение для развития поселений. Крупнейшие торговые компании были связаны с хлебной торговлей и распространением сельскохозяйственных орудий. Они, как правило, имели складские помещения на территории нескольких поселений, т.е. располагали разработанной дистрибьюторской сетью. Крупнейшие хлеботорговые компании (например, "Нойфельд и Ко") работали на экспорт.

Предпринимательская деятельность оказывала позитивное влияние на экономику колоний, превращая их в развитый в промышленном отношении регион. Не менее важную роль сыграло предпринимательство в процессе дальнейшей социальной трансформации и модернизации меннонитских общин. Представители промышленно-финансовой элиты были связаны друг с другом конфессиональными и семейно-родственными связями. Акционерные предприятия меннонитов, например, имели форму полного товарищества, когда к акционированию привлекались исключительно приглашенные лица, как правило, состоятельные родственники. Например, владельцами торгового дома "Нибур Г.А. и Ко" являлись представители трёх семей: наследники Германа Нибура, наследники Якова Дика, представители находящейся с ними в родственных отношениях семьи Леппов-Вальманов⁵¹. Владельцами торгового дома "Лепп и Вальман" являлись представители семей Леппов, Вальманов, Копов, Софья Нибур⁵².

Уже на рубеже столетий завершилось оформление династий-монополистов. Семейная клановость меннонитов была вызвана не только поиском надёжного экономического партнёрства. На протяжении столетий этническая

память зафиксировала в подсознании меннонитов то, как плохо быть инородцем в любом государстве. Опыт истории меннонитских общин последней трети XIX в. показывал, как плохо быть в России "немцем". Антинемецкие настроения, возникнув, уже более не исчезали. Даже в достаточно спокойном с данной точки зрения 1900 году Департамент торговли и мануфактур отправляет в адрес фабричных инспекторов Циркуляр № 317 (от 6 марта 1900 г.). Суть запроса сводилась к сбору информации о предприятиях, находившихся в собственности инородцев, и об отношении инородцев (владельцев предприятий, административных работников, мастеров) к рабочим на рассматриваемых производствах⁵³. Один из выводов старшего фабричного инспектора Екатеринославской губернии сводился к следующему: "Директора-иностранцы и их компаньоны ненавидят и презирают русских рабочих... То же монетою платят им рабочие. В этом нет ни малейшего преувеличения"⁵⁴.

Долгое время деловое партнерство у меннонитов строилось по этническому и конфессиональному признаку. Однако с начала XX столетия стали появляться этнически смешанные группы владельцев предприятий. Например, совладельцами крупнейшего Азово-Черноморского машиностроительного завода в Бердянске являлись Генрих Янцен и Григорий Горохов⁵⁵. Подобных примеров известно немало. Отметим, однако, что такие "смешанные" предприятия, как правило, создавались за пределами колоний, на территориях, которые условно могут быть признаны как зона экономического влияния меннонитов (Пришиб, Мелитополь, Екатеринослав).

В руках предпринимательской элиты скапливались немалые финансовые средства. Значительный интерес представляли сведения о размерах капиталов предпринимателей-меннонитов. По сведениям П.М. Фризена, стоимость ветряной мельницы составляла от 700 до 2200 руб., паровой - от 3000 до 100 тыс. руб., машиностроительной фабрики - от 1000 до 125 тыс. руб., кирпичной фабрики - от 100 до 16 тыс. руб., уксусного завода - 40 тыс. руб.⁵⁶

В 1908 г. в России было зарегистрировано 576 предприятий общей стоимостью 5,5 млн. руб., находившихся в собственности меннонитов⁵⁷. На Хортице и Молочной числилось 92 предприятия, связанных с коммерцией (их стоимость превышала 0,5 млн. руб.).⁵⁸ Большинство из предпринимателей по-прежнему владело земельным наделом, оставаясь при этом успешными фермерами. Андреас Вальман имел в собственности 1152 дес. земли, Иоган Тиссен - 1716 дес., Корнелиус Унру (владелец кирпичной фабрики) - 300 дес.⁵⁹

Накопленные средства предприниматели использовали не только на расширение своих производств. Получив возможность дорогостоящих зарубежных поездок, ознакомившись с новыми условиями жизни в передо-

вых с точки зрения развития промышленности странах, они изменяли бытовые условия проживания своих семей в соответствии с новейшими представлениями о комфорте. По индивидуальным проектам, лишенным всякого аскетизма, были выстроены особняки владельцев крупнейших предприятий Иогана Леппа, Абрахама Копа, Германа Нибура, Якоба Вильмса.

Предприниматели являлись пропагандистами новых технических нововведений в быту. Например, первый на Молочной телефон был установлен в Шенау по инициативе Тиссена, соединившего данным видом связи особняк и контору своего предприятия⁶⁰. Электрическое освещение в Гальбштадте, Ней-Гальбштадте, Мунтау было проведено в 1910 г. владельцем пивоваренного завода Германом Нойфельдом⁶¹.

Частичное перераспределение средств происходило посредством благотворительной деятельности. Часть своих средств Г. Присс выделял на строительство школ, больниц, дорог⁶². Катарина Вальман, супруга Андреаса Вальмана, пожертвовала на строительство Хортицкой женской гимназии 10 тыс. руб. Иоган Лепп являлся членом различных попечительных комитетов (Попечительства над детскими приютами, Попечительного совета при Александровском среднем механическом училище, при Александровском городском промышленном училище им. С.Ю. Витте)⁶³. В период строительства лечебницы "Бетания" был создан благотворительный фонд, куда были внесены деньги многих влиятельных в предпринимательской среде людей. И. Лепп являлся казначеем данного фонда⁶⁴. К 1916 г. в фонд данного заведения было собрано 262 тыс. руб.⁶⁵ За неформальное отношение к своим обязанностям Лепп неоднократно был отмечен наградами: серебряной медалью на ленте св. Станислава, золотой нагрудной медалью на ленте св. Станислава, золотой медалью Министерства народного просвещения на ленте св. Анны⁶⁶. Регулярные пожертвования на внутриобщинные нужды регулярно вносили Дики, Нибуры, Тиссен⁶⁷.

Большинство предпринимателей являлись членами различных советов внутри общины. Общественная деятельность тех из них, кто носил купеческое звание, неоднократно отмечалась званием "Почетного гражданина", "Потомственного почетного гражданина". Потомственным почетным гражданином являлся фабрикант Андрей Яковлевич Вильмс (сын Якова Вильмса, владельца трех паровых мельниц), вложивший значительные средства в строительство железной дороги на Молочной⁶⁸.

На деятельность предпринимательской элиты меннонитского происхождения оказали влияние традиционные этнические качества меннонитов (трудолюбие, упорство, ответственное отношение к своему делу), а также широкий кругозор и профессионализм. Это проявлялось в особом сти-

ле работы меннонитских предприятий. Правления заводов находились в постоянной переписке со своими клиентами, внимательно относились к их советам по улучшению техники, в случае необходимости производили замену неудавшегося изделия. И. Тиссен, владевший крупнейшей в Екатеринославе мельницей и уксусным заводом, сам изобрёл рецепт уксуса, и, держа его в строгом секрете, собственноручно готовил закваску. Деловые и организаторские качества И. Тиссена были признаны и на всероссийском уровне. И. Тиссен был избран главой Южноукраинского отделения Всероссийского союза мельников⁶⁹. А. Коп и И. Лепп являлись членами Совета "Съезда русских фабрикантов земледельческих машин" (1905-1906)⁷⁰.

Профессионализм предпринимателей базировался на достаточно высоком для того времени образовательном цензе. Бизнес в период промышленного переворота принимал интеллектуальный характер, требовал специальных технических знаний, владения навыками управления. И если основы менеджмента сознательно передавались старшим поколением в процессе воспитания, то техническое образование приобреталось в специальных учебных заведениях. Своим примером достижения более высокого социального уровня и благосостояния предпринимательство демонстрировало сообществу, какие перспективы в бизнесе и карьере обеспечивает получение не только среднего, но и высшего образования. По неполным данным в начале XX столетия из среды меннонитских колоний юга Украины вышло 34 инженера, 5 юристов, 25 медицинских работников⁷¹. По другим данным между 1880 и 1917 гг. около 200 меннонитов получило университетское образование⁷².

Естественной целью каждого коммерческого предприятия всегда является получение прибыли. Однако попытки обогащения, связанные с отказом от морально-этических принципов, вызывали осуждение. Так, например, по инициативе жителей Гальбштадта к ответственности был привлечен владелец пивоваренного завода Герман Нойфельд, который осуществлял сброс отходов производства своего завода в реку Молочную⁷³.

Таким образом, слой торгово-промышленной элиты в меннонитской среде сформировался на рубеже XIX-XX столетий. Возникновение новых социальных групп являлось результатом естественного социально-экономического развития поселений. Будучи органической частью динамично развивающегося сообщества, предпринимательство оказывало значительное влияние на сам процесс его трансформации. И если другие социально значимые группы, учителя и проповедники выполняли роль ретрансляторов традиций, тем самым обеспечивая воспроизводство меннонитского сообщества как замкнутой религиозной группы, то предпринимательство вы-

ступало в качестве важнейшего модернизирующего фактора, предопределяя жизнеспособность сообщества в эпоху промышленного переворота и индустриализации.

Примечания

- 1 См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 16. № 11880. С. 312-314.
- 2 См.: Там же. Т. 28. № 21163. С. 137-140.
- 3 См.: Там же. Т. 26. № 19492. С. 244.
- 4 См.: Одесский областной государственный архив (ООГА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1892. Л. 3.
- 5 См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1857. С. 3-98.
- 6 См.: Свод законов Российской Империи. СПб., 1832. Т. 27. № 22418. С. 971-978.
- 7 См.: Свод законов Российской Империи. СПб., 1832. Т. 39. № 30115. С. 588-612.
- 8 См.: Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 8. Л. 169-172.
- 9 См.: Там же. Д. 175. Л. 102-103, 128-132. Данные хозяйства вынужденно сочетали земледельческую и ремесленную деятельность.
- 10 См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 875. Л. 11., Клаус А. Наши колонии. М., 1869. (См. Приложение 7).
- 11 См.: Там же.
- 12 См.: Центральный государственный архив республики Крым, г. Симферополь (ЦГАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 2221. Л. 83-97.
- 13 См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 151. Л. 8об, 156.
- 14 См.: Там же. Д. 293. Л. 16; Д. 327. Л. 16.
- 15 См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 18925. Л. 48.
- 16 См.: Там же. Л. 49.
- 17 См.: Статистические сведения о населенных местах Екатеринославской губернии за 1862 г. Екатеринослав, 1863. С. 34-45.
- 18 См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 16. № 11880. С. 315.
- 19 См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 98. Л. 144-148.
- 20 См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 125. Л. 73.
- 21 См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 167. Л. 17.
- 22 См.: Брандсма Ян Дуке. Менно Симонс из Витмарзума. Караганда, 1997. С. 67.
- 23 См.: Vogt R. Mennonite attitudes to property // Journal Mennonite Studies (JMS). 1992. P. 17.
- 24 См.: Pleff D. Saints and sinners: The Kleine Gemeinde in Imperial Russia 1812-1875. Steinbach (Manitoba), 1999. P. 176.
- 25 Там же.
- 26 См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 18098. Л. 4-12, 292.
- 27 См.: ЦГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 22121.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 18925. Л. 21об, 43.
- 28 См.: Epp D. The emergence of German industry in South Russia // Mennonite Quarterly Review (MQR). 1981. N 51. P. 314, 318.
- 29 См.: ЦГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 22121.
- 30 См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 18925. С. 48.
- 31 См. дискуссию по данному вопросу в работе: Туган-Барановский М.И. Статистические итоги промышленного развития России. СПб., 1889.
- 32 Там же. С. 89.
- 33 См.: Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного: В 5 ч. СПб., 1863. Ч. 1. С. 14-15.
- 34 См.: ЦГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2221. Л. 83.

- 35 Труды комиссии... С.64.
- 36 См.: Epp D. The emergence of the Mennonite industry... P. 414.
- 37 См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 125. Л. 73.
- 38 Туган-Барановский М.И. Статистические итоги промышленного развития России. СПб., 1898.
- 39 См.: Весь Екатеринослав. Екатеринослав, 1913. С. 136-137.
- 40 См.: Центральный Государственный архив органов власти и управления Украины (Киев) (ЦГАВУ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 976. Л. 88.
- 41 ЦГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1846. Л. 1, 7.
- 42 См.: Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- 43 См.: Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.
- 44 См.: Екатеринославская губерния: Памятная записка и адрес-календарь. Екатеринослав, 1900. С. 33.
- 45 См.: Торгово-промышленная Россия: Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899.
- 46 См.: ГАЗО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 122. Л. 15, 25.
- 47 См.: ЦГАРК. Ф. 507. Оп. 1. Д. 4. Л. 18-31; Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. СПб., 1905. С. 89.
- 48 См.: ГАЗО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 234. Л. 11.
- 49 См.: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России, 1860-1914. Ленинград, 1991. С. 3.
- 50 См.: Friesen P.M. The Mennonite brotherhood in Russia (1789-1910). P. 875, 880.
- 51 См.: ГАЗО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 405. Л. 1-3.
- 52 См.: ДАЗО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 122. Л. 11.
- 53 См.: Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (ЦГИАК) Ф. 575. Оп. 1. Ч. 1. Д. 243. Л. 1.
- 54 Там же. Л. 3.
- 55 См.: ЦГАРК. Ф. 507. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.
- 56 См.: Friesen P.M. The Mennonite brotherhood... P. 866.
- 57 См.: Постановление Екатеринославского Губернского Земского собрания 43 очередной сессии. Екатеринослав, 1909. С. 44; Urny J. Mennonite economic development in the Russia mirror // Mennonite in Russia. Winnipeg, 1989. P. 113.
- 58 Ibid.
- 59 См.: ГАОО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3257. Л. 28-29 об.
- 60 См.: ЦГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4091.
- 61 См.: Там же. Д. 4091. Л. 1.
- 62 См.: ГАЗО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 107. Л. 120.
- 63 См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 576. Л. 3.
- 64 См.: Urny J. The cost of community: the funding and economic management of the Russian Mennonite commonwealth before 1914 // JMS. 1992. P. 37.
- 65 Ibid.
- 66 См.: ГАЗО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 576. Л. 2, 12.
- 67 См.: Urny J. The cost... P. 43-45.
- 68 См.: Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916. С. 401.
- 69 См.: Мукомольное дело в России. Одесса, 1909. С. 515.
- 70 См.: ГАЗО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 429. Л. 2.
- 71 См.: Urny J. Prolegomena to the study of Mennonite society in Russia, 1880-1914 // JMS. 1990. N 8. P. 58.
- 72 См.: Epp G. Urban Mennonites in Russia // The Mennonites in Russia. Winnipeg, 1989. P. 244.
- 73 См.: ЦГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4079. Л. 1, 5, 43.

Э.Г. Плесская

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ОДЕССЫ В XIX В.: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мой доклад - попытка обратить внимание на важность присутствия культурного аспекта в исторических исследованиях. Чаще всего исследователи увлекаются внешними событиями, не уделяя достаточного внимания тем глубинным явлениям, которые ими руководят. Одним из важнейших глубинных факторов является культура. До сегодняшнего дня в различных слоях общества бытует представление о том, что культура - это язык, обычаи, обряды, художественное творчество. Однако, понятие "культура" намного сложнее и многозначнее. Культура - это способ развития общества, от которого зависят результаты его развития. Способ развития - это и политика, и экономика, и духовные ценности, и нравственные ориентиры, правовые законодательные нормы. Он может быть удачным, способствующим накоплению национальных богатств, духовному и физическому развитию личности, а может быть неудачным, ведущим к духовному и материальному обнищанию.

От каких факторов зависит выбор способа развития? Почему так различны основы западного и восточного христианских миров? Имело ли в истории какое-либо влияние на социально-экономическое развитие общества вероисповедание? Само существование в России двух противоборствующих мировоззренческих взглядов, западников и славянофилов, говорит о том, что наличие проблемы было осознано. В данном случае, нас не интересуют споры о том, какой путь развития спорящие считали наиболее предпочтительным. Более интересны попытки писателей и философов объяснить столь явственное различие в социально-экономическом и политическом развитии России и западноевропейских стран. Мы находим их в произведениях П.И. Мельникова-Печерского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В. Крестовского, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, И. Гончарова и др.¹ Проблема являлась предметом исследования русских и западноевропейских философов: Н.Я. Данилевского, Н. Бердяева, М. Вебера и др.² М. Вебер в своей работе "Протестантская этика и дух капитализма" привел интересные данные о том, что в европейских странах со смешанным (католическим и протестантским) вероисповеданием, капиталы и промышленные предприятия в XIX

столетии находились в руках протестантов. Это привело его к выводу о значительном влиянии протестантизма на развитие капитализма в Европе.

И сегодня очевиден в Европе более низкий уровень развития тех стран, культура которых формировалась на основе православия. Нам сегодня интересно понять, почему именно в западной христианской культуре сформировались понятия свободы, гуманизма, личной ответственности, ценности человеческой индивидуальности, а наши студенты и сегодня не могут дать им определений.

Мировая история и культура предоставляют немало возможностей для объективного исследования проблемы. Одна из таких возможностей - многоаспектное изучение истории Одессы и региона. Уникальная история города, стремительные темпы его развития на протяжении многих десятилетий привлекают отечественных и зарубежных исследователей. Однако очевидным недостатком публикаций является отсутствие попытки серьезного изучения влияния культурного аспекта. Чаще всего он присутствует в довольно наивной форме при упоминании о большом количестве иностранцев, проживавших в городе и управлявших им. Между тем, иностранец - это носитель другой культуры. Какое значение для развития города имел именно этот фактор? И что такое "другая культура"? Оказала ли она влияние на то, что именно заштатный город Одесса, а не губернский центр Херсон или основанный ранее Екатеринослав становится промышленным, научным и культурным центром всего Новороссийского края?

Для постановки и попытки разрешения данной проблемы у современных исследователей имеется достаточное количество общеизвестных фактов. Многие источники также не подвергались анализу с интересующей нас точки зрения. Предпримем попытку их исследования для выяснения влияния западной христианской культуры на развитие торговли, ремесел, промышленности, сельскохозяйственного производства, образования в городе и регионе.

Широко известно, что иностранцами Одесса управлялась в первые десятилетия после своего основания (Иосиф Де-Рибас, герцог Арман Эммануил де Ришелье, Александр Ланжерон, их ближайшие помощники - Рошешуар, Кобле, Кастельно, де Волан и др.). Незнакомые с жизнью русских городов, нравами русской провинциальной администрации, правители Одессы ориентировались на европейские образцы. Русские и иностранные путешественники, побывавшие в Одессе в первые десятилетия XIX века, свидетельствовали о европейской атмосфере города, отмечали, "что вести с далекого Запада получались из первых рук, а сближение с иностранцами способствовало усвоению европейских вкусов и навыков"³. С 1823 по 1853 гг.

Одесса находилась под управлением графа М.С. Воронцова, который, хотя и был русским баринком и воином, воспитание получил западное, в Англии, где его отец служил русским посланником.

Вся деятельность герцога Ришелье в вопросах развития города и края была ориентирована на западную рыночную экономику. Среди многих мер, предпринятых им для быстрого развития торговли, как единственного пути становления и развития молодого приморского поселения, были меры культурного характера. Он стремится привлечь в город иностранных купцов, чтобы торговля велась цивилизованно, в соответствии с европейскими нормами на основе юридических понятий, а не на хаотическом смешении с последними нравственных и патриархальных, как это было характерно для торгов в Российской империи. Именно иностранные купцы, руководившие в своей деятельности нормами римского права, обеспечили внешней торговле быстрое развитие. Зная особенности российского купечества, не отличавшегося обязательностью и склонного к мошенничеству (вспомним народную "мудрость": не обманешь - не продашь), он лично убеждал купцов в выгодности качественной, т.е. честной торговли⁴. Для предотвращения торговых споров и поощрения честной торговли по ходатайству герцога в ноябре 1808 г. в городе открылся коммерческий суд, членами которого, за исключением подполковника Аркудинского, были иностранцы⁵.

В 1809 г. Ришелье обратился в городской магистрат с просьбой прислать узаконения и обычаи римского и греческого права⁶. Иностранные купцы, носители западной культуры, основывали солидные торговые дома, которые пользовались доверием у западных партнеров благодаря безупречной репутации и честности в проведении сделок, что способствовало быстрому расширению внешней торговли, установлению стабильных коммерческих связей с европейскими странами⁷. С прекращением их деятельности в конце XIX века члены Одесского комитета торговли и мануфактур связывали сокращение объемов внешней зерновой торговли⁸.

Культурной политике Ришелье город фактически обязан самим своим существованием. По мнению Н. Ленца, Одесса могла превратиться в нечто, напоминающее поселение золотопромышленников, куда порядочные люди могли приехать только для того, чтобы сколотить состояние, а затем уехать при первой возможности⁹. Состоятельные, энергичные, избалованные цивилизацией иностранные негодяи не могли обустроить свой быт, и поэтому, по словам одного из адъютантов герцога Ришелье И.А. Стемпковского, и не помышляли "прочно" поселиться в городе. Ришелье привлекает иностранных ремесленников, лично свободных людей, которые способст-

вовали обустройству быта¹⁰. Для предотвращения нравственной деградации купечества, которое могло развлечься только азартной игрой и водкой в кабаке, он добивается выделения из государственной казны средств на строительство театра на 800 мест¹¹. Театр был построен в 1809 г., всего через 15 лет после основания города, и предоставил его жителям культурные развлечения, что было одним из стимулов для поселения состоятельных людей, в которых Одесса особенно нуждалась в первые годы своего существования. По свидетельству Доротеи Атлас, впоследствии арии из итальянских опер Россини или Доницетти могли напеть одесские простолудины, даже извозчики¹². Это очень интересное свидетельство позволяет сделать вывод о том, что они, т. е. извозчики, имели средства и желание посещать театр, что говорит об определенном уровне жизни и культуры в городе.

Большой заслугой Ришелье было создание в Одессе особой атмосферы "умственной" жизни, поощрения наук и образования. Сам прекрасно воспитанный и образованный, он являлся носителем культуры, в которой знания являлись обязательным ее элементом, ее символом. Нельзя забывать, что он был воспитанником эпохи, которая вошла в историю под названием эпохи Просвещения. Противоположный взгляд на знания представлен в известной комедии А.С. Грибоедова, в которой один из героев считает книги и знания источником зла¹³.

В своей переписке с императором Александром I Ришелье представил концепцию развития города и края, в которой образованию и культуре придавалось большое значение¹⁴. Отметив отсутствие в городе учебных заведений, Ришелье понимает, что не сможет привлечь состоятельных купцов, если им негде будет учить своих детей¹⁵. В 1804 г., на втором году пребывания в должности, он учреждает первую в России коммерческую гимназию, в которую принимаются дети всех сословий и вероисповеданий. Разноязычный и разноплеменной педагогический состав был собран со всех концов Европы¹⁶. Почти одновременно с гимназией открывается и "благородный" институт для детей дворян, с отделением для лиц женского пола. Громадное значение для города имело открытие в 1817 г. Ришельевского лицея¹⁷.

Отмечая особенности управления краем, необходимо отметить, что Ришелье был против администрирования, излишней правительственной опеки в торговле, тогдашней основе благополучия города, и считал, что время укажет правильный путь¹⁸. Приоритетней политики он считал экономику и в условиях войны с Турцией (1806 г.) получил от императора разрешение продолжать с ней зерновую торговлю¹⁹. Он придерживался мировоззрения, рассматривающего благополучие граждан основой благополучия го-

рода, региона, страны. К гражданам предъявлялось немного требований - быть "добрыми", т.е. придерживаться христианской морали, и исправно платить налоги. Это была ориентация на западную культуру, которая влияла на способ развития города.

Покровителем образования и наук был и граф М.С. Воронцов, при котором было открыто несколько учебных заведений, в том числе и первая школа иностранных языков, восточных. Он способствовал открытию еврейских школ, престиж которых поднимал личным присутствием на экзаменах. Граф придавал настолько большое значение уровню образованности в городе, что, когда евангелическая община значительно увеличилась, и одному пастору было трудно исполнять свои обязанности, он возражал против назначения адъюнкта, т.е. помощника пастора, а настаивал на приглашении второго пастора. Он объяснял это тем, что образованный человек с дарованиями не захочет занять второстепенной должности, а малообразованный в Одессе не нужен²⁰.

Повышению общего уровня образованности способствовало наличие нескольких протестантских общин, т. к. одним из важнейших элементов культуры протестантов было требование обязательного всеобщего обучения. Оно было результатом религиозно-реформационного движения М. Лютера, которое предполагало обязательное знакомство каждого верующего с религиозным учением посредством чтения Библии. Именно с этой целью он перевел ее с латыни на немецкий язык. По данным А. Виста, в 60-е годы XIX века лютеране были самой грамотной частью населения Одессы²¹. Большую роль в распространении образования в городе сыграли учебные заведения, основанные евангелическо-лютеранской общиной и немецкими обществами²².

Говоря о влиянии западной культуры, необходимо отметить наличие самоуправления в протестантских общинах и немецких колониях, где выбирались пасторы и сельские должностные лица. Широкие полномочия, предоставленные мирским сходам, позволяли быстрее достигнуть экономического благополучия. В качестве примера достаточно вспомнить, что в условиях общинного, а не личного землевладения мирской сход мог лишить неумелых хозяев земельного надела и передать его более способному безземельному члену сельской общины.

Времена Ришелье, когда купцы не знали банкротств, и М.С. Воронцова, когда в городе не было нищих и бездомных, неминуемо должны были закончиться. Со второй половины XIX в. стало очевидно, что город не может бесконечно зависеть от капризов внешней торговли. С 1848 г. стали обычными ее кризисы в связи с увеличением пахотных земель в Америке, высо-

кими урожаями в Индии, Канаде, Австралии. Отмена крепостного права в России вследствие исчезновения бесплатного труда и необходимости использования наемного привела к удорожанию себестоимости зерна. Превращение крестьян в земельных собственников не привело к повышению урожайности. Секретарь Одесского отделения императорского общества сельского хозяйства И.А. Полимпсестов в 1860-е годы пытается понять, почему заселенные позднее некоторые штаты Северной Америки обогнали в своем развитии южный край России, имеют цветущие города, железные дороги, шоссе. Он отмечает очевидную для него, "живую и плодотворную" деятельность народа, состоящего большей частью из беднейших пришельцев Западной Европы, "нередко не имевших ничего общего между собой"²³. В отличие от американских переселенцев, по его мнению, "простой наш народ... погружен в невежество, любит праздность и имеет самые ограниченные потребности жизни. Посмотрите на его кое-как слепленное из глины жилище, брошенное... среди неба на земле... почти не имеющее ни оград, ни хозяйственных служб и защиты для скота, посмотрите на его домашнюю утварь, на его одежду, пищу, на босых детей, на шаткость его положения при первой гибели его скота или неурожае хлеба"²⁴. Он отмечает, что местные новороссийские крестьяне получают с превосходных полей почти вдвое меньше, чем колонисты. В качестве причины называет использование хозяйственной утвари "как у древних народов (египтян)", частые пожары, отсутствие дорог, кредита, уважения к личной и общественной собственности. Говорит о том, что породу скота довели "до самой дурной - малорослой и малосильной", в отличие от западноевропейских государств, где принимаются энергичные меры для улучшения пород скота²⁵. Он делает вывод, что, несмотря на поселение правительством немецких колонистов с целью ознакомить местное население с лучшими методами ведения сельского хозяйства, русскому народу эта мера не принесла никакой пользы. Учиться новым методам хозяйствования он не захотел²⁶. Интересно и его замечание о том, что казенные крестьяне, не знавшие крепостного права, живут не лучше. В поисках объяснения своих наблюдений он приходит к общему выводу о зависимости уровня развития страны от особенностей культуры ее населения. Он писал: "Если бы волны Понта Евксинского, вместо гравия и песку, выбрасывали нам груды золота и серебра самой высокой пробы, - мы не сделали бы богаче. Истинное богатство народа заключается в богатстве его духа, в широком развитии его социальной жизни, в его энергической напряженности к труду, в его самобытной и настойчивой деятельности. При таком состоянии духа народ может превратить сыпучие пески и холодные тундры в золотые россыпи, которые перед настоящими

золотыми россыпями будут иметь то преимущество, что они не иссякнут своим золотом"²⁷.

Неоднократные подтверждения взаимосвязи духовной культуры и состояния экономики имеются в ежегодных отчетах Одесского комитета торговли и мануфактур. Отчеты 1880-х годов рисуют картину потери российскими производителями и купцами рынков шерсти в Европе. Спрос на новороссийскую шерсть стал падать из-за стремления купцов получить большую прибыль путем обмана (смешивания грязной и чистой, специального загрязнения земель для увеличения веса, перевязки толстым канатом с той же целью), что явилось причиной сначала дискредитации, а затем и вытеснения России с рынка производителями из Австралии и Аргентины, у которых образец и продаваемая шерсть всегда соответствовали друг другу²⁸. Постепенно в Новороссии исчезло и доходное промышленное тонкорунное овцеводство.

Потери зернового рынка члены комитета объяснили фактически также особенностями культуры. Они опровергли бытующее тогда мнение, что рабочая сила в России намного дешевле американской. В отчете они отметили, что в южной Бессарабии, Херсонской и Таврической губерниях землевладельцы платили рабочему почти столько же, сколько фермер в Канзасе, Небраске или Дакоте своему помощнику (от полутора до 2-х рублей в день). Но какая разница в производительности! "Там, кроме воскресных дней, ни праздника, ни отдыха, у нас несметное число праздников с неизбежным разгулом, со всеми его последствиями, там неумолимая эксплуатация всякой минуты, у нас застой и перерыв в работах под предлогом праздников как раз в то время, когда состояние погоды или другие обстоятельства требуют напряжения всех сил, чтобы не терять того, что даровала щедрая природа. Всякий землевладелец южной окраины испытал те случаи, когда из-за подобных поводов терялось по несколько дней сряду рабочего времени, а затем вследствие слишком позднего возобновления ее высыпались колосья и вымолачивалась из них половина того, что они могли бы дать при других условиях"²⁹.

Немалую роль в утрате позиций на европейском зерновом рынке сыграла и отмеченная членами комитета характерная для российской торговли откровенная спекуляция посредников и продавцов зерна, что приводило к потере доходов, а иногда и разорению производителей.

Еще на одну причину разорения культурного характера обратила внимание газета "Одесский вестник". В периоды засух и неурожаев местные крестьяне попадали в жестокую зависимость от кредиторов. Немецкие поселенцы избегали этой участи в связи с существованием давней традиции - создания различных сельских общественных касс, из которых в неблаго-

приятные годы они брали кредиты под очень низкие проценты на покупку зерна для посева или продовольствия³⁰.

В прямой зависимости от развития в крае земледелия и зерновой торговли находилось развитие промышленности. Обслуживание вывоза зерна привело к развитию металлообрабатывающей промышленности, производству сельскохозяйственных машин, развитию железнодорожного и морского транспорта, судостроения, лакокрасочного и пробкового производств. Развитие машинного производства было связано с большим риском. Основывались предприятия, преимущественно, иностранцами, что подтверждается многими справочниками по состоянию промышленности в городе и регионе. Российские капиталисты предпочитали вкладывать капиталы в уже существующие. Часто, соблазняясь высокими доходами действующего предприятия, местные предприниматели основывали аналогичные, не на собственные капиталы, а на кредиты, не выдерживали конкуренции и разорялись³¹.

В то же время, характерной чертой предприятий, основанных немцами, была стабильность. Основанные в неблагоприятных для развития промышленности условиях, они продолжали работать, сохраняя относительную независимость от протекционистской политики 1880-1890-х годов. Повышение пошлин на металл и уголь в условиях неразвитости российской металлургии и углепромышленности редко приводили к сокращению или ликвидации развитых производств. Многие из них смогли выдержать кризисы, вызванные русско-японской войной, революционными событиями 1905-1907 гг. И хотя забастовки дезорганизовывали производство, оно сохранялось, как и рынки сбыта. Смертельными для немецких предприятий оказались лишь события 1917 г.

Абсолютное большинство немцев-предпринимателей были протестантами (лютеранами или реформатами), что также является фактором культурного характера. Для протестантов труд - основная форма служения Богу. Основной долг перед ним заключался в необходимости честно и добросовестно трудиться, не ожидая в качестве результата большого богатства. На предприятиях в качестве специалистов чаще всего трудились единоверцы-немцы, носители той же культуры. Стремление к упорному добросовестному труду могло ограничивать или вовсе исключать такие черты, как азартность и авантюризм, под влиянием которых представители других культур часто открывали, а через некоторое время ликвидировали свои предприятия. Протестантская трудовая этика могла способствовать обеспечению стабильности работы. Влиянием культуры можно объяснить и то, что предприятия, основанные протестантами, в случае смены хозяев также оказывались в руках протестантов³².

Примечания

¹ См., например: П.И. Мельников-Печерский. "Княжна Тараканова"; М.Е. Салтыков-Щедрин. "За рубежом", "В дороге", "Убежище Монрепо"; В. Крестовский. "Петербургские труппы"; И.С. Тургенев. "Письма из Берлина", "Бретер"; Н.С. Лесков. "Загон"; И. Гончаров. "Обломов"

² См., например: Н.Я. Данилевский. "Россия и Европа"; Н. Бердяев. "Духовные основы русской революции"; "Истоки и смысл русского коммунизма"; М. Вебер. "Протестантская этика и дух капитализма".

³ Атлас Д.Г. Старая Одесса, ее друзья и недруги. Москва, 1992. С. 21.

⁴ См.: Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе с приложением плана Одессы..., плана порта, расписания рейсов... и проч. Спб., 1912. С. 212.

⁵ См.: Смольянинов К. История Одессы // Записки Императорского одесского общества истории и древностей. Т. 3. Одесса, 1853. С. 388.

⁶ См.: Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 119.

⁷ Одним из многочисленных примеров может служить деятельность торгового дома ганноверского и прусского, затем генерального северогерманского консула А. Маса. См.: Плесская-Зембольд Э.Г. Одесские немцы 1803-1920. Одесса, 1999. С. 408-410.

⁸ См.: Хлебная торговля г. Одессы за 1891-1900 гг. Приложение 318 // Отчет Одесского комитета торговли и мануфактур за 1901. Одесса, 1902.

⁹ См.: Одесса 1794-1894. Издание городского общественного управления к столетию города. Одесса, 1895. С. 571-572; Плесская-Зембольд Э.Г. Одесские немцы 1803-1920. Одесса, 1999. С. 44-56.

¹⁰ См.: Одесса. 1794-1894. Издание городского общественного управления к столетию города. Одесса, 1895. С. 571.

¹¹ См.: Атлас Д.Г. Указ. Соч. С. 53.

¹² См.: Там же. С. 90, 99.

¹³ См.: Грибоедов А.С. Горе от ума. Вспомним Фамусова: "Коль зло пресечь, собрать все книги бы, да сжечь"

¹⁴ См.: Коциевский А.С. Письма Ришелье Александру как источник по истории Одессы // Тезисы докладов международной научно-теоретической конференции. Часть II. Одесса, 1994. С. 93-94.

¹⁵ См.: Атлас Д. Учебная книжка „Одесса“ Руководство для учащихся в низших и средних учебных заведениях. Одесса 1915-1916. С. 9.

¹⁶ См.: Ленц Н. Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский лицей // Записки Императорского одесского общества истории и древностей. Т. XXV. Одесса, 1904. С. 177.

¹⁷ См.: Атлас Д.Г. Старая Одесса... С. 53-58.

¹⁸ См.: Там же. С. 39.

¹⁹ См.: Москвич Г. Указ. соч. С. 213.

²⁰ См.: ГАОО. Ф. 1. Оп. 192. 1841. Д. 43.

²¹ См.: Вист А. Учебные заведения в одесском градоначальстве // Труды Одесского статистического комитета. Одесса, 1867. С. 210.

²² См.: Плесская-Зембольд Э.Г. Указ. соч. Раздел "Образование".

²³ Полимпсестов И.А. Обзорение различных отраслей сельского хозяйства юга России // Сборник статей о сельском хозяйстве юга России. Сост. И. Полимпсестов. Одесса, 1868. С. 50.

²⁴ Там же. С. 52-53.

²⁵ См.: Там же. С. 54-55, 61-63.

²⁶ См.: Там же. Л. 63.

²⁷ Там же. С. 54.

²⁸ См.: Отчет Одесского комитета торговли и мануфактур за 1884 г. Одесса, 1885. С. 42.

²⁹ Там же. С. 20-21.

³⁰ См.: Гр. Зна-ий. С. Грос-Либенталь // Одесский вестник. № 48. 28.02.1874.

³¹ См.: Современное состояние промышленности на юге России в связи с сельскохозяйственной и заводской выставкой 1884 года в Одессе. Сост.: Н.П. Мельников. С приложением фабричного устава". С чертежами в тексте. С. 127; Плесская-Зебольд Э.Г. Указ, соч. С. 81.

³² В качестве примера можно привести историю первого мыловаренного завода, основанного Д. Кунертом, затем перешедшего в руки К. Дитерихса и В. Санценбахера; пивоваренного завода братьев Роте, перешедшего в руки И. Ансельма и семьи Роте; механического и чугунолитейного завода Зибке-Рестеля-Рау и др.

Е. Панга

НЕМЕЦКО-ВОЛЖСКИЙ БАНК СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КРЕДИТА (ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1920-Е ГГ.)

С 1920-х годов в Области Немцев Поволжья, как и во всей стране, шла реализация новой экономической политики, суть которой сводилось к возрождению в ограниченных масштабах рыночных отношений. На основе новой экономической политики допускалась частная торговля, разрешалась аренда государственных предприятий; частные лица могли иметь небольшие предприятия, иностранцам разрешалось брать концессии. Одной из мер по осуществлению нэпа в Области Немцев Поволжья стала организация Немецко-Волжского банка сельскохозяйственного кредита "Немволбанка" (или "НВБ") с размещением правления в г. Покровске. Он был создан согласно постановлению ВЦИК Российской Федерации от 21 декабря 1922 года¹.

Первоначальным основным капиталом стали валютные средства, полученные в результате успешных торговых операций с германскими фирмами, проводившихся российско-германским обществом "Виртшафтсштелле дер волгадойчен". В дальнейшем банк увеличивал свой капитал за счёт государственных средств, местных вкладов, а также привлечением средств из-за границы. С этой целью филиалы банка были созданы в Берлине и Чикаго. Попытка создать филиал в Буэнос-Айресе успехом не увенчалась². Главной задачей созданных за границей филиалов стала реализация среди поволжско-немецкой эмиграции банковского займа.

В качестве уполномоченных банка для организации работы филиалов в Германию, США и иные страны Америки в 1923 г. выезжали члены правления А. Шнейдер, Д. Боргер, А. Рейхерт и др.

По заграничному займу предполагалось получить 1 млн. долларов, или 2 млн. золотых рублей сроком на 15 лет. В обеспечение этого займа Немволбанк получил от Советского правительства в концессию 100 тыс. десятин государственных земель на территории АССР НП. Их он намеревался сдавать в концессию иностранным предпринимателям и фирмам, чтобы доходами от последней погашать проценты по займу. Однако сдать в субконцессию удалось лишь 20 тыс. десятин Германско-Русскому Аграрному Товариществу ("ДРУАГ"), возглавлявшемуся германским предпринимателем

фон Рейнбабеном³. На сданных в субконцессию землях было организовано зерноживотноводческое хозяйство, в котором работали местные крестьяне. Других иностранных компаний, желавших арендовать земли Немволбанка, не оказалось. Поэтому летом 1924 г. правительство АССР НП обратилось в Главный концессионный комитет страны разрешить сдачу в аренду концессионных земель местным крестьянам. Разрешение было получено, и аренда стала осуществляться⁴. Арендаторами стали зажиточные крестьяне Палласовского, Краснокутского и Фёдоровского кантонов, то есть тех кантонов АССР НП, где располагались земли концессии.

Таблица 1. Количество земли, сдававшейся Немволбанком в аренду и полученный им доход

Показатель	1924	1925	1926	1927
Количество земли, сданной в аренду, га	10702	77940	92669	92912
Доход, полученный от аренды земли, руб.	17435	55584	95834	104404

Из таблицы видно, что количество земли, сдававшейся Немволбанком в аренду местным крестьянам, постоянно возрастало, и доходы от этой сдачи к 1928 г. составили внушительную сумму, т.е. для банка субаренда концессионной земли была довольно выгодным делом. Выгодна она была и местным крестьянам-арендаторам, несмотря на то, что обходилась им недешево. Как отмечал председатель Совнаркома АССР НП В. Курц на заседании бюро обкома ВКП(б) 8 февраля 1928 г., "трёхлетняя практика сдачи земли в аренду показывает, что вопреки сравнительно значительному изъятию доходов арендаторов, в большинстве случаев даже выше норм налогового обложения по единому сельскохозяйственному налогу, имущественное их состояние резко повышается"⁵.

На этом основании руководство Немволбанка подвергалось неоднократной критике за слабое выполнение партийных директив об усилении "классового характера" использования концессионных земель. На основе новых положений о сельхозналоге, принятых советским руководством в 1928 г., Совнарком АССР НП в июле того же года указал Наркомату финансов, кантисполкомам и налоговым комиссиям, что "аренда земли на концессионных фондах Немволбанка есть один из признаков, могущий повлечь за собой обложение крестьянского хозяйства в индивидуальном порядке" (т.е. наложение на него произвольно завышенных норм налога). В дальнейшем это указание было выполнено, и крестьяне-субарендаторы Немволбанка стали одними из основных жертв политики борьбы с "кулаком"⁶.

Реализация за рубежом облигаций Немволбанка позволяла приобрести такие средства производства, которых в СССР не имелось вообще, либо они являлись большим дефицитом. Так, в августе 1923 г. из США в немецкую область поступило несколько десятков тракторов, которые продавались только объединениям крестьян и коллективным хозяйствам по цене 9 млрд. руб. за один трактор.

И всё же в целом попытки реализовать в Германии и США облигации Немволбанка окончились неудачно. В мае 1926 г. Совнарком АССР НП вынужден был принять решение о консервации займа Немволбанка на неопределённое время. Как отмечалось в решении, главной причиной неудач стало "общее недоверие к советской власти, вытекавшее из аннулирования заграничных долгов царского правительства... и займов Временного правительства...".

Несмотря на неудачи с займом, Немволбанку удалось в существенной мере решить проблему поступления и накопления в АССР НП валютных средств. Одним из основных источников поступления валюты стали денежные переводы эмигрантов своим родственникам, проживавшим в Поволжье. Осуществляя посредническую деятельность, Немволбанк смог обеспечить быструю по тем временам технику перевода средств (перевод по телеграфу из Америки, например, осуществлялся в течение 10 дней), чем заработал определенное доверие и даже популярность у эмигрантов. Так, только из США с момента образования Чикагского агентства Немволбанка и до 1 марта 1927 г. в АССР НП было сделано 17502 денежных перевода на общую сумму около 810 тыс. долларов. Наибольшее число переводов и самая высокая общая их сумма (около 400 тыс. долларов) поволжскими немцами были получены в 1924–1925 гг., т.е. в тот период, когда вследствие неурожая вновь обострился голод⁷.

Успехи в деятельности Чикагского агентства Немволбанка позволили преобразовать его в августе 1925 г. в акционерное общество с капиталом в 25 тыс. долларов. Кроме самого агентства акционерами стали несколько местных предпринимателей из числа эмигрантов - бывших немцев Поволжья. Проведенная мера дала возможность получить дополнительные валютные средства. Валюта использовалась, прежде всего, для безлицензионных импортных операций. В АССР немцев Поволжья завозилась первоклассная американская сельхозтехника⁸.

Закрытым решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 августа 1925 г. Немволбанку представлялась определенная свобода действий за рубежом, прежде всего в Германии, доходы от концессии АССР НП передавались непосредственно в её бюджет⁹. Это решение во многом осталось на бумаге,

поскольку фактически саботировалось такими монополистами как наркомат торговли, госбанк, наркомат иностранных дел и др., не желавшими терпеть у себя под боком новоявленных конкурентов.

По мере свёртывания в СССР нэпа и ужесточения политической системы руководство АССР НП под давлением сверху вынуждено было начать постепенное свертывание своей заграничной работы, в том числе и деятельности Немволбанка. В ноябре 1927 бюро обкома ВКП(б) приняло решение о закрытии Чикагского филиала Немволбанка "за его убыточностью". Решение было выполнено в 1928 году. В течение 1928 – 1929 гг. постепенно сворачивалась и деятельность Немволбанка в Германии. В это же время прекратила свою деятельность в Поволжье кампания "ДРУАГ"¹⁰.

С началом сплошной коллективизации в августе 1929 г. в ходе кампании по "выявлению кулацких хозяйств" главный удар был нанесён по крестьянам - субарендаторам земель Немволбанка. Августовская кампания разорила "кулацкое гнездо, свитое под крылышком Немволбанка", после чего, естественно, крестьянская субаренда прекратила своё существование, а спустя немногим более полугода, и сам Немволбанк потерял самостоятельность, став филиалом Всесоюзного кооперативно-колхозного банка и лишившись возможности распоряжаться собственными капиталами¹¹.

Примечания

¹ См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее – ЦДНИСО), ф. 1. Оп. 1. Д. 655. Л. 18.

² См.: Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области. Ф. 849. Оп. 1. Д. 142. Л. 131.

³ См.: Там же. Ф. 987. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

⁴ См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1553. Л. 72.

⁵ Там же. Д. 1323. Л. 40.

⁶ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Ч. 1. Саратов: Изд-во Саратунта, 1992. С. 24.

⁷ См.: Там же. С. 83.

⁸ См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 919. Л. 303.

⁹ См.: Там же. Д. 899. Л. 61.

¹⁰ См.: Там же. Д. 919. Л. 122.

¹¹ См.: Герман А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 91.

Ю. Морозова

ВОВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИН В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ АССР НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НЕМЕЦКОЙ АВТОНОМИИ)

В 1920-е - 1930-е годы происходило формирование политики большевиков по отношению к женщине, суть которой заключалась в вовлечении ее в производство и общественную жизнь. Партия стремилась воспитать новый тип женщины – активного участника строительства социализма. Как проводилась эта политика в одном из регионов РСФСР, какие имела особенности, рассмотрим на примере автономии немцев Поволжья.

Основным источником нашего исследования послужили материалы республиканских газет: центральных ("Трудовой правды", "Нахрихтен"), городских ("Покровские известия") и кантональных ("Ударник", "Ленинский путь"). Пресса, являясь рупором партии, доводила новые идеологические установки, лозунги до женской аудитории. В этом заключается сложность использования подобного источника: он содержит много пропаганды, лозунгов, резолюций и мало фактов, особенно в первой половине 1920-х годов.

Отмеченное наиболее характерно для немецкоязычной газеты "Нахрихтен". В 1930-е годы на страницах газет освещались практически только героические подвиги ударниц и стахановок, показывались только светлые стороны жизни "простых" советских женщин. Во второй половине 1930-х годов совершенно исчезают статистические данные об активности женщин в политических кампаниях, их партийности.

Но все же по этим материалам можно проследить долговременную и текущую политику, проводившуюся государством по отношению к женщине, и изменение ее роли в экономической, общественной жизни в соответствии с этой политикой.

Прежде всего, большевистская власть, государство, а значит, и руководство АССР НП, руководствуясь соответствующими идеологическими установками, ставили себе цель вывести женщину из патриархальной и религиозной зависимости, повысить ее образовательный и культурный уровень,

чтобы успешнее воздействовать на нее, заинтересовать делом строительства светлого будущего. В газетах 1920-х годов присутствует множество лозунгов. Среди них: "Работница и крестьянка! За грамотность, за квалификацию, за культуру", "Неграмотных женщин в три раза больше чем неграмотных мужчин, в три раза больше женщин должно быть на ликпункте"¹.

Но на пунктах ликвидации неграмотности в 1926 г. обучались преимущественно мужчины, избы-читальни также посещали 81 % мужчин и лишь 19 % женщин. К 1929 г. неграмотных в Республике оставалось 32 тыс. человек, из них женщин около 60%. К 1930 г. планировалось полностью ликвидировать неграмотность, но на протяжении 1930-х годов в статьях мелькали сведения о все продолжавшейся ее ликвидации. Так в 1940 г. в одном Терновском кантоне было 340 неграмотных, 130 малограмотных женщин². Неграмотность за 1920-1930-е годы так и не была ликвидирована.

Пропагандистская работа среди женщин автономии началась в 1920 г. В январе 3-я партконференция постановила организовать областной женский отдел (Обженотдел) при Обкоме РКП(б). Первой его заведующей была Ида Фрей, известная в Республике коммунистка, занимавшая разные посты на протяжении 1920-1930-х годов. Многие статьи в газетах написаны ею. Целью женотделов было "поднятие политического, культурного уровня и классового сознания трудящихся женских масс"³.

Внедрение в широкие массы понимания значения работы среди женщин велось через прессу. Например, в "Нахрихтен" с мая по сентябрь 1920 г. было напечатано 22 статьи по женскому вопросу.

Основную роль в организации женщин в 1920-е годы сыграли делегатские собрания. Организовывали их Обженотдел и Кантженотделы через своих инструкторов и организаторов. Первое собрание было проведено в Маркштадте в 1920 г., в 1921 г. 68 делегатов было избрано в селах Маркштадского кантона. С каждым годом число избранных на делегатские собрания женщин росло, что видно из табл. 1.

Таблица 1. Число женщин, избравшихся на депутатские собрания в немецкой автономии⁴

Годы	1921	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1933
Число делегатов	68	1469	2505	3263	3980	5400	6700	10617

Таким образом, мы видим, что особенно быстро увеличивалась численность участниц делегатских собраний в первой половине 1920-х годов и в период коллективизации. Но есть сведения, что даже к 1930-м годам в некоторых отдаленных селах не было подобных организаций или работа в

них практически не проводилась⁵. То есть, чем дальше от центра, тем меньше женщина подвергалась влиянию со стороны советской власти.

Основной задачей делегатских собраний являлось ознакомление женщин со своими правами и обязанностями в Советском Союзе, вовлечение в общественную работу, проводившуюся органами советской власти и партийными ячейками. Были задачи и чисто практические, например, сельская делегатка обучалась лучшему ведению сельского хозяйства. Она должна была стать "застрельщицей в проведении мероприятий по улучшению сельского хозяйства"⁶. Женщины, избравшиеся на собрания, оказывали помощь в организации яслей, детских садов, контролировали их работу, вели борьбу с голодом.

Темы, обсуждавшиеся на делегатских собраниях, конференциях работниц и крестьянок, проводившихся время от времени, как и по всей стране, можно разделить на две группы:

А) политические, например: "Диктатура пролетариата", "О перевыборах в Советы", "Восстановление хозяйства СССР", "Работа жилищной с/х кооперации", "Работница прежде и теперь", "Роль женщины в общественной жизни" и др.

Б) практические, например: "Охрана материнства и младенчества", "О женских болезнях", "Быт и здоровье" и др.

Работа среди женщин немецкой национальности, как признавалось на страницах газет, осложнялась первоначально их консерватизмом. Жизнь немки была ограничена "...детьми, церковью и кухней"⁷. Не было литературы на немецком языке. Не хватало и немцев – партийных функционеров, которые могли бы беседовать с женщинами на родном языке. Поэтому по участию в общественной жизни немки вначале отставали от русских женщин. Но постоянная работа, проводимая коммунистическими ячейками и делегатскими собраниями, изменила это положение. В 1927 г. по участию в перевыборах Советов немецкая женщина даже опередила русскую: в немецких кантонах пришли на перевыборы 24,3 % женщин, в русских – 17,4 %. И число делегатов к 1929-1930 г. среди русских и немки сравнялось. В 1929 г. немки было 49 %, а в 1930-м уже 52 %⁸.

Республиканская пресса повествовала о проводимой в 1924-1925 годах работе с еще более закрепощенной своими мужьями и приверженной религии категорией женщин-мусульманок. Здесь пришлось встретиться с теми же проблемами: отсутствием литературы и незнанием работниками среди женщин татарского языка.

Кроме делегатских собраний, женщины вовлекались в органы власти: местные Советы (сельские, городские кантональные), органы власти республики. Число таких женщин неуклонно росло (см. табл. 2).

Таблица 2. Число женщин, избравшихся депутатами сельских Советов в немецкой автономии⁹

Годы	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1935
Избрано депутатами женщин	74	142	209	354	362	459	2065

Из данной таблицы видно, что особенно бурный рост количества женщин-депутатов сельских Советов происходил в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов. Но и здесь естественно не обходится без подталкивания, директив сверху, прямых указаний о количестве отведенных мест. Большевики не стеснялись, например, в прессе прямо заявить, что на выборах 1931 г. женщинам в Советах должно быть отведено не менее 33 % мест. Но даже такое прямое указание не могло быть выполнено сразу. В том году доля их в сельсоветах была равна 21%.

Еще одним показателем вовлечения женщин в общественную жизнь является рост их численности в рядах партии (см. таблицу 3).

Таблица 3. Число женщин в партийной организации АССР НП¹⁰

Годы	1917	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Число женщин в рядах партии	3	68	33	27	58	95	1443	313	316

Таблица показывает, что после Гражданской войны шло сокращение числа женщин-коммунисток, а бурный рост относился к 1926 г. К сожалению, за последующие годы пока не удалось найти данных по этому показателю. Если же говорить об удельном весе женщин в партийной организации АССР НП в 1927 г., то они составляли немногим более 15 %¹¹. Данных о количестве среди них женщин немецкой национальности обнаружить пока не удалось.

Судя по газетным статьям, были женщины, как немки, так и русские, стремившиеся активно участвовать в общественной жизни. Но им пришлось с трудом прокладывать себе путь, ибо среди мужчин было множество считавших, что общественная работа не для женщины, поднимавших на смех любое ее предложение.

Кроме повышения культурного уровня, приобщения к общественной жизни, женщину стремились вовлечь в хозяйственное строительство. В условиях послевоенной разрухи и нехватки рабочих рук женский труд, более дисциплинированный и дешевый, был одним из резервов восстановления сельского хозяйства и создания промышленности в автономии. К труду

привлекались и домохозяйки. Особенно это приняло размах во второй половине 1920-х годов. Во время хлебозаготовительного кризиса и массовой коллективизации государственные, партийные, комсомольские органы стремились привлечь к решению хозяйственных вопросов не только мужчин, но и как можно больше сельских женщин. Этому способствовали постоянно публиковавшиеся на страницах газет материалы о количестве хлеба, собранного женщинами, о создании женских штурмовых бригад и красных обозов с хлебом, о количестве женщин, вступивших в колхоз. Осенью 1929 г. в "Трудовой правде" вышла статья, посвященная организации первого женского колхоза из жен и вдов красноармеек в Старо-Полтавском кантоне¹².

Со второй половины 1920-х годов, когда в стране усилилось военное строительство, было обращено большое внимание на вовлечение женщин в оборонную работу. В газетах АССР НП публиковались материалы о создании санитарных, стрелковых кружков, курсов медсестер, широко пропагандировался лозунг: "Женщины, крепите оборону страны, работая усиленно в военном кружке". Так в г. Покровске за один 1927 г. число санитарных кружков увеличилось с 3 до 15 (охватив 220 женщин)¹³. В Республике, вслед за российскими летчицами и парашютистками, в 1935 г. появилась своя – Анна Соколинская, учительница школы № 13 г. Энгельса. Она окончила школу азроклуба без отрыва от производства и в августе 1935 г. совершила свой первый полет, а через несколько дней прыгнула с парашютом¹⁴. Ее примеру последовали и другие женщины в Автономной Республике.

В 1930-е годы, когда промышленность была восстановлена, основная масса сельских жителей загнана в колхозы, главной функцией женщины провозглашалось материнство. Подтверждение тому было постановление ЦИК и СНК СССР 1936 г. "О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным..."¹⁵. На страницах газет в АССР НП появились положительные отзывы женщин на этот закон и материалы о помощи многодетным матерям. Но не всегда эта помощь оказывалась вовремя¹⁶.

Но и от рабочей функции женщину никто не освобождал. А в сельском хозяйстве, в организованных колхозах ее труд стал использоваться гораздо интенсивнее. В 1934 г. Сталин провозгласил: "Женщина в колхозе – большая сила".

Первоначально женский труд использовался в колхозах недостаточно, хотя рабочих рук не хватало. Кроме слабой воспитательной работы газеты признавали причинами данного явления недостаточную сеть детских яслей

и площадок, общественного хлебопечения и общественного питания в поле. В 1931 г. в колхозы было вовлечено от 36 до 65 % женщин по разным кантонам. Но в самую горячую пору посевной или уборочной кампаний выходили в поле, где добровольно, где принудительно, все женщины, в том числе и домохозяйки. Постепенно появились первые примеры самоотверженной работы женщин, несмотря на отсутствие нормальных условий труда. Так, "в Экгеймском колхозе женщины приехали в поле с грудными детьми, 50-60-летние старухи работали, не покладая рук". Колхозницы начали осваивать мужские профессии. В 1934 г. по десяти кантонам АССР НП насчитывались 201 трактористка, 30 комбайнерок¹⁷, а в 1941 г. по всей Республике – около 1300 трактористок и комбайнерок¹⁸. Как показывают публикации в газетах тех лет, не все девушки, окончившие курсы трактористок и комбайнерок, получали возможность работать по полученной профессии, да и условия труда на технике тех лет были противопоказаны для женского организма.

Более традиционной для женщин оставалась на протяжении 1930-х годов работа в огородных бригадах, на молочно-товарных фермах. В 1934 г. бригады возглавляло 357 женщин, на МТФ было 172 женщины-заведующие¹⁹. Так же, как на промышленных предприятиях, ударничество в колхозах стало обычным явлением, в него втягивались женщины. В 1936 г. 5 ударниц сельского хозяйства Республики немцев Поволжья были награждены, наряду с представительницами других республик и областей, орденами: Орденом Ленина – Граубергер Екатерина, Адлер Амалия; Орденом Трудового Красного Знамени – Каблова Мария, Осипова Анна; Орденом Знак Почета – Рожкова Антонина²⁰. В 1940 г. среди женщин, работавших в сельском хозяйстве АССР НП, орденосинок было 19.

В конце 1930-х годов государство обратило пристальное внимание на воспитание подрастающего поколения советских граждан. Об этом говорит повышенное внимание к женщинам учителям, несколько сельских учительниц было награждено орденами, например, Гринемайер Анна Генриховна, Шевалье Евгения Ивановна²¹.

В промышленности в начале 1920-х годов женщин, занятых в производстве, было очень мало, имевшие квалификацию женщины практически отсутствовали. Постепенно число работавших женщин росло. Уже в 1924 г. на предприятиях автономии насчитывалось 814 женщин. В 1930 г. удельный вес женской рабочей силы составлял 28 %, в 1934 г. уже 35%.

Больше всего женщин было в 1931 г. на костязаводе – 59 % всех работавших, а в машиностроении всего 9,5 %²². Все же и последняя цифра считалась достижением – в 1928 г. в этой отрасли не было ни одной женщины.

Большинство женщин было занято неквалифицированным или мало-квалифицированным трудом. На протяжении двух десятилетий женщины только пробивали себе дорогу в мире профессий, считавшихся исконно мужскими. Например, в 1927 г. на костязаводе из 120 женщин только 27 имели квалификацию, а в 1931 и того меньше – из 260 работниц были квалифицированы только 6. Государство брало на себя обязательства создать условия для повышения квалификации и освобождения женщины от многих домашних забот, но выполняло их плохо. Множество примеров в прессе свидетельствуют о женской безработице, о притеснениях женщин на предприятиях. После рождения ребенка женщина могла быть уволена или переведена на другую должность с понижением. Сокращения на предприятиях старались провести за счет женщин. Плохо обстояло дело в городах, как и в сельской местности, с организацией детских садов, яслей, общественных столовых; нужно еще добавить недостаточное обеспечение продуктами питания, очереди, и становится понятным, какая нагрузка легла на плечи женщины: производство, домашнее хозяйство, материнство, общественная жизнь. Конечно, ясли, детские сады, интернаты открывались, например, к 8 марта, но из-за отсутствия средств, они тут же либо закрывались, либо влачили жалкое существование, не обеспечивая детей питанием и предметами первой необходимости²³.

Во второй половине 1930-х годов в стране развернулось движение за вовлечение в производство и общественную жизнь жен номенклатуры, командиров Красной Армии, домохозяек. Первые итоги этого движения подвел в 1936 г. съезд жен хозяйственников в Москве. Вскоре в АССР НП состоялся такой же съезд. Женщины на нем давали обещания примкнуть к "движению борьбы за культуру, за озелененный веселый город, за хорошо налаженную торговлю, за образцовые школы, детские сады..." Выполняя эти обещания, жены железнодорожников станции Покровск занимались ликвидацией неграмотности, привели в "культурный вид" школы № 6, 12²⁴.

Еще одна кампания, нашедшая отражение на страницах газет – государственные займы. Партия и женщины-активистки обращались к самой многочисленной и более сознательной аудитории с призывом принять участие в займах. В разное время это были займы укрепления крестьянского хозяйства, 1-й и 2-й займы индустриализации, заем 3-й пятилетки и т.д.

Таким образом, материалы прессы 1920-1930 годов позволяют сделать вывод, что в этот период в АССР НП, как и по всей советской стране, происходил процесс вовлечения женщин в хозяйственное строительство, в культурную и общественную жизнь. Приведенные факты свидетельствуют, что роль женщины менялась, она становилась активной участницей тех преоб-

разований, которые совершались в стране. Но сопровождалось это увеличением нагрузок, выпавших на женские плечи. В то же время газетные публикации дают возможность отметить, что очень мало делалось в 1920-1930-е годы для облегчения женской доли, для разгрузки ее от бремени труда по ведению домашнего хозяйства.

Примечания

- ¹ Нахрихтен. 1924, 23 апреля, С. 2.
- ² См.: Трудовая правда. 1940, 5 марта, С. 3.
- ³ Трудовая правда. 1924, 22 августа, С. 2.
- ⁴ См.: Трудовая правда. 1926, 17 августа, С. 2; 1927, 27 августа, С. 3; 1928, 20 ноября, С. 2; 1929, 12 ноября, С. 3; 1934, 10 января, С. 4.
- ⁵ См.: Ударник. 1931, 14 декабря, С. 2.
- ⁶ Трудовая правда. 1931, 14 декабря, С. 3.
- ⁷ Нахрихтен. 1921, 18 апреля, С. 2.
- ⁸ См.: Трудовая правда. 1929, 12 ноября, С. 2.
- ⁹ См.: Трудовая правда. 1927, 11 октября, С. 3; 1935. 3 ноября, С. 3.
- ¹⁰ См.: Трудовая правда. 1927, 11 октября, С. 3.
- ¹¹ См.: Там же.
- ¹² См.: Трудовая правда. 1929, 29 октября, С. 2.
- ¹³ См.: Трудовая правда. 1927, 4 октября, С. 2.
- ¹⁴ См.: Трудовая правда. 1935, 1 сентября, С. 2.
- ¹⁵ Трудовая правда; Нахрихтен. 1936, 29 июня, С. 2.
- ¹⁶ См.: Нахрихтен. 1937, 28 февраля, С. 3.
- ¹⁷ См.: Трудовая правда. 1934, 10 января, С. 4.
- ¹⁸ См.: Трудовая правда. 1941, 8 марта, С. 1.
- ¹⁹ См.: Трудовая правда. 1934, 10 января, С. 4.
- ²⁰ См.: Трудовая правда. 1936. 26 февраля, С. 1.
- ²¹ См.: Трудовая правда. 1939, 8 июля, С. 3.
- ²² См.: Трудовая правда. 1931, 23 июня, С. 2.
- ²³ См.: Ударник. 1934, 8 марта, С. 2; Трудовая правда. 1925, 25 июля, С. 3; 1931, 8 марта, С. 2.
- ²⁴ См.: Трудовая правда. 1936, 29 мая, С. 2; 10 октября, С. 3.

А.А. Герман

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В АССР НП: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

С конца 1920-х гг. Республика немцев Поволжья, как и другие регионы СССР, оказалась втянутой в кампанию форсированной модернизации экономики.

24 мая 1929 г. бюро обкома ВКП(б) утвердило пятилетний план промышленного строительства АССР НП на 1929 - 1933 годы¹. План развития металлообрабатывающей промышленности, основное производство которой было сосредоточено на заводе "Коммунист" в Маркштадте, содержал два варианта. Основной из них: производство 15-сильных нефтяных тракторов сначала (в 1929 г.) в количестве 100 штук, а затем, постепенно увеличивая их выпуск, в количестве 1 тыс. штук (в 1933 г.); параллельное производство двигателей, постепенно сокращаясь, должно было прекратиться в 1933 году. Второй вариант намечался на случай, если производство тракторов не удалось бы наладить. Он сводился к возрастающему производству двигателей: с 600 шт. в 1929 г. до 1,1 тыс. шт. в 1933 г. Впоследствии, в связи с тем, что не удалось запустить в производство трактор конструктора Мамина, второй вариант стал основным и единственным.

В костеперерабатывающем производстве (завод в Покровске) предполагалось увеличить выработку клея на 33,2% к 1931 г., тем самым достигнув уровня выработки 1920 г., в 1929—1931 гг. построить и запустить новый костеперерабатывающий завод там же, благодаря чему выработка клея в 1933 г. должна была возрасти по сравнению с 1928 г. на 98,1% (почти в два раза).

Наибольшие капиталовложения направлялись в текстильную промышленность (свыше 10 млн. руб.). Она по-прежнему должна была развиваться в двух направлениях - по линии фабричного производства (государственная) и ручного производства (кооперация). С этой целью Сарпинтрест до конца 1929 г. должен был полностью передать всех ткачей-ручников Сарпинсоюзу. Взамен увеличивалось число механических станков с 510 в 1928 г. до 1310 к концу 1932 г. Предполагалось расширение существовавших ткацких фабрик "Цукунфт" в Бальцере и "Фортшрит" в Крацке, а также строительство новых - в Мессере и Денгофе на 400 станков каждая. Планировалось, что к 1933 г. ручное ткачество будет составлять не более 30% от всего производства.

Для улучшения снабжения ткацкого производства сырьём - пряжей намечалось строительство в Бальцерском кантоне бумагопрядильной фабрики с производительностью в 3 тыс. т. пряжи в сутки при двухсменной работе. Кроме того, планировалось построить в 1929—1930 гг. новую kraft-производительностью 2 тыс. т. в сутки. После реализации намеченного строительства Бальцер должен был стать центром хлопчатобумажной промышленности Среднего и Нижнего Поволжья.

В лесопильной промышленности намечалось достичь довоенного уровня к 1933 г. и производить 250 тыс. кубических метров пиломатериалов. Предполагалось расширение существующего производства и строительство 4-х новых лесопильных заводов.

Мукомольная промышленность должна была увеличить производство муки с 30 тыс. т. в 1928 г. до 140 тыс. т. в 1933 г. за счёт расширения существующих и строительства двух новых мельниц.

В три с лишним раза планировалось увеличение производства подсолнечного масла с тем, чтобы довести его до 26,2 тыс. т. на государственных предприятиях. При этом должны были быть построены новые маслозаводы в Маркштадте и Урбахе.

Производство табака должно было возрасти со 120 тыс. ящиков в 1928 г. до 130 тыс. - в 1933 г. В конце первой пятилетки планировалось начать строительство новой табачной фабрики.

Кроме вышеперечисленных отраслей промышленности за пятилетие планировалось расширить кожевенное производство (на 66%), кустарное производство (почти в 5 раз) и т. п.

В целом по государственной трестированной промышленности за пять лет прирост производства должен был составить 72%. Производство продукции всей промышленности: крупной, мелкой, кустарно-ремесленной, государственной, кооперативной и частной - должно было возрасти на 40%.

Капитальные затраты на развитие промышленности АССР НП в первой пятилетке планировались в объёме 24,2 млн. рублей. Третью часть этой суммы должны были составлять государственные дотации и ссуды, всё остальное - накопления самой промышленности.

За 5 лет планировалось в трестированной промышленности АССР НП повысить производительность труда на 85%, увеличить число рабочих мест на 17%, повысить реальную заработную плату рабочих на 45%, снизить отпускные цены продукции - на 32,6%².

Приведённые нами основные показатели развития промышленности АССР НП на первую пятилетку впоследствии претерпели ряд изменений. В 1929—1930 гг. происходили постоянные переговоры с краевым и цент-

ральным руководством по вопросам индустриализации республики. Руководство стремилось "пробить" строительство на территории немецкой автономии как можно большего числа новых промышленных объектов (выше 30), чтобы "изменить лицо" республики, превратив её из аграрной в индустриально-аграрную, тем самым повысив значимость немецкой автономии в масштабе СССР. При этом главный акцент делался на "политические соображения"³.

Центральные органы власти СССР и РСФСР отмечали промышленную отсталость АССР НП и "недостаток в кадрах национального пролетариата". 2 января 1930 г. Совнарком РСФСР принял специальное постановление, в котором говорилось: "Придавая особое значение усилению пролетарской базы Республики немцев Поволжья, поручить ВСНХ РСФСР обеспечить в пятилетнем плане возможно шире интересы промышленного строительства АССР НП"⁴. Аналогичные решения выносились и краевыми директивными органами. Однако на практике всё складывалось иначе.

В начале 1930 г., когда определялось место для строительства крупного, всесоюзного значения тракторного завода пропашных тракторов, руководители Немреспублики активно пытались добиться строительства его в Покровске. Однако в острой конкурентной борьбе между Покровском и Сталинградом победил последний. Причём здесь также главную роль сыграли "политические соображения" (строить тракторный завод в городе, названном именем высшего руководителя страны). Руководство Нижне-Волжского края, куда с 1928 г. входила АССР НП, высказалось за Сталинград, и руководителям Немреспублики ничего не оставалось, как смириться с принятым решением. Тракторный завод начали строить в Сталинграде⁵. Чтобы "не обидеть" Немреспублику, в Покровске решили строить трактороремонтный завод.

Подобные столкновения между республиканскими и краевыми руководящими органами неоднократно имели место и позднее. В мае 1930 г. бюро обкома ВКП(б) АССР НП приняло специальное решение, в котором прямо указывалось, что "Немреспублика, как автономная единица, от вхождения в край по линии промышленного развития пока не выигрывает, а проигрывает. Создание национального пролетариата, как основное условие социалистической реконструкции всего хозяйства в Немреспублике, тормозится..."⁶. Причём отмечалось, что край не выполняет даже те решения, которые obviously были согласованы и утверждены Центром. Например, не финансировались работы по строительству нового костеперерабатывающего завода.

В отношении некоторых промышленных объектов, намеченных к строительству в АССР НП, позиция Центра изменялась. Так, Госплан и Совнархоз

СССР отказались от строительства прядильной фабрики в Бальцере, перенесли строительство крупного кирпичного завода из Покровска в Сталинград (по просьбе руководства последнего) в связи со строительством там тракторного завода⁷.

Ситуация сложилась так, что в первом пятилетии Немреспублика не получила особенно большого промышленного развития. В основном шли реконструкция и расширение уже существовавших мелких полукустарных предприятий, заводов "Коммунист" в Марксштадте, "Рекорд" в Бальцере, чугунолитейного в Покровске, текстильных предприятий в Бальцерском кантоне и др. Общий объём капиталовложений в промышленность в первой пятилетке составил около 20 млн. рублей⁸.

Но даже и эти не такие уж большие средства выделялись Немреспублике неритмично, с большими перебоями, в результате чего уже с первых месяцев выполнение пятилетнего плана по промышленности стало невозможным. Кроме того, промышленность немецкой автономии столкнулась с такими сложностями:

недостаточное финансирование, ввиду нехватки средств, из местных бюджетов Нижне-Волжского края и самой АССР НП;

острый недостаток технических кадров и, как следствие, большое число технических ошибок и просчётов в ходе строительных работ и реконструкции;

крайне слабая механизация строительных работ, низкая организованность и трудовая дисциплина на предприятиях и стройках, отсюда - высокая себестоимость всех работ;

серьёзные проблемы с вербовкой рабочей силы на строительство, недостаточное внимание хозяйственных организаций жилищно-бытовому и культурному обслуживанию рабочих и др.⁹

В результате темпы развития промышленности в Немреспублике оказались ниже темпов промышленного развития Нижне-Волжского края и СССР в целом (табл. 1).

Таблица 1. Рост валовой продукции промышленности в СССР, Нижне-Волжском крае и АССР НП, % к предшествующему году¹⁰

Год	СССР	Нижне-Волжский край	Немреспублика
1929	126,0	129,5	114,0
1930	132,0	132,9	105,8
1931	142,0	261,0	143,2

В сравнении с некоторыми другими автономными республиками в первые три года пятилетки АССР немцев Поволжья значительно отставала (табл. 2).

Сложившаяся ситуация с индустриализацией Немреспублики стала предметом специального рассмотрения на заседании правительства РСФСР. 24 октября 1931 г. Совнарком Российской Федерации заслушал доклад руководства немецкой автономии "О ходе промышленного строительства в АССР НП" и после его обсуждения принял специальное постановление, в котором намечались существенные меры по активизации промышленного развития Немреспублики.

В частности, с 1932 г. было решено начать на территории АССР НП строительство двух крупных предприятий союзного значения: мясокомбината в столице АССР НП г. Энгельсе (так с 19 октября 1931 г. стал называться Покровск) и консервного завода в Гуссенбахе производительностью 30 млн. консервных банок в год. Кроме того, из бюджета России открывалось финансирование завершающего этапа строительства нового костеперерабатывающего завода, строительства завода по производству оборудования для боен, макаронной фабрики, типографии, развёртывание предприятий по производству строительных материалов на основе местного сырья.

Таблица 2. Выполнение пятилетнего плана за 1929—1931 гг. автономными республиками РСФСР, % к плану¹¹

Автономная республика	Освоение капиталовложений	Выпуск валовой продукции
Карелия	117,7	203,5
Татария	63,9	151,0
Крым	38,0	107,9
Немреспублика	39,0	40,0

Правительство РСФСР обращалось с ходатайством в Совет Труда и Обороны СССР о строительстве в Немреспублике мыловаренного завода и теплоэлектроцентрали, которая работала бы на местных сланцах.

Для ликвидации дефицита инженерно-технических кадров предусматривалось направление в АССР НП большого числа выпускников технических вузов и техникумов, открытие в 1932 г. в Немреспублике трёх фабрично-заводских училищ, механического и строительного техникумов¹².

Данное постановление, как и предыдущее, во многом осталось невыполненным. Тем не менее, оно дало определённый импульс развитию промышленности Немреспублики. Несмотря на то, что по-прежнему планы храни-

чески не выполнялись, всё же имело место поступательное развитие промышленного производства.

Всего в 1932 г. было произведено валовой продукции промышленности Немреспублики на сумму свыше 55 млн. руб., что по отношению к 1928 г. (26,7 млн. руб.) составляло примерно 206%. Общая мощность всех электростанций составила 1,5 тыс. кВт. Стоимость произведенной продукции в 1932 г. по сравнению с 1928 г. увеличилась более чем в 2 раза. Вместе с тем в том же 1932 г. план выпуска промышленной продукции был выполнен лишь на 56,1%. За пятилетие численность рабочих в Немреспублике выросла с 5,6 тыс. человек в 1928 г. до 13,5 тыс. в 1932 г.¹³

Развитие промышленности АССР НП носило ярко выраженный экстенсивный характер: себестоимость продукции, производившейся на предприятиях Немреспублики, повышалась. Так, в тяжёлой промышленности она выросла в 1931 г. на 2,2%, в 1932 г. - на 5,1%. В лёгкой промышленности соответственно - на 3,72% и 19%. Производительность труда в последнем году первой пятилетки в тяжёлой промышленности выросла на 13,2%, в промышленности Наркомснаба - всего на 3,4%, а в лёгкой промышленности - снизилась на 15,7%.¹⁴

Качество продукции, производившейся в Немреспублике, в большинстве своём было невысоким, о чём можно судить по величине брака. В 1932 г. по заводам Наркомтяжпрома брак составил 8,6%, а в текстильной промышленности в том же году - 40,2%! При таком большом количестве брака в текстильном производстве организация и учёт были налажены настолько плохо, что выявлять конкретных бракоделов практически не представлялось возможным.¹⁵

Мало внимания уделялось производству товаров широкого потребления для местных нужд. Лишь после соответствующих директив Центра с середины 1932 г. товары ширпотреба начали вырабатываться на предприятиях тяжёлой промышленности. Всего таких товаров до конца года этой отрасли было выработано на 50 тыс. рублей. На предприятиях лёгкой промышленности товаров массового спроса для местных нужд за 1932 г. было выработано лишь на 45 тыс. руб., и то в основном за счёт утилизации отходов. Таким образом, как видим, только мизерная часть производившейся на государственных предприятиях продукции оставалась на местные нужды (менее 0,4%). Всё остальное вывозилось за пределы Немреспублики.

В какой-то мере исправляла складывавшееся положение кустарно-промысловая кооперация (Немкустпромсоюз и Немпромтекстильсоюз). Практически вся её продукция шла на местные нужды. Однако общий объём

производившейся тогда кустпромкооперацией продукции был незначителен. В частности, стоимость произведённой ею продукции составляла в 1931 г. всего лишь 10,9 тыс. руб., в 1932 г. - 21,9 тыс. рублей.¹⁶

На очень низком уровне в годы первой пятилетки находились социальные условия труда и жизни рабочих. Так, среднемесячная зарплата в 1932 г. составляла: в тяжёлой промышленности - 99 руб., в лёгкой промышленности - 62 руб., по предприятиям Наркомата снабжения - 64 рубля. За 1929 - 1932 гг. было сдано в эксплуатацию около 15 тыс. кв. м жилья, в основном - барачного типа. В последнем году первой пятилетки на социально-культурное строительство в промышленности израсходовано всего около 6 тыс. рублей.¹⁷

Для иллюстрации сказанного сошлёмся на Акт обследования жилищно-бытовых условий рабочих кирпичного завода в Энгельсе в 1932 г. Сухие строки документа бесстрастно сообщают нам, что строительство жилья на заводе законсервировано, основная масса рабочих живёт в бараках, частично неотапливаемых, всем жилым зданиям требуется ремонт, большие семьи проживают в маленьких комнатках. Так, мастер по обжигу Кокин с семьёй в 8 человек проживает в комнате 10 кв. м. Кроме того, "как общее правило в комнатах стирают и сушат бельё... в летнее время в помещениях значительное количество клопов и тараканов"¹⁸.

Подобные условия жизни имели место на большей части городских предприятий промышленности АССР НП.

Таким образом, в годы первой пятилетки проводившаяся в СССР форсированная индустриализация, можно сказать, лишь краем коснулась Немреспублики. Здесь не было начато строительство каких-либо новых крупных предприятий, как этого хотелось руководителям АССР НП. Реконструкция промышленности проводилась вяло, главным образом из-за нехватки средств, которыми Центр не очень-то щедро одаривал немецкую автономию.

Имевший место рост промышленного производства был ниже запланированного и осуществлялся, главным образом, за счёт экстенсивных факторов, с большими издержками. Необходимость капиталовложений в социальную сферу постоянно игнорировалась.

Вторая пятилетка (1933—1937) оставила значительно более заметный след в индустриальном развитии Немреспублики, однако начало её было крайне неорганизованным. Уже подходил к концу декабрь 1932 г., а руководство Немреспублики имело директивы Центра, согласно которым, как оно отмечало, "до неопределённого срока стройки на 1933 г. Москвой законсервированы и сообщено, что к составлению контрольных цифр на 1933 г. до особого на то распоряжения со стороны Москвы не приступать и не разрабатывать..."¹⁹.

В течение всего 1933 г. и в начале 1934 г. между руководителями Немреспублики, Нижне-Волжского края и Центра шли переговоры и переписка по поводу дальнейшей индустриализации Немреспублики. Рассматривались и отвергались различные варианты. Так, не получили одобрения в Москве выдвигавшиеся предложения по строительству в Немреспублике завода большегрузных автомобилей, автосборочного завода, заводов котельного, электрического оборудования, оборудования масло-сыроваренных заводов, мыловаренного завода, завода синтетического каучука, завода ветряных двигателей и др.²⁰

Несмотря на то, что в 1932 г. начались подготовительные работы к строительству мясокомбината в г. Энгельсе, вопрос о целесообразности его создания будировался в течение всего 1933 года. Главк "Союзмясо" серьёзно ставил вопрос о консервации начавшегося строительства, однако большими усилиями всё же удалось эту стройку для Немреспублики сохранить²¹.

Начавшееся в 1932 г. строительство Гуссенбахского консервного завода в самом начале 1933 г. было приостановлено в связи с невыделением средств на его дальнейшее строительство. Пришлось обращаться к самому Наркому снабжения СССР А. Микояну, чтобы добиться дальнейших работ на этой стройке. К концу года основные производственные мощности завода были введены в строй²².

Лишь в мае 1934 г. был утверждён план второго пятилетия развития народного хозяйства Немреспублики, в соответствие с которым капиталовложения в промышленность планировались в объёме 259,6 млн. руб. - значительно больше, чем было вложено в первой пятилетке. По отраслям промышленности средства распределялись следующим образом: в металлообработку - 38,1 млн. руб., в химическую и лесную промышленность - 38,6 млн. руб., в текстильную - 93,8 млн. руб., в коже-обувную - 18,0 млн. руб., в полиграфическую - 4,4 млн. руб., в промышленность Наркомата снабжения - 53,3 млн. руб., на строительство электростанций - 13 млн. руб. Капитальные затраты в промысловую кооперацию намечались в размере 5,2 млн. руб., в том числе: Немкустпромсоюзу - 1,4 млн. руб., Птицепромсоюзу - 0,9 млн. руб., Текстильпромсоюзу - 2,5 млн. руб., Леспромсоюзу - 0,4 млн. руб.²³

В 1933 г. началось строительство в Энгельсе завода по капитальному ремонту тракторных двигателей. К концу года первая очередь завода была сдана в эксплуатацию. Строительство этого завода было большим подспорьем для сельского хозяйства Немреспублики, поскольку позволяло значительно сократить время и затраты, повысить качество ремонта тракторного парка²⁴.

В том же году рабочие различных профессий АССР НП включились в строительство левобережных объектов железнодорожного моста Саратов -

Энгельс через Волгу. По всей Немреспублике шёл набор и вербовка специалистов на эту стройку. Мост был пущен в эксплуатацию в 1935 году²⁵.

В 1933 г. была построена и введена в строй новая табачная фабрика, в основном завершилась реконструкция завода "Коммунист" в Маркштадте²⁶.

В целом за 1933 г. работа промышленности была оценена партийно-советским руководством как неудовлетворительная, поскольку по всем отраслям промышленности план не был выполнен. Вся государственная промышленность за год своей работы смогла выполнить план только на 58%. На ряде предприятий процент выполнения плана был ещё ниже (фабрика "Фортшрит" - 40,7%, фабрика им. К. Цеткин - 39,9%, лесозаводы в Зельмане - 12,8%, в Шиллинге - 29,3% и т.п.). Продолжала расти себестоимость производства (в лёгкой промышленности она возросла на 28%). Причины такого положения дел руководители республики видели в плохом освоении техники, безграмотной её эксплуатации, что вело к частым поломкам и массовому браку продукции, в низкой организации труда и управлении производством, в перебоях финансирования, обеспечения сырьём и электроэнергией²⁷.

В последующие годы отмеченные нами тенденции в развитии промышленного производства АССР НП в основном сохранялись. По-прежнему не выполнялись составлявшие волонтаристски планы как по количественным, так и по качественным показателям, по-прежнему развитие шло главным образом за счёт экстенсивных факторов, отмечались низкая организация труда, производственная дисциплина, перебои в снабжении, высокий процент брака и т. п.²⁸ Тем не менее, к концу 1937 г. (завершающего года второй пятилетки) индустриальное лицо Немреспублики существенно изменилось. Гуссенбахский консервный завод вырабатывал до 21 млн. условных банок консервов. Был введён в строй сыроваренный завод в Визенмиллере производственной мощностью 125 т масла и 290 т сыра в год. Новая махорочная фабрика в Маркштадте производила в год 350 тыс. условных ящиков махорки. В Энгельсе был построен кирпично-черепичный завод дававший 20 млн. штук кирпича и 3,5 млн. штук черепицы в год. В Бальцере начали функционировать новая трикотажная фабрика, изготавливавшая до 5,6 млн. штук трикотажных изделий в год, и ткацкая фабрика (30 млн. м ткани в год). Новый костеперерабатывающий завод в Энгельсе производил 3,2 тыс. т сухого и 800 т жидкого клея. В столице Немреспублики начали функционировать новый хлебозавод производительностью 35,6 т хлеба в сутки и типография²⁹.

Крупнейшим объектом строительства Немреспублики оставался Энгельсский мясокомбинат. Несмотря на то, что его строительство ещё не бы-

ло завершено, он уже начал производить продукцию. Небольшой чугунолитейный завод "Рекорд" в с. Гримм был реконструирован в станкостроительный завод. В г. Бальцер кустарная мастерская была переоборудована в ремонтно-механический завод "Арбайтер". Значительному расширению и реконструкции подверглись ранее существовавшие предприятия по производству хлопчатобумажных тканей и трикотажных изделий³⁰.

Естественно, что увеличение числа предприятий, их мощности и производительности вели к увеличению темпов роста промышленного производства, что стало особенно заметным в 1935—1937 гг. (табл. 3).

Таблица 3. Рост стоимости общего объёма валовой продукции промышленности АССР НП в 1935—1937 гг., тыс. руб.³¹

Виды промышленности	1935	1936	1937
Промышленность союзного подчинения	22207,3	31147,8	31434,6
Промышленность местного подчинения	44202,6	57275,7	93103,9
Промкооперация	24473,2	29726,0	37715,8
Прочая промышленность	2362,4	3369,6	4867,8
Всего	93245,5	121519,1	167122,1

К концу второй пятилетки по сравнению с 1932 г. стоимость общего объёма валовой продукции, произведённой промышленностью АССР НП, выросла в 3 раза (с 55 млн. до 167 млн. руб.), по сравнению с 1928 г. показатель стоимости вырос в 6 раз. Выпуск продукции промышленности в последние годы второй пятилетки показан в табл. 4.

Таблица 4. Выработка основных изделий государственной промышленностью АССР НП в 1935—1937 гг. (в натуральном выражении)³²

Вид продукции	1935	1936	1937
Стационарные двигатели, кол-во/ суммарная мощность, л. с.	1547/25905	1691/32757	1375/26122
Токарные станки, шт.	—	—	50
Пряжа готовая, т	2183,9	2218,4	2514,6
Ткань готовая, тыс. м	13456,0	16899,0	18941,0
Трикотажно-бельевые изделия, тыс. шт.	2738,3	3376,0	4035,0
Мяса и колбасные изделия, тыс. т	3,3	4,8	5,5
Махорка курительная, тыс. ящ.	179,2	308,0	333,6
Масло сливочное, т	714,1	734,1	743,6
Сыр, т.	600,3	842,8	870,2
Консервы, тыс. усл. банок	1364	2302	—
Пиломатериалы, тыс. м	117,1	206,2	381,0
Известь, тыс. т	2,0	3,3	3,8
Кирпич, млн шт.	9,4	17,2	38,3

По мере реализации планов индустриализации Немреспублики развитие её промышленности всё больше и больше тормозилось слаборазвитой энергетической базой, прежде всего - электроэнергетикой. В 1937 г. общая потребность электроэнергии по республике выражалась в сумме 33,0 млн кВт/ч. Собственными электроустановками в тот же год было выработано всего 1,56 млн кВт/ч или 4,7% потребного количества электроэнергии. Вся остальная потребность (95,3%) покрывалась электроэнергией Саратовэнергокомбината. Следует отметить, что электроэнергия из Саратова подавалась с частыми перебоями, поэтому практически на всех крупных предприятиях АССР НП имели место большие простои оборудования и, как следствие, срыв выполнения планов. Например, в 1937 г. фабрики лёгкой промышленности АССР НП получили лишь 40 – 50% потребного количества электроэнергии. Соответственно простои оборудования на этих фабриках заняли 23 – 35% рабочего времени. Отсюда и выполнение плана лёгкой промышленностью АССР НП в 1937 г. составило 74,7%³³. Аналогичная ситуация складывалась и во многих других отраслях промышленности.

К концу 1937 г. ахиллесовой пятой индустрии АССР НП по-прежнему являлись её качественные показатели. План по росту производительности труда из предприятий союзного значения выполнили только Энгельсский мясокомбинат и махорочная фабрика в Маркштадте. Перевыполнили данный план на 30,8% предприятия Наркомпищепрома. Все остальные предприятия Немреспублики с этой задачей не справились. План по снижению себестоимости продукции в 1937 г. выполнили та же махорочная фабрика и Гуссенбахский консервный завод.

Не выполнялся и план по качеству. Так, фабрика им. К. Либкнехта вместо 95% первого сорта ткани выпустила только 62,9%. Черепичный завод вместо 60% первосортной черепицы произвёл 10%. Из-за технологических недостатков выпускавшиеся энгельсским ремонтно-механическим заводом двигатели номинальной мощностью 10 л. с. фактически имели мощность 6 л. с. и, кроме того, двух-трёхкратный перерасход топлива против нормы. Из всей продукции Немсыртреста, выпущенной в 1937 г., было забраковано 6,2% сыра и 16% масла. Убытки от брака на заводе "Коммунист" в том же году составили 581 тыс. рублей³⁴.

Мало что изменилось в условиях жизни и труда рабочих. Средняя заработная плата в 1937 г. в промышленности составила 128 руб. в месяц. Несмотря на то, что имел место определённый её рост в годы второй пятилетки, инфляция практически свела его на нет. Кроме того, нередкими были случаи задержки в выплате зарплаты рабочим. Именно по этой причине, а также из-за тяжёлых условий труда и формально-бюрократического от-

ношения администрации к нуждам рабочих, в октябре 1937 г. на заводе "Коммунист" вспыхнула стихийная забастовка части персонала. Забастовка вызвала большой переполох в руководстве Немреспублики, ей было посвящено специальное заседание бюро обкома 19 октября. Крепко досталось Маркштадтскому канткому ВКП(б), дирекции и парткому завода за "политическую беспечность". Забастовка была расценена как "вредительский акт", её участники – репрессированы³⁵.

В том же месяце новое руководство АССР НП (Я. Попок, В. Далингер) направило в ЦК ВКП(б) ряд донесений о причинах "неудовлетворительной" работы промышленности Немреспублики. В донесениях плохая работа предприятий объяснялась вредительством, которое якобы проводило прежнее руководство Немреспублики. Однако подлинными причинами сбоев в промышленности, как видно даже из беглого анализа донесений, были просчёты и ошибки в проектировании новых предприятий, скудность выделявшихся Центром средств на развитие промышленности АССР НП, изношенность станков и оборудования, отсутствие запасных частей, низкий профессионализм рабочих и инженерно-технического персонала, полное пренебрежение к вопросам жизни и быта рабочих.

К примеру, при возведении мясокомбината в 14 км от г. Энгельса совершенно не уделялось внимания строительству жилья. В результате возникли серьёзные проблемы с рабочей силой. В целом промышленность АССР НП план 1937 г. выполнила лишь на 80%³⁶.

В годы первой пятилетки в Немреспублике практически не уделялось никакого внимания развитию транспорта. Основными транспортными артериями оставались река Волга и железнодорожные линии, выстроенные ещё в дореволюционный период. Среднегодовой объём грузооборота по железной дороге в 1929-1932 гг. составлял 800 тыс. т., по водным путям – около 300 тыс. т.³⁷ Однако к Волге и железным дорогам примыкало менее половины кантонов, следовательно, для большинства кантонов единственным видом путей сообщения являлись автогужевые дороги. Тем не менее, и их развитием и благоустройством в первой пятилетке никто не занимался. К 1933 г. 96,6% всех безрельсовых трасс Немреспублики представляли собой совершенно неблагоустроенные, накатанные в основном гужевым транспортом, так называемые "полевые" дороги, которые становились непроходимыми после дождей и постоянно меняли своё положение на местности.

Во второй пятилетке развитию транспорта начали уделять некоторое внимание. Большое экономическое значение для Республики немцев Поволжья имело введение в строй в 1935 г. железнодорожного моста через

Волгу. Мост связал Немреспублику прямыми рельсовыми путями с магистралями Правобережья, расходящимися от Саратова в трёх направлениях: на Москву, Куйбышев и Ростов-на-Дону, что сразу же привело к увеличению грузооборота. В 1937 г. он превысил 1 млн. т. За годы второй пятилетки увеличился и грузооборот водного транспорта, составив к 1938 г. 386 тыс. т.³⁸

С 1933 г. началось строительство автогужевых дорог, которое заключалось, главным образом, в их профилировании и некотором благоустройстве. К началу 3-й пятилетки профилированные грунтовые дороги составили четвертую часть всей автогужевой дорожной сети. Гравийных, щебёночных, булыжных дорог за это время было построено всего 31 км (0.6%)³⁹.

С 1937 г. в Немреспублике появился новый вид транспорта – авиационный. В июне открылась первая регулярная почтово-пассажирская авиалиния: Саратов – Энгельс – Мариенталь – Гнаденфлюр – Мокроус – Красный Кут – Фридинфельд – Гмелинка – Палласовка – Старая Полтавка – Добринка – Обердорф – Гуссенбах – Гримм – Бальцер – Золотое – Энгельс – Саратов⁴⁰.

В целом в годы двух первых пятилеток транспортная система АССР НП, как видим, не получила должного развития, что порождало всё более серьёзные проблемы в экономике, других сферах общественной жизни.

В 1929 – 1937 гг. все кантонные центры получили телефонную и телеграфную связь со столицей АССР НП – г. Энгельсом. Были также телефонизированы все сельсоветы и МТС. Стало функционировать свыше 100 почтовых отделений связи, большинство из них имели телефонные или телеграфные средства связи. С 1933 г. на перевозке почты стал работать не только гужевой, но и автомобильный транспорт, с 1937 г. появилась авиапочта⁴¹.

Индустриальное развитие Немреспублики, несмотря на то, что осуществлялось главным образом в городах, мало меняло их облик. По-прежнему города имели вид захолустья и скорее напоминали большие сёла. Это можно проиллюстрировать на примере г. Энгельса – столицы АССР НП. В соответствии с решением союзного правительства и ЦК ВКП(б) об ирригации Заволжья на базе строительства Камышинской плотины и в связи с тем, что при её сооружении предполагалось затопление основной части города Энгельса, Совнарком РСФСР своим решением от 13 июля 1932 г. предложил Совнаркому АССР НП временно прекратить всё коммунальное строительство в городе за исключением водопровода.

Решение это приостановило всякое развитие г. Энгельса – политического и культурного центра АССР НП, так как капиталовложения на развитие города из года в год снижались. В результате коммунальное и жилищное хозяйство города крайне отстало как от общего роста всего народного хо-

зйства Немреспублики, так и от роста населения города, численность которого выросла с 16 тыс. в 1913 г. до 36 тыс. в 1926 г., 60 тыс. в 1935 г. и в 1937 г. составила 67 тыс. человек ⁴² (табл. 5).

Таблица 5. Выделение средств на жилищное и коммунальное строительство г. Энгельсе в 1930 - 1936 гг., тыс. руб.⁴³

Вид строительства	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936
Жилищное	1265	730,8	981,7	281,3	537,7	203,0	650,0
Коммунальное	626,0	1446,5	942,3	665,7	700,0	520,0	350,0

От идеи строительства Камышинской плотины отказались довольно быстро - к 1934 г., однако капиталовложений на жилищное и коммунальное хозяйство продолжали выделять всё меньше и меньше. Низкая обеспеченность жилой площадью рабочих и служащих (4,1 кв. м. в среднем на одного жителя в 1926 г. - 2,7 кв. м. в 1935 г.) вызывала текучесть кадров, и в особенности высококвалифицированных специалистов всех отраслей хозяйства и культуры.

Серьёзные проблемы были с размещением правительственных органов и учреждений. Так, ЦИК и Совнарком размещались в двух зданиях, Наркомзём - в трёх и т. п. Здания эти были небольшими, непригодными для размещения государственных учреждений. Из-за тяжёлых жилищных условий значительная часть руководящих работников и специалистов республиканских учреждений вынуждены были жить в г. Саратове.

Не лучше обстояли дела и с коммунальным хозяйством. Из-за мизерного выделения средств строительство водопровода в г. Энгельсе растянулось на две пятилетки. В 1936 г. на 111 км улиц города протяжённость водопровода составляла всего лишь 10,5 км. Отсутствовала канализация. Расположенный на низком заболоченном месте, Энгельс каждую весну и осень утопал в грязи, так как мощёных улиц и тротуаров было очень мало. С 1934 г. в г. Энгельсе появился общественный транспорт: начали курсировать пять автобусов. В 1937 г. их стало 10⁴⁴.

Если в таком бедственном положении находилась столица АССР НП - г. Энгельс, то о двух других городах Немреспублики - Маркштадте и Бальцере - вообще говорить не приходилось. Достаточно лишь отметить, что в них полностью отсутствовали водопровод, канализация, твёрдое покрытие улиц, общественный транспорт, практически не велось строительство государственного жилья. Аналогичная ситуация имела место и в рабочих посёлках Красный Текстильщик, Зельман, Красный Кут и др.

Неразрешённость вопросов городского хозяйства, жизни и быта горожан, наряду с другими проблемами, к концу второй пятилетки существенно

усилила социальную напряжённость в городах, привела к росту таких негативных явлений как уже упоминавшаяся текучесть рабочей силы на предприятиях, нарушения общественного порядка, уголовные преступления. Вот почему к концу второй пятилетки к руководителям Республики немцев Поволжья пришло вполне чёткое осознание того, что "вопросы дальнейшего подъёма и развития коммунального хозяйства приобретают для Немреспублики исключительную актуальность и значение"⁴⁵.

Таким образом, проводившаяся в годы двух первых пятилеток индустриализация Республики немцев Поволжья, несмотря на всю свою ограниченность и непоследовательный характер, привела всё же к определённой скорости промышленного производства. Однако это не смогло существенно улучшить условия жизни рабочих, всех жителей немногочисленных городов и рабочих посёлков АССР НП.

Примечания

- ¹ См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее - ЦДНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1669. Л. 290.
- ² См.: Там же. Д. 1679. Л. 59—63.
- ³ См.: Там же. Д. 1686. Л. 14; Д. 1804. Л. 44—45.
- ⁴ Там же. Д. 1782. Л. 57.
- ⁵ См.: Там же. Д. 1673. Л. 103, 160, 224, 225; Д. 1709. Л. 17—18.
- ⁶ Там же. Д. 1733. Л. 127.
- ⁷ См.: Там же. Л. 127—128.
- ⁸ См.: Там же. Д. 2226. Л. 257.
- ⁹ См.: Там же. Д. 1782. Л. 17.
- ¹⁰ См.: Там же. Л. 58.
- ¹¹ См.: Там же. Л. 59.
- ¹² См.: Там же. Л. 18.
- ¹³ См.: Там же. Д. 1894а. Л. 3; Д. 1916а. Л. 46; Д. 1930. Л. 46.
- ¹⁴ См.: Там же. Д. 1986. Л. 4.
- ¹⁵ См.: Там же.
- ¹⁶ См.: Там же. Л. 7.
- ¹⁷ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1986. Л. 13.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Д. 1915. Л. 8.
- ²⁰ См.: Там же. Д. 1869. Л. 78об, 95, 126.
- ²¹ См.: Там же. Л. 198об.; Д. 1972е. Л. 521об.
- ²² См.: Там же. Д. 1989. Л. 74, 157; Д. 2137. Л. 47.
- ²³ См.: Там же. Д. 2154а. Л. 56; Д. 3139. Л. 1-8.
- ²⁴ См.: Там же. Д. 1990. Л. 126.
- ²⁵ См.: Там же. Д. 1991. Л. 74.
- ²⁶ См.: Там же. Д. 2137. Л. 47.
- ²⁷ См.: Там же. Л. 51.
- ²⁸ См.: Там же. Д. 3809. Л. 6, 7, 8.

- ²⁹ См.: Там же. Д. 4753. Л. 17.
³⁰ См.: Там же. Д. 4753. Л. 17.
³¹ См.: Там же. Д. 3420. Л. 211; Д. 3809, Л. 2, 3-4.
³² См.: Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (далее – ЭФГАСО). Ф. 998. Оп. 1. Д. 393. Л. 1, 5, 67, 83; Д. 403. Л. 1, 5; ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3420. Л. 211; Д. 4753. Л. 55.
³³ См.: ЭФГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3809. Л. 5, 7, 17.
³⁴ См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3809. Л. 7.
³⁵ См.: Там же. Д. 3076. Л. 13.
³⁶ См.: Там же. Д. 3378. Л. 145-149; Д. 3426. Л. 1-3; Д. 3417. Л. 117-120.
³⁷ См.: Там же. Д. 4753. Л. 34.
³⁸ См.: Там же. Л. 33, 34.
³⁹ См.: Там же. Л. 34, 35.
⁴⁰ См.: Там же. Д. 3350. Л. 185об.
⁴¹ См.: Там же. Д. 4753. Л. 35, 36.
⁴² См.: Там же. Д. 2353. Л. 94; Д. 3422. Л. 7.
⁴³ См.: Там же. Д. 2353. Л. 95, 96.
⁴⁴ См.: Там же. Л. 95, 96; Д. 4753. Л. 44.
⁴⁵ Там же. Д. 4753. Л. 45.

О. Мазина

ФЕНОМЕН “ВРЕДИТЕЛЬСТВА” В ЭКОНОМИКЕ АССР НП В 1930-Е ГГ.

Проблема репрессий сталинского времени, их глубокого и всестороннего анализа очень остро стоит в современной исторической науке. Изучение этой тематики всегда актуально, так как нет ни одной нации или народности Советского Союза, не ощутившей на себе всю тяжесть беззакония сталинизма, и поволжские немцы не стали исключением. Вся недолгая история АССР НП – это череда актов репрессивной политики, различного рода “кампаний борьбы” с так называемым “врагом”. Безусловно, изучение репрессий, проводившихся в немецкой автономии актуально, ведь до сих пор не проведено широкого структурного анализа, посвященного именно этой проблеме.

В данной статье предпринята попытка осветить, на примере АССР НП, одно из страшных проявлений репрессивной политики сталинизма, а именно, так называемый феномен экономического “вредительства”. Изучая фактический материал немецкой автономии, необходимо разобраться: а случайно ли возникла столь масштабная борьба с “вредителями” в народном хозяйстве?

Советская экономика конца 1920-х – 30-х гг. уникальна тем, что она являет собой экономическую политику тоталитаризма, уже вступившего в стадию зрелости. На этой стадии государственный контроль над всеми областями общественной жизни должен быть абсолютным. Сталинская система имела идеал – это общество, состоящее из совершенно одинаковых, лишенных индивидуальных черт “людей-винтиков”, абсолютный контроль в экономике способствовал созданию такого общества. Тоталитарное государство стало единственным работодателем. Чтобы заработать себе на хлеб, человек должен был подчиняться правилам, диктуемым системой. Экономика становилась сверхцентрализованной, плановой, рыночная система канула в лету. Варварская коллективизация и форсированная индустриализация фактически позволили создать разветвленную систему принудительного, по сути рабского труда. Такой грандиозный переворот в экономической системе, восхваляемое пропагандой социалистическое строительство на деле оборачивались падением уровня жизни, возникновением все новых и новых экономических трудностей.

Общество находилось в постоянном напряжении, поэтому, чтобы оправдать себя, сталинской системе нужна была своего рода “разрядка”. С этой це-

лю и развернулась борьба с многочисленными "вредителями" народного хозяйства. Внутренний враг – "вредитель" – вот главный виновник плохого экономического положения, вот кто мешает построению светлого будущего, и, вот, на кого можно списать все грехи системы. Так, при изучении документов Немецкой республики неоднократно встречаются буквально kloпочущие ненавистью высказывания следующего характера: "Шпионо-вредительская свора и ее подручные всюду на важнейших участках социалистического строительства распустили свои вредительские гнезда"¹. Или: "Презренные изменники родины вели дело к тому, чтобы омертвлять капвложения, срывать ремонт. Устраивать аварии, портить сырье, продукцию..."².

Феномен "вредительства" проявился в самых разных отраслях народного хозяйства АССР НП. Рассматривая ниже конкретные примеры проявления так называемого "вредительства", необходимо сразу же проанализировать реальное положение дел, выявить объективные причины сложившейся ситуации.

Основной отраслью экономики республики Немцев Поволжья в 30-е гг. было сельское хозяйство. Поэтому не удивительно, что именно в сельском хозяйстве фигурирует большое количество дел о "вредительстве".

Начало 1930-х гг. знаменовалось проведением так называемой "кампании борьбы с вредительскими хищениями социалистической собственности". В частности, в Немецкой Автономии широко развернулась кампания борьбы с хищениями хлеба. В разного рода спецводках неоднократно повторялось, что случаи массового хищения зерна участились³. А вот типичные примеры таких "вредительских актов":

"11/8-1933 г. - Резка колосьев ("парикмахерство") имело место в очень многих сёлах, почти во всех кантонах Немреспублики, причем ещё в период созревания, налива колоса, до его спелости... В массовом масштабе это явление имело место в селе Н/Колония Зельманского кантона, где резку одновременно производили десятки колхозников"⁴.

"Палласовская МТС.

16/7. 34 г. колхозница бригады № 4 Юнг Мария нарезала около 3-х кг колосьев пшеницы, 14/7. 34 г. колхозницы той же бригады Флигат Екатерина и Нусс Ал-дра нарезала каждая около 3-х кило.

Романовская МТС.

По ряду колхозов отмечено хищение колосьев, причем для хищения колосьев посылаются дети"⁵.

Это лишь некоторые примеры такого рода дел. Особенностью кампании борьбы с расхитителями зерна в АССР НП являлась ее массовость, которая объяснялась страшным голодом 1932-33 гг. Показательными являются све-

дения уполномоченного оперативного отдела РНП о социальном составе репрессированных на 20 июля 1933 г., из 410 чел. репрессированных, 404 чел. составляют крестьяне и только 6 чел. – уголовники-профессионалы⁶. Численность привлеченных по закону от 7 авг. 1932г. "О хищении социалистической собственности" действительно велика. С момента принятия закона с августа по декабрь 1932 г. было осуждено 474 чел.⁷; 1934 г. – 3372 чел.; 1935 г. – 1236 чел.⁸ Реальное положение дел в деревне вынуждало идти на "вредительские" хищения. Немецкий крестьянин (как и любой другой в стране), лишившийся своего хозяйства, обнищавший, голодающий, имел теперь лишь одну цель – выжить. Страх перед голодом, необходимость кормить детей вынуждали многих идти на хищения хлеба, вот почему категория "вредителей" – расхитителей столь велика.

Сталинская система провоцировала так называемые "вредительские хищения" в деревне, об этом свидетельствует следующий факт: "Прежде чем приступить к распределению дохода между членами, колхоз должен обеспечить производственные и административно-управленческие расходы, покрыть свои обязательства перед государством, как по линии сельскохозяйственного налога и кредитования, так и по линии хлебозаготовок, возврата семенной ссуды и т. п., а также создать общественные фонды накопления для расширенного производства"⁹. В реальности это означало, что "колхоз не имел права на гарантированную оплату труда колхозников (а фактически даже на авансирование до окончания года) и не имел права на государственные дотации"¹⁰. В результате люди вырастившие хлеб, хлеба не имели. Циничная политика предполагала, что сельское население должно было быть на самообеспечении. Но в условиях отсутствия частной собственности, не имея возможности самостоятельно распоряжаться плодами своего труда, когда все колхозное неприкосновенно, такое самообеспечение было невозможно. Поэтому массовое "вредительское" хищение зерна – факт закономерный.

"Вредительство" в сельском хозяйстве было очень разнообразным. В архивах имеется масса дел о вредительском севе, например: "В колхозе "Нацмен" Гнаденфлюрского кантона на семена употребили пшеницу 2-го сорта, имевшую только до 80% всхожести. Это не что иное, как вредительские действия классового врага, орудовавшего в течение ряда лет в колхозе"¹¹. Не трудно догадаться, что на самом деле – это вовсе не "вредительский акт", а элементарное отсутствие качественных семян.

Распространенными были и дела о "вредительстве" в животноводстве. В колхозе с. Гнаденфельд Экгеймского кантона вследствие вредительского отношения к скоту таковой находится в плохом состоянии. В МТФ коровы истощены. В течение зимы им давалась только одна треть нормы соло-

мы, а мякина использовалась на топливо"¹². Слабая кормовая база, скверные условия размещения скота, неграмотное его обслуживание просто ссылались на "вредительство".

Встречаются дела об "умышленной порче сельскохозяйственной техники", например, комбайнер Дехерт Р.П. совершил "вредительский акт", он во время чистки ножей у хедера комбайна оставил ключ, который во время работы по полотну комбайна, попал в барабан и сломал несколько зубьев и одну дэку¹³. Директор Калдинской МТС Старо-Полтавского кантона Шпак П.Н. проводил контрреволюционную вредительскую работу, в частности, с ведома Шпак, были куплены на ремонт комбайнов запасные части на сумму 4000 руб., которые совершенно не были нужны¹⁴. Заведующий хозяйством колхоза № 2 с. Мариенталь – Гербер П.П. вредительски произвел смешивание бензина с керосином, в силу чего работа тракторов приостановилась¹⁵. Из этих дел видно, что элементарная халатность, некомпетентность, нелепые случайности становились поводом для обвинения во "вредительстве".

Феномен "вредительства" в сельском хозяйстве – яркий показатель социальной политики тоталитарного государства. Обвинения во "вредительстве" умело использовались для избавления от "социально-чуждых элементов". Такими элементами в деревне были кулаки, для пропаганды они играли особую роль – создавали образ внутреннего врага, крестьяне не должны были думать о хозяйственных проблемах, необходимо бороться с врагом. А кто главный "враг" в деревне? Конечно, кулак. Так, "в совхозе № 595 Зельманского кантона, бригадир Флего и учетчик Боот – кулаки, пытались вести вредительский сев, разложить бригаду"¹⁶. Газета Иловатского кантона "Ударник" заявляла, что "рваческие стремления, воровство колхозного хлеба отдельной отсталой частью колхозников" является не чем иным, как "продуктом работы остатков кулачества"¹⁷. Сложившаяся система провоцировала "классовую борьбу", снимая с себя ответственность за бедственное положение деревни.

В промышленности, как и в сельском хозяйстве, так называемое "вредительство" играло роль громоотвода. Им искусно прикрывали плохую работу предприятий. Даже при беглом анализе документов становятся явными подлинные причины сбоев в промышленности – это просчеты и ошибки в проектировании новых предприятий, скудность выделявшихся Центром средств, изношенность станков и оборудования, отсутствие запасных частей, низкий профессионализм рабочих и инженерно-технического персонала, полное пренебрежение к вопросам жизни и быта рабочих¹⁸. В подтверждение этому приведем конкретные факты:

В текстильной промышленности на фабрике им. К. Либкнехта появление брака объясняли тем, что "вредители" с целью ухудшения качества

продукции "ухудшали окраску пряжи и тканей"¹⁹. В этом же донесении распознается реальное положение вещей, так как ниже указано следующее: "В настоящее время введены прочные красители и увеличен выпуск рисунков разного ассортимента"²⁰.

Невыполнение изначально завышенных планов объяснялось происками "вредителей". Например: "Система Немлеспромсоюза выполнила свой производственный план за 1937 год только на 80% (по финансовому плану по приходу 79,8%, по расходу на 75,4%), с 1-го января 1937 г. по 1-ое января 1938 г. план выполнен на 68,5%. С 1-го января 1938г. по 1-ое мая с. г. план выполнен по производству – 79,6%, по финплану за 1-кв. по приходу на 15% по расходу на 63,3%.

Такое позорное выполнение плана за 1937 г., в особенности за 2-ую половину полугодия, объясняется тем, что в системе долгое время орудовали враги народа..."²¹.

А в этом деле поражает количество предъявленных обвинений к руководству завода "Коммунист", которое комиссия Обкома ВКП(б) назвала шайкой контрреволюционеров вредителей, троцкистов и фашистов. Неэффективная работа завода приписывалась исключительно к "вредительским" действиям этой группы, в частности им вменялось в вину следующее:

- 1) Срыв производственных заданий завода;
- 2) Срыв выпуска высококачественной продукции;
- 3) Порча продукции и полуфабрикатов;
- 4) Порча оборудования завода;
- 5) Грубейший зажим критики и самокритики..."²².

Миф о наводненности промышленности республики (как и всей страны) многочисленными "вредителями" должен был компенсировать рабочим низкую заработную плату, отсутствие материального стимула, плохие бытовые условия. Он нужен был для того, чтобы отвлечь население от беспросвета царившего в реальности.

Исследуя феномен "вредительства", необходимо заострить внимание на стахановском движении. Думается, что идеологически "вредительство" противопоставлялось стахановцам. Карательными мерами можно выявить "вредителей", но нельзя хорошо организовать производство, подготовить квалифицированных специалистов. Именно иллюзию порядка и благополучия в народном хозяйстве и должно было создать в массовом сознании людей стахановское движение. В Немреспублике усилились призывы: "создать условия для развития стахановского движения – значит дать решительный отпор остаткам классово-враждебных элементов, пытающихся всякими путями сорвать дело дальнейшего подъема производительности

труда на наших предприятиях, в наших колхозах, совхозах, МТС...²³. Получалась уродливая крайность с одной стороны – злостные “вредители”, мешающие социалистическому строительству, а с другой стороны – передовая армия стахановцев, ставивших все новые и новые рекорды. При этом закрывали глаза на то, что рекорды эти ставили любой ценой, что часто оборудование после стахановцев портилось, приходило в негодность.

С психологической точки зрения интересно понять, как феномен “вредительства” отражался в сознании функционеров, людей занимавших высокие посты на производстве, в сельском хозяйстве. Образование этих людей в большинстве случаев было неудовлетворительным. Анализируя списки секретарей парткомов, партторгов фабрик, МТС, колхозов разных кантонов видно, что практически никто из них не имел специального образования, в основной своей массе эти люди имели низшее, в лучшем случае среднее школьное образование²⁴. В большинстве своем они были невежественны и ограниченны, нетерпимы ко всему сложному и непонятному, многие из них не знали мучительных сомнений и не были склонны к состраданию. Такие люди, находясь у власти, всегда пользовались простыми решениями. “Вредительство”, безусловно, можно отнести к таким простым решениям сложных проблем. Обвинение нижестоящих во “вредительстве” помогали прикрывать тем, кто стоял выше, свою собственную несостоятельность, некомпетентность, ошибки, это был прекрасный способ остаться у власти, построить карьеру на несчастьях других.

Партийные органы идеологически подготавливали исполнительные кадры для проведения нужной партии политики, например, существовали первоочередные темы, рекомендуемые для изучения на специальных курсах агитаторов. Предлагалось следующее:

1) Партия Ленина – Сталина – организатор и руководитель победы социализма;

2) Борьба за ликвидацию последствий вредительства в промышленности, на транспорте и в советской торговле;

3) Новый подъём производительности труда и развёртывание массового стахановского движения²⁵.

Кроме того, на функционеров большое психологическое давление оказывали многочисленные телеграммы и разнарядки, спущенные сверху, о заданном количестве “вредителей”, которых следует арестовать и о том, какие показательные процессы надо провести.

Террор и пропаганда, переплетаясь и усиливая друг друга, внушали тем, кто стоял у власти, чувство вины за недостаток бдительности, недостаток усердия в поимке “вредителей” и чувства страха за эту вину. Отсюда и са-

мокритичность партийного руководства, например, на собрании партийного актива Старо-Полтавской Кантпарторганизации, которое состоялось 3-го августа 1937 года, было заявлено, что только из-за преступной беспечности и безнадежной слепоты работников Немреспублики враги народа сумели длительное время проводить вредительскую работу²⁶.

Однако тоталитаризм беспощаден ко всем и ярлыка – “вредитель” многие негодные режиму партийцы не избежали. В списке исключенных из рядов ВКП(б) Обкомом и Горкомом ВКП(б) от 28.07.1937 г. по АССР НП значится 34 фамилии исключенных за “вредительство” в экономической сфере, причем к ним применен весьма широкий спектр обвинений. Это – “вредительство на строительстве”, “вредительский развал работы в торговле”, “вредительские действия в уборке, хлебосдаче, хранении зерна”, “за вредительскую работу на фабрике”, “за вредительский ремонт тракторов и комбайнов” и т.п.²⁷.

Феномен “вредительства” в экономике способствовал и окончательно оформлению у населения АССР НП, как и у населения всей страны, уже к середине 1930-х гг. психологии “осажденной крепости”, которая создавала в массовом сознании иллюзию угрозы построению светлого будущего, которое повсеместно насаждало миф о многочисленных “вредителях”, “врагах народа”, злостно подрывающих народное хозяйство. В условиях, когда повсюду якобы орудуют “враги-вредители”, создавалась ситуация массового психоза, приводившего к процветанию и поощрению в стране доноительства, достигшего в эти годы небывалого размаха.

Лозунг о том, что “активно бороться с врагами народа – священный долг каждого гражданина СССР”²⁸, в АССР НП очень хорошо поняли и со всем немецким педантизмом стали претворять в жизнь, и, как следствие, в архивных делах Немреспублики встречается большое количество доносов. Например, старший агроном Экгеймской МТС – Бейль А.Д. написал в 1937 г. в НКВД пространный донос на участкового агронома Май В.А., в котором рассказал о том, что Май В.А. – фашистский агент, член вредительской группы. Далее, идеологически обработанный Бейль А.Д., говорил о том, что, прочитав брошюры Р. Роуана “Разведка и контрразведка” и С. Уранова “Коварные приемы и методы работ иностранных разведок”, он распознал коварные действия и методы агронома Май В.А.²⁹ В перевернутом мире донос стал доблестью.

Феномен экономического “вредительства” послужил еще одной цели режима, он помогал сталинской системе воспитывать столь нужного ей “нового человека” – одностороннего, внушаемого, всецело доверяющего “единственно верной линии партии”, яро ненавидящего врагов. Таким требованиям, безусловно, отвечали дети, которых воспитывала уже советская система и которыми же она цинично пользовалась в своих целях. Атмосфе-

ра иступленного поиска "вредителей" порождала страшные явления. Инициативное партийное и комсомольское руководство Немреспублики поощряло, воспитывая так называемого "нового советского человека", детское доносительство. В АССР НП в середине 1930-х гг. организовали "пионерский контроль". Пионеры разоблачали "вредителей" в делах хищения зерна, контролировали состояние и упитанность колхозного скота и т.п.³⁰.

Анализ ситуации, сложившейся в народном хозяйстве АССР НП показывает, что феномен "вредительства" в экономике – своеобразный политический прием, использовавшийся сталинским режимом, своего рода компенсатор неэффективности бестоварной большевистской системы хозяйствования, всей расточительной экономической политики "большого рывка", проводившейся сталинским режимом в 1930-е гг.

Примечания

¹ Центр документации новейшей истории (далее – ЦДНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3371. Л. 215.

² Там же. Д. 3160. Л. 25.

³ См. Там же. Д. 2294е. Л. 94.

⁴ Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (далее – ЭФГАСО). Ф. 998. Оп. 2. Д. 85. Л. 109.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ См. Там же. Л. 119.

⁷ Герман А.А. Немецкая Автономия на Волге. Ч. 2. Саратов, 1994. С. 120.

⁸ См. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2749. Л. 55.

⁹ "Большевик" 1931. № 6. С. 78-79.

¹⁰ Колганов. А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М., 1990. С. 126.

¹¹ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2889. Л. 114.

¹² Там же. Д. 26616. Л. 315.

¹³ См. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2294е. Л. 59.

¹⁴ См. Там же. Д. 3371. Л. 185.

¹⁵ См. ЭФГАСО. Ф. 998. Оп. 2. Д. 122. Л. 33.

¹⁶ Там же. Д. 2531. Л. 79.

¹⁷ "Ударник" № 37. 20 июля 1932. С. 3.

¹⁸ См. Герман А.А. Указ. соч. С. 157.

¹⁹ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3161. Л. 55.

²⁰ Там же. Л. 55.

²¹ Там же. Д. 3160. Л. 50.

²² ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2890. Л. 235.

²³ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2709. Л. 141.

²⁴ См. Там же. Д. 2531. Л. 5, 16, 19.

²⁵ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3875. Л. 88-89.

²⁶ См. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2889. Л. 69.

²⁷ См. Там же. Д. 3376. Л. 3-21.

²⁸ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3371. Л. 214.

²⁹ См. Там же. Л. 218.

³⁰ См. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26616. Л. 25, 117. Д. 2294е. Л. 52, 79, 99.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Т. Трошина

“АРХАНГЕЛЬСКИЕ НЕМЦЫ”: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Среди многочисленных диаспор германоязычного населения на территории России особенным своеобразием выделялись так называемые “архангельские немцы” – и историей своего формирования, и своим вкладом в развитие севернорусской экономики, и влиянием, оказанным на складывание самобытной городской культуры Архангельска. Термин “архангельские немцы” – не официальный, он бытовал в устной традиции архангелогородцев, указывая на то, что это “наши”, “свои” немцы, немцы, которые являются частью традиционного городского населения Архангельска.

Формирование “архангельских немцев” неразрывно связано с историей самого города. Архангельский город-порт был построен в 1584 году – собственно, как транзитный пункт на пути Восток – Запад. Попытки западных европейцев найти северный путь в богатые страны Востока успехом не увенчались, и в течение полутора веков торговля осуществлялась по двинско-волжскому пути, важнейшим морским портом на котором стал Архангельск. Короткий навигационный период в Белом море и на Северной Двине вынуждал некоторых западных коммерсантов оставаться на зиму в Архангельске; для этого они арендовали добротные северные избы, устраивая их под привычные себе условия проживания.

Периодом расцвета Архангельска как порта мирового значения был XVII век; именно тогда сложилась Немецкая слобода – район города, расположенный рядом с Немецким Гостиным двором, вдоль реки Северная Двина, вверх, по направлению к морю. Северным путем для торговли с Востоком вынуждены были пользоваться купцы из молодых буржуазных государств; испанцы и португальцы продолжали пользоваться традиционными южными морями, не допуская туда, благодаря своему военно-морскому преимуществу, конкурентов-протестантов. В результате в Архангельске возникли преимущественно колонии из протестантских стран – голландская, немецкая, английская (хотя интерес к северной торговле проявляли и купцы из других стран Европы). Каждая западноевропейская колония имела в Архангельске собственную церковь. В XVIII веке, когда северный порт начал уступать свое значение Санкт-Петербургу, колония “архангельских немцев” резко сократилась. Прихожане реформаторской и лютеранской

церквей не в состоянии были содержать свои храмы, и в начале XIX века приходы объединились в единый реформаторско-евангелистский (церковь св. Екатерины). Служба в храме шла на немецком языке, и постепенно именно немецкий стал языком общения архангельских "иноземцев".

В конце XIX - начале XX вв. Архангельск оставлял у путешественников впечатление "немецкого города", поскольку именно немецкая речь была обычной на его улицах, особенно в центре: по словам журналиста Н. Лейкина, "добрая треть архангелогородцев - немцы"¹; и это при том, что собственно лиц протестантского вероисповедания в Архангельске тогда было не более 400 человек. Впрочем, к началу XX века стал обычным переход "архангельских немцев" не только в русское подданство, но и в православие; при этом культурно они не отрывались от своих корней, нередко в домашнем кругу или с близкими друзьями продолжая пользоваться немецким языком.

Кстати, отношение к Архангельску как "немецкому" городу было весьма распространенным в России: в период Первой мировой войны в переписке военных чиновников по поводу Архангельска нередко присутствовала мысль, что местному населению доверять нельзя, поскольку здесь "велико засилие немцев". Потомки первых переселенцев принимали русское подданство, что облегчало их участие в экономической жизни Российской империи (особенно с 1880-х годов), однако имел место и обратный процесс, особенно после введения всеобщей воинской повинности, когда молодые люди из "архангельских немцев" принимали подданство своей исторической родины, дабы избежать призыва, особенно во время войн. Различное подданство у членов одной семьи сыграло трагическую роль в годы гражданской войны и интервенции (1918-1920 гг.), когда семьи оказались фактически разорваны: иностранные граждане, проживавшие в Архангельске, получили право на выезд из страны, а российские граждане, даже иностранного происхождения, вынуждены были остаться.

Во второй половине XIX века, в связи с экономическим кризисом, многие "иноземцы" покидают Архангельск - возвращаются за границу или открывают свои дела в других городах Империи. Небольшая колония, стремясь сохранить свою культуру и быт, еще более замыкается. Так, судя по документальным свидетельствам и семейным преданиям, не поощрялись браки с иноверцами; в конце концов, все местные "немцы" породнились друг с другом. В начале XX века численность "архангельских немцев" незначительно, но росла. Это было вызвано и общей социальной ситуацией в стране, когда постепенно стали рушиться сословные границы, и тем, что в Архангельске наметился экономический подъем. В результате в общину стали проникать выходцы из Прибалтики ("прибалтийские немцы") и жите-

ли Германии, искавшие счастья в далекой России. Немецкоязычным лицам было достаточно комфортно в Архангельске - здесь их родной язык был вполне привычным; существовал Немецкий клуб, где можно было забыть, что находишься в далекой России. Выходцы из Германии и Австрии даже не стремились сменить гражданство - в те годы это было не важно; случалось, люди жили в России десятилетиями, порой всю жизнь, продолжая оставаться подданными другого государства. Проблемы у таких горожан возникли лишь с началом войны 1914 года. Занятно, что для архангелогородцев было очень сложно создать "образ врага" из привычного и славного немца, несмотря на то, что противником России в этой войне стала Германия. В первый период войны многие уважаемые архангелогородцы, крупные чиновники и даже губернатор обращались в жандармское управление с просьбой не интернировать того или иного "немца"².

Свою идентичность "архангельским немцам" удавалось поддерживать не только языком, культурой, религией; в городе существовал Немецкий клуб (официально он именовался Коммерческим собранием, однако его посещали в основном немецкие предприниматели, поэтому в обиходе он стал "Немецким"); немецкий детский сад и "немецкое" лютеранское училище, в котором дети из "немецких" и некоторых русских семей получали начальное европейское образование; в этом также было отличие от русской культуры, в которой обеспеченные родители предпочитали давать детям домашнее воспитание и образование; появление в Архангельске "немецкого" училища - это не только дань европейской традиции, но и стремление родителей-немцев дать возможность своим детям научиться общаться в однородной среде. Стремление организовать свою жизнь на привычный, европейский манер, привело к тому, что "архангельские немцы" устроили даже собственный курорт с морскими купаниями - на побережье Белого моря, у селения Сюзьма; приглашенные специалисты установили, что содержание соли здесь даже выше, чем на знаменитых немецких водных курортах, что дало возможность экономным "архангельским немцам" не тратить на далекие путешествия. Курорт стремились сделать вполне цивилизованным, однако Мировая война сорвала эти планы: в 1915 году появилась анонимка, будто бы Сюзьма приспособлена под базу для немецких субмарин; несмотря на явную абсурдность подобного предположения, разбираться не стали, а курорт закрыли. Кстати, можно допустить, что именно немцы своим курортом подали пример русскому населению города, которое вместо поездок к деревенским родственникам стало выезжать "на дачи", а недалеко от Сюзьмы, в селении Ненокса, появился свой, русский "курорт" с чудодейственными грязями и целебными водами.

В XIX веке Немецкая слобода оказалась фактически центром города, став наиболее аристократическим его районом. Ее обитатели сменили свои коммерческие интересы и стали преимущественно заниматься производством. Их лесозаводы находились в Архангельском уезде и других уездах губернии, но семьи обычно проживали в городе; здесь же обычно были размещены и центральные офисы. Именно немцы-лесопромышленники, чтобы иметь быструю связь с заводами, стали устраивать телефонные линии на большие расстояния. Уже с конца XIX века на заводах широко использовалось электричество; стремясь принести это благо цивилизации и в свои дома, обитатели Немецкой слободы устроили собственную электростанцию задолго до появления городской. Обличитель "немецкого засилья" в экономике Архангельска И. Шергин не мог не констатировать вклад "капиталистов" в благоустройство города: "По Троицкому проспекту, центральной артерии города, сверкает электричество, тянутся версты на две дома – особняки местных лесных крезов... Это – Немецкая слобода, лучший уголок города: лесные тузы даже освещают слободу за свой счет электричеством..."³.

Архангельская Немецкая слобода была как бы "городом в городе", производя странное впечатление "заграницы" на любого приезжего: "Я попал на ту часть Троицкого проспекта, которая, вместе с пересекающими ее улицами, называется Немецкой слободой, – пишет в 1880-х гг. в своих "путевых очерках" В. Немирович-Данченко. – Деревянные домики, опрятные, с белыми занавесками и цветами на окнах, хорошо содержимые дворы, микроскопические садики – все это разом перенесло меня в один из тех маленьких, новеньких и чистеньких городков средней Германии, в которых живется так невозмутимо покойно и, в то же время, так невыразимо скучно..."⁴. Обустраивая новую "малую родину" на привычный лад, выходцы из Западной Европы вносили в свою повседневность и нечто непривычное, соотносясь с местными условиями. Дома "архангельских немцев" обычно были одноэтажными, нередко на цокольном этаже, деревянными (дерево лучше сохраняет тепло в холодном климате Северной России), отапливались печью, русской или голландской, однако в парадных комнатах был и камин. В начале XX в. появилась мода роскошно декорировать фасады домов деревянной резьбой, устраивать эркеры и балкончики-лоджии. Жилые помещения выстраивались обычно "анфиладой" с парадной "залой", и соединялись двухстворчатыми дверьми. Подобная организация пространства вскоре стала привычной у архангельских купцов, затем у горожан среднего достатка, а с 1920-х годов крестьяне окрестных деревень также стали строить свои дома "на городской, немецкий манер".

Усадьба обитателей Немецкой слободы состояла не только из жилого здания: здесь же находился флигель для прислуги, деревянные сараи и каменные, ледники. Постепенно такое же устройство усадьбы стало обычным для остальных горожан, в зависимости от их достатка. Так, нередко флигель использовался не для прислуги, а для сдачи квартир внаем.

Интересным явлением городской жизни Архангельска были оранжереи. Первые иностранцы, по воспоминаниям их потомков, очень страдали без привычных для европейцев зелени и овощей, им также трудно было отвыкнуть от традиции украшать свои жилища по праздникам живыми цветами. Первые оранжереи стали устраивать пасторы местной кирхи, обеспечивая своих прихожан круглый год зеленью. Позднее оранжереи стали обычным атрибутом "немецкой" усадьбы в Архангельске; кроме многочисленных устных свидетельств, мы имеем и "вещественное" – фотографию начала XX в., изображающую северную теплицу с растущим в ней виноградом. Жители Архангельска по-своему скопировали традицию выращивать цветы и фрукты: при каждом доме местные обыватели устраивали цветники и ягодные кустарники (что в целом для населения Русского Севера было нетипичным) и круглый год держали в домах цветы в горшках. В настоящее время эта традиция сохранилась у крестьян пригородных деревень.

Наиболее зажиточные "архангельские немцы" устраивали на своих усадьбах декоративные пруды, в которых плавали лебеди. Эта затея не осталась незамеченной; конечно, устраивать пруды или фонтаны мог себе позволить далеко не каждый, но вскоре канавы, которые вырывались для осушки болотистой местности в районах новой застройки города, стали облагораживаться, по ним плавали гуси и утки.

Следует особенно подчеркнуть то влияние, которое оказывало соседство архангелогородцев-русских с выходцами из Западной Европы на складывание своеобразной городской культуры Архангельска. Автор настоящего сообщения многие годы занималась сбором устных рассказов у старожилов города: традиции планировки и обстановки жилых домов; обычай украшать свои дома цветами, а также выращивать цветы, ягоды, фрукты за короткое северное лето на приусадебных участках; традиции устройства домашних праздников; использование приемов гигиены, вплоть до пользования пододеяльниками – все это, по записанным рассказам, копировалось с образа жизни "немцев". Именно при их домах появились первые теннисные корты, площадки для крикета, велосипедные треки, зимой – катки для любителей коньков. Вскоре редкий дом в Архангельске не имел пусть слабую, но копию подобных "немецких" развлечений. Еще в 1960-е годы в архангельских дворах были обязательные "игрушечные" домики, детские гор-

ки, катки. А традиция устраивать большие детские праздники исчезла лишь с 1970-х годов, когда пошли под снос старые особняки, а в новые квартиры уже нельзя было пригласить всю детвору со двора.

Судя по записанным рассказам, все эти особенности городского быта пришли в обиход горожан из среды "немцев", у которых было принято устраивать праздники с приглашением детей прислуги. Именно данная категория населения была "распространителем" этого образа жизни не только в городе, но и на селе. Так, в поморском селе Лопшеньга автором был собран материал о крестьянке, работавшей до замужества "у немцев", и на всю жизнь приобретшей привычку к поражавшей односельчан чистоплотности, культуре приема пищи, пользованию постельным бельем, к стремлению украшать свое жилье разнообразными вышитыми салфеточками, живыми цветами в горшках и так далее.

Справедливости ради следует сказать, что русское купечество Архангельска имело собственную культуру и, по крайней мере на раннем этапе становления архангельского общества, с подозрением относилось к "иностранцам", видя в них нежелательных конкурентов. Однако в XIX веке происходит рост населения города, в основном за счет выходцев из сельской местности, и новоселы легко перенимают формы "немецкого" быта.

От "архангельских немцев" горожане постепенно заимствовали и некоторые нормы жизни - это и участие в общественной жизни города, и благотворительность в форме сбора пожертвований через различные общества, "благотворительные базары", "благотворительные мероприятия" и проч., и клубные формы организации досуга. Подобные нормы были характерны и для русского общества XIX - начала XX вв., однако особенностью Архангельска является то, что "законодателями моды" здесь были именно местные немцы.

Резюмируя, можно сказать, что "архангельские немцы" были особой социокультурной реальностью в жизни города Архангельска. Их нельзя выделить в особый этнический комплекс; "архангельские немцы" - это потомки выходцев не только из немецких земель, но и других протестантских стран Западной Европы, а также приехавшие сюда "прибалтийские немцы".

Наличие иностранной фамилии отнюдь не было отличительной особенностью "архангельских немцев"; среди архангелогородцев было немало "немцев", которые в этот общественный слой не входили. "Архангельские немцы" - это прежде всего представители имущих классов, активно занимавшиеся общественной деятельностью и благотворительностью. Недаром у местных рабочих предпочтительным было работать "на немца", которые считались добрыми хозяевами. Сохраняя свою сословную и этническую за-

мкнутость, "архангельские немцы" вместе с тем явились распространителями элементов европейской культуры, которая органически привилась на севернорусской почве, придав Архангельску неповторимый колорит, и этот колорит продолжает здесь сохраняться, несмотря на все перипетии XX века.

Что касается собственно "архангельских немцев" и их культуры, то она испытала за последний век несколько существенных ударов. Первым было постепенное стирание сословных и национальных условностей, что повлекло их обрусение, наметившееся на рубеже XX века. Первая мировая война и германофобия ускорили этот процесс, более четко разграничив "архангельских" и собственно этнических немцев, как внешне, так и внутренне. Запрет на использование немецкого языка в общественных местах, закрытие Немецкого клуба в Архангельске также нанесли удар по культуре "архангельских немцев". Эмиграция в годы Гражданской войны разорвала традиционные связи и даже семейные узы. Вместе с тем, в период нэпа происходит реставрация некоторых форм повседневности: действует неофициальный детский сад, в котором детей обучают немецкому языку, восстанавливаются семейные и дружественные связи, в том числе и за границей. Некоторые эмигранты возвращаются в Архангельск как граждане других стран - в качестве иностранных специалистов и сотрудников совместных предприятий. В 1938 г. один из таких бывших горожан, норвежский консул Виклюнд был выдворен из страны, а его связи прослежены и по ним арестованы и приговорены по "шпионским статьям" многие представители "немецких" семей. После "дела Виклюнда" семейные и дружеские связи разрываются окончательно, с ними погибает многовековая традиция "архангельских немцев". Последним ударом по "немецкой культуре" можно считать генеральную застройку Архангельска, начавшуюся в 1970-х годах, когда стали сноситься деревянные особняки; с ними ушли в небытие последние материальные свидетельства прежнего образа жизни.

Примечания

¹ Лейкин Н.А. По Северу дикому. СПб, 1904. С. 127.

² Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2658.

³ Шергин И.А. В дебрях Севера. СПб, 1910. С. 28.

⁴ Немирович-Данченко В.И. Беломорье и Соловки. Киев, 1892. С. 91.

УЧАСТИЕ НЕМЦЕВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ)

Создание в 1839 г. Одесского общества истории и древностей явилось знаменательным событием в развитии исторической науки юга России. У его истоков стояли такие видные деятели нации, культуры, общественной и политической жизни Российского государства, как Д.И. Княжевич, М.С. Воронцов, Н.Н. Мурзакевич, Н.И. Надеждин, А.И. Левшин и др. Общество возникло не случайно. Выгодное расположение Одессы, находившейся в пределах древнегреческой цивилизации, насыщенная история и археологические памятники края, занимающие достойное место в мировой истории и культуре, интересовали как отечественных исследователей, так и европейцев и заставляли их обращаться к историческому прошлому Северного Причерноморья¹.

Поэтому цель общества была определена его Уставом как "всестороннее изучение истории и археологии вообще, а преимущественно южной России, т.е. Новороссийского края, Бессарабии, Крыма и восточного берега Черного моря"². Под "всесторонним изучением" подразумевалось: учет и охрана памятников истории и культуры, их исследование и описание, что зачастую было возможно только в полевых условиях, с проведением раскопок. Важным направлением в деятельности общества были публикации результатов исследований в специальных трудах – "Записках", которые, после присвоения в 1872 г. обществу звания "Императорского" (после назначения наследника престола, будущего императора Александра II, его "августейшим покровителем"), стали называться с IX по XXXII тома – "Записки Императорского Одесского общества истории и древностей". Материалы и статьи, опубликованные в 33 томах "Записок", до сих пор представляют интерес не только для изучения деятельности общества, историографии исследований, они зачастую являются единственным источником для воссоздания многих исторических событий и памятников материальной культуры³. На протяжении XIX - нач. XX вв. издательская деятельность общества (кроме "Записок" издавали каталоги, указатели, путеводители) способствовала установлению научных связей не только в России, но и с Западной Европой⁴.

Действительными членами общества избирались лица, посвящающие свои труды "какой-либо части наук истории и древностей" (это были археология, этнография, эпиграфика, нумизматика, геральдика, архивоведение, историческая география, статистика и т.д.), а равно известные своей полезной деятельностью любители и собиратели древностей, способствующие достижению целей общества"⁵. Поэтому членами общества были ученые, просто образованные люди, увлекшиеся возможностью поиска и непосредственного исследования памятников материальной культуры прошлого⁶. Все древности, согласно Высочайшему указу (1847), найденные на месте Херсонеса, Пантикапея, Ольвии, Тиры и т.д. и не поступившие в Санкт-Петербургские хранилища Эрмитажа, передавались в музей Общества⁷. Помимо Одесского музея, был еще и Феодосийский музей древностей (с 1850), Белгород-Днестровская и Судакская крепости (с 1865), Мелек-Чесменский курган⁸.

Новым витком в развитии исторической науки стало открытие Новороссийского университета (1865), где историческая тематика изучалась не только на исторических кафедрах, созданных при организации объединенного историко-филологического факультета, которых было 3 из 11 (русской истории, общей истории и церковной истории), а и на многих других (классической филологии, славяноведения, истории права, истории и теории искусства)⁹.

Профессора университета, в основном представители гуманитарных наук, стали организующим началом в деятельности Одесского общества истории и древностей. Многие из них плодотворно занимались археологией Северного Причерноморья – А.И. Маркович, Ф.И. Успенский, Н.П. Кондаков, среди них были и немцы, чья судьба оказалась связанной с Россией, – это Ф.К. Брун, П.В. Беккер, Э. фон Штерн.

Филипп Карлович Брун был избран действительным членом Общества, буквально с его основания, еще будучи профессором Ришельевского лицея. Именно к Бруну в 1865 г. попала на экспертизу находка немецкого колониста колонии Молочна Теодора Фогеля. Последний решил, что нашел на своей земле алмаз, т.к. камень резал стекло. Ф.К. Брун смог доказать, что это всего лишь осколок скелета рыбы меч (*xiphias gladius*)¹⁰.

Признание Ф.К. Бруна, как ученого, выразилось в поручении ему Петербургской археологической комиссией в 1866 г. проведения экспедиции по Геродотовой Скифии. Итоги проделанной работы были оценены комиссией и опубликованы. Сами материалы послужили основой для одного из его университетских спецкурсов¹¹. Большой вклад сделал Брун в средневековую историческую географию края. Он считался специалистом по морским

навигационным картам XIII-XVI вв. – портуланам, на которых помимо Средиземного моря было детально обозначено черноморское и азовское побережье южной России. Подборка портуланов, их факсимильных копий 18-19 вв. хранились в музее Одесского общества. Ф.К. Брун занимался их атрибуцией. Результаты исследования сообщал на заседаниях или публиковал в научных трудах Общества – в “Записках”¹².

Брун обратил внимание на то, что копировальщики компасных карт ошибочно указывали средневековые названия существовавших поселений. Он восстановил их правильное написание, пользуясь теми факсимиле, что Общество собрало для своего музея, и использовал это в своих лекциях по истории путешествий и морских открытий в Новороссийском университете¹³. В переписке с итальянским исследователем портуланов К. Десимони Брун также пытался разрешить спорные вопросы средневековой топографии¹⁴.

Перу Ф.К. Бруна принадлежит также редактирование исторической и археологической части перевода с первого Лейпцигского издания 1803 г. “Путешествия по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг.”, изданного в “Записках” Общества¹⁵. Научные поиски Ф.К. Бруна были обобщены в сборнике “Черноморье” (1879-1880), первая, прижизненная часть которого удостоилась Уваровской премии Петербургской Академии наук (1879)¹⁶.

В здании музея Общества был т.н. “Зал заседаний”, его стены были украшены портретами русских государей, полководцев, основателей и ученых деятелей Одесского общества истории и древностей. Среди них находился и портрет Ф.К. Бруна – “автора ценных работ по исторической географии южной России”¹⁷.

Вместе с Ф.К. Бруном начинал свою преподавательскую деятельность в Ришельевском лицее специалист по истории древнего Рима П.В. Беккер. Его научный интерес, как члена общества был сосредоточен на античной истории и археологии Причерноморья.

Он был из тех исследователей, которые пытались установить местоположение населенных пунктов от Ольвии до Тире – город Одесс или Ордес, Гавань истриан, Гавань исиаков, указанных еще Плинием, Птоломеем, Аррианом¹⁸. Однако недостаточность и противоречивость античных источников не давала тогда возможности их точной локализации, она до сих пор остается дискуссионной.

Результаты поисков, находок, предположений Беккер излагал в статьях, которые публиковались начиная с первого тома “Записок”. Например, “Тирас и Тириты”, “Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям”. Обе эти работы отразили полемику автора с

Ф.К. Бруном. Последняя из статей была удостоена почетного отзыва Академии наук¹⁹.

Судя по архивным материалам в Одесском обществе истории и древностей находились подборки надписей, древних текстов, которые члены или члены-корреспонденты общества, когда производили раскопки или обследовали древние поселения, копировали с надгробий, стелл, ворот, стен храмов и т.д. П.В. Беккер занимался изучением, расшифровкой этих надписей, о чем свидетельствуют его публикации: “О двух Ольвийских надписях”, “Изыяснение двух новонайденных надписей из Пантикапея”, “Новая коллекция надписей на ручках древних сосудов найденных в южной России”, “О надписях на ручках греческих амфор из собрания г. Суручана” и т.д.

Как и Брун, Беккер все свои статьи, которые публиковались в “Записках” общества, переводил на немецкий язык и отправлял в иностранные издания. Известны его публикации в Германии, в Лейпциге в 1856 г. В 1858 г. П.В. Беккер в звании заслуженного профессора уехал в Саксонию, но до конца своих дней оставался действительным членом Общества, куда был избран вместе с Ф.К. Бруном 5 ноября 1840 г.²⁰ За свой вклад в историческую географию и античную археологию Причерноморья они были признаны ученым миром при жизни, и их не забыли после смерти.

В 1889 г., когда Одесскому обществу истории и древностей исполнилось 50 лет, из разных уголков России, Европы приходили поздравления, телеграммы. Одна из них особенно примечательна – из Императорского Варшавского университета: “Приветствуя с пятидесятилетием плодотворной деятельности на поприще греко-славянской археологии и истории, присовокупляет пожелание, чтобы в среде его и впредь не оскудевали Бруны, Беккеры... для окончательного завоевания русского научно заветного Понта, с прилегающими к нему очагами образованности эллинской, мусульманской и восточнохристианской. Ректор университета Лавровский”²¹.

1890-е годы для Одесского общества истории и древностей и музея характерны началом совершенно нового периода и связаны с именем профессора Новороссийского университета и директора музея Эрнеста Романовича фон Штерна²². Штерн впервые поставил на научную основу учет и хранение ценностей, создал первый систематизированный каталог. Именно Эрнесту фон Штерну принадлежит право считаться и основателем одесской школы археологов²³. Кстати, проводя раскопки в Петренах (Бессарабская губ.), на о. Березань и в Ольвии, Эрнест фон Штерн постоянно пополнял фонды музея античной керамикой.

Он был первым создателем научно обоснованной музейной экспозиции с хронологическим размещением экспонатов, показывающей древнюю ис-

торию - от появления человека до средневековья; автором ряда каталогов, которые не утратили своего научного значения до настоящего времени и служат образцом работы по музеефикации древностей²⁴. Как специалист в области музейного дела, он получил в 1908 г. приглашение из Германии на участие в работе съезда Музейного общества, проходившего во Франкфурте-на-Майне²⁵.

Штерн был экспертом-антиком. Он мог отличить оригинал от подделки, как бы искусно она не была выполнена, и "в этом деле достиг такой тонкости, что сделался грозой русских фальсификаторов, и это его качество специалиста-профессионала было признано и Западной Европой"²⁶. В 1896 г. Лувр, при финансовой поддержке палаты депутатов Франции, приобрел золотую тиару скифского царя Сайтафарна за 222 тыс. франков и выставил в зале античного искусства. В том же году на Археологическом конгрессе в Риге директор Одесского музея в своем докладе доказал, что тиара - подделка. Его поддержали профессора А. Фуртвенглер (Мюнхен) и А. Веселовский (Петербург). Но французы проигнорировали это заявление. А через семь лет во Франции разразился скандал, оказалось, что, действительно, тиара выполнена в 1895 г. одесским ювелиром И. Рухомовским²⁷.

В 1906 г. к известному археологу И. Минцу из Кембриджа обратился американский миллиардер и коллекционер П. Морган с просьбой провести экспертизу приобретенных им в Лондоне античных предметов. При покупке продавец утверждал, что это древности с юга России. И. Минц решил проконсультироваться у Штерна и выслал ему фотографии этих трех предметов. Штерн подтвердил, что это предметы из Ольвийского могильника, обнаруженные в 1891 г. Эта находка оказалась важной и значимой для истории античной керамики и торговых отношений Ольвии в эллинистическо-римский период. Поэтому Э. фон Штерн через английского археолога обратился к П. Моргану за разрешением о публикации недостающего звена в цепи находок из богатой Ольвийской могилы. Получив согласие, Штерн сразу же написал статью для очередного тома "Записок"²⁸.

В 1911 г. Штерн навсегда покидает Одессу, принимая повторно приглашение Галльского университета на заведование кафедрой, а через несколько лет он становится ректором этого университета. Об отношении к Э. фон Штерну как ученому и просто человеку, свидетельствует тот факт, что после его отъезда в Германию, был издан 30-й том "Записок", посвященный ему. А в "Зале заседаний" Общества добавился портрет почетного члена Одесского общества истории и древностей (с 4 ноября 1908 г.) профессора Э.Р. фон Штерна, выполненный художником южно-русской школы К.К. Костанди²⁹.

Свою лепту в изучение истории Северного Причерноморья внесли дипломат О. Блау, преподаватель Н. Ленц, инженер К. Седергольм и другие. Одни занимались коллекционированием, другие - раскопками, а некоторые - атрибутированием находок и музейных собраний.

Так Отто Герман Блау - доктор восточных языков, знаток археологии Востока получил назначение в Одессу в 1872 г. в качестве главы германского генерального консульства. Деятельность Общества сразу же привлекла его внимание, и уже 14 ноября 1873 г. он избирается его действительным членом.

Доктор Блау, еще в студенческие годы увлекался нумизматикой, особенно его привлекали восточные монеты, а "своими рассуждениями об арамейско-персидских монетах Ахеменидов" выгодно зарекомендовал себя в нумизматических кругах³⁰. Находясь в Одессе, он все свое свободное время посвящал изучению богатого восточными монетами музейного собрания Императорского Одесского общества истории и древностей. Всего им было описано и определено 3762 монеты из музейных фондов³¹.

На заседаниях общества (10 декабря 1875 г. и 27 января 1876 г.) заслушивали его письма-отчеты с подробным изложением систематизации и описания монет. Он особо выделил 1805 монет Крымского ханства, как наиболее полную коллекцию династии Гиреев и гордость музейного собрания общества³². После заслушивания отчетов члены Общества поручили своему Издательскому комитету немедленно принять меры к изданию этого труда "в самом непродолжительном времени"³³.

Изучением восточных монет занимался проживающий в Пербурге действительный член Общества (с 22 октября 1882 г.) Владимир Густавович Тизенгаузен. Из 73 монет, полученных им от Общества в 1887 г., он смог атрибутировать только 51. Выделил из них, как самые ценные, монеты времен Гази-Гирея II, сына Девлет-Гирея, чеканенные в Гезлеве (совр. Евпатория), и датировал их 1588-1591 гг.³⁴

"Ганноверцем из нашего Юга" считали члены Общества Н.И. Ленца, его родители были родом из Ганновера, а он уже родился в Херсоне и в 23-летнем возрасте принял русское подданство. Ленц был учителем русского языка и словесности в гимназии, при Ришельевском лицее. Ему исполнился 71 год, когда он стал членом Общества, но его энергия и работоспособность поражала более молодых исследователей старины³⁵.

Ленц не занимался археологией, его больше интересовали темы связанные с историей города, например, "Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский Лицей (1804-1817)". Он является автором очерка о духовной жизни и народном образовании, подготовленном к 100-летию Одессы. При его написании он использовал материалы из ар-

хива канцелярии попечителя Учебного округа³⁶. Не менее интересна его публикация о событиях Крымской войны (1853-1856)³⁷. Он увлекался русской народной поэзией и коллекционированием лубочных картин на исторические сюжеты³⁸.

Одной из основных задач и функций Общества были учет и охрана "памятников древности". И если Общество получало сведения, что таковой подвергается разрушению, то оно или "само, буде иметь средства, принимает меры к его поддержанию, или ходатайствует о материальном содействии"³⁹. Так произошло в 1875 г., когда на имя Вице-президента Одесского общества истории и древностей пришло письмо от действительного члена Общества, инженера, генерал-майора Карла Эриховича Седергольма, проживавшего в Керчи⁴⁰. Седергольм, будучи смотрителем Мелек-Чесменского кургана, одного из погребальных памятников Боспорского государства кон. 4 - нач. 3 вв. до н.э., был очень озабочен его состоянием. Переписка длилась около года, изучались обстоятельства дела. В результате, Одесское общество истории и древностей получило ответ из Департамента государственного казначейства от 9 ноября 1876 г. за № 19666, где сообщалось, что, "во исполнение Высочайшего повеления, предписано Таврической казенной палате открыть сверхсметный экстраординарный кредит в 300 рублей для отпуска оных на ремонт и содержание Мелек-Чесменского кургана, а в нем древней гробницы"⁴¹.

Многие члены Общества стремились пополнить его музейные фонды. Конечно, превзойти таких дарителей, как М.С. Воронцов, А.А. Бобринский, Г.Г. Маразли, А.Л. Бертье-Делагард, которые подарили музею уникальные коллекции античных ваз, скульптур, украшений до сих пор являющихся крупнейшими в Восточной Европе, не удавалось никому, но дарения и дарители продолжали существовать. В 1869 г. генерал-адъютант Тотлебен передал в музей четыре мраморные плиты с турецкими надписями с ворот Измаильской крепости. Граф Веймарк-Лидерс - одну серебряную монету времен Римской империи. Из Отчета общества за 1872-1873 гг. узнаем, что дипломат О. Блау подарил музею медный медальон св. Федора Стратилата и четыре медные византийские монеты, найденные в Трапезунде⁴².

То, что колонисты находили на своих землях разные древние вещицы, и не только из меди, но и из серебра и даже золота, свидетельствует Конрад Келлер в своем исследовании о немецких колониях южной России⁴³. Найденные древности передавались в музей общества на постоянное хранение или на экспертизу через смотрителя колоний. Известен факт, что смотритель Молочанских колоний А.Ф. Андре по поручению Императорской архе-

ологической комиссии в 1865 г. обследовал древние курганы, находящиеся на подведомственных ему землях⁴⁴.

В постоянной музейной экспозиции находилась этнологическая коллекция с острова Суматра, подаренная действительным членом Общества Фридрихом Краузе из Берлина в 1898 г.⁴⁵ Она была выставлена в зале "Египетские древности и этнографическое собрание". Уникальные экспонаты поступали не только от частных лиц, но и от общественных организаций. Например, в 1895 г. Кенигсберским обществом "Пруссия" музею были подарены 73 монеты немецкого ордена в Пруссии, прусских герцогов, курфюрстов и королей⁴⁶.

Одесское общество истории и древностей всегда строило свои отношения с научными обществами России, Америки, стран Западной Европы на взаимовыгодных условиях, т.е. оно всегда было готово поделиться сведениями, дублетными изданиями и экспонатами, тем самым предоставляло возможность ученым других стран ознакомиться и изучить Одесские музейные собрания.

В 1875 г., по просьбе директора Королевских Дрезденских галерей г-на Россмана, под руководством действительного члена Общества архитектора Ф. Моранди были сняты гипсовые копии с трех мраморных скульптур (к сожалению, из-за плохого оформления протоколов неизвестно о каких именно скульптурах идет речь)⁴⁷. Спустя несколько лет слепки снимали с монет и медалей по запросу из Берлина для Генерального правления королевским музеем⁴⁸.

Научный обмен стал более интенсивным для Одесского общества с 1890-х годов, когда Эрнест фон Штерн возглавил музей. Профессор Штерн обращался во многие научные общества и библиотеки, предлагая сотрудничество и обмен изданиями. Так, с благодарностью и как писали - "большим удовольствием" в 1895 г. принял подобное предложение Председатель Берлинского археологического общества тайный советник доктор Эрнст Курциус. И вскоре ему через Императорского генерального консула г-на Фоке из Одессы в Берлин были отправлены два пакета с книгами⁴⁹.

Одесским обществом предоставлялась информация и доктору В. Дрекслеру из Галле, специализировавшемуся по древнему Египту, о "древностях из терракоты и бронзы, найденных в южной России и находящихся в музее Общества"⁵⁰. Обмен изданиями проходил с Королевской библиотекой Баварской Академии наук⁵¹, Королевской и университетской библиотекой Бреслау⁵², Королевским Фридрих-музеем Берлина⁵³, Дерптским университетом⁵⁴.

Одесское общество истории и древностей принимало в свои ряды иностранных ученых. Так, в 1895 г. доктор А. Беценбергер, профессор Кениг-

сбергского университета, после его избрания действительным членом Общества, прислал в Одессу благодарственное письмо, где писал, что будет стараться "быть достойным этой высокой чести мне оказанной"⁵⁵, в 1905 г. действительным членом Общества стал Директор Германского института В. Дерпфельд.

С Дерпфельдом профессору Штерну вскоре довелось встретиться в Афинах в марте 1907 г., где проходил Первый международный археологический съезд. Его открытие состоялось в Акрополе, в развалинах Парфенона; примечательно, что кафедрой для выступающих служил фрагмент колонны⁵⁶. На этом съезде русские ученые Э.Р. фон Штерн, Б.В. Фармаковский, С.А. Жебелев, Г.М. Придик, В.К. Мальберг, М.И. Ростовцев читали свои доклады на немецком, французском и греческом языках. Объединяло их не только то, что они выступали в одной секции, географии и топографии, но и темы, связанные с раскопками и находками на юге России, т.е. в Северном Причерноморье, территории находившейся в ведении Одесского общества истории и древностей.

Доклады – "Примикенская культура в южной России", "Раскопки в Ольвии", "Раскопки в Херсонесе и золотые вещи, там найденные", "Стенная живопись в Керченских катакомбах римского периода" и т.д. сразу дали представление о состоянии археологии в России. Западные ученые А. Фуртвенглер, В. Дерпфельд и др. выслушали их с большим интересом и вниманием⁵⁷.

Уже в 1929 г. встретиться с В. Дерпфельдом довелось директору Одесского музея, профессору С.С. Дложевскому. Это произошло в Берлине, когда там проходил международный съезд археологов. Среди 1000 его участников Украинскую ССР представлял только С.С. Дложевский, он выступил с докладом "Четыре последних года раскопок в Ольвии"⁵⁸ и был избран действительным членом Германского государственного археологического института⁵⁹.

С.С. Дложевского можно считать достойным преемником Эрнста фон Штерна, хотя он стал директором музея в 1922 г. Он смог создать, вместо разрушенной в годы гражданской войны, новую экспозицию и начать полевые и камеральные археологические исследования⁶⁰.

Все это удалось сделать ученикам Штерна - М.Ф. Болтенко, Б.М. Фармаковскому, М.И. Мандесу благодаря сохранившейся в Одессе преемственности традиций отечественной археологии. Этим учёным принадлежит ряд выдающихся открытий в области первобытной и античной археологии, древней истории⁶¹. Одесская школа археологов, воспитанная Э. фон Штерном, заняла прочное место в отечественной и мировой науке.

Примечания

- 1 См.: Плесская-Зебольд Э.Г. Одесские немцы. 1803-1920. Одесса, 1999. С. 273.
- 2 Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 93. Оп. 1. Д. 107. Л. 19.
- 3 См.: Охотников С.Б. Библиографические заметки // Краткие сообщения Одесского археологического общества. 160 лет Одесскому археологическому обществу. Одесса, 1999. С. 11; Черняков И.Т. Одесскому обществу истории и древностей - 150 лет // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1839-1989. Тезисы докладов юбилейной конференции 27-28 октября 1989 г., г. Одесса. Одесса, 1989. С. 3.
- 4 См.: Черняков И.Т. Указ. соч. С. 5.
- 5 ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 107. Л. 20.
- 6 См.: Плесская-Зебольд Э.Г. Указ. соч. С. 273.
- 7 См. ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 107. Л. 30.
- 8 См.: Украинская советская энциклопедия. Киев, 1982. Т. 7. С. 451.
- 9 См. Історія Одеського університету за 100 років. Київ, 1968. С. 318.
- 10 См.: ГАОО. Ф.6. Оп. 4. Д. 22229.
- 11 См.: Хмарський В.М., Дзиговський О.М. Брун Пилип Карлович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Одеса, 2000. Т. 2. С. 152.
- 12 См.: Одесский историко-краеведческий музей (далее – ОИМК). Инв. № Пи-Ю121. Л. 1.
- 13 См.: Мурзакевич Н. Филипп Карлович Брун // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). Одесса, 1881. Т. 12. С. 446.
- 14 См.: Брун Ф. Рецензия на книги: Atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. Jammur Luxoro pubblicato a fac-simile e annotato dai socii C. Desmoni e L.J. Belgrano. Jenuj, 1867; Nuovi studi sull'Atlante Luxoro pel socio Cornelio Desimoni Agosto 1868. Senuj, 1869 // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. 8. С. 289-300.
- 15 См.: ЗООИД. Одесса, 1881. Т. 12. С. 62-208.
- 16 См.: Хмарський В.М., Дзиговський О.М. Указ. соч. С. 153.
- 17 Краткий указатель музея Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1920. С. 74.
- 18 См.: Охотников С.Б. Античные памятники Одесского залива // Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 2001. С. 167.
- 19 См.: Плесская-Зебольд Э.Г. Указ. соч. С. 286.
- 20 См.: Мурзакевич Н. Павел Васильевич Беккер // ЗООИД. Одесса, 1881. Т. 12. С. 447.
- 21 ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 98-а. Л. 49.
- 22 См.: Дложевський С.С. Одеський державний історично-археологічний музей. Київ, 1927. С. 6.
- 23 См.: Полов В. На посиделках у каменных баб // Одесский вестник. 2001. 27 января.
- 24 См.: Ванчугов В.П. Одесское общество истории и древностей на рубеже XIX-XX вв. и Э.Р. Штерн // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1839-1989. Тезисы докладов юбилейной конференции 27-28 октября 1989 г. г. Одесса. Одесса, 1989. С. 25.
- 25 См.: Институт рукописей национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского г. Киев (далее – ИРНБУ). Ф. V. Д. 2159, 2162.
- 26 Благодарственный адрес Э. фон Штерну от членов Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. Одесса, 1912. Т. 30. С. VI.
- 27 См.: Фельдман В.С. Одесская тиара скифского царя Сайтафарна // Историческое краеведение Одессщины. Сборник материалов. Одесса, 1992. Вып. 2. С. 45.
- 28 См.: Э. фон Штерн. Могильная находка в Ольвии в 1891 г. // ЗООИД. Одесса, 1907. Т. 27. С. 88-100.
- 29 См.: Краткий указатель музея Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1913. С. 100.
- 30 См.: Отто Герман Блау // ЗООИД. Одесса, 1879. Т. 11. С. 449.
- 31 См.: Там же.

- 32 См.: ОИКМ. Инв. № Пи-10123. С. 3.
 33 Там же. С. 4.
 34 См. ГАОО. Ф.93. Оп.1. Д. 9. Л. 52.
 35 См.: Кочубинский А.Н. И. Ленц, действительный член Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. Одесса, 1907. Т. 27. С. 8.
 36 См.: Ленц Н.И. Духовная жизнь и народное образование // Одесса, 1794-1894. Одесса, 1895. С. 569-704.
 37 См.. Ленц Н.И. Бомбардирование Одессы (10 апреля 1854 года). Одесса, 1905.
 38 См.: Кочубинский А. Указ. соч.
 39 ГАОО. Ф.93. Оп. 1. Д. 107. Д. 30.
 40 См.. ОИКМ. Инв. № Пи-10123. С. 4.
 41 См.. ОИКМ. Инв. № Пи.-10124. С. 4.
 42 См.: Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1868 по 14 ноября 1869 г. Одесса. 1870. С. 16, 17.
 43 См.. Keller Conrad. Die Deutschen Kolonien in Sydrusland Neuanflade. Nymberg, 2000. S. 232.
 44 См.. ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 222. С. 9.
 45 См.. Краткий указатель музея Императорского Одесского общества истории и древностей, Одесса, 1913. С. 128.
 46 См.: ОИКМ. Инв. № Пи-10131. Л. 7.
 47 См.. 168-е заседание Императорского Одесского общества истории и древностей 12 сентября 1875 г. Одесса, 1875. С. 5.
 48 См.. ИРНБУ. Ф. V. Д. 2060. Л. 1; Д. 2061. Л. 1.
 49 См.: ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 101. Л. 28.
 50 Там же. Д. 7. Л. 30 об.
 51 См.. ГАОО. Ф. 93. Оп.1. Д. 73. Л. 58.
 52 См.: Там же. Д. 72. Л. 12.
 53 См.: ИРНБУ. Ф. V. Д. 2098.
 54 См.: ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 8. Л. 76, 126; Д. 9. Д. 62; Д. 98. Л. 56; Д. 100. Л. 47; Д. 102. Л. 41; Д. 127. Л. 100, 130.
 55 Там же. Д. 106. Л. 103.
 56 См.. Павловский А. Первый международный археологический съезд в Афинах // ЗООИД. Одесса, 1907. Т. 27. С. 33.
 57 Там же. С. 36.
 58 См.: Дложевский С. 1-й міжнародний з'їзд археологів у Берліні // Україна. Київ, 1929. Книга 37, жовтень-листопад. С. 173-175.
 59 См.: Корпусова И.В. С.С. Дложевский и Одесская комиссия краеведения // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1839-1989. Одесса, 1989. С. 41.
 60 Там же. С. 40.
 61 См.: Ванчугов В.П. Указ. соч. С. 26-27.

РАФАЭЛЬ КЁБЕР – ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ НЕМЕЦ В ЯПОНИИ

В последние годы все активнее ведутся исследования по истории российских немцев, в том числе изучаются судьбы многих ярких представителей этого народа, оставивших свой заметный след в жизни общества. Таким человеком, оставившим о себе добрые воспоминания в Японии, является Рафаэль Кёбер. В моей стране он прожил вторую половину своей жизни. Будучи преподавателем европейской философии в Токийском императорском университете на протяжении 21 года, он воспитал многих учеников, представлявших цвет философской мысли Японии, оказал огромное влияние на молодых японских студентов конца XIX – начала XX века. Как написал отец современной японской литературы Нацумэ Сосэки, “если спросят, придя на филологический факультет, кто здесь самый благородный профессор, то девяноста из ста студентов ответят, что это, прежде всего, фон Кёбер, не называя многих японских профессоров”¹. Его принимали с глубоким почтением в Японии. Перед войной его книги распространялись в качестве учебного пособия по немецкому языку для вузов.

Число поклонников Р. Кёбера не стало меньше и поныне. Так, в 1993 году в честь 100-летия его приезда в Японию было учреждено “Общество Кёбера”, выпускавшее свой ежегодный журнал (всего 4 выпуска по 1997 г. включительно). В журнале помещено много статей о Р. Кёбере. Осенью 1997 года была проведена выставка “Профессор Кёбер и его время” в помещении связанного с ним зала Согаку-до Токийского художественного института. Перевод его книги на японский язык переиздается и поныне (43-е издание в 1999 году).

Цель моего доклада, прежде всего, в том, чтобы прояснить историю жизни Р. Кёбера на основе многих неизвестных за пределами Японии материалов. К сожалению, у автора не было возможности проведения соответствующих исследований в России, так что приводимые ниже вехи жизни Р. Кёбера в Российском государстве взяты только из его воспоминаний. Исследования в российских архивах могут пролить свет на неизвестные страницы российской части его биографии, что автор и намерен осуществить в дальнейшем.

Так как Р. Кёбер объявлял себя русофобом и заявлял всем, что он немец, в Японии его долго считали олицетворением немецкой культуры. Од-

нако в последние годы обнаружались материалы, доказывающие его скрытые связи с Россией, которые вносят существенные поправки в устоявшийся образ Р. Кёбера. В настоящем докладе я хочу представить образ Р. Кёбера как образ российского немца, воплощающего в себе черты немецкой и русской культуры.

Рафаэль Кёбер (Raphael Köber) родился в Нижнем Новгороде 15-го января 1848 года. Его отец Густав дослужился до действительного статского советника, одно время преподавал медицину. Семья Кёберов происходила из Саксонии, все предки по отцовской линии родились в Саксонии и Курляндии. Когда Р. Кёберу был один год, умерла его мать, а его взяла к себе бабушка с материнской стороны. Она была дочерью Карла Ребиндера (родившегося в Ревеле, построившего протестантскую церковь в Нижнем Новгороде) и уроженки семьи Зельгорст из Кия, вышла замуж за русского мужчину из Швеции².

Рафаэль Густавович не любил русскую школу, ходил в нее редко, так как его презирали как немца, "чужака". Поэтому в основном он воспитывался в семье. Впоследствии он писал: "Я благодарен за заботу этой женщине (бабушке. — Х.С.) с благородной и свободной душой, редким образованием и добрым сердцем, благодарен моему отцу, моему дяде Клаузену из Ольденбурга и домашнему учителю за то, что я вырос не без образования и оказался прилично подготовленным для университета"³.

После окончания гимназии в 1867 году, вопреки желанию отца, Р. Кёбер поступил в Московскую консерваторию по классу фортепиано. Он прекрасно играл на фортепиано с детства, к шести годам выучился у бабушки основам музицирования, а потом продолжил обучение у органиста церкви в Нижнем Новгороде. В консерватории Рафаэль Густавович учился по классу фортепиано у Н.Г. Рубинштейна, а композиции у П.И. Чайковского. С этим великим композитором его связывали не только отношения ученика и учителя, но и крепкая дружба, которая продолжалась вплоть до отъезда Р. Кёбера в Японию. Р. Кёбер упоминает о своей переписке с П.И. Чайковским⁴. Между прочим, в изданных письмах композитора несколько раз упоминалось имя Эдуарда Зака (племянника Р. Кёбера). Петр Ильич писал в письме к Бесселю от 5-го ноября 1874 года, что его потрясло сообщение о гибели Зака, о котором он узнал из письма Р. Кёбера. Говорят, что 21-ое сочинение Чайковского — "шесть пьес для фортепиано" — отражает гибель Зака⁵.

В 1872 году Р. Кёбер окончил консерваторию с отличием, получив диплом "magistr artum liberalium", но застенчивость натуры помешала ему начать "карьеру виртуоза". Он говорил: "Я издавна испытываю непреодоли-

мое отвращение от выступления перед публикой; многочисленная аудитория повергает меня в ужас"⁶. Поэтому Рафаэль Густавович отказался от карьеры профессионального пианиста и решил начать жизнь исследователя.

Поехав в Германию, он сначала изучал физику в Йенском университете вместе с другом по консерватории Давыдовым, но, почувствовав отсутствие способностей к естественным наукам, сменил специальность на философию. Через 3 года начинающий философ перешел в Гейдельбергский университет вслед за своим руководителем профессором Куно Фишером, и в 1880 году защитил докторскую диссертацию по теме "О человеческой свободе Шопенгауэра". Изданные в следующем году две книги ("Shopenhauers Erlösungslehre" [Berlin, 1881], "Die Grundprinzipien der Schelling'schen Naturphilosophie" [Berlin, 1881]), основанные на его докторской диссертации, а также раздел о Шопенгауэре в книге "Очерки истории философии" Шwegлера (12-е изд., 1882 года) получили высокую оценку у выдающего философа Нового времени Эдуарда Гартмана.

Осенью 1883 года Р. Кёбер отправился в Берлин, чтобы познакомиться с этим авторитетным ученым, и был рекомендован на преподавательскую работу в университете. Однако такие черты его натуры, как "застенчивость, нерешительность и недостаток уверенности в себе", опять помешали ему принять окончательное решение. В конце концов, Рафаэль Густавович вместо преподавания философии избрал место преподавателя музыки, как "прежнюю и хорошо знакомую работу" (по его собственным словам)⁷. Р. Кёбер получил место во вновь открытом музыкальном училище в Карлсруэ. Преподавая там по классу фортепиано, вел основы гармонии, историю музыки и музыкальную эстетику, но спустя лишь год вынужден был оставить место из-за разногласий с администрацией училища.

В 1884 году Рафаэль Густавович переселился в Мюнхен, где жил его старый друг Давыдов, и в течении примерно десяти лет занимался публикацией своих трудов, ведя спокойную уединенную жизнь в доме № 1 по улице Мар. Он вспоминает Мюнхен, как "самое счастливое время своей жизни", так как там было все, в чем он нуждался: родственные по духу люди, богатые и доступные библиотеки, изящные искусства, музыкальная жизнь, театральные спектакли, красивая природа и здоровый климат⁸.

В конце 1892 года спокойная жизнь Р. Кёбера круто изменилась: неожиданно он получил письмо от Э. Гартмана с известием о том, что по просьбе профессора Токийского императорского университета Т. Иноуэ о кандидатуре преподавателя философии, он предложил Р. Кёбера как наиболее подходящего. Требовалось срочно принимать решение. Это было для Рафаэля Густавовича как гром среди ясного неба, сначала он даже решил, что

это шутка. Более всего ненавидя путешествия и перемены в жизни, Р. Кёбер дал Э. Гартману резко отрицательный ответ, но преподаватель философии упорно настаивал на принятии положительного решения. Р. Кёбер писал об этом так: "Когда я выразил тревогу по поводу длительного морского путешествия и землетрясений, выразил ему свои сомнения в том, что не достаточно владею английским языком, на котором должно читать лекцию, — он высмеял меня". Все друзья настаивали на согласии, говоря, что это всего лишь на 3 года, а один из них даже сказал, что это просто "увеселительная прогулка и несколько лекций по философии". Только П.И. Чайковский в своем письме высказался против этой поездки в Японию, мотивируя это тем, что такой "закоренелый европеец" как Р. Кёбер, к тому же в пожилом возрасте, не сможет хорошо себя чувствовать на Востоке⁹.

По имеющимся в Токийском университете и МИДе Японии материалам того времени, к концу 1892 года, когда Э. Гартман написал Р. Кёберу письмо, его поездка в Японию была уже практически решенным делом, вне зависимости от желания самого Р. Кёбера. Токийскому университету срочно требовался преподаватель философии, так как в конце января 1893 года предыдущий преподаватель Буссе дослуживал свой срок и должен был вернуться на родину. 17-го ноября 1892 года Токийский университет подал в Министерство просвещения заявку на кандидатуру Р. Кёбера¹⁰. К заявлению прилагались перечень его работ, биография, проект контракта. Согласие министра просвещения Т. Коно было получено 26-го ноября¹¹. В тот же день Т. Коно была составлена справка для министра иностранных дел М. Муцу. Там сообщалось, что следующий преподаватель философии, некто Р. Кёбер, скоро должен появиться в японском посольстве в Германии, и, после подписания вложенного контракта, посол в Германии должен сообщить ему о необходимости прибытия в Японию с 10 по 31 марта 1893 года¹². Об этом телеграфировали полномочному послу в Германии С. Аоки 30 ноября¹³.

Учитывая приведенные факты, можно сделать вывод о том, что профессор японского императорского университета обратился к Э. Гартману с просьбой рекомендовать кандидата не позднее, чем в середине 1892 года. В начале декабря, когда Э. Гартман узнал от посольства Японии о том, что кандидатура Р. Кёбера одобрена Токийским университетом и Министерством просвещения, он наконец удосужился написать самому Рафаэлю Густавовичу и предложил преподавание в японском столичном университете.

Представляя характер Р. Кёбера, ненавидевшего путешествия и перемены в жизни, его согласие на поездку в Японию кажется невозможным. Однако, как указывалось выше, для японской стороны его приглашение было делом решенным, Рафаэлю Густавовичу не оставляли выбора. Он тянул с

принятием решения свыше двух месяцев после получения письма Э. Гартмана. Но, по получению от профессора Иноуэ теплого приглашения в страну, "где цветет сакура", неустанных уговоров окружающих, он, наконец, в середине февраля появился в японском посольстве в Германии и подписал контракт. При этом Р. Кёбер сообщил, что не сможет выполнить пункт контракта о сроке приезда в Японию до конца марта, а учитывая необходимость времени для поиска и найма слуги — отъезд из Германии придется перенести на конец апреля¹⁴. Таким образом, 30-го апреля 1893 года Рафаэль Густавович отправился в страну сакуры, которой он посвятил оставшуюся часть жизни, вместе с неким Стассэром — сыном держателей небольшой ресторации в Мюнхене (поскольку семьи Р. Кёбер не имел и был холостяком). 9-го июня он прибыл в Токио¹⁵.

Сперва Р. Кёбер заключил договор сроком на 3 года (с ежемесячным жалованием в 370 иен и пособием на расходы по переезду туда и обратно — по 650 иен в каждом случае)¹⁶. Однако затем он продлевал трехлетний контракт целых 6 раз, проработав без отпуска в Токийском университете в общей сложности 21 год (вплоть до 1914 г.). Столь долгий период работы иностранного преподавателя в Японии являлся редчайшим исключением. Здесь хочется коротко остановиться на истории практики использования иностранных преподавателей в Японии¹⁷.

После 1867 года, с открытием страны, в Японии поощрялись занятия европейскими науками. Считалось нормой приглашать преподавателя-иностранца, предполагая, что учебный процесс будет вестись на иностранном языке по иностранным учебным пособиям. Тогда в Японию приезжало много преподавателей-иностранцев. Однако с рубежа 1880-х — 1890-х гг., когда в вузах, наконец, сформировались японские кадры преподавателей, иностранцы остались только в специальных сферах, где в них существовала особая потребность. С 1869-го по 1927 год (всего 59 лет) в Токийском университете работало 208 "преподавателей-иностранцев", из них 119 человек приходится на первые 18 лет (по 1886 год). К тому же обычно иностранные преподаватели отбывали на родину сразу по истечению срока контракта, а многократно возобновлявшие контракт, продлевая свое пребывание в Японии, как Р. Кёбер, были редким исключением. Кстати, Рафаэль Густавович был единственным преподавателем из России, работавшим в Токийском университете вплоть до Первой мировой войны. Если поднять вопрос о подданстве "преподавателей-иностранцев", то первенство занимает Германия (84 человека), которую Япония считала примером для внедрения европейской цивилизации, затем следует Англия (46 человек), Америка (37 человек) и Франция (27 человек). Что касается Р. Кёбера, то университет

нанял его, полагая немецким подданным. Но по приезде его в Японию оказалось, что у него "подданство остается еще российское"¹⁸. Это вызвало необычайное удивление.

Р. Кёбер заведовал второй по значению кафедрой — "Философия, история философии" — на филологическом факультете университета. Читал лекции по теории философии, истории философии древнегреческой, средневековой и Нового времени, истории христианства, спецкурсы о Канте и Гегеле. По совместительству также руководил кафедрой эстетики, читал лекции по "Фаусту" Гете, поэтике и т.д. Кроме того, Рафаэль Густавович усердно обучал греческому языку вне контракта. Он положил начало исследованиям европейской философии в Японии, воспитал множество учеников, ставших выдающимися учеными в этой области. В "Очерках столетия Токийского университета" дается восхищенный отзыв о преподавательской деятельности Р. Кёбера в плане того, что он "привнес в Японию традиционную классическую атмосферу европейских гуманитарных наук, начиная с восприятия классической греческой культуры на основе оригиналов источников, взрастил философскую мысль в интеллектуальном мире Японии. До сих пор передаются из уст в уста рассказы о его спокойном характере, утонченной натуре, глубоком знании классиков — это производило глубокое впечатление на студентов"¹⁹.

Можно привести несколько причин, почему Кёбера принимали с огромным доверием и глубоким почтением²⁰. Он, будучи учеником Гартмана и Фишера — выдающихся европейских философов того времени, читал лекции по европейской философии на базе оригиналов, углубляя понимание и идей классической Греции, и христианского мировоззрения. Студенты с восторгом слушали его лекции, которые, казалось, переносят в Японию классические традиции европейской философии. Его широкая эрудиция, начиная с владения греческого и латынью, включавшая также эстетику, литературу, — очаровывала студентов. Кстати говоря, по словам одного японского исследователя Шопенгауэра, лекции Р. Кёбера по философии представлялись весьма обыкновенными, с уклоном в древнегреческую и средневековую философию; в них почти не отмечалось оригинальности толкования и систематизации²¹. Но, мне кажется, такой упрощенный подход, наоборот, даже более отвечал потребностям японских студентов, которые лишь недавно познакомились с европейской философией. Это также явилось и одной из причин его популярности.

Кёбер был любим японцами более за характер, чем за научные знания: все, кто его знал, единодушно восхищались его благородным, скромным характером. Один из его учеников, живший с ним под одной крышей в конце

его жизни, пишет так: "Профессор Кёбер как человек блистает еще сильнее, чем Кёбер как ученый или художник. Восхищение им и уникальное влияние, которое он оказывал на студентов и тех, кто имел счастье быть с ним знакомым, в основном основывались не на его научных знаниях и творческих способностях, но более всего — на уникальности его характера... Если спросят меня, в чем же уникальность профессора Кёбера, я перечислю такие его особые качества, как свобода души, гармония, простота, чистота, теплота сопереживания и т.д."²²

Он восхищал окружающих своим образом жизни, вызывавшим мысли о "святости". По словам одного японца, жившего вместе с Р. Кёбером в первые годы его пребывания в Японии, Р. Кёбер не расставался с книгами с утра до ночи: проснувшись утром, не дожидаясь пока нагреется вода, он шел в кабинет, выбирал на полке книгу и читал ее. Когда вода нагревалась, он умывался и продолжал чтение за чашкой кофе. После чего отправлялся на рикше в университет, а возвратившись домой и, поужинав, некоторое время уделив игре на фортепиано, он продолжал читать пока не ложился спать²³. Этот размеренный образ жизни напоминает И. Канта, по распоряжению жизни которого, согласно легенде, соседи могли сверять часы. Р. Кёбер не ходил никуда, кроме как в университет и некоторые определенные магазины; а что касается путешествий, то он лишь однажды выехал в окрестности Токио — Камакуру²⁴. Рафаэль Густавович так и не выучил японский, он не умел говорить даже на ломаном японском, но радушно принимал посещавших его японцев, особенно студентов. Он любил беседовать со студентами, приглашая их домой на ужин.

Нельзя не отметить музыкальную деятельность Р. Кёбера в Японии, как нельзя забыть и о таком факте его биографии, как окончание Московской консерватории²⁵. В течение 15 лет, начиная с 1894 года (следующего после приезда в Японию) и по 1909 год, он выступил, согласно имеющимся сведениям, более чем с 60-ю концертами (в консерватории и на благотворительных музыкальных вечерах), где получил самую высокую оценку как пианист, не имевший равных в тогдашней Японии. Рассказывали, что по вечерам у стен его дома стояло много молодых поклонников, мечтавших услышать его домашние экзерсисы. Репертуар Р. Кёбера состоял, в основном, из сочинений классиков и романтиков, таких как Бетховен, Мендельсон, Шуман, Лист и Брамс, а его стиль исполнения, по некоторым отзывам, был "изящен и красив, подобно картине, написанной тонкой линией"²⁶. С 1898 года Рафаэль Густавович, по совместительству работая в Токийском университете, начал работать и в Токийской консерватории, обучая игре на фортепиано и читая лекции по истории музы-

ки. Эта внештатная работа продолжалась по 1909 год, в общей сложности 11 лет. Он и здесь воспитал учеников, оставивших свои имена в истории японской классической музыки, а кроме того помог в первом, полностью японском, исполнении оперы "Орфей и Эвридика" Глюка своим аккомпанементом на фортепиано²⁷.

Деятельность Р. Кёбера была оценена по достоинству — в ноябре 1900 года его наградили орденом "Кёкудзицу" ("Восходящего Солнца") 4-й степени, а позднее, в июле 1914 года, орденом "Дзуйхо" ("Священного Сохранища") 3-й степени²⁸. В апреле 1923 года ему было присвоено звание почетного профессора Токийского университета²⁹.

Сам Р. Кёбер считал себя настоящим немцем. В последние годы своей жизни Рафаэль Густавович опубликовал много работ, в которых писал: "Я обязан Германии и немцам всем, что я есть и что имею: каждая частица моего "я" навеки связана с Германией и ее культурой"³⁰. И, напротив, постоянно в своих сочинениях Р. Кёбер заявлял о себе, как о русофобе, отрекаясь от того факта, что российское подданство связывает его с Россией. Он писал, например: "Я всеми фибрами души, всячески ненавижу русскую государственную церковь"³¹, "в целом, и русская поэзия, и искусство вообще — и музыка тоже — оставляют у меня безрадостное впечатление"³². Нередко он ссылался на Россию как на худший пример в самых различных отношениях. Под влиянием его слов, в Японии его долго считали олицетворением немецкой культуры, абсолютно чуждым России.

Однако, хотя сам Р. Кёбер и объявлял себя русофобом в работах последних лет, — нельзя говорить о полном отсутствии его связи с Россией. Известно, что в первые годы пребывания в Японии Рафаэль Густавович посещал "Собор Святого Николая" японской православной церкви в Токио и завязал дружбу с архиепископом Николаем. Приведем несколько примеров. В апреле 1894 года он посетил женскую духовную семинарию в сопровождении отца Николая и дал фортепианный концерт в ее большом зале. Впоследствии, каждую пятницу Рафаэль Густавович бесплатно учил наставниц семинарии игре на фортепиано, за что отец Николай выказывал ему сердечную благодарность и принимал его очень тепло, как доброго православного. Каждое воскресенье Р. Кёбер навещал своих учащихся, слушая церковный хор в соборе. Согласно записям в дневнике отца Николая (от 28-го июля 1896 года), выяснилось, что Р. Кёбер заказывал книги об Августине Блаженном и т.п. из России для лекций в университете, что собирался читать лекции по философии на основе работ русского богослова В.Д. Кудрявцева. Заслуживает внимания то, что курс философии Р. Кёбера включал и труды русской философской школы.

Добрые отношения между Р. Кёбером и отцом Николаем прервались после его обращения в католичество в декабре 1899 года. Вышеупомянутое неприкрытое русофобство Рафаэля Густавовича (его работы последних лет), по-видимому, отражало взгляд новообращенного католика. Однако интересен тот факт, что объявляющий себя русофобом немец и после обращения продолжал посещать архиепископа, будто бы заискивая перед ним. В дневнике отца Николая (от 13-го января 1905 года) есть запись:

"Ренегат Кёбер с сладчайшим лицом явился благодарить за позволение бывать у меня (как будто когда я запрещал это!) и поздравил с Новым годом.

— Да ведь он завтра, — ответил я на поздравление.

— Как завтра? Сегодня 13-е число нового стиля.

— Но ведь уж пять лет, как наш Новый год стал приходиться на 14-е число.

Знак удивления! А считается русским поданным"³³.

Можно указать и другие примеры его поведения, не вполне согласующиеся с его якобы "неприкрытой русофобией" и острой критикой в адрес православной церкви. Дольше практически не рассматривались отношения Р. Кёбера с православной церковью, но я полагаю, что не следует относиться к Р. Кёберу как к русофобу, основываясь только на его работах. Кстати говоря, на похоронах архиепископа Николая в декабре 1912 года Р. Кёбер также присутствовал³⁴.

В связи с русофобией Р. Кёбера я хочу отметить другой факт, до сих пор мало упоминавшийся, но отраженный в его работах. Хотя Рафаэль Густавович и говорил, мол, "в целом, и русская поэзия, и искусство вообще — и музыка тоже — оставляют у меня безрадостное впечатление", однако нельзя утверждать, что он ненавидел всех русских писателей. Пусть он и не скрывал антипатию ко Льву Толстому ("он для меня слишком шумен") и Ф.М. Достоевскому ("я не могу читать без чувства глубокой неловкости и даже отвращения"), но доброжелательно относился к Крылову, Гоголю, Пушкину, Тургеневу, Гончарову, Алексею Толстому и Чехову. Он особенно высоко оценивал А.П. Чехова, говоря, что "его рассказы по форме похожи на Мопассана, но более содержательны, чисты и поэтичны"³⁵. Р. Кёбер даже подготовил предисловие на русском языке к собранию сочинений А.П. Чехова в японском переводе, изданном в 1908 году.

В своей биографии Р. Кёбер называл свою родину "Германия в России"³⁶. Он подчеркивал, что "Германия в России", где он вырос, сохраняла традиции немецкой культуры, отделяя себя от окружающего русского общества. Следовательно, утверждал он, "я называю Россию, которую я знаю, Германией", т.е. воспринимал себя как немца. После обращения в католи-

чество в 1899 году, Рафаэль Густавович, с одной стороны, сознательно подчеркивал свой немецкий характер, а с другой, активно отрекался от своих русских корней. В результате среди японцев установилось мнение, что “Кёбер – немец”, но, как указывалось выше, в первые годы пребывания в Японии он оставался православным, в его лекциях использовались знания, почерпнутые в России. Кроме того, нельзя забывать про его русские корни, учитывая тот факт, что родился он все-таки в России.

Расхожее мнение, что “Кёбер – немец”, не соответствует действительности, т.к. все-таки присутствовала его связь с Россией. Чтобы рационально объяснить противоречие, как в нем уживались вместе русофобия и связь с Россией, нужно оценивать его именно как немца, родившегося в России, т.е. российского немца. Рафаэль Густавович являлся российским немцем, воплотившим в себе немецкую и русскую культуры вместе, хотя немецкое начало очевидно перевешивает.

Последние годы жизни, казалось, сама судьба ополчилась на Р. Кёбера. С 1904-го года по 1906 год он преподавал русский язык на отделении русского языка Токийского училища иностранных языков пятым по счету иностранным преподавателем русского языка. Эти два года, в течение которых Рафаэль Густавович единственный раз в жизни вел преподавание русского языка, совпадают по времени с Русско-японской войной, когда практически все русские выехали из Японии. Хотя он не любил политику и был равнодушен к войне, но поскольку был российским подданным, то проблемы Русско-японской войны коснулись и его. По данным Министерства просвещения, в 1905-м году он был единственным в государственных вузах иностранным преподавателем с российским подданством. Он читал лекции 3 раза в неделю, получая жалование 120 иен в месяц³⁷.

Р. Кёбер ушел в отставку из Токийского университета 31-го июля 1914 года. Он говорил перед своей отставкой: “Я надеюсь еще раз увидеть то, что у меня раньше было в Европе, что я хочу вкусить перед моей смертью: это – люди, природа, образы, звуки”. Ему тогда было далеко за 60. Рафаэль Густавович продолжает: “Если бы я был моложе и если бы у меня были обязанности в Японии, то я вернулся бы в Японию после поездки в Европу, но остаться здесь без работы для меня означает — сидеть между двумя стульями. Я не могу стать японцем, а европейцы в Японии совсем не друзья мне”. Он был намерен проститься с Японией навсегда³⁸.

Однако, буквально накануне его возвращения, в Европе вспыхнула Первая мировая война. Поэтому он на время отложил выезд и поселился в посольстве России в Иокогаме у посла Вильма, как он полагал, ненадолго. Вопреки ожиданиям, это пребывание затянулось на 9 лет. В это время он

занимаясь публикацией своих работ и выпустил 3 книги. В 1920 году он сделал еще одну попытку вернуться в Европу, но вынужден был отказаться от своих планов из-за технических трудностей при получении французской визы (т.к. он автоматически превратился в “советского” подданного). В архивах МИДа Японии остались материалы: ответ бухгалтерии МИДа на заявление Р. Кёбера о возможности получения в Европе пенсии от японского правительства (это было возможно только в посольстве Японии в Варшаве)³⁹. Неудобство получения пенсии, скорее всего, стало основной причиной того, что Рафаэль Густавович отказался от возвращения в Европу вообще.

Р. Кёбер умер от грудной жабы, вызванной атеросклерозом, 14-го июня 1923 года в возрасте 75 лет. Его прах был захоронен друзьями и учениками на кладбище Дзосигаея в Токио. Его могила причислена к историческим памятникам Токио.

Примечания

¹ Нацуме С. Полное собрание сочинений (на японском языке). Т. 12.- Токио: изд. Иванами, 1994. С. 465-467.

² См.: Raphael Koeber. Kleine Schriften. Tokyo, Verlag von Iwanami, 1918. S. 136.

³ Там же. С. 137

⁴ См.: Там же. С. 61.

⁵ См.: Морита М. Чайковский: новый взгляд (на японском языке). - Токио: изд. NHK, 1993. С. 117-118.

⁶ Koeber. Kleine Schriften. S. 48.

⁷ См.: Там же. С. 57.

⁸ См.: Там же. С. 58.

⁹ См.: Там же. С. 59-61.

¹⁰ См.: Архив Токийского университета о преподавателях-иностранцах. Дело 1892 года. Л. 318-328.

¹¹ См.: Там же. Л. 329.

¹² См.: Государственный Архив МИДа Японии. 3-9-3-19. № 2-5-1: документ Министерства просвещения № 1934 от 26 ноября 1892 г.

¹³ См.: Там же, № 2-5-2: письмо министра иностранных дел № 117 к послу в Германии Аоки от 30 ноября 1892 г.

¹⁴ См.: Там же, № 2-5-5: письмо посла Аоки № 26 к министру иностранных дел от 6 марта 1893 г.

¹⁵ См.: Архив Токийского университета. Дело 1893 года. Л. 125.

¹⁶ См.: Там же. Дело 1892 года. Л. 325.

¹⁷ См.: West Asian Cultural Research Center of UNESCO: Иностранные преподаватели (сборник документов: на японском языке). - Токио: изд. Сиогаку-кан, 1975. С. 111, 118.

¹⁸ Архив Токийского университета. Дело 1893 года. Л. 128.

¹⁹ См.: Очерки столетия Токийского университета (на японском языке). - Токио, 1986. Т. 1. С. 492.

²⁰ См.: Kadokura I. Профессор Кёбер и его время (на японском языке) // Вестник Токийского художественного университета. № 23. 1997. С. 40-41.

- ²¹ См.: Hyodo T. Проблема принятия Шопенгауэра в Японии (на японском языке) // Вестник гуманитарного факультета университета Мусаси. № 21. 1990. Т. 1-2. С. 131.
- ²² Raphael Koeber. Записки профессора Кёбера (на японском языке). - Токио, 1957. С. 212.
- ²³ См.: Watsuji T. Жизнь Кёбера (на японском языке) // Shiso. Nr. 33 (August 1923: Sonderheft zum Andenken an Prof. R. Koeber). S. 153.
- ²⁴ См.: Там же. S. 159.
- ²⁵ См.: Kadokura. С. 42-43.
- ²⁶ Уено Н. Воспоминание (на японском языке) // Shiso. Nr. 33. S. 187.
- ²⁷ См.: Очерки столетия Токийского художественного университета (на японском языке). Токио, 1987. С. 522-532.
- ²⁸ См.: Архив Токийского университета. Дело 1900 года. Л. 24, 27-29.
- ²⁹ См.: Архив Токийского университета. Дела с 1914 по 1925 год (1-я часть). Материалы о Кёбере. Л. 2.
- ³⁰ См.: Koeber. Kleine Schriften. S. 136.
- ³¹ Там же. S. 134.
- ³² Там же. S. 153.
- ³³ Накамура К. и др. (сост.) Дневники Святого Николая Японского. - Саппоро (Япония), 1994. С. 554.
- ³⁴ См.: Накамура К. Миссионер Николай и Япония во время Мейдзи. (на японском языке). - Токио: изд. Иванами, 1996. С. 154-159.
- ³⁵ Koeber. Kleine Schriften. S. 151-152.
- ³⁶ Koeber. Kleine Schriften. S. 135.
- ³⁷ См.: Архив Токийского университета. Список преподавателей-иностранцев в конце мая 1905 года, составленный секретариатом министра просвещения. Л. 19.
- ³⁸ См.: Koeber. Kleine Schriften. S. 233.
- ³⁹ См.: Государственный Архив МИДа Японии. 8-3-5-2. № 4: российский подданный Рафаэль Кёбер.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКИЕ ОБЩИНЫ НЕМЦЕВ КРЫМА (1880-Е - 1930-Е ГГ.)

Формирование конфессиональных общин немцев Крыма проходило на полуострове в течение XIX в. по мере переселения немцев и роста их землевладения. По данным первой всероссийской переписи 1897 г., в Крыму проживало 31950 немцев (5,8% от общего числа населения), из них 30027 человек являлись сельскими жителями: в Перекопском уезде — 11718 человек (22,8%), Евпаторийском — 7588 человек (12%), Симферопольском — 5812 человек (4,1%) и Феодосийском — 4909 человек (4,2%)¹ Приблизительно 80% были середняками и зажиточными крестьянами-собственниками, 17% — безземельными крестьянами, т.е. арендаторами, и около 3% — крупными землевладельцами². В начале XX в. в Крыму было 186 евангелическо-лютеранских общин (20914 чел.), 22 католических общины (5063 чел), 29 меннонитских общин (3260 чел), 10 общин сепаратистских (1575 чел.)³. Немцы стали играть на полуострове одну из ведущих ролей в экономике края, социально-политической и общественной жизни. С начала переселения они строго соблюдали религиозные обряды, берегли свой язык и национальные традиции, заботливо передавали их последующим поколениям. Большую роль в этом играла религиозная община. С конца XIX в. для немецких общин характерно несколько основных тенденций: во-первых, активная деятельность по реконструкции и строительству церковных сооружений, во-вторых, образование новых евангелическо-лютеранских приходов.

Церкви строились как в сельской местности, так и в крымских городах. В Симферополе лютеранская кирха была построена в 1840 г.⁴ В 1910 г. Симферопольский евангелическо-лютеранский приход состоял из немцев (ок. 400 чел., 66%) и эстонцев (ок. 200 чел., 33%). Богослужение в кирхе проходило поочередно⁵. При кирхе действовало училище, открытое в 1845 г.⁶

В Феодосии лютеранская кирха была перестроена из мечети и открыта в 1876 г. Богослужения в XIX в. в ней проходили редко, т. к. приход состоял из 75 человек и пастор жил в 35 верстах от города⁷.

Одной из самых красивых и больших была кирха г. Керчи, построенная на рубеже XIX–XX в. Прихожан в ней было более 1 тыс. чел. — немцы и эстонцы. В 1875 г. был утвержден проект здания кирхи "Святой Марии" в Ял-

те. В 1885 г. кирха была построена и являлась филиальной Нейзацкого лютеранско-евангелического прихода.

Евангелическо-лютеранские кирхи были и в других городах — Судак (построена в 1887 г.), до этого здесь был молитвенный дом; в Севастополе (здание постройки — нач. XX в.); в Старом Крыму в 1913 г. городским управлением безвозмездно был отдан участок земли Цюрихтальскому приходу для постройки молитвенного дома. Со стороны местных и губернских властей препятствий не встречалось, но здание построено не было⁸.

Большая часть евангелическо-лютеранских кирх, молитвенных домов на полуострове была сосредоточена в сельской местности. К 1865 г. их насчитывалось 9. В Симферопольском уезде: Нейзац, Фриденталь, Кроненталь. В Феодосийском уезде: Цюрихталь, Гейльбрун и молитвенные дома в Судак, Окреч, Мариенталь и Нейдорф (Ислам-Терек)⁹.

В 1899 г. в строительном отделе был утвержден план молитвенного дома в с. Аблеш Феодосийского уезда, а также строительство нового, на месте построенного в 1890 г., школьно-молитвенного дома в с. Камбар Евпаторийского уезда¹⁰. В 1904 г. было получено разрешение Департамента духовных дел и губернских властей на строительство школьно-молитвенного дома в с. Киябак Бютеньской волости Перекопского уезда¹¹.

В 1908 г. был утвержден проект и разрешено строительство лютеранской кирхи в с. Бютень Бютеньской волости Перекопского уезда¹². В 1910 г. здание было построено, в комплексе с кирхой был выстроен дом пастора и церковно-приходская школа (новое здание)¹³. В 1910 г. строительным отделом разрешено сооружение в с. Отар-Мойнак Донузлавской волости Евпаторийского уезда нового молитвенного дома¹⁴. Надо отметить, что на строительство кирхи, молитвенного дома должны были быть получены разрешения от уездных, губернских властей, Департамента духовных дел и евангелическо-лютеранской генеральной консистории, при этом не должно быть возражений со стороны православной церкви. Например, в 1904 г. было запрещено строительство кирхи в д. Барак Владиславовской волости Феодосийского уезда по причине того, что разрешение дала только Феодосийская земская управа, а также это вызвало недовольство православной церкви, т. к. в д. Барак было 10 дворов, а ближайшая кирха находилась в 3-х верстах в с. Ислам-Терек¹⁵.

Неудачно закончился проект по строительству новой кирхи в г. Феодосии. Получив в 1910 г. землю от городского управления под строительство, составив проект и смету на строительство (26907 рублей, архитектор Кейлис), совершив 23 июля 1913 г. закладку будущего здания и решив назвать его в память императрицы Екатерины II, получив в августе 1914 г. утверждение проекта и сметы от губернских властей, прихожане так и не смогли

построить новую кирху¹⁶. Причиной этому стала начавшаяся Первая мировая война и последовавшие правовые ограничения немцев в Российской империи, например, 1 июля 1915 г. в Севастополе была задержана германско-подданная Берта Польшит, при обыске у которой была обнаружена брошюра "Денежный отчет за 1914 г. Симферопольской евангелическо-лютеранской церкви". Внимание полиции привлек факт наибольших денежных пожертвований прихожан в 1914 г.

Заслуживает внимание строительство последней кирхи в Крыму не только до революции, но и вообще в XX в. на полуострове. В 1911 г. на сходе представителей сельских обществ и частных землевладельцев Нейзацкого прихода, который созвал председатель церковного совета Ф. Гершельманн, было решено построить в с. Нейзац на месте старой кирхи (постройки 1825 г.) новую, а также дом для обучения конфирмантов. Сумма исчислялась в 34902 рубля. В 1915 г. здание кирхи было построено и торжественно открыто (освящено) 6 мая 1915 г. в день рождения Российского императора Николая II и названа "Николаевской"¹⁷.

Евангелическо-лютеранские общины немцев Крыма были объединены в приходы. Старейшие из крымских приходов — Нейзацкий и Цюрихтальский.

Нейзацкий евангелическо-лютеранский приход образован в 1812 г. Первым пастором (по 1813 г.) был Фр. Хорнбург, в 1822-1826 гг. — И. Бёрлин, 1827-1930 гг. — К. Койхель, 1831-1854 гг. — К.Ф. Килиус, 1856-1883 гг. — Н. Миквиц, 1891-1929 гг. — Фердинанд Гершельманн (арестован в 1929 г., сослан в середине 1931 г. в г. Минусинск, умер в 78 лет), 1917-1929 гг. — пастор-помощник Фердинанд Гершельманн-младший (арестован в 1929 г., сослан в Сибирь 13.02.32 г., убит деревом на лесоповале)¹⁸.

В Цюрихтальском приходе известны следующие пасторы: 1822–1827 гг. — Г. Дитрих, 1858–1870 гг. — Фридрих Тидэманн, 1870–1889 гг. — Карл Зегниц, 1890–1901 гг. — Генрих Люцки, 1901–1907 гг. — Бернгард Грунтстрём, 1908–1924 гг. — Эмиль Холодецкий (расстрелян в 1924 г.), 1926–? гг. — Йохан Зайдлиц¹⁹.

Одним из первых евангелическо-лютеранских приходов, образованных в начале XX в., был Найманский, или Гохгеймский, с центром в селе Найман (немецкое название Гохгейм) Перекопского уезда, где немцы обосновались в 1870 г. Вскоре здесь было оборудовано помещение под молитвенный дом, в котором пастором велись метрические книги, отправляемые в конце года пастору в с. Нейзац. В середине 90-х гг. XIX в. прихожане и пастор Я. Штах ходатайствовали об образовании самостоятельного прихода, отдельного от Нейзацкого, но генеральная консистория отказала им. В 1901 г. поселенцы-собственники 22-х обществ через 16 доверенных лиц подали прошение об

образовании Найманского прихода. После долгой процедуры уточнения мнений губернских властей на возражения Евангелическо-лютеранской генеральной консистории и Епископа Таврической губернии, Департамент духовных дел иностранных исповеданий в декабре 1903 г. сообщил Таврическому губернатору о возможности 22 обществам образовать самостоятельный приход с центром в с. Найман²⁰. Состав пасторов был следующим: 1887-1891 гг. — Ф. Гёршельманн, 1891-1899 гг. — Якоб Штах, 1899-1913 гг. — Элнас Раймерс, 1923-1935 гг. — Густав Вит (пропал без вести)²¹.

В 1912 г. на правах филиала Найманского прихода был образован Джанкойский евангелическо-лютеранский приход с центром в пос. Джанкой, церковно-имущественными делами которого заведовал особый церковный совет, жалование пастору выплачивалось прихожанами прихода — 85 семейств (345 чел.) лютеран пос. Джанкой и 16 обществами (ок. 400 семейств), расположенными вокруг Джанкой²².

В этом же, 1912 г. на правах самостоятельного прихода, входивший с 1893 г. как филиал в Нейзацкий приход, был образован Джелалский евангелическо-лютеранский приход с центром в с. Джелал (немецкое название Адамсфельд), в котором жили немцы с 1865 г. В состав прихода вошли г. Евпатория, 25 селений и 16 поселений с немецким населением²³. Состав пасторов в Джелалском приходе был следующим: 1893-1899 гг. — Артур Хансон, 1900-1902 гг. — Е. Аллас, 1903-1914 — А. Фришфельд, 1918-1930 гг. — Эмиль Шимкс, ? — Вильгельм Лорер²⁴.

На правах филиала Нейзацкого прихода в 1912 г. был основан Бютенский евангелическо-лютеранский приход с образованием особого церковного совета для заведования церковно-имущественными делами, пастор содержался за счет прихожан (50% от числа прихожан и 50% от налога с земли). Центр прихода находился в с. Бютень Перекопского уезда, в состав которого входило 15 общин и 15 семей землевладельцев, всего 365 семейств²⁵.

Пастором с момента образования прихода и до его закрытия был Артур Хансон (в 1930 г. арестован и сослан в Сибирь, освобожден в Москве, где в 1937 г. вновь арестован и переправлен в Симферополь)²⁶.

С установлением Советской власти в 1920 г. начинает изменяться отношение к религии в новом государстве. Постепенно устанавливается недоброжелательное отношение к верующим, религиозным общинам, а также священнослужителям, переходящее в репрессии против них. С конца 1920-х гг. началось закрытие лютеранских молитвенных домов и кирх, как в селах, так и в городах. Архивные документы пестрят одноименными штампами отисей церковного имущества, снятие верующих с учета, а также требование "большинства трудящегося населения" о закрытии молитвенных домов и кирх, ко-

торые затем стали использоваться под клубы, склады, школы, передаваться на баланс различным организациям. Например, в 1932 г. помещение кирхи г. Феодосии передано "для охранения" Феодосийскому археологическому музею, молитвенный дом в с. Аксорию-Конрад Биюк-Онларского района передан под школу, а в с. Камбара переоборудован по клуб²⁷.

Начался период "воинствующего атеизма", переходивший после 1945 г. в акты вандализма — уничтожение кладбищ, разрушение культовых сооружений. Ситуация изменилась в 90-е гг. XX в. С началом официального возвращения депортированных немцев в Крым стали появляться и лютеранские общины.

Примечания

¹ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи. СПб., 1905. Т. 1. С. 67.

² См.: Государственный архив Автономной Республики Крым (Далее ГААРК). Ф. Р. 4093. Оп. 2. Д. 616. Л. 18.

³ См.: Eisenbnaun Th. Ausschnitte über die Ansiedlung, so wie die wirtschaftliche und kulturelle Entwicklung und den Vutergang der deutschen siedlungen in der Krim // Heimatbuch der Deutschen aus Rusland. Stuttgart, 1960. S. 9.

⁴ См.: Лашков Ф. Третья учебная экскурсия симферопольской мужской гимназии. Симферополь, 1890. С. 125.

⁵ См.: ГААРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 10910. Л. 24.

⁶ См.: Лашков Ф. Указ. соч. С. 125.

⁷ См.: Гермоген. Таврическая епархия. — Псков, 1887. С. 377

⁸ См.: ГААРК. Ф. 27. Оп. 8. Д. 12048.

⁹ См.: Списки населенных мест Российской империи. XLI Таврическая губерния. СПб., 1865.

¹⁰ См.: ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2809.

¹¹ См.: Там же. Оп. 3. Д. 451.

¹² См.: Там же. Оп. 13. Д. 3746.

¹³ См.: Там же. Оп. 1. Д. 10905

¹⁴ См.: Там же. Д. 10904.

¹⁵ См.: Там же. Оп. 3. Д. 524.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Там же. Оп. 13. Д. 4949.

¹⁸ См.: Там же. Д. 4196.

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ См.: P. Rezeichnis der ev.-luth. Pfarrer in der Krim // Heimatbuch der deutschen aus Rusland. Stuttgart, 1960. S. 107.

²¹ См.: ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4196.

²² См.: Там же. Оп. 3. Д. 155.

²³ См.: Там же. Оп. 1. Д. 11556.

²⁴ См.: Там же. Д. 11697.

²⁵ См.: Там же. Д. 11557.

²⁶ См.: Там же. Ф. Р-663. Оп. 4. Д. 25. Л. 46.

²⁷ См.: Там же. Д. 4. Л. 7, 24.

НЕМЦЫ-КАТОЛИКИ И ПОЛОЖЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел... Я избрал вас от мира, поэтому ненавидит вас мир... Если Меня гнали, будут гнать и вас... но да сбудется слово, написанное в законе их: "Возненавидели Меня напрасно".

Ин. 15.18-20, 25.

Христианство существует в мире уже два тысячелетия, десять столетий назад оно появилось и на Руси. Пожалуй, ни одна из христианских конфессий России не вызывала к себе столь противоречивого отношения, как католицизм. Для России как многонациональной страны католицизм, наряду с православием, протестантизмом, исламом и буддизмом, являлся традиционной религией. Было бы ошибочным говорить о наличии на территории Российского государства единой в этническом и национальном смысле Католической Церкви. Несомненно, российский католицизм был однородным в конфессиональном смысле, но на различных исторических этапах он существовал во всевозможных национальных проявлениях: после присоединения к России части территории Речи Посполитой широкое распространение получил польский католицизм; с конца XVIII в., в результате притока иностранных колонистов, началось формирование немецкой католической диаспоры; в XX в. окончательно сформировался католицизм Западной Украины и Западной Белоруссии¹.

На основе стереотипного восприятия, Римско-католическая Церковь в России, как правило, традиционно рассматривалась только как польская и отождествлялась с поляками. Долгое время не упоминалось о принадлежности к этой конфессии немцев, представлявших собой вторую по величине и значению католическую диаспору Российской Империи после поляков. По целому ряду мотивов не замечалась и приверженность к этой конфессии русского населения.

Возникновение догм и предрассудков в отношении истории Римско-католической Церкви России было связано не только с отсутствием достоверной и полной информации, но и с определенными политическими целями. Изменения в духовной жизни страны и в государственно-церковной политике позволили в настоящее время иначе взглянуть на некоторые проблемы и обратиться к возрождению истории Церкви. К сожалению, сегодня история Римско-католической Церкви в России изучена недостаточно полно. Открывшийся в последние годы доступ к запрещенным ранее архивным фондам и возможность использования широкого круга источников позволяют приступить к глубокому изучению данной проблематики.

Римско-католическая религия и Церковь не занимали постоянного места в российском обществе. Их положение зависело от конкретных социально-политических условий и изменялось с течением времени. В различные периоды истории между Церковью и государством складывались непростые, а порой драматические, взаимоотношения.

Католицизм, как религия притесняемая, никогда не находился в стране на одном уровне с главенствующей и господствующей верой - православием и, без сомнения, не мог иметь того первенствующего значения, которое было отведено Православной Церкви. Католицизм никогда не считался русской религией, но, несмотря на такую особенность, ему удивительным образом суждено было оказать определенное влияние на развитие истории страны. Католическая Церковь играла не последнюю роль в социально-экономическом и политическом развитии Российского государства, активно участвовала в установлении дипломатических отношений, помогала решать проблемы внутренней и внешней политики правительства, формировала мировоззрение отдельных государственных деятелей. Католики занимали видные государственные посты, создавали политические партии и общественные союзы.

Однако на протяжении многих веков католицизм рассматривался официальной идеологией как религия иноземцев и врагов России. Антикатолические кампании, направленные на искоренение Католической Церкви, носили как санкционированный государственной властью, так и стихийный характер. Причины отрицательного отношения многих российских царей и органов государственной власти к Католической Церкви имели глубокие исторические корни и складывались из следующих составляющих.

1. ственной религии.
2. Православная Церковь опасалась миссионерской деятельности римских католиков и поэтому всячески противодействовала распространению в России католицизма.

3. В католицизме многие русские цари видели опасную силу, подрывавшую устои и интересы светской власти, а Римско-католическая Церковь активно пыталась выйти из-под влияния государства.

4. Вследствие того, что папство на протяжении веков являлось сторонником и союзником польских, немецких, и шведских рыцарей, неоднократно вторгавшихся в русские земли, у царского правительства сложились неприязненные отношения с Римом.

5. На Римско-католической Церкви отражалось сформировавшееся десятилетиями враждебное отношение России к Польше.

6. Значительную роль играл русский патриотизм и национальные чувства русских людей. Общественное сознание и великодержавный российский менталитет на протяжении многих веков строились на противопоставлении всему западному, в том числе и религии.

7. Царское правительство опасалось влияния иезуитов и др. католических орденов на государственную идеологию и высшие слои русского общества.

8. Особую роль играли догматические различия между православием и католичеством.

Многовековое отношение в России к этой конфессии, как к давнему врагу православия и самодержавия, все же не привело к полной ликвидации католической религии на территории государства. Российские католики, обладавшие своеобразным менталитетом и во многом унаследовавшие ценности западноевропейской цивилизации, смогли сохранить свою конфессиональную идентичность, религиозные традиции и обычаи. К середине XIX в. католицизм в России, пройдя нелегкий путь становления и развития, завоевал прочное место среди других конфессий.

Появление значительной немецкой католической диаспоры в России относится к концу XVIII в. В 1840-е гг., после того как в Российской Империи было издано около 40 запрещающих, ликвидирующих и ограничивающих указов антикатолического содержания², Римский Папа Григорий XVI обвинил российское правительство в отсутствии веротерпимости и уничтожении Католической Церкви. Николай I, опасаясь обострения международных отношений, согласился на предложение Св. Престола начать переговоры и разрешил создание новой католической епархии в европейской части России - Херсонской, а Могилевскую архиепархию с 1849 г. перенес в Санкт-Петербург.

Территория Херсонской епархии занимала площадь 14 тыс. кв. миль и превосходила по размеру все католические епархии Европы. В первую очередь, епархия была основана для 200 тыс. немецких колонистов России³. Но в ней проживали также поляки, литовцы, латыши, армяне, грузины, французы, итальянцы, чехи, греки и католики других национальностей.

С середины XIX в. и вплоть до 1917 г. в Российской Империи существовало 12 римско-католических епархий, из них одна епархия и архиепархия находились на территории России, а остальные - на территории Польши, Литвы и Западной Украины.

К 1914 г. на территории России за исключением Царства Польского насчитывалось 1 158 приходов, 1 491 храм, 1 358 часовен, 2 194 священника, 5 млн. верующих⁴. В 1917 г. на всей территории Российской Империи проживало 11,5 млн. человек, исповедовавших католичество, что составляло почти 9% населения страны.

Территория Могилевской архиепархии распространялась на северную часть Российской Империи, архиепархия имела деканаты в Санкт-Петербурге, Москве, Витебске, Иркутске, Омске, Орше, Полоцке, Томске и др. Тираспольская римско-католическая епархия охватывала европейскую часть России и юг страны. В 1902 г. она объединяла 121 церковь, 131 священнослужителя и почти 300 тыс. прихожан⁵. К епархии относились деканаты: Саратов, Каменка, Екатериненштадт, Мариенталь, Зеельман (Ровное) в Поволжье, Одесса, Николаев, Симферополь, Бердянск, Екатеринослав (Днепропетровск), Пятигорск - Тифлис на юге России и Тургайская часть Сибири.

После создания Тираспольской епархии ее первым епископом был назначен Фердинанд Кан, однако не существовало ни резиденции епархии, ни кафедрального собора, ни консистории, ни капитула. В Риме появилось предложение рассматривать в качестве резиденции Херсонского епископа не Херсон, как планировалось ранее, а г. Одессу. Данный вариант был почти сразу же отвергнут Святым Престолом из соображений безопасности: если Одесса, как пограничный город, в случае войны будет переведена на осадное положение, то это приостановит и деятельность епархии.

После долгих раздумий в качестве резиденции епархии был выбран уездный городок Херсонской губернии - Тирасполь, на что Папа Пий IX в 1852 г. дал свое согласие. Херсонская епархия была переименована в Тираспольскую⁶. В Тирасполе насчитывалось менее ста лиц католического вероисповедания, к тому же не было не только католической церкви, но и подходящего помещения для размещения епископа и духовной семинарии. Правительство согласно договору 1847 г. предоставило в распоряжение епархии материалы для постройки кафедрального собора и необходимых зданий в Тирасполе. Однако строительство было приостановлено из-за разразившейся Крымской войны (1853-1856).

Тогда в 1856 г. епископ Фердинанд Геланус Кан решил "временно" избрать в качестве места своего проживания Саратов, который и стал центром

Тираспольской епархии⁷. Название "Тираспольская епархия" было решено сохранить в отличие от Саратовской православной епархии⁸. Саратов стал одним из центров Римско-католической Церкви России. В Саратовской губернии в то время проживало около 20 тыс. католиков, большей частью немцев, в г. Саратове насчитывалось более 2 тыс. лиц католического вероисповедания⁹.

Сразу после создания католической епархии в европейской России государство установило жесткий контроль над ее деятельностью. Например, в 1850 г. Департамент Духовных Дел иностранных исповеданий направил в Херсонскую епархию указы Правительствующего Сената "О делении церковных предметов иностранных исповеданий на священные и несвященные" и о запрещении ввоза из-за границы "книг, не дозволенных цензурою". Государственные органы вмешивались даже в сугубо религиозные вопросы.

19 ноября 1851 г. "господину Херсонскому епископу Кану" был направлен высочайший указ "самодержца Всероссийского" о немедленном упразднении на территории епархии всех римско-католических монастырей с числом менее восьми монашествующих. Подобные меры были приняты и на территориях других епархий. В 1853 г. епископ Кан получил приказ МВД, в котором Министерство требовало, "чтобы приобретение недвижимого имущества римско-католическими духовными учреждениями, под каким бы то ни было видом и на какую бы то ни было сумму", производилось не иначе, как с разрешения МВД¹⁰. Органы власти жестко регламентировали даже самые незначительные вопросы жизнедеятельности всей Римско-католической Церкви. Корреспонденция в Рим из всех римско-католических епархий Российской Империи отправлялась на латинском языке, но должна была обязательно переводиться на русский язык для Министерства внутренних дел.

Государство вмешивалось даже в процесс проведения богослужения. В 1873 г. по указанию гражданских властей Римско-католическая Духовная Коллегия издала указ, касавшийся всех епархий, в соответствии с которым духовенство было обязано "при исполнении гимна "Боже царя храни" не отходя от алтаря и стоя у ступеней оного выслушать пение или музыку гимна"¹¹.

Подлежали обязательной проверке все предписания и указы епископов, причем в качестве цензоров выступали православные священнослужители. 20 сентября 1871 г. Римско-католическая Духовная Коллегия издала указ "Об употреблении деканами в переписке печати не с изображением святых, при церквях коих они состоят, с надписью на латинском или русском языках, а с изображением государственного герба"¹².

Русская цензура тщательно проверяла тексты молитв и проповедей. Устав о цензуре и печати запрещал все книги духовного содержания, "кои

заключают в себе умствования и мнения противные главным началам христианской веры, или опровергающие учение Православной церкви, или же ведущие к безбожию, материализму, неуважению Священного Писания и т.п."¹³. Несмотря на то, что некоторая часть религиозной литературы печаталась за границей, правительство требовало, чтобы во все богослужебные книги были вклеены страницы с текстом молитвы за того или иного конкретного царя. Упоминания нарицательного понятия "царь" или первых букв его имени было недостаточно. При восшествии на престол нового императора необходимо было перепечатывать все молитвы и вносить изменения в книги, которыми пользовались прихожане. В церквях регулярно служили молебны за здоровье царской семьи, по случаю благополучного разрешения от бремени супруг императоров и великих князей, в честь юбилеев российских царей и по многим другим торжественным поводам.

В 1893 г. за "забывчивость" упомянуть во время богослужения благодарственный молебен о спасении царской семьи, на год был отправлен в монастырь викарий Я. Нарушис¹⁴. В 1884 г. был издан приказ МВД о том, что "римско-католические священники, виновные в неисполнении требования отслужить панихиду 1 марта в дни поминаения почившего государя императора Александра II и 19 февраля (день освобождения крестьян), будут подвергаемы строжайшей ответственности"¹⁵.

Правительство использовало всевозможные, порой жестокие методы, чтобы добиться русификации Римско-католической Церкви или даже ее полного устранения. Весьма распространенным был запрет священнику жить рядом со своим приходом. Например, одному из крымских священнослужителей было предписано снимать квартиру в г. Перекопе, где не проживало ни одного человека католического вероисповедания, а ближайшая католическая община находилась в 25 километрах от города¹⁶.

Вторым широко применяемым методом было насильственное обращение католиков в православие. Католическая религия уже отчасти была обречена на вымирание, так как детей от смешанных браков разрешалось крестить только в православной вере. Епископ Кесслер приводил пример, что, когда в одну из католических деревень специально поселили русскую православную семью с 7 дочерьми, уже через четверть века практически все поселение стало православным¹⁷.

Деятельность епархии находилась под строгим надзором правительственных органов. Командированный в Саратов для изучения перспектив пребывания здесь управленческих структур Тираспольской епархии действительный тайный советник П.Н. Батюшков в 1857 г. сообщил, что "учреж-

дение здесь кафедры римско-католического епископа... положительно вредно для православия здешнего края"¹⁸.

Получив такую записку, министр внутренних дел С.С. Ланской наложил резолюцию: "Сообразить немедленно о переводе Тираспольского епископа из Саратова в Тирасполь или другое место, которое окажется более удобным". Но епархия так и осталась в Саратове. Некоторые исследователи высказывали мнение, что в августе 1858 г. римско-католическое епархиальное управление временно переводилось в Тирасполь, однако, данный факт не подтвержден документальными источниками¹⁹.

Против существования резиденции католической епархии в Саратове всячески протестовали и православные священнослужители. Поводом для подобного недовольства стала значительная разница в материальном положении католического и православного духовенства. Например, православный епископ Саратова получал 800 руб. в год, а латинский - почти 5 000 руб. Современники в резком тоне писали: "Нашему епископу не на что было приобрести соответственного экипажа, и он довольствовался чем-то вроде тарантаса, в то время как епископ Кана с триумфом разъезжал в богатом экипаже... Мы опасаемся обидеть католиков... спокойно оставляем процветать и благоденствовать католическую епархию в Саратове в ущерб православию и притом на правительственные суммы"²⁰.

Когда в 1863 г. епископ Кана в одном из обращений к правительству предложил построить новый кафедральный собор, ему порекомендовали подождать, мотивируя отказ тем, что Саратов еще не окончательно утвержден в качестве резиденции епископа; кроме того, неясно, "будут ли немцы руководить епархией и приходами, и приобретут ли они авторитет и влияние"²¹. До 1872 г. во всех управленческих структурах епархии преобладали священнослужители польской национальности, но в этом не было ничего удивительного не только потому, что поляки составляли вторую по величине этническую группу Тираспольской епархии после немцев, но и по той причине, что польские священники, изгнанные из своих монастырей на родине, искали себе пристанище в других регионах России. Только с середины 70-х гг. и вплоть до 1917 г. в органах управления епархией и в приходах стало господствовать немецкое духовенство.

На деятельности Римско-католической Церкви, и Тираспольской епархии в частности, отражались все политические события, происходившие в России. Польское восстание 1863 г. (январь 1863 - май 1864 гг.) за независимость от царского правительства, которое активно поддержало и польское католическое духовенство, в значительной степени повлияло на судьбу католицизма в стране. После подавления восстания преследования и ограничения косну-

лись деятельности всей Церкви. 2 октября 1866 г. Папа Пий IX осудил политику Николая I, вследствие чего российский император разорвал конкордат 1847 г. в одностороннем порядке и отозвал из Ватикана русских послов.

В 1865 г. император преобразовал иерархическую структуру Католической Церкви, было закрыто 80 католических монастырей, запрещены контакты с Римом²². Подавление национально-освободительных стремлений польского народа сказалось и на деятельности всех католических епархий Российской Империи, несмотря на то, что большинство католиков занимало в отношении царского правительства верноподданнические позиции.

Департамент Духовных Дел иностранных исповеданий был вынужден заняться рассмотрением "антиправительственной деятельности католического духовенства"²³. Значительная часть священнослужителей была отправлена в ссылки по обвинениям в причастности к восстанию.

Епископ Кесслер в XX в. писал, что после польского восстания волна "великого преследования Католической Церкви" докатилась и до Саратова, и епископ Кана со страхом ожидал ликвидации епархии²⁴. Все это заставило Кана и его преемников заняться переустройством епархии и Духовной семинарии, заключавшемся в привлечении к их управлению большего числа немецкоязычных священников.

Политика императора Александра II в отношении Римско-католической Церкви России была направлена на германизацию и устранение поляков, поэтому из Тираспольской духовной семинарии были уволены польские преподаватели. Трое профессоров семинарии польской национальности, подозреваемые в связях с польскими повстанцами, были арестованы. Позже они были отпущены на свободу, но впредь не могли занимать должности священнослужителей. По выражению Кесслера, "божественное провидение" направило в Саратов Франца К. Цоттмана, который стал единственным профессором семинарии немецкой национальности, а с 1865 г. - её ректором.

Учитывая заслуги Ф. Цоттмана перед Духовной семинарией и ощущая давление со стороны русского правительства, стремившегося к германизации Тираспольской епархии, 14 апреля 1872 г. Папа назначил Цоттмана епископом. До этого в течение восьми лет епархия не имела епископа.

Когда Цоттман перенял управление епархией, она насчитывала 200 тыс. немцев, 35 тыс. поляков и литовцев, 6 тыс. грузин, проживавших в Закавказье, а также представителей других национальностей²⁵. Учитывая то, что большинство верующих все же составляли немцы, Цоттман уделял им особое внимание, чем вызвал недовольство польского духовенства епархии. Во время его епископата в капитуле служили лишь два польских прелата и один поляк-каноник. По сообщению Кесслера, недовольство поляков ещё

больше усилилось, когда свою первую проповедь в кафедральном соборе Саратова Цоттман провел на русском языке. К сожалению, подобные неизбежные трения между представителями различных национальностей были выгодны правительству и осложняли без того шаткое положение Римско-католической Церкви в России.

Епископ в своей деятельности старался сделать акцент на то, что вся его паства – это, прежде всего, католики, а только потом немцы, поляки, литовцы и т.д. Характерной чертой епископата Цоттмана было увеличение числа приходов и прихожан. Если в 1857 г. к Тираспольской католической епархии относился 115 281 прихожанин, то уже в 1888 г. их число увеличилось почти на 50% – до 244 910 человек²⁶.

Свои усилия епископ направил и на строительство нового кафедрального собора. Старая деревянная церковь была построена в начале XIX в. при поддержке иезуитов. Но о строительстве новой церкви раньше не думали, и, пожалуй, нигде в католическом мире больше не существовало столь бедного кафедрального собора. Кафедральный собор на Немецкой улице, возведенный к 1880 г. стал замечательным памятником архитектуры г. Саратова и получил название Св. Климента.

Царское правительство не возражало против строительства собора, однако и на этот раз не обошлось без произвола государственных служащих. Первый проект постройки был отвергнут российскими бюрократами, надзиравшими за ходом строительства, так как церковь согласно предложенному плану имела шпиль, значительно превышавший по высоте купола всех православных церквей города. Несмотря на то, что подобное положение не упоминалось в теории градостроительства, губернская администрация запретила строительство собора по предложенному проекту. В результате был разработан более простой план, предусматривавший невысокий шпиль, который и был вместе со сметой согласован и утвержден губернским архитектором.

Административные усилия по регламентации строительства культовых объектов по всей стране осуществлялись уже с начала XIX в. Еще в 1830 г. был подготовлен проект Положения о распространении правил, принятых для строительства планов и фасадов православных церквей, на церкви иностранного исповедания. Кабинет министров направил текст Положения для обсуждения в Могилевскую Римско-католическую Духовную Коллегию, на что последняя ответила, что “в правилах римско-католической религии нет постановления, по каким фасадам должны строиться церкви... по сему общие правила могут быть к ним применены”²⁷. Положение являлось основным нормативным актом, который регламентировал строительство католических и других инославных церквей в России.

Не менее строго МВД следило за проектированием, строительством и перестройкой колонистских католических церквей, а с 1889 г. и моленных домов в немецких колониях. Если при Николае I католики свободно могли получить разрешение на строительство церквей, а порой правительство даже само проявляло инициативу, то в период правления всех остальных русских императоров, особенно, когда в 1880-1905 гг. обер-прокурором Синода стал К.П. Победоносцев, строительство католических церквей, и даже их капитальный ремонт, практически были запрещены. Некоторые католические общины, например, Гроссвердер на Дону и Александровка в Таврической губернии, годами ждали разрешения правительства на строительство. Все эти меры проводились по инициативе Православной Церкви, всячески стремившейся ограничить влияние католиков в России.

Иногда государственные органы запрещали строить церкви с колокольнями. Все же в целом строительство церквей в Тираспольской римско-католической епархии велось гораздо активнее, чем, например, в польских и литовских епархиях, где строительство, как правило, вообще запрещалось. Многие римско-католические церкви России по пышности и величелию могли конкурировать с красивейшими церквями Европы. Например, замечательными памятниками архитектуры являлись церкви в Одессе, Зельмане, Николаеве, Карлсруэ и многих других городах и селах.

В 1885 г. только в Поволжских немецких колониях насчитывалось 37 католических церквей. Храмы строились не только в колониях, но и в крупных городах епархии. Так, в 1906 г. церковь была построена в Самаре по проекту местного архитектора А. Щербачева и эскизам петербургского академика Ф. Богдановича. Ранее в 1863-1864 гг. в городе уже велось строительство храма, однако последовавшие за Польским восстанием 1863 г. преследования Римско-католической Церкви привели к тому, что самарским католикам было запрещено открывать в городе собственную церковь, и недостроенное здание было продано лютеранской общине²⁸.

С середины XVIII в. и до начала революции 1917 г. в Тираспольской епархии было сооружено 116 монументальных храмов, которые являлись центрами религиозной жизни. За последнее десятилетие XIX в. только в Поволжье было построено 16 католических церквей, из них 11 в немецких колониях и 5 в городах²⁹.

До конца XIX в. в отношениях между Россией и Ватиканом произошли значительные изменения. Официальные связи России с Римской курией после расторжения их после восстания возобновились лишь в начале 1894 г. С приходом к власти Александра III началась постепенная нормализация взаимоотношений: в 1883 г. было заключено очередное соглашение, а в

1884 г. направлен посланник в Рим³⁰. Папа Лев XIII и его окружение возлагали большие надежды на союз с Россией в результате временного охлаждения между Ватиканом и германским правительством вследствие участия Италии в Тройственном союзе.

В 1898 г. российскому представителю в Ватикане было заявлено, что в случае, если возникнут какие-либо затруднения между правительством России и любым католическим епископом, то "Вы всегда найдете со стороны Папы поддержку и полную готовность дать епископам надлежащие наставления"³¹. Ватикан предписывал католическому духовенству России быть верным правительству и императору.

Государство в свою очередь требовало преданности от священнослужителей и беспрекословного подчинения указаниям властей от прихожан-католиков в течение всего периода деятельности епархии. Ещё в 1856 г. епископ Кан получил циркуляр от государственных органов, указывающий на то, что, хотя все католические священнослужители "обязаны показать свою готовность, помогая любезному нашему государю", в некоторых местностях Империи католическое духовенство "не заботится внушать колонистам преданности правительству и отказывается исполнять требования воинских лиц". Циркуляр предписывал принять меры, "дабы что подобного не случилось" впредь³².

Правительство негативно относилось к поездкам епископов по приходам (ни один из первых четырех епископов Тираспольской епархии так и не смог объехать большей части подведомственных ему приходов), не говоря уже об их поездках в Ватикан. Епископ Кан не был в Риме ни разу, епископу Цоттману удалось посетить Папскую курию тайно, лишь епископ Церр по разрешению Александра III смог отправиться в Ватикан для переговоров с Папой Львом XIII.

Все же жизнь Тираспольской епархии, как и всей Римско-католической Церкви России, шла своим чередом. Количество верующих, приходов и российских регионов, населённых католиками, увеличивалось. К началу XX в. число католиков заметно возросло и в Тираспольской епархии, она объединяла 87 приходских церквей, 34 филиальные церкви, 131 священнослужителя и около 330 тыс. прихожан (около 60% которых были немцами).

Самыми многочисленными городскими приходами Римско-католической Церкви России в начале XX в. были Одесские приходы Св. Климента – 17 800 человек и Успения Богородицы – 15 000 человек. Крупнейшими сельскими приходами являлись поволжские приходы Ровное – 8 500 человек, и Тонкошуровка – 8 000 человек. Более 8 000 прихожан насчитывалось также в Манглисе (Тифлисского деканата), Екатеринославле, Николаеве и Саратове.

По некоторым данным всего в России в начале XX в. только немецких католических приходов насчитывалось 127, не говоря о католиках других национальностей. Из них 49 находились в Поволжье (в том числе – 34 в Самарской губернии и 15 в Саратовской губернии) и 78 на Черноморском побережье (в том числе – 36 в Херсонской губернии, 22 в Таврической губернии, 11 в Екатеринославской губернии, 5 на Дону и по 2 в Харьковской губернии и Бессарабии)³³.

Примечания

¹ Некоторые исследователи высказывают противоположную точку зрения. Известный канадский ученый, автор фундаментальных трудов по истории Русской Православной Церкви, Д. В. Поспеловский, характеризуя развитие Западной Католической Церкви, в одной из своих работ писал: "Римская Церковь была внетерриториальной, вернее, наднациональной (католичество не было "немецким", "галльским" или "польским", в отличие от "русского" или, например, "сербского" православия)".

² См.: Кумор Б. (о.), Российский конкордат от 3 августа 1847 г. и создание Тираспольской епархии // Чаплицкий Б. (о.), История Церкви в России. СПб, 2000. С. 125.

³ См.: Stasiewski B. Die kirchliche Organisation der deutschen katholischen Siedler in Rußland // P. Bang (Hg.). Festschrift für Margarete Wollner. Heidelberg, 1967. S. 271.

⁴ См.: Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР / Авт.-сост.: о. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М., 2000. С. 372.

⁵ См.: Kahle W. Frömmigkeit und kirchliches Leben // Eisfeld A. (Hg.) Die Russlanddeutschen. München, 1992. S. 193.

⁶ См.: Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 365. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-4 об.

⁷ Данные события отражены в Деле об учреждении Тираспольской римско-католической епархии и переводе епархиального управления из Херсона в Тирасполь, а затем в Саратов (20 марта 1851 - 25 января 1861 гг.). См.: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 821. Оп. 125. Д. 43.

⁸ См.: ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 56. Л. 1-3; Д. 153. Л. 3.

⁹ См.: Там же. Д. 56. Л. 252.

¹⁰ См.: Там же. Д. 1. Л. 15.

¹¹ Там же. Д. 343.

¹² Там же. Д. 310.

¹³ Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб, 1890.

¹⁴ См.: Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С. 372.

¹⁵ ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 599. Л. 16.

¹⁶ См.: Kessler J. A. Geschichte der Diözese Tiraspol. Dickinson. N. Dakota, 1930. S. 217.

¹⁷ См.: Kessler J. Op. cit. S. 216.

¹⁸ Городецкий М. К истории римского католицизма в России (Тираспольская или саратовская латинская епархия) // Исторический вестник. 1889. Т. 38. № 10. С. 129.

¹⁹ См.: Валеев В. Из истории саратовских церквей. Саратов, 1990. С. 153.

²⁰ Городецкий М. Указ. соч. С. 130.

²¹ Stasiewski B. Op. cit. S. 277.

²² См.: Stricker G. Katholizismus in Rußland vor 1917 // Religion in der UdSSR. Unbekannte Vielfalt in Geschichte und Gegenwart. Herausgegeben von O. Basse und G. Stricker. Zollikon, 1989. S. 113.

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Л. 204.

²⁴ См.: Kessler J. A. Op. cit. S. 61.

²⁵ См.: Stasiewski B. Op. cit. S. 105-106.

²⁶ См.: Городецкий М. Указ. соч. С. 128.

²⁷ Терехин С. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. Саратов, 1999. С. 118.

²⁸ См.: Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарском крае. Самара, 1994. С. 71.

²⁹ См.: Terjochin S. Deutsche Architektur an der Wolga. Berlin, Bonn, 1993. S. 48.

³⁰ См.: Задворный В., Юдин А. История Католической Церкви в России. М., 1995. С. 20.

³¹ Шейнман М.М. Ватикан и Россия в период между февралем и октябрём 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма: Сб. ст. М., 1958. С. 75.

³² См.: Энгельсский филиал Государственного архива Саратовской области (далее ЭФ ГА-СО). Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 84. Л. 12.

³³ См.: Stasiewski B. Op. cit. S. 271.

Д. Джавадов, Г. Джавадов

НЕМЕЦКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА В ГОРОДЕ БАКУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Бурное развитие капиталистических отношений в г. Баку способствовало не только его промышленному развитию, но также изменению демографического и этнического состава населения. В конце XIX века Баку стал одним из крупных промышленных центров Российской Империи, в котором жили и работали представители различных народов и этнических групп. С развитием капитализма, в Баку все больше скопляются представители различных народов и этнических меньшинств. По сути дела, образованные здесь отдельные общины организовали свои благотворительные общества. В конце XIX века в г. Баку функционировало более 30 благотворительных обществ отдельных народов и общин. Мусульманское население города организовало "Общество распространения грамотности среди мусульманского населения Бакинской губернии - Нешр-Маариф", "Бакинское Благотворительное Общество Мусульман", украинцы создали "Благотворительное Общество Просвита им. Т.Г. Шевченко", русские - "Бакинское Благотворительное Православное Общество Кирилло-мефодиевского Братства", грузины - "Бакинско-грузинское Общество", евреи - "Бакинское Еврейское Благотворительное Общество", греки - "Греческое Благотворительное Общество в городе Баку", немцы же организовали "Дамское Евангелическо-Лютеранское Благотворительное Общество в городе Баку" и "Евангелическое Общество попечения о девицах города Баку". Были свои общества и у представителей других народов.

Несмотря на то, что эти общества были созданы представителями разных народов и народностей, все они преследовали общую цель - помощь нуждающемуся населению в учебе, жите, работе, организации учебно-просветительных и других культурных общественных учреждений.

По конфессиональному признаку эти благотворительные общества обычно делились на две группы - мусульманские и немусульманские, хотя это носило формальный характер. Так, представители иных вероисповеданий имели право быть равноправными членами мусульманских обществ, и, наоборот. Например, председатель "Бакинского Благотворительного Общества" Зейналабдин Тагиев был членом нескольких немусульманских благотворительных обществ, а членами этого мусульманского общества были

представители немецкой и других общин: С. Бенкердорф, Е. Нобель, Н. Цибульский, Э. Зейлидзон и другие.

В отчете "Бакинского Мусульманского Благотворительного общества" за 1905 год приводится состав его правления. В него входили: Аделина Львовна Накашидзе, Елизавета Каноновна Квитко, Магделина Михайловна Латкина, София Владимировна Тагиева, Гаджи Зейналабдин Тагиев, Константин Ирецкий, Иосиф Томашевский, Леопольд Фейгель, Лев Рыжанский. А казначеем общества был Арнольд Михайлович Фейгель¹. Как видно, хотя общество и называлось "мусульманским", однако, состав его правления был сформирован из представителей различных народов.

Как свидетельствуют архивные материалы, имели место случаи, когда представители различных общин ради общей цели сообща организовывали те или иные общества. Так, например, 12 июля 1913 года учредители общества "Детская Больница", М.В. Драгневич, К.А. Ирецки, А.А. Вейенберг, Г. Гасанов, Г.С. Джиноридзе, Э. Биеринг, С. Рыльский, Ф. Гедман, Е. Гиндес, С.В. Нобель предъявили отделу обществ и союзов при Бакинском Градоначальстве прошение для регистрации названного общества². 16 сентября 1913 года под председательством помощника Бакинского Градоначальника Ровнякова было обсуждено данное прошение и принято постановление: "Представленный устав зарегистрировать, о чем сделать в уставах соответствующие надписи, из которых один экземпляр с копий настоящего журнала вручить учредителям, а другой приобщить к делам Присутствия"³. Как видно, в общество входили представители нескольких народов, и цель данного общества заключалась в оказании бесплатной медицинской помощи в районе Бакинского Градоначальства детям всех возрастов, без различия национальности, вероисповедания, состояния и пола. Для этого общество имело право открывать детские больницы, амбулатории, санатории и с бесплатной выдачей лекарств, молока, разных пищевых продуктов⁴.

Для достижения своей цели, общество проводило различные мероприятия. Одним из них было проведение благотворительных вечеров. Как свидетельствуют архивные материалы, председатель данного общества Н. Алибегов 14 февраля 1914 года написал прошение на имя Бакинского Градоначальника, в котором говорилось: "Общество, "Детская больница" просит разрешить правлению общества установить благотворительный сбор пожертвований на содержание детской больницы на основании прилагаемых при сем правил "Детской копейки"⁵.

Во время таких мероприятий участники вносили в качестве пожертвований определенную сумму. Из этой суммы собирался бюджет общества. Так, например, проведенным 13 марта 1915 года благотворительным меро-

приятием с продажи марок было собрано 11 тыс. рублей. Эта сумма была затрачена для стройки амбулатории и детской больницы общества⁶.

В 1915 году в обществе "Детская Больница" значилось 124 члена, среди которых было много немцев. А такие члены как, Э. Биеринг, С. Бенкендорф, Е. Гиндес, Н. Бенрнштейн являлись членами управления общества⁷.

Такие благотворительные мероприятия проводились почти во всех обществах, причем участвовали в них как члены общества, так и лица не являющиеся ими. Например, в отчете 6-го "Мусульманского вечера", состоявшегося 4-го апреля 1915 года в пользу Бакинского Общества мусульман "Нешр Маариф" внесли пожертвования 175 человек. Общая сумма составила 9762 рубля⁸. Среди пожертвовавших был Гаджи Зейналабдин Тагиев, Исабек Гаджински и другие меценаты местного населения. Но, вместе с тем, в числе пожертвовавших есть имена представителей немецкой общины, таких как Ш. Кретинген, Э. Биеринг, Р. Кайзер, С. Фейгель, Ф. Гедман, Л. Бергер и др. Из списка пожертвовавших на этом вечере видно, что 25 человек внесли по 100 рублей, 24 человека по 50 рублей и т. д.⁹

Надо отметить, что такие мероприятия проводились очень организованно. Так, например, пожертвования собирались специально назначенными сборщиками общества, а руководство и надзор за пожертвованиями возлагалось на одного из членов Правления.

Другое аналогичное общество было организовано 9 июля 1914 года по инициативе жителей города Баку М. Драгневича, Софии Бенкендорф, Константина и Марии Барановых под названием "Детский Дом"¹⁰. В уставе цель благотворительного общества объяснялась так: "Благотворительное общество "Детский дом" имеет целью борьбу с детской нищетой и всеми с ней связанными тяжелыми условиями жизни детей улицы"¹¹. Далее в уставе говорится: "Деятельность общества "Детский дом" сводится к призрению и воспитанию детей улицы, дает опекаемым детям воспитание и профессиональное образование, принимает на свое попечение детей города Баку и его районы без различия пола, национальности и вероисповедений"¹².

В отчете общества 1915 года говорится, что по инициативе общества для пожертвований был устроен благотворительный кинематографический детский сеанс в зале театра "Феномен", который собрал 1931 рубль¹³. Среди пожертвовавших были представители более десятка национальностей. Общество "Детский дом" продолжало свою деятельность и в 1918-1920 годах.

Приведенные факты говорят о том, что действительно, конфессиональная принадлежность обществ не играла никакой роли в их действиях. Во всех мероприятиях мусульманских или немусульманских обществ участво-

вали представители разных народов, различных вероисповеданий. Это объясняется еще и тем, что цели этих благотворительных обществ были единые. Ознакомление с уставами различных обществ дает нам возможность сказать, что по своему содержанию по структуре они были идентичными. Уставы всех обществ утверждались отделом по делам общественных организациях и союзах Бакинского Градоначальства.

Отметим, к сожалению, что, несмотря на то, что в конце XIX и в начале XX века в Азербайджане функционировало более 30-и благотворительных обществ, до недавнего времени история этих обществ не была объектом исследования историков республики. Только несколько лет тому назад Д.Г. Джавадовым была защищена кандидатская диссертация "Благотворительное движение в Азербайджане конце XIX начале XX века". Данная диссертация была опубликована как монография на азербайджанском языке¹⁴. В диссертации исследуются как мусульманские, так и немусульманские благотворительные общества города Баку.

Остановимся более подробно на деятельности немецких благотворительных обществ. К началу XX века на территории Азербайджана существовало восемь немецких колоний: Еленендорф, Анненфельд, Георгфельд, Эйгенфельд, Траубенфельд, Елизаветинка. В них проживало около 6 тысяч немцев¹⁵. Определенная часть немцев проживала также в городах Азербайджана, в том числе в Баку. По данным 1886 года в Баку проживало 1717 немцев, из них 979 мужчин, 738 женщин. А всего в Бакинской губернии число немцев составляло 1721¹⁶. В это же время число немцев в Елизаветпольской губернии составляло 7622 человек, 4046 мужчин и 3576 женщин¹⁷.

В 1897 году число немцев в городе Баку достигло 2460 человек (2,1% населения), а в 1903 году их было уже 3749 человек, т.е. 2,5 % общей численности населения¹⁸. По данным на первое января 1914 года в Бакинском градоначальстве насчитывалось 13968 немцев¹⁹.

Статистика, таким образом, свидетельствует о том, что в Баку жило значительное число немцев. Они активно занимались благотворительностью. В частности, 20 июля 1907 года было утверждено "Дамское Евангелическо-Лютеранское благотворительное общество в г. Баку". Учредительницами общества были жена пастора Эмма Федоровна Циммерман и ее единомышленники Елизавета Карловна Лотер, Лидия Андреевна Кайзер, Эмма Федоровна Эк²⁰. В уставе, состоявшем из 6 разделов и 29 параграфов, объяснялась цель общества: "Общество имеет целью вспомоществование нуждающимся лицам Евангелическо-Лютеранского вероисповедания, проживающим в г. Баку. Вспомоществования оказываются выдачею нуждающимся продовольствия, отопления и одежды, натурою, денежными пособиями,

приисканием работы, помещением лиц обоего пола в убежища, дома приюта и, если средства позволят, в устраиваемые обществом, с разрешения правительства, приюты или убежища, помещением детей обоего пола, на средства общества, в учебные заведения и сиротские дома"²¹.

Члены общества разделялись на почетных, действительных и членом-соревнователей. Как правило, почетными членами избирались лица, оказавшие особые услуги. Действительными членами же избирались только лица женского пола, вносящие каждый год в кассу общества не менее 10 рублей. Членами соревнователями именовались лица мужского пола, вносящие ежегодно в кассу общества не менее трех рублей. Не внесшие в течение года необходимую сумму считались выбывшими из общества²².

В уставе говорилось, что члены соревнователи не пользуются правом голоса на общих собраниях. Кроме того, действительные члены нелютеранского вероисповедания не могли быть избраны членами Правления общества²³.

По уставу, несовершеннолетние, учащиеся, состоявшие на действительной военной службе нижние воинские чины и юнкера не могли быть членами общества. Средства общества состояли из членских взносов, концертов, публичных лекций и гуляний, из добровольных пожертвований, как членом общества, так и посторонних лиц деньгами или вещами и т.д.²⁴

По уставу Правление общества избиралось Общим собранием из семи человек из числа действительных членом на три года. Члены Правления никакого вознаграждения не получали. А собиралось Правление не менее одного раза в месяц. Общие собрания проводились один раз в год, и все вопросы решались простым большинством голосов членом общества. А вопросы об изменениях или дополнениях в уставе и о закрытии общества, требовали присутствия не менее 2/3 членом общества и согласия не менее 2/3 присутствующих на собрании членом.

К обязанностям Правления общества относилось: ведение делопроизводства и отчетности, сбор сведений о лицах, нуждающихся в помощи, и оказание им необходимой помощи, изыскание мер к возможному достижению цели общества и увеличению его средств, ежемесячное освидетельствование денежной суммы и имущества Общества, созыв Общих собраний, составление годичного отчета о суммах и деятельности Общества за истекший год и сообщение градоначальнику об изменениях в составе Правления²⁵.

Общие собрания Общества были обычными и чрезвычайными. По уставу, обычные Общие собрания назначались раз в год, а чрезвычайные - в случае неотложной надобности, по усмотрению правления или письменному требованию десяти членом общества²⁶. Для правомочности Общих собраний необходимо было присутствие на них не менее одной четвертой части общего

числа действительных членов общества. В случае, когда указанное число членов общества не присутствовало на Собрании, через неделю созывалось вторичное Общее собрание, которое считалось состоявшимся, независимо от числа присутствующих членов²⁷. Общее собрание ежегодно избирало из членов общества 3-х членов в ревизионную комиссию для проверки счетов, книг кассы общества. По правилу, Общими Собраниями руководила председательница Правления. О времени, месте и предметах занятий Общих собраний вовремя извещались как члены общества, так и местное полицейское начальство.

Обязанности и цели Общих собраний подробно излагались в Уставе общества. К ним относились: избрание почетных членов общества, трех членов ревизионной комиссии, членов Правления, рассмотрение годовых отчетов и смет Правления с заключением по ним ревизионной комиссии²⁸.

По уставу, для избрания членов Правления Общества требовалось абсолютное большинство голосов участвующих на Общем собрании. Если это не получалось, то вторичная баллотировка, на этом же собрании решала выборы относительным большинством голосов. При получении двумя или несколькими кандидатами одинакового числа голосов, выборы решались жребием²⁹.

Согласно правилам, отчеты общества каждый год печатались на русском языке, утверждались общим собранием и через посредство Бакинского Градоначальника представлялись Министерству Внутренних Дел и Наместнику Кавказа. Устав предусматривал, что в случае прекращения действий общества, все имущество и капиталы поступали в распоряжение церковного совета Евангелическо-Лютеранского прихода в Баку с тем, чтобы деньги эти были расходованы на вспомоществование нуждающимся лицам Евангелическо-лютеранского вероисповедания, находящимся в Баку³⁰. О закрытии общества сведения доводились до градоначальника гор. Баку. В годичных отчетах характеризовалась деятельность общества в течение текущего года, а также приводился список членов соревнователей и их пожертвований с указанием отданных денег.

Дамское Евангелическо-Лютеранское Благотворительное Общество существовало до 14 декабря 1916 года, и сыграло большую роль в социально-экономической и культурной жизни немецкой общины города Баку.

Другое благотворительное общество немцев называлось "Евангелическое Общество попечения о девицах города Баку". Оно было организовано 9 апреля 1912 года и просуществовало до 27 апреля 1916 года³¹. Учредителями данного общества были представители немецких общин г. Баку Е.В. Штрикер, германский императорский консул О. И. Тидеман, З.Ф. Болтон, Э. фон Шмиер, М.К. Римнейдер, Э. Эк и др.³²

В уставе цель Общества объясняется следующим образом: "Цель общества заключается в том, чтобы предохранять молодых девиц евангелической веры от действия окружающих их вредных, в нравственном отношении, условий жизни и содействовать их нравственному развитию"³³.

Средствами общества для достижения этой цели служили: чтение книг, разъяснение их смысла в общей беседе, пение, рукоделие на пользу бедных, безвозмездное содействие в предоставлении рабочих мест девицам, состоящим на попечении общества и т.д.

По уставу, членами общества могли быть лица обоих полов, всех званий и состояний. В этом обществе члены также разделялись на действительных, почетных и членов соревнователей. Почетных членов предлагало Правление и избирало Общее Собрание большинством двух третей голосов, действительные же члены выбирались из представителей Евангелическо-Лютеранского вероисповедания, уплачивающих ежегодно в кассу общества взнос в размере не менее 5 рублей или внесших одновременно не менее 100 рублей³⁴. Членами соревнователями могли быть лица, вносящие ежегодно не менее 3 рублей в кассу или безвозмездно своим трудом содействующие цели общества.

Общество каждый год отчитывалось перед членами, отчет представлялся Бакинскому Градоначальнику и Министерству Внутренних Дел. Делами Общества заведовал, так называемый, комитет, состоящий из пяти человек. В состав комитета входил Главный Пастор немецко-шведского евангелическо-лютеранского прихода в Баку, в обязанности которого входило религиозно-нравственное руководство обществом³⁵. А в обязанности Комитета входило успешное развитие деятельности общества и принятие мер к осуществлению его цели, ведение списка членов общества и принятие в него новых членов, ревизия делопроизводства и счетоводов, а также проверка кассы, созыв Общих собраний, представление в Министерство Внутренних Дел годичных отчетов о деятельности общества и т.д.³⁶

Средства общества состояли из взносов членов благотворителей, ежегодных взносов девиц в размере 2 рублей, из случайных пожертвований, как членов общества, так и посторонних лиц, а также средств, полученных от продажи рукоделий, изготовленных на курсах рукоделия и шитья и др.

Закрыться общество могло только по решению Общего собрания, причем для этого избиралась из семи человек ликвидационная комиссия. Если общество прекращало свое существование, то в этом случае его имущество должно было перейти в собственность немецко-шведского евангелическо-лютеранского прихода, и о закрытии общества сообщалось Бакинскому Градоначальнику³⁷.

Все вышеприведенные факты говорят о том, что деятельность немецких обществ основывалась на утвержденных уставах.

К сожалению, нам не удалось найти архивные материалы, отражающие всестороннюю деятельность отдельных обществ, за исключением годового отчета за 1914-1915 годы Евангелического общества попечения о девицах. В данном отчете дается полная характеристика общества за указанный период, даются сведения об общежитии при обществе, которым 45 лиц пользовались платно, 13 лиц бесплатно в течение 563 дней. По национальному признаку проживающие в общежитии распределялись следующим образом: русские - 8, немцы (русского подданства) - 14, немцы (иностранцы) - 9, французы - 10, англичане - 3, эстонцы - 16, латыши - 7, поляки - 5, армяне - 3, шведы - 3, евреи - 2³⁸.

Из отчета становится известно, что общество имело детский сад, бюро рекомендаций. За отчетный год общество провело 38 воскресных собраний, которые посетили 554 девицы³⁹.

В отчете имеется список пожертвований членов общества и членов соревнователей с 1 октября 1914 по 1 октября 1915 год. Среди пожертвовавших числятся имена нижеследующих лиц: 5 пудов муки от братьев Скобеловых, 1 пуд сахара от Харитонского, одни настенные часы от Чинчарадзе, несколько рам для картин от Сараджева, сукна для перчаток от Саллера и Горелова. В списке также значатся фамилии Арзумова, Бландова, Томингаса, Баширова, от которых были получены различные бакалейные товары⁴⁰. Среди пожертвовавших лиц были представители различных народов и общественных организаций. Это видно из приведенного в приложении списка.

Наконец, у немецкой общины функционировал церковный совет Евангелическо-Лютеранской церкви г. Баку. Председателем Церковного совета был Арнольд Карлович Штрекер, а пастор Лионель фон Шлеетер был вице-председателем.

Кроме того, у немцев в городе Баку функционировало так называемое "Немецкое общество образования", которое занималось вопросами просвещения немецкой общины, а также проводило творческие и благотворительные вечера. Так, 20-го декабря 1911 года общество предъявило на имя Бакинского градоначальника нижеследующее прошение: "Бакинское Немецкое общество образования обращается к Вашему Превосходительству с просьбой не отказать в разрешении на устройство вечера для усмления средств общества 7 января 1912 года в 9 часов вечера по прилагаемой при сем программе. Ответственным вечера будет Арнольд Карлович Штрекер"⁴¹.

Отметим, что в рассматриваемый период в Баку, кроме вышеуказанных, существовали еще и такие благотворительные общества, как "Общество по

борьбе с детской смертностью", "Лига охраны детства", "Бюро помощи детям", "Общество вспомоществования учащимся Бакинских городских и народных школ", членами которых были также и представители немецкой общины. Так, например, председателем организованного в 1907 году "Общества по борьбе с детской смертностью" являлся доктор Евсей Яковлевич Гиндес, а среди действительных же членов общества числился доктор Б.К. Финкельштейн⁴². Кроме того, доктор Е.Я. Гиндес был организатором и председателем созданного в 1917 году общества "Лига охраны детства"⁴³. Общество изучало условия жизни, быта бакинских детей в возрасте до 17 лет.

Все вышеуказанные материалы дают нам возможность заключить, что в начале XX века в городе Баку функционировало несколько благотворительных обществ немцев, которые играли значительную роль в социально-экономической и культурной жизни не только немцев, но и всего местного населения города.

Приложение 1. СПИСОК ЧЛЕНОВ СОРЕВНОВАТЕЛЕЙ И ПОЖЕРТВОВАНИЙ [Евангелического общества попечительства о девицах] С 1 октября 1914 по 1 октября 1915 гг.⁴⁴

Арчуева	1	Каспийко-Черноморское	
Арамазд О-во	10	нефт. и Торг. О-во	25
Аршалуйс	15	Келян	20
де-Амбрасс	1	Кайзер Р.	20
Арчурев А. Г.	25	Кудыш	3
Ашкеронское Нефте-		Колобов В. И.	25
промышленное О-во	10	Кузнецова	50
Альвине	25	Каплан И.П.	10
Байковский К.В.	50	Лианозова С-вей Т-во	25
Бакинское Нефтепр. О-во	10	Ламеранер Р. И.	5
Белле Христиан	5	Лейтес (О-во Нафта)	50
А. Бендер и Сын	100	Ляхович	3
Болтон В. и С.	10	Лус П. (Зурнабад)	5
Бьеринг С.	25	Международный Банк	25
Бьеринг Э.Ф.	25	Маилов и С-вья Т/Д.	20
Бернгиельм	10	Мейламов А.Б.	20
Бам И.Л.	6	Медведев Р.П.	50
Блюмберг	10	Нюрнберг	10
Бенкендорф Т.А.	5	Нобель Е.Л.	100
Бретер Э.	5	Нобель Г.Л.	100
Бинагадинское О-во	25	Нобель Г.	100
Бенкендорф	25	Н.Н.	4

Бакинский Купеческий Банк	25	Нафталанская	20
Бакинское О-во		Общество "Восток"	3
Проволочных Канатов	25	Папемейер	5
Бакинское О-во		Ридель К.К.	25
Электричества	50	Русско-Азиатский Банк	25
Бернгард Ф. 5		Русский для Внешней	
Болтон Ф.Э. и В	25	Торговли Банк	
Боварская	1	Русский Банк	25
Винтер Д.Хр.	10	Руст Г.Л. и Н.Н.	25
Всеобщая Компания		Реддавей О-во	15
Электричества	25	Русский Торг.Пром.Банк	25
Глаз и Креттинген35		Салимов	50
Гофман Г.	3	Соединенный Банк	25
Гагер Консул	5	Соучастники Тов-ва	10
Дассел М.	5	Саруханов	10
Дембот И. Л.	25	Трестер В.	25
Драгневич Р.М.	10	Тифлисский Комм. Банк	25
Драгневич М.В.	10	Триллингер Мария	2
Зеедорф директор.10		Тильманс и Ко.	25
Зундер И.	1	Телин Л.	1
Жигулевский	15	Уральско-Кавказское О-во	25
Ицкович	1	Флемминг М.	5
Иосселиан	15	Франциус	5
Кайзер Р.	18	Циммерман	5
Каган	1	Челекен О-во	25
Кварнстрем	25	Шредер	5
Каспийский Машиностр.		Шхиянц А.	10
Завод	10	Электро Сила Акц. О-во	25
Каппель	3	Эк О.А. и Э.Ф.	20
		ВСЕГО Руб.	1834

Примечания

- ¹ См.. Центральный Государственный Исторический Архив Азербайджана (далее - ЦГИАА) Ф. 46. Оп. 2. Д. 215. Л. 61.
- ² См.. Там же. Ф. 46. Оп. 2. Д. 174. Л. 1.
- ³ Там же. Л. 9
- ⁴ См.. Там же. Л. 3
- ⁵ Там же. Л. 16.
- ⁶ См.. Там же. Л. 54
- ⁷ См.. Там же. Л. 54, 61
- ⁸ См.. Там же. Ф. 312. Оп. 1. Д. 235. Л. 4-7.
- ⁹ См.. Там же.

- ¹⁰ См.: Там же. Ф. 46. Оп. 2. Д. 184. Л. 1.
- ¹¹ См.: Там же. Л. 2.
- ¹² Там же. Л. 2.
- ¹³ См.: Там же. Л. 37.
- ¹⁴ См.: Джавадов Д.Г. Благотворительное движение в Азербайджане. - Баку: Элм, 1999.
- ¹⁵ См.: Джавадов Г.Д. К истории расселения немцев-колонистов в Азербайджане // История и ее проблемы (Баку). 1998. № 4. С. 165-178.
- ¹⁶ См.: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. - Тифлис, 1893.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 227.
- ¹⁸ См.: Ежегодник Баку и его районов. 1913. С. 6.
- ¹⁹ См.: Кавказский календарь на 1915 г. С. 223.
- ²⁰ См.: ЦГИАА. Ф. 46. Оп. 2. Д. 76. Л. 7.
- ²¹ Там же. Л. 1
- ²² См.: Там же. Л. 7.
- ²³ См.: Там же. Л. 2.
- ²⁴ См.: Там же. Л. 3.
- ²⁵ См.: Там же. Л. 3-5.
- ²⁶ См.: Там же. Л. 5.
- ²⁷ См.: Там же.
- ²⁸ См.: Там же. Л. 6.
- ²⁹ См.: Там же.
- ³⁰ См.: Там же. Л. 7.
- ³¹ См.: Там же. Д. 154. Л. 1; Д. 159. Л. 9.
- ³² См.: Там же. Д. 154. Л. 1.
- ³³ Там же. Л. 4.
- ³⁴ См.: Там же.
- ³⁵ См.: Там же. Л. 5.
- ³⁶ См.: Там же. Л. 7.
- ³⁷ См.: Там же.
- ³⁸ См.: Там же. Л. 5-6.
- ³⁹ См.: Там же. Л. 6.
- ⁴⁰ См.: Там же. Л. 7, 12.
- ⁴¹ Там же. Л. 12-13.
- ⁴² См.: Там же. Д. 470. Л. 1.
- ⁴³ См.: ЦГИА Азербайджана. Ф. 4. Оп. 2. Д. 79. Л. 21-22.
- ⁴⁴ См.: Адрес-Календарь Азерб. Республики. Ч. 4. С. 52.

ДУХОВНЫЕ КОНЦЕРТЫ В ЖИЗНИ БАКУ

Каждый народ жив своей культурой и каждая культура жива своим народом. Но культура одного народа, какой бы богатой она ни была, не может быть замкнутой, особенно, если представители этого народа живут в чужом краю. Немцы Баку не имели национальных культурных учреждений и земляческих объединений, вплоть до 1917 года, когда был создан Комитет Союза Русских граждан немецкой национальности¹. Не было никакой необходимости дополнять названия религиозных или общественных организаций словом "немецкая". В начале XX века немцы в Российской империи были "своими". К немцам причисляли всех, кто не мог общаться с жителями на русском языке, кто был для них "нем". А немецкий язык был одним из понимаемых многими жителями Баку вплоть до 1941 года.

"Бакинские известия" писали в 1879 году: "В Баку приехал американский предприниматель Эмери, но, к сожалению, подробных сведений об американской нефтяной промышленности нельзя было получить, так как г. Эмери по-немецки говорил плохо и кроме английского не знал других языков"². Прошло время и сейчас звучание немецкого языка, пожалуй, можно услышать только на богослужениях.

Церковь всегда являлась частью культуры народа и поэтому центром объединяющим всех немцев Баку, с 1870 года стала Евангелическо-Лютеранская община, местом - здание Евангелическо-Лютеранской церкви, которая при освящении 14 марта 1899 г. получила название Спасителя (Erlöses Kirche). Пастором церкви в этот период был Рихард Эрнестович Циммерман (1887-1907), который оставил добрую память о себе и своей плодотворной работе. Община должна была обеспечивать средства для существования церкви и школы при ней, оказывать помощь нуждающимся, заботиться о духовном и нравственном развитии сограждан и создавать условия для приятного и полезного времяпрепровождения. Достигалось это при помощи Духовных концертов и благотворительных мероприятий.

Безусловно, для жителей Баку было очень непривычным проведение концертов в Церкви в сопровождении незнакомого музыкального инструмента - органа.

Надо отметить, что первый орган кабинетного типа был установлен на нобелевской "Вилле Петролеа", где часто проходили музыкальные вечера в узком кругу служащих "Товарищества Бр. Нобель" и их гостей.

В Кирхе орган, привезенный из Германии, был установлен в конце 1898 года, и 4 февраля 1899 года органная комиссия приглашала всех желающих на пробное прослушивание. Первым органистом в Кирхе был учитель музыки в церковной школе Ян Янович Вейденбаум³.

Первый духовный концерт состоялся в воскресенье 23 апреля 1900 года. Концерт давали сестры Лидия (сопрано) и Пий (ф-но) Мюллеры из Санкт-Петербурга при участии органиста Я. Вейденбаума. Газета "Каспий" так объясняла это событие в городе: "В Германии существует особая музыкально-артистическая специальность певцов, посвящающих себя исключительно пению церковных и духовных песен. Среди таких артистов есть имена первой величины"⁴. В первом концерте участники пожелали сделать программу, доступную для общего понимания; включив достаточно известные произведения: Бетховена ("Просьба"), молитву Франка ("Mein Heillend ich bin müde"), Луччи ("Ave-Maria") и др. Концерт прошел при полном зале и вызвал восхищение у присутствующих. "Это искусство возвышает душу и уносит ее временно в иной, лучший мир"⁵. Безусловно, такому успеху способствовал и величественный молитвенный зал Кирхи (сооружение архитектора А.В. Эйхлера).

Успех сестер Мюллер был такой, что по решению церковного совета они были приглашены и на следующий, 1901 год. 22 апреля состоялся второй духовный концерт. На сей раз, они учли прошлогодние пожелания и включили в программу произведения Баха и Генделя. Партию органа исполнял органист, кистер церкви Томас Ундриц. Исполнители были тепло приняты публикой Баку и повторили этот концерт в мае месяце⁶.

В 1902 году 14 марта впервые на гастроли приехала профессиональная органистка, свободный художник Мина Герман. Газета "Каспий" писала: "В местной немецкой церкви состоялся интересный концерт на органе. Мина Герман окончила Петербургскую консерваторию в 1891 году под руководством Гомилиуса и с тех пор много гастролирует по России и за границей, где, по отзывам лейпцигской прессы, имела крупный успех". В этом концерте приняли участие преподаватели Бакинского отделения Императорского Русского Музыкального Общества (открыто в Баку в 1901 году по инициативе А.Н. Ермоловой при активном участии и пожертвованиях немцев М.М. Шумахера, А.М. Бенкендорфа, С. Гюнтер, А. Фейгль и др.) В.И. Дубинский (виолончель) и А.И. Вишневская (сопрано). "Состоявшийся концерт в церкви доставил многочисленной публике музыкальное наслаждение. Госпожа Герман показала техническое владение инструментом, высказала игрой достоинство школы и проявила музыкальный вкус в выборе программы"⁷.

Духовные концерты в кирхе становились традиционными и проводились обычно во время поста до Пасхи. Они имели свои особенности: продолжительность концерта не должна была превышать одного часа, вход и выход из зала во время исполнения запрещались. Концерт шел на "одном дыхании" и не прерывался аплодисментами. Всё та же газета "Каспий" так описывала один из церковных концертов: "громадный храм, величественная строго выдержанная суровая обстановка, благоговейное серьезное поведение слушателей, столь не похожее на обыденное поведение театральной публики - все это создает необычайно торжественное состояние"⁸.

К тому времени уже установились цены на билеты: первые два ряда перед алтарем - 3 руб., скамейки - 2 руб., остальные ряды - 1 руб., входные билеты - 60 коп.

В 1903 году 16 февраля в воскресенье Церковный концерт давал "известный в музыкальном мире композитор и виртуоз игры на органе" Адам Оре. В концерте приняли участие смешанный хор (из служащих "Товарищества Братьев Нобель" и церковный). Артисты исполнили "Гимн" Оре и духовную вечернюю песню. Трио: скрипка, виолончель и орган с огромным успехом исполнили ораторию Оре "Sancta Cailicia", певица Глаз (сопрано) прекрасно спела "Ave-Maria" Кеттена. Публика была в восторге⁹. Такой час единения с Богом сокращал путь к нему, вызывал глубокие духовные эмоции и делал людей добрее друг к другу.

1903 год, пожалуй, в жизни бакинцев был последним относительно спокойным годом. В 1904 году началась русско-японская война на Дальнем Востоке, появилась холера, и продолжали набирать силу рабочие стачки и забастовки.

Вечное зло мира - разделение человечества на национальности - привело к дикому и кровавому армяно-азербайджанскому конфликту в 1905 году. Варфоломеевские ночи 6-9 февраля в Баку, черные августовские дни и октябрьские события в Шуше повергли население в шок. Свыше 42,5 тыс. людей вынуждены были спешно покинуть Баку. Прихожанами Евангелическо-Лютеранской Церкви в г. Баку были люди разных национальностей: немцы, шведы, финны, армяне, латыши, эстонцы, русские и др. Армянская часть прихожан добилась разрешения организовать свою собственную армянскую лютеранскую общину в г. Баку. Это событие вынудило общину и церковь ввести уточнение в свое название: "немецко-шведский приход".

В эти годы были запрещены благотворительные концерты и вечера, что негативно отразилось как на общем финансовом положении лютеранской общины, так и на настроении прихожан. Отъезд немцев из Баку быстро нарастал. Из 3193 человек, проживавших в городе в 1904 году, к концу 1906

года осталось 2460, из них 2183 лютеран, 183 католика, 32 православных и 61 иудей. 1907 год принес голод. В этом году церковь с большой грустью расставалась со своим любимым пастором Рихардом Циммерманом. Вместо него 30 декабря 1907 года был рукоположен Адольф Асмус.

В 1908 году Бакинская жизнь вновь нарушилась "сухим взвинчиванием пуль, треском разрывающихся бомб и кражей людей"¹⁰. Для оптимистического взгляда на жизнь оснований было мало. "За дождем следует солнце", - говорит немецкая пословица, а малороссы грустно замечали: "Пока взойдет солнце, роса очи выест". Новый градоначальник, генерал-майор, немец лютеранин Михаил Александрович Фольбаум ввел новые правила устройства концертов с благотворительной целью. Он даже оштрафовал Филиппа Розенталя и Александра Штейнекера на 5 рублей, за то, что они играли на улицах и во дворах на органе-шарманке и, разрешил это делать только нетрудоспособному карлику¹¹.

Духовные концерты в помещении церкви возобновились лишь в 1909 году. Первый после перерыва концерт состоялся 18 января. Он проводился в пользу приходской школы, под управлением капельмейстера Рудольфа Буллериана, с участием Лоли Фейгль (сопрано), Эммы Циммерман (сопрано), Едди Буллериана и Шефферлинга (скрипки), Финкельгаузена - (виолончель), Карла Ундрица и Фольберта (орган) и смешанного хора. Объявление номеров, как обычно, проводилось на русском и на немецком языках¹².

В ноябре 1909 года в лютеранскую церковь был приглашен пастор из Тамбово-Рязанского прихода Лионель Фон Шлеер, с именем которого оказался связан еще один драматический период жизни немцев в Баку.

24 апреля 1911 года, в Великий Пост прошел Церковный концерт с участием органиста Гершчагена, выпускника Лейпцигской консерватории, вместе с артистами русской оперы Калинкиной и Мозжугиным¹³. 13 декабря 1911 года состоялся концерт с участием знаменитого чешского "Квартета Шевчика" и церковного органиста И. Керта. Были исполнены "Гимн Рождества" Адама, "Молебен" - Ц. Кюи и "Концертная Фантазия" Томаса. Артист русской оперы бас Соковнин впечатляюще спел "Молитву" из оперы "Отелло"¹⁴.

Выступление в зале Лютеранской Церкви Баку считалось престижным. Церковному совету предлагали многих музыкантов, желающих выступить в духовных концертах. Прессой был отмечен приезд солистки Его Величества г-жи Марии Ивановны Долиной. Вместе с ней в Духовном концерте 25 марта 1912 г. приняли участие "органист С-Петербургской консерватории И. Керт, виртуозка на арфе г-жа Маргарита Тойман, скрипачка Дрезденской консерватории С.О. Штейнкопф и артистка русской оперы М.А. Федотова

(сопрано)¹⁵. И. Карницкий писал: "То был стильный вечер высокой чеканки. Орган - громоздкий, могучий инструмент, из которого пальцы исполнителя извлекают с одинаковой легкостью мощь небесной стихии и нежность херувимов. Г. Керт в совершенстве постиг достоинство этого инструмента и, творя через него Молитву, он отрывает слушателя от земных интересов"¹⁶. При совместном исполнении с арфой *Andante* Крейнцбурга все замерло, было слышно биение собственного сердца. Несмотря на запрет, просто невозможно было не выразить исполнителям заслуженного восторга. Организатором этого концерта был председатель Церковного совета Арнольд Штремкер, который через два месяца в 45 лет умер от брюшного тифа.

1913 год стал одним из самых успешных в развитии бакинской нефтяной промышленности. Небывалый экономический подъем отразился на культурной жизни города. Страницы газет пестрели объявлениями о различных концертах и театральные новинках.

21 марта 1913 года председатель Церковного совета Бергергоф подал прошение Бакинскому градоначальнику Мартынову с просьбой разрешить Духовный концерт в пользу приходской школы, на что получил через Бакинского полицмейстера разрешение. Концерт состоялся 4 апреля 1913 г. (18) в Кирхе. В программе были произведения немецких композиторов: Баха, Брука, Фитценхагена; норвежских - Шельдеруйа и Свенсена, русского - Глазунова. В концерте приняли участие Иоганн Керт (орган), С. Кронгольд (скрипка), В. Доброхотов (виолончель) и Л. Яковлева (меццо-сопрано). Отзывы были восторженными, о пении Л. Яковлевой писали: "она пела молитвы, и в песне она молилась..."¹⁷

В 1996 году возрожденная Евангелическо-Лютеранская община г. Баку разыскала ноты этих редких композиторов и провела по программе 1913 года прекрасный ретро-концерт. Выступавшие музыканты продемонстрировали мастерство, яркую творческую интерпретацию и были тепло встречены слушателями¹⁸.

23 марта 1914 г. Лютеранская церковь проводила очередной Духовный концерт. Инициатором этого концерта был руководитель оркестра и музыкальной школы Ю. А. Шефферлинг (это по его приглашению 12 августа 1914 года приехал в Баку виолончелист, свободный художник Леопольд Ростропович для работы преподавателем в школе). Прозвучали 95-й псалом Мендельсона "Kommit lasst uns anbeten", вариации кантаты И. Баха "Weinien, Klagen, Angst und Notsind des Christen Fraenenbrot", кантата Гиллера "Gloria in exceisis deo" и др. В концерте приняли участие органист И. Керт, общество любителей хорового пения (60 человек), солисты госпожа Глаз и госпожа Тиоб (сопрано), квартет духовых инструментов и литавры¹⁹.

В связи с начавшейся летом 1914 г. войной Церковный Совет под руководством Э.Ф. Биеринга организовал при приходе Комитет по оказанию помощи пострадавшим от войны и устроил лазарет для раненых²⁰. Баку был далек от театра военных действий и по этой причине, жизнь немцев протекала, относительно спокойно.

В 1915 г. городской "Комитет помощи беженцам без различия национальностей" готовил большой патриотический концерт в пользу пострадавшего под покровительством императора "Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям". Концерт готовился под руководством Ю.А. Шефферлинга и при участии лауреата Петроградской консерватории виолончелиста Л.В. Ростроповича. Репетиции проходили в молитвенном зале Евангелическо-Лютеранской Церкви Этот концерт состоялся 6 мая в театре бр. Маиловых (в настоящее время оперный театр)²¹.

29 апреля 1916 года в Кирхе прошел очередной Духовный концерт в пользу приходского лазарета для раненых при участии органиста Кирхи И. Керта, виолончелиста В. Доброхотова и известного баса А. Никольского. Газета "Каспий" писала, что "такого рода духовные концерты в нашем городе крайне редкое явление". Особенно было отмечено "прекрасное и одухотворенное исполнение на органе И. Кертом творений Баха, Шенфера, Листа. Жаль было уходить из Кирхи, так хотелось еще послушать Керта..."²².

Конечно, сборы с этих немногочисленных концертов не могли обеспечить деньгами приход. В марте 1917 года пастор Шлеер выражал глубокую благодарность друзьям и сослуживцам покойного Ричарда Брумберга "за препровождение в пользу училища прихода 686 руб., собранных взамен венка на гроб покойного". Эта "печальная традиция" установилась у лютеран уже с 1915 года²³.

14 апреля 1918 г., от сыпного тифа в 40 лет умер пастор Лионель фон Шлеер. Это была огромная потеря для общины. Он был похоронен в Баку на новом Лютеранском кладбище рядом с могилами своих сыновей: Акселя (1910 г.) и Оскара (1914 г.). Его заменил работавший в церкви с 1914 г. проповедником Густав Швальбе. В этом году власть в городе переходила из рук в руки. В конце 1918 г. город заняли англичане, которые приводили в Кирху солдат британской армии на богослужения и на органные концерты. К концу августа 1919 г. англичане покинули Баку, оставив лютеранскому приходу 60 тыс. руб.²⁴ 23 ноября 1919 г., в день поминовения умерших, И. Керт дал свой очередной органнй концерт²⁵.

С 1921 года органистом Церкви была немка из Санкт-Петербурга, Анна Федоровна Стануляйц. В Баку она жила с 1906 года и работала техником-

рентгенологом. После революции давала уроки немецкого языка и музыки, а с 1923 по 1926 гг. работала помощником секретаря в Германском консульстве. Органные концерты продолжались вплоть до 1930 года. В 1927 году Церковный Совет дал согласие на устройство концерта органиста Вальдмана из Ленинграда²⁶.

В 1930-е годы лютеранскую церковь в Баку постигла участь всех других церквей. Она была закрыта, здание передано под скульптурную мастерскую, орган переместили в госфилармонию Азербайджана. В 1937 г. был арестован и расстрелян пастор Гамберг, в 1938 году - репрессирована, как германская шпионка, органистка Стануляйц²⁷.

В 1963 г. орган из Баку забрали в ГДР, а вместо него установили новый. В 1980 г. здание Евангелическо-Лютеранской церкви было реставрировано и в настоящее время там расположен Зал органной и камерной музыки. Но для жителей города это здание так и осталось Кирхой.

Примечания

¹ См.: Гумбатова Т.Ф. К истории общественных Евангелических организаций в Баку // Кавказские немцы – немцы на Кавказе до Первой мировой войны: Материалы I международной научной конференции, 22-25 сентября 1997 г. Баку-Гянджа, 2001. С. 207-224; Каспий (Баку). 1917. 21 мая. № 111.

² Бакинские известия. 1879. Апрель. № 77.

³ См.: Там же. 1899. 13 января. № 9.

⁴ См.: Там же. 1901. Апрель. № 89.

⁵ Там же. 1900. № 89, 90.

⁶ См.: Там же. 1901. Апрель. № 89.

⁷ Там же. 1902. Апрель. № 56, 73, 75.

⁸ Там же. 1906. Апрель. № 97.

⁹ См.: Там же. 1903. Январь-февраль. № 26, 34.

¹⁰ Там же. 1908. Январь. № 1, 5.

¹¹ См.: Там же. Февраль. № 42, 56.

¹² См.: Там же. 1909. Январь. № 5, 6.

¹³ См.: Там же. 1911. Апрель. № 84.

¹⁴ Там же. 1911. Декабрь. № 278.

¹⁵ Там же. 1912. Март. № 69.

¹⁶ Там же. 1912. Март. № 72.

¹⁷ Там же. 1913. Апрель. № 76; Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР). Ф. 46. Оп. 2. Д. 493.

¹⁸ См.: Бакинский рабочий. 1996. 24 мая. № 81.

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ См.: Каспий. 1914. Март. № 47, 56, 69.

²¹ См.: Там же. 1914. Август. № 183.

²² Там же. 1915. Апрель-май. № 80, 95, 97, 101.

²³ См.: Там же. 1916. Апрель-май. № 93, 94, 97.

²⁴ См.: Там же. 1917. Март. № 50.

²⁵ См.: Азербайджан. 1919. Сентябрь. № 1184.

²⁶ См.: Государственный архив Азербайджанской Республики. Ф. 27. Оп. 1. Д. 230.

²⁷ См.: Государственный архив Министерства национальной безопасности Азербайджанской Республики. ПР-14069.

НЕМЕЦКАЯ ПЕЧАТЬ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

I.

Своеобразие социальных отношений в крепостной России заключалось в том, что "третье сословие" - сословие лично свободных и экономически активных людей, которые обладали необходимыми знаниями и умениями для предпринимательской деятельности, в том числе и в сфере книгопечатания, практически отсутствовало. Эту нишу в структуре русского общества со времени Петра I занимают иностранцы, въезд которых поощрялся царем. Типографское и издательское дело "этнотизируется" выходцами из Голландии и германских княжеств. С развитием отрасли это станет еще более очевидно: весь цикл книжного и газетного производства - от написания рукописей до их продажи в виде печатной продукции - становится емким рынком труда для иностранцев. Наборщики, резчики, граверы, переплетчики привезли с собой передовую технику и технологию печатного дела¹. А писатели, переводчики, а к середине XIX века еще и их цензоры пестовали саму идею выпуска в свет самых разных газет, журналов и книг. Такое "разделение труда" закрепилось в русском языке: терминология типографского, книгоиздательского, газетного дела - транслитерации из немецкого².

Постепенно формируется традиция "кустового" развития печатного дела на немецком языке, складываются центры выпуска периодики, неподчиненные какому бы то ни было столичному издательству. Эти центры работали на удовлетворение информационных потребностей локальных групп читателей-немцев и видели собственную миссию в том, чтобы давать им представление о происходящем в стране. Этих центров было три: столичный (Петербург и Москва), прибалтийский (Рига, Дерпт, Ревель) и южнороссийский (Одесса).

Главные газеты, выходившие в названных центрах немецкой периодики, были, как правило, "долгожителями". Они выходили вплоть до начала первой мировой войны и представляли собой живую традицию печатного слова, поскольку, несмотря на смену владельцев, главных редакторов, оформления, стиля и направления, оставались общественно-политическими изданиями информационного толка, лояльными по отношению к властям, кото-

рые, в свою очередь, использовали эти издания для размещения официальных материалов, для выхода на специфическую аудиторию немцев. Эти газеты рассчитывали также и на внимание русского образованного читателя, владевшего немецким языком и видевшего в газетах источник информации, прежде всего о местных событиях.

Помимо территориального развития печать российских немцев переживает и важные стадии своего творческого становления. Каждая из газет, стремясь походить на другие, прежде всего русские издания, ищет тем не менее собственное лицо. Происходит закрепление отдельных разделов за полосами номера. Так, уже к середине XIX века на первой полосе утверждается официальная информация, актуальный редакционный комментарий, посвященный важным текущим событиям. Внутри номера - сообщения из различных мест губернии и России, информация из-за рубежа. Последняя полоса отдается, как правило, событиям местной жизни, курьезам, юмору, объявлениям.

II.

С конца 60-х - начала 70-х годов XIX века начинается новый этап развития немецкой прессы в России. Его специфику обусловили два важных события: провозглашение Германской империи в 1871 году и проводившиеся в России Александром II внутривластные реформы.

Преобразования Александра были направлены на то, чтобы российская государственность обрела иное, более современное и приближенное к западному устройство. Отмена крепостного права явилась самым главным, но не единственным, кардинальным изменением в жизни страны. 6 апреля 1865 года царь подписывает Указ Правительствующему Сенату "О перемене и дополнении действующих ныне цензурных постановлений", в соответствии с которым упраздняется предварительная цензура, разрешается учреждать новые издания.

Этот документ вызвал к жизни огромное количество новых газет, журналов, другой периодики, прежде всего на русском языке. Но и немецкая печать не осталась в стороне от этого процесса. Буквально во всех городах, где раньше выходили газеты на немецком языке, возникает множество новых. Только в Петербурге появляются три новых общественно-политических газеты: "Deutsche Blätter für Rußland" (1868 - 1872), "Nordische Presse" (1870 - 1874), "Petrograder Herold" (1875 - 1915); в Риге - "Neue Zeitung" (1866 - 1868), "Rigasche Rundschau" (1867 - 1915), "Rigaer Tagesblatt" (1876 - 1915), "Baltische Zeitung" (1872 - 1874) и многие другие.

Либерализация издательского дела вызвала жестокую конкуренцию между изданиями в борьбе за читателя. О ней свидетельствует то, что часть не выдержавших соревнования газет прекращает свой выход в свет.

Особой была ситуация в Поволжье. Несмотря на то, что основной поток переселенцев из германских княжеств был направлен во второй половине XVIII века именно на Волгу, там после кратковременного выпуска в свет "Saratower Deutsche Zeitung" в 1766 - 1768 годах, длительное время не было вообще никакой периодики. Это имеет свое объяснение: газета, как городское явление, долго оставалась невостребованной сельским населением колоний. Лишь во второй половине XIX века интенсивное развитие экономики колоний, накопленный культурный потенциал, а также обстановка реформ способствовали появлению "Wolga-Kalender". Позже появилась газета "Jugendfreund" - единственный источник событийной информации поволжских немцев³.

Развиваются жанры немецкой журналистики. Если в XVIII веке материалы подавались без заголовков, единым блоком сообщений, то в XIX веке на полосы уже выходит заметка и репортаж, статья и письмо, очерк и отчет. Формируется культура заголовков: первоначально их роль выполняли указания на место, откуда поступила информация; позже они уже служат разделению различных текстов и несут смысловую нагрузку для лучшей ориентации читателей в материалах номера. Возникают и развиваются традиционные жанры немецкой публицистики, например, фельетон, под которым понимался пространный рассказ о том или ином действительном событии, печатавшийся, как правило, с продолжением и призванный связывать отдельные номера в единое целое - в газету.

Идет и специализация печати. Крупные газеты открывают все новые и новые информационные потребности своих читателей. Эти потребности издания пытаются удовлетворить с помощью подготовки тематических полос - для домашних хозяек, для землевладельцев и т.д. Затем эти тематические полосы начинают выходить в свет в качестве приложений к газетам. "St.-Petersburgische Zeitung" выпускает в первой половине XIX в. такое приложение для служащих, "Rigasche Zeitung" - для биржевиков, для занятых в торговле, в сельском хозяйстве. Следующим этапом становится появление отдельных изданий, ориентированных на узкие читательские аудитории. Первой газетой в этом ряду стала "Medizinische Zeitung Rußlands", издававшаяся в 1844 году в Петербурге.

Отдельно нужно сказать и о системе финансового обеспечения развития немецкой прессы в России. Наряду с государственными газетами, как, например, "St.-Petersburgische Zeitung", которых было совсем немного, ос-

новную массу изданий составляла частная или корпоративная периодика. Именно эти газеты и журналы, альманахи и ежегодники работали на определенную читательскую аудиторию, выпуская специализированные издания. При этом с большей регулярностью выходила в свет печатная "продукция" частных лиц: это были газеты, еженедельники или журналы. Общества, кружки, союзы и другие подобные объединения по интересам выпускали, как правило, ежемесячные или ежеквартальные журналы и бюллетени, а также ежегодники с отчетами о своей деятельности. Немецкую периодику отличает существенное развитие такого вида печати, как календарь. Календари выпускались чаще всего отдельными издателями, оформлявшими их в виде книги-журнала для семейного чтения на протяжении всего года.

III.

Особым примером специализации печати стал массив изданий Остзейских провинций, где в свет выпускались литературные, научные, промышленные, сельскохозяйственные и многие другие газеты и журналы, бюллетени и альманахи, ежегодники и календари. Вообще совершенно не изученным, сознательно, в угоду политических обстоятельств забытым массивом периодики является немецкая печать Прибалтики. Эта периодика имеет свое начало и свой конец, и уже одно это обстоятельство делает ее уникальной для изучения.

Она возникла после того, как печать утвердилась в Петербурге и Москве, и закончила свой век после массового исхода прибалтийских немцев в Германию в ответ на призыв Гитлера вернуться на историческую родину, а потом еще несколько лет искусственно поддерживалась оккупантами, завоевавшими государства на берегу Балтийского моря.

По нашим подсчетам, за все время существования в Прибалтике немецкой печати в свет вышло около семисот наименований периодических изданий. Этот пласт культуры оказывал до революции большое воздействие на развитие печатного немецкого слова в других губерниях Российской империи. Большую роль сыграл основанный в 1802 году Дерптский университет, где обучение велось на немецком языке и где получили подготовку многие журналисты, работавшие в Петербурге, Москве, Одессе.

Первоначально немецкая пресса Прибалтики возникла как научное предприятие, хотя старейший журнал Риги "Rigasche Anzeigen von allerhand Sachen" (1763 - 1765; 1778 - 1779) был в большей мере развлекательно-познавательным, нежели чисто научным. И все же именно периодика ученых обществ составляла в XVIII веке костяк, основу такого нового общественного явления, как пресса.

Немецкая периодика Прибалтики позволяет проанализировать, как, при каких обстоятельствах, с какими социальными последствиями развивалась печатная пресса, почему ежегодник начинал издаваться в виде журнала, а журнал, в свою очередь, вдруг принимал форму еженедельника, становился потом газетой. Вообще, как и почему возникли типологические особенности прессы, в каком общественном контексте происходили такие изменения, о чем они свидетельствовали.

Немецкая периодика дает представление о целом ушедшем в историю этническом мире, который жил среди чуждого окружения на протяжении столетий, который дал сильный человеческий импульс и России для ее восхождения к вершинам государственного могущества, и самой Прибалтике, чьи народы прошли под влиянием сплоченной общины немцев свой успешный путь национального самоутверждения и консолидации.

Нужно иметь в виду, что:

- развитие периодической печати в Прибалтике шло под сильным воздействием государственно-политических отношений, существовавших в Российской империи, о чем свидетельствует тот факт, что накопленный к середине XVIII века в Европе опыт издания газет и журналов не был перенят остзейскими и лифляндскими немцами, он пришел в эту часть континента с Востока - из Петербурга и Москвы;

- возникнув, немецкая пресса была первоначально выразителем взглядов и интересов научных сил Прибалтики, ее связь с академическими, университетскими кругами, с системой образования сохранялась на протяжении всей истории существования;

- периодическая печать появляется первоначально в виде ежегодника, альманаха, т.е. тех изданий, производственный цикл которых был достаточно длительным; увеличение периодичности связано с развитием материальной базы полиграфического дела, совершенствованием системы коммуникации, интенсификацией социально-политических процессов, ростом количества грамотных людей;

- типологические особенности немецкой балтийской прессы, в которой первоначально преобладали ежегодники и альманахи и лишь к середине XIX века укрепились ежедневные газеты, связаны с особенностями общественной жизни национального меньшинства, создававшего различные объединения по интересам; политические ориентации общины немцев их пресса стала отражать только при наступлении эпохи реформ в царствование Александра II;

- наряду с этим обнаружилась достаточная гибкость всей системы немецкой балтийской периодики, характерная для России в целом, когда на-

ряду с традиционной газетой региона, издававшейся с небольшими перерывами на протяжении века - полутора веков (например, "Дерптише цайтунг", "ригаше цайтунг" или "Реваль цайтунг"), возникали и исчезали газеты, которые были востребованы конкретной социально-политической обстановкой; это свидетельствует об устойчивости интересов у группы немцев той поры, готовой в то же время отвечать на вызовы реальных процессов или событий меняющимся информационным курсом;

- пресса балтийских немцев сравнительно поздно, только с середины XIX века начинает видеть свою миссию в том, чтобы пестовать национальные ценности, до этого проблемы сохранения традиций, языка и культуры не было вовсе; такие существенные перемены были обусловлены несколькими причинами, в том числе такими, как усиление руссификаторских тенденций в управлении нерусскими народами, возникновение в центре Европы сильного, составившего значительную конкуренцию России государства - Германии, рост самосознания эстонцев, латышей и литовцев, среди которых жили балтийские немцы, и, как ответ, рост национального самосознания самой общины немцев;

- пресса выполняла, помимо информационной, очень важную функцию представления интересов национальной общности; фактически она брала на себя, начиная со второй половины XIX века, роль национально-культурной автономии, когда не только консолидировались активисты вокруг определенных центров общественной жизни (а таковыми всегда были газеты немцев), но и артикулировались требования, устанавливался контакт представителей прессы с властями для решения проблем национального характера;

- сама печать стала для балтийских немцев традицией, без которой понять их этнический мир невозможно; в отличие от вербальных народов, чья культура основывалась на устном творчестве, немцы материализовывали свои знания, умения, чувства на бумаге, видели в прессе важный компонент своей идентичности;

- печать немцев Прибалтики позволяет понять, каково место массовой информации при формировании гражданского общества, при продвижении от деспотий к демократии, поскольку она издавалась лично свободными и экономически независимыми людьми, была связана с появлением новых социальных отношений.

В 1871 году в Риге выходило в свет 22 немецких издания, из которых было 5 журналов, 5 газет, 8 ежегодников, 3 бюллетеня и один календарь. Их тематика была самой разнообразной: наряду с общественно-политическими, теологическими, научными в свет выходили также издания о лите-

ратуре и искусстве, промышленности, школьном деле, издания для женщин. В 80-х годах XIX века количество периодики в Риге заметно увеличивается. Динамика тут такова: в 1879 году в свет выходило 27 изданий, в 1880-м - 29, в 1881-м - 31, в 1882-м - 33, в 1883 - 1884-м - 34, в 1885 - 36. И в дальнейшем количество изданий только возрастало; и своего пика немецкая периодика в Риге достигла в 1909 году, когда в этом не самом большом городе Российской империи в свет выходило одновременно 71 издание на немецком языке самых разнообразных тематических направлений. Всего с 1763 по 1944 годы в Риге издавалось 336 органов периодической печати.

Вторым по величине издательским центром Прибалтики был Дерпт. Здесь с момента возникновения периодики в 1789 году по 1939 год, когда было закрыто последнее немецкое издание, вышло 118 газет, журналов, ежегодников, бюллетеней и календарей.

Дерпт - город более размеренный и спокойный, нежели Рига, и его пресса с середины XIX до начала XX века изменялась менее стремительно. В 1871 - 1885 годах постоянно входило от 17 до 19 изданий. Особых всплесков не было ни в конце XIX, ни в начале XX века: полтора десятка изданий находили своих читателей и не допускали на рынке прессы такого столпотворения газет и журналов самых разных направлений, как это было в балтийской столице.

В Ревеле с 1772 по 1944 года выходило в общей сложности 93 периодических издания. Всплеск издательской активности приходится на конец 70-х - начало 80-х годов, когда и экономика провинции, и политические условия способствовали развитию печатного дела, а само чтение газет входит в быт и традицию немцев Ревеля. В этот период в городе, конкурируя друг с другом, выходит от 9 до 11 периодических изданий. Как ни странно, но масса ревельской периодики была самой большой в годы спада первой русской революции: во всей империи уже началась реакция, повсеместно восстановлена жесткая цензура, а здесь издается рекордно большое количество газет, журналов и ежегодников - целых 20!

Эти сведения можно представить в виде сводной таблицы:

Место издания	Год выхода первого периодического издания	Год закрытия последнего издания	Общее количество изданий
Рига	1763	1944	336
Дерпт	1789	1939	118
Ревель	1772	1944	93

Помимо этих трех городов местом издания периодики балтийских немцев были еще Аренсбург, Баушке, Вальк, Венден, Вильна, Виндау, Вольмар, Гольдинген, Либау, Митау, Нарва, Пернау, Элва.

IV. Повсеместно реформы Александра II дали простор капиталистической экономике. Немцы, которые не знали в России крепостного права и традиционно были заняты в сельском хозяйстве, ремеслах, промышленности, почувствовали значительную свободу для своей деятельности, что немедленно сказалось и на положении их прессы: в нее активно проникают отношения купли - продажи. Об этом свидетельствует появление огромного количества рекламы, переход изданий из рук в руки, утверждение на полосах немецких газет русских объявлений.

И этот последний факт говорил о том, что община немцев перестает оставаться закрытой от внешнего мира: вместе с новыми экономическими порядками в стране туда приходит и информация, а с ней - и государственный язык. Это указывало помимо всего прочего и на перемену отношения к немцам после провозглашения Германской империи. Трансформации взглядов правительства способствовала и ожесточенная литературная дискуссия в русской прессе: западники и славянофилы активно обсуждают дальнейшие пути и судьбы родины, место и роль иностранцев в управлении государством⁴.

Между тем русская поэзия и проза второй половины XIX столетия своим расцветом во многом обязана тем предприимчивым людям, которые, умея сочетать материальный интерес с потребностью публики в оригинальных произведениях, способствовали появлению поэмы, романов, рассказов, пьес.

В ряду этих издателей дореволюционной России особо выделяются три имени - Ивана Дмитриевича Сытина, "первого книжного миллионера" Маврикия Вольфа и "фабриканта писателей и читателей", как называли его современники, Адольфа Фридриховича Маркса. Сытин вошел в историю русской словесности благодаря изданию дешевых "книг для народа", прежде всего учебников, а также политической газеты "Русское слово", которая достигла ко времени первой мировой войны 500-тысячного тиража; Вольф - благодаря выпуску в свет научно-технической и научно-популярной литературы, в также самому большому книжному магазину; Маркс - благодаря своему журналу "Нива", обращенному к массовой аудитории интересующихся литературными новинками людей в обеих столицах империи и в провинции. Особую популярность получили приложения к "Ниве" - доступные по цене собрания сочинений известных русских писателей, их А.Ф. Маркс, ученик М.О. Вольфа, стал выпускать по совету И.Д. Сытина.

Маркс, выходец из немцев, начал свое дело с помощью кредиторов, которых воодушевил идеей издания нового журнала⁵. Вот как описывал этот исторический факт его современник:

“Существовал в то время в Зиминном переулке маленький не то ресторанчик, не то пивная, в которой собирались по вечерам немецкие приказчики, конторщики, мелкие коммерсанты... В числе усердных посетителей ресторанчика, его постоянных гостей, - “штаммгастов”, как говорят немцы, - находился и молодой Маркс. Товарищи Маркса были все люди небогатые: у одного было накоплено рублей двести, у другого - триста, у третьего - сто. Но Маркс сумел их убедить, что можно начать дело и с небольшими средствами, и они, составив “капитал” в тысячу с чем-то рублей, передали его Марксу для основания журнала”.

Именно “Нива”, распространявшаяся по минимальной цене в 40 копеек в месяц, впервые опубликовала многие из произведений Лермонтова, Толстого, Тургенева, Гоголя, Достоевского, Чехова. И номера журнала, и увидевшие свет приложения - сочинения русских писателей и альбомы репродукций художников - стали составной частью культуры XIX века: они попадали в самые уважаемые дома и провинциальные библиотеки, их преподносили в подарок и зачитывали до дыр. Если в годы перед реформами Александра II в России было только 6 % грамотных, то к началу XX века - около 25% сельского и 45% - городского населения умели читать и писать⁶. Заслуга издателей - в изменении менталитета нации. По признанию одного известного публициста, Адольф Федорович Маркс сделал “для России больше, чем иной министр народного просвещения”⁷.

Особый резонанс в русском обществе имел договор Маркса с Антоном Павловичем Чеховым, заключенный в 1898 году по образцу подобных соглашений, уже утвердившихся к тому времени за рубежом⁸. За 75 000 рублей писатель продал издателю права на свои произведения. Все признавали, что Маркс наживался на публикации рассказов Чехова. Однако писатель не поддержал нападок на своего издателя, сказав одному из собеседников: “Я своей рукой подписывал договор с Марксом, и отречься от него мне неудобно. Если я продешевил, то, значит, я и виноват во всем: я наделал глупостей. А за чужие глупости Маркс не ответчик. В другой раз буду осторожнее”⁹.

Маркс стал легендой немецкого бизнеса в России. Русские писатели - его современники старались не забыть его в своих воспоминаниях. Вот как писал о нем известный беллетрист П.П. Гнедич: Он “с неослабевающей энергией шел к намеченной цели, как истый шваб, побеждая все своим упорным трудом. Он сам рассказывал, как питался с женой сорокакопеечными обедами м-ме Мильбрехт, не имея возможности держать дома своего стола, - это в то время, когда у него было 10 тысяч подписчиков. Он сам завертывал бездоставочным подписчикам журнал, сам принимал подписку.

сам выписывал сотрудникам гонорар и довольствовался в день двумя бутылками пива”¹⁰.

Важным для образования, науки и культуры событием стали подготовка и выпуск в свет энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Основанное в России в 1890 году как дочернее предприятие лейпцигской фирмы Брокгауза, акционерное общество Брокгауза и Ефрона опубликовало с 1890 по 1907 год 86 томов, к написанию которых были привлечены лучшие научные и литературные силы империи.

V.

Как правило, издатели из числа немцев в столице и в провинции были доляльными к власти людьми консервативных убеждений, знавшими в то же время законы бизнеса и умевшими вести дело с выгодой для себя. Лояльность в этой сфере проявлялась и в том, что многие служивые немцы были в составе цензурных комитетов, часть из них как цензоры стали известными фигурами своего времени, приобрели вес и влияние в литературной и общественной среде.

Так, на протяжении всей эпохи Александра II военным цензором империи был Л. Штюрмер. Во время Балканской военной кампании надзором за корреспондентами на фронте занимался М. Газенкамф, он первым в российской практике ввел аккредитацию журналистов¹¹.

В 70-х годах XIX века начинает формироваться слой русских интеллектуалов, не разделявших основные постулаты царизма и придерживавшихся социал-демократических, коммунистических воззрений. К началу XX столетия эти общественные настроения имели внутри страны существенную опору в виде разветвленной сети нелегальной печати. Единственным примером сотрудничества немцев с революционным подпольем тех лет была деятельность Н. Баумана, который по поручению партии Ленина содержал у себя дома большевистскую типографию¹². За это он был арестован, а позднее, в первую русскую революцию, во время уличной демонстрации убит.

Свои обороты с середины XIX века набирала и антинемецкая кампания. Особенно сильные пропагандистские выпады начались после восшествия на трон Александра III. Его правление было отмечено не только жесткой внутренней политикой, направленной против инородцев, но и всяческими притеснениями прессы. Ожесточение царя усилилось после того, как значительно углубились его разногласия с кайзером, давшим пристанище оппозиционно настроенным литераторам и публицистам.

Положение немецкого печатного дела в стране существенно меняется. Теперь общественно-политические издания видят свою задачу не только в

передаче новостей, но и в защите национальной культуры, традиций и языка от нападков официальной пропаганды и антинемецки настроенной печати. Впервые во второй половине XIX в. начинают издаваться свадебные, карнавальные газеты, которые сами явились настоящим воплощением народных традиций. Так, в Риге в 1898 году увидела свет "Faschings-Zeitung", в Петербурге в 1894 и 1899 годах - "Polterabend-Zeitung". Эти наполненные юморесками, шванками, стихами и рисунками газеты-однодневки свидетельствуют о том, что печать на родном языке стала важной составной частью жизни народа.

В годы реакции второй половины XIX века немецкая пресса меняется и структурно: возникающие новые издания менее всего претендуют на значительный читательский интерес и обращены, как правило, только к узким аудиториям промышленников и торговцев. Общий застой в духовной жизни государства ощущался и на страницах немецких газет. Страна с тревогой ожидала перемен.

Революция 1905 - 1907 годов явилась новым этапом в развитии отечественной прессы. Так же, как и русская периодика, издания на немецком языке внимательно следили за бурными событиями в обеих столицах. Провозглашенная 17 октября свобода печати была с некоторым опозданием воспринята журналистами и редакторами, однако, начиная с 1906 года, начинается бурный рост количества газет на немецком языке. Расширилась география этой периодики: теперь к уже существовавшим центрам публицистики добавились Бердянск и Саратов, Харьков и Тифлис.

Новые издания были прежде всего общественно-политической направленности: вся страна напряженно ждала сообщений о развитии революционных событий, в том числе и немцы. Политизация российского общества проявилась в немецкой среде в том, что издания пытались примкнуть к той или иной партии.

Среди газет революционной волны выделялись такие, как "Deutsches Leben" (1906 - 1908) и "Deutsche Rundschau" (1907 - 1914) в Одессе; "Saratower Deutsche Zeitung" (1906) и "Deutsche Volkszeitung" (1906 - 1911) в Саратове; "Kaukasische Post" (1907 - 1913) в Тифлисе; "Der Botschafter" (1905 - 1914) в Бердянске; "St.-Petersburger Feuilleton-Korrespondenz" (1906) и "St.-Petersburger Politische Korrespondenz" (1906) в Петербурге; "Baltische Post" (1906 - 1914), "Rigaer Telergraph" (1906), "Rigasche Neueste Nachrichten" (1907 - 1911), "Rigasche Neue Zeitung" (1909) и "Rigaer Allgemeine Zeitung" (1909) в Риге.

Найти собственные политические ориентиры после десятилетий травли было для немцев совсем непросто. Тем более, что сама революция

обернулась во многих городах настоящими погромами, когда толпы хулиганов и черносотенцев избивали людей, грабили и поджигали дома немцев и евреев.

Революция активизировала общественную жизнь немцев в России. По всей стране создаются самые разные союзы и общества - начиная от политических и кончая спортивными и певческими. Однако многие отреагировали на социальные потрясения иначе: резко возросла эмиграция из России. Газеты с тревогой пишут об этом явлении и пытаются по-своему помочь тем, кто решил искать другую родину: постоянными становятся рубрики в помощь переселенцам.

Другие постоянные темы газет того периода - наука и промышленность, сельское хозяйство и криминальная хроника, зарубежные события и литературные новинки. Практикой становится выпуск в свет приложений для самых разных категорий читателей. Та же одесская "Deutsches Leben" готовила специальные страницы для служащих, земледельцев, домохозяек и т.д.

Продолжается становление и национальной немецкой печати, видевшей свою главную задачу в сохранении и поддержании менталитета народа. В самых разных городах выходят в свет свадебные, карнавальные, юмористические газеты¹³. Они - как защитная реакция людей, переживших сильный стресс социальных бурь и потрясений.

Политическая жизнь заставила региональные газеты публиковать информацию со всей страны. В то же время редакторы, начиная новое издание, рассчитывали завоевать внимание немецкой читающей публики и за пределами своего города, своей губернии. Утверждается измененная структура редакционных коллективов, в которых теперь есть разъездные и собственные корреспонденты. Институт корреспондентов значительно демократизируется: помимо литераторов и учителей в газеты теперь пишут люди самых разных профессий - агрономы и прокуроры, пасторы и крестьяне¹⁴.

Рост количества газет вновь вызвал ожесточенную конкурентную борьбу. Для того, чтобы в ней устоять, требовалось привлечь значительные финансовые средства, завоевать расположение властей. После того, как стало ясно, что революционная активность пошла на убыль, царское правительство, Государственная Дума намеревались взять реванш. В первую очередь восстановлению статус-кво подлежала ситуация в печати. Николай II уже 26 апреля 1906 года подписывает Временные правила для неповрежденной печати, которые подтвердили правомочность Устава о печати времен Александра III и откат от свобод 17 октября 1905 года. До провинции все эти события доходят с опозданием, однако, начиная с 1907 года, газеты одна за другой постепенно закрываются. Лишь немногим из них удалось

уцелеть вплоть до начала первой мировой войны. Основная масса возникших в пору революции изданий прекращает свой выпуск.

Уже в XIX веке, несмотря ни на что, информационные контакты с Европой и, прежде всего, с Германской империей были очень интенсивными. Это дало о себе знать и в пору, когда после первой русской революции немецкая пресса уменьшается количественно. В страну все больше и больше начинает поступать газет и журналов из Лейпцига, Берлина, Лодзи, других городов¹⁵.

С 1911 - 1912 годов вновь наблюдается оживление на рынке немецкой периодики. Развитие прессы связано с промышленным подъемом русской экономики, в которой немцы играли все более заметную роль. Пресса чутко реагирует на потребности своих читателей: начинают издаваться самые разные профессиональные издания, газеты для специальных аудиторий. Так, в Петербурге появляются газета для железнодорожников "Russische Eisenbahn-Zeitung" (1913), информационные издания для купцов и биржевиков о ввозимых товарах "Einfuhrliste" (1913) и "St.-Petersburger See-Emfuhrliste" (1914); в Риге выходит в свет газета для издателей и полиграфистов "Baltische Typographische" (1914). Именно эти органы периодики первыми сигнализировали о приближающейся в 1914 году войне: из номера в номер помещалось все меньше и меньше сообщений о привезенных в Россию товарах.

Значительно больше стало изданий свадебных, карнавальных, юмористических. Наряду с этим множится и церковная периодика. Характерно, что раньше конфессиональная принадлежность издания прочитывалась только в объявлениях о готовящихся богослужениях. Печать немцев России была, как правило, надконфессиональна, рассчитывала на внимание и лютеран и католиков. Теперь же появляется целый слой приходских газет, миряне также берутся за выпуск конфессиональных изданий. Так, в Москве появляются "Moskauer Evangelisches Kirchenblatt" (1912 - 1913). Особенно увеличивается число изданий этого направления с началом первой мировой войны.

В ряде городов открываются и новые общественно-политические газеты: в Риге - "Rigasches Nachrichtenblatt" (1912), в Александровске-на-Днепре Екатеринославской губернии "Bürger-Zeitung" (1912 - 1914), в Саратове - "Volkszeitung" (1912 - 1916), в Петрограде "Nordische Zeitung" (1915).

В годы между войнами - Русско-японской и Первой мировой - немцы, как национальное меньшинство, которое было значительно представлено в структурах государственного управления империей, по-прежнему оказывались под перекрестным огнем самых разных политических сил. Пресса на немецком языке, как и прежде, пыталась выступить официальным оппонен-

том политики преследования. "Bürger-Zeitung" уверяла, что для немцев - главное служить своему русскому отечеству¹⁶.

Но для России дискриминация по национальному признаку отдельных народов казалась одной из тех мер, что способны сплотить основные массы подданных. Именно это подготовило общественное мнение страны к принятию с началом войны с Германией целого пакета антинемецких законов¹⁷. В соответствии с этими законами существенно ограничивалась экономическая и политическая дееспособность колоний.

Несмотря на то, что практически сразу после вступления России в войну был объявлен запрет на употребление немецкого языка в общественной жизни¹⁸, газеты не были закрыты одновременно, хотя их количество существенно уменьшилось. Оставшиеся издания демонстрируют полную лояльность власти, пишут о положении на фронте и успехах русской армии, организуют благотворительные акции в помощь ее солдатам, пытаются показать роль немцев - хирургов в госпиталях, пасторов в сборе пожертвований - с лучшей стороны, подчеркивая их вклад в борьбу с Германией. Но так называемые ликвидационные законы от 2 февраля и 13 декабря 1915 года подвели черту под историей российской прессы на немецком языке в период империи. До 1916 года дожили единичные издания. В июне были закрыты последние три из них: "Volkszeitung" в Саратове, "Charkower evangelischer Gemeinbote" в Харькове и "Kirchlicher Anzeiger für die evangelischen Moskauer" в Москве. Это распоряжение подписал министр внутренних дел Штюрмер¹⁹.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что традицию издавать газеты активно использовал противник России в войне - Германия. Практически во всех крупных городах, попавших в ходе боевых действий под оккупацию, начинают выходить в свет газеты для местного населения, в том числе и на немецком языке²⁰.

Запрет российских властей для немецких газет длился менее года. В феврале 1917 года начались революционные события, и пришедшее к власти Временное правительство одним из первых же своих распоряжений вернуло стране свободу печати. Весной - летом 1917 года начинается возрождение прессы немцев - пятый этап ее предсоветской истории. Это возрождение началось там, где в последующем были созданы важнейшие национально-политические институты российских немцев - в Поволжье. "Saratower Deutsche Zeitung" была первым изданием новой, революционной эпохи. Она возникла как реакция на преследования немцев и отражала в своих публикациях становление движения представителей народа за территориальную автономию.

Историческое значение дооктябрьской немецкой печати в России в том, что она смогла на протяжении почти двух веков сочетать в себе общую тенденцию развития прессы с тенденцией роста национального самосознания одного из народов империи. Возникнув вслед за русской печатью, в свою очередь созданной по европейскому образцу, периодика немцев стала естественным проводником культуры страны проживания в среду переселенцев, помогла сплочению немецкой общины в России, способствовала созданию единого информационного пространства народа.

Примечания

¹ В 1698 году из Голландии в Россию приехал Адриан Шхонебек, который организовал при Оружейной палате гравировальную мастерскую, где готовил офорты для выпуска книг и обучал своему ремеслу русских учеников. См.: 400 лет русского книгопечатания. 1564-1964. Русское книгопечатание до 1917 года. 1564 - 1917. - М.: Наука, 1964. С. 136.

² Эту же закономерность, но в другой сфере - музыке - заметила Л. Кириллина. См.: Kirillina L. Russische Übersetzungen deutschen Musikschritttuma aus dem 18. Jahrhundert // Europa in der frühen Neuzeit - Festschrift für Günter Mühlpfordt. Bd. 3. - Weimar (u.a.), 1997. S. 251.

³ См.: Hagin M. Beitrag zur wirtschaftlichen und kulturellen Leistung der Wolgadeutschen // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland 1967/1968. - Stuttgart: Hrsg. Von der Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland. - S. 101.

⁴ О реакции немецкой печати на литературно-публицистическую полемику в русской прессе между западниками и славянофилами автор показал на примере "Moskauer Deutsche Zeitung". См.: Ilanopova T. Die deutsche Presse in Moskau von den 1860er Jahren bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte. Bd. III. 1994. Heft 1. S. 123 - 130.

⁵ Диренштейн Е.А. "Фабрикант" читателей: А.Ф. Маркс. - М.: Книга, 1986. С. 26.

⁶ См.: Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 183.

⁸ Этому договору посвящено специальное исследование. См.: Видуэцкая И.П. А.П. Чехов и его издатель А.Ф. Маркс. - М.: Наука, 1977.

⁹ См.: Там же. С. 9.

¹⁰ Диренштейн Е.А. Указ. Соч. С. 39.

¹¹ См.: Иванов Д.В. Формирование военной цензуры России. 1810 - 1905 гг.: Автореф. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. - М., 2000. С. 22 - 24.

¹² См.: Левитас И.Г., Москалев М.А., Фингерит Е.М. Революционные подпольные типографии в России (1860 - 1917 гг.). - М.: Госполитиздат, 1962. С. 145 - 146.

¹³ См.: Иларионова Т. Печать российских немцев. Опыт исторического анализа. - М., 1992. С. 43.

¹⁴ Von der Redaktion // Deutsche Volkszeitung (Saratow). Probenummer. 1906. 23. August.

¹⁵ См.: Bericht des Vorstandes über das dritte Geschäftsjahr des Moskauer Deutschen Vereins. Moskau. 1910. S. 22.

¹⁶ Für wen wird eine Zeitung geschrieben? // Bürger-Zeitung. 1912. а 7. (20). März.

¹⁷ См.: Линдемман К. Прекращение землевладения и землепользования поселян собственных. М., 1917.

¹⁸ См.: Stumpp E. Die heutige Wohngebiete und berufliche Aufgliederung der Deutschen in der Sowjetunion // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1959. - Stuttgart: Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland (1959). S. 7.

¹⁹ См.: Volkszeitung. 1916. 5 Juni.

²⁰ См.: Иларионова Т. Печать российский немцев. Опыт исторического анализа. - М., 1992. С. 46.

В. Хердт

ПЕЧАТЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ 1917 ГОДА

Наименее изученным и описанным периодом в истории периодической печати России и Советского Союза является период с 1917 по 1923 годы. Причина не только в том, что во времена "краткого курса" в официальной советской идеологии многие события, непосредственно предшествовавшие или последовавшие за октябрьским переворотом 1917 года, наиболее полно освещенные как раз в тогдашней текущей периодике, преднамеренно замалчивались или искажались, но и в том, что периодика тех лет в силу часто меняющейся власти, хаоса и разрухи, плохо отложилась в библиотеках и архивах. К тому же до 1923 года Центральные библиотеки не всегда получали "обязательные экземпляры" выходивших в те годы изданий. Изданный в 1990 г. под эгидой тогдашней Государственной библиотеки СССР им. Ленина, Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и Всесоюзной книжной палаты каталог газет первых лет советской власти 1917-1922¹, в работе над которым впервые участвовали многочисленные областные библиотеки и архивы Советского Союза, высветил всю драматичность положения с библиографическим охватом и сохранностью как газет на русском языке, так и периодики на языках народов тогдашнего СССР и на иностранных языках.

В последние годы, благодаря интенсивной работе в архивах и библиотеках России и Украины, сотрудникам института германских и восточноевропейских исследований в Геттингене (Institut für Deutschland- und Osteuropaforschung des Göttinger Arbeitskreises) Сдилось выявить ряд немецкоязычных периодических или однодневных изданий, выходивших в Поволжье или на Украине в 1917-1921 гг., не охваченных названным сводным библиографическим каталогом. Добавим к этому, что обнаружены и многочисленные отдельные номера изданий, приведенных в каталоге, но не сохранившиеся в указанных хранилищах. В институте они имеются в ксерокопиях или на микрофильмах, что позволило изучить их содержание. К сожалению, удалось собрать не все газеты и далеко не все их номера. Но если в институте, например, нет Одесской газеты за 1917 год, то информация о жизни немцев Причерноморья того времени частично восполняется материалами газет Южно-Русского Союза российских граждан немецкой наци-

ональности Еженедельник/Wochenblatt и их преемницей Vereinszeitung также выходившими в Одессе. Широкое применение находила в те годы и практика взаимной перепечатки материалов или полемик по отдельным животрепещущим проблемам, которые велись в изданиях различной политической ориентации. Так что из этих материалов также можно получить представление о газетах или их отдельных номерах, которые пока считаются безвозвратно утерянными.

Первая мировая война и известные ликвидационные законы на некоторое время напрочь покончили со всей немецкой прессой в России. Как известно, уже в первые месяцы после начала Первой мировой войны было закрыто подавляющее большинство имевшихся в стране немецких изданий. Какого-либо единого для всех указа или постановления на этот счет не было, и закрывались печатные органы как по решению военных властей, так и по распоряжениям губернского начальства. Добавим к этому, что издатели нередко и сами предпочитали не рисковать своим имуществом в условиях цензурного беспредела и прекращали выпуск газет по собственной инициативе. Примечательно, что до 1916 года смогли продолжить выпуск всего четыре немецких издания, два церковных издания (в Москве и Харькове); выходившая в Саратове "Фольксцайтунг" и "Петроградская газета". Первые три были закрыты в июне 1916 г. Советом Министров по представлению министра внутренних дел Штюрмера², последняя - буквально за два месяца до февральской революции, в декабре 1916 года³.

В итоге к 1917 году немцы в России остались без единой немецкоязычной газеты, хотя в 1914 году они выходили повсюду, где жило немецкое население⁴. Еще до принятия Временным правительством 27 апреля 1917 года постановления о печати, первый пункт которого гласил: "Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается"⁵, немцы в различных регионах страны взялись за восстановление своей периодики. Она им была крайне необходима для ведения организационной работы, которую им предстояло провести после свержения российского самодержавия. Прежде всего, немцы, особенно западных и южнорусских губерний, были заинтересованы в скорейшем преодолении последствий применения так называемых ликвидационных законов. Как и большинство населения новой России, они были заинтересованы в защите и расширении провозглашенных Февральской революцией политических прав и свобод и развитии демократических процессов в стране. Немцы России по известным причинам жаждали скорейшего окончания войны. В этом они были едины с большинством населения новой России.

Понятно, что были у них и свои специфические задачи, в решении которых печати отводилось особое место. Немцам всех регионов России, едва лишь осознавшим себя единым народом в результате дискриминационной политики царского правительства, предстояло наладить взаимное сотрудничество, крепить свою немецкую идентичность, добиться свободы использования родного языка в каждодневной жизни, церкви и школе. Важные задачи стояли перед ними в области школьного образования на родном языке. Требовала консолидации церковная жизнь. Необходимо было восстановить прерванный войной процесс подъема национального самосознания, начавшийся в связи с подготовкой к 150-летию со дня основания поволжских немецких колоний и юбилеев отдельных поселений в других регионах проживания немцев.

Стартовые возможности для образования газет после Февраля 1917 года в разных регионах были разными. Разными были возможности газет частных, профессиональных и издаваемых общественно-политическими объединениями граждан. Одинаковым был лишь один момент: рассчитывать на то, что частные или товарищеские периодические издания, каковыми были все без исключения органы печати немцев России до первой мировой войны, тут же займут свое прежнее место, в данной ситуации не приходилось. Организовать печать на первых порах можно было лишь совместными усилиями. Необходимо было сделать это без промедления. Слишком стремительным был бег времени, слишком быстро менялась обстановка, чтобы сидеть и ждать, пока саратовская Volkszeitung или тифлисская Kaukasische Post или одесская Odessaer Zeitung вместе с одесской Deutsche Rundschau наладят выпуск. Неясно еще было, смогут ли немецкие газеты в Петрограде и Москве ввиду массовой потери читателя с германским паспортом, подавляющее большинство которых покинуло Россию, выходить в прежнем виде и объеме.

Воссоздать немецкую прессу России и обеспечить необходимо высокие тиражи для более широкого охвата населения, невзирая на расходы, могли на первых порах и быстрее, и лучше лишь Союзы немцев, возникших во всех регионах их проживания. Это означало, что пресса немцев, скорее всего, должна была бы остаться верной своему принципу региональности, как это было и до революции, что, однако, не исключало возможности создания хоть на какое-то время и впервые за всю историю прессы немцев России, пусть даже на период подготовки и проведения выборов, центрального органа печати немцев России. Как показали дальнейшие события, региональная пресса на первых порах была воссоздана именно Союзом русских граждан немецкой национальности, а от центральной отказались в силу ря-

да причин, о которых речь пойдет ниже. Союзы эти были сформированы на съездах уполномоченных волостей или колоний или же на собраниях представителей немецкого населения регионов. Съезды уполномоченных имели свои традиции в Поволжье и Южной России и имели несравненно больше полномочий, нежели собрания городских жителей. На съезде волостных уполномоченных 25-27 апреля 1917 г. в Саратове пошли дальше всех и приняли решения по налоговому обложению всех имеющих у колонистов земель для организационной и политической работы и на нужды образования и по введению особого налога на нужды печати⁶, чего не могли так легко сделать, например, немцы Москвы или Петрограда, хотя в обеих столицах их проживало достаточно большое количество, и чего в силу ряда причин не сделали в Одессе или других местах компактного проживания немцев. Трудности с организацией печати, однако, были везде. В Одессе, ввиду отсутствия специальных органов печати для колонистов, вначале склонялись к мысли войти в соглашение с одной из одесских газет и печатать там материалы о колонистах⁷. Затем, после создания собственного Еженедельника Южно-Русский Союз тут же, не в последнюю очередь из финансовых соображений, заявил, что откажется от собственного печатного органа, как только станут выходить одесские газеты на немецком языке⁸. Но совсем без собственной газеты было, видимо, не так-то просто обойтись, и когда поздней осенью 1917 года вновь стала выходить *Odessaer Zeitung*, то Союз все же отошел от первоначальной позиции и пытался войти с ней в соглашение о совместном издании⁹. А когда в начале 1918 с появлением католической *Deutsche Rundschau* все же прекратили выпуск своей газеты, то не прошло и пяти месяцев, как был образован новый печатный орган Южно-Русского Союза, переименованного в Союз немцев Причерноморья, газета *Vereinsbote*

Разными были и стартовые условия различных регионов в деле употребления немецкого языка в печати. В то время, как на Волге запрета на печатание газет на немецком языке вообще не существовало, в Южной России, в Сибири и на Кавказе, особенно на Северном, такие запреты не были сняты до лета 1917 года. Делегация Южно-Русского Союза русских граждан немецкой национальности летом 1917 года ездила для решения этого вопроса в Петроград, однако военное ведомство кивало на Ставку Верховного Главнокомандующего, и вопрос был поставлен на рассмотрение Временного правительства, которое обещало всяческое содействие¹⁰. Одесский Еженедельник по этой причине вплоть до середины лета 1917 года выходил на русском языке и не мог в этой связи иметь широкого читателя в колониях.

Вообще надо сказать, что ситуация на местах была настолько разной, что не надо было запретов региональных властей на печатание немецких газет, если даже местные почтовые отделения могли творить беспредел и не принимать к рассылке, например, гальбштадтскую газету *Friedensstimme*, как об этом сообщал Карл Линдеман Первому съезду южно-русских колонистов в Одессе в мае 1917 года¹¹. К чести ее издателей надо сказать, что она не осталась однодневной (разовой) газетой. Ей впоследствии удалось организовать и выходить вплоть до 1918 года¹².

Необходимость скорейшего возрождения национальной периодики после февраля 1917 года наложила свой отпечаток на прессу немцев России. Некоторые печатные органы были первоначально организованы в виде Листков (*Flugblatt*), без жестко обозначенной периодичности, выход которых определялся местными условиями и возможностями. На Волге с марта по май 1917 года вышло семь Листков для поволжских колоний (1.-7. *Flugblatt für die deutschen Wolgagolonien*), прежде чем смогла выйти полноценная газета *Saratower Deutsche Volkszeitung*. В Москве с августа 1917 г. по январь 1918 г. издавался печатный орган немцев *Flugblatt des Moskauer Verbands russischer Staatsbürger deutscher Nationalität*. В Молочанске выходил листок под названием *Molotschaner Flugblatt*. В Одессе это был уже упомянутый Еженедельник/*Wochenblatt*, выходивший под этими названиями до октября 1917 года и ставший после этого полноценной газетой под названием *Vereinszeitung des Süd-Russischen Verbandes der Deutschrussen*.

В других местах, однако, где раньше, где позже, региональными Союзом российских граждан немецкой национальности сразу же были созданы газеты. В Сибири на съезде представителей немцев и меннонитов Западной Сибири в Славгороде в мае 1917 года было решено создать газету *Der Sibirische Bote* (Сибирский Вестник), кстати, впервые в этом регионе, для поддержки связи с немецким и меннонитским населением Западной Сибири и Степного края, выходившую до запрета ее большевиками, до декабря 1917 года в Омске¹³. Таким образом, комитеты или союзы в Одессе, Саратове, Москве, Молочанске, Гальбштадте и Славгороде/Омске сумели в более или менее короткие сроки создать пять вышеупомянутых органов печати, часть которых неоднократно меняла свое наименование (например, Еженедельник/*Wochenblatt/Vereinszeitung des Südrussischen Verbandes der Deutschrussen*, *Vereinsbote des Verbandes der deutschen Kolonisten im Schwarzmeergebiet*), превращаясь из листков в солидные газеты. Следует подчеркнуть, что в Москве местный союз российских граждан немецкой национальности, имевший большие амбиции и не столь много членов, так и не

смог создать свою немецкую газету, а вынужден был ограничиться семью листками.

В Петрограде Главный комитет, окончательно сформировавшийся лишь в октябре 1917 года¹⁴, вообще не планировал выпуска своей собственной газеты, а полагался на то, что материалы о колонистах и их проблемах и движениях смогут публиковать в русских газетах. Пастор Винклер, на августовском съезде Южно-Русского Союза русских немцев, докладывал, что Главный комитет вышел на журналистов из газеты "Речь" и из других газет и пришел к убеждению, что при наличии денег этот вопрос можно решить¹⁵. На Руси и на самом деле за деньги всегда можно было сделать все возможное и невозможное, а если вспомнить, что в Петербургском Главном комитете немцев Поволжья представлял такой опытный журналист, как Петер Зиннер, имевший громадный опыт сотрудничества с русской прессой, например с Полтавщиной В.Г. Короленко, то этот вопрос можно было действительно решить, если бы... Если бы не ушло время. События, произошедшие после создания комитета, не дали развернуться ему ни на этом поприще, ни в других областях.

Немцы Закавказья, сплотившиеся уже в апреле 1917 года в "Союз немцев на Кавказе" во главе с "Центральным комитетом кавказского Союза российских граждан немецкой национальности", так и не создали в период между двумя революциями 1917 года свою печать, а возрождение газеты *Kaukasische Post*, выходившей с 1906 по 1914 годы, все затягивалось и затягивалось из-за технических, финансовых, да и политических причин. Ведь немцы Закавказья, жившие в раздираемом национальными противоречиями регионе и пестром окружении кавказских народов, должны были при выдвижении своих национальных требований проявлять известную осторожность. Это, кстати, тут же подметил на сентябрьском конгрессе в Шиллинге социалист Генрих Кениг¹⁶, пытаясь унять пыл национальных требований ЦК поволжских немцев-колонистов, которых считал радикальными националистами. Немцы же Северного Кавказа находились и после февраля 1917 года в несравненно более трудных условиях, так как на всех уровнях над ними были поставлены казаки или русские, так что о собственной прессе на немецком языке и о национальном возрождении им приходилось лишь мечтать¹⁷. Между тем необходимость выхода немецкой газеты в кавказском регионе определялась потребностью в ней не только местных немцев, но и тысяч и тысяч немцев, находившихся на турецком фронте. Последние получали какое-то количество газет из Саратова и Одессы, но с большим опозданием. Нужна же им была актуальная информация о положении своих семей и земляков, о земельном вопросе и его решении в ко-

лониях, так как они постоянно должны были опасаться, что передел земли может произойти без них. Такую информацию им могла бы дать только "кавказская немецкая газета" путем перепечатки соответствующих материалов, что, как уже говорилось, являлось широкой практикой в других газетах и способствовало единению всех проживавших в России немцев.

Забегая вперед, скажу, что газета *Kaukasische Post* вышла вновь только в марте 1918 года. Но тогда связи между региональными союзами немцев ослабли или были почти невозможны.

Между двумя революциями 1917 года выходил и ряд других газет. Прежде всего, следует назвать газету *Der Kolonist* Екатериноградского (Екатеринштадтского) газетного товарищества под руководством Адама Эмиха, известного в прошлом в качестве соиздателя саратовской газеты *Deutsche Volkszeitung*, изгнанного отсюда в конце 1911 года за политический радикализм, грозивший закрытию этого издания цензурой. Газета *Der Kolonist* выходила с апреля 1917 года на немецком языке и стала в июне 1917 года официальным печатным органом Союза немецких социалистов на Волге. Она просуществовала до сентября 1918 года и была преобразована затем большевиками в газету *Коммунист*.

Понятно, что и другие издатели, чьи газеты выходили до первой мировой войны, старались возродить свои газеты. Но сделать это они смогли значительно позже. В сентябре 1917 года вышел пробный номер газеты *Deutsches Volksblatt*. Редактор и издатель ее Г. Бауэр прежде издавал и редактировал газету церковных братьев *Der Morgenstern*. Предназначен был еженедельник *Deutsches Volksblatt*, как и его предшественник *Der Morgenstern*, для колонистов Поволжья и Юга России, хотя типичные для церковных братьев темы в это остро насыщенное время и отступили на второй план. Просуществовала газета до начала 1918 года.

В октябре 1917 года возродилась и старейшая и известнейшая одесская газета *Odessaer Zeitung* издателя Карла Вильгельма (*Karl Wilhelm*), выходившая с 1863 года до октября 1914 года. Нацеленная, как и любая частная газета, на извлечение хоть какой-то прибыли, она, несмотря на свою былую популярность и известную готовность своего, как-никак, но все-таки конкурента, газеты *Vereinszeitung*, уйти со сцены и явное запаздывание другой довоенной одесской газеты-конкурентки *Deutsche Rundschau* со своим возрождением (выходить она стала лишь с 1918 года), претерпела немалые трудности становления.

Немного раньше, в июле 1917 года, в Саратове стала выходить газета поволжских католиков *Deutsche Stimmen aus dem Wolgagebiete*. Издателем был созданный в мае 1917 г. на дне немецких католиков в Зельмане Като-

личный народный союз, во главе с Флорианом Кляйном (Florian Klein) из Мариенталля, входивший также в ЦК Поволжских немцев-колонистов. Редактировал газету прелат Крушинский (Kruschinsky), хотя он официально и считался заместителем ответственного редактора. Газета имела некоторый стартовый капитал от доставшейся поволжским католикам части состояния распущенного во время войны Союза св. Климента (Klemensgesellschaft). Напомню, что католики Южной России, имевшие, кстати, большую часть капитала Klemensgesellschaft, смогли создать свою Deutsche Rundschau лишь спустя полгода, в январе 1918 года.

Разными были стартовые условия для газет национальной и социалистической ориентации. В то время как социалистические газеты на национальных языках получали дотации местных органов управления (земств), вспомним, что газета поволжских немцев-социалистов неоднократно получала дотации на социалистическую пропаганду от Новоузенского уездного земского собрания или же земской управы¹⁸, газеты национальной ориентации таких субсидий были напрочь лишены.

Национальные немецкие общества, которые, как правило, создавали периодику национальной ориентации, не регистрировались властями вообще или последние всячески затягивали их регистрацию. Многие и не шли, особенно на первых порах, на сотрудничество с такими организациями. Так представители Саратовского Союза поволжских немцев колонистов не были допущены для участия в работе руководящих органов местного совета со ссылкой на то, что они преследуют националистические цели, и что путь туда открыт только представителям социалистических партий и течений. Соответственно и в регистрации Союзу было отказано¹⁹. Сравнительно поздно были зарегистрированы Союзы немцев колонистов и в других регионах, в Москве лишь в августе 1917 года, Правда, были случаи, когда немцы сами не могли договориться, например, случай с организацией Главного комитета в Петрограде, решение о котором было принято еще на апрельском съезде в Москве, но приступившим к работе, как уже говорилось, лишь в октябре.

Мешали организации немцев и накладывали свой отпечаток на отношение к их печати, несомненно, и факты совсем недавнего прошлого. Люди, ставшие после февраля 1917 года функционерами союзов и издателями газет, в дни 300-летнего юбилея Дома Романовых клялись верности самодержцу, до революции входили в крупные партии октябристов и кадетов, которые не защитили немцев от ликвидационных законов, хотя использовали их голоса на выборах в Думу. Этим воспользовались как русские националисты (например, полемика между неким Клисичем с Лоренцом Рай-

хертом (Lorenz Reichert), председателем Южно-Русского союза на страницах Еженедельника²⁰), так и немцы-социалисты, особенно Поволжья (постоянная полемика между ЦК Союза немцев-социалистов Поволжья и Комитетом поволжских немцев-колонистов), что реально сказывалось на содержании газет Saratower Deutsche Volkszeitung и Der Kolonist, посвящая этой полемике неоправданно много места, что, вопреки требованиям времени, не способствовало консолидации немецкого населения Поволжья, когда совместно предстояло решить столь много сложных задач.

Конфессиональная разнородность колонистов мешала не только политической консолидации немцев в России, но и являлась постоянным тормозом в организации единой печати. Так уже в мае 1917 года представитель католиков Поволжья в редакционной комиссии Центрального комитета поволжских немцев-колонистов настороженно отнесся к выборам протестантского пастора Иоганнеса Шлейнинга (Johannes Schleuning) главным редактором Саратовской немецкой народной газеты, полагая, что это вызовет нежелательную реакцию в католических колониях, на что ему было сказано, что католики, к сожалению, не внесли ни копейки на содержание этой газеты²¹. Они уже тогда хотели организовать свою конфессиональную газету и создали ее уже к 1 июля 1917 года. Об этой газете - Deutsche Stimmen aus dem Wolgagebiete - уже упоминалось.

На Волге сказались и давнишняя вражда между Адамом Эмихом, удаленным, как уже было сказано, в 1911 году из редакционного совета выходившей тогда Deutsche Volkszeitung, и вторым редактором Saratower Deutsche Volkszeitung Серафимом (Сергеем) Караханьянцем, ставшим в 1912 году главным редактором преемницы Deutsche Volkszeitung, выходившей под названием Volkszeitung. Старые счеты были у Эмиха и с председателем ЦК поволжских немцев колонистов, промышленником Фридрихом Шмидтом, финансировавшим наряду с некоторыми другими товариществами как предшественницу, так и эту саратовскую дореволюционную газету на немецком языке.

Нельзя не сказать и о конкуренции между газетами в поисках подписчика. Тиражи немецких газет всегда были невелики, и это давило на частные газеты особенно и в меньшей степени на газеты Союзов и конфессиональную прессу, у которых были свои источники финансирования. Saratower Deutsche Volkszeitung выходила порой тиражом до 20 тыс. экземпляров, хотя финансируемая Новоузенским уездным земством социалистическая газета Der Kolonist тоже могла позволить себе тираж в 11 тыс. экземпляров. Частные газеты, и близко не достигавшие таких тиражей, сетовали на транжирение народных денег руководством Союзов и внушали читателям, что всю

информацию они могли бы печатать без ущерба общественному достоинству. *Odessaer Zeitung*, например, после воссоздания осенью 1917 охотно представляла свои полосы противникам Южно-Русского Союза.

Но все же немецкая печать немцев России в период между двумя революциями вполне справилась со своими задачами и вела, несмотря на названные мной трудности и противоречия, борьбу за полную отмену ликвидационных законов и преодоление их последствий. Многие проблемы частного характера отошли на задний план, а у конфессиональных газет даже вопросы религии не всегда стояли на первом месте. Много материалов было посвящено вопросам возрождения немецкого языка, школы с немецким языком преподавания. Они информировали о съездах Союзов немцев, учительских и шультейстерских конференциях, дискутировали вопросы о социализме и религии, о демократии и культурно-персональной автономии. Газеты способствовали сплочению немцев разных регионов, выступали за упрочение демократии, активно вели агитацию по выборам в волостные и уездные земства, в Учредительное собрание, прилагая все усилия к тому, чтобы туда были избраны немцы. Один лишь Колонист ставил при этом во главу угла классовую борьбу. Продолжены были некоторые хорошие дореволюционные традиции и рубрики, например *Daheim* и *Aus den Kolonien*. Наконец, все без исключения органы немецкой печати того времени до октябрьского переворота воспитывали, если так можно выразиться, своих читателей в духе патриотизма, любви к новой России. Впрочем, обещание Одесского комитета Гучкову "приложить все усилия для приобщения затравленных войной колонистов к русской культуре и сгладить бессмысленную русификаторскую политику старого режима"²² в публикациях одесской немецкой печати почему-то не прослеживается.

После большевистского переворота все немецоязычные газеты, кроме разве что социалистического "Колониста", выступали за передачу власти будущему Учредительному собранию.

Немецкая печать в России возрождалась в очень сложное время и испытала на себе последствия экономического хаоса, политической неустойчивости, наконец, дороговизны бумаги, серьезно тормозившие их становление и развитие, а иногда и просто губившие издания, особенно после октябрьского переворота. Некоторым досталась незавидная участь стать материальной базой для создаваемых после их запрета коммунистических изданий. *Saratower Deutsche Volkszeitung* стала базой для газет *Vorwärts* и *Nachrichten*, на базе газеты *Der Sibirische Bote* выходила впоследствии *Weltrevolution*. Другие газеты эту участь постигла в начале двадцатых годов.

Примечания

- ¹ См.: Газеты первых лет советской власти 1917-1922: Сводный библиографический каталог ч. 1-4. М., 1990.
- ² См.: Ilarionova, Tat'jana: Die deutsche Presse in Russland und an der Wolga. In: Dahlmann, D.; Tuchtenhagen, R. (Hg.): Zwischen Reform und Revolution. Die Deutschen an der Wolga 1860-1917. Essen, Klartext Verlag 1994, S. 204.
- ³ См.: Немцы России. Петербургские немцы. С.-Пб, 1999. С. 426.
- ⁴ См.: Brandes, D.; Busch, M.; Pavlovič, K: Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 1. Von der Einwanderung bis 1917. R. Oldenbourg Verlag München 1994; Brandes, D.; Dönninghaus, V.: Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 2. Von 1917 bis 1998. R. Oldenbourg Verlag München 1998.
- ⁵ Постановление Временного правительства «О печати» // Вестник Временного правительства. 1917. № 55.
- ⁶ См.: Herdt, V. (Hrsg.): Zwischen Revolution und Autonomie. Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918. Köln 2000, S. 86.
- ⁷ См.: Ежедельник № 1 (10-22 апреля 1917). С. 6.
- ⁸ См.: Bericht über den 2. Delegierten-Kongreß des Verbandes der deutschen Kolonisten im Schwarzmeergebiet vom 1. bis 3. August 1917. Odessa 1917, S. 71.
- ⁹ См.: Vereinszeitung Nr. 40 vom 13. Dezember 1917, S. 4.
- ¹⁰ См.: Ежедельник. № 10 (18-24 июня 1917 г.). С. 3.
- ¹¹ См.: Там же. № 7 (май 1917 г.). С. 3.
- ¹² См.: Brandes, D.; Busch, M.; Pavlovič, K: Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 1. Von der Einwanderung bis 1917. R. Oldenbourg Verlag München 1994; S. 13.
- ¹³ См.: Нам И.В. Культурно-автономистское движение российских немцев в условиях революции 1917 г. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: Материалы международной научной конференции. Москва 17-20 сентября 1998 г. М., 1999. С. 267. Ирина Нам ссылается при этом на архивный документ. Пастор Якоб Штах и проф. Лев Малиновский приводят, однако другие данные. См.: Jakob: Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten. Stuttgart 1938, S. 118; Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. С. 112. Самое интересное все же то, что ни в одной библиографической работе нет упоминания об этой газете.
- ¹⁴ См.: Vereinszeitung Nr. 31 vom 4 November 1917: S. 2.
- ¹⁵ См.: Bericht über den 2. Delegierten-Kongreß des Verbandes der deutschen Kolonisten im Schwarzmeergebiet vom 1. bis 3. August 1917. Odessa 1917, S. 56.
- ¹⁶ См.: Verhandlungen des zweiten Kongresses der Kreisbevollmächtigten der russischen Bürger deutscher Nationalität des Wolgagebietes in Schilling vom 19. bis 22. September 1917. In: Herdt, V. (Hrsg.): Zwischen Revolution und Autonomie. Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918. Köln 2000, S. 274.
- ¹⁷ См.: Herdt, V. (Hrsg.): Zwischen Revolution und Autonomie. Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918. Köln 2000, S. 234-235.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 138-139. См., также: Saratower Deutsche Volkszeitung Nr. 37 vom 5. November 1917, S. 1; Der Koloniste Nr. 52 vom 1. September 1917, S. 2.
- ¹⁹ См.: Herdt, V. (Hrsg.): Zwischen Revolution und Autonomie. Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918. Köln 2000, S. 155-156.
- ²⁰ См.: Ежедельник. № 4 (7-13 мая 1917). С. 7.
- ²¹ См.: Herdt, V. (Hrsg.): Zwischen Revolution und Autonomie. Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918. Köln 2000, S. 127.
- ²² Ежедельник. № 1 (10-22 апреля 1917). С. 7.

ОБОСТРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ПРИФРОНТОВЫХ ОБЛАСТЯХ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

“Ни один язык в мире мне не дорог и не имеет в моих глазах никаких прав. Не тот или другой язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке. Мне дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться также на основании языка”, – писал выдающийся языковед И.А. Бодуэн де Куртене¹. Он считал, что лучшим средством устранения межплеменной и межнациональной вражды является предоставление полной свободы в выборе языка. Проблема сохранения и использования родного языка национальными меньшинствами, характерная для государств с полиэтническим населением, была и остается актуальной для России. Состояние проблемы зависит во многом от политической ситуации в стране. В кризисные периоды истории неизбежно обостряется вопрос языка, как одна из форм проявления национального самосознания народов. Одним из ярких примеров может служить ситуация с языком российских немцев в годы Первой мировой войны.

Начиная с XIX в., официальная доктрина государства была нацелена на поддержку православной церкви, русской культуры, русского языка. Этот язык был государственным, был языком администрации, армии, суда, все другие языки не имели официального статуса. Русский язык господствовал в школьном обучении, и к концу XIX в. он был единственным языком высшего образования в империи (исключая Финляндию).

Степень лояльности к прочим языкам определялась различными факторами: временем присоединения той или иной территории к России, уровнем культуры и религии проживавшего в России народа и т. п. Отношение к некоторым народам определялась и внешнеполитическими факторами. Высокий уровень культуры земледелия немецких колонистов, наличие у них развитой общей и церковной культуры, наличие собственной письменности, немецкоязычных изданий – все это служило на определенном этапе гарантией лояльности царского правительства к российским немцам. Привилегии, данные им при переселении в Россию, долгое время служили сво-

еобразной “охранной грамотой”. До определенного периода не вызывала особого беспокойства у властей и одноязычность подавляющего большинства немецких колонистов. В XVIII – первой половине XIX в. она была естественной, т. к. интеграция немецких поселенцев в экономику страны была слабой, и они проживали достаточно изолированно.

Существенные изменения в жизни немецких колонистов стали происходить со второй половины XIX в. Реформы 1860–70-х гг. не могли не затронуть их устоявшегося образа жизни. Так, например, введение всеобщей воинской повинности серьезно обострило проблему незнания немецкими поселенцами русского языка: новобранцы не владели им, что осложняло не только положение самого призывника, но и обостряло в обществе восприятие немцев вообще. Изменения в военном законодательстве стали одним из поводов, побудивших колонистов вводить в школах русский язык в качестве учебного предмета. Однако в целом, позиции немецкого языка во внутренней жизни колоний даже в тот период оставались прочными. Они значительно пошатнулись в конце XIX в. после передачи всех немецких школ, включая церковные, в ведение Министерства народного просвещения (МНП). В связи с этим роль немецкого языка в школьном образовании была существенно снижена, т. к. вводилось преподавание на русском языке, а немецкий язык превращался в одну из школьных дисциплин.

Либерализация национально-языковой проблемы в годы первой революции лишь частично затронула вопрос языка преподавания в немецких школах. Законом от 23 марта 1907 г. разрешалось обучение на немецком языке всех предметов, кроме самого русского языка, а также географии и истории России, если последние преподавались в качестве самостоятельных дисциплин. Однако это правило распространялось только на те начальные немецкие школы, которые состояли на содержании сельских общин. В государственных (“министерских”) школах для национальных меньшинств языком преподавания оставался русский. Преподавание же закона Божьего на немецком языке сохранялось даже в наиболее кризисные периоды.

Реформы второй половины XIX в. практически не повлияли на положение церкви российских немцев, она оставалась влиятельным институтом в структуре государства и краеугольным камнем в жизни колонистов. Хотя в 1890-е гг. лютеранская и католическая церкви были лишены права непосредственно управлять школами, за ними сохранилось право религиозно-нравственного контроля над учащимися. Роль немецкого языка в церковной практике не оспаривался властями с момента поселения немцев в России. Права лютеранской церкви России, в т. ч. язык богослужения, были закреплены еще Уставом 1832 г. В целом, государственная политика по отно-

шению к лютеранской церкви на протяжении многих десятилетий отличалась лояльностью.

В годы Первой мировой войны церковь российских немцев впервые вынуждена была защищать свои права, которые до этого времени казались незыблемыми. Антинемецкая кампания болезненно сказалась на положении верующих и церкви в целом. С началом войны вступали в действие "Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении", утвержденные в 1892 г. Военное положение в стране давало неограниченные полномочия военным властям, которые принимали решения, основываясь на принципах государственной безопасности и исходя из оперативной обстановки. Постановления военных чаще всего приходили в противоречия с законодательством мирного времени, и последнее слово оставалось за военными властями.

В сфере деятельности немецкой церкви была затронута святая святых – язык церковной службы и, прежде всего, язык проповеди, являющейся ядром церковной службы. В целях обеспечения государственной безопасности, опасаясь прогерманской агитации, которую могли проводить священнослужители под видом проповедей, власти запретили проведение церковных служб на немецком языке. Началось противостояние церкви и военных властей. Представители церкви, от рядовых священнослужителей до руководства консисториями, были вовлечены в конфликт. Если высшие церковные власти пытались решить этот вопрос цивилизованным способом, путем переписки с военными властями и Министерством внутренних дел (МВД), то рядовые священники предпринимали более радикальные методы защиты своих прав и шли на прямое неповиновение властям.

Противостояние в церковной сфере началось осенью 1914 г. в связи с запретами на использование немецкого языка в публичных местах. Эта мера была одним из звеньев антинемецкой внутренней государственной политики, и лишь на первый взгляд казалось, что язык запрещен только в общественных местах. Кроме повседневной жизни, запрет напрямую и опосредованно касался сферы экономики и финансов, образования, книгоиздательства, прессы, церковной жизни, топонимики. Так, например, запрещалось делопроизводство на немецком языке, ведение счетов, изготовление рекламы, использование транспорта с немецкими надписями. В первую военную осень – в начале зимы по всей империи прокатилась волна переименований немецких поселений и волостей. Основанием для этого послужил циркуляр министра внутренних дел Н. Маклакова от 15 октября 1914 г. Сведения из губерний о предстоящих или уже проведенных переименованиях регулярно публиковались в прессе. Так, из Екатеринослава сообщалось

об изменении названий 64 немецких поселений², были возвращены русские названия поселкам Бессарабской губернии³. В Уфе в начале ноября была создана комиссия по переименованию населенных пунктов⁴. 3 ноября 1914 г. соответствующий циркуляр издал томский губернатор⁵. К началу декабря Рижская городская управа выработала проект замены немецких названий улиц на русские⁶. 13 января 1915 г. саратовское губернское присутствие постановило переименовать немецкие селения Камышинского уезда – 10 поселков уезда получили русские названия⁷.

Акции в отношении языка богослужений и делопроизводства в лютеранской и католической церквях неизбежно осложнили взаимоотношения верховного церковного руководства с властями. Поводом к выяснению отношений послужила заметка в декабрьском номере 1914 г. газеты "Petrograder Evangelisches Sonntagsblatt". В ней сообщалось, что в Молочной (58 поселений) Бердянского уезда и в Александровском уезде Екатеринославской губ. запрещены проповеди на немецком языке⁸. Обращение в МВД высшего духовного руководства лютеран и католиков заставило Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД заняться выяснением сложившейся ситуации. В декабре 1914 – начале 1915 гг. ДДДИИ отправил запросы в Екатеринослав, Одессу, Киев, Симферополь. Обращение к переписке, возникшей по этому запросу между МВД, консисториями, губернаторами и представителями армии, позволяет воссоздать хронологию событий, связанных с общим запретом немецкого языка, а также проследить развитие событий в отношении церкви.

Первым ввел запрет на использование немецкого языка екатеринославский губернатор В.А. Коробов. 7 сентября 1914 г. вышло "Обязательное постановление главноначальствующего по Бахмутскому, Славяносербскому и Мариупольскому уездам и екатеринославского губернатора по остальным уездам губернии". Запрещалось использовать немецкий язык вне своих жилищ (на улицах, площадях, в клубах, ресторанах и т.п.), иметь на немецком языке вывески, плакаты, карточки и т.п., а имеющиеся необходимо было уничтожить. Предусмотренные наказания за нарушение постановления точно соответствовали Правилам о военных местностях: арест или заключение в крепость до 3 месяцев или штраф до 3 тыс. руб.⁹

25 октября 1914 г. появилось постановление начальника Одесского военного округа и генерал-губернатора М.И. Эбелова. Запрещались "сборища взрослых мужчин немцев более 2 человек даже из числа русскоподданных, как в своих жилищах, так и вне их". Кроме того, не разрешались разговоры на немецком языке вне своих жилищ, вывески, в т.ч. дверные, визитные карточки и письма. Особо оговаривался запрет на печатание типография-

ми газет, брошюр, книг, объявлений, плакатов и т.п. на немецком языке. Виновных предполагалось подвергать аресту до 3 месяцев либо штрафу в размере до 3 тыс. руб., в особо важных случаях предусматривалась ссылка в отдаленные местности. Решения об аресте или штрафах могли принимать губернаторы и градоначальники, а вопрос о высылке оставался в компетенции генерал-губернатора¹⁰. 8 декабря 1914 г. редакция предыдущего постановления была изменена, были внесены некоторые уточнения, но суть документа осталась прежней.

Некоторые положения из постановления одесского генерал-губернатора можно было трактовать и применять очень широко. Так, формулировка о запрещении собраний позволяла под этот параграф подвести и молитвенные собрания, запрет на изготовление металлических досок касался изготовления надгробных плит. А это уже затрагивало глубоко личные аспекты жизни населения, нарушало духовные традиции. К.Э. Линдемман приводит анекдотические случаи, связанные с действиями местных властей. В одной из южных колоний житель был оштрафован на 200 руб. за то, что понул своих лошадей немецкими возгласами. В колонии Бессарабской губ. колонист не мог поднять упавшую лошадь, т. к. не смел сказать немецкие слова, знакомые лошади: "Hans, steh uff!" К счастью, подоспел еврей и произнес заветные слова¹¹. Постановления о запрете языка укрепляли неприязнь к немецкому языку у определенных слоев населения, некоторые спешили отрестироваться от всего, что так или иначе их связывало с немцами. Так, например, два православных священника Владимир и Кирилл Гофманы из Черноморской губ. обратились в Синод с просьбой переменить фамилии на Львовых¹². Но чаще всего запрет на язык имел драматические последствия: закрывались газеты, запрещались немецкие культурно-просветительские общества, из-за слабого знания русского языка увольнялись учителя немецких школ.

Расширяя сферу запретов на немецкий язык, одесский генерал-губернатор выступил инициатором запрещения проповедей на немецком языке. 20 ноября 1914 г. он издал соответствующее распоряжение (№ 1312). По распоряжению М. Эбелова в первой половине декабря были запрещены "ввиду вредной деятельности" немецкая община баптистов, русская община евангельских христиан, община русских христиан-баптистов, община адвентистов седьмого дня. Вслед за одесским генерал-губернатором таврический губернатор 25 ноября 1914 г. также распорядился прекратить проповеди на немецком языке.

Запреты, которые обрушились на церковь, вызвали ответную реакцию церковных властей. 19 декабря 1914 г. с запросом в МВД по телеграфу об-

ратился Тираспольский римско-католический епископ И. Кесслер. Он ходатайствовал об отмене распоряжения таврического губернатора, которое запрещало проповеди на немецком языке в католических церквях¹³. Уже 21 декабря ДДДИИ МВД направил соответствующий запрос губернатору. В ответе министерству таврический губернатор ссылаясь на обязательность исполнения постановления генерал-губернатора М.И. Эбелова. Ему последовал и екатеринославский губернатор В.А. Колобов, перекаладывая ответственность на вышестоящее начальство. В ответе на запрос ДДДИИ от 4 января 1915 г. о ситуации, изложенной в столичной газете, Колобов оправдывался тем, что не существует особого распоряжения о запрете меннонитам вести проповеди на родном языке, а в данном случае он применил постановление командующего Одесским военным округом М.И. Эбелова от 25 октября и 8 декабря 1914 г. Кроме того, губернатор сообщал, что в Екатеринославском уезде действительно был случай, когда меннониты, собравшиеся в церкви якобы для молитвы, обсуждали вопросы "другого порядка". За что три организатора собрания были административно наказаны¹⁴.

Аналогично развивались события в Киевском военном округе. 2 января 1915 г. вышло постановление командующего Киевским военным округом В.И. Троцкого "О воспрещении употребления немецкого, венгерского и турецкого языков в разговоре в общественных местах, в вывесках и надписях и в переписке, имеющей общественное значение". В документе обращают на себя внимание пункты, которых не было в постановлениях Эбелова. Вводился запрет на переписку, "имеющую общественное значение", на языках стран, воюющих с Россией; банкам, торговым предприятиям запрещалось выдавать справки, расписки и т.п., а аптекам составлять сигнатуры на этих языках.

Обеспокоенный таким положением киевский евангелическо-лютеранский пастор Г. Юрген обратился за разъяснением по поводу постановления к самому командующему. Пастор интересовался, относится ли запрет к богослужению и к проповеди, в частности. Постановление командующего не вносило ясности, можно ли на немецком языке делать надписи исключительно духовного характера, например, надписи на кладбищах. Может ли пастор употреблять немецкий язык при исполнении духовных треб не только в церкви, но и в лазаретах и других общественных местах? Можно ли вести переписку с вышестоящим духовным начальством или с другими пасторами по церковным вопросам? На каком языке выдавать документы и справки, если они относятся к прежнему времени, когда церковные книги велись на немецком языке? Командующий Киевским округом обратился за заключением по этим вопросам к киевскому губернатору Суковкину. Позн-

ция губернатора была непреклонной, он считал, что по всем перечисленным вопросам следует запретить немецкий язык. К выяснению вопроса подключился Департамент иностранных исповеданий.

Из ответа ДДДИИ киевскому губернатору от 7 февраля 1915 г. следовало: запрет проповедей был нарушением существовавшего законодательства. Так, в соответствии с действующим законом богослужение у лютеран совершалось на родном языке, причем закон давал преимущество именно немецкому языку, т. к. в определенные дни богослужение велось даже для эстонцев и латышей по-немецки. Поскольку проповедь является важнейшей частью богослужения, то произноситься она должна на родном языке верующих. Запрещение надписей исключительно духовного содержания, на кладбищах, а также запрещение употребления немецкого языка при исполнении пасторами духовных треб лютеранам немецкой национальности даже вне церковного здания также противоречит законодательству. Кроме того, нелогично было приравнивать исполнение треб к разговорам в общественных местах. Самим законом предписывалось ведение пасторами переписки со своим начальством на немецком языке. Выдача справок по церковным книгам, составленным до 1891 г., осуществлялась на том языке, на котором была составлена книга, с приложением перевода на русский язык. Такое разъяснение МВД должно было бы защитить права лютеранских священнослужителей. Однако министерство практически отклесло от существовавших законов, отдав решение проблем на местах на откуп военным властям. Ответ ДДДИИ заканчивается уступкой: "учитывая военные обстоятельства, в целях охраны государственного порядка, [...] военные власти могут в той или иной степени ограничивать эти правила"¹⁵.

В Причерноморье ситуация обострялась, т.к. верующие настойчиво отстаивали свои права. Дважды в течение 1915 г. одесский генерал-губернатор менял свое решение от 20 ноября 1914 г. Негативная реакция церкви и общественности заставили его пойти на уступку. Телеграммой от 24 января 1915 г. он разрешил таврическому губернатору проведение проповедей на немецком языке и собрания церковных советов в немецких колониях и городах, где живут немцы, ссылаясь на то, что в его последнем постановлении от 8 декабря 1914 г. проповеди не запрещены¹⁶. Об этом решении одесского генерал-губернатора прошла информация в печати¹⁷. Дополнительно к этому Петроградская консистория заручилась личным ответом Эбелова о возможности ведения проповедей на немецком языке. Она сразу же уведомила об этом проповедников лютеранских и реформатских приходов Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Бессарабской и Полтавской губерний своим циркуляром от 5 мая 1915 г. Но уже 25 июня 1916 г. коман-

дующий Одесским военным округом вновь запретил произнесение проповедей на немецком языке "в лютеранских церквях, молитвенных домах и вне их". Пасторы были предупреждены о высылке за пределы округа в случае неповиновения. В ответе на запрос Петроградской консистории по этому поводу Эбелов ответил, что по военным обстоятельствам невозможно отменить его решение. "Закон о свободе вероисповеданий был издан задолго до войны, - писал он, - а моя мера нисколько не препятствует отправлению богослужений лютеран"¹⁸.

Из-за отсутствия ясности в вопросе языка проповедей в Керчи, вплоть до весны 1917 г., сохранялась острая ситуация вокруг городской церкви. 20 апреля 1915 г. Керчь-Еникальский градоначальник напрямую обратился в ДДДИИ с просьбой разъяснить вопрос, могут ли лютеранские пасторы произносить проповеди на немецком языке¹⁹. Ответ Департамента был построен в том же ключе, что и разъяснение киевскому губернатору: по законодательству проповеди могут произноситься на немецком языке, но в местностях, состоящих на военном положении, военные власти могут ограничивать это право по особым обстоятельствам²⁰. Поэтому градоначальник запретил употребление немецкого языка в городской лютеранской церкви. Осенью 1915 г. командующий Черноморским флотом А. Эбергарт утвердил это постановление, ссылаясь на то, что невозможно контролировать проповеди духовенства²¹. 6 ноября 1915 г. проповедник прихода Цюрихталь, пастор Е.Е. Холодецкий обратился к новому градоначальнику с просьбой разрешить немецкие службы в Керчи, но получил отказ. В результате городская церковь вообще закрылась.

В январе 1916 г. в защиту керченской церкви выступила Петроградская консистория, обратившись к командующему флотом с убедительной просьбой разрешить немцам проводить проповеди на родном языке. Свою правоту консистория пыталась обосновать логическим путем, методом доказательства от обратного. Во всей России, доказывала консистория, в лютеранских храмах службы велись всегда на немецком языке, в свое время исключение было сделано только для одной церкви – церкви св. Марии на Петроградской стороне в Петрограде и то только после длительных ходатайств в МВД и правительстве. До этого проповеди лютеран на русском языке считались нежелательными во избежание перехода нелютеран в чуждую для них веру. Только православной церкви разрешалось вести религиозную пропаганду среди иных христианских исповеданий. Однако заступничество консистории не возымело действия. Вопрос о возобновлении служб на немецком языке в керченской церкви был поднят уже в период правления Временного правительства. Командующий Черноморским фло-

том адмирал А. В. Колчак телеграммой от 1 апреля 1917 г. направил запрос в МВД. Положительный ответ из столицы, но опять с определенной оговоркой, последовал 7 апреля: "Богослужение в лютеранской церкви Керчи может быть разрешено, если нет препятствий военных властей"²².

Во всех прифронтовых областях проблема немецкого языка стояла особенно остро. Северо-западный регион не был исключением в этом отношении. В начале ноября 1914 г. на улицах Пскова было расклеено постановление о воспрещении немецкого языка в разговорах в общественных местах²³. В декабре 1915 г. в Петрограде была запрещена переписка на немецком языке. Весной 1916 г. в ДДДИИ поступила просьба прихожан из Архангельска о разрешении вести службы хотя бы на русском, т.к. архангельский губернатор отказал им в этом²⁴.

Особенно напряженная ситуация складывалась в прибалтийских губерниях, где исторически возник сложнейший узел противоречий между немецким дворянством и местным эстонским и латышским населением. Положение в крае осложнялось попытками царского правительства вести русификаторскую политику. Война обострила накопившиеся противоречия Прибалтики, как ни в одном другом регионе. Во второй половине октября 1914 г. последовал ряд постановлений о запрете немецкого языка в прибалтийских губерниях: 17 октября – ливонского губернатора (№ 2510), 23 октября – курляндского губернатора (№ 33589). На примере Ревеля можно проследить, с какой тщательностью воплощался в жизнь запрет на немецкий язык. Так, Большая гильдия и гильдия св. Канута перевели дело-производство на русский язык вскоре после выхода постановления²⁵. Ревельский полицмейстер издал приказ по полиции о том, чтобы дети не носили фуражек с немецкими надписями²⁶. Накануне Рождества было запрещено ввозить в город елки, т. к. елка, по мнению местных властей, была элементом старой немецкой традиции²⁷. Сам Ревель предполагалось переименовать в город Колывань. Планировалось вернуть старинные русские названия городам Вейсенштейн и Везенберг (соответственно Паида и Акубор)²⁸. На железных дорогах Курляндской губ. было отдано распоряжение об уничтожении немецких надписей на вагонах пивоваренных заводов и молочных ферм²⁹.

Вслед за постановлениями губернаторов прибалтийских губерний были изданы соответствующие решения военных властей. 31 октября 1914 г. появилось постановление коменданта морской крепости императора Петра Великого (г. Рига), вице-адмирала А.М. Герасимова, о запрещении немецкого языка³⁰. Оно распространялось на жителей крепостного района, а также всей Эстляндской и Ливонской (кроме Рижского уезда) губерний. 18

декабря вышло постановление помощника главного начальника Двинского военного округа генерал-лейтенанта П.Г. Курлова³¹. Оно касалось жителей трех прибалтийских губерний, за исключением крепостных районов – морской крепости Петра Великого и Усть-Двинской крепости, и заменяло предыдущие постановления ливонского и курляндского губернаторов и коменданта крепости Петра Великого. Постановление запрещало использование немецкого языка во всех общественных местах, использование вывесок и надписей на немецком языке, кроме надписей исключительно духовного и исторического содержания. 21 мая 1915 г. ливонский губернатор А.И. Келеловский издал циркуляр о ведении прений в церковных советах, церковно-училищных и приходских конвентах на русском языке³².

Запрет на немецкий язык в Прибалтике повлек за собой ряд административных и судебных акций против священников, которых подозревали в антиправительственных настроениях и прогерманской агитации. Пастору галлистской церкви в Перновском уезде фон Дену было предъявлено обвинение в том, что он восхвалял Германию³³. За германфильские настроения высланы пасторы Брилинг и Шиллинг³⁴. Проповедник общины баптистов В.А. Фельтен выслан из России на время военного положения. Сначала предполагалось отправить его в Томскую губ., но по собственному желанию он выехал в Лондон³⁵. Рингенский пастор Винфрид Ганзен был выслан из Прибалтики на время войны³⁶. Пастор Канепэского прихода Фальк был оштрафован на 100 руб. за то, что в помещениях волостного правления разговаривал по-немецки³⁷.

Обострение проблемы использования немецкого языка в стране вновь привлекло внимание к судьбе богословского факультета Юрьевского университета. Страсти вокруг "разнемечивания" Прибалтийского края не затихали на протяжении десятилетий. Камнем преткновения был бывший Дерптский университет и, в частности, богословский факультет. Именно факультет и немецкий язык преподавания в университете, по мнению наиболее реакционно-настроенных кругов, служили оплотом прогерманских сил в крае. Вынашивались идеи более жесткого государственного контроля над лютеранским духовенством, за благо почитался перенос факультета в город с обрусевшими лютеранами³⁸. Осенью 1914 г. в комиссии Государственной думы был принят, несмотря на сопротивление депутатов прибалтийских губерний Г.Е. Фелькерзама, О.М. Энгельгардта и Н.Б. Вольфа, проект о реформах факультета. Согласно проекту, практическое богословие должно было читаться на латышском и эстонском языках. В министерстве просвещения обсуждался вопрос, оставлять ли этот факультет при университете или выделить в самостоятельное учреждение и преобразовать в лю-

теранскую духовную академию с переводом подальше от Прибалтики. Одновременно предлагалось открыть кафедры эстонского и латышского практического богословия³⁹.

Если осенью-зимой 1914 г. вопрос использования немецкого языка казался деятельностью рядовых священников, то весной 1915 г. эта проблема встала и перед самими евангелическо-лютеранскими консисториями. Незначительное событие послужило поводом для издания ряда правительственных указов и специального разъяснения Сената о языке делопроизводства в консистории. 12 марта 1915 г. в Сенате слушалась жалоба супругов Поппель⁴⁰. Оба супруга обратились в Московскую евангелическо-лютеранскую консисторию с заявлением на русском языке о разводе. Консистория ответила тягущимся лицам на немецком языке...

Некоторые положения в Уставе евангелическо-лютеранской церкви давали повод для различного толкования понятия "делопроизводство", а следовательно, и для разночтений о языке делопроизводства. Согласно ст. 558 Устава иностранных исповеданий, делопроизводство велось на немецком языке, однако сам термин "делопроизводство" не разъяснялся. Ст. 577 уточняла, что на немецком языке ведутся дела только в самой консистории и переписка с подчиненными местами. Отсюда следовало, что переписка с частными лицами, обратившимися по-русски, должна вестись на русском языке. По поводу инцидента с супругами Поппель Сенат не требовал объяснений от Генеральной консистории, а ограничивался собственным разъяснением. Последовавшие указы императора от 27 мая 1915 г. и 10 февраля 1916 г., а также указ Сената от 25 июня 1915 г. (№ 1823) обязывали Генеральную, а также Московскую и Петроградскую консистории руководствоваться в своей деятельности разъяснением Сената от 12 марта 1915 г.

В июне 1915 г. началась кампания против Лифляндской консистории. Инициатором ее А. Тупин, сотрудник "Нового времени". Своей заметкой в газете от 15 июня он обвинял консисторию в неповиновении представителям высшей власти, в нарушении постановления П. Курлова о запрете немецкого языка. Консистория согласилась с тем, что официальная переписка должна вестись на русском языке, но не частная переписка пасторов. Поэтому духовное руководство разрешило и впредь в соответствии с Уставом иностранных исповеданий изготовлять метрические свидетельства на немецком языке. Газетная заметка была озаглавлена "Своеобразная политика евангелическо-лютеранской консистории". После этой публикации началось выяснение вопроса о правомочности частной переписки пасторов на немецком языке.

Вопрос о языке переписки встал и перед Генеральной консисторией. Главный начальник Петроградского военного округа запретил, начиная с

20 декабря 1915 г., почтовые сношения на немецком языке. Это постановление было опубликовано в прессе 15 декабря. Вице-президент Генеральной консистории, епископ К. Фрейфельд в обращении в ДДДИИ МВД пытался выяснить, касается ли этот запрет их переписки с подчиненными на местах. На что получил однозначный ответ: официальная переписка ведется только на русском языке⁴¹. Многообразие самой жизни не укладывалось в рамки любого постановления, поэтому постоянно возникали все новые вопросы, касающиеся деталей. Было неясно, относится ли запрет к открытым письмам и бандеролям или к закрытым, где адрес написан по-русски. Кого считать виновным – одного отправителя или получателя тоже?

Петроградская консистория пыталась защитить своих подчиненных, ссылаясь на отсутствие богословской терминологии на русском языке, т.к. нет лютеранской богословской литературы на русском языке. К тому же, старые проповедники плохо владеют русским языком. Запрет командующего Петроградским округом может ликвидировать часть деловой переписки и далеко за пределами военного округа, ведь территория консисториального округа значительно шире военного. Позиция военных была непреклонной – немецкий язык должен быть исключен в принципе. В своем заключении на запрос товарища министра МВД Плеве, командующий Петроградским округом, высказался решительно против каких бы то ни было исключений для консистории.

Оценивая позицию МВД в создавшемся конфликте между верующими и церковными управлениями, с одной стороны, и военными властями, с другой стороны, следует констатировать, что государственные органы отдали на откуп военным решение вопросов церковной практики, хотя и признавали неправомочность принимаемых запретов. Тем самым МВД устранялось от решения конфликта между немецким населением и военными. Под давлением консисторий МВД все-таки предприняло в мае 1916 г. попытку отменить запрет на употребление немецкого языка во время проповедей. ДДДИИ МВД обратился с ходатайством к начальнику Генерального штаба. Начальник штаба в ответе 31 июля 1916 г. признал "желательным, с точки зрения военных интересов, установить, впредь до окончания настоящей войны, произнесение церковных проповедей для лютеран немецкой национальности не на немецком языке, а на русском"⁴².

С самого начала войны права немецких лютеран и католиков прифронтных областей наиболее последовательно и настойчиво отстаивали Генеральная (президент барон Ю.А. Искуль фон Гильденбант, генерал-суперинтендант епископ К. Фрейфельд) и Петроградская [президент Александр фон Фей и генерал-суперинтендант А. Мальмгрен (с 1916)] консистории и

Епископ Тираспольский И. Кесслер. С июля 1916 г. вплоть до марта 1917 г. руководство лютеранской и католической церковью пыталось отменить вторные решения керченского градоначальника и командующего Одесским округом о запрете проповедей. Лютеранская консистория подняла свой голос и в защиту ссыльных пасторов, которых к октябрю 1916 г. насчитывалось около 100 чел. Неизменность позиции военных властей сводила к нулю все усилия церковных властей.

Гражданские власти в лице губернаторов выступали инициаторами запрещения немецкого языка, как, например, в Екатеринославской и прибалтийских губерниях. Однако решающее значение имели постановления командующих военными округами, которые носили исключительно запретительный характер. Представители крайне правых сил своими требованиями в отношении немецкого языка еще больше нагнетали обстановку. Так, съезд представителей правых политических организаций в Новгороде, состоявшийся 26-29 ноября 1915 г., выразил требование "признать протестантизм состоянием языческим"⁴³. Общество "За Россию", основанное в Москве в 1914 г., предлагало МВД в докладной записке от 4 ноября 1916 г. и в дальнейшем запрещать проповеди на немецком языке, "оскорбляюща русское национальное чувство"⁴⁴.

Сложившуюся ситуацию с немецким языком могло бы изменить предложение группы депутатов Государственной думы во главе с А.Ф. Керенским об отмене вероисповедных и национальных ограничений, внесенное в Думу 11 февраля 1916 г.⁴⁵ В то время проект не был одобрен. Однако с приходом к власти Временного правительства это постановление было принято и опубликовано (20 марта 1917 г.). На всем пространстве России разрешалось употребление нерусских языков и наречий в делопроизводстве частных обществ, при ведении торговых книг и при преподавании в частных учебных заведениях. 14 июля было принято постановление "О свободе совести", которое законодательно закрепило свободу выбора исповедания, право религиозных организаций на религиозно-общественную, проповедническую, благотворительную и педагогическую деятельность. Эти преобразования обеспечили Временному правительству поддержку национальных партий, различных сектантских общин, включая евангельских христиан, меннонитов, баптистов.

Запрет на использование немецкого языка в общественных местах в период войны породил большую проблему использования немецкого языка в церкви. Хотя право верующих вести службы на родном языке было законодательно закреплено, оно не соблюдалось в военное время. Представители государственной власти, гражданской и военной, были единодушны в про-

ведении антинемецкой кампании. Решающую роль в этом играли позиция и действия военных. Несмотря на настойчивые запреты на проведение церковных служб на немецком языке священнослужители сопротивлялись им. Единственным и последовательным защитником своих интересов была сама церковь.

Примечания

¹ Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по языкознанию. Т. 2. – М., 1963. С. 145. Бодуэн де Куртене Иван Александрович (1845 – 1929) – русско-польский языковед, член-корр. Петербургской АН (1897). Родоначальник петербургской лингвистической школы. Профессор Казанского, Юрьевского, Краковского, Петербургского (1900 – 1918) университетов.

² См.: Рижский вестник. 1914. 1 декабря; Русское слово. 1914. 4 ноября.

³ См.: Русское слово. 1914. 27 ноября.

⁴ См.: Там же. 1914. 4 ноября.

⁵ См.: Немцы в Сибири: Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895 – 1917 / Сост. П. Вибе. – Омск, 1999. С. 221 – 222.

⁶ См.: Русское слово. 1914. 7 декабря.

⁷ См.: РГИА. Ф. 740. Оп. 42. Д. 118. Л. 1.

⁸ См.: Petrograder Evangelisches Sonntagsblatt. № 51. Dezember 1914 S. 411.

⁹ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1062. Л. 20.

¹⁰ См.: Там же. Л. 38.

¹¹ См.: Линдемман К.Э. Законы 2-го февраля и 13-го декабря 1915 г. (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России. – М., 1916. С. 185.

¹² См.: Рижский вестник. 1914. 9 декабря.

¹³ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1062. Л. 33.

¹⁴ См.: Там же. Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 29об.

¹⁶ См.: Там же. Л. 41.

¹⁷ См., например: Русские ведомости. 1915. 27 января.

¹⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1062. Л. 163.

¹⁹ См.: Там же. Л. 50.

²⁰ См.: Там же. Л. 51.

²¹ См.: Там же. Л. 86.

²² Там же. Л. 180.

²³ См.: Рижский вестник. 1914. 12 ноября.

²⁴ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1062. Л. 94-97.

²⁵ См.: Рижский вестник. 1914. 14 ноября.

²⁶ См.: Русское слово. 1914. 2 декабря.

²⁷ См.: Рижский вестник. 1914. 3 декабря.

²⁸ См.: Русское слово. 1914. 12 декабря.

²⁹ См.: Там же. 1914. 2 декабря.

³⁰ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1062. Л. 45.

³¹ См.: Рижский вестник. 1914. 23 декабря.

³² См.: РГИА. Ф. 821. П. 133. Д. 1062. Л. 104.

- ³³ См.: Рижский вестник. 1914. 26 ноября; Русское слово. 1914. 23 ноября.
³⁴ См.: Русское слово. 1914. 20 декабря.
³⁵ См.: Рижский вестник. 1914. 12 декабря.
³⁶ См.: Там же. 1914. 20 декабря. Газета опубликовала сообщение со ссылкой на газету "Rigaer Kirchenblatt".
³⁷ См.: Там же. 1914. 31 декабря.
³⁸ См.: Дебольский Н.Г. О наилучшем способе объединения духовного и учебного ведомств в деле попечения о начальном народном образовании // ЖМНП. 1900. Июнь. С. 68.
³⁹ См.: Рижский вестник. 1914. 15 ноября.
⁴⁰ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1062. Л. 1-3.
⁴¹ См.: Там же. Л. 70, 73.
⁴² Там же. Л. 141.
⁴³ Линдеман К.Э. Законы 2-го февраля и 13-го декабря 1915 г. ... С. 78.
⁴⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1062. Л. 125.
⁴⁵ См.: Там же. Ф. 740. Оп. 16. Д. 504. Л. 2-4.

Б. Гартвиг

КЛАССОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ АССР НП И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

После октябрьского переворота 1917 года новым правительством стала строиться и новая система образования. Новому государству нужны были кадры, полностью разделяющие его идеологию и беспрекословно подчиняющиеся решениям партии и задачам государства, проводящие в массы его политику, для которых идеология нового государства была бы близка их сознанию.

В основные задачи новой системы образования входило "воспитание в коммунистическом духе в детских садах, трудовых школах, школах коммун"¹ и т.п. На VI съезде работников просвещения Автономной области немцев Поволжья 29 декабря 1923 года основная задача развития новой школы определялась ее пролетаризацией, социальное воспитание противопоставлялось семейному². Перед образовательными учреждениями ставилась задача воспитать из детей "активных и инициативных строителей коммунистического общества"³. Первой мерой на пути к этой цели стало постановление от 11 декабря 1917 г. "О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата Народного Просвещения". С этого момента все церковно-приходские школы вместе с их имуществом и школьными зданиями были переданы Наркомпросу, под руководством которого началась переделка их в советские школы⁴. Для усиления влияния на детей повсеместно организовывались, согласно директиве, принятой на расширенном Пленуме исполкома области в октябре 1923 года, "коммунистические детские группы"⁵. Из школьных библиотек местными органами ГПУ изымались книги для проверки на предмет содержания в них контрреволюционных идей⁶. Необходимо было вырастить поколение полностью разделяющее идеологию нового государства. Для этой цели учебные заведения комплектовались "по классовому принципу". Эту политику в полной мере можно назвать политикой классовой дискриминации.

В целом всей системе образования придавался сугубо классовый характер. Так, согласно правилам приема в школы первой и второй ступени АССР НП на 1925 год: "В первую очередь принимаются ... дети рабочих-членов профсоюзов, крестьян, красноармейцев, сироты, дети кустарей, работников просвещения и дети служащих-членов профсоюзов. Во вторую очередь -

дети лиц свободных профессий, не пользующихся наемным трудом и, наконец, дети всех прочих граждан. Примечание: не нарушая классового принципа при всех прочих равных условиях в первую очередь принимать детей, вступающих в школы организованными группами из детских садов и детдомов⁷. Дискриминация по классовому признаку проявлялась и в отношении платы за обучение: введенная с 1 октября 1925 года постановлением ЦИК и СНК АССР НП в городах Покровске, Маркштадте, Бальцере в детсадах и школах 1 и 2 ступени плата за обучение была самой высокой для детей торговцев и собственников⁸. От платы освобождались дети военных, инвалидов труда и войны, государственных пенсионеров, рабочих и служащих с доходом менее 45 рублей в месяц, бывших политкаторжан, сироты.⁹

Отбор в вузы и техникумы также проходил по строго классовому принципу. Это было утверждено в § 2 "Положения о вузах", утвержденном СНК РСФСР 3 июня 1922 г. Согласно этому положению преимущество при наборе в вузы отдавалось лицам, происходящим из пролетариата и трудового крестьянства¹⁰. Кроме того, при поступлении была обязательна рекомендация партийных и советских органов. Партия строго следила за тем, чтобы "классово чуждые элементы" не смогли попасть в высшие учебные заведения. Однако, набрать необходимое количество абитуриентов "нужного" происхождения и с соответствующим образовательным цензом оказалось задачей не из легких. Об этом свидетельствуют указания Обкома ВКП(б) АССР НП, данные местным канткамам в 1924 году: "Более тщательно относиться к отбору в вузы, т.к. опыт прошлых лет свидетельствует, что в большом количестве в вузы посылались молодежь, не представляющая никакой ценности в классовом отношении..."¹¹, "широкий доступ в вузы только рабочим и трудовому крестьянству, члены бывших привилегированных сословий, лица существовавшие на не добытые личным трудом средства... не принимаются"¹². Для привлечения в вузы "классово-ценной" молодежи при партийных органах создавались вербовочные комиссии. В инструкции вербовочным комиссиям, подписанной А. Бубновым 9 мая 1925 г., дается указание о необходимости улучшения классового подбора при вербовке в вузы¹³. В условиях приема на Саратовский рабфак также говорилось, что преимущественным правом при зачислении пользуются рабочие и выходцы из этой среды¹⁴. При поступлении в анкете обязательно нужно было указать свое социальное происхождение и кроме этого предоставить документы, удостоверяющие его¹⁵. Во Всесоюзный коммунистический сельскохозяйственный университет также принимались только рабочие и колхозники с партстажем. В Московский планово-экономический институт согласно правилам приема в первую очередь принимались рабочие, колхоз-

ники. Из служащих принимались только представители национальных меньшинств и при наличии партийного стажа¹⁶.

При приеме в вузы и техникумы, готовящие работников агрокомплекса, предпочтение также отдавалось "лицам, происходящим из трудового крестьянства"¹⁷. Так, при приеме в Красно-Кутский сельскохозяйственный техникум Республики немцев Поволжья в 1930 г. рекомендовалось проводить строгий классовый подбор, т.к. необходимо было "усилить рабоче-батрацкую прослойку и увеличить процент колхозной молодежи"¹⁸. Как видим, несмотря на многолетнюю агитацию, "классово-ценная молодежь" не стремилась получать специальное образование. Хотя для батраков и бедняков организовывались специально курсы по подготовке в вузы и техникумы¹⁹. В Основном положении АССР НП на 1929/1930 учебный год значится, что "курсы имеют целью повышение образовательного и общеполитического уровня развития батраков, рабочих и беднейшего крестьянства"²⁰.

Видимо, критерии "классовой ценности" в немецкой автономии были сильно завышены, т.к. ещё в 1927 г. в Наркомпрос Республики поступила просьба от руководства военных учебных заведений о смягчении требований в отношении социальных признаков и политической подготовки для немецкой молодежи²¹. В военные школы также принимались в первую очередь по социальному происхождению рабочие и крестьяне, а на военных политруков только члены и кандидаты в РКП(б) с партстажем не менее трех лет²².

В конце 1920-х гг. вопрос о комплектовании учебных заведений все еще вызывал недовольство партийного руководства. Особенное недовольство было вызвано "социально-партийно-национальным составом студентов вузов"²³. Партийными органами устанавливалась квота - сколько студентов, какого социального происхождения необходимо принять. Так, в состав командированных во вузы в 1929 г. должно было войти не менее 80% рабочих²⁴. В задачи высшей школы также входило увеличение партийной и комсомольского ядра среди студентов, за счет увеличения числа учащихся батрацкого происхождения и детей крестьянской бедноты, состоящих в партии и ВЛКСМ²⁵. Однако партийные "бедняки" с неохотой шли в вузы, о чем свидетельствует введение в 1931 году мобилизации и разверстки на обучение в вузах и техникумах. В докладе обкому ВКП(б) АССР НП помощник директора пединститута А. Раушенбах отмечал, что "коммунисты и комсомольцы уклоняются от учебы в вузе, несмотря на то, что их направили по мобилизации и институт стоит перед угрозой значительного ослабления партийно-комсомольской прослойки и приема значительного числа беспартийных студентов"²⁶.

Самыми привилегированными из всех учебных заведений были комвузы и совпартшколы. Они имели своей целью "создание советских партийных работников, могущих руководить важными отраслями страны"²⁷. При приеме в комвузы и советско-партийные школы (СПШ) кроме документов подтверждающих социальное происхождение необходимо было иметь стаж партийной и руководящей работы не менее трех лет. Привилегированность этих учебных заведений отражал тот факт, что государство брало на себя заботу по материальному обеспечению родственников, находящихся на иждивении у студента²⁸. Эти действия властей аргументировались тем, что "необходимость материального обеспечения семей отвлекает и срывает учебу"²⁹. Однако эта политика привела к тому, что учиться в учебных заведениях многие студенты шли исходя из чисто меркантильного интереса, так как государственная помощь помогала выжить в годы послевоенной разрухи.

Фактически каждый вуз рассматривался как "кузница" партийных кадров. К примеру, в правилах приема в Государственный институт журналистики говорится, что этот вуз является высшей партийной школой и в его задачи входит подготовка квалифицированных партийных кадров и работников печати³⁰.

На руководящую работу также стремились поставить выдвиженцев из рабочих. К примеру, при приеме на курсы директоров и замдиректоров крупных хозяйств отдавалось "предпочтение хозяйственникам из рабочих" (квота 70%)³¹. Для повышения образовательного ценза вышеназванных руководителей организовывались специальные курсы³². Однако коммунисты из батраков и рабочих всячески старались увильнуть от партийной и общественной работы и не хотели вести работу в немецких селах. Как отмечалось на одном из заседаний ОК ВКП(б), "работа в кантонах находится в руках людей, которым руководство доверять нельзя, т.к. они воспитывались и происходят из классово чуждой среды"³³.

Столь "трепетное" отношение государства к вопросу социального происхождения подготавливаемых кадров можно объяснить тем, что так называемые "чуждые элементы" могли быть потенциально опасны для проводимой политики государства хотя бы потому, что они могли, имея иной социальный опыт, подвергать сомнению постулаты новой идеологии, анализировать события, делая выводы далеко неблагоприятные для власти. Это могли быть люди иного социального происхождения, но мимикрировавшие под новые условия жизни, или же лица, хоть и имевшие пролетарское происхождение, но перепрыгнувшие планку среднего уровня, на который и была рассчитана советская пропаганда, и ставшие поэтому социально-опас-

ными. Таких людей нужно было изолировать от общества. Это и обусловило проведение регулярных чисток. Особенно тщательно ситуация контролировалась в среде национальных меньшинств, т.е., людей с иной психологией, менталитетом и традициями. Изменить и унифицировать систему национального образования, подогнать ее под общий стандарт представлялось наиболее важным, т.к. именно образование, не считая института семьи, несет в себе важную функцию передачи культурной информации новым поколениям.

Регулярные чистки учебных заведений постоянно выявляли "неблагонадежных", и это несмотря на то, что классовая чистота студентов и сотрудников строго охранялась, а при приеме в учебные заведения социальное происхождение тщательно проверялось. Если социальное происхождение студента вызывало сомнение, то в организацию, откуда он был командирован или где состоял на учете в партийных органах, посылались запросы с просьбой подтвердить правильность данных им сведений и не являлся ли в прошлом "подозреваемый" участником контрреволюционных организаций, выступлений или восстаний³⁴. Если "благонадежность" не подтверждалась, то студент, зачастую очень способный, исключался, а сотрудник снимался с работы.

С установлением в Германии фашистского режима с 1934 г. в рамках кампании "борьбы с фашизмом" в АССР НП началось мощное наступление на немецкую национальную культуру и любые проявления национальной специфики. Наряду с постановлением от 17 ноября 1934 г. "Об активизации кулацко-националистических элементов в Немецкой республике", вышло еще два обкомовских постановления: "О постановке интернационального воспитания в школах" и "О проявлениях кулацкого национализма в культурном строительстве и на идеологическом фронте в АССР НП"³⁵. В постановлениях указывалось, что установление фашистской диктатуры в Германии привело к резкой активизации "контрреволюционных буржуазно-националистических элементов" в Республике. В школах, техникумах и вузах фашисты маскируются в национальный костюм, что проявляется в засоренности национализмом учебников, выхолащивании из них и учебных дисциплин интернационализма. 31 декабря бюро обкома ВКП(б) АССР НП приняло постановление "О контрреволюционных вылазках в школах", в котором продолжалась линия нагнетания массового психоза в поиске "врагов"³⁶.

По результатам проверок по линии Наркомпроса в 1934 г. в ряде школ г. Энгельса и пединститута были сняты с работы многие преподаватели, как "буржуазно-националистические элементы"³⁷. Чистки по кантонам выявили

“засоренность” учительского состава “классово чуждыми” – 25%, а по отдельным школам и 50%³⁸. По линии Наркомпроса были уволены классово-чуждые элементы: инструктор-методист Миллер как “участник бандитской группы в гражданскую войну”, научный работник исследовательской педагогической станции Гейнц, имевший паровую молотилку³⁹. За “неправильное” социальное происхождение были сняты с работы учительница Вернер – дочь торговца, инструктор детдомов Эльзнер – за социальное происхождение “из кулаков”⁴⁰ и др.

Основанием для регулярных чисток являлись так называемые контрреволюционные вылазки. Под ними могло подразумеваться и хранение троцкистской литературы, и общение с “троцкистско-кулацко-националистическими элементами”, и порча государственного имущества, и участие в вечеринках, где имели место “контрреволюционные высказывания”, и принадлежность к семье “врага народа”. Так, “ученики 10 класса Энгельсской средней школы № 2 Валя и Юра Хорольские, чей отец был расстрелян за вредительство, устраивали вечеринки, где имели место сальные шутки контрреволюционного содержания, пелись переделанные на контрреволюционный лад песни “Каховка” и “Военно-грузинская дорога”, с целью вербовки учеников в антисоветские группы”⁴¹. За хранение троцкистской литературы, которая была найдена при обыске, из Красно-Кутского педагогического техникума был исключен студент второго курса Г. Рейфшнер. Являясь преподавателем Катаринентальской средней школы, он был снят с работы “за проявление местного национализма и речи в защиту Гитлера”⁴².

На заседаниях обкома ВКП(б) не раз отмечалось, что в учебных заведениях системы Наркомпроса “безнаказанно орудуют троцкистско-кулацко-националистические элементы и необходимо принимать решительные меры по выкорчевыванию извращений в народном образовании”⁴³. В связи с этим партийное руководство обратило внимание на необходимость проявления “классовой бдительности” в среде учащихся.

“Притупление классовой бдительности у учителей” сильно беспокоило партийное руководство⁴⁴. ЦК ВКП(б) постоянно издавало и рассыляло по местным партийным организациям директивы “о необходимости повышения классовой бдительности, о недопущении классово-враждебных теорий в преподавании”⁴⁵. Для усиления классовой бдительности учителей обком ВКП(б) рекомендовалось проводить следующие мероприятия: “охватывать крупные школы кружками по изучению истории партии для учителей, учителей-одиночек охватить партсетью и выработать Наркомпросом план мероприятий по улучшению пропагандистской работы”⁴⁶. В этот период, можно сказать, делом каждого являлось проявление классовой бди-

тельности. Классовая бдительность входила в должностные обязанности руководящих лиц. “Потеря бдительности” была серьезным основанием для увольнения. Рейш, директор педагогического техникума г. Маркса, был снят с работы именно с этой формулировкой, т.к. “преподаватель его техникума, комсомолец Робертус, состоял в связи с троцкистами”⁴⁷. В школах Республики немцев Поволжья то и дело разоблачались учителя, которые “протаскивали чуждые идеи в преподавание, при изложении материала не отражали задач партии и не цитировали речи тов. Сталина, а также наблюдались рецидивы педологических извращений”⁴⁸.

В 1920-х – начале 1930-х гг. в школьной системе страны широкое распространение имела Педология⁴⁹, как один из разделов педагогики. Однако, вскоре она перестала отвечать идеологическим партийным установкам. 4 июля 1936 года ЦК ВКП(б) было принято постановление “О педологических извращениях в системе Народного комиссариата просвещения”⁵⁰. Педологам вменялось в вину то, что они “заимствовали свои положения из буржуазной науки и заинтересованы в сохранении капиталистического строя и классовой эксплуатации”, а также “пропаганда закона фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами и влиянием наследственности, игнорируя личные усилия, воспитание и обучение ребенка”⁵¹. Педология была признана вредной наукой, и все ее приверженцы были изгнаны из стен учебных заведений. В этой связи еще раз было обращено внимание педагогов, что они должны обращать особое внимание на “воспитание у учащихся безграничной любви и преданности партии Ленина-Сталина, готовности защищать свою социалистическую Родину и на задачи укрепления обороноспособности страны и Красной Армии”⁵².

Представляется, что задачи государства, независимо от существующего режима, не меняются. Если в задачи учебных заведений Российской империи входило воспитывать у учащихся преданность и любовь к Вере, Царю и Отечеству, то теперь Отечество стало социалистическим, царя заменила партия, а веру в бога – вера в общее коммунистическое счастье.

В среде нацменьшинств, в частности у немцев, все меньше оставалось возможности и средств для сохранения своей национальной индивидуальности, в том числе и для получения образования на родном языке. Так в школах города Энгельса, начиная с 1936 года, шла борьба за изжитие употребления диалектов⁵³. Попытка сохранения в употреблении диалектов в учебных заведениях объявлялась проявлением кулацкого национализма и пособничеством германскому фашизму, а нежелание говорить на литературном немецком языке – нежеланием проявления солидарности с немецким пролетариатом, ведущим борьбу против фашизма⁵⁴.

Следующим шагом по пути унификации национального образования в СССР явилось постановление "О реорганизации национальной школы", принятое 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б). Национальные школы в местах компактного проживания лиц той или иной национальности вне республик и автономных областей объявлялись теперь "очагами буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей", наносящими вред делу "правильного воспитания и обучения". С этих пор национальные школы становились советскими школами обычного типа с преподаванием на русском языке.

Как показала практика, политика классовой дискриминации не оправдала себя: такая политика не позволяла вести успешную борьбу с неграмотностью населения, которая по сравнению с дореволюционным уровнем приобрела катастрофические размеры. Уровень грамотности детей школьного возраста немецкой национальности в 1914 году составлял 80%, в 1920 – 41,8%, в 1928 – 38,6%. В сравнении с детьми русской национальности: в 1914 году их уровень грамотности составлял 28,4%, в 1920 – 44,6%, а в 1928 – 56,2%.⁵⁵ Из этих данных становится очевидным неуклонное снижение уровня грамотности детей немецкой национальности. Образовательный уровень немецких детей к 1929 году скатился до одного из самых низких в стране. В то время как немцы составляли две трети населения республики, их представительство в школе повышенного типа, техникумах и вузах, было значительно меньшим. Выпускники немецких школ при поступлении в вузы выглядели в своем развитии более отсталыми. Насильственная мобилизация в вузы и техникумы привела к тому, что студентами становились люди, не только неспособные освоить учебные программы, но к тому же и не имеющие к этому интереса: успеваемость коммунистов и комсомольцев в высших и средне-технических учебных заведениях была ниже средней успеваемости всех студентов учебных заведений⁵⁶. Не случайно в эти годы на страницах педагогических журналов поднимался вопрос о повышении качества образования. Такое положение в области образования связано в большей степени с тем, что большевистское руководство волновали в основном экономические и политические проблемы. Партия устанавливала строгий контроль как за классовой чистотой учебных заведений, так и за содержанием учебных программ: проводилась перестройка школьного обучения в соответствии с интересами ВКП(б), что приводило к догматизации процесса обучения, подчинению процесса обучения идеологическим установкам партии.⁵⁷ Учитель в Немецкой Республике, как впрочем, и во всей стране в 1930-е годы, полностью зависел от произвола партийных и местных чиновников.⁵⁸ Национальная немецкая школа за годы советской

власти полностью потеряла свою специфику. Происходила определенная унификация системы образования, исключающая возможности индивидуальности развития.

Чистки и проверки на благонадежность студентов и преподавательского состава также отрицательно сказывались на качестве подготовки студентов. Кроме этого, даже несмотря на то, что советским руководством все время делался акцент на неоднократных попытках царского правительства русифицировать немецкое население⁵⁹, ликвидация национальных школ в местах компактного проживания нацменьшинств в других районах страны в 1938 году, а также увеличение часов преподавания русского языка за счет сокращения часов на обучение родного языка воспринимались населением как шаг в том же направлении. По сути, сталинским руководством проводилась русификация немецкого населения, которая была начата с унификации системы образования и закончена депортацией, что привело к разрушению всех социальных институтов народа, в том числе системы образования, которая является, повторимся, важным элементом трансляции национальной культуры последующим поколениям.

Примечания

- ¹ Энгельский филиал государственного архива Саратовской области (далее - ЭФГАСО). Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.
- ² См.: Там же. Д. 1. Л. 5-6.
- ³ Там же. Д. 146. Л. 7.
- ⁴ См.: Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство. 1917-1938 гг. - М.: Готика, 1999. С. 97.
- ⁵ ЭФГАСО. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.
- ⁶ См.: Там же. Д. 23. Л. 43.
- ⁷ Там же. Д. 146. Л. 5.
- ⁸ См.: Там же. Д. 189. Л. 3.
- ⁹ См.: Там же. Л. 4.
- ¹⁰ См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее - ЦДНИСО). Ф. Оп. 1. Д. 717. Л. 3.
- ¹¹ Там же. Л. 1.
- ¹² Там же. Л. 47.
- ¹³ См.: Там же. Д. 1096. Л. 15.
- ¹⁴ См.: Там же. Л. 11, 25.
- ¹⁵ См.: Там же. Д. 2401. Л. 41.
- ¹⁶ См.: Там же. Д. 1801. Л. 412.
- ¹⁷ Там же. Д. 1801. Л. 391.
- ¹⁸ Там же. Д. 1902. Л. 97.
- ¹⁹ См.: Там же. Д. 1801. Л. 109, 157.
- ²⁰ Там же. Д. 1670. Л. 366.
- ²¹ См.: Там же. Д. 1490. Л. 134.

- 22 См.: Там же. Д. 1269. Л. 17.
 23 Там же. Д. 1801. Л. 25.
 24 См.: Там же. Д. 1670. Л. 73.
 25 См.: ЭФГАСО. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 353. Л. 13.
 26 Цит. по: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924 – 1941. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 199.
 27 ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1269. Л. 127. Д. 1677. Л. 10.
 28 См.: Там же. Д. 381. Л. 66.
 29 Там же.
 30 См.: Там же. Д. 1670. Л. 169.
 31 См.: Там же. Д. 1670. Л. 593.
 32 См.: Там же. Д. 1670. Л. 112.
 33 Там же. Д. 1671. Л. 209.
 34 См.: Там же. Д. 717. Л. 33.
 35 См.: Герман А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 225.
 36 См.: Там же. С. 226.
 37 ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2362. Л. 98, 99.
 38 См.: Там же. Д. 2362. Л. 102.
 39 См.: Там же. Д. 2362. Л. 93.
 40 См.: Там же. Д. 2362. Л. 57.
 41 Там же. Д. 3438. Л. 70, 71.
 42 Там же. Д. 3438. Л. 76, 77.
 43 Там же. Д. 3446. Л. 1.
 44 См.: Там же. Д. 2392а. Л. 7.
 45 Там же. Д. 2401. Л. 82.
 46 Там же. Д. 2392а. Т.1. Л. 111.
 47 Там же. Д. 3364. Л. 1.
 48 Там же. Д. 3446. Л. 3, 6, 7, 9.
 49 Педология - совокупность психологических, биологических и социологических концепций XIX - начала XX вв. о развитии ребенка, в которых решающее значение придается биологическим, физиологическим, психологическим особенностям в формировании характера и способностей ребенка.
 50 См.: ЭФГАСО. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 500. Л. 3.
 51 Там же. Л. 6-8.
 52 Там же. Д. 579. л. 9.
 53 См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2945. Л. 80.
 54 См.: Там же. Д. 2362. Л. 4.
 55 См.: Герман А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 74.
 56 См.: Там же. С. 200.
 57 См.: Там же. С. 192.
 58 См.: Там же. С. 194.
 59 См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 390. Л. 11.

К ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОРА АССР НП

Период конца двадцатых и тридцатых годов XX века не только в Немре-спублике, но и по всей стране был весьма сложным и противоречивым. Но особенно эта двойственность просматривалась в области культурной политики государства. С одной стороны, декларировалось полное и свободное развитие национальных культур, причем, как и сегодня, при отсутствии должного финансирования; с другой, ужесточались цензура и контроль за репертуаром со стороны специально созданных органов Главреперткомов и Главлитов при союзных и республиканских наркомпросах, позднее, при Совнаркомках. Усиливался партийный контроль. Под неусыпным идеологическим прессингом органы НКВД вели поиск “врагов, протаскивающих чуждую идеологию” с целью подрыва основ социалистического строя, устраивали бесконечные “троцкистско-зиновьевские”, “кулацко-националистические”, другого рода процессы¹.

В таких сложнейших условиях шло развитие художественной самодеятельности. В немецкой республике увеличивалось количество кружков самой различной направленности – хоровых, музыкальных, драматических, что вполне может стать темой отдельного исследования. Видимо, лишение людей церкви, раскулачивание, массовое выселение ни в чем не повинных граждан со своих насиженных мест, ежедневное чувство страха от громких процессов, – все это влекло к объединению, к творчеству, дабы забыть, уйти от страшных реалий жизни. Кружки художественной самодеятельности образовывались при клубах, избах-читальнях, на фабриках, заводах, в организациях².

История немецкого государственного хора как нельзя лучше проиллюстрирует сказанное выше, что и является целью данного исследования.

24 августа 1924 года 35 любителей музыки и пения из работников котельно-клееварного завода города Покровска (с октября 1931 года г. Энгельс) объединились в самодеятельный творческий коллектив и с первым концертом, играя на собственных инструментах, выступили перед рабочими своего же предприятия. Город небольшой, поэтому весть об интересном творческом коллективе разнеслась быстро. Их стали приглашать для участия в концертах, посвященных праздничным мероприятиям, прохо-

дившим в столице АССР НП. Члены кружка и составили основу будущего немецкого государственного хора³.

Становлению последнего помогли такие творческие личности как Е.С. Максимов, А.И. Александров, Дикин, Губарев, Сабо и др. Жаль только, что интересные музыканты, дирижеры, композиторы лишь на короткое время становились художественными руководителями самодеятельного кружка, т.к. отсутствие помещения для репетиций, средств на приобретение инструментов, на содержание административного персонала заставляло их находить себе более перспективное поле деятельности. Но каждый из названных выше лиц внес свою лепту в развитие хора, разделив с ними радость творчества и определенных побед. Благодаря их таланту, трудолюбию и прозорливости удалось со временем создать известный в стране хоровой коллектив, который постоянно работал над повышением своего профессионального уровня и растил себе смену. Так были созданы пионерский и комсомольский хоры, хоры в учебных заведениях, на предприятиях.

К началу тридцатых годов Немгосхор, как его стали называть в Немреспублике (официально на 1933 г. – Немецкий хор Совета профессиональных союзов при ДИСКе – Доме искусств), стал хором трех поколений и мог, при необходимости, развернуться в хор до 600 человек⁴. Такая деятельность не могла остаться незамеченной не только на местном уровне.

В 1932 г. хор был приглашен в Москву для участия в Первой Всесоюзной Олимпиаде хорового пения самодеятельных коллективов, где занял первое место. Специальным постановлением Президиума ВЦСПС ему было присвоено звание “Хоровой коллектив имени первой Всесоюзной Олимпиады самодеятельного искусства”⁵. Но даже такой успех не сделал коллектив профессиональным, не нашлось в столице Немреспублики и помещения для репетиций хора.

К 15-летию автономии немцев Поволжья художественный руководитель и дирижер Е.С. Максимов подготовил специальную программу, и 13 июня 1933 года в летнем театре городского парка культуры и отдыха г. Энгельса был дан большой концерт под названием “Музыкальные эскизы к истории Немреспублики”. В программе выступили Немгосхор и пионерский хор. Все средства от концерта были переданы фонду им. В.И. Ленина помощи беспризорным детям⁶. В первом отделении литературная композиция (автор Н. Shoch, читал текст J. Basters) сопровождалась немецкими народными песнями в исполнении Немгосхора: «Wanderlied» («Müde kehrt ein Wanderer») - «Песня странствий» («Усталый возвращается путник»); Florian Geyer («Aus dem Bauernaufstand 1525») – «Флориан Гайер» («Крестьянская война 1525 года»); Morgenrot («Aus dem Dreißigjährigen Kriege») - «Утренняя

заря» («Из истории Тридцатилетней войны»); «Ein Sträußchen am Hute» - «Букетик на шляпе»; «Der Mai ist gekommen» - «Май пришёл»; «Abschiedslied» («So leb' denn wohl») - «Прощальная песня» («Ну что ж, живи счастливо»); «In einem kühlen Grunde» - «В прохладном овражке»; «Schön ist die Jugend» - «Молодость прекрасна».

Тема, композиция, общее руководство и гармонизация песен – Е.С. Максимова.

Во втором отделении звучала музыка Ф. Листа (Лорелея), М. Глинки (“Гуде витев” – украинская песня); в исполнении секстета народных инструментов – татарская народная песня “Эрбет” в обработке М. Музафарова; А. Гедике “У ворот” – русская народная песня в исполнении женского хора. А затем снова С. Е. Максимов представил маленькие сюиты на немецкие народные мотивы (Deutsches lied, Polka, Humoreske, Kehraus) в исполнении трио в составе И.К. Бастерса (скрипка), О.О. Шетцке (виолончель), А.Г. Арзамасцева (рояль). Только в этом концерте выступили 38 хористов (9 альтов, 6 теноров, 9 басов и 14 сопрано).

В третьем отделении слушатели радовались успехам 40 участников пионерского хора.⁷

Но и этот концерт ничего не изменил в судьбе самодеятельного коллектива, в котором уже в основном составе официально насчитывалось 200 человек. В результате Е.С. Максимов покинул столицу Немреспублики и вскоре стал доцентом Московской консерватории. Немгосхор потерял талантливого дирижера, композитора, человека, который большое внимание уделял фольклору немцев Поволжья, его обработке.

Успешные выступления 1932-1933 гг. дали повод самодеятельным артистам отметить свой собственный десятилетний юбилей. По инициативе Совета профессиональных союзов АССР НП и Оргбюро ВЦСПС Саратовского края, 13 октября 1934 г. ВЦСПС специально заслушал вопрос о проведении десятилетия Немгосхора. Отметив большую работу коллектива “по художественному воспитанию широких масс и интернациональной пропаганде”, ВЦСПС вынес постановление выделить из сметы культмассового отдела 10 тысяч рублей для выпуска специальной брошюры “10 лет Немгосхора”, сборника песен и на премирование участников. Было решено направить представителя ВЦСПС для участия в праздничных мероприятиях. Подписал постановление секретарь ВЦСПС Н. Шверник⁸.

Совнарком Немреспублики также поддержал творческий коллектив: чествование хора было назначено на 29 и 30 ноября 1934 г. “как показ достижений на фронте хоровой культуры к IX съезду Советов республики”, для чего был создан специальный комитет, приглашены на торжество все быв-

шие руководители хора. Наркомпросу и Немгизу Совнарком поручил издание юбилейного сборника "Песни борьбы и труда" на двух языках – русском и немецком. Как и ВЦСПС, Совнарком выделил 10 тысяч рублей коллективу для поездки в Москву по р. Волге "в целях расширения работы по интернациональному воспитанию и обмену опытом работы с хоровыми коллективами братских республик"⁹.

К этому времени Немгосхор уже имел связи с хоровыми коллективами Украины, Татарии, Чувашии; с немецким певческим коллективом г. Милльгаузен, с коллективами из Франции.

Готовясь к юбилею, хористы подсчитали, что ими было дано более 900 концертов, не считая бригадных выездов по обслуживанию тружеников села в период посевной и уборочной компаний. В постановлении особо были отмечены 23 хориста, которые "дали 5700 часов работы со дня основания хора", работая без оплаты, без единого выходного дня. Постановление Совнаркома вселяло надежду и на будущее: было дано поручение Энгельсскому горсовету и совету профессиональных союзов республики предоставить Немгосхору постоянное помещение на 150 человек, а Наркомфину предусмотреть в смете на 1935 г. средства на содержание освобожденной хоровой группы в 12 человек¹⁰.

В 1934 г., после отъезда в Москву Е.С. Максимова, дирижером и художественным руководителем хора стал А.И. Архангельский. Очевидно, смена руководства не дала возможности подготовить юбилейные торжества в намеченный период. Только 25 мая 1935 г. состоялся большой концерт в том же летнем театре городского парка культуры и отдыха. Праздник начался с официальных приветствий (И.Г. Блюмер от Немгосхора, А.Е. Жарков – от городских властей), традиционного доклада и премирования хористов. Концертную программу открыл пионерско-школьный хор первого поколения под руководством А.И. Архангельского: В. Моцарт "Приди, весна", Л. Бетховен "Верный Джени", В. Буглай "Девичья весенняя", Швейцарская народная песня "Танец" и музыкальная инсценировка "Октябрьская пионерская". Последняя должна была символизировать "счастливое детство благодаря завоеваниям Октября". Выступление второго поколения – комсомольско-молодежного хора под управлением Г. Рейхерта сменилось концертной программой трех хоровых звеньев: немецкого (А.В. Дизендорф) украинского (С.О. Колесниченко) и русского (В.В. Зайцев). Во втором отделении свое творчество представили женский и мужской хоры под управлением А.И. Архангельского ("Der Mai ist gekommen", П.И. Чайковский "Хор девушек из оперы "Евгений Онегин", М.М. Ипполитов-Иванов "Вперед смотреть", "Хор охотников" из оперы Вебера "Волшебный стрелок"). Затем

Немгосхор исполнил отрывки из опер Р. Шумана, Н. Римского-Корсакова, М. Мусоргского и др.

В заключительной части концерта прозвучал "Интернационал" в исполнении Немгосхора, всех его поколений и филиалов¹¹.

Сохранившиеся программки концертов донесли до нас имена всех участников немецкого государственного и пионерского хоров¹².

Успехи коллектива, его постоянное стремление к совершенствованию, к сожалению, не были поддержаны властными структурами ни морально, ни материально. Решение о выделении специального помещения осталось на бумаге, а хор без художественного руководителя. А.И. Архангельский, также как и Е.С. Максимов, покинул хор. Естественно, что без дирижера, без руководителя в художественном исполнительском мастерстве коллектива стали отмечаться определенные недоработки. Совнарком объяснял их частой сменой художественных руководителей, не касаясь истинной причины этого явления. В начале 1936 года аккомпаниатор А.Г. Савинова временно возглавила коллектив. Пока руководство Немреспублики занималось поисками художественного руководителя, шефство над хором взял А.И. Климов, главный дирижер Немгосфилармонии. Благодаря ему, коллектив не только не распался, а продолжал жить и творить. 25 февраля в здании Немгостеатра, а затем 1 марта в г. Саратове Немгосфилармония совместно с самодеятельным коллективом Немгосхора под руководством А.И. Климова дали концерт, посвященный творчеству М.М. Ипполитова-Иванова. Мужской хор исполнил произведения "Вперед смотреть" и "На страже", женский – "Наша жизнь" и "15 лет", смешанный хор под управлением мастера выступил с целым рядом произведений, среди которых "Приближение весны" и "Гимн труду" и др. Во втором отделении выступал симфонический оркестр. Совместная работа профессионального и самодеятельного коллективов под руководством талантливого дирижера А.И. Климова дала немало в развитии художественного мастерства Немгосхора. Хористы коллективно посещали концерты симфонического оркестра с целью изучения истории музыки¹³.

Несмотря на все трудности, в свой двенадцатый год работы на март 1936 года Немгосхор имел в основном составе 60 человек, руководил хором стройки № 252 (30 человек), Наркомзема (20 чел.), Медсантруда (25 чел.), образцовой немецкой школы № 10 (50 чел.), техникума советской торговли (72 чел.), колхоза "Пробуждение" (22 чел.), железнодорожников (40 чел.). И, таким образом, при необходимости массового выступления мог развернуться в хор свыше 300 человек.

Не считая концертов, данных совместно с Немгосфилармонией, за два месяца 1936 года хор дал 35 концертов, которые прослушали 14 тысяч че-

ловек. Хор продолжал также выступления на радио. Творческий коллектив создавал музыкально-литературные монтажи к памятным датам советской власти: "Памяти В.И. Ленина", "Красной Армии 18 лет" и др. Немгосхор, как было принято в те годы, соревновался с хоровой капеллой юго-западной железной дороги (рук. Гончаров, Киев, УССР), с Чувашигосхором (рук. Воробьев, Чебоксары, ЧАССР), с хором КОР (рук. Хлебников, Москва), обменивался опытом работы и репертуаром с хором строителей г. Казани (рук. Иванов), Радио-хором Линькова, хорами Крекинг-завода (рук. Абраменко), Мединститута (рук. Донецкий), г. Саратова, организовал шефство над хором совхоза № 103 (Вегелин, ст. Безымянная) и Каменской МТС (Шефер)¹⁴.

Не имея собственного транспорта, на автомобилях, лошадях и даже пешком, хористы в выходные и праздничные дни выезжали в города и села Немреспублики, при этом каждому из них к началу смены необходимо было быть на своем рабочем месте. К примеру, только 11 – 12 января 1936 г. участники хора выступили на фабрике им. Самойловой (на правой стороне Волги), затем в с. Мариенталь (ныне Советское), где чествовали орденосца А. Денинга, т.е. им пришлось побывать в противоположных концах республики.

В марте 1936 года Немгосхор начал подготовку к участию в первом Всесоюзном радиофестивале, разрабатывал уникальный проект "хормайства" – на 1 и 2 мая выйти на стадион совместно со всеми филиалами, с представителями профсоюзов, вузов, школ в составе 3 тысяч человек.

Заняв третье место на радиофестивале, Немгосхор получил премию в размере 7 тысяч рублей и приглашение участвовать во второй Всесоюзной хоровой олимпиаде в Москве¹⁵. Но готовить коллектив к олимпиаде было некому. А.Г. Савинова в силу отсутствия профессиональных навыков не была в состоянии руководить хором, А.И. Климов не мог совмещать работу главного дирижера Немгосфилармонии и художественного руководителя самодеятельного коллектива. Снова руководство Немреспублики в лице Совнаркома вынуждено было решать судьбу Немгосхора. За победу в радиофестивале Совнарком выделил коллективу 20 тысяч рублей, что дало возможность направить в Москву хористов к 1 июля. Совнарком обязал руководителей предприятий предоставить своим работникам месячный отпуск с сохранением содержания. Билеты были приобретены на пароход с тем, чтобы совместить путешествие в Москву с посещением ряда республик и городов на Волге (Татария, Чувашия, Куйбышев и др.) для творческих концертов, обмена опытом работы в области художественной самодеятельности. Одновременно на заседании Совнаркома решались, в который раз, судьбоносные для дальнейшего существования хора вопросы: передача

здания начальной школы на пл. Свободы под Немгосхор и Дом народного творчества и приглашение через управление по делам искусств в качестве главного дирижера и художественного руководителя хора Ганса Давида¹⁶. Казалось бы, теперь у коллектива должны быть решены все проблемы, и впереди только новые творческие победы. Тем более, что уже 28 мая Г. Давид приступил к работе в качестве инспектора по музыкальной работе управления по делам искусств, главного дирижера и художественного руководителя Немгосхора¹⁷. Началась недолгая, но интересная страница в жизни творческого коллектива и его нового руководителя.

Ганс Вальтер Давид, 1893 г. рождения, из небольшого германского городка Менхенгладбах до 1933 г. был депутатом городского Совета, композитором и капельмейстером. В 1933 г. из-за своего "неарийского" происхождения вынужден был покинуть фашистскую Германию. Переехал в Париж, но в ноябре 1935 г. Союз композиторов СССР пригласил музыканта на работу в нашу страну. Поскольку власти Немреспублики обратились с просьбой в управление музыкальных учреждений Всесоюзного комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР подыскать кандидатуру музыканта, знающего немецкий язык, то Г. Давиду и была предложена работа в АССР НП. В мае 1936 г. Г. Давид вместе с женой приехал в г. Энгельс, где оба были востребованы. Л. Давид стала артисткой Немгостеатра¹⁸, она, к примеру, так талантливо сыграла роль Норы в пьесе Г. Ибсена "Кукольный дом", что о ней заговорили как об одной из самых лучших актрис. Г. Давид немедленно приступил к подготовке коллектива к участию во 2-ой Всесоюзной Олимпиаде, но времени было недостаточно, поэтому триумфального выступления не получилось. По возвращении из Москвы, Давид вплотную занялся работой с хором. Вместе с директором Дома народного творчества Штирцем выезжал в кантоны с целью сбора местного фольклора, отбора одиночек и талантливых коллективов для участия в смотре художественной самодеятельности республики в декабре 1936 г. одновременно шла работа по подготовке концерта к октябрьским дням, к X Чрезвычайному съезду Советов Немреспублики. За выступление на съезде, где был развернут хор числив в 350 человек, Президиум ЦИК АССР НП 1 декабря 1936 премировал коллектив Немгосхора Почетной грамотой за прекрасное выступление, а Г. Давида, как художественного руководителя, денежной премией в сумме 500 рублей¹⁹. В декабре хор принял участие в Республиканском смотре художественной самодеятельности. Хор продолжал активно выступать и на территории, принял участие в очередном Всесоюзном радиоконцерте из г. Саратова через станцию Коминтерн. В его репертуаре – немецкие, русские и украинские народные песни, произведения Вагнера, Вебера, советских

композиторов – Давиденко, Компанейца. Художественным руководителем была взята установка на увеличение в репертуаре песен на немецком языке, ведь по идее его за этим и пригласили в республику. Г. Давид обработал ряд шуточных немецких народных песен “Шпин – шпин”, “Дер доктор Эйзенбарт” и др. По договору на 1937 г. Г. Давид и Е.С. Максимов, бывший руководитель Немгосхора, взялись за отработку еще целого ряда немецких народных песен. Перед Немгосхором была поставлена, как одна из самых важных задач, разработка большой праздничной программы, посвященной XX годовщине Октября.

Но условия для работы нового руководителя с коллективом так и не были созданы. Помещение школы, предназначенное хору, по неизвестной причине было передано оркестру народных инструментов. Скорее всего, причина крылась в нерасторопности очередного директора Немгосхора. И все же Г. Давид продолжал плодотворно работать. Только в январе 1937 г. было дано 7 концертов, один из них с Пушкинской программой для стахановцев г. Энгельса. В феврале главный дирижер готовил хоры из “Евгения Онегина” для постановки литературного монтажа, написал музыку на текст местного писателя Г. Завацкого к циклу песен о Сталине. В апреле 1937 г. хор дал 5 концертов. Композитор написал музыку на текст Третьякова “Песня о Серго”. 18 апреля Немгосхор снова транслировал концерт из Саратовской радиостудии через ст. Коминтерн. В этом же месяце в Немреспублике было создано бюро композиторов, в него вошли самые талантливые музыканты, композиторы: Г. Шмидер, Г. Давид, Г. Рейхенбах, А. Попов, А. Климов. В праздничные Первомайские дни Немгосхор давал в день по три концерта. 11-12 мая выехал в г. Маркштадт (ныне г. Маркс), в июне совершил еще две гастрольные поездки в кантоны²⁰. Г. Давид не замыкался на работе с Немгосхором. Он преподавал в Энгельсском музыкальном училище, руководил детской хоровой капеллой, за такой короткий срок создал на предприятиях и в учебных заведениях 20 хоров по разучиванию массовых песен. Не раз в печати отмечалось значение Немгосхора и его руководителя в развитии художественной самодеятельности Немреспублики: прекрасное исполнение “Песни о едином фронте” Бертольда Брехта, выступление комсомольского хора Немпединститута, 10 образцовой немецкой школы и музыкального техникума, которые исполнили песню о Тельмане (текст Эриха Вайнерта, муз. Пауля Арма).

Дирижер был доволен достигнутыми результатами, концерты шли при переполненных залах, но продолжал упорно работать над повышением мастерства каждого хориста: давал теорию музыки, отдельно работал с альтами, тенорами и т.д. Но мастер приехал в нашу страну в страшное время. Репрессии не обошли и его коллектив.

Объявлен “врагом народа” администратор хора Арзамасцев, “разоблачен фашистский шпион” Драг, инструктор Дома народного творчества, который “под видом образцов народного творчества советских немцев разыскивал, подбирал и записывал из уст раскулаченных и церковников кулацкие песенки о доброй старой Германии”, в то время как “подлинный музыкальный фольклор, созданный радостной жизнью немцев – колхозников, лежит до сих пор необработанным”²¹.

Началась травля Г. Давида, которая приобрела немыслимые масштабы после публикации в газете “Большевик” статьи “Буржуазные националисты под крылышком комитета по делам искусств”. В ней была дана жестокая критика “врага народа” Вебера, “пробравшегося на пост Наркомпроса”. По мнению автора статьи, его последователь, народный комиссар просвещения Вехтер, также не проводил работу по “очищению” учреждений культуры от “вражеских буржуазно-националистических элементов”. Его обвинили в покровительстве “буржуазному националисту” дирижеру Немгосхора Г. Давиду, которого последний считал “неисправимым идеалистом”, но незаменимым специалистом. Вехтера объявили сообщником контрреволюционных националистов, который не замечает “разлагательской работы” Г. Давида в коллективе Немгосхора, как ранее “не замечал” вредительской деятельности бывшего администратора хора Арзамасцева²².

Статья подвела черту под деятельностью Г. Давида в области музыкальной культуры Немреспублики. Сохранившиеся документы раскрывают весь последующий характер этой травли. Г. Давид не мог понять всей серьезности обвинений в его адрес, не принимал их, в какой-то степени уже летом 1937 года самоустранился от управления хором. 12 октября состоялось общее собрание хористов. Ему инкриминировали целый ряд политических ошибок: подмена фольклорных песен немцев Поволжья завезенными, протаскивание хорала в произведение, исполняемые Немгосхором, в том, что в репертуаре хора слабо представлены песни советских композиторов. Его обвиняли даже в том, что заставляет хористов заучивать тексты, ведет уроки музыки, которые “только путают”, “мучает” хористов, благодаря чему выступления хора проходят лучше, чем репетиции...“.

Даже фольклорный материал немцев Поволжья, обработанный музыкантом, был объявлен “не нашим”, т. к. музыкант привносит в них при обработке церковность, формализм, сложные и надуманные мелодии и гармонии, присущие западно-европейскому искусству (“Шпин-шпин”, “Хопсапольта”, “Хохчайт”, “Эс, эс”, “Эс рит айн Эдельман” и др.). Невозможно передать всю атмосферу, царившую на собрании, но некоторые высказывания могли бы быть занесены в серию анекдотов. Г. Давиду было предложено

но "давать местный фольклор, как он есть, и без ведома автора ничего не менять". Директор Немгосхора Мерзляков в своем выступлении договорился до того, что назвал Г. Давида импортным товаром. "Досталось" от выступающих даже Обкому партии и его первому секретарю Попку за поддержку талантливого музыканта, композитора²³.

Г. Давид, не понимая, что его травля - это политика государства, пытался бороться, объяснять несправедность предъявленных ему обвинений. Он в своем ответном слове неоднократно подчеркивал, что бесконечно был рад приезду на родину пролетариата, за интересы которого боролся, что теперь не знает, останется ли здесь, но для него было счастьем работать в СССР, куда он прибыл как политический беженец, эмигрант, а не "импорт". Не согласился с обвинением в национализме, в игнорировании песен советских композиторов, т.к. из 90 песен разученных под его управлением, половина была именно советских композиторов. Вынужден был дать ответ и на абсурдный вопрос об авторстве фольклорных песен: "У фольклорных песен автора нет, так что обвинение, что без ведома автора нельзя вещь перефразировать, ... неосновательна". Собрание единогласно решило уволить Г. Давида, временное исполнение обязанностей художественного руководителя Немгосхора было возложено на В. Мерзлякова²⁴.

Г. Давид не согласился с решением собрания и направил в Управление по делам искусств объяснение "Некоторые важнейшие вопросы, касающиеся фольклора Немреспублики". Была создана специальная комиссия в сентябре 1937 г., которая не оставила камня на камне от утверждений Г. Давида: его утверждение, что специальная история немцев Поволжья определяется душевным состоянием колонистов, что фольклор немцев Поволжья базируется на старой немецкой песне, были объявлены явно враждебными марксизму. Одной из грубейших ошибок было признано утверждение Г. Давида, что имеется существенная разница в том, происходит ли песня или вариант ее от католика или лютеранина, т.к. они имеют различную идеологию. На утверждение, что в основу его обработок были положены старые народные немецкие песни шуточного содержания, юмористического характера, было указано на хоральное толкование, в то время как антирелигиозных произведений в репертуаре не было вообще²⁵.

Не избежала критики даже музыка, написанная на слова местного писателя Г. Завацкого - "Многие реки, прозрачные воды", посвященная И.В. Сталину. 1 мая 1937 г. песня была исполнена на X Чрезвычайном съезде Советов. Было указано на несоответствие литературных образов с музыкальными. "Если в тексте дается сопоставление прошлого и настоящего Немреспублики в плане перспективном, то музыкальные образы построены на па-

дении движения (си мажорный и соль минорный эпизоды), отсюда разрыв между кульминацией текста, где говорится о Сталине и музыкой (минорный эпизод). Вывод был однозначен: песня трудна для восприятия, не будет массовой, популярной.

Как же после таких выводов было не подвергнуть репрессиям Г. Давида и Г. Завацкого²⁶. Г. Давид еще долго боролся за свое право руководить хором и исполнять созданные им произведения. На каждое его обращение к властям создавалась специальная комиссия, которая делала вывод о непригодности и вредности его произведений. На произведение "Хоровая баллада" было дано заключение, что это образец творческого формализма, осужденного руководящими статьями газеты "Правда" по поводу творчества композитора Шостаковича; в произведении "не ощущается дыхание Великого Октября", ... концепция автора приносит в советскую музыку подавленность, безысходность, упаднические методы, чуждые и враждебные нам, характерные для современной буржуазной музыки, под влиянием которой и находится Г. Давид". Вывод был неутешителен: произведение непригодно и вредно, не может быть включено в качестве юбилейной праздничной программы в октябрьские дни²⁷.

25 октября 1937 г. начальник управления по делам искусств АССР НП уведомил управление музыкальных учреждений Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР о снятии Г. Давида с работы, более того, просил отозвать его назад в распоряжение Москвы, в чем ему было, естественно, отказано. И снова Немгосхор остался без руководителя, а в управлении по делам искусств Москвы, Ленинграда, Харькова, Днепропетровска, Киева, Одессы 11 ноября 1937 г. были направлены письма с приглашением кандидатуры на должность художественного руководителя Немгосхора, специалиста, владеющего или, в крайнем случае, понимающего немецкий язык. Исполнил запрос Г. Шмидер, инструктор по музыкальной работе управления²⁸.

5 ноября 1937 г. Г. Давид был арестован как немецкий шпион, до сентября 1939 г. находился в тюрьмах гг. Энгельса, Саратова, Москвы. Затем на основании "особого решения" НКВД его направили в ссылку в Воркуту сроком на 5 лет. Но в апреле 1940 г. Г. Давид вместе со многими другими противниками нацистского режима был депортирован в Германию. В вербальной ноте германского посольства в Народный Комиссариат иностранных дел СССР говорилось о том, что германский гражданин Ганс Вальтер Давид, высланный из Советского Союза в августе 1940 г., просил германское посольство оказать ему содействие в получении отобранного при его аресте в ноябре 1937 г. в г. Энгельсе АССР НП имущества и невыплаченных гонора-

ров за проведение фестиваля в 1937 г., композицию польки для хора и оркестра, за дирижирование симфоническим оркестром 19.12.1936 г. и т.д.

Возвращение в Германию не было триумфальным. Фашистские власти отправили его в Люблинское гетто. В 1942 г. Г. Давид был умерщвлен в газовой камере концлагеря "Майданек".

После ареста все произведения композитора и народные мелодии в его обработке были запрещены.

Но возвратимся к судьбе Немгосхора. Бесконечная смена художественных руководителей, администраторов, директоров (Арзамасцев, Триппель, И.К., Гордок Г.Г., Мерзляков В.И., Штирц Р.Д., Протопопов П.С. и т.д.) отсутствие помещения для репетиций и финансирования мешали дальнейшему творческому развитию коллектива. И все же хор продолжал работать. Только в период избирательной кампании с 22 ноября по 12 декабря 1937 г. дал 18 концертов на предприятиях, в школах, клубах, как в городе, так и на периферии, обслужив 5250 избирателей. И в 1938 г. Немгосхор оставался самостоятельным коллективом, состоящим из представителей рабочих организаций, фабрик, заводов из-за "недостаточного лимита на музыкальную работу". Кроме концертного рояля Шредера, патефона и библиотеки из 80 произведений, Немгосхор ничего не имел. Музыканты продолжали играть на собственных инструментах. Несмотря на обещание руководства АССР НП все-таки организовать в 1938 г. профессиональный хор – на 27 апреля 1938 г. в штатном расписании были заложены средства только на содержание административного аппарата. В 1939 г. Немгосхор как хоровой самостоятельный коллектив был передан Радиокomiteту.

В 1941 г. по известному Указу от 28 августа 1941 г. Радиокomiteт был ликвидирован, а вместе с ним прекратил свое существование и творческую деятельность ранее прославленный коллектив Немецкого Государственного хора АССР НП.

Так репрессивная политика государства и война с фашизмом погубили один из интереснейших самостоятельных фольклорных коллективов. Его судьба стала судьбой целого народа.

Примечания

¹ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Ч. II. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994. С. 75; ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2362. Л. 37, 39, 45.

² См.: Герман А.А. Указ. соч. С. 217.

³ См.: Там же. С. 219; ЭФГАСО. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 1011. Л. 11.

⁴ См.: Там же. С. 220.

⁵ См.: Там же. С. 219; ЭФГАСО. Ф. Р-1052. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

⁶ См.: ЭФГАСО. Ф. Р-1052. Оп. 1. Д. 1. Л. 7-8.

⁷ См.: Там же. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 790. Л. 15.

⁸ См.: Там же. Ф. Р-1849. Оп. 1. Д. 1011. Л. 11, 11об.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Там же. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2.

¹¹ См.: Там же. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2, 7, 8.

¹² См.: Там же. Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 141. Л. 1-8.

¹³ См.: Там же. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

¹⁴ См.: Там же. Л. 2.

¹⁵ См.: Там же. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 33. Л. 2; Ф. Р-998. Оп. 1. Д. 298. Л. 157.

¹⁶ См.: Там же. Оп. 1л/с. Д. 16. Л. 12.

¹⁷ См.: Там же. Д. 21. Л. 4.

¹⁸ См.: Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 59.

¹⁹ См.: Там же. Л. 41, 47, 49.

²⁰ См.: Большевик (Энгельс.). 1937. 23 сентября. № 28.

²¹ Там же.

²² См.: ЭФГАСО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 52. Л. 17-28.

²³ Там же.

²⁴ См.: Там же. Л. 3.

²⁵ См.: Герман А. А. Указ. соч. С. 212., ЭФГАСО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 52. Л. 17-28.

²⁶ См.: ЭФГАСО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 52. Л. 5.

²⁷ См.: Там же. Оп. 1л/с. Д. 22. Л. 34.

²⁸ См.: Там же. Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 141. Л. 1-8.

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (1924-1939 гг.)

После окончания гражданской войны кампания по ликвидации неграмотности населения приобрела всесоюзный масштаб. Важная роль в этой кампании отводилась армии - безоговорочному исполнителю директив и циркуляров советско-партийного руководства страны. С началом проведения в 1924 г. военной реформы, проблема неграмотности среди военнослужащих приобрела особую актуальность. На 3-м Всероссийском съезде по ликвидации неграмотности, состоявшемся в 1925 г., отмечалось, что "работа по ликвидации неграмотности среди призывников и красноармейцев переменного состава территориальных частей получила признание первоочередности"¹. В условиях национального военного строительства обучение грамоте военнослужащих нерусской национальности необходимо было проводить на родном языке².

Ликвидировать неграмотность в армии предполагалось в два этапа. Первый этап - во время прохождения юношами в течение двух лет допризывной подготовки и второй этап - во время непосредственной службы в воинских частях.

Итоги допризывной подготовки 1925 г. показали, что грамотность допризывников Непреспублики составляла 61,27 процента³. В преддверии разворачивавшегося военного строительства в АССР НП, этот показатель тревожил как военных, так и руководство автономии. К середине 1920-х гг. стала заметна тенденция к падению грамотности среди допризывников-немцев. К примеру, среди призывников 1905 г. р. неграмотные составляли 13,64 %, а уже через год этот показатель, среди призывников 1906 г. р., составлял 17,09 процента⁴.

В первый год проведения кампании, были выявлены основные причины тормозившие обучение военнослужащих-немцев Поволжья. Во-первых, не было налажено взаимодействие между военными структурами и местными властями; кроме того, обязанности последних вообще никакими документами не регламентировались, что привело к их полному бездействию. По этому поводу в поступившем в республику циркуляре ВЦИК указывалось: "Итоги 1924-1925 гг. показали, что работе [по ликвидации

неграмотности] на местах не уделяется достаточного внимания. В результате этого Красная Армия до сих пор получает большой процент неграмотных, что не может, не отразится на её боеготовности"⁵. Во-вторых, военные органы, из-за отсутствия средств и штатных преподавателей, оказались не в состоянии организовать занятия с допризывниками-немцами на ликвидационных пунктах. Так же, вопрос обучения военнослужащих-немцев натолкнулся на обстоятельство, когда больше половины командного состава воинских формирований, дислоцировавшихся на территории АССР НП, не владело немецким языком⁶. В-третьих, запутанный учет призывного контингента не позволял провести полный охват занятиями допризывников. В-четвертых, на местах остро ощущался недостаток учебных пособий и учителей, привлекаемых к ликвидации неграмотности среди военнослужащих-немцев.

Следует заметить, что перечисленные недостатки, в той или иной степени были присущи всем территориям, на которых комплектовались территориальные формирования. Подводя итоги военного обучения за 1924-1925 гг. Центр пришел к выводу, что "... в территориальных частях при кратковременности военных сборов, Красная Армия не может ставить себе задачу - ликвидировать неграмотность красноармейцев переменного состава. Это дело должны взять на себя гражданские органы Советской власти и в первую очередь Наркомпрос"⁷.

В конце октября 1925 г. начала работу III сессия 2-го созыва Центрального Исполнительного Комитета АССР немцев Поволжья, на которой был рассмотрен вопрос "О [военном] территориальном строительстве в АССР НП". Выступая с основным докладом по вопросу о территориальном строительстве, Начальник Политического секретариата Территориального управления Непреспублики Бурмистенко особое внимание уделил ликвидации неграмотности среди допризывников и красноармейцев-немцев. В докладе он предложил: "...создать отдельные школы по ликвидации неграмотности среди молодежи, хотя бы там, где это возможно, и в первую очередь в районах комплектования территориальной дивизии. - Как отмечал докладчик. - В таких школах будет, больше контроля за посещением допризывниками занятий, созданы лучшие условия для обучения, чем в школах общей сети"⁸. В целом такой подход к ликвидации неграмотности среди военнослужащих сессия одобрила и постановила: "Поручить Президиуму ЦИК принять все необходимые меры к полной ликвидации неграмотности среди допризывников"⁹.

После окончания сессии между военными структурами и местными властями были разграничены функции и обязанности во время проведения

кампании по ликвидации неграмотности среди военнослужащих. Основная работа, так же как и финансирование, возлагалась на местные органы власти и в частности на Наркомпрос АССР НП. Роль военных органов в обучении военнослужащих-немцев, в период допризывной подготовки и междусборов работы, свелась к контролирующим функциям.

С началом формирования в октябре 1925 г. 96-го стрелкового полка руководство Немреспублики основные усилия по ликвидации неграмотности среди военнослужащих сосредоточило в Маркштадтском, Красно-Ярском, Мариентальском, Покровском кантонах и г. Покровске, понадеявшись на "районирование" полка. На их территории проживало только 30 % допризывников и "переменников" из АССР НП. Таким образом, разделение кантонов по приоритетности на "районированные" и "не районированные" ставило под вопрос выполнение постановления сессии "о полной ликвидации неграмотности среди допризывников". К тому же, партийно-советское руководство республики относилось к обучению военнослужащих, как к чему-то второстепенному. Местные власти постоянно ждали указаний Центра, при этом сами никакой инициативы не проявляли. Желание руководства автономии создать сеть школ по ликвидации неграмотности среди допризывников так и осталось нереализованным. Наркомпрос Немреспублики, как и в предыдущие годы, работу с военнослужащими не считал своей обязанностью и поэтому не включил её в свои планы и не выделял средств. По этой причине учебные пункты так и не были обеспечены специальными учебными пособиями для военнослужащих на немецком языке. В отчете комиссара 96-го стрелкового полка о проведенной допризывной подготовке за 1926 г. отмечалось: "Если касаться вопроса обеспечения немецких [учебных] пунктов соответствующей литературой, то необходимо отметить, что почти все донесения, за исключением одного, двух, определенно подчеркивают, что она отсутствует и разыскать её весьма трудно"¹⁰.

В период допризывной подготовки неграмотные и малограмотные юноши-немцы брались на учет и в обязательном порядке, ежедневно, обязаны были в часы внешкольной работы заниматься в кружке ликвидации неграмотности. На отдельных учебных пунктах, где количество неграмотных допризывников было велико, создавались школы ликвидации неграмотности¹¹. Однако общий эффект от такого обучения снижался из-за низкой посещаемости допризывниками этих кружков и школ. К примеру по докладом начальников учебных пунктов посещаемость в декабре 1926 г. на учебном пункте в с. Нидермонжу составила всего лишь 5 % от общего числа неграмотных, на учебном пункте с. Цюрих - 60-70 %¹². Низкая по-

сещаемость обуславливалась, в первую очередь, бедностью допризывников. Зачастую неграмотные допризывники из-за отсутствия продуктов и одежды были не в состоянии прибыть для занятий на учебные пункты. Также немалое количество допризывников, в период проведения сборов, находилось на заработках.

Низкая эффективность обучения, отсутствие инициативы местных властей при работе с допризывниками и террармейцами беспокоило командование 96-го стрелкового полка и Территориальное управление АССР НП. По инициативе командования 96-го стрелкового полка, с начала 1927 г., на основании постановления ВЦИКа и приказа РВС СССР № 2.065 от 1923 г., в республике начали работу межведомственные совещания по ликвидации неграмотности среди допризывников и "переменников". Цель совещания - координировать действия военных структур и местных властей по ликвидации неграмотности среди военнослужащих. Председателем совещания являлся Политический секретарь Территориального управления Немреспублики.

Следует отметить, что эти совещания сыграли свою положительную роль в обучении грамоте военнослужащих-немцев. Так, по инициативе совещания все неграмотные допризывники и "переменники" были прикреплены к общим пунктам ликвидации неграмотности Наркомпроса. Для более полного охвата неграмотных допризывников, проживавших на хуторах и небольших населенных пунктах, по возможности применялся метод личного обучения.

Совещанием была предпринята попытка реанимировать идею о создании специальных ликвидационных пунктов в местах, где имелись группы в 15-20 неграмотных допризывников и "переменников"¹³. Создать удалось лишь немногочисленное количество таких пунктов; как и в предыдущие годы, реализация этой идеи была ограничена скудным финансированием по линии Наркомпроса. Следует отметить, что Центр по линии военного ведомства не выделял средств даже на ликвидацию неграмотности среди красноармейских кадров 96-го стрелкового полка.

В период проведения междусборов работы, при непосредственном участии представителей территориальной части, работа местных органов по ликвидации неграмотности среди военнослужащих приобретала качественную составляющую. К примеру, помощник по политической работе хозяйственной роты 96-го стрелкового полка о результатах междусборов работы с 19 по 30 ноября 1930 г. сообщал: "Ликвидация неграмотности и малограмотности среди переменного состава началась только по моему приезду. В селе Боаро и Орловском, где имеются много переменников, со-

зданы отдельные группы ликвидации неграмотности и малограмотности переменного состава¹⁴. В процессе междуборовой работы, представители от 96-го стрелкового полка уточняли количество подлежащих обучению грамоте, согласовывали с сельскими советами дни и время занятий военнослужащих по общим программам ликвидации неграмотности, разработанных в кантонах¹⁵.

По инициативе 96-го стрелкового полка, для организации постоянного контроля, за обучением допризывников и террармейцев, на местах был учрежден институт уполномоченных, представители которого обязаны каждые 5 дней в письменном виде сообщать о результатах и посещаемости занятий по ликвидации неграмотности среди переменного состава¹⁶.

Для привлечения военнослужащих-немцев к занятиям по ликвидации неграмотности, военные и местные органы использовали способы морального воздействия: организация товарищеских агитсудов, торжественные выпуски обучающихся, введение контрольных книжек грамотности. К отдельным "злостно уклоняющимся" от ликвидации неграмотности военнослужащим применялись меры административного воздействия¹⁷. Одновременно с этими мерами, для повышения качества обучения, на основании постановления Коллегии Наркомпроса РСФСР и РВС СССР от 10 сентября 1927 г., учителя-немцы привлекавшиеся к работе с военнослужащими премировались деньгами.

Самое большое привлечение военнослужащих-немцев к занятиям по ликвидации неграмотности происходило во время сборов переменного состава территориального полка. Длительность сборов не превышала двух-трех месяцев в году. На протяжении этого периода, ежедневно, в течение двух часов, во время внешкольной работы, террармейцы-немцы обучались грамоте¹⁸. Для этих целей, на период сбора Наркомпрос АССР НП командировал в 96-й Ленинградский стрелковый полк им. АССР НП преподавателей немецкого языка. Именно в это время процесс обучения красноармейцев-немцев грамоте был полностью под контролем военных структур.

Несмотря на широкомасштабность мероприятия, о качественном изменении ситуации с грамотностью среди военнослужащих-немцев говорить не приходится. В то же время сложившаяся ситуация позволяла командованию 96-го стрелкового полка отрапортовать вышестоящему командованию "о полной ликвидации неграмотности среди военнослужащих". Однако какая это была грамотность, красноречиво свидетельствуют цифры. К примеру, на 1 декабря 1930 г. в артиллерийском дивизионе 96-го стрелкового полка, укомплектованного на 98% красноармейцами-нем-

цами, грамотные военнослужащие составляли только 41,4 %, малограмотные - 57,7 %, неграмотные - 0,9 %¹⁹. Сравнивая эти показатели с показателями середины 1920-х гг. можно констатировать о существенном снижении реальной грамотности среди военнослужащих-немцев. Признавая недопустимость в дальнейшем такого положения, Политическое управление РККА объявило 1931 год "последним годом ликвидации неграмотности в армии"²⁰.

С начала 1930-х гг. и в последующие годы грамотность военнослужащих-немцев стала постепенно и неуклонно возрастать. Такие изменения стали возможны, во-первых, после устранения приоритетности кантонов в работе с неграмотными военнослужащими. В 1931 г. 96-й стрелковый полк был переформирован в 157-й стрелковый полк им. АССР НП 53-й Энгельсской стрелковой дивизии и "районирован" на всю территорию Немецкой Республики. Это позволило военным структурам взять полный контроль над проведением кампании по ликвидации неграмотности среди военнослужащих на всей территории немецкой автономии. Во-вторых, рост грамотности военнослужащих стал следствием развернувшейся в Республике немцев Поволжья форсированной кампании по "всеобучу" и "ликбезу". С конца 1920-х - начала 1930-х гг. в республике удалось увеличить процент охвата детей начальным образованием, реорганизовать среднюю школу, привлечь к ликвидации неграмотности взрослое население АССР НП, увеличить число преподавателей-немцев²¹.

С переходом, в 1939 г., от смешанного к кадровому принципу комплектования армии, кампания по ликвидации неграмотности среди военнослужащих нерусской национальности утратила свою остроту.

Таким образом, проводившаяся в 1924-1939 гг. кампания по ликвидации неграмотности среди военнослужащих-немцев, стала одной из форм командно-административного подхода при ликвидации неграмотности населения СССР. Разработанная в недрах политических органов Красной Армии программа повышения грамотности военнослужащих, в условиях территориального способа комплектования войск оказалась не приспособленной для обучения военнослужащих-немцев. Поэтому основная работа по ликвидации неграмотности военнослужащих-немцев Центральными органами была возложена на Республику немцев Поволжья, в то время как роль армии в этом процессе свелась к контролирующим и статистическим функциям. В целом обучение грамоте военнослужащих-немцев являлось составной частью общесоюзной кампании по ликвидации неграмотности и объективно способствовало росту грамотности взрослого населения АССР немцев Поволжья.

Примечания

- ¹ Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (далее - ЭФГАСО), ф. Р-482. Оп. 10/д. Д. 63. Л. 17.
- ² См.: Там же.
- ³ См.: Там же. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 235. Л. 123.
- ⁴ См.: Там же. Ф. Р-482. Оп. 10/д. Д. 52. Л. 5; Д. 106. Л. 1.
- ⁵ Там же. Д. 108. Л. 4.
- ⁶ См.: Там же. Ф. Р-888. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.
- ⁷ Там же. Ф. Р-482. Оп. 10/д. Д. 63. Л. 17.
- ⁸ Там же. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 235. Л. 123.
- ⁹ Там же. Ф. Р-482. Оп. 10/д. Д. 26. Л. 15.
- ¹⁰ Там же. Ф. Р-888. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.
- ¹¹ См.: Там же. Оп. 7. Д. 2. Л. 15, 16.
- ¹² См.: Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 16; Оп. 7. Д. 2. Л. 15, 16.
- ¹³ См.: Там же. Оп. 10/д. Д. 86. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 110. Л. 4, 5.
- ¹⁵ См.: Там же. Л. 14, 23.
- ¹⁶ См.: Там же. Л. 4, 5.
- ¹⁷ См.: Там же. Ф. Р-482. Оп. 10/д. Д. 63. Л. 17.
- ¹⁸ См.: Там же. Ф. 888. Оп. 4. Д. 8. Л. 247.
- ¹⁹ Подсчет произведен по материалам ЭФГАСО. Ф. Р-888. Оп. 1. Д. 110. Л. 28-31, 63-67.
- ²⁰ Директива ПУ РККА о ликвидации неграмотности и малограмотности в частях РККА и проведении Всевармейской культстафеты. № 9911 от 3 октября 1930г. // Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. Июль 1929 г. - май 1941 г. - М.: Воениздат, 1965. С. 118.
- ²¹ См. подробнее: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918 - 1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924 - 1941. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1994. С. 190-205.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

ЖИЗНЬ В ДИАСПОРЕ: ГОРОДСКИЕ НЕМЦЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Российские немцы в сегодняшних дискуссиях о диаспорах¹ фигурируют не часто. И все же, как нам уже приходилось писать², можно утверждать, что имеются все основания объединять их совокупность понятием “немецкая диаспора”, которое вполне отвечает основным критериям принадлежности к категории диаспор. Это утверждение, безусловно, приложимое к сельским немцам, на первый взгляд, кажется неприменимым к городским немцам. Цель статьи – исследовать особенности формирования и функционирования в среде городских немцев Сибири диаспорных институтов (церковь, школа, благотворительные общества и др.), а также изучить источники пополнения городского немецкого населения Сибири, динамику его численности, вероисповедный и социальный состав. Источниками для нас послужили как опубликованные материалы (различного рода справочная литература, памятные книжки и статистические сборники, воспоминания), так и архивные документы³. Хотя эти источники в определенной мере уже введены в научный оборот⁴, но в контексте проблемы диаспоральности⁵ они еще не рассматривались.

Первые немецкие жители появились в Сибири с началом ее освоения. Уже в XVII в. встречаются упоминания о немцах – служилых людях. Известно, что стольником в Березове в 1684 – 1685 гг. был “Михаил Иванович Франтор, немец”, а в Таре в 1676 – 1678 гг. “письменной головой” служил некий Кох. В середине XVII в. в Тобольске из 555 служилых 170 были иностранцами⁶. Немцы были в числе ссыльных военнопленных или добровольно поверстанных в военную службу “иноземцев” так называемого “литовского списка”, чаще называемых просто “литва”. В документах XVII в. для обозначения выходцев из стран западной и центральной Европы, кроме “немец” и “немчин”, встречаются и более конкретные определения: “немец Шкотской земли” (Шотландия), “немец Шветцкой (Свейской) земли” (Швеция), “немец Голанской земли” (Голландия), “немец Цесарской земли” (Австро-Венгрия), “немец Прусской земли” (Пруссия), “лифляндский немец”. По подсчетам Д.Я. Резуна, в составе “иноземцев”, находившихся на казачьей службе в Сибири в XVII в., “немчин” было 51 чел. (39,2%), “немцев” – 24 чел. (18,4%),

венгров – 10, шведов и греков – по 6, шотландцев – 3, голландцев, испанцев и латышей – по 1 чел. Немцы, в отличие от других представителей “литовского списка”, легко и без особых конфликтов вписывались в общественный и частный быт сибирской служилой среды⁷. Далеко не все из ссыльных иноземцев навсегда оставались в Сибири. Многие из них, особенно военнопленные, были здесь временными жителями и возвращались на родину вследствие заключения мира и “размена вязней”, т.е. взятых в плен. Но несмотря на отдельные случаи возвращения на родину ссыльной “литвы”, количество ее в Сибири всегда было значительно и к концу XVII в. еще более увеличилось. Вплоть до конца первой четверти XVIII в. “литва” служила в сибирских гарнизонах обособленно, а затем слилась с русским населением⁸.

Были среди ссылаемых в Сибирь и крупные политические фигуры. Так, после дворцового переворота 1740 г. в Пелым был сослан бывший регент и фаворит императрицы Анны Иоанновны Э.И. Бирон. По преданию, он жил в особом устроенном для него доме, получал значительное по тому времени содержание и “держал себя весьма гордо”, так что местный воевода, встречаясь с ним на улице, разговаривал, сняв шапку, и в доме его не решался быть без приглашения. Бирон “держал у себя верховых лошадей, часто ездил на охоту, имел многочисленную прислугу и ходил в бархатном зеленом полукафтани, подбитом и опушенном соболями”. Предание гласит, что он был высокого роста и очень красив собою. В 1742 г. Бирон был переведен в Ярославль, а его место занял фельдмаршал Б.Х. Миних, который жил вместе с женой и пастором Мартенсом “в двухэтажном доме с балконом; из дому не выходил, казался нелюдимым; но на балконе нередко видели старика, сухого, крепкого и бодрого. Днем он писал, чертил планы; часто ночной огонек показывал, что старик или молился или продолжал еще заниматься своими военно-историческими исследованиями, иногда же писал и гимны. Летом Миних работал в своем небольшом огороде, а зимою обучал детей грамоте; часто казался веселым и затосковал лишь тогда, когда потерял своего верного друга пастора Мартенса”. Воеводы боялись Миниха и давали ему некоторую свободу, но меньшую в сравнении с той, которой пользовался до него Бирон⁹. Одновременно с Минихом (в 1742 г.) был сослан в Березов фактически руководивший всей внутренней и внешней политикой при Анне Ивановне граф А.И. Остерман, за ним последовала его жена. Туда же был переведен пастор, бывший при Бироне. После смерти в 1747 г. Остермана пастор переехал в Ярославль, где учил немецкому языку основателя русского театра Ф.Г. Волкова¹⁰.

В 1799 г. по повелению императора Павла I сослан был на жительство в г. Курган известный писатель-драматург Август Коцебу. Он прожил здесь около года, “занимаясь хозяйством и чтением книг; имел некоторые зна-

комства с местными чиновниками, бывал в кругу их семейств и мужчин принимал у себя”. Коцебу оставил о себе в Кургане добрую память, а возвратясь на родину, издал на немецком языке “Записки” о ссылке в Сибирь, которые были переведены на русский язык и опубликованы в журнале “Русская старина”¹¹. Более тридцати лет провел в ссылке в Сибири барон В.И. Штейнгель, член тайного общества славян, участник восстания декабристов, друг братьев Бестужевых. В нем сибирские губернские власти имели одного из самых “опасных “протестантов” на свои злоупотребления”¹². Умерли в Сибири декабристы Х. Вольф и А. Фурман. Герой Бородинского сражения декабрист М. Фонвизин, отбыв восьмилетний срок каторжных работ, был оставлен в Сибири на поселение и умер через несколько месяцев после возвращения из ссылки¹³. Различные категории ссыльных пополняли немецкое население в крае вплоть до середины XX в.

Но регулярно немцы начали появляться в Сибири в XVIII в., когда правительство стало приглашать на службу иностранных специалистов, поскольку для решения тех задач, которые ставились перед страной Петром I, Россия не имела в своем распоряжении необходимого числа хорошо образованных специалистов. Немцы, по заключению американского политолога Дж. Армстронга¹⁴, были главной мобильной (“мобилизованной”) группой-диаспорой Российской империи в XVIII-XIX вв. Среди них он выделяет три подгруппы: дворянство, которое занималось военным делом и включалось в ряды бюрократии; экономически крепкое городское население, специализировавшееся на торговле; и образованных бюргеров – ученых и писателей, которые отдавали свои силы развитию науки и культуры. Связующим звеном между ними служила протестантская вера и церковь¹⁵. Все эти группы в той или иной степени были представлены и в Сибири.

Исключительно важной была роль немецких ученых и путешественников в исследовании и освоении необъятного сибирского края. Характеризуя XVIII в., достаточно назвать имена И.И. Георги, И.Г. Гмелина, Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, Г.В. Стеллера, И.Э. Фишера. В XIX в. изучение Сибири продолжили Ф.Е. Геблер, К.Х. Ледебур, А.А. Бунге, М.Н. Геденштром, А.Ф. Миддендорф, А. Ф. Гумбольд, Г. Розе, Х. Эренберг и др. В изучении языков, этнографии и древностей тюркских народов Сибири особенно велика заслуга Ф.В. Радлова¹⁶. Немцы играли заметную роль в деятельности сибирских отделов Императорского Русского географического общества (ИРГО), основанного и действовавшего при поддержке известных академиков, немцев по происхождению: Бэра, Струве, Крузенштерна, Гельмерсона, Врангеля, Даля, Кеппена, Берга и др. Уже в 1860-е гг. из 8 членов Сибирского отдела, созданного по инициативе якутского губернатора Ю.И.

Штубендорфа, трое были немцами (Н.Ф. Вертгейм, Е.А. Смиттен, А.Х. Фитингоф), к 1869 г. из 25 его действительных членов было 13 немцев, в 1873 г. из 68 действительных членов – 20 немцев и т.д. В Западно-Сибирском отделе немцы составляли в разные годы от 10 до 20% личного состава его членов. Из наиболее известных имен можно назвать доктора медицины О.К. Думберга, горного инженера Д.В. Кларка, семью Геблеров, исследователей гор и ледников Алтая¹⁷.

В руках немецких специалистов находилось управление и обслуживание горнорудной и металлургической промышленности Сибири. Так, первым руководителем казенных горных заводов на Алтае был бригадир А.Б. Беэр. В 1769-1779 гг. Колывано-Воскресенские заводы на Алтае возглавлял А.И. Ирман, в 1829-1836 гг. – Ф.Ф. Бегер, одновременно (1838-1840 гг.) выполнявший функции томского губернатора. В 1851-1857 гг. начальником Алтайских заводов был В.А. Бекман, также являясь одновременно томским губернатором. Из немцев формировался как высший слой специалистов, управлявших отдельными рудниками и заводами, каменноугольными копиями и т.п., так и управленцы среднего уровня.

Немцы – выходцы из германских княжеств и из Прибалтики – были широко представлены в составе управлявшего Сибирью чиновничества, от низших его слоев до высших. Только в числе гражданских губернаторов и генерал-губернаторов за два с лишним столетия, по подсчетам Л.П. Белковец, насчитывается около 50 немцев. Генерал-губернаторами Западной Сибири были Г.Х. Гасфорд (1851-1861 гг.), А.О. Дюгамель (1861-1866 гг.)¹⁸; томскими гражданскими губернаторами: Ф.А. Брин (1808-1810), Ф.Ф. Бегер (1838-1840), В.А. Бекман (1853-1856), Г.Г. Лерхе (1864-1866), А.И. Лакс (1888), Г.А. Тобизен (1890-1895), К.С. Нолькен (1905-1908), Н.Л. Гондatti (1908-1910)¹⁹; тобольскими гражданскими губернаторами: Б.А. Гериев (1801-1806), Ф.А. Брин (1810-1821 гг.), К.Ф. Энгельке (1840-1845), Д.Ф. Гагман (нач. XX в.)²⁰. Высокие и ответственные административные посты немцы занимали и в Восточной Сибири: генерал-губернаторов (И.Б. Пестель в 1806-1819 гг., В.Я. Руперт в 1837-1847 гг., П.А. Фредерикс в 1873-1879 гг., А.Н. Корф в 1884-1893 гг.); военных и гражданских губернаторов (Н.В. Буссе и А.А. Офенберг в Амурской области, К.Л. фон Фрауэндорф, А.И. Бриль, Ф.Н. Кличка, И.Ф. Ламб, И.Т. Нагель, К.К. фон Венцель, Г.Г. Штрандман и И.Б. Цейдлер в Иркутской губернии; П.Ф. Унтербергер в Приамурской; И.В. Фурругельм и Г.Ф. Эрдман в Приморской областях; Н.П. фон Дитмар в Забайкальской, Ю.И. Штубендорф и И.И. Крафт в Якутской областях и т.д.).

Были немцы также в числе воевод (Я. Бейтон, В.И. Дразман), комендантов крепостей (Б.К. Гельмерсен, И.А. Линеиман), вице-губернаторов (Е.Ф.

Бодунген, А.Ю. Цеддельман), командующих сибирскими пограничными линиями и военными округами (И.И. Веймарн, Г.И. Глазенап, П.А. Девиц, Ф.И. Дегарис, Х.Х. Киндерман, И.А. Клапье-де-Колонг, И. Крафт, Ф.Ф. Риддер, Е.О. Шмидт, И.И. Шпрингер, Д.Н. Юргенц). Не менее широко фигурировали немецкие имена в среднем звене сибирской администрации: председатели губернских и областных правлений, казенных палат, чиновники особых поручений, председатели и члены губернских, земских и окружных судов, городничие, казначеи, приставы, полицмейстеры, члены жандармского управления и т.п. (В.В. Гаупт, Е.В. Пфаффиус, Н.Р. Ребиндер, Б.В. Струве, Ф.К. Флюхрат и др.).

В высшем административно-управленческом аппарате Сибири немцы были представлены так широко, что это бросалось в глаза современникам. "Первое, что меня несколько озадачило, – писал прибывший на службу в Омск квартирмейстер Отдельного сибирского корпуса в 1858 г. генерал И.Ф. Бабков, – это иноплеменный состав высших начальствующих лиц; все они по происхождению принадлежали к иностранным народностям и в большинстве были иноверцы. Корпусный командир генерал Гасфорд, военный губернатор области сибирских киргизов, имевший свое местопребывание в Омске, генерал фон Фридрихс – оба немцы-лютеране, комендант крепости генерал де Граве и мой предместник генерал барон Сильвергейм – оба шведы-лютеране. Таким образом, по приезде в Омск, я сразу попал в какую-то немецкую колонию"²¹.

Большинство немцев из числа высшего чиновничества было образованными людьми и хорошими профессионалами и внесли важный вклад в развитие многих сфер жизни Сибири. Весьма красноречивые подтверждения этому дают сохранившиеся свидетельства современников. Основавший вторую Омскую крепость²², командир войск Сибирского корпуса (1763-1771) генерал И.И. Шпрингер, образованный для своего времени человек, всячески "поощрял среди офицеров чтение и занятия искусствами", учредив "оперный дом", где "чинили представления разных трагедий и комедий"²³. Генерал-майор Г.Г. Штрандман основал в Омске в 1789 г. училище азиатских языков для подготовки переводчиков²⁴. Много для Сибирского казачьего войска сделал первый командир отдельного Сибирского корпуса Г.И. Глазенап (1815-1819 гг.), учредивший ланкастерские школы для начального обучения грамоте нижних чинов, и войсковое казачье училище в Омске²⁵.

"Талантливым администратором и очень образованным по тому времени человеком" был Г.Х. Гасфорд²⁶. В годы его генерал-губернаторства и командования отдельным Сибирским корпусом к Российской империи были

присоединены Заилийский край и другие территории, возникли новые поселения и среди них – Верное (Алматы). При его участии на Иртыше получило развитие пароходство, было открыто около 200 церквей, во многих селах учреждены приходские училища, а в городах – женские школы. По инициативе его жены в Омске основан приют “Надежда” для детей-сирот²⁷. Добрую славу о себе оставили томские губернаторы Г.А. Тобизен и Н.Л. Гондатти. В губернаторе Н.Л. Гондатти, по словам горожан, видели не только власть надзирающую, но и власть руководящую и содействующую. Он поддерживал ходатайство городской думы о проведении железной дороги через Томск, помог в получении займа на школьное строительство, в учреждении Сибирских высших женских курсов. Н.Л. Гондатти принадлежат ученые труды по этнографии и антропологии народов Севера. Вслед за Г.А. Тобизеном Н.Л. Гондатти был удостоен Томской городской думой звания Почетного гражданина города Томска²⁸.

Второй иркутский губернатор (1767-1776), А.И. Бриль был “человек, доступный всякому, скромный и рассудителен в делах”. При нем был учрежден оспенный комитет и открыта ярмарка, происходившая два раза в год. Им было, кроме того, “подтверждено уничтожение хмельников, по укрывательству в них воров, наблюдение о чистоте улиц и штраф с бродячего скота”²⁹. “Оставил в Иркутске по себе славу доброго и справедливого начальника” генерал-майор Ф.Н. Кличка (1779-1783 г.), который “принимал и выслушивал всех ласково и благосклонно; словесные и письменные просьбы решал без отлагательства и мздоимства; ссоры и споры старался прекращать дружеским и чрез посредников; смотрел внимательно и наблюдал за скорым и справедливым решением дел в судах; помогал сиротам и неимущим, поощрял торговлю и, словом, – говорит летопись, – благоразумием, добротой и благонамеренностью напечатлел в сердцах иркутских жителей надолго о себе славное воспоминание...”. При нем 22 сентября 1782 г. было открыто училище для детей всех сословий, и ему же Иркутск обязан основанием публичной библиотеки и строительством для нее каменного двухэтажного здания. Когда Кличка покидал Иркутск, “чиновники и граждане иркутские устроили ему радужные проводы” и “прощались с ним со слезами...”, провожая его вплоть до Тулуна (за 363 версты)³⁰. Пришедший на смену Кличке И.В. Ламб оставил о себе память как “человек редких качеств”, “добрый, честный и безукоризненный”³¹. При военном губернаторе Г.Э. Штрэндмане, управлявшем Сибирью с 1789 по 1800 г., было открыто и разработано несколько серебряных, медных и железных рудонахождений, проложены новые торговые пути, сооружено несколько церквей и построено, по его плану, 48 редутов на пограничной китайской линии. В июне 1801 г. он пред-

ставил императору Александру I докладную записку о Сибири и ее нуждах³². Сменивший Штрэндмана Б.Э. Леццано “облегчал участь несчастных, которые толпами ссылались в Иркутск, ...был за них ходатаем и, что важнее, – ходатаем не безуспешным: чрез него многие увидели свой кров родной!” О нем В.И. Штейнгель писал, что это “был человек гордый, надменный и сухой в обращении, но был честен, добр и бескорыстен...”³³.

Разумеется не все губернаторы-немцы оставили о себе столь однозначно позитивную память. Так, управлявший Иркутской провинцией с 1740 по 1752 гг. вице-губернатор Ланг сначала “усердно занимался делами управления, был снисходителен и добр ко всякому, искавшему у него покровительства и защиты; но потом, вверившись некоторым из своих подчиненных служащих, ... предался бездействию, вскоре открылись разные беспорядки в делах...; бедные терпели притеснения оттого, что нечем было откупиться, а богатые посредством подарков всегда были правы и пользовались милостью начальства; умножились воровство и грабежи, ... а сыску не было; хотя воров неоднократно ловили, но виновных не оказывалось; сборы казенные были запущены; оброчные статьи отдавались дешевыми ценами, а подряды высокими”³⁴. Первый иркутский губернатор (1765-1767 гг.) К.Л. фон Фрауэндорф, напротив, был, по словам летописца, “в делах скор и строг, но не рассудителен и всегда держал сторону тех, которые успели прежде отнестись к нему с просьбою; канцелярских служителей за неисправность приказывал бить палками, а за пьянство надевал на шею ставень, старался о соблюдении чистоты и выправке городских улиц”³⁵. Фрауэндорф “крепкою рукою принялся за устройство города, что жителям поначалу было в тягость, а после сами признали все это за полезное”³⁶. Томский губернатор В.А. Бекман, по характеристике Г.Н. Потанина, “был губернатором для собственного удовольствия”, “ездил по губернии, рассматривал с любопытством странные явления природы, интересовался нравами жителей и улыбался приятно, когда жаловались мужики и рассказывали возмутительные истории...”³⁷.

Другие правители Сибири и вовсе оставили о себе дурную славу. “Пышно-весело жил” “сатрап-сибарит”, по меткой оценке декабриста В.И. Штейнгеля, первый генерал-губернатор Иркутский и Кольванский и наместник Сибири П.И. Якоби³⁸. “В памяти жителей надолго остались его пиры и в городе, и на Верхоленской горе, и на его даче, находившейся на берегу Иркутки, против Синюшиной горы. Здесь в большом деревянном доме пиры длились по несколько дней, на ближнем острове Иркутки пускались фейерверки, а вся дорога до города по ночам освещалась смоляными бочками...” Якоби положил начало череде правителей, прозванных бароном В.И. Штейнгелем “сибирскими сатрапами”³⁹. Уволенного и преданного суду Якоби сменил

И.А. Пиль (1789-1796), "человек строптивый, капризный и вообще в Иркутске нелюбимый"⁴⁰, за Пилем следовал Б.Б. Леццано, который был "несколько лучше других", но и при нем "губерния наполнилась негодями, нищими, начались воровства, убийства, разбои...", и он покинул Иркутск, чтобы "предстать перед судом Сената". Особенно "тяжелую и недобрую память" о себе оставил в Сибири генерал-губернатор И.Б. Пестель, правление которого "отличалось крайним произволом", а его отличительными чертами были "крайнее себялюбие, страсть к произволу, потворство своим любимцам, немолчаливая мстительность". Данный на его имя Высочайший рескрипт обязывал его... "положить пределы злоупотреблению должностей и ввести в управление их соревнование и любовь к порядку, коего наиболее там не доставало...". Однако Пестель, проведя в Иркутске всего неделю, в течение 10 лет управлял огромным краем из Петербурга, предоставив назначенным им губернаторам неограниченную свободу действий, которой они непомерно злоупотребляли, особенно прославился иркутский губернатор Трескин, "деспот и самодур", наживший "взятками десятки миллионов"⁴¹.

В литературе и воспоминаниях сохранилась память о тяжелых злоупотреблениях властью Томского губернатора Г.К. Лерхе, снискавшего себе славу тупого и жестокого чиновника, самодура и деспота, казнокрада и развратника⁴², "ненасытного любителя женского тела"⁴³. О его правлении находившийся в ссылке в Томске революционер-разночинец В.В. Берви-Флеровский писал: "Я нашел в народе крайнее озлобление против администрации. Управление было до такой степени произвольное и безобразное, что все были ожесточены, начиная от чиновников и купцов и кончая крестьянами". Особую жестокость губернатор проявил по отношению к ссыльным революционерам. "Во время моего пребывания в Томске, — вспоминал В.В. Берви, — губернатор пересек образованных поляков, даже не лишенных дворянских прав за то, что они, жалея своих жен и детей, умиравших от слишком больших переходов, настаивали на отдыхе"⁴⁴.

Наряду с чиновничеством, немцами укомплектовывались штаты специалистов губернских, областных и уездных управлений: инженеров-строителей, архитекторов, фармацевтов, врачей, ветеринаров, служащих управления путей сообщения, губернского статистического комитета, почтово-телеграфного и других ведомств⁴⁵. В Томске, например, в начале XX в. в канцелярии губернского управления строительный, первый и тюремный отделы возглавляли немцы А.И. Лангер, В.Е. Мейер, А.Э. фон Гофланд. Значительную долю немцы составляли среди служащих в различных конторах почтово-телеграфной (Ю.Ю. Вейс, К.И. Рутенберг, Э.С. Вальтер), торговой (В.П. Штейнфельд, К.Р. Эрман) и т.д.⁴⁶.

Возможность иметь в Сибири достойное материальное обеспечение, пользоваться за свой труд почетом и уважением сограждан (учителя получали не только чины и награды, но и значительные прибавки к жалованью за сверхурочные часы, за должности классных наставников, за выслугу лет в Сибири) привлекала сюда как выпускников российских вузов — Москвы, С-Петербурга, особенно Юрьевского (Дерптского) университета, так и тех, кто получил образование в западных университетах и семинариях: Лютийского королевского Атенеума, Боннского, Лейпцигского, Брюссельского университетов. Многие учителя немецкого и французского языка имели иностранное подданство⁴⁷. Например, в Томске учителями немецкого языка в Алексеевском реальном училище являлись статский советник В.А. Геблер, Г.Э. Иоганзен, в Мариинской женской гимназии — В.В. Граве, М.К. Риспе, О.П. Фризель; в коммерческом училище — А.Р. Фридман. Среди преподавателей и сотрудников Томского императорского университета и Технологического института фигурируют имена Б.П. Вейнберга, Н.А. Гезехуса, Э.В. Диля, Ф.К. Крюгера, Э.А. Лемана, М.А. Рейснера, Г.Г. Тельберга⁴⁸, Ф.Ф. Гута, Э.Э. фон Шульмана, проф., Г.Э. Иоганзена, П.Л. Билефельда, А.И. Бинерта, А.К. Глейе⁴⁹.

Городское немецкое население пополнялось и за счет предпринимателей. С началом развития золотопромышленности характер относительно массового явления приняла запись принимавших российское подданство иностранцев в купечество городов, являвшихся резиденциями золотопромышленников. Так, в томское купечество в течение 1840-х гг. причислилось 2 чел., в красноярское в 1840-50-х гг. — 7 чел. Основным занятием этой группы купцов являлась служба в правлениях крупных золотопромышленных компаний⁵⁰. До середины 1890-х гг. в Сибирь шла миграция капиталов отдельных немецких предпринимателей. В 1864 г. во Владивостоке возникла германская торговая фирма "Кунст и Альберс", имевшая филиалы в 18 городах Сибири⁵¹. В Енисейской губернии золотыми приисками владели Г.А. Пецольд, Р. фон Бранденштейн, А.О. Рач, торговый дом "Артур Мортон в Кольмаре" (Эльзас). А.В. Даттан и Г.В. Дикман вели добычу золота и бурого угля в Уссурийском горном округе. В 1896 г. директор немецкого банка Г.Г. Сименс образовал Русское товарищество для производства золота и горного промысла⁵². В 80-х гг. XIX в. в Томске был основан завод по производству сухих дрожжей Густава Ганцгутера⁵³. В 1876 г. германский подданный Карл Крюгер открыл в Томске пивоваренный завод, который в 1895 г. был продан однофамильцу Роберту Крюгеру, реконструировавшему завод и превратившему его в крупное предприятие фабричного типа. К 1912 г. пивоваренный завод Р.И. Крюгера имел свои филиалы и склады в 11 населенных пунктах Западной Сибири⁵⁴.

После постройки Транссибирской железнодорожной магистрали внимание иностранных предпринимателей к Сибири усилилось. Германия поставляла в регион промышленные двигатели, оборудование для пивоварен, типографий. В первое 10-летие XX в. здесь было открыто множество филиалов различных германских фирм, сюда прибывали их агенты, коммивояжеры. В Томске, например, прочные позиции на рынке услуг вплоть до начала Первой мировой войны удерживало отделение немецкого торгового дома "Штоль и Шмит", которое реализовывало аптекарские, москательные и парфюмерные товары. Инженеры Э.О. Веккер и Ц.Ц. Любинский (поляк) основали фирму, занимавшуюся проектированием и возведением железобетонных построек, фундаментов, изготовлением труб всевозможных размеров и сечений. 7 из 10 колбасных предприятий г. Томска в 1908-1910 гг. также принадлежали немецким владельцам⁵⁵.

Однако до конца XIX в. концентрировавшееся в значительной мере в городах немецкое население Сибири, судя по статистическим данным о вероисповедном составе населения региона (более 2/3 немцев, проживавших здесь, принадлежали к протестантским исповеданиям), оставалось немногочисленным (см. табл. 1 прилож. 1). Так, например, в Иркутской губернии в 1861 г. протестантов было лишь 126 человек (0,03%), из них в городах – 105 (83,3%), в том числе в Иркутске – 90 (71,4%)⁵⁶, увеличившись к 1886 г. до 410⁵⁷. В Томской губернии в 1866 г. насчитывался 121 протестант, в 1869 г. – 262, из них 63 (24,0%) жили в городах. В Акмолинской области в 1887 г. протестантов было 325, из них в городах – 323 (99,4%)⁵⁸.

Наиболее многочисленным было протестантское население Тобольской (1869 г. – 3483 чел., 1884 г. – 4850)⁵⁹ и Енисейской губерний (1861 г. – 1017 чел.), которое, в отличие от Томской и Иркутской губерний, было преимущественно сельским. Так, в 1861 г. горожане составляли немногим более 2% (23 чел.) всех протестантов, проживающих в Енисейской губернии⁶⁰. Причем основную массу сельских жителей, принадлежащих к протестантским исповеданиям, составляли в этих двух губерниях не немцы, а латыши, эстонцы и финны⁶¹. Крайне мало было протестантов в Якутской области: в 1863 г. в Якутске – 10, в 1870 г. в целом по области – 25 (из них в Якутске – 16); в 1898 г. – 40, в 1901 г. – 32, 1905 – 24. Причем все они, судя по опубликованным статистическим материалам, были немцами⁶².

Абсолютное большинство немецкого населения Сибири, как свидетельствуют данные переписи 1897 г., более 85%, были протестантами (лютеранами). Доля католиков и православных была примерно равной – около 9%. Но в разных регионах наблюдались небольшие колебания в соотношении

протестантов, католиков и православных: соответственно в Тобольской губернии – 5,8%, 8,0%, 2,1%; в Томской – 10,1%, 5,0%, 0,3%; в Енисейской – 86,15%, 5,07%, 8,7%; в Забайкальской – 81,9%, 7,6%, 9,3%; в Амурской – 80%, 11,1%, 7,4%, 1,5%; на острове Сахалин – 85%, 7,9%, 6,4%, 0,4%. Немногим отличался вероисповедный состав городского немецкого населения: 85,6% – протестанты, 6,7% – католики, 5,7% – православные, около 2% – другие исповедания. По губерниям соответственно: Тобольская – 82,1%, 4,6%, 6,9%, 6,4%; Томская – 89,2%, 6,2%, 3,8%, 0,7%; Енисейская – 79,5%, 8,5%, 12%; Амурская – 78,1%, 15,6%, 4,2%, 2,1% (см. табл. 11 прилож.1). В Омском уезде Акмолинской области почти все немцы были протестантами – свыше 99%, в том числе в Омске – 94%⁶³.

Всего в конце XIX в. (1897 г.)⁶⁴ немцев (по языку) в Сибири было около 5,5 тыс. (5424) человек⁶⁵, а включая Омский уезд Акмолинской области, где проживало 3315 немцев – 8739 чел. В Томской губернии жило 1430 немцев, Тобольской – 1120, Енисейской – 946, Иркутской – 607, Приморской – 603, Забайкальской – 237, Амурской – 135, Якутской – 17, на острове Сахалин – 267. Значительную их часть составляло городское население: от 26-27% (Забайкальская область и Енисейская губерния) до 55% в Приморской и 71% в Амурской областях. Но в составе всего населения Сибири доля немцев была невелика – 0,15%. И среди горожан их было немного – 0,5%, за исключением Омска – 1,17% и Сахалина – 1,29% (см.: табл. 2 прилож.1).

Протестанты занимали первое место в Сибири по уровню грамотности. В Томской губернии, например, грамотными были свыше 69% протестантов (ср.: иудеи – 50,3%, католики – 38,5%, православные – 10,3%)⁶⁶. Причем высокий уровень грамотности был одинаково присущ как мужчинам, так и женщинам. У протестантов (и немцев в их числе) была также значительная доля получивших образование выше начального, а также доля грамотных по-русски (см. табл. 1):

Таблица 1. Грамотность немецкого (по языку) населения Сибири (1897 г.)

	Грамотных по-русски				Грамотных на других языках				Получивших образование выше начального			
	Муж.	%	Жен.	%	Муж.	%	Жен.	%	Муж.	%	Жен.	%
в городах	530	41,7	271	41,6	154	12,1	75	11,5	366	28,8	168	25,7

Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т.2.С. 69.

По своему сословному составу немцы (по языку) распределялись следующим образом: свыше 48% принадлежали к сословию крестьян, около 17% – мещан, более 9% – дворян, 0,9% – купцов, 6,5% имели иностранное подданство. Среди городских немцев сословный расклад был несколько иным: мещанское и крестьянское сословия были представлены почти одинаково – 27,7%, 26,8%, намного выше была доля лиц, принадлежащих к дворянско-купеческому – 2,3% сословиям, а также имеющих иностранное подданство – 13,1%. Самый высокий процент (69,8%) крестьян зафиксировала в Тобольской губернии и здесь же – самый высокий процент мещан среди горожан (41,3%). Обращает на себя внимания также то, что почти 60% немецкого населения Сахалина были отнесены к “другим сословиям”, куда включались ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы (см. табл. 12 прилож. 1).

Немцы были представлены во всех основных видах занятий. Но более всего их было занято в промышленности: самый высокий процент – в Енисейской губернии – 51,8%, в городах – 39,9%, самый низкий – в Амурской области, соответственно 23 и 26 %. Значительной была прослойка занятых в торговле, причем в городах более чем в 2 раза больше, чем в целом по губерниям и областям: в Тобольской – 4,3 и 10,4 %, в Томской – 7 и 14,5 %, Енисейской – 3,9 и 8,5 %, Забайкальской – 4,2 и 8,1 %; исключение – Амурская область, где доля занятых в торговле была особенно высока, распределяясь примерно одинаково в целом по региону и в Благовещенске: 16 и 14,6 %. Сравнительно много немцев было занято на различных видах транспорта и связи, причем в городах этот процент был выше, соответственно: в губерниях Тобольской – 3,5 и 6,4 %, Томской – 6,7 и 7,9 %, Енисейской – 7,1 и 12,0 %; в областях Забайкальской – 9,3 и 11,3 % и Амурской – 16,3 и 18,7 %. Относительно высоким оставался уровень занятых в сельском хозяйстве, более всего – в Тобольской губернии (43,5%), менее всего – в Забайкальской области (1,6%); в городах занятых сельским хозяйством было немного: 3,1% в Енисейской губернии, 2,3% – в Тобольской, 0,4% – в Томской. Занятость так называемыми свободными профессиями, напротив, была выше среди горожан, чем в целом по регионам: Тобольская губерния 3,1 и 8,7%, Томская – 5,7 и 14,1%, Енисейская – 3,3 и 8,9%, Забайкальская область – 9,3 и 19,3%, Амурская – 10,4 и 12,5%. В городах была также выше доля занятых частной службой и прислуги. Чиновники и военные, доля которых среди немцев была сравнительно невелика, также жили преимущественно в городах (см. табл. 12, прилож. 1).

Перепись зафиксировала значительные по численности группы людей, в том числе немцев, занятия которых были порождены новыми сферами ка-

питалистического хозяйства (различные отрасли промышленности, железные дороги, новые средства связи и т.п.) и не могли быть порождены сословным делением⁶⁷. Сравнение распределения немцев по сословиям и основным видам занятий, традиционно присущих этим сословиям, свидетельствует о их несопоставимости, отражающей результаты разложения в их среде сословного слоя. Так, группа чиновников и военных, которая формировалась преимущественно из дворян, была относительно невелика: немцами более 2% в среднем по пяти рассматриваемым регионам и около 5% в городах, в то время как дворяне составляли более 9% немецкого населения Сибири и свыше 21% немцев-горожан. Сельским хозяйством также занималось намного меньше немцев, чем их числилось в крестьянском сословии.

Со второй половины 1890-х гг. численность немецкого населения в Сибири, особенно сельского, быстро возрастает, появляются и новые источники его пополнения. Самым массовым было переселение немцев-колонистов, начавшееся в 1890-е гг. и закончившееся перед Первой мировой войной. Основными районами немецкой крестьянской колонизации являлись Акимолинская область, Томская и Тобольская губернии. К 1915 г. в Барнаульском, Змеиногорском, Каинском и Томском уездах Томской губернии численность немцев-колонистов составляла 36 тыс. чел., в Акимолинской области – 27 тыс. (из них в Омском уезде – около 17 тыс.), в Тобольской губернии, преимущественно в Тарском и Тюкалинском уездах, около 5 тыс. Всего к 1915 г. в сельской местности Западной Сибири, по подсчетам П.П. Вибе, проживало более 80 тыс. немцев-колонистов⁶⁸.

В составе ссыльных немцы представляли сравнительно небольшую по численности группу. В Нарымском крае, например, в 1908 г. ссылку отбывали 23 немца (3,4% всех ссыльных)⁶⁹. В целом по Сибири, по данным Н.Н. Щербакова, “прочие” (в числе которых немцы были подсчитаны вместе с литовцами, эстонцами, чехами, австрийцами, французами и др.) составляли среди политических ссыльно-поселенцев в 1908-1910 гг. – 5,1%, 1911-1914 гг. – 6%, 1915-1916 гг. – 7,1%; в составе политических заключенных Нерчинской каторги в 1908-1910 гг. “прочих было 10 человек (2,5%); среди административно-ссыльных их доля составляла в 1906-1909 гг. – 7,0%, 1913 г. – 2,6%, в 1915 г. – 4,2%⁷⁰.

За счет этих источников немецкое население в Сибири многократно выросло. Так, протестантское население Томской губернии с 1897 по 1912 г. выросло с 1430 до 17655 чел., т.е. в 12,5 раз, в том числе городское – с 709 до 2747 (рост в 3,5 раза). В 1915 г. в Томской губернии насчитывалось уже 21667 протестантов, но городское протестантское население не увеличи-

лось – 2744. Это привело к кардинальным изменениям в соотношении городской и сельской составляющей среди протестантов. Если в 1883 г. горожане составляли почти 93%, а в 1897 г. – 49,5%, то уже в 1903 г. на их долю приходится лишь около 30%, а в 1910 г. и того меньше – 9,73%. В последующие годы зафиксирован рост доли горожан – 15,2% в 1911 г. и – 15,6% в 1912 г. (см.: табл. 1, 6, прилож. 1).

Стремительно росла численность протестантов (в том числе и немцев) и в других регионах Сибири: в Тобольской губернии с 1120 в 1897 г. до 18842 в 1913 г., т.е. в 16,8 раза, в том числе горожан, соответственно: с 346 до 660 – в 1,9 раза. При этом доля горожан среди протестантов оставалась невысокой – 5-6%, только в 1904 г. превысив 9%, а к 1913 г., напротив, снизившись до 3,5% (см.: табл. 1, 5, прилож.1). В Енисейской губернии с 1896 по 1915 г. численность протестантов увеличилась с 3664 до 14703, т.е. в 4 раза, почти так же выросла и численность в их среде горожан – с 550 до 2105, однако процент горожан в составе протестантов остался прежним: 15% в 1896 г. и 14,3% – в 1915 г. (см.: табл. 7, 8, прилож.1). Увеличилось протестантское население и на Дальнем Востоке. Так, в Приморской области оно выросло с 600 до 3238 чел. в 1913 г., т.е. в 5,4 раза, в том числе городское – с 330 до 2389, более чем в 7 раз. Высокой осталась и доля горожан среди протестантов (см.: табл. 1, 2 прилож.1).

В Омском уезде Акмолинской области протестантское население возросло с 2862 в 1897 г. до 29862 чел. в 1914 г. (рост более, чем в 10 раз), в Омске – с 411 до 3931, т.е. в 9,6 раза. Численность немцев в Омском уезде увеличилась с 2878 до 16808 чел., т.е. в 5,8 раз, а в Омске – с 437 до 3390, т.е. в 7,8 раза, составив в уезде 6,65% всего населения, в Омске – 2,4%. Немцы по-прежнему преобладали среди лютеран, составляя 96,7% в Омске, а в уезде их численность была даже выше, чем лютеран вообще. Это означает, что в их среде были также католики и представители других конфессий (см. табл. 4 прилож.1). Кроме Омска, немцев было сравнительно много, по сведениям на 1910 г., в Красноярске – 2363 (3,5% всех жителей), в Томске – 1428 (1,3%), Иркутске – 984 (1,3%) и в Хабаровске – 944 (2,3%) (см. табл. 3, прилож.1).

В годы Первой мировой войны немецкое население Сибири пополнялось за счет военнопленных, беженцев и “выселенцев” из прифронтовых районов. По неполным данным, на 1 (14) января 1917 г. в Омском военном округе находилось 199077 военнопленных, в Иркутском – 135594, в Приморском – 47191⁷¹. Подавляющее их большинство (свыше 99%) составляли военнослужащие армий Австро-Венгрии и Германии⁷². Среди них особенно высок был процент австрийцев, немцев и венгров, которых царские

власти считали более опасными, чем военнопленных других национальностей и размещали преимущественно за Уралом, в то время как пленных славян, как правило, оставляли в европейской части страны⁷³.

В связи с тем, что многие западные районы страны были объявлены на военном положении или положении чрезвычайной и усиленной охраны, происходило массовое выселение немцев из прифронтовой полосы по подозрению в шпионаже (как и поляков, евреев, украинцев и др.). По пункту 17 “Правил о местностях, объявленных на военном положении”, командующие военными округами или губернаторы этих местностей высылали всех подозрительных лиц в отдаленные районы страны без срока до окончания военного положения. Были интернированы 250 тыс. граждан Германии и 80 тыс. граждан Австро-Венгрии, живших на момент начала войны в России. Кроме того, из Восточной Пруссии осенью 1914 г. были депортированы 11 тыс. гражданских лиц. Часть их была выслана в Сибирь и размещена в местах политической ссылки⁷⁴, где, по неполным данным, с 1914 по 1916 г., главным образом в Нарымском и Туруханском краях, отбывали ссылку свыше 8,2 тыс. высланных административным порядком на основании военного положения⁷⁵.

Когда в начале 1915 г. в Томскую губернию был направлен флигель-адъютант Е.И.В. подъяесаул Б.А. Михеев для инспектирования положения военнопленных и интернированных, он обнаружил там высланных из Восточной Пруссии в августе 1914 г. немцев и евреев по подозрению “в политической неблагонадежности и в доставлении неприятелю военных сведений...”. К февралю 1915 г. в Барнауле содержалось 137 муж., 21 жен. и 35 детей, в Ново-Николаевске – 63 муж., 5 жен. и 8 детей. Много интернированных было в Кольвани, куда Михеев не смог проехать из-за непогоды. Все высланные находились в ведении военных властей и содержались так же, как военнопленные солдаты, в очень тяжелых условиях. Так, в Ново-Николаевске, в здании Романовского реального училища, где были размещены 760 человек, как сообщал Михеев: “кроватей и нар нет, спят на полу. Для подстилки сделаны соломенные маты... Женщины и дети размещены в особой комнате отдельно от мужчин, но как для женщин, так и для мужчин одна уборная во дворе”. В Барнауле выселенцы размещались в частном доме “до невозможности тесно и скученно, причем им устроены 2-ярусные нары. ...Воздуху нет; женщины, девушки и дети помещены хотя и отдельно, но так, что доступ мужчинам туда свободен... Уборная одна общая для всех, что крайне смущает женщин...”. Докладывая о результатах своей командировки Николаю II, Михеев отмечал, что среди местных жителей выселенных из Восточной Пруссии называют “вольнопленные”. “Лица этой категории военнопленных, – констатировал он, – ничего не имеют с собою, кроме того, что

надето на них, так как, будучи взяты в плен на полях во время работы или на улицах городов, сел и деревень, они сейчас же препровождены были внутрь России. Положение их очень тяжелое, особенно женщин и детей... Я был засыпан жалобами и претензиями на неправильное их задержание, высылку, тяжелое их положение и т.п."⁷⁶. К осени 1916 г. в Акмолинской области было размещено 180 гражданских пленников, высланных из Восточной Пруссии, из них 134 – в Омске⁷⁷.

Особо опасными были признаны немцы-колонисты Волынской и других юго-западных губерний, которых депортировали в тыл "под надзор полиции". Одной из тех губерний, которые были предназначены для водворения немцев-колонистов, высланных из района Юго-Западного фронта, была Томская. Здесь предусматривалось разместить около 4000 чел.⁷⁸ Так, 26 июля 1916 г. из Киева в Новониколаевск для водворения в г. Колывань был отправлен поезд с 333 высленцами-колонистами, 6 августа со станции Костополь в Новониколаевск проследовала еще одна партия высленных немцев – 69 душ⁷⁹. 26 августа 1916 г. газета "Сибирская жизнь" сообщала, что первая партия в количестве 320 человек уже прибыла и отправлена местными властями в г. Колывань. Всего на жительство в Колывань было назначено 600 человек⁸⁰.

Среди беженцев в Сибири доля немцев не была значительной. Более всего их сосредоточилось в Томской и Тобольской губерниях: на 1 февраля 1917 г. соответственно – 1111 (3,8% всех беженцев) и 622 (3,4%). А всего в Сибири в это время немцев-беженцев официально числилось – 1851 чел. (2,7%) (см. табл. 9, 10, прилож. 1).

Таким образом, в основном в результате крестьянской миграции, а также за счет депортации и вынужденного бегства из западных губерний в годы войны доля немцев в общей массе населения Сибири возросла с 0,15% в 1897 г. до 1,3% в 1920 г.⁸¹

Поддержание и воспроизводство немецкой диаспоры в России достигалось наличием системы социальных институтов, основным их элементом в XIX – начале XX в. служили религиозные общины, которые стимулировали деятельность различных образовательных, благотворительных, культурно-просветительных институтов. Сибирь, отражая общие черты, имела и свою специфику.

Формирование здесь лютеранских приходов и учреждение пасторских должностей было связано с приглашением иностранных специалистов. Старейший в Сибири самостоятельный лютеранский приход с собственным пастором на Алтае был учрежден в 1750 г. (по другим сведениям – в 1751 г.)⁸², т.е. после того, как туда в 1737 г. прибыла большая группа ино-

странцев – знатоков горного дела. Одновременно для их детей была организована горнозаводская школа⁸³. Увеличение числа служащих инославного исповедания, вызванное строительством в середине XVIII в. Пресногорьковской и Колывано-Воскресенской оборонительных линий, привело к возникновению лютеранских приходов в гарнизонах. В 1767 г. были учреждены должности полевых (позже дивизионных) лютеранских проповедников в административных центрах (Иркутске, Тобольске, Оренбурге). Казна начала финансировать строительство и содержание молитвенных домов и церквей лютеран. Известно, что первым на государственный счет был выстроен деревянный молитвенный дом в 1786 г в Барнауле, в 1792 г. – кирха в Омске, которая хотя и была построена на средства прихожан-военных, в дальнейшем также получала государственную поддержку со стороны военного министерства⁸⁴, в 1826 г. началась постройка лютеранской деревянной церкви в Иркутске⁸⁵.

В начале XIX в., с созданием централизованной системы управления Евангелическо-лютеранской церковью в России, окончательным оформлением Генеральной консистории (1819 г.), созданием консисториальных округов, утверждением Устава церкви (1832 г.), оформились лютеранские приходы из числа постоянных жителей в Сибири: в Тобольске, Томске, Барнауле, Омске, Иркутске. В XIX в. здесь уже имелись каменные лютеранские кирхи, построенные взамен деревянных: в Омске с 1792 г., Барнауле – 1861 г.⁸⁶, Иркутске – 1864 г., Томске – 1864 г.⁸⁷ Лишь в Тобольске оставалась деревянная церковь, возведенная в 1860 г. Эти административные центры стали и местом пребывания лютеранских пасторов⁸⁸.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в связи с присоединением новых территорий (Дальний Восток) и началом массовых переселений немецких колонистов в Сибирь произошли изменения и в организации лютеранских приходов. Так, в 1865 г. был учрежден приход в Амурской и Приморской областях, которые до этого находились в ведении иркутского пастора⁸⁹. В 1903 г. был образован приход в Новониколаевске⁹⁰. В 1908 г. Омский приход был поделен на три части: Омский, св. Петра (включал Акмолинский уезд, центр прихода в Акмолинске) и св. Иоаннеса (для жителей немецких поселков Александровской волости Омского уезда с центром в с. Александровка). В 1890-е гг. в связи с тем, что количество лютеран-военнослужащих значительно сократилось и преобладающим стало гражданское население, были окончательно ликвидированы должности дивизионных проповедников⁹¹.

По состоянию на 1908 год в Сибири имелось 7 протестантских (евангелическо-лютеранских и реформатских) приходов (Тобольский, Омский,

Томский, Красноярский, Иркутский, Забайкальский, Амурско-Приморский). Резиденциями пасторов были, соответственно: Тобольск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита, Благовещенск⁹².

Пасторы Сибири были высокообразованными людьми – выпускниками богословского факультета Дерптского университета, владели несколькими языками. Кандидат богословия при сдаче экзамена на право занятия места пастора в приходе, кроме испытаний по богословским наукам, проходил аттестацию по педагогике, особенно по методике начального обучения. Такая подготовка давала возможность привлекать пасторов для работы и в светские учебные заведения. Так, в середине XIX в. из-за отсутствия учителя по немецкому языку в томской гимназии, где обучали европейским языкам – французскому и немецкому, на эту должность был приглашен дивизионный лютеранский проповедник А. Тецлав, который обслуживал военных в Барнауле и Томске. Совмещение им проповеднической и учительской деятельности в Томске стало одним из поводов временного переноса в 1851 г. официального местопребывания пастора из Барнаула в Томск. Окончательно резиденция пастора был переведен из Барнаула в Томск в 1889 г. С этого времени Томск становится центром лютеранского прихода Томск – Барнаул⁹³.

В качестве иллюстрации к вышесказанному можно привести характеристику Томско-Барнаульского евангелическо-лютеранского прихода, содержащуюся в «Памятной книжке Томской губернии на 1908 г.». С 1751 по 1908 год приходом заведовали 11 пасторов. По состоянию на 1908 г. его возглавлял кандидат университета Рудольф Карлович Дальтон, утвержденный Московской лютеранской консисторией в 1904 г.⁹⁴ Одновременно он состоял учителем Закона Божия при Томском коммерческом училище, частной гимназии Миркович и немецкой приходской школе. Экономическая часть Томского городского прихода находилась в ведении Церковного Совета в количестве 11 членов, председателем которого был томский губернатор, генерал-майор барон фон-Нолькен. В совет входили: инженер Эман, купцы Фильберт и Ливен, фабрикант Крюгер, магистр Лидеман, главный агент Страхового общества Нейланд, булочник Грених и фотограф Вакер. Пастор Дальтон выполнял в Церковном совете функции секретаря. Церковный совет Барнаульского городского прихода Св. Павла состоял из 5 членов, а именно: купец Дален-Гильгуин (председатель), аптекарь фон-Гардер, провизор Штротберг, купец Эгертс, торговец Миллер и пастор Дальтон. В состав Церковного совета Ново-Николаевского городского прихода также входило 5 человек: чиновники Алтайского округа Редлих (председатель) и Вульериус, домовладелец Ерлор, железнодорожный чиновник Ленетмидт и пастор Дальтон. Число прихожан в 1908 г. достигало 5,5 тыс. человек, из них поло-

вина немцев, остальные – эстонцы и небольшая часть латышей. Немецкую часть прихода составляли прихожане Томска, Ново-Николаевска, Барнаула, а также жители селений Голобовка, Голодаевский рудник, Фриденталь, Ханновка, Александрополь, Локтев, Блументаль, Подсосново и Желтинка⁹⁵. Эстонские прихожане проживали в селениях Березовка, Лиленгоф, Подбельники, Кольцово, Комиссаровка, Тунда, Усть-Иня, Орава, Николайский поселок и Эстония, латыши в деревнях Кайбинская и Салаирка⁹⁶.

В район Томского евангелическо-лютеранского прихода накануне революции входили Томская губерния и Семипалатинская область. Последним дореволюционным пастором, судя по архивным документам, был Я. Гессе, резиденция которого оставалась в Томске. С 1916 г. обслуживание лютеранских поселков в Барнаульском уезде осуществлял пастор-адъюнкт Я. Штах, в Семипалатинской области – пастор А. Нейман, беженец из Ковенской губернии⁹⁷. Обслуживание католиков находилось в ведении священников-поляков⁹⁸. Кроме того, в Орловской, Ленъковской, Златополинской, Славгородской волостях и в Славгороде образовались меннонитские приходы⁹⁹.

Все вышесказанное опровергает встречающиеся в литературе утверждения, что в Сибири, в частности в Томске, инославные исповедания (в том числе протестантские) не имели особых управленческих структур¹⁰⁰.

Наряду с церковью одним из наиболее важных трансляторов языковых и культурных традиций выступала школа. В тех городах России, где имелись широкие возможности для развития немецких школ, ассимиляционные процессы в этой этнической группе замедлялись. Национальная школа являлась вместе с тем значимым инструментом в становлении двуязычия и поликультурности и, следовательно, – важным инструментом адаптации немцев в иноэтничной среде. В Сибири немецких школ не было вплоть до начала XX в. Это постепенно приводило городское немецкое население Сибири к утрате родного языка, что, в свою очередь, не способствовало созданию своих школ. В итоге ассимиляции у горожан сохранялись, в лучшем случае, лишь традиционная конфессиональная принадлежность и самосознание.

Ситуация в деле организации немецких городских школ в Сибири начинает изменяться в конце XIX – начале XX вв., когда в связи с массовым переселением немцев за Урал увеличивается численность носителей немецкого языка и в городах. Известно, что первой в Сибири официально зарегистрированной городской немецкой школой стала двухклассная школа в Томске при церкви св. Марии, открытая пастором Альфредом Келлером¹⁰¹ 13 ноября 1896 г. Школа имела статус частного училища третьего разряда, курс обучения соответствовал курсу начального училища Министерства народного просвещения. Первоначально программа включала преподавание

Закона Божия (священная история, катехизис, пение гимнов), арифметики, географии, русского и немецкого языков. В 1900 г. к этим предметам добавились геометрия, краткая всеобщая история, история России, французский язык, естествоведение, чистописание, рисование, рукоделие и гимнастика. Поначалу пастор Келлер, имевший звание кандидата богословия Дерптского университета, был и законоучителем, и единственным учителем, но с января 1897 г. русский язык, арифметику и географию преподавала русская учительница, имеющая звание начальной учительницы. В 1900 г. в штате школы, которая к этому времени была двухклассной (при открытии – одноклассной), числилось, кроме самого пастора, 5 учительниц, из них три учительницы лютеранского исповедания получили образование в учебных заведениях Германии и Прибалтики, две православные учительницы – в Сибири; в 1909 г. – три учителя со средним и начальным образованием. В школу принимали детей лютеранского исповедания не моложе 6 лет, обучение было платным. Девочки и мальчики обучались совместно, при условии, чтобы возраст девочек не превышал 12 лет, и сидеть они должны были на отдельных скамьях¹⁰². Количество обучавшихся в школе детей было немногочисленным (см. табл. 2).

Таблица 2. Численность детей в школе для детей-лютеран при евангелическо-лютеранской церкви Св. Марии в Томске

ГОДЫ	1897	1900	1904	1908	1909	1910	1911	1914
Мальчиков	10	19	15	15	9	7	11	8
Девочек	10	21	20	11	8	12	12	14
Всего	20	30	35	26	17	19	23	22

Подсчитано по: Памятные книжки ЗСУО на 1897 (Томск, 1897. С. 198) и 1900 (Томск, 1900. С. 171) годы; Обзор Томской губернии за 1904 (Ведомость № 8), за 1908 (Ведомость № 19), за 1909 (Ведомость № 19), за 1910 (Ведомость № 19), за 1911 (Ведомость № 19) годы; Черказянова И.В. Указ. соч. С.63.

Кроме Томска, в начале XX в. городские немецкие школы существовали в Омске (приходская школа при лютеранской церкви Св. Екатерины и частное меннонитское училище 3 разряда Д.П. Вибе)¹⁰³ и Иркутске. К тому, что об этих школах рассказывается в работе И.В. Черказяновой¹⁰⁴, следует добавить, что еще до образования школы пастора В. Сиббуля в Иркутске существовало Евангелическое училище при Евангелическом обществе (1891 г.), в котором обучались дети, как лютеран, так и православных. В училище преподавались языки (русский, немецкий и французский), математика, география, естествоведение, пение, рисование и рукоделие. Школой заведовал Г.Я. Стумберг, почетным по-

печителем был В.В. Гувелякен, одновременно являвшийся членом церковного совета и попечителем евангелическо-лютеранской церкви¹⁰⁵.

Концентрируясь вокруг кирхи, жизнедеятельность лютеранских общин Сибири, кроме школы, включала и благотворительность. Почти при каждой кирхе имелись евангелическо-лютеранские благотворительные общества. В Сибири известно, однако, лишь одно немецкое благотворительное общество – Томское евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество, открытое в 1905 г. Общество ставило своей целью доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных евангелическо-лютеранского вероисповедания в губернии без различия пола, возраста и состояния. Бессменным председателем общества была Е.Г. Рокачевская, а членами его правления в разные годы были Э.Г. Рейтенбах, Э.К. Бук, В.Ф. Ваккер, Г.Ф. Филипп, Э.Е. Грених, М.О. Станг, Э.И. Каппель, В.Ф. Ваккер, А.К. Порнацке и др. В 1910 г. в обществе состояло 34 человека. Годовой членский взнос составлял 3 рубля. Общество устраивало благотворительные вечера, спектакли, концерты, лотереи и т.п. (см. прилож.2) и на собранные средства содержало приют для призрения детей-лютеран, которым заведовала В.Ф. Вейде, и открывшееся при приюте в 1906 г. лютеранское частное начальное училище, рассчитанное на 16 учеников¹⁰⁶.

Свидетельством того, что благотворительное общество дам-лютеранок в Томске было единственным на всю губернию, является безрезультатность поиска в немецкой среде в годы I мировой войны обществ, "имеющих целью объединение немецкого элемента на почве узконациональных интересов и даже проведение германских национальных тенденций"¹⁰⁷. Не было подобных обществ, по всей видимости, и в других регионах Сибири. Во всяком случае, выявленные нами источники их не обнаруживают.

Источники не обнаруживают также ни одной чисто национальной организации или объединения немцев вплоть до февраля 1917 г., поставившего на повестку дня вопрос о создании в Сибири национального самоуправления, если не считать заведений, подобных уже описанному в литературе "Немецкому ресторану" Петра Меллера, "места встречи немцев", как гласила реклама, располагавшегося в самом центре Владивостока, напротив офиса знаменитой фирмы "Кунст и Альберс", и где имела место русская и германская кухня, и продавали не только местное пиво, но и заграничное "из бочки". В нем помимо "карамболь-бильярда", кабинетов и веранды "с чудным видом на бухту "Золотой Рог", находилось и "помещение для частных собраний". Это описание относится к 1909 г., когда генерал-губернатором Приморья был П.Ф. Унтербергер, его помощником Н.Н. Мартос, военным губернатором В.Е. Флуг, комендантом крепости В.А. Ирман, а городским головой И.И. Циммерман¹⁰⁸.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Если к концу XIX в. городские немцы Сибири еще не составляли диаспору в полном смысле этого слова, то в процессе их жизнедеятельности и с многократным увеличением численности в начале XX в. возникли необходимые предпосылки для формирования у них черт диаспоральности. Последующие социальные катаклизмы (революция, гражданская война, эксперименты по социалистическому переустройству общества), предоставив первоначально новые возможности для сохранения и даже развития у сибирских немцев комплекса диаспоральности, выразившееся в создании в 1917-18 годах национально-культурной автономии в Западной Сибири, а в 20-е годы национального района на Алтае, в дальнейшем привели к его почти полному разрушению. Прерванный процесс начал восстанавливаться только в 1990-е годы. Таким образом, подтверждается положение, что диаспора – это некое статичное, раз и навсегда данное состояние, а растянутый во времени процесс, “процесс развития от “еще недиаспоры” через “собственно диаспору” к “уже недиаспоре, причем различных типов...”¹⁰⁹, который, добавим от себя, может пройти полный цикл, а может и быть прерван в результате каких-либо неблагоприятных для становления диаспоры событий, в том числе и государственной политики.

Примечания

¹ В общем потоке публикаций, посвященных обсуждению проблем диаспоры особо следует отметить издание с 1999 г. при поддержке “Джойнта” журнала “Диаспоры”.

² См.: Нам И.В. Немецкие колонии в России и Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. М., 2000. С. 17-30.

³ Детальный их анализ см. в статье Л.П. Белковец. Немцы Российской империи за Уралом: опубликованные источники // Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 1997. С. 235-249. Там же см. статью Н.П. Матхановой “Немцы – деятели восточно-сибирской администрации XIX в. Источники для изучения проблем менталитета и стратификации. С. 250-259.

⁴ См.: указ. раб. Л.П. Белковец, Н.П. Матхановой, и особенно – И.В. Черказьяновой (Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). М., 2000. См.: подробную библиографию в книге: Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991-2000 гг. М., 2001.

⁵ Термин введен В.И. Дятловым. См. его работы: Диаспора как исследовательская проблема // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994. С. 12; Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 14.

⁶ Черказьянова И.В. Указ. соч. С. 53.

⁷ Резун Д.Я. Выходцы из стран Западной и Центральной Европы на русской казачьей службе в Сибири XVII в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII-XIX вв. Новосибирск, 1996. С. 84, 85.

⁸ Оглоблин Н.Н. Заговор томской “литвы” в 1634 г. Киев, 1894. С. 3-4. См. также: Емельянов Н.Ф. Томские служилые люди “литва” в XVII-первой четверти XVIII вв. // Проблемы историчес-

кой демографии СССР. Вып. 2. Томск, 1982. С. 35-36.

⁹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 213-214.

¹⁰ См.: Каратыгин П.П. Семейные отношения графа Остермана // Исторический вестник. 1884. № 7-9. С. 612-623.

¹¹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. С. 215.

¹² Каратыгин П. Предисловие к статье В.И. Штейнгеля “Сибирские сатрапы” // Исторический вестник. 1884. № 7-9. С. 366-369.

¹³ Коломинов В.В. Российские немцы – участники движения декабристов // Немцы в России. Люди и судьбы. СПб, 1998. С. 177-178.

¹⁴ Армстронг обратил внимание на то, что во многих многонациональных государствах правительства сотрудничают с элитами этнических групп-диаспор, которые выполняют те специфические функции, какие не может выполнить доминирующая в стране этническая группа. Он разделяет мобильные группы-диаспоры на два подтипа: “архетипичная диаспора” (archetypical diaspora), для которой особое значение имеют религия и религиозные мифы (евреи, как классический пример), и “ситуационная диаспора” (situational diaspora), которая хотя также имеет дисперсный, рассеянный характер, но за ее спиной есть большой материк – отечество (так выступают немцы в странах Восточной Европы или китайцы в странах Юго-Восточной Азии). Развитые сети интенсивных коммуникаций и знания языков превращают мобильные группы-диаспоры в специалистов в деле посредничества и новаторства и определяют их деятельность в качестве купцов, предпринимателей, ростовщиков, медиков и дипломатов, которую не могут выполнять доминирующие в той или иной стране этнические группы. Эти мобильные группы-диаспоры зависимы от протекции правительства и всегда находятся в опасности того, что при социальной мобилизации низов доминирующей этнической группы они станут козлами отпущения и будут принесены в жертву. (См.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М. 1997. С. 103).

¹⁵ См.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 103.

¹⁶ Подробную библиографию работ о немецких исследователях Сибири см.: Т.Н. Чернова. Указ. соч. С. 69-70.

¹⁷ Белковец Л.П. Указ. соч. 242-243.

¹⁸ Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 60.

¹⁹ Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. С. 277.

²⁰ См.: Энциклопедия “Российские немцы” Методические материалы. Вып. 2. Тематический словарь.

²¹ Цит. по: Белковец Л.П. Указ. соч. С. 237.

²² Заслуга основания первой Омской крепости, а значит и Омска, также принадлежит немцу – И.Г. Бухгольцу.

²³ Краткий историко-статистический очерк города Омска. Омск, 1911. С. 34.

²⁴ Там же. С. 37.

²⁵ Подробнее см.: Омский историко-краеведческий словарь. ... С. 61; Немцы России... С. 577-578.

²⁶ Краткий историко-статистический очерк города Омска... С. 47.

²⁷ Подробнее см.: Омский историко-краеведческий словарь. ... С. 56-57; Немцы России... С. 476-477.

²⁸ См.: Дмитриенко Н.М. Указ. соч. С. 36-37.

²⁹ Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. Иркутск, 1891. С. 14; Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск,

1911. С. 97.

- ³⁰ Иркутская летопись..., 1911. С. 108, 112; Иркутск. Его место и значение... С. 14-15.
- ³¹ Штейнгель В.И. Сибирские сатрапы. 1765-1819. // Исторический вестник. 1884. № 7-9. С. 371; Иркутская летопись..., 1911. С. 112.
- ³² Докладная записка опубликована в журнале "Русская старина". 1879. Т. 24. С. 150-158.
- См.: Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 372.
- ³³ Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 372.
- ³⁴ Иркутская летопись..., 1911. С. 54.
- ³⁵ Там же. С. 398.
- ³⁶ Там же. С. 95-96.
- ³⁷ Цит. по: Дмитриенко Н.М. Указ. соч. С. 26.
- ³⁸ Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 370.
- ³⁹ Иркутск. Его место и значение. С. 15, 16.
- ⁴⁰ Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 371.
- ⁴¹ Иркутск. Его место и значение... С. 22-23; Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1. С. 6-9; Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 376-381.
- ⁴² См.: Рабинович Г.Х. В.В. Берви-Флеровский в Томске // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С. 72.
- ⁴³ О похождениях Лерхе см.: Адрианов А.В. Томская старина. Томск, 1912. С. 79-81.
- ⁴⁴ Цит. по: Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 72.
- ⁴⁵ Белковец Л.П. Указ. соч. С. 237.
- ⁴⁶ Пашкова Н.В. Немецкая диаспора Томска в начале XX в. // Историческая наука на рубеже веков. Т. 1. Томск, 1999. С. 363.
- ⁴⁷ Белковец Л.П. Указ. соч. С. 237-238.
- ⁴⁸ См. о них: Профессора Томского университета. Биографический словарь Выпуск первый. Томск, 1997. С. 59-62, 77-80, 89-90, 132-133, 148-150, 204-207, 249-252; Немцы России: энциклопедия... С. 488, 713-714.
- ⁴⁹ Пашкова Н.В. Указ. соч. С. 363.
- ⁵⁰ См.: Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII-XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. С. 106-107; Бойко В.П. Томское купечество в конце XVII-XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. С. 38.
- ⁵¹ См.: Разумов О.Н. Сибирский гешефт фирмы "Кунст и Альберс" // Сибирская старина. Томск. 1993. № 4; Ноздрин Г.А. Национальная немецкая благотворительность в Сибири во второй половине XIX-начале XX вв. // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII-XX вв.). Новосибирск, 1995. С. 139.
- ⁵² Ноздрин Г.А. Указ. соч. С. 139.
- ⁵³ Пашкова Н.В. Указ. соч. С. 362.
- ⁵⁴ Разумов О.Н. Томские Крюгеры // Томский вестник. 1996. 28 июня; Пашкова Н.В. Указ. соч. С. 362.
- ⁵⁵ См.: Пашкова Н.В. Указ. соч. С. 362.
- ⁵⁶ Памятная книжка для Иркутской губернии на 1861 год. Иркутск, 1861. С. 118-121.
- ⁵⁷ Памятная книжка Иркутской губернии на 1887 год. Иркутск, 1887. С. 2.
- ⁵⁸ Памятная книжка Акимовской области на 1887 год. Омск, 1887. С. 22.
- ⁵⁹ Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868-1869 годов. СПб., 1871. С. CLXXVIII.
- ⁶⁰ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб., 1863. Табл. 2.

- ⁶¹ В Тобольской губернии они жили в Омском (позднее – Тюкалинском), и Тарском округах в деревнях Рыжкова, Рига, Ревель, Гельсингфорс, Нарва, Чистая и др., в Енисейской – в Минусинском округе в колониях Верхний Сузтук, Верхняя и Нижняя Буланка.
- ⁶² Памятная книжка Якутской области на 1870 год. СПб, 1877. Табл. 2; Обзоры Якутской области за 1898, 1901, 1905 годы (Якутск, 1899. С. 35-36, 1902. С. 37-38, 1906. С. 28).
- ⁶³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 81. Акимовская область. С. 56-57.
- ⁶⁴ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: В 2-х тт. СПб., 1905.
- ⁶⁵ По подсчетам известного статистика С. Патканова, основанным на анализе данных переписи населения 1897 г., немцев в Сибири было 5535 душ (3863 муж.). Из них 2/5 проживали в городах. В Тобольской губернии – 1105 чел. (712 муж.), главным образом в Тюкалинском округе – 519 чел.; в Томской губ. – 1375 душ (840 муж.), преимущественно в Томском округе – 690 чел. (407 чел. в Томске); в Енисейской губ. – 954 чел. (712 муж.), в том числе 564 чел. в Минусинском округе (Ермаковская, Шушенская и др. вол.); в Иркутской области – 662 чел. (465 муж.), из них 291 в Иркутске (44%); в Приморской области – 643 (530 муж.), почти половина в городках; в Южно-Уссурийском округе – 496 душ, в том числе около половины – во Владивостоке (Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 1. СПб., 1912. С. 34).
- ⁶⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 79. Томская губерния. СПб, 1904. С. XXI.
- ⁶⁷ См.: Дмитриенко Н.М. Указ. соч. С. 220-221.
- ⁶⁸ См. Вибе П.П. Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX-начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 137, 139, 140, 143; Маттис А.Э. Динамика численности немецких колонистов в Сибири в конце XIX-начале XX вв. // Социокультурное развитие Сибири. XVIII-XX вв. Новосибирск, 1998. С. 57-63; Нам И.В. Указ. соч. С. 24 и др.
- ⁶⁹ Нарымская ссылка. Томск, 1970. С. 60.
- ⁷⁰ Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907 – 1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г. Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 225, 234, 238.
- ⁷¹ Интернационалисты. М., 1967. С. 16.
- ⁷² Шлейхер И.И. Пленные первой мировой войны и немцы-колонисты в Сибири // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 205. Подробнее см.: Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914-1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 154-180.
- ⁷³ Интернационалисты. М., 1971. С. 69-70.
- ⁷⁴ См.: Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. Стб. 520.
- ⁷⁵ См.: Евсеева А.Н. Административная ссылка в Сибири в 1914-1917 гг. // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Вып. II. Томск, 1974. С. 13-18.
- ⁷⁶ Цит. по: Нелипович С.П. Переселение немцев из Восточной Пруссии в Россию: "вольнопленные" или злоключения восточнопрусских немцев в России (1914-1917 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 180.
- ⁷⁷ См.: Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири... С. 176.
- ⁷⁸ Сибирская жизнь. 1916. 26 авг
- ⁷⁹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 67. Д. 503. Л. 1, 9, 12, 13, 15,

16, 16 об.

- ⁸⁰ Сибирская жизнь. 1916. 26 авг.
⁸¹ Немцы России... С. 684.
⁸² Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. С. 123.
⁸³ Черказьянова И.В. Указ. соч. С. 54.
⁸⁴ Там же. С. 56.
⁸⁵ Иркутская летопись..., 1911. С. 232.
⁸⁶ По другим сведениям, каменная церковь во имя Св. Павла в Барнауле была построена в 1860 г., а до этого времени (с 1786 г.) там функционировал молитвенный дом. См.: Памятная книжка Томской губернии на 1908 г. С. 123.
⁸⁷ Закладка Лютеранской церкви (кирхи) во имя Св. Марии в Томске состоялась 4 июля 1859 г. См.: Адресно-справочная книга "Весь Томск", изданная Г.В. Чавыкиным... С. 31.
⁸⁸ Черказьянова И.В. Указ. соч. ... С. 58.
⁸⁹ Черказьянова И.В. Указ. соч. ... С. 61.
⁹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 57. Л. 1, 8.
⁹¹ Черказьянова И.В. Указ. соч. ... С. 61.
⁹² Вольский З. Вся Сибирь. СПб, 1908. С. 132.
⁹³ Там же. С. 59, 63.
⁹⁴ В 1908 г. пастор Р. Дальтон, согласно его просьбе, был уволен постановлением Московской евангелическо-лютеранской консистории от должности проповедника Томско-Барнаульского евангелическо-лютеранского прихода (Голос Томска. 1908. 27 августа).
⁹⁵ Так в тексте. Вероятно, речь идет о селе Желтеньком.
⁹⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. С. 122-124.
⁹⁷ ГАТО. Ф.3. Оп.5. Д. 189. Л.4-5; Stach J. Meine Feuer taufe. Erlebnisse eines evangelischen Diasporapfarres in Sibirien. Von Jacob Stach. St. Gallen, 1924. S. 32-35, 68.
⁹⁸ Stach J. Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten. Stuttgart, 1938. S. 102.
⁹⁹ ГАТО. Ф.3. Оп.77. Л.2, 5, 8, 9 об., 14-15, 18-19, 36.
¹⁰⁰ См.: Дмитриенко Н.М. Указ. соч. С. 43.
¹⁰¹ Введен в должность пастора Томск - Барнаул в 23 января 1894 г.
¹⁰² ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 920. Л. 1-12; Обзор Томской губернии за 1896 г. Томск, 1897. С. 50-51; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1897 год. Томск, 1897. С. 198; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900 год. Томск, 1900. С. 171; Сибирская жизнь (Томск). 1900. 5 мая.; Черказьянова И.В. Указ. соч. С. 62, 63.
¹⁰³ ГАТО. Ф. 126. Оп.1. Д. 2467. Л. 1-7, 69, 69 об., Весь Омск. Справочник-указатель на 1911 год. Омск, 1911. С. 66-67.
¹⁰⁴ Подробно см.: Черказьянова И.В. Указ. соч. С. 64-67, 91-92.
¹⁰⁵ Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год. Иркутск, 1891. С. 10.
¹⁰⁶ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149, Л. 264, 274-275; Адресно-справочная книжка "Весь Томск" на 1912-1913 год, изданная Г.В. Чавыкиным. Томск, С. 81, 100-101; Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. С. 141.
¹⁰⁷ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 245, 261-264; Д. 161. Л. 245-246.
¹⁰⁸ Белковец Л.П. Немцы Российской империи за Уралом... С. 248.
¹⁰⁹ Арутюнов С.А. Арутюнов С.А. Диаспора - это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 77-78.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Численность протестантского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Годы	1861	1866	1869	1882	1883	1884	1887	1888	1889	1896	1899
Акмолинская											
Всего							325				
В городах							323				
В городском населении							99,4				
Тобольская											
Всего			3483*			4850					6582
В городах											320
В городском населении											4,9
Томская											
Всего		121	262	198	201						
В городах			63	184	187						
В городском населении			24,0	92,9	93,0						
Енисейская											
Всего	1017							4243	4193	3664	
В городах	23							152	192	550	
В городском населении	2,3							3,6	4,6	15,0	
Иркутская											
Всего	126						410**				
В городах	105										
В городском населении	83,3										
Забайкальская											
Всего											165***
В городах											37
В городском населении											22,4
Приморская											
Всего											1220
В городах											
В городском населении											
Годы											
Акмолинская											
Всего											29862****
В городах											3931
В городском населении											13,16
Тобольская											
Всего	8452	7607	8639			14734	16933	18842			
В городах						844	810	660			
В городском населении	6,0	9,2				5,7	4,8	3,5			
Томская											
Всего		4341		7634	15265	17724	17655				21667
В городах		1300		1731	2164	2691	2747				2744
В городском населении		30,0		22,7	14,2	15,2	15,56				12,7

ГОДЫ	1901	1904	1906	1908	1909	1911	1912	1913	1914
Енисейская									
Всего			8491			13920	12994	14713	18094
В городах			517			3276	1736	1429	4727
% городского населения			6,1			23,5	13,4	9,7	26,1
Иркутская									
Всего									
В городах									
% городского населения									
Забайкальская									
Всего						1894			
В городах						1713			
% городского населения						90,4			
Приморская									
Всего	1465							3238	
В городах	1323							2389	
% городского населения	90,3							73,8	

Подсчитано по: Обзоры Акмолинской области за 1914 г. (Омск, 1915); Приморской области за 1899, 1901, 1913 гг.; Тобольской губернии за 1901 (Тобольск, 1901), 1904 (Тобольск, 1905), 1906 (Тобольск, 1907), 1911 (Тобольск, 1913), 1912 (Тобольск, 1913), 1913 гг. (Тобольск, 1915); Томской губернии за 1882 (Томск, 1883), 1908 (Томск, 1909), 1909 (Томск, 1910), 1910 (Томск, 1911), 1911 (Томск, 1912), 1912 гг. (Томск, 1914); Список населенных мест Томской губернии по сведениям 1859 г. (СПб., 1868); Статистические обзоры Енисейской губернии за 1906 (Красноярск, 1907), 1911 (Красноярск, 1912), 1912 (Красноярск, 1913), 1913 (Красноярск, 1914), 1914 гг. (Красноярск, 1915); Тобольской губернии за 1899 г. (Тобольск, 1900); Памятные книжки Енисейской губернии за 1863 (СПб., 1863), 1890 (Красноярск, 1889, 1891), 1898 гг. (Красноярск, 1897); Иркутской губернии за 1861 (Иркутск, 1861), 1887 г. (Иркутск, 1887); Тобольской губернии на 1909 г. (Тобольск, 1909); Томской губернии за 1871 (Томск, 1871), 1883 (Томск, 1885), 1884 (Томск, 1884) 1904 (Томск, 1904), 1911 (Томск, 1911), 1912 (Томск, 1912), 1915 гг. (Томск, 1915); Забайкальской области за 1896 г. (Ч. II. Чита, 1896); Якутской области на 1871 г. (СПб., 1877); Томской губернии за 1884 (Томск, 1884), 1885 г. (Томск, 1885).

*За 1868 г.

**За 1886 г.

***Вместе с армяно-грегорианами

**** Немцев - 36039

Таблица 2. Численность немцев (по языку) в Сибири и на Дальнем Востоке по данным переписи 1897 г. (в абсолютном исчислении и в процентах к населению каждого региона)

ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ	АКМОЛИНСКАЯ, ОМСКИЙ УЕЗД		ТОБОЛЬСКАЯ		ТОМСКАЯ		ЕНИСЕЙСКАЯ		ИРКУТСКАЯ
	Абс.	%**	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
Всего	3315	3,3	1120	0,08	1430	0,07	946	0,17	607
В том числе в городах	437*	1,17	346	0,40	709	0,55	258	0,41	275
% немцев-горожан	13,2		30,9		49,6		27,3		45,3

ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ	ЯКУТСКАЯ		АМУРСКАЯ		ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ		ПРИМОРСКАЯ		О. САХАЛИН		ВСЕГО	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Всего	17	0,00	135	0,11	237	0,03	603	0,27	267	0,95	8739	0,15
В том числе в городах	9	0,10	96	0,29	62	0,14	330	0,64	111	1,29	2633	0,50
% немцев-горожан	53,9		71,1		26,2		54,7		41,6		30,1	

Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. II.
* Омск
** Здесь и далее - % ко всему населению

Таблица 3. Немцы в составе городского населения Сибири и Дальнего Востока в 1910 г. (по данным ЦСК МВД)

	Тобольск	Курган	Тюмень	Томск	Кайск	Новониколаевск	Красноярск	Иркутск	Якутск	Верхнеудинск	Хабаровск
Число	340	106	176	1428	11	140	2363	984	14	100	944
% ко всему населению	1,6	0,4	0,5	1,3	0,2	0,3	3,5	1,3	0,2	0,7	2,3

Подсчитано по: Города России в 1910 году. СПб., 1914.

Таблица 4. Лютеране и немцы в составе населения г. Омска и Омского уезда по состоянию на 1914 год

	Город Омск				Омский уезд				
	Мужчин	Женщин	Об. пола	%	Мужчин	Женщин	Об. пола	%	
Всего населения	73902	66687	140589	100,0	Всего населения	127972	124717	252689	100,0
Лютеран	2640	866	3506	2,49	Лютеран	6623	6791	13414	5,31
Немцев	2533	837	3390	2,39	Немцев	8008	8800	16808	6,65
Доля немцев среди лютеран	95,95	96,65	96,12		Доля лютеран среди немцев	82,70	77,17	79,81	

Подсчитано по: Обзор Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915. Ведомости 1,2.

Таблица 5. Протестантское городское население Тобольской губернии в конце XIX-начале XX вв.

	1899*		1901**		1904**		1911*		1912*		1913*	
	Абс.	%***	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Тобольск	102	1,55	221	1,08	220	1,08	349		264	1,14	236	0,99
Курган	97	0,33	73	0,25	252	0,76	78		79	0,19	86	0,20
Иркутск	18	0,17	107	0,84	120	0,60	256		256	0,70	112	0,34
Омск	24	0,32	26	0,22	37	0,26	30		30	0,20	45	0,28
Всего	47	0,63	53	0,65	50	0,60	112		162	1,42	162	1,38

	1899'		1901''		1904'''		1911''''		1912''''		1913'
	Абс.	%***	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
Тюкалинск	8	0,19	9	0,13	9	0,14	4		4	0,07	
Ялуторовск	5	0,15	-	-	-	-	-	-	-	-	
Туринск	19	0,59	15	0,46	15	0,43	15		15	0,47	
Сургут	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	15,1
Березов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Всего в городах	320	4,86***	504	5,96	697	9,16	844	5,73	810	4,77	660
Всего в уездах	6262 ¹⁾	95,14	7948 ²⁾	94,0	6910 ³⁾	90,8	13890 ⁴⁾	94,2	16113 ⁵⁾	95,2	18182 ⁶⁾
Всего в губернии	6582	100,0	8452	100,0	7607	100,0	14734	100,0	16993	100,0	18842
Всего населения в губернии	154518 ¹⁾	0,43	165205 ²⁾	0,51	169203 ³⁾	0,45	203875 ⁴⁾	0,72	314841 ⁵⁾	0,54	209329 ⁶⁾

Подсчитано по: Статистический обзор Тобольской губернии за 1901 г. Тобольск. 1900, Обзоры Тобольской губернии за 1901, 1904, 1911, 1912, 1913 гг. (Тобольск, 1902, 1905, 1913, 1914).

* Лютеран

** Протестантов

***Здесь и далее % ко всему населению

**** Здесь и далее % ко всем протестантам

1) В том числе в Тюкалинском уезде: 4304 (68,7% сельского населения). Немцы и финны жили в колониях Рыжковой, Гельсингфорс, Нарва, Ревель и Рига, и в деревне Чухонской Тарского уезда.

2) В том числе в Тюкалинском уезде: 7470 (93,4%)

3) В том числе в Тюкалинском уезде: 6178 (89,4%)

4) В том числе в Тюкалинском уезде: 9063 (65,2%); Тарском уезде: 4563 (32,9%)

5) В том числе в Тюкалинском уезде: 11141 (69,1%); Тарском уезде: 4815 (29,9%)

6) В том числе в Тюкалинском уезде: 12355 (68,0%); Тарском уезде: 5662 (31,1%)

Таблица 6. Протестантское население Томской губернии во второй половине XIX-начале XX вв.

	1869'		1882''		1883'''		1903''''		1908''''	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Томск	20		143	0,46	146	0,59	1012****	1,57	1040	
Канск	-		-	-	-	-	-	-	17	0,23
Маринск	-		15	0,12	15	0,06	96	0,61	105	
Барнаул	41		26	0,15	26	0,11	159	0,53	135	
Кузнецк	-		-	-	-	-	-	-	-	
Бийск	-		-	-	-	-	14	0,08	13	
Новониколаевск	-		-	-	-	-	-	-	414	
Колывань	-		-	-	-	-	2	0,02	-	
Нарым	2		-	-	-	-	-	-	10	
Тайга	-		-	-	-	-	-	-	-	
Татарск	-		-	-	-	-	-	-	-	
Боготол	-		-	-	-	-	-	-	-	
Итого в городах	63	24,05	184	92,93	187	93,03	1300	29,93	1731	22,57
В округах	199	75,95	14	7,07	14	6,97	3041	70,03	5903	77,33

	1869'		1882''		1883'''		1903''''		1908''''	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Всего в губернии	262	0,03	198	0,02	201	0,02	434	0,19	7634	0,25
Всего населения в губернии	817163	100,0	1104908	100,0	1134748	100,0	2239375	100,0	3100940	100,0
	1909'''		1910'''		1911'''		1912'''			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Томск	1428		1224		1265	1,1	1143			
Канск	11		14		9		13			
Маринск			224		230		236			
Барнаул	126		446		480		370			
Кузнецк										
Бийск	56		56		47					
Новониколаевск	471		178		388		625****			
Колывань										
Нарым					18		19			
Тайга					210		220			
Татарск					41		91			
Боготол					3		30			
Итого в городах	2164	14,18	2142	9,73	2691	15,20	2747	15,56		
В округах	13101	85,82	19872	90,27	15033	84,82	14908	84,44		
Всего в губернии	15265	0,44	22014	0,57	17724	0,46	17655	0,44		
Всего населения в губернии	3453985	100,0	3879695	100,0	3850666	100,0	4011424	100,0		

Подсчитано по: Памятные книжки за 1871, 1883, 1884, 1904, 1911 гг. (Томск, 1884, 1885, 1911); Обзоры Томской губернии на 1908, 1909, 1910, 1911, 1912 гг. (Томск, 1910, 1912)

*Протестанты

**Лютеране

***Лютеране и протестанты

****Вместе с Нарымом и Новониколаевском

*****В том числе немцев: 439. По сведениям Новониколаевского полицмейстера (ГАТО. Ф. 3. Оп. 71. Д. 3. Л. 3 в).

Таблица 7. Протестантское население Енисейской губернии во второй половине XIX века

	1861'		1888''		1889'''				1890''''		1896''''			
	Абс.	%**	Абс.	%	Абс. лют.	%	Абс. прот.	%	Абс.	%	Абс. лют.	%	Абс. прот.	%
Красноярск	9		83	0,06	20	0,12	100	0,61	83		197	0,62	153	0,48
Канск	-		1	0,02	5	0,11	-	-	1		6	0,07	-	-
Енисейск	4		12	0,03	-	-	14	0,21	12		-	-	20	0,19
Ринск	-		21	0,41	-	-	15	0,29	21		-	-	16	0,23
Мирнинск	-		35	0,49	-	-	38	0,62	35		158	2,84	-	-
Итого в городах	23	2,26	152	3,58	25	0,68	167	31,39	152	3,58	361	10,65	189	68,98
В уездах	994	97,74	4091	96,42	3648	99,32	365	68,61	4091	96,42	3029	89,35	85	31,02
Итого в губернии	1017	4,54	4243	0,94	3673	0,81	532	0,12	4243	16,40	3390	0,59	274	0,05
Всего населения	22412	100,0	452811	100,0	454758	100,0	454758	100,0	452811	100,0	570029	100,0	570029	100,0

Подсчитано по: Памятные книжки Енисейской губернии на 1863, 1890, 1897 гг. (Красноярск, 1863, 1889, 1890, 1891, 1897)

*В источнике - протестанты

**Здесь и далее % ко всему населению

Таблица 8. Численность лютеран в Енисейской губернии в начале XIX века

	в городах				в уездах				Всего лютеран				Всего населения			
	Муж	Жен.	Всего	%	Муж	Жен.	Всего	%	Муж	Жен.	Всего	%	Муж	Жен.	Всего	%
1906	292	225	517	6,09	4303	3671	7974	93,91	4595	3896	8491	1,11	405605	361142	766747	100,00
1911	1715	1561	3276	23,53	5742	4902	10644	76,47	7457	6463	13920	1,36	537989	484477	1022466	100,00
1912	919	816	1735	13,35	6031	5228	11259	86,65	6950	6044	12994	1,21	562310	513871	1076181	100,00
1913	808	621	1429	9,71	6928	6356	13284	90,29	7736	6977	14713	1,31	582074	537134	1119208	100,00
1914	3400	1327	4727	26,12	6918	6449	13367	73,88	10318	7776	18094	1,60	587348	546860	1134208	100,00
1915	1003	1102	2105	14,32	6971	5627	12598	85,68	7974	6729	14703	1,33	538440	564398	1102838	100,00

Подсчитано по: Статистические обзоры Енисейской губернии за 1906, 1911, 1912, 1913, 1914, 1915 гг. (Красноярск, 1907, 1912-1916)

Таблица 9. Немцы в составе беженцев в Сибири

ГУБЕРНИИ	ТОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ		ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ		ИРКУТСКАЯ ГУБЕРНИЯ		ИТОГО ПО СИБИРИ**							
	15 мая 1916 г.	Начало 1917 г.	1 янв. 1916 г.	Начало 1917 г.	Конец окт.-нач. нояб. 1916 г.	15 нояб. 1916 г.								
Нацио-нальность	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%		
Немцы	736	2,93	1395	4,57	-	-	-	-	877	5,75	1351	3,18	1488	2,89
Всего	25118	100,0	30488	100,0	3783	100,0	12299	100,0	15258	100,0	42491	100,0	51551	100,0

Таблица составлена на основании сведений уездных и городских комитетов и национальных организаций помощи беженцам, а также данных Татьянинского комитета (РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 10. Л. 79-80, 118, 119; ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 94. Л. 88; ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 75. Д. 246. Л. 120, Ф. 595. Оп. 71. Д. 12. Л. 74; ГАИО. Ф. 25. Оп. 4. Д. 280. Л. 9, 11 об.)

**Без Тобольской губернии.

Таблица 10. Немцы в составе беженцев в Сибири и на Дальнем Востоке к 1 февраля 1917 года*

	Всего беженцев		В том числе немцев	
	Абс.	%	Абс.	%
Амурская	1490	100,0	-	-
Енисейская	9815	100,0	70	0,7
Забайкальская	1730	100,0	-	-
Иркутская	8439	100,0	47	0,5

	Всего беженцев		В том числе немцев	
	Абс.	%	Абс.	%
Приморская	797	100,0	1	0,1
Тобольская	18054	100,0	622	3,4
Томская	29292	100,0	1111	3,8
Итого по Сибири	69617	100,0	1851	2,7

*Таблица составлена по статистическим данным Центрального Всероссийского бюро по регистрации и розыску беженцев, опубликованных в "Известиях Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны". 1917. № 18. (РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 10. Л. 118 об.-119).

Таблица 11. Вероисповедный состав немецкого населения Сибири по данным переписи 1897 г.

ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ	ВСЕГО В СИБИРИ**		ТОБОЛЬСКАЯ		ТОМСКАЯ		ЕНИСЕЙСКАЯ		АМУРСКАЯ		ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ		О. САХАЛИН	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Всего	5424	100,0	1120	100,0	1430	100,0	946	100,0	135	100,0	237	100,0	267	100,0
Протестанты*	4625	85,27	941	84,01	1209	84,5	815	86,15	108	80,0	194	81,8	228	85,4
Католики	379	6,99	65	5,80	145	10,1	48	5,07	15	11,1	18	7,59	21	7,9
Православные	373	6,88	90	8,04	72	5,0	82	8,67	10	7,4	22	9,28	17	6,4
Другие	46	0,85	24	2,14	4	0,3	1	0,11	2	1,5	3	1,27	1	0,4
В том числе в городах	1922	100,0	346	100,0	546	100,0	258	100,0	96***	100,0	62	100,0	111	100,0
Протестанты	1646	85,63	284	82,08	487	89,19	205	79,46	75	78,1	-	-	-	-
Католики	128	6,66	16	4,62	34	6,23	22	8,53	15	15,6	-	-	-	-
Православные	110	5,72	24	6,94	21	3,85	31	12,01	4	4,2	-	-	-	-
Другие	38	1,98	22	6,36	4	0,73	-	-	2	2,1	-	-	-	-

Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 2. С. 384-385; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 72. Тетр. 2. С. 73. С., Т. 74. С. 84-85, 68-69, Т. 77. Тетр. 2. С. 38-39, Т. 78. С. 84-87, Т. 79. С. 76-81. СПб., 1904

*Лютеране (преимущественно) и реформаты

**Включая, кроме указанных в таблице, Иркутскую, Якутскую, Приморскую губернии и области.

***Город Благовещенск.

Таблица 12. Сословный состав немецкого населения Сибири по данным переписи 1897 г.

ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ	ВСЕГО В СИБИРИ				ТОБОЛЬСКАЯ				ТОМСКАЯ			
	Всего немцев		В т. ч. в гор.		Всего немцев		В т. ч. в гор.		Всего немцев		В т. ч. в гор.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Патриархальные дворяне	207	3,8	161	8,4	23	2,05	17	4,9	74	5,17	67	12,3
Патриархальные дворяне, помещики и не из дворян	299	5,5	231	12,0	39	3,48	35	10,1	79	5,52	61	11,2
Служащие	9	0,2	5	0,3	-	-	-	-	1	0,07	1	0,2
Солдатские граждане	78	1,4	50	2,6	7	0,62	4	1,2	24	1,7	21	3,8
Купцы	48	0,9	45	2,3	5	0,45	5	1,4	10	0,7	9	1,6

ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ	ВСЕГО В СИБИРИ				ТОБОЛЬСКАЯ				ТОМСКАЯ			
	Всего немцев		В т. ч. в гор.		Всего немцев		В т. ч. в гор.		Всего немцев		В т. ч. в гор.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мещане	916	16,9	533	27,7	214	19,1	143	41,3	266	18,6	154	28,9
Крестьяне	2612	48,2	515	26,8	782	69,8	104	30,1	867	60,6	171	31,2
Финляндск. уроженцы	8	0,1	4	0,2	1	0,09	1	0,3	6	0,4	2	0,4
Другие сословия	870	16,0	104	5,4	15	1,34	15	4,3	14	0,98	6	1,1
Не указавшие сословия	27	0,5	22	1,14	2	0,18	2	0,6	10	0,7	9	1,4
Иностр. подданные	350	6,5	252	13,1	32	2,86	20	5,8	79	5,5	45	8,2
Всего	5424	100	1922	100	1120	100	346	100	1430	100	546	100

ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ	ЕНИСЕЙСКАЯ				АМУРСКАЯ				ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ				САХАЛИН	
	Всего немцев		В т. ч. в гор.		Всего немцев		В т. ч. в гор.		Всего немцев		В т. ч. в гор.		Всего немцев	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Потомствен-ные дворяне	21	2,2	16	6,2	5	3,7	5	5,2	10	4,2	6	9,7	-	-
Личные дворяне, чиновники не из дворян	25	2,6	24	9,3	22	16,3	20	20,8	32	13,5	15	24,2	6	2,2
Духовные	4	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Почетные граждане	2	0,2	1	0,4	8	5,9	1	1,04	5	2,1	1	1,6	-	-
Купцы	2	0,2	2	0,8	4	2,9	4	4,2	-	-	-	-	-	-
Мещане	111	11,7	54	20,9	25	18,5	17	17,7	41	17,3	18	29,0	8	1,1
Крестьяне	432	45,7	95	36,8	30	22,2	16	16,7	48	20,2	7	11,3	91	34,1
Финляндск. уроженцы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Другие сословия	307	32,4	32	12,4	2	1,5	1	1,04	85	35,9	9	14,5	160	59,9
Не указавшие сословия	11	1,2	8	3,1	-	-	-	-	1	0,4	1	1,6	-	-
Иностр. подданные	31	3,3	26	10,1	39	28,9	32	33,3	15	6,3	5	8,1	2	0,7
Всего	946	100	258	100	135	100	96	100	237	100	62	100	267	100

Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 2. С. 384-385; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 72. С. 48-51, Т. 73. С. 166-169, Т. 74. С. Т. 77. С. 68-69, 78. С. 222-225, 79. СПб., 1903-1905.

Таблица 13. Занятия немецкого (по языку) населения Сибири (1897 г.)

ГРУППЫ ЗАНЯТИЙ	ТОБОЛЬСКАЯ				ТОМСКАЯ				ЕНИСЕЙСКАЯ			
	В губернии		В городах		В губернии		В городах		В губернии		В городах	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
По губернии	1120	100,0	346	100,0	1430	100,0	546	100,0	946	100,0	258	100,0
Чиновники и военные	19	1,7	16	4,6	37	2,6	22	4,0	19	2,0	10	3,9
Духовенство	2	0,2	2	0,6	2	0,1	2	0,4	5	0,5	-	-
Торговля и кредит	48	4,3	36	10,4	100	7,0	79	14,5	37	3,9	22	8,5
Промышленность	285	25,4	115	33,2	410	28,7	156	28,6	490	51,8	103	39,9
Сельское хозяйство	487	43,5	8	2,3	458	32,0	6	0,4	153	16,2	8	3,1
Лесные промыслы, охота и рыболовство	9	0,8	5	1,4	22	1,5	-	-	7	0,7	1	0,4

ГРУППЫ ЗАНЯТИЙ	ТОБОЛЬСКАЯ				ТОМСКАЯ				ЕНИСЕЙСКАЯ			
	В губернии		В городах		В губернии		В городах		В губернии		В городах	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Пути сообщения, связь	39	3,5	22	6,4	96	6,7	43	7,9	67	7,1	31	12,0
Частная служба, прислуга, пощенщина	69	6,2	41	11,8	118	8,3	80	14,7	62	6,6	22	8,5
Свободные профессии	35	3,1	30	8,7	82	5,7	77	14,1	31	3,3	23	8,9
Работя и пенсионеры	37	3,3	13	3,8	49	3,4	41	7,5	25	2,6	11	4,3
Арестанты, нищие	28	2,5	25	7,2	16	1,1	16	2,9	17	1,8	11	4,3
Прочие и не указавшие занятия	62	5,5	33	9,5	40	2,8	24	4,4	33	3,5	16	6,2

ГРУППЫ ЗАНЯТИЙ	АМУРСКАЯ				ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ			
	В губернии		В городах*		В губернии		В городах	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
По губернии	135	100,0	96	100,0	237	100,0	62	100,0
Чиновники и военные	1	0,7	1	1,0	9	3,8	7	11,3
Духовенство	-	-	-	-	-	-	-	-
Торговля и кредит	22	16,3	14	14,6	10	4,2	5	8,1
Промышленность	31	23,0	25	26,0	114	48,1	23	37,1
Сельское хозяйство	16	11,8	1	1,0	18	7,6	-	-
Лесные промыслы, охота и рыболовство	1	0,7	-	-	2	0,8	-	-
Пути сообщения, связь	22	16,3	18	18,7	22	9,3	7	11,3
Частная служба, прислуга, пощенщина	24	17,8	21	21,9	15	6,3	7	11,3
Свободные профессии	14	10,4	12	12,5	22	9,3	12	19,3
Работя и пенсионеры	3	2,2	3	3,1	7	2,9	-	-
Арестанты, нищие	-	-	-	-	17	7,2	-	-
Прочие и не указавшие занятия	1	0,7	1	1,0	1	0,4	1	1,6

Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 2. С. 384-385; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 72. Тетр. 2. С. 34-35, 42-43, Т. 73. С. 118-119, Т. 74. С. 118-119, 126-127, Т. 78. С. 156-157, 168-169, Т. 79. С. 154, 172. СПб., 1903-1905.

*Благовещенске

Таблица 14. Грамотность немецкого (по языку) населения Сибири (1897 г.)

Сибирь в городах	ВСЕХ		В ТОМ ЧИСЛЕ													
			Грамотных по-русски				Грамотных на других языках				Получивших образование выше начального					
	Муж.	%	Жен.	%	Муж.	%	Жен.	%	Муж.	%	Жен.	%	Муж.	%	Жен.	%
	3761	100,0	1663	100,0	1459	38,8	560	33,67	634	16,9	245	14,7	564	15,0	216	13,0
	1270	100,0	652	100,0	530	41,7	271	41,6	154	12,1	75	11,5	366	28,8	168	25,7

Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 2. С. 69.

Хроника общественной и культурной жизни Томской евангелическо-лютеранской общины*

1888. 28 февраля. В лютеранской церкви состоялось собрание прихожан. Обсуждались следующие вопросы: 1) об обнесении оградой и приведении в порядок лютеранского кладбища; 2) о перекладке печей в лютеранской церкви; 3) о постройке дома пастора. По предложению церковного совета принято единогласно, разрешено производить необходимые расходы.

27 марта. В лютеранской церкви святой Марии назначен духовный концерт под управлением Ауэрбаха в пользу постройки дома для лютеранского пастора.

1896. 14 июня. Опубликовано сообщение о том, что лютеранское общество приступило к созданию при кладбище убежища для неспособных к труду бедных сограждан-лютеран. Устройством и наблюдением будет заведовать совет евангелическо-лютеранской церкви святой Марии.

13 ноября. По ходатайству пастора А. Келлера открылось частное начальное двухклассное училище для детей евангелическо-лютеранского вероисповедания.

1897. 21 декабря. Состоялся благотворительный базар в пользу лютеранского детского приюта. Сбор составил 500 рублей.

1898. 29 января. Любителями драматического искусства лютеранского общества в пользу лютеранского детского приюта был дан спектакль "Птички певчие" на немецком языке. Для русской публики работал кинематограф.

7 февраля. Состоялся немецкий спектакль в пользу лютеранского детского приюта.

1899. 12 марта. Состоялось представление в пользу лютеранского детского приюта, в котором воспитываются дети ссыльнопоселенцев, избегая пагубного влияния той среды, в которой воспитывались их родители.

1900. 2 апреля. В лютеранской церкви был дан в пользу церковно-приходской школы духовный концерт, устроенный Я.Я. Карилиным, на котором были исполнены произведения Моцарта, Глюка, Бетховена. Несмотря на то, что концерт удался, посетителей было мало, поэтому сбор был невелик.

5 мая. Церковный совет евангелическо-лютеранской кирхи святой Марии объявил, что с разрешения господина попечителя Западно-Сибирского округа с августа месяца в Томске, в доме Лютеранской церкви открывается

двухклассное начальное училище для детей обою пола всех вероисповеданий, в котором будут преподаваться следующие предметы: Закон Божий и Священная история православного и лютеранского вероисповедания, русский язык (церковно-славянский и гражданский), арифметика и геометрия, краткая всеобщая история, история и география России, краткая всеобщая география, естествоведение, французский и немецкий языки, чистописание, рисование, рукоделие, пение и гимнастика. Прием ведет пастор А. Келлер.

1905. 20 ноября. Опубликовано информация о том, что Евангелическо-лютеранскому благотворительному дамскому обществу разрешено устроить в текущем году лотерею-аллегри на сумму не свыше 1500 рублей при условии входной платы не менее 1 рубля.

11 декабря. Дамское евангелическо-лютеранское общество устраивает лотерею-аллегри.

1907. 11 ноября. Состоялась лотерея-аллегри в пользу евангелическо-лютеранского благотворительного общества. Ее общий доход составил 2455 руб., чистая прибыль - 1344 руб.

1908. 10 февраля. В церковном доме лютеранского общества созывается общее собрание членов этого общества.

24 февраля. В Коммерческом собрании состоялся спектакль на немецком языке. Общий доход составил 200 руб.

17 апреля. Артисткой Е.М. Кировой в Общественном собрании будет дан любительский благотворительный концерт в пользу лютеранской школы-приюта.

27 августа. Опубликовано сообщение о том, что проповедник Томско-Барнаульского евангелическо-лютеранского прихода пастор Р. Дальтон, согласно его просьбе, уволен постановлением Московской евангелическо-лютеранской консистории от занимаемой должности.

21 ноября. В помещении городской управы состоялась лотерея-аллегри в пользу школы-приюта Лютеранского благотворительного общества, собравшая большое количество участников, играл военный оркестр.

1909. 1 апреля. В Общественном собрании состоялся вечер, устроенный лютеранским обществом в пользу Дамского лютеранского благотворительного общества. Он привлек большое количество зрителей, число которых доходило до 150 человек.

1914. 27 апреля. В лютеранской церкви созывается общее собрание прихожан.

17 мая. В немецкой колонии состоялась продажа цветка ландыша в пользу лютеранского приюта.

27 июля. В Евангелическо-лютеранской церкви намечено провести торжественное молебствие о ниспослании победы русскому оружию.

9 июля. Опубликована информация о том, что попечитель Западно-Сибирского учебного округа разослал инспекторам народных училищ циркуляр, по которому преподавание всех предметов в немецкой школе, кроме Закона Божьего, должно вестись на русском языке.

1915. 17 декабря. Томск. Сообщается, что благотворительное общество дам-лютеранок отправило в действующую армию 70 рождественских подарков (чай, белье, рукавицы, сахар, табак) на сумму 300 руб.

* Опубликовано: Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885-1919. Томск, 1999.

Е. Кригер

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ В НАЧАЛЕ XX В. КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА МИРА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Образ мира - универсальное образование, которое обеспечивает целостное и упорядоченное восприятие окружающей действительности и самого себя, направляет и стимулирует поведение человека, влияет на выбор жизненной стратегии и служит основой для построения объективного мира. Ни одна гуманитарная наука сегодня не обходится без применения этой категории, хотя в каждой из них для обозначения используются различные термины, такие, например, как "менталитет", "объективная карта реальности", "картина мира", "жизненный мир" и др. Обобщая и систематизируя данные различных наук, мы полагаем, что образ мира - это не просто комплекс знаний, которыми обладает человек на определенном историческом этапе (совокупность мировоззренческих знаний о мире), а постоянно развивающаяся, порождаемая человеком система интегрированных явлений реальности, обусловленная его принадлежностью к определенной культуре.

Формирование образа мира человека происходит путем трансформации в сознании окружающей его культуры, - как правило, родного этноса, - через которую в дальнейшем идет постижение культур других народов. То есть, образ мира имеет этническую составляющую. Этнический образ мира включает зафиксированные обществом способы действия и мировосприятия, закрепленные в традициях и знаковых системах, и связывает индивидуальное сознание с общественным путем выделения личностного содержания в конкретных событиях, явлениях и понятиях.

Развиваясь в процессе формирования сознания и являясь его проявлением, образ мира отражает его структуру и, таким образом, включает предметный, смысловой и ценностный уровни¹

В образе мира может быть выделено несколько компонентов, позволяющих вычлени его основное содержание. Это: "образ Я", "образ другого", "образ предметного мира", выделяемые такими исследователями как: А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов² Соплашаясь с отечественным этнологом С.В. Лурье, мы полагаем, что в этническом образе мира находится и "образ Мы", как неременная составляющая "образа Я", обозначающая коллектив способный к совместному действию, и "образ Врага", как то,

что может мешать действию или против чего направлено действие. Также С.В. Лурье выделяет "способ деятельности в мире", который служит фактором различия культур³ Данные компоненты не могут быть получены в чистом виде, они имеют размытые очертания, вступают в различные связи друг с другом.

Образ мира, как результат работы сознания, выстраивается постепенно, в процессе переживания на каждом его этапе кризисов развития, источник которого – постоянное противоречие между образом жизни и качеством многомерного мира человека⁴

С другой стороны формирование образа мира определяется условиями объективного мира, его экономической, политической, социальной, культурной и прочими сторонами. В совокупности все эти стороны оказывают влияние на образование – специально организованную и тщательно продуманную сферу жизни человека, создающую внутренние и внешние условия для развития индивида.

Определяющим условием формирования и развития этнической составляющей образа мира является национальное образование, поскольку в нем осуществляется ненасильственное вхождение человека в мир культуры, творение образа человека в индивиде, обеспечивается развитие, воспитание и обучение, происходит расширение сознания, и его основная функция – сохранение и передача культурного наследия. Динамика образования приводит к динамике структуры образа мира, организуя развитие предметного, смыслового и ценностного сознания. Вместе с тем, ценности, заданные образованием, определяют наполнение содержательных компонентов образа мира.

На национальное образование немцев в течение XX в. оказал влияние ряд факторов, приведших к игнорированию национальных смыслов и ценностей, деформации образа мира человека, утрате его этнической уникальности, увеличению межэтнических конфликтов.

Мы полагаем, что истоки этой картины следует искать в начале XX века. Ее определили отношения между Россией и Германией, а также соответствующая политика Российского государства в отношении немцев, в том числе и немецких национально-территориальных образований (Республики немцев Поволжья, немецких районов), приведшие к противоречию между тем, что каждый человек принадлежит к определенному этносу и его образование осуществляется путем трансформации культуры народа в образ мира ее носителя, с одной стороны, и подходом в области образования, направленным на формирование личности, лишенной этнической уникальности, с другой.

Во время Первой мировой войны, когда Россия и Германия выступили представителями разных лагерей, немецкое население в России оказалось под пристальным вниманием как правительства, так и обывателей. В нашей стране происходит осмысление истории, традиций, социальных институтов немцев-колонистов. Ужесточается законодательство в отношении представителей германского этноса. В период с 1915 по 1917 гг. Советом Министров было издано 15 законов ограничивающих землевладение и землепользование российских подданных австрийского, венгерского и германского происхождения⁵ В 1916 г. было обнародовано Положение Совета Министров о восприятии преподавания на немецком языке начиная с 1916-1917 учебного года "во всех учебных заведениях, не исключая частных и содержащих евангелическо-лютеранскими приходами"⁶

Российская научная и публицистическая литература закрепляет образ врага, увиденный в немцах-колонистах. Пример тому – выход в свет в 1916 г. брошюры П. Луппова "Немецкая начальная школа в России". П. Луппов отмечает, что, несмотря на различия в немецких школах (относительно ведомства, объема программ, продолжительности обучения и др.), в них проявляются особенности, несовместимые с государственными интересами России⁷ Продолжение этой идеи находим на страницах приложения к газете "Сельский вестник" в статье "Как мы избавимся от немцев-колонистов" (1916). Средства массовой информации поясняют отношение государства относительно российских немцев: "военное начальство... распорядилось заранее убрать немецких колонистов отовсюду, где будут вестись военные действия, и выселять их в губернии отдельные от войны... Все видели чувства их также – немецкие, а не русские чувства. Поэтому от них и ждать нельзя, чтобы душа их искренне желала полного поражения германской армии"⁸

В связи с Первой мировой войной в отношении российских немцев принимается ряд дискриминационных актов на губернском уровне: запрещаются все национальные общественные организации, немецкоязычные издания, публичные разговоры на немецком языке. Ликвидируется немецкая топонимия – все поселения получают русские названия. При мобилизации представителей народа на военную службу, их направляют большей частью во вспомогательные подразделения. Распространялся запрет и на музыку немецких композиторов⁹

События Первой мировой войны позволяют нам выявить содержание образа мира российских немцев. При рассмотрении влияния "ликвидационных законов" и незаконных преследований на настроение и хозяйственную жизнь немецкого населения в России Л.В. Малиновский отмечает, что в это время прекращается аренда и покупка земли, импорт сельскохозяйст-

венных машин и запасных частей к ним, сокращаются посе́вы; часть лошадей была реквизирована для армии, часть работников мобилизована. Мennonиты – отдельная религиозно-этнографическая группа российских немцев – стали именовать себя голландцами, хотя до 1914 г. говорили и писали они по-немецки¹⁰

Оказавшись под подозрением со стороны Российского государства и русского населения в период Первой мировой войны, немцы приспосабливаются к новым условиям жизни в России, стараясь сохранять при этом нейтральную позицию в отношении с этой страной и ее людьми. Мы полагаем, что следствием такой национальной политики стало искажение в образе мира немцев их ценностно-смысловой сферы, в контексте отношения к самим себе, к русским и Российскому государству, а также искажение в предпочитаемых способах достижения цели.

Условия формирования образа мира немцев в России далеко не исчерпываются вышеназванными, однако именно они оказали влияние на судьбу немцев в последующее время.

Таким образом, одним из условий формирования образа мира российских немцев в начале XX в. явились отношения между Россией и Германией, определившие тенденцию в развитии образа мира российских немцев.

Примечания

¹ См.: Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал (Томск). 1998. № 8, 9. С. 7-12.

² См.: Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. В 2 т. Т.2. – М.: Педагогика, 1983. С. 251-261; Зинченко В.П., Моргунев Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – М.: Тривола, 1994.

³ См.: Лурье С.В. Историческая этнология. Учебное пособие для Вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 448.

⁴ См.: Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал – Томск № 8, 9, 1998. – С. 7-12.

⁵ См.: История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). – М., 1993. С. 48-57.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ См.: Луппов П. Немецкая начальная школа в России. – Пг., 1916. – С. 48.

⁸ Центр Хранения Архивного Фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 38. Оп. 2. Д. 183. л. 79, 143, 148.

⁹ См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941-1945). М.: Готика, 1998. С. 18; Малиновский Л.В. История немцев в России. – Барнаул, 1996. С. 81-82.

¹⁰ См.: Малиновский Л.В. История немцев в России. – Барнаул, 1996. – С. 83-84.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Складывание этнических общностей происходит не одномоментно, а представляет собой длительный процесс. На этот процесс оказывают влияние многочисленные и разнообразные факторы, которые и обуславливают формирование специфических черт этнической общности и ее культуры. Поэтому выявление особенностей исторического развития становится необходимой задачей исследователей этнической культуры. Определение факторов, повлиявших на развитие этнической общности, позволит не только описать специфику культуры этноса, но и объяснить появление в ее составе определенных черт.

История формирования и развития этноса российских немцев содержит такие моменты, которые ставят массу проблем и вопросов. Хотелось бы обратить внимание на некоторые, наиболее важные из них, и представить один из возможных вариантов их решения.

Обратимся к началу процесса формирования этноса российских немцев. Начальный этап является важнейшим для складывания таких признаков этнической общности как язык и самосознание.

В первую очередь следует отметить такую особенность исторического развития, оказавшую значительное влияние на складывание своеобразного облика этнической культуры, как то, что этнос российских немцев складывался из представителей различных земель-государств. Общеизвестно, что в период переселения в Россию основной массы немецких колонистов Германия представляла собой конгломерат мелких государств. Такое положение означало отсутствие единого самосознания, наличие ярко выраженной местной специфики. Жители отдельных княжеств, переселившиеся в Россию, являлись носителями местного самосознания, выраженного в особенностях языка, материальной и духовной культуры. Эти специфические черты процесса складывания этноса двояко отразились на формировании этнической культуры. С одной стороны, следствием этого был изначально неоднородный состав этнической культуры, в нем консервировались региональные особенности культуры отдельных германских земель. Так, исследователи языка российских немцев неоднократно обращали внимание на существование многочисленных диалектов, сохранившихся со времени пе-

реселения и не смешавшихся между собой до настоящего времени. Региональные различия диалектов оказывались настолько значительными, что языком общения различных групп российских немцев становился русский язык. Этим объясняют возросшее значение русского языка в период, когда состав немецких поселений оказался смешанным в смысле совместного проживания групп немецкого населения, говоривших на различных диалектах. Литературный немецкий язык не смог занять этого места в силу того, что объем его преподавания в школе был явно недостаточным для получения им роли общеупотребительного.

Языковому многообразию сопутствовало и конфессиональное. Конфессиональная структура сохранялась на протяжении всего времени существования этноса и еще отчетливее обозначала неоднородность состава этнической общности. Говоря об этой особенности, необходимо отметить, что ее наличие было обусловлено и политикой российского государства, которое стремилось использовать религию в целях более успешного управления колониями и предписывало строго следовать религиозным нормам.

Наличие у выходцев из германских земель множества диалектов, их принадлежность к различным, зачастую враждебным конфессиям, свидетельствовало об отсутствии единого общегерманского самосознания. Но переселение в иноязычную, иноконфессиональную, инокультурную Россию заставило различия отойти на второй план и способствовало объединению колонистов на основе разделяемых всеми группами переселенцев представлений об общегерманском происхождении. Из пестрой мозаики самосознания представителей отдельных немецких княжеств складывалось единое самосознание российских немцев. Языковые и конфессиональные отличия стали особенностями этого самосознания. На наш взгляд, такая специфическая черта как отсутствие единого самосознания способствовало самоидентификации переселенцев именно в качестве представителей особой группы немцев - немцев, проживающих в России.

Другой особенностью истории становления этнической общности российских немцев является то, что складывание этнической общности российских немцев осуществлялось в несколько этапов. Большая протяженность во времени процесса формирования этнической группы делала возможной постоянную "подпитку" этнической культуры новыми выходцами из германских земель. Следствием этого явилась многослойность состава этнической культуры, ее длительная связь с материнской культурой.

Обе охарактеризованные особенности оказали влияние на устойчивость этнического самосознания. В его основе лежало противопоставление "они - мы", базирующееся, с одной стороны, на закреплении в сознании

представителей этноса чертах локальных культур, а с другой стороны, на осознании общегерманского происхождения.

Состав переселенцев также оказал влияние на становление этнической культуры. Кратко остановимся на его содержательном анализе. Причины переселения изначально определили социальную структуру будущих колонистов. Тяжелое экономическое положение, сложившееся в германских княжествах, вынуждало к переселению, в основном, беднейшие слои. Их имущественное положение было таково, что они, нуждаясь в земле и не имея возможности обеспечить нормальное существование себе и своей семье за счет ремесла, испытывали острую нехватку денежных средств. Об этом говорит, помимо самого факта переселения, то, что у переселенцев не было средств для переезда, поэтому правительство оплачивало расходы на дорогу в Россию. Более того, по прибытии большинства семей оказалось без средств к существованию и полностью зависело от финансовой помощи правительства. Она заключалась в выделении колонистам вновь построенных домов, выплате кормовых и подъемных денег. Колонисты получали денежные ссуды на приобретение сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, домашних животных, семян. Финансовые затраты правительства нельзя назвать благотворительностью. Оказывая столь серьезную помощь колонистам, правительство преследовало вполне определенную цель: поставить переселенцев в денежную зависимость с тем, чтобы закрепить их на новых землях. Такая политика изначально формировала у колонистов позицию подчиненных. В этих условиях проходило становление этнического самосознания. Это имело несколько последствий. Во-первых, осознание общих проблем особого рода привело к ускорению процесса формирования самосознания этнической общности. Во-вторых, обусловило определение экономического благополучия как одной из приоритетных ценностей. В-третьих, закрепляло представление о подчиненном положении одного этноса по отношению к другому. Для складывания этнической общности немаловажным было и то, что оказанная на начальном этапе поддержка способствовала образованию в составе этноса широкого среднего класса, выделяемого по имущественному признаку.

Профессиональный состав колонистов также находился в зависимости от причин переселения. Так как основной причиной была нехватка земель, то и большая часть (около 60%) переселенцев занималась сельскохозяйственным трудом. Правительство России также рассчитывало именно на эту категорию населения, что нашло отражение в Манифесте, где большое внимание было уделено описанию сельскохозяйственных угодий, выделяемых

для поселения. Тем не менее, правительство декларировало широкие возможности и для людей других профессий. Манифест сообщал о возможности селиться в любом городе, став купцом, мещанином или работая в цехах. Известно, что на Волгу прибыли колонисты около 150 различных профессий, таких как ткач, сапожник, мельник, а также аптекарь, художник, музыкант. Но правительство нуждалось в крестьянском населении, поэтому, несмотря на агитационные заявления, направляло в колонии и тех переселенцев, которые выражали желание поселиться в городах и заниматься ремеслом. Вследствие такой политики многие из переселенцев, независимо от своей прежней профессиональной принадлежности, были вынуждены заняться обработкой земли. Лишь в некоторых из колоний, например, в Сарепте и Екатериненштадте, развивалось ремесло, подавляющее же большинство переселенцев занималось сельскохозяйственным трудом. Итак, профессиональный состав определялся как причинами переселения, так и политикой государства. Следствием такой особенности профессионального состава, как преобладание населения, занимающегося крестьянским трудом, стал консерватизм и устойчивость к различного рода инновациям, в том числе и к влиянию иной культуры.

Среди прочих факторов, оказавших влияние на формирование этнической культуры российских немцев, на наш взгляд, необходимо выделить политику государства. Ряд правительственных указов и постановлений свидетельствуют о том, что на начальном этапе взаимоотношений государства и немецких переселенцев она носила целенаправленный и продуманный характер. В системе мероприятий правительства можно отметить две тенденции. С одной стороны, государственная политика была направлена на закрепление в немецкой культуре тех черт, которые были необходимы для хозяйственного освоения земель. Так, правительство стремилось к тому, чтобы в немецких колониях формировался особый, отличный от русского, способ ведения хозяйства и жизненного уклада. Власти пытались создать или поддержать те этностереотипы, которые были бы полезны с точки зрения хозяйственного освоения земли. В набор наиболее предпочтительных характеристик типичного немца должны были входить трудолюбие, экономность, расчетливость. В Инструкции для колонистов 1769 года были расписаны по пунктам права и обязанности колонистов, их выборных руководителей. Правительство Екатерины II нацеливало переселенцев на скромный образ жизни и трудолюбие, создание крепких самостоятельных хозяйств. В Инструкции содержалась статья, запрещающая приобретение роскоши и неразумные траты. Инструкция категорически запрещала тунеядство и бродяжничество: "Никого бродить по колониям и просить милос-

тынно и без дела шататься отнюдь не допускать, а определять всех таковых в работники к семействам. В противном случае за несмотрение начальники наказаны будут"¹. Этих принципов правительство требовало придерживаться и в дальнейшем, о чем говорят статьи "Устава о колониях иностранцев в Империи" 1857 г.²

С другой стороны, мероприятия российского правительства приводили к тому, что в жизнь колоний проникала русская специфика, с которой немецкая культура взаимодействовала и приобретала вследствие этого новые черты. Важным являлось соответствие такой политики представлениям самих колонистов об образе жизни и способе хозяйствования, в противном случае все правительственные начинания натолкнулись бы на непонимание и отрицание со стороны немцев. Таким образом, продуманная и целенаправленная политика правительства органично соединилась с желаниями и стремлениями самих колонистов, что сформировало в результате особый феномен, называемый культурой российских немцев.

Особого внимания требуют вопросы, связанные с выяснением роли русского иноэтнического окружения в формировании этнической культуры российских немцев. Наличие иноэтнического, русского окружения заставляло формирующуюся культуру постоянно актуализировать те своеобразные черты, которые были ей присущи. Существование в условиях окружения другого этноса способствовало консолидации этнической общности, появлению прочных установок на сохранение своеобразия культуры. В качестве результата действия этого фактора необходимо отметить высокую степень замкнутости этнической культуры, ее ориентацию на сохранение своеобразных черт, устойчивость к ассимиляции. Другим следствием взаимодействия русской и немецкой культур были творческая переработка и усвоение некоторых черт русской культуры в сфере экономического уклада, языка, религии и быта с сохранением содержания важнейших компонентов центральной зоны этнической культуры.

Таким образом, на формирование и развитие этнической общности российских немцев повлияли такие особенности исторического пути как происхождение переселенцев; специфика экономического и политического положения германских государств середины XVIII века; осуществление переселения в несколько этапов; политика государства; существование в иноэтнической среде. Последствия влияния этих факторов были таковы: этническая культура под их воздействием складывалась как неоднородная по составу, с консервацией местных особенностей культур различных германских земель; с устойчивым этническим самосознанием, сформированным на основе четкого представления об инаковости собственной культу-

ры. Взаимодействие с русской культурой является особым фактором становления этноса российских немцев. Представляется, что процесс постоянного взаимодействия двух культур и являлся процессом формирования этнической культуры. И культуру российских немцев необходимо рассматривать как феномен, сформировавшийся на стыке двух культур – немецкой и русской.

Примечания

¹ Цит. по: Чеботарева В.Г. Немецкие колонии российской империи-«государства в государстве» // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 129-144.

² См.: История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) / Сост. Ауман В.А., Чеботарева В.Г. - М., 1993. С. 22.

Н. Вашкау

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В УСЛОВИЯХ РОДИНЫ И ЧУЖБИНЫ. XX ВЕК

Вне поля зрения современной отечественной и зарубежной историографии остается проблематика культурного самоотождествления российских немцев в обстановке нескольких волн вынужденного возвращения части немецкого этноса на свою историческую родину.

Задача предлагаемой статьи, подготовленной на базе фондов Федерального архива ФРГ и материалах германских библиотек, состоит в том, чтобы рассмотреть проявления культурной идентичности российских немцев в условиях новой родины (под которой подразумевается Россия) и чужбины (исторической родины, под которой подразумевается Германия).

Российское государство проводило целенаправленную политику по приглашению иностранцев для осуществления экономико-культурной миссии. Немцы оставили заметный след в политике, экономической жизни, культуре России. Но в кризисные периоды российско-германских отношений эта этническая группа оказывалась в положении внутреннего врага и подвергалась репрессиям. Ответом со стороны немцев было пассивное сопротивление – эмиграция. Остающаяся часть этноса консолидировалась и продолжала саморазвиваться на основе культуры, ибо в кризисные моменты общества именно культура, включающая в себя язык, традиции, обряды, образ жизни и т.д. “держит” общество, не дает ему рассыпаться, придает способность к органическому воспроизводству, к сохранению национальной самобытности.

Обращение к историко-культурному фону, на котором складывалась и развивалась самобытная культура российских немцев, позволяет очертить круг проблем, выносимых на рассмотрение.

Интеграция в германское общество. В конце XIX века немцы демонстрировали большие региональные различия и социальную разнородность (гетерогенность). Региональные группы различались социально-культурно настолько сильно, что встает вопрос: можно ли вообще их относить к единой этнической группе¹ Это предопределило проявление национальной идентичности и сплоченности немцев в экстремальных условиях вживания в Германии в период эмиграции 1917-1929 гг.

Эмиграция российских немцев в Германию после революции 1917 г. носила свои особенности, но единым было желание немецкой диаспоры сохранить свою идентичность и не раствориться в рамках принимающего государства. В данном случае мы наблюдаем интересный феномен возвращения на историческую родину по политическим и экономическим причинам части германской нации, которая два столетия развивалась в условиях инонационального и инокультурного окружения.

Неприятие большевизма, голод, опасность, нависшая над жизнью многих, привели к массовому исходу различных групп эмигрантов. Большая часть их предполагала вернуться на родину, надеясь, что господство большевиков продлится недолго. Поэтому как русская, так и немецкая части эмиграции воспринимали свое пребывание за границей России как временное. Но после декрета РСФСР 1921 г. (подтвержденного и дополненного затем в 1924 г.), который лишал эмигрантов гражданства и превращал их в лиц без гражданства или апатридов (этот термин официально был внесен в документы Лиги Наций), дорогу назад была отрезана.

Интеллектуалы из городской среды сравнительно быстро адаптировались. В этом помогал высокий уровень образования, включение в экономическую жизнь страны. Немаловажным фактором стало знание русского языка практически всеми городскими выходцами, которое они получили либо в центральных русских училищах, либо в частных школах и русских гимназиях. Это позволяло немцам – выходцам из городов – вступать в контакт с русской частью эмиграции. Одновременно поволжская и другие региональные группы немцев из России подчеркивали особую линию, направленную не на интеграцию в среду немецкого населения Германии, но к возможно более тесному объединению вокруг землячеств и сохранению специфических волжско-немецких традиций. Эта линия исходила из ожидания возвращения в Россию. Другой была ситуация с эмигрировавшим крестьянским населением. Крестьяне в подавляющей массе говорили на диалектах и плохо или совсем не владели русским языком. Кроме того, общий кругозор этой части населения в России едва выходил за пределы собственной деревни, религиозной общины, региона. Показателем этого является большая волна возвращений в 1926–1927 гг. беженцев от голода 1920–1922 г. после объявления амнистии правительством Немецкой автономии на Волге в 1924 г. и временной стабилизации в экономике советской страны²

Первая задача, которая встала перед оставшимися в Германии – создать условия для более-менее сносной жизни, оказать помощь детям, которые в первую очередь испытали колоссальное физическое и психологическое

потрясение. Если основная цель системы образования русской части эмигрантов состояла в сохранении русского самосознания, и поэтому основное внимание в эмигрантских учебных заведениях было сосредоточено на гуманитарных дисциплинах, а за образец для школ была принята русская классическая гимназия (с акцентом на древние языки, русскую литературу и историю)³, то школы для немецких детей также организовывались с учетом традиций покинутой родины.

Центральным пунктом объединения всех эмигрантских групп был Берлин. Одновременно в нем расположились около тридцати организаций русской эмиграции. Число объединений немцев из России доходило до двадцати. Для поддержки немецких национальных меньшинств и их консолидации были созданы многочисленные общественные, спортивные, школьные, религиозные организации – Verein für das Deutschtum im Ausland; der Deutsche Schutzbund; Deutsche Sprachverein. Поддержка немцев за рубежом разделялась широкими слоями населения и поддерживалась министерствами. Например, II отдел МВД патронировал немцев за рубежом, осуществлял исследования экономической жизни, образовательной политики. VI отдел МИД концентрировал свои усилия в области культуры. С этой целью 10 января 1917 г. был открыт Deutschen Ausland-Institut в Штутгарте, в 1917 г. – Osteuropa-Institut в Бреслау⁴

Тон внутренней жизни задавали немцы – горожане из Москвы, Петербурга, Прибалтики, которые 19 апреля 1919 г. основали “Союз колонистов и других немцев Севера России”. Большую роль в консолидации всех эмигрантских групп из России сыграл пастор Отто Петерсон. Он эмигрировал в Берлин с начала Первой мировой войны и образовал в Берлине евангелическую общину немцев из России. В письме в МИД Германии О. Петерсон определил мотивы организации собственных школ для выходцев из России: “возродить к жизни две культурные ценности – школу и религиозную общину. Это служит уже сейчас будущему возрождению России”. Такая школа была открыта в декабре 1920 г. как частная школа Св. Георга в Берлинском округе Вильмерсдорф под руководством известного петербургского пастора Иоганна Мазинга. Школу посещали и дети русских эмигрантов. Оплата за обучение складывалась частью из пожертвований, частью из фондов МИДа Германии.

Состав учителей был очень квалифицированный. Русская эмиграция представляла собой необычайную концентрацию культурных сил, цвет науки, технической интеллигенции. Поэтому не удивительно, что в качестве учителей в гимназии выступали известные ученые, имевшие прекрасное образование: из 13 учителей 11 имели докторскую степень. Директор гим-

назии Х. Вахсмут⁵, возглавивший школу после смерти в 1921 г. Мазинга, и старшие учителя Ф. фон Штейнманн, Э. Виттенбург имели степень доктора филологических наук; М. Архангельский – доктор юридических наук; братья Роберт и Эрих фон Фосс – доктора философских и филологических наук; Елена фон Борткевич после окончания Высших женских курсов в Петербурге слушала курсы в университетах Геттингена и Берлина в 1895-1902 гг.; Берта Бартолитиус закончила педагогический институт в Петербурге и училась 4 семестра в университете Лейпцига и т.д.⁶

Школа работала по программам гимназий, в учебном плане были представлены литература, краеведение, история России. Русский язык преподавался как отдельный предмет, так как много немцев просило о возможности основательно изучать его. Все остальные предметы преподавались на немецком языке. Число учащихся в течение первых лет возросло с 50 до 230 в 1923 г. Вторая школа была основана проф., д-ром Августом Каминкой, председателем Российского Академического общества 10 февраля 1921 г. В своем письме он обосновал необходимость основания школы и предполагал обучать детей русских эмигрантов по учебным планам старых русских гимназий в строго национальном русском духе. В ней также учились дети немцев из России. Финансировалась она также частными пожертвованиями и дотациями МИД Германии. Занятия проводились во вторую половину дня в здании немецкой частной школы. В 1923 г. она имела 230 учащихся, в 1930/31 г. – уже 60, так как экономические условия жизни в Германии изменились и многие русские эмигранты уехали во Францию, Чехословакию, Югославию.

В архиве Берлина сохранились подробные характеристики на учителей, преподававших в этой школе. Практически все закончили университеты Москвы или Петербурга, Варшавы, Одессы.

В письме в МИД от 26 апреля 1923 г. с просьбой о финансовой поддержке общины беженцев и немецко-русской гимназии, О. Петерсон подчеркнул, что усиление и сплочение немецкого меньшинства из России откроет канал на Восток, через который смогут осуществляться духовные и экономические отношения между странами⁷ Обучение студентов и религиозная жизнь строились также с учетом традиций покинутой родины⁸

Интеграция в советское общество. Сохранение и передача собственной культуры (на примере АССР НП) на уровне родного языка, религии, материальной культуры оставшейся части немецкого этноса демонстрируют пределы сохранения национальной идентичности в период тотального коммунистического контроля в строго ограниченных рамках и формах. В исследованиях Е.М. Ериной, Н.Э. Вашкау, О.А. Лиценбергер⁹ подробно рассмат-

риваются различные стороны духовной жизни немцев в СССР в 1920-1930-е годы – образование, музыкальная культура, театр, народная песня, образование, религия и др. Национальная немецкая школа и церковь являлись основными институтами сохранения немецкой культуры и восприятия культуры окружающих народов в советском государстве. Одновременно в результате кампаний по борьбе с “буржуазным национализмом” и национальной спецификой шло разрушение связующих нитей этноса, уничтожалась народная культура, унифицировалась немецкая школа.

Депортация 1941г. явилась рубежом, за которым можно говорить о существовании в виде осколков материальной культуры немцев в местах проживания на спецпоселении. Произошло размывание культурной и исторической памяти народа при сохранении элементов материальной культуры. Появилось чувство неуверенности и экзистенциального одиночества у людей, не имевших возможности идентифицировать себя со своей этнической группой, и немцы идентифицируются (обозначаются) как советские (теперь российские) немцы. Регионально-социальный раздел полностью исчез.

Немцы в СССР после депортации в 1941 г. избирали два пути: часть под внешним давлением скрытно усиливала свою этническую идентичность, уходя в область семьи и религии (меннониты), часть мимикрировала (изменяла национальность в паспорте), ассимилировалась с национальным большинством (русскими). В подобных процессах аттрактивность этнической группы (если таковая имеется) играет большую роль. Для нормального самочувствия человека легче себя идентифицировать с аттрактивной группой (в экономическом смысле), какими стали выступать для немцев России граждане Германии, особенно с начала 90-х годов XX века.

Иммиграция в Германию в начале 90-х гг. и проблемы интеграции на исторической родине. Миграционное движение немцев из России первой половины XX века коренным образом отличается от современной эмиграции 90-х годов XX века. К нынешней массовой эмиграции российских немцев в Германию привели не столько экономические и политические изменения в нашей стране, сколько их последствия в виде изгнания и угрозы двойной ассимиляции со стороны национальных республик, отошедших от России. Элементы культуры, которые ранее, в силу сложившихся исторических событий, сильнейших ассимиляционных процессов, едва востребовались (язык, обычаи) или запрещались (религия) и ограничивались законодательно (территория расселения), становятся важнейшим фактором сплоченности и усиления этнической идентификации. Представители меньшинства, чья идентичность находится под угрозой потери, подчеркивают много чаще свою принадлежность, чем члены большинства. Поэтому сегодня в

сравнении с гражданами Германии этническое самосознание у переселенцев выражено сильнее, по крайней мере, на уровне самооценки.

Процесс интеграции начинается с фазы, которую можно обозначить как фазу культурного шока (враждебности, изоляции, дезорганизации). Эта характеристика подходит не только для немецких, но и для других групп эмигрантов и беженцев. Наступает ментальный и идентификационный кризис в череде экономических, социальных и социокультурных изменений, когда теряется родина и связь с ней, материальное положение, профессиональные занятия, семейные и иные социальные связи, нет еще контактов в новом окружении (проживание в лагерях для переселенцев). Отторгнутые от традиций прежней немецкой культуры люди сохраняют и консервируют отдельные части культуры в советском ее варианте – литературу, песни, танцы, детские игры – вплоть до мебелировки квартир, домашних предметов быта и т.д. И сегодня некоторые образцы такой материальной культуры занимают почетное место в их квартирах (российские немцы украшают дома с привнесением российских (советских) образцов обустройства квартир).

Фаза культурного контакта начинается с организаторами в лагерях и местах административного диалога (больницы, биржи труда, магазины), с представителями местных каритативных организаций, церковью, школой, с поиска семьи. Здесь отчетливо видно разделение на город и село. В больших городах и индустриальных центрах разделения (мигранты – местные жители) не так резки, так как известны перемещения и слабые связи в городах. На селе о такой широкой культурной интеграции нельзя говорить, так как единение сельскохозяйственных групп было сильным, обычаи и порядок жизни воспроизводятся с большой точностью, как на прежней родине. Можно говорить на своем наречии, праздновать старые праздники и обычаи, варить старые блюда, жениться на представителях своей группы земляков. Немцы из России, вследствие иного образа жизни и незнания языка, находятся в изоляции от принимающего населения.

Фаза конфликтная выражается в столкновении разных культурных стереотипов, начиная с празднования религиозных праздников и заканчивая конфликтом разных диалектов, насмешками, дискриминацией и принципиальным обсуждением проблем культурной интеграции (например, нежелательность употребления диалектов в школе). Конфликт находит свое разрешение в уходе в семью и консервации и сохранении очагов культуры своей родины на уровне семьи (это хорошо видно на примере меннонитов и турок в Германии).

Следующий этап интеграции приводит к созданию первых организаций на религиозной почве, благотворительных, общественных, культурных. Происхо-

дит “вторичное образование меньшинства”. Эта фаза хорошо просматривается в ностальгических мотивах, сентиментальной связи как компенсаторном средстве к восстановлению идентичности. Волна эмиграции 1920-х гг. особое внимание уделяла ознакомлению с положением в советской стране, публикациям в прессе писем голода 1920-х и 1930-х гг. Основным каналом информации в настоящее время являются поездки на родину, когда старшее поколение ее не узнает, а молодое, воспитанное на рассказах старших, воспринимает и хранит ностальгическое представление, но после поездки корректирует картину родины.

Столкновение волн переселенцев – проблема, которая сегодня обсуждается особенно остро, когда огромное число так называемых “поздних переселенцев” имеет национальное немецкое происхождение по предкам, но очень ограниченные кусочки немецкой культуры. Одновременно значительная часть переселенцев привнесла совершенно иной менталитет – культуру русскую, казахскую, украинскую, узбекскую. По приезду в Германию они теряют семейные и дружественные контакты, но не находят их на новом месте. Их представления о том, какое место должны занять рабочие в Германии, наталкиваются на языковые и научно-технические трудности, на разрыв в образовании между Германией и Россией.

Группа молодых переселенцев, которая в опросах причиной переселения называет поиск экономической стабильности, хочет найти работу желаемую, но реально получает предлагаемую, что ведет к психологическому надлому. Материальная ориентация молодых возрастных групп ведет к конфликтам в семьях. Но представление о том, что переселенцы могут найти работу и начать профессиональную карьеру, подкрепляет понимание того, что, в отличие от предыдущих волн эмиграции, у них нет дороги назад (так как положение в России не улучшается). Основательная и достоверная информация о требованиях, которые предъявляет к иммигрантам принимающее общество Германии, для переселенцев важнее, чем материальная поддержка. Современная интеграция, как все больше показывает время, это не односторонний процесс. Перед германским правительством стоит задача наиболее безболезненного вхождения переселенцев в социокультурную структуру общества, с одной стороны, и сохранение прежней культуры, но уже не немецкой, а русской (условно) культуры, в частности, поощрение сохранения родного языка в смешанных семьях (русского и др.) для использования его в мультикультурном обществе Запада, с другой стороны. Современные социологические исследования в Германии показывают, что на месте немецкая миграционная политика поощряет и усиливает этнистические и сегрегационные тенденции, используя разные пра-

вила натурализации (даже если немцы прошли пресловутые экзамены на знание немецкого языка в России), отличные формы расселения и символической политики по отношению к российским немцам и евреям. Обе группы "конкурируют друг с другом за статус жертвы и за право возмещения своих потерь в Германии. Среди немцев распространены рассказы о присущем им трудолюбию, истинной немецкости, в то время как беженцы-евреи прибегают к религиозному аргументу для проведения этнической границы, хотя многие из них не имеют отношения к иудаизму"¹¹ Так обе группы отделяют себя от окружающего их общества и противопоставляют себя друг другу. Это еще раз демонстрирует, что этнизация (идентичность) имеют общественно-политическую маркировку. И если инстанции принимающего сообщества, расселяя по отдельным обществам, городкам, кварталам, таким образом, провоцируют образование групп, то и окружение мигранта вновь и вновь указывает ему на его происхождение и делит на осси, весси и русских (российские немцы, евреи, русские, казахи).

Фаза аккультурации. Под ней понимается процесс интеграционной ступени, когда элементы собственной и чужой культуры сливаются настолько, что подгонка отношений под окружающее создает опасность (в нашем случае – искомый результат) для членов группы. Эта фаза требует длительного времени, и как минимум три поколения должно пройти, прежде чем можно будет говорить о полной культурной включенности. Волна эмиграции 30-х гг. сопротивлялась этому включению до начала прихода Гитлера к власти, когда даже русские школы были поставлены на службу интересам нацистского государства¹²

Эмиграция последнего периода – только в начале процессов интеграции в германское общество. Этот вывод подтверждают, например, стремления восстановить семейные, соседские, региональные связи. Этот факт регистрируется на многочисленных встречах переселенцев отдельных городов, республик, сел. Часто они проходят без участия официальных землячеств, что означает объективную потребность людей воспроизводить обрванные связи с родиной в первую очередь из-за большой изоляции этого поколения от окружающей культурной среды нового общества. Следующее поколение (дети переселенцев), имея в виду язык, социальную, профессиональную, научно-техническую интеграцию, большое внимание уделяют этим вопросам и в области культуры склонны активно включаться в масс-культуру Запада.

Сегодня немцев из бывшего СССР граждане Германии определяют в обыденном сознании не как немцев. И то же время нужно знать и принять

во внимание, что жизненная история переселенцев из СССР была как раз связана с их немецкой национальностью, хотя по-немецки они не говорят в большинстве случаев и в Германии не жили. Задачей является изучение самого процесса миграции, что дает возможность оценить условия жизни и ее развитие, формы идентичности и стратегию интеграции.

Автор исходит из положения, что качественные изменения в области культуры могут быть отмечены, зафиксированы и изучены на протяжении длительного отрезка времени. Духовная и социальная жизнь российских немцев в более широком контексте находилась в тесной связи с политической и экономической историей многонационального государства СССР и испытала на себе все изломы национальной и культурной политики, что предопределило сложение векторов российской истории и истории немцев. Поэтому в центр дискуссии выдвигается проблема изучения и понимания персонального и коллективного опыта мигрантов, с которым они появляются в новом обществе.

С учетом этнической и культурной мозаичности страны (а это в равной степени относится к России и Германии) обществу важно сегодня, чтобы система образования выполняла коммуникативную функцию, т.е. давала достоверные и достаточные знания о культуре, традициях, обычаях, религиях не только для понимания своей идентичности, но и для понимания других, существующих рядом и соприкасающихся в повседневной жизни культур, людей с иными взглядами. Знакомство с другими культурами – путь к упрочению взаимотерпимости, согласия в обществе, культурно неоднородном.

Примечания

¹ В литературе есть две точки зрения: А. Каппелера (Венский университет, Австрия) в статье "Немецкое меньшинство в рамках русского многонационального государства", выделившего 8 региональных групп и И.Р. Плева, выделившего 6 групп по территориальному, 4 по конфессиональному и 3 по социальному признакам. См.: Kappeler A. Die deutsche Minderheit im Rahmen des russischen Vielvölkerreiches Zwischen Reform und Revolution // Die Deutschen an der Wolga. 1860-1917 Essen. 1994. S. 16; Плева И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 203-209.

² Амнистия была проведена "в ознаменование преобразования автономной Области Немцев Поволжья в АССР НП" от 27 марта 1924. Более 300 человек вернулось из Германии в Поволжье. См. подробнее: Ерина Е.М. Трудная дорога домой: возвращение эмигрантов в АССР немцев Поволжья в 1920-е гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 252-263.

³ См.: Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994. С. 67.

⁴ В середине 1920-х годов были открыты Институты по изучению национальных меньшинств в университете Марбурга (1919), в Берлине, Лейпциге (1921), Немецкая академия в Мюнхене (1925), Мюнстере (1927), Восточный институт в Данциге (1927).

⁵ Ханс Вахсмут. Родился в 1878г в Митаве, закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

⁶ См.: Bundesarchiv. Berlin. D 6586. S. 131-132.

⁷ См.: Bundesarchiv. Berlin. F 49. 01. D 6586. S. 1-7.

⁸ См. подробнее: Вашкау Н.Э. Организации и печать поволжских немцев в эмиграции. 1918-1933гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 241-251.

⁹ См.: Ерина Е.М.. Очерки истории культуры немецкой автономии на Волге. М., 1995; Вашкау Н.Э. Духовная культура немцев Поволжья: проблемы школы и образования. Дисс. докт. ист. наук. Саратов. 1998; ее же: Церковь и школа в республике немцев Поволжья. 1917-1938 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. 2000. № 2. С. 152-166; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство. 1917-1938. М., 1999.

¹⁰ См.: Oswald I., Voronkov V. (Hg.) Post-sowjetische Ethnizitaeten. Ethnische Gemeinden in St.Petersburg und Berlin. Berlin. 1997.

¹¹ Беккер Ф. Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 92.

¹² См.: Вашкау Н.Э. Образовательные центры русской эмиграции в Берлине // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия "история и международные отношения" Волгоград. 2002.

СТАТИСТИКА, ДЕМОГРАФИЯ, МИГРАЦИЯ

НАЧАЛО ЭМИГРАЦИИ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ В АМЕРИКУ

К одной из наименее изученных тем в истории немцев Поволжья можно отнести начало их эмиграции в Америку. В российской историографии конца XIX – XX вв. нет сколько-нибудь серьезных исследований. Можно только отметить несколько газетных статей, в которых авторы стремились понять и рассказать о причинах эмиграции поволжских немцев¹. В общих работах по истории немцев Поволжья того периода Г. Бераца, Г. Бауера и некоторых других о данной проблеме вообще не упоминается².

Наиболее значительный вклад в изучение эмиграции поволжских немцев в Америку внесли исследователи США, посвящая этому десятки и десятки книг и крупных статей³. Но в этих публикациях не использовались архивные документы. Авторы полагались исключительно на воспоминания переселенцев, что не позволяло представить общую картину этого процесса. Интересные подходы в изучении самого процесса колонизации нашли отражение в работах латиноамериканских авторов⁴.

Для всех этих работ характерно то, что практически отсутствует анализ причин переселения. Если и делается попытка, то она в основном сводится к рассмотрению двух причин: введение всеобщей воинской повинности и опасение русификации.

По Закону 1871 г., когда поволжские немцы были уравниены в правах с остальным крестьянским населением России, им предоставлялось право в течение 10 лет покинуть Россию, если данное положение не будет их устраивать. До 1874 г. этим правом из поволжских немцев Саратовской губернии воспользовался только колонист из Гололобовки Лисман. Он был женат на православной Пелагее Никитиной. Сложные отношения на этой почве с родственниками и соседями подтолкнули его к эмиграции.

Ситуация изменилась в начале 1874 г. Из нескольких немецких сел стали поступать сообщения, что отдельные колонисты рассматривают возможность выехать в Америку. Первое такое сообщение поступило из колонии Голый Карамыш. Губернские власти особенно встревожились весной 1874 г., когда 22 мая 37 человек из колонии Песковатка подали прошение на выезд в Америку, а 30 мая еще 10 человек из этой же колонии подали подоб-

ное заявление⁵ Это еще не означало, что все они уже готовы к отъезду, но то, что эмиграционные настроения начинают принимать массовый характер, уже не вызвало сомнений.

Каковы же основные причины начала массовой эмиграции поволжских немцев в Америку?

Хотелось бы сразу отметить, что они были несколько отличными от тех причин, которые побуждали немцев Поволжья покидать Россию в конце XIX в. и до начала 1 Мировой войны. Начиная со второй половины 80-х гг. XIX в. и до 1914 г. основная причина была исключительно экономической (нехватка земли, неурожайные годы и плюс письма и деньги на переезд от родственников из Америки), и эмиграция шла с разной степенью активности практически из всех колоний.

Несколько иная ситуация сложилась в 70-е гг. XIX в. Первоначально, эмиграционным запалом были охвачены небольшое количество колоний (Голый Карамыш, Поповка, Усть-Залиха, Норка и некоторые другие). А причина была не одна. Сложился комплекс проблем, создавших условия для начала выезда из России.

1. Важнейшую роль в судьбе немцев России сыграл принятый 4 июня 1871 г. Указ Александра II, который отменил все привилегии колонистов, имевшиеся у них ещё со времён Екатерины II. Немецкие крестьяне переводились под общее российское управление и получали статус поселенцев – точно такой же, что был у русских крестьян после их освобождения от крепостного права. Всё делопроизводство в немецких селениях переводилось на русский язык.

Конечно, происходившие изменения делались в интересах всего российского государства и общества. Сохранявшаяся кастовая замкнутость немцев всё более становилась анахронизмом в условиях быстро набирающей скорость интеграционных процессов в различных сферах общественной жизни. Тем не менее, для немцев, особенно на первых порах, нововведения создали существенные проблемы. Прежде всего, надо было отвыкнуть от своей исключительности, учиться жить и трудиться в условиях действия универсальных законов, единых для всех. Надо было осваивать русский язык, как государственный, приобретать навыки общения со своими соседями других национальностей, надо было интегрироваться в ту общественную систему, которая существовала раньше как бы за пределами колониальной жизни, а теперь вобрала колонистов в себя. Для отстаивания своих интересов теперь надо было активно внедряться в систему местного земского самоуправления, находить там своё место. Отстаивая свои интересы, надо было учитывать интересы соседей.

Следует особо отметить следующее. Правительство России не провело с принятием Закона 1871 г. лишившего колонистов последних привилегий широкой разъяснительной работы. И для многих ликвидация привилегий с разрешением эмиграции в течение десяти лет ассоциировалось с переходом к возможному началу притеснений и давления на бывших колонистов. Информационный вакуум заполнялся различными слухами, создавая неуверенность за свое будущее в России у определенной части немецкого населения.

2. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г., распространившейся и на колонистов, явилось главным толчком (особенно хочу подчеркнуть толчком, а не причиной) к началу массовой эмиграции в Америку. Первоначальный анализ документов показал, что среди пожелавших уехать в Америку были преимущественно те, кто отделились от официальной Евангелическо-Лютеранской церкви (баптисты и представителей других религиозных групп). Их религиозные постулаты шли вразрез со службой в армии и ношением оружия. Если меннонитов считали официальной церковью, и они могли за определенную сумму не служить в Русской армии, то баптисты, например, считались раскольниками, и на них это право не распространялось.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть: распространение всеобщей воинской повинности на немцев Поволжья явилось причиной эмиграции для небольшой их части, а для остальных послужила своеобразным толчком к возможному переселению. Для основной массы поволжских немцев всеобщая воинская повинность не была чем-то очень страшным, и они спокойно относились к военной службе.

3. Ликвидация привилегий вызвала опасения, что начнутся притеснения по религиозному признаку. Главный защитник колонистов – Контора опекунов иностранных поселенцев была ликвидирована. Отсутствие разъяснительной работы среди населения, о чем я писал выше, привело к тому, что быстро стали распространяться слухи о том, что власти будут принуждать немцев Поволжья принимать православие. Особенно усиленно эти слухи стали распространяться среди тех же небольших религиозных групп, не имевших статуса официальной религии.

Это подтверждалось информацией поступавшей из Соединенных Штатов Северной Америки (США). В беседе с начальником телеграфа Грязе-Царицынской железной дороги на выставке в Филадельфии, бывшие колонисты, уехавшие с Волги, назвали главной причиной оставления России то, что при сохранении русского подданства их могли заставить принять православие⁶

Провокационную роль среди католического населения играли в колониях польские священники, занимавшие откровенно антирусские позиции

после подавления Польского восстания. Хотя епископ Цоттманн эти утверждения отвергал.

4. Постоянный "земельный голод" у поволжских колонистов компенсировался бесплатным выделением государством новых земельных участков. С 70-х гг. XIX в. эта практика прекратилась. Из-за незнания русского языка, переезд колонистов в города был ограничен.

Сложившаяся с конца XVIII в. система запасных магазинов, которыми руководила Контора, позволяла колонистам особо не задумываться о своем положении на случай неурожая. С ликвидацией конторы большинство колонистов оказались неподготовленными к созданию собственного запаса продовольствия и неурожаи начала 70-х гг. XIX в. привели к обеднению значительной их части.

5. Негативную реакцию среди немцев Поволжья вызвало изъятие правительством так называемого переселенческого капитала, помогавшего колонистам в трудные неурожайные годы. Непонимание вызывал сохранявшийся сбор в 22,5 копейки на содержание уже ликвидированной Конторы опекунов иностранных поселенцев.

Эти пять причин в комплексе инициировали начало эмиграции поволжских немцев в Америку.

Анализ ситуации на 1874 г. показал, что наиболее активно процесс пошел в колонии Голый Карамыш, где это движение зародилось, и половина ее жителей изъявили желание выехать в Америку. Практически всем селом готовились к эмиграции в колониях Карамышовка и Лизандердорф. Схожая ситуация складывалась в колония Поповка и Таловка. На июнь 1874 г. 100 семей из Норки высказали представителям уездных властей желание выехать в Америку. В то же время, совершенно по-другому складывалась ситуация в Усть-Кулалинской и Илавлинской волостях, где на это время не было желающих эмигрировать из России.

Поток массового отъезда весной и летом 1874 г. сдерживался тем, что колонисты ждали возвращения своих уполномоченных, отправленных в США. Почти все потенциальные переселенцы питали надежду, что американское правительство выделит средства на их переезд и обустройство хозяйством. Но эти расчеты оказались тщетными. В переезде в Америку пришлось полагаться только на собственные средства и возможности. Это остановило часть колонистов от немедленной эмиграции. Ведь одно дело высказать пожелание, другое дело уехать. Осенью 1874 г. из Саратовской губернии выехало только 25 человек, а из Самарской — ни одного. В 1875 г. Саратовскую губернию покинула 61 семья поволжских немцев. Но массовый характер выезд еще не приобрел⁷

Процедура получения разрешения на выезд была достаточно простой. Желавший выехать из России подавал в сельское управление колонии заявление, которое рассматривалось на сельском сходе. Если все налоги были выплачены, долгов и претензий со стороны односельчан не было, то он получал согласие общества, и документы передавались в волостное правление, где выдавалось специальное увольнительное свидетельство. После этого желавший выехать писал заявление на имя губернатора с просьбой об исключении из русского подданства и выдачи загранпаспорта. Вся эта процедура занимала приблизительно 2 месяца.

Эмиграционные настроения и начало эмиграции стали полной неожиданностью для местных властей. Отъезд небольшого числа колонистов не вызвал особого беспокойства. Но когда в 1876 г. масштабы эмиграции приняли угрожающие размеры, земства начали обследование настроений среди поволжских немцев. Теперь нельзя было говорить о том, что губернские власти безучастно смотрели на происходящие события. Они различными способами (через добровольных агитаторов, через волостные, уездные структуры) стремились убедить немцев не переселяться в Америку. Большим тиражом было отпечатано в мае 1877 г., для распространения в колониях, "Предостережение" со ссылкой на чрезвычайного посланника России в Бразилии графа Коскуля, в котором описывалось "жалкое и безвыходное" положение переселенцев из Европы, в основном немцев Поволжья⁸ Только в трех селах Медведицкой волости было расклеено во всех видных местах (в сельском управлении, при церквях, в школе) и роздано в руки более 75 экземпляров⁹ В начале 1877 г. среди немецкого населения Самарской и Саратовской губерний были распространены открытые письма колонистов Адама Геттига и Петра Канца с описанием бедственного положения переселенцев в Бразилии¹⁰

Саратовский губернатор Галкин-Врасский выдвинул предложение правительству России в законодательном порядке закрепить за колонистами участки земли в вечное владение, что позволило бы удержать немецкое население от эмиграции и улучшить сельскохозяйственное производство. Эти предложения он делал на основе обследования немецких колоний в 1876 г. для выяснения причин эмиграции. Вновь и вновь колонисты называли главной причиной — тяжелое экономическое положение и нерешенность проблемы собственности земли.

Но остановить переселенческий процесс было уже сложно. "Предостережения" и Открытые письма не давали желаемого результата. Так, по сообщениям из Норки, колонисты отнеслись к ним крайне недоверчиво. Большим доверием пользовалась информация, поступающая из Северной

Америки. Огромный поток агитационной литературы из США захлестнул поволжские колонии. Большой резонанс среди колонистов вызвала привезенная в начале 1876 г. на Волгу брошюра бывшего жителя колонии Голый Карамыш Швабауера, переселившегося в Америку в 1875 г. После ее прочтения не только молодые люди, подлежавшие призыву, но и целые семьи изъявили желание выехать в Америку¹¹

Активную агитационную работу среди колонистов за выезд в Америку вели Бременское и Гамбургское пароходства. Зимой 1875-1876 гг. по колониям проезжали представители этих пароходств, предлагая свои услуги для проезда через Атлантический океан. Задерживаясь в каждой колонии на несколько часов, они обещали свое содействие, но только для тех, кто имел достаточно средств для выезда в Америку¹² Наиболее активно в этом направлении работал прусский подданный Митцдорф, приезжавший в Саратовскую и Самарскую губернии несколько раз в 1876 и 1877 гг.¹³

Среди самих колонистов появились люди, хорошо зарабатывавшие на помощи в оформлении документов на выезд. Они так же стремились внести свою лепту в стимулирование эмиграционных процессов. Предпринимательской (если так ее можно было назвать) деятельностью отдельных колонистов стала агитация к выезду из России. Так, например, Андрей (или по-немецки Генрих) Миллер, вернувшись в феврале 1877 г. из Бразилии, ездил по немецким колониям Саратовской и Самарской губерний, подстрекая колонистов к выезду в Америку, нередко откровенно обманывая обещаниями о бесплатной доставке из Гамбурга в Бразилию, о широких льготах, утраченных здесь, в России, и многое другое. Уездный исправник высказал предположение, которое впоследствии подтвердилось, что Миллер является агентом Бразильского правительства, получая вознаграждение за каждого сагитированного им и выехавшего в Южную Америку колониста¹⁴ Кроме того, он брал за доставку из Самары в поволжские колонии заграничных паспортов от 5 до 15 руб. за штуку¹⁵ Его деятельность длилась несколько месяцев. После нескольких предупреждений со стороны властей Генрих Миллер 10 июня 1877 г. выехал, но только не в Южную, а в Северную Америку¹⁶

За 1874-75 гг. только из колоний Саратовской губернии выехало более 400 человек. Больше всего из Норки - 89, Поповки - 73, Голого Карамыша - 49, Лизандердорфа - 36, Ключей - 31, Олешни - 29, Таловки - 28.

Главным препятствием к более массовой эмиграции для большинства колонистов стала нехватка средств. Поволжские колонисты в отличие от колонистов Новороссии не могли продавать свою землю. Она принадлежала общине. При отъезде немцы землю отдавали общине, а продать могли

только дом и движимое имущество. В 1874-75 гг. часть колонистов уезжала на свой страх и риск без достаточного количества денег для столь длительного путешествия, рассчитывая в дороге заработать недостающую сумму. Если на проезд до границ Российской империи денег хватало, то для дальнейшего путешествия искали заработки на территории Пруссии. Не найдя работы, поволжские немцы требовали от правительства этой страны выделения средств на их дальнейшую транспортировку в Америку.

Подобное положение не могло устраивать руководство Пруссии. Начались переговоры с правительством России по решению создавшейся проблемы. По согласованию с российским руководством, Пруссия приняла решение пропускать на свою территорию для транзита в Америку только тех немцев Поволжья, у которых имелись денежные средства из расчета 150 руб. на взрослого и 75 руб. на ребенка¹⁷

Для многих это решение стало непреодолимым препятствием для эмиграции. Рассчитывать на дополнительную помощь правительства США не приходилось.

Часть молодых людей призывного возраста использовали возможность выезда в США не для постоянного проживания там, а только для уклонения от воинской повинности. Саратовский губернатор Галкин-Враский был просто взбешен, когда в 1876 г. получил информацию о том, что часть эмигрировавших в 1875 г. немцев получили американское гражданство, но вернулись в свои колонии. Они продолжают вести оставленное год назад хозяйство, не платя часть полагаемых для граждан России налогов и освободив себя, таким образом, от военной службы. К 1876 г. эта категория бывших колонистов была выслана за пределы страны.

Тем временем на Волге ажиотаж вокруг эмиграции в Америку принимал все большие и большие масштабы. Нехватка средств для выезда в США заставила колонистов искать другие пути. Взоры части колонистов стали обращать к Южной Америке. Два молодых человека, подлежащих призыву в ближайший год в армию, поселяне-собственники колонии Голый Карамыш Александр Райс и Генрих Шейдеманн, обратились через посольство в Петербурге к правительству Бразилии с просьбой принять колонистов из России на тех же условиях, что и Екатерина II¹⁸

Бразильский посланник, барон фон Александер, ответил, что правительство Бразилии готово принять их в свою империю и предложил направить в Петербург четырех депутатов, которые за счет бразильского правительства съездят и ознакомятся с ситуацией на месте.

Это письмо было распространено по уездам и вызвало большое волнение, особенно среди католиков, которые изъявили желание целыми селами

переселиться в Южную Америку. Абсолютное большинство колонистов не представляли, где она находится, и что их там ждет.

20 мая 1876 г. в колонии Голый Карамыш состоялось собрание делегатов от 30 тыс., преимущественно бедной части колонистов Саратовской и Самарской губерний, желавших эмигрировать. После бурного обсуждения письма Бразильского правительства, было выбрано 5 уполномоченных, на дорогу которым было собрано 800 руб. Перед ними была поставлена задача: 1. Договориться о доставке переселенцев за океан за счет бразильского правительства; 2. Получить пособие для обустройства на новом месте; 3. Добиться того, чтобы бразильское правительство, по согласованию с русским, выкупило имущество немцев-колонистов¹⁹

После отправки четырех депутатов, многие колонисты, надеясь на щедрость бразильского правительства, практически прекратили работать на земле, а некоторые стали распродавать свое имущество по баснословно низким ценам. На 1876 г. в Норке изъявили желание выехать 4000 человек, в Каменке 6690²⁰

Информация о желании поволжских немцев переселиться в Бразилию поступала по дипломатическим каналам. Консул России в Бразилии сообщил о получении в Рио-де-Жанейро обращения колонистов колонии Гнилушка о желании переехать туда. Он просил правительство России и власти на местах предостеречь желающих от возможной эмиграции в эту страну, где большинство местных жителей находится в бедственном положении, а правительство равнодушно к нуждам населения. Имея подобные сведения, руководство Франции, Англии, Германии, Италии уже приняли решительные меры против переселения их подданных в Бразилию²¹

Во второй половине 1876 г. наметился определенный спад эмиграционных настроений среди поволжских немцев. Но осенью по колониям стали распространяться в большом количестве экземпляры 216 номера газета "Германия", где информировалось о принятии сенатом Аргентинской республики закона, на основании которого правительство берет на себя предоставление переселенцам из Европы путевых издержек, семян для посева, много земли и освобождение от налогов на 6 лет. Эта статья распространялась среди населения Каменской волости Саратовской губернии бывшим волостным писарем Визнером, частным учителем Минихом и торговцем Шефером²² В Самарской губернии эта статья нашла живой отклик среди католического населения в районе колонии Мариенталь. В это же время на Волге появились агитаторы из Перу, но они быстро были изолированы полицейскими органами.

Активная эмиграция продолжалась до середины 1878 г. С 1879 года она пошла резко на убыль, особенно после того, как на Волгу стали возвращать-

ся из Бразилии сотни изнеможенных поволжских немцев. Непривычные климатические условия, разорение и голод заставили их вернуться домой. Несмотря на то, что в соответствии с российским законодательством прием оставивших русское подданство был запрещен, власти селили их в села, где они жили раньше.

Вплоть до 1886 г. каких-либо значительных волн эмиграции среди немцев Поволжья в Америку не наблюдалось. Ну а потом эмиграционные процессы волнообразно продолжались до начала Первой Мировой войны.

Примечания

¹ Антропович. Об эмиграции наших колонистов в Америку // Саратовский справочный листок. 1877. N 57; Б-ский А. Эмиграция поволжских немцев-колонистов в Америку // Саратовский листок. 1888. N1 8; Паалов А.Н. Почему наши немцы переселяются в Америку.

² Beratz G. Die deutschen Kolonisten an der unteren Wolga in ihrer Entstehung u. ersten Entwicklung. Saratow, 1915.; Bauer G. Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga seit ihre Einwanderung nach Russland bis zur Einfuehrung der allgemeinen Wehrpflicht (1766-1874). Nach geschichtlichen Quellen und Muendlichen Ueberlieferungen. Saratow, 1908 и др.

³ Long J. From Privileged to Dispossessed: The Volga Germans, 1860-1917. Lincoln & London, 1988; Scheuerman R., Trafzer C. The Volga German: Pioneers of the Northwest. University Press of Indiana, 1980; Koch F. The Volga Germans. Pinskyvania & London, 1977 и др.

⁴ Brepohl, Friedrich Wilhelm. Die Einwanderung der Wolgadeutschen in Brasilien (1872-1879). Ponta Grossa (Parana), 1932; Riffel, Jakob. Die Russlanddeutschen, insbesondere die Wolgadeutschen am La Plata. (Argentinien, Uruguay und Paraguay). Festschrift zum 50jaehrigen Jubilaem ihrer Einwanderung. Buenos Aires: Selbstverlag des Verfassers, 1928 и др.

⁵ Государственный архив Саратовской области (ГАСО) Ф. 22.Он. 1. Д. 4605. Л. 8.

⁶ ГАСО. Ф. 1. Он. 1. Д. 2073. Л. 250.

⁷ ГАСО. Ф. 22.Он. 1. Д. 4605. Л. 46.

⁸ ГАСО. Ф. 1. Он. 1. Д. 2073. Л. 365.

⁹ Там же. Л. 345.

¹⁰ Там же. Л.378.

¹¹ ГАСО. Ф. 1. Он. 1. Д. 2539. Л. 206.

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же Л. 35.

¹⁴ ГАСО. Ф. 1. Он. 1. Д. 2641. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 140б.

¹⁶ Там же. Л. 29.

¹⁷ ГАСО. Ф. 1. Он. 1. Д. 2073. Л. 468.

¹⁸ Там же. Л. 31.

¹⁹ Там же. Л. 27.

²⁰ Там же. Л. 32.

²¹ Там же. Л. 140.

²² Там же. Л. 282.

ОБРАЗОВАНИЕ МЕННОНИТСКИХ КОМИТЕТОВ ПОМОЩИ В США НАКАНУНЕ ИММИГРАЦИИ МЕННОНИТОВ ЮГА УКРАИНЫ В НАЧАЛЕ 1870-Х ГГ.

Иммиграция - это признак уверенности и успеха нации. Для Соединенных Штатов Америки - страны, которую создали иммигранты, это утверждение имеет непреходящее значение. Однако как в XVIII веке, так и в начале 70-х годов XIX века процесс иммиграции в Северную Америку был делом очень непростым и требовал от людей, которые принимали решение пуститься в долгое и рискованное путешествие не только немалой отваги и мужества, но и наличия солидной материальной поддержки.

Политика американских властей в вопросе приема переселенцев строилась на принципе создания равных условий и равных возможностей для всех, кто желал поселиться в Соединенных Штатах.

В силу этого, переселенцам не приходилось рассчитывать на помощь властей, и в своем большинстве люди были вынуждены копить деньги на переезд, либо брать в долг. Расстояние, которое иммигрантам предстояло преодолеть, возникающие материальные трудности - все это заставляло относиться к предстоящим проблемам крайне ответственно, что, в конечном счете, тормозило процесс переезда, вынуждало многих людей откладывать принятие окончательного решения о выезде.

Организация иммиграции в США части меннонитского населения Юга Украины, обусловленная в определенной мере решением царского правительства ввести в стране всеобщую воинскую обязанность, является примером необычайной солидарности и участия, проявленного по отношению к ним со стороны американским меннонитов.

Целью доклада является выяснение и анализ организационного этапа создания меннонитских комитетов помощи на территории США и принципов их работы по приему и расселению меннонитских переселенцев из России.

В отечественной историографии вопрос о создании в США особых структур по оказанию помощи меннонитам - иммигрантам из России в 70-е годы XIX века еще не изучен. Общие вопросы иммиграции в США исследованы в работах Богиной Ш.А.¹, Баграмова Л.А.², Тена В.А.³ В то же время

вопросы, относящиеся к меннонитской иммиграции в США, более обстоятельно изучены лишь в статье Соколовского С.В.⁴ За рубежом изучением этого вопроса занимались в основном исследователи - меннониты по происхождению - Smith C.H.⁵; Reimer G.E.; Gaeddret G.R.⁶; Wiebe D.V.⁷

Источниковой базой данной статьи послужили материалы публикаций ежемесячного издания американских меннонитов 70-х годов XIX века газеты "Herald of Truth" ("Вестник Правды"). Ее редактором был один из активнейших сторонников переселения меннонитов в США Джон Функ⁸

В июне 1873 года в "Herald of Truth" было впервые опубликовано обращение лидеров меннонитской колонии Кутузовка на Волыни к своим американским братьям с просьбой оказать финансовую помощь общине в ее переселении на Североамериканский континент⁹ Эта публикация явилась, по сути, первым призывом ко всем членам меннонитского братства США и Канады не оставить без внимания судьбы своих единоверцев, которые в поиске свободы вероисповедания вынуждены были бросать обжитые места и пускаться в далекое и опасное путешествие через океан.

В редакционном комментарии, помещенном вслед за опубликованным обращением, его авторы предлагали всей меннонитской общественности подумать над тем, как можно было помочь не только меннонитам из Кутузовки, но и братьям Юга России, которые уже весной 1874 года предполагали начать переселение¹⁰ Редакция газеты призывала всех членов общины принять участие в разработке плана помощи для приезжающих. Ранее многие меннонитские церковные и общественные организации Америки уже проводили сбор денежных средств для меннонитов из Европы, используя которые последние могли найти свободу и спокойствие для себя и своих детей на Американском материке. В данной ситуации, как полагал редакционный комментарий, настал момент проявления искренности братских чувств любви и взаимопомощи по отношению к своим "русским братьям"¹¹

Появление этой публикации в газете "Herald of Truth" совпало по времени с нахождением в штатах делегации представителей меннонитских колоний Юго-Западных губерний России и Пруссии. Это должно было усилить интерес американских меннонитов к судьбе своих братьев. Кроме того, происходили многочисленные встречи делегатов с лидерами общин Пенсильвании, Иллинойса, Онтарио, что также способствовало повышению общественного интереса к существующей проблеме.

Инициатива редакции "Herald of Truth" вызвала большой интерес у ее читателей и вылилась в широкий поток откликов, предложений и писем.

Так, одним из первых появилось предложение поручить сбор средств для "русских" братьев меннонитским церковным организациям, которые,

по мнению читателей, могли провести это организованно и упорядоченно.¹² Авторы предполагали, что каждый член церковной общины может сделать взнос в сумме им самим определенным.

Следующий проект помощи, опубликованный в "Herald of Truth" в сентябре 1873 года, касался вопросов адресной финансовой помощи.¹³ Предполагалось предоставлять ее всем единоверцам, которые обратятся за ней, но на условии займа. Для сбора средств и распоряжения ими предлагалось создать комитет помощи в составе не менее трех человек в каждой церковной общине. Автор выступил с идеей необходимости предоставления сертификата каждому желающему получить денежную помощь, подтверждавшего его членство в меннонитской церкви и содержащего заверения в том, что он действительно не имел средств на переезд. Этот сертификат предполагалось заверять подписями церковных руководителей общины, членом которой являлся желающий выехать. В своих предположениях автор исходил из того, что сумма, которую предстояло собрать, была велика, и поэтому братья в Америке с большей охотой будут вносить деньги в том случае, если они будут даваться в виде займа. Если же деньги будут предназначены для выдачи единоверцам в качестве даров, то в таком случае, считал автор этого проекта, собрать необходимую сумму будет значительно сложнее и на это потребуется больше времени. Меннониты всегда отличались своим прагматизмом. Зная менталитет своих собратьев их бережливость и расчетливость, автор и строил свои представления. Психологически он очень точно рассчитал, что меннониты Америки охотнее поделятся своими сбережениями, если они будут выдаваться их "русским" братьям в качестве займа с четко обозначенной гарантией их возврата. Сентябрьский проект также содержал предложения о заключении контрактов с пароходными компаниями, которые бы осуществляли перевозку их братьев по вере по умеренным тарифам.¹⁴

Кроме того, предполагалось с целью экономии на почтовых расходах производить полную оплату за провоз пассажиров и багажа не в Гамбурге, а в Нью-Йорке. Это предложение охватывало весь спектр оказания помощи, так как предусматривало налаживание контактов с транспортными компаниями для организованной перевозки переселенцев и оплаты их услуг. В свою очередь, деньги из фонда помощи "русским" братьям могли быть не распылены, а использоваться централизованно на оплату пароходных и транспортных компаний.¹⁵

Автор третьего проекта помощи, опубликованного в "Herald of Truth" I. Bremelan, соглашаясь с предложением сбора денег церковными диаконами, считал возможным выдавать деньги нуждающимся в них в виде дара.¹⁶

Одним из нескольких предполагаемых проектов был план I. Leisy.¹⁷ От предыдущих проектов его отличало предложение организовать сбор средств в церковных общинах по подписке. Это позволило бы внести ясность, сколько денег каждый член общины готов был пожертвовать на нужды своих единоверцев. Leisy также придерживался той точки зрения, что разумно было бы проводить сбор денег на условиях последующей выдачи в качестве займов, а не даров. В таком случае меннониты охотнее делали бы взносы. Размер их был бы значительно больше тех, что они жертвовали бы в качестве бесплатных даров. При этом полагалось, что выдача займов должна осуществляться на условиях беспроцентного кредита. Leisy был уверен, что означенные им условия привели бы к резкому увеличению (в 1,5 раза) сумм, предоставляемых американскими меннонитами. Им же была предложена схема возвращения российскими единоверцами полученных займов. Она предусматривала ответственность всех членов общины, к которой принадлежал заемщик. Более того, присутствовала даже некая персонализация отдельных меннонитов, гарантировавших возврат предоставленных займов. Кредитор записывал на листке бумаги свою фамилию и сумму предоставляемого им займа. Этот лист должен был быть опущен в специальную коробку. Со временем, когда у заемполучателя появлялась возможность вернуть долг, он, вытаскивал из ящика листы, в которых были обозначены фамилии кредиторов и суммы предоставленных им денег, и адресно погашал кредит.¹⁸ Все вышеизложенное, в конечном итоге, было рассчитано на то, что оказываемая американскими меннонитами помощь российским единоверцам не должна была повредить благосостоянию кредиторов. В противном случае установление нормативных, доверительных отношений между двумя сторонами было исключено. И здесь уже могли не сработать даже принципы единоверия. По мнению автора проекта, во всех вопросах, касающихся отношения со своими "русскими" братьями, необходимо было отказаться от чувств сентиментальности, а руководствоваться холодным прагматическим расчетом. С аналогичным проектом выступил С. Welty.

Итог развернувшейся дискуссии подвел редактор "Herald of Truth" Д. Фук.¹⁹ По его мнению, инициатива в сборе средств должна была принадлежать священникам или диаконам церковных общин, которые бы могли сами принимать решение о форме предоставления денег: в виде дара или займа. В случае решения о передаче денег в виде даров, процедура должна быть следующей: деньги, собранные членами церковной общины, следовало передать комитету, специально назначенному для управления всеми процессами оказания помощи. Этот комитет имел бы право распоряжаться

средствами сообразно с возникающими у переселенцев потребностями. В случае же, если община примет решение выделить деньги в виде займа, следовало составить список с указанием фамилий предоставивших займы и сумм, предоставленных в качестве займа, а далее, собранные деньги так же должны были быть направлены в распоряжение комитета.

Комитет, как считал Д. Функ, должен был состоять из трех-пяти человек, ответственных и пользующихся доверием и авторитетом у всех. Деньги, как полагал Д. Функ, необходимо было поместить в банк, где бы на них начислялся процент, и по мере необходимости, частями брать их для финансирования проектов помощи. Функ был уверен, что эти комитеты вполне окажутся в состоянии финансировать транспортные услуги, и поддержал идею оплаты счетов пароходных компаний в Нью-Йорке по прибытию в США²⁰

Далее Функ, суммируя все перечисленные проекты, считал возможным вменить в обязанность комитета прием расписок от получателей помощи и передачу их в руки заимодавцев. Деньги, выдаваемые в виде займа, должны были быть беспроцентными. При этом, в течение семи лет после переезда такие расписки должны были быть погашены²¹ Расписки следовало давать от имени церкви, получающей займы, церкви, заем дающей. Таким образом, главными действующими лицами выступали не отдельные лица, а церкви. В случае, если человек, выдававший заем, умер, то деньги должны были выплачиваться его законным наследникам, а в случае если таковых не будет, тогда предполагалось, что деньги церковь должна использовать на благотворительные цели. В обязанности комитета входило ведение учета поступающих средств и ежемесячное информирование меннонитской общественности США о статьях их расходования²²

Функ считал необходимым собрать в течение зимы 1873-1874 годов до 30 тысяч долларов. Исходя из этого, каждый член меннонитского американского братства должен был быть готов внести как минимум 1 доллар на эти цели²³ Фактически Д. Функ суммировал все наиболее перспективные предложения, поступившие от меннонитской общественности. Из целого ряда проектов он выстроил логическую и четкую схему оказания помощи. Его обобщенный план лег в основу созданного в США первого комитета помощи. Членами комитета были избраны на ежегодном собрании представителей меннонитской общины штатов Индианы и Мичигана. Это собрание прошло в церкви Yellow Creek 9 октября 1873 года²⁴ Членами комитета стали Д. Функ, И. Килмер и Б. Варкентин. В ноябре на конференции Западного региона, состоявшейся в Саммерфельде штат Иллинойс,

был избран второй комитет помощи в составе К. Кребеля, Д. Баера и Б. Варкентина²⁵ Оба комитета получили от своих общин указания проводить координацию действий в деле оказания помощи. Именно с этой целью 2 декабря 1873 года представители двух комитетов встречались в Саммерфельде и решили избрать временный совет директоров, ставший известным под названием Меннонитского Попечительного Комитета (МПК), в котором К. Кребель стал президентом, Д. Герц - секретарем; Д. Функ - казначаем; Б. Варкентин - бизнес-агентом, а Килмер и Баер - членами комитета²⁶

В функции МПК входила работа с пароходными и железнодорожными компаниями для получения скидок на проезд и определения сроков перевозки переселенцев. В обязанности казначая входил контроль за сбором денег, даваемых как в виде займов, так и в виде даров.

МПК предложил заблаговременно переслать в США списки готовых к отъезду для оказания им более эффективной помощи. Предлагалось регулировать на месте количество выезжающих в Америку. В противном случае у Попечительного Комитета могли возникнуть серьезные трудности финансового характера. Кроме того, сообщалось, что деньги на оплату переезда будут предоставляться в виде займа, а средства для обустройства на новом месте жительства в виде дара²⁷ В то же время МПК в своем отдельном обращении к "русским" братьям предупреждал о том, чтобы они более реально смотрели на вещи и не строили радужных планов на скорое "процветание" в США²⁸

Начавшиеся переговоры МПК с пароходными и железнодорожными компаниями о заключении контрактов на перевозку своих братьев-единоверцев из Европы к месту их поселения на Среднем Западе по сниженным тарифам уже в феврале 1874 г. завершилось подписанием соответствующего договора с пароходной компанией Inman Line Steamship Co и железнодорожной компанией Erie Railroad²⁹ Плата за проезд от Гамбурга до Атчисона в Канзасе должна была составлять 42 доллара; от Гамбурга до Омахи - 41 доллар, а от Гамбурга до Сиоукс-Сити - 42 доллара; от Гамбурга до столицы Миннесоты Сен Поля - 41 доллар³⁰

При этом проезд детей от 1 до 12 лет обуславливался, согласно положениям договора, в полцены стоимости проезда взрослого. Речь шла об оплате переезда через океан. Железнодорожные перевозки по территории США детей до 5 лет были бесплатными, а для младенцев до 1 года весь путь бесплатный. В договоре гарантировался бесплатный перевоз багажа объемом до 20 кубических футов на маршруте от Гамбурга до Нью-Йорка и 150 кубических футов на магистралях Erie Railroad.

Кроме того, компания Inman Line обязывалась обеспечить переселенцев трехразовым питанием, включая и предоставление молока детям пассажиров, на протяжении всего пути через океан. Отдельным пунктом договора предусматривалось обязательное наличие на судне стюарда, владеющего немецким языком. В свою очередь МПК назначило своего агента в Гамбург с целью организации им на месте приема меннонитов и отправки их в Нью-Йорк судами Inman Line.

Со своей стороны компания Erie Railroad брала на себя обязательства безотлагательно отправлять дальше прибывших в Нью-Йорк меннонитов, предоставлять переселенцам питание во время их следования к месту назначения. МПК брал обязательство встречать в Нью-Йоркском порту меннонитов и сопровождать их к месту назначения. Таким образом, к весне 1874 года только меннонитские общины восточного побережья США оставались не задействованными в структурах МПК.

В то же время в МПК надеялись, что представители меннонитов восточных штатов присоединятся к их работе. Ожидалось, что конференция меннонитов Пенсильвании, собравшаяся в Ланкастере в марте 1874 года, избрет своих представителей в ряды комитета помощи восточного побережья, который, объединившись с МПК, станет единым органом по координации усилий всех меннонитских общин США в деле оказания помощи единоверцам в их переезде в Америку.

Так, Б. Варкентин 27 февраля 1874 года отмечал, что он получил известие из Пенсильвании, в котором его заверяли, что избранный на конференцию в Ланкастере комитет будет сотрудничать с МПК³¹

27 марта 1874 года Д. Функ в письме к Аносу Херру - представителю меннонитов восточного побережья - выразил желание МПК сотрудничать с меннонитами Пенсильвании³² В ответном письме Анос Херр сообщил Д. Функу, что он и его братья очень сожалеют о том, что договор о перевозке братьев из Европы в США не был подписан с Red Star Line³³ Это стало одним из первых признаков того, что в среде меннонитских лидеров восточного региона присутствовало несогласие с действиями МПК.

Позже Комитет помощи, избранный на Ланкастерской конференции (Г. Баер; Я. Шенк; И. Эби), объединился с комитетами, избранными для аналогичных целей в восточном регионе страны. В результате был сформирован Совет директоров, получивший название Меннонитский Исполнительный Комитет Помощи (МИКП)³⁴ Секретарями в нем были назначены Я. Шенк и Г. Гудшелл, Г. Баер стал казначеем, а Каспар Хетт - агентом комитета в Филадельфии. Таким образом, главным препятствием к формированию совместного комитета было желание меннонитов на Востоке заключить до-

говор о перевозке с компанией Red Star Line, выполняющей регулярные рейсы между Антверпеном и Филадельфией. Она принадлежала квакерам, всегда дружелюбно настроенным по отношению к меннонитам и выражавшим готовность помочь их единоверцам из России. Немалую роль сыграла и идейная близость этих двух течений протестантизма. Она повышала уровень взаимного доверия. После организации МИКП был заключен договор с компанией Red Star Line, представившей ряд выгодных условий, которых не было в контракте МПК с Inman Line³⁵

Так, Red Star Line брала на себя обязательство перевозить меннонитов из Антверпена в Филадельфию и далее на американский Средний Запад по тарифу 35-37 долларов для взрослого. Предусматривались скидки для проезда детей и младенцев, для перевоза багажа, они были аналогичными тем, которые оговаривались в контракте МПК с Inman Line. Переезд из Филадельфии на Запад по железной дороге при этом брала на себя Пенсильванская Железная дорога. Ее агент Франк Функ, доводившийся братом Джону Функу, заверил членов МИКП, что его компания окажет достойный прием пассажирам - меннонитам из России. По мнению членов МИКП, договор заключенный ими был гораздо экономичнее и выгоднее для всех меннонитов как в России, так и в США.

Кроме вопросов переезда, МИКП занимался и проблемами первоначального обустройства переселенцев. Было принято решение построить в Филадельфии специальный дом для приема на временное поселение больных и бедных переселенцев, где бы те могли набраться сил перед дальнейшей поездкой на Запад³⁶

В опубликованной в "Herald of Truth" статье Д. Функ выразил свое сожаление в отношении того, что не удалось добиться объединения усилий меннонитов США в единой координированной структуре³⁷ В то же время он поддержал меннонитов восточных штатов в их работе. Позже, Д. Функ посетил Филадельфию и провел встречу с представителями Red Star Line. Результатом этого стала практика рекомендации меннонитским переселенцам пользоваться услугами именно этой компании³⁸

Итак:

1) Принимая в расчет то, что правительство США в отличие от правительства Канады не предоставило меннонитам программы государственной помощи в организации их переезда и поселения в США, инициативу в этих вопросах взяли на себя комитеты помощи, образованные меннонитами США.

2) За основу своей деятельности МПК и МИКП взяли хорошо продуманные гарантийные положения канадского правительства, предоставленные

летом 1873 года тем членам делегации меннонитов Юга России, которые избрали Миннитобу в качестве места поселения для своих братьев.

3) Образование в США двух комитетов помощи меннонитам позволяло им вести разумное соперничество за привлечение переселенцев с Юга России.

4) Организация МКП и МИКП свидетельствовала о том, что меннониты Юга России не были брошены на произвол судьбы и, в отличие от иммигрантов других национальностей, смогли найти в лице этих структур то, что они ожидали получить от государственных органов власти (финансовую поддержку, заботу и участие).

Таким образом, процесс иммиграции меннонитов в США осуществлялся при помощи частной инициативы и различных законов. Это, по сути, являлось отражением существовавшей в стране системы равных условий, равных возможностей и частной инициативы.

Примечания

¹ См.: Богина М.А. Иммигрантское население США. - Л., 1976. Ее же. Иммиграция в США. - М., 1965.

² См.: Баграмов Л.А. Иммиграция в США. - М., 1957.

³ См.: Тен В.А. Иммиграционная политика США в XVIII - XX вв. Краткий исторический очерк. - М., 1998.

⁴ См.: Соколовский С.В. Меннониты в США // Религии мира. История и современность 1986. - М., 1987. С. 67 - 87.

⁵ См.: Smith, C.H. The Coming of the Russian Mennonites. An Episode in the Settling of the Last Frontier 1874 - 1884. Beme. Ind., 1927. The Story of the Mennonites. Beme. Ind., 1941.

⁶ См.: Reimer, G.E. Gaeddert, G.R. Cornelius Jansen and the Great Mennonite Migration 1874. Newton. KS, 1956.

⁷ См.: Wiebe, D.V. They Seek a Country. A Survey of Mennonite Migrations with Special Reference to Kansas and Gnadenau. Hillsboro. KS., 1959.

⁸ См.: Brothers in Deed to Brothers in Need. ed. by C. Hiebert. Newton. KS., 1974.

⁹ См.: Herald of Truth. August 1873 // Brothers ... P. 74.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² См.: Herald of Truth. September 1873 // Brothers ... P. 79.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. P. 82.

¹⁶ Ibid. P. 83.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. P. 84.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid. P. 85.

²³ Ibid.

²⁴ См.: Herald of Truth. November 1873 // Brothers ... P. 88.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ См.: Herald of Truth. January 1873 // Brothers ... P. 100-101.

²⁸ Ibid.

²⁹ См.: Agreement Between the Inman Line and the Erie Railroad Company and the MBG, February 27, 1874 // The Mennonite Quarterly Review. October, 1950. P. 348-349.

³⁰ Ibid.

³¹ См.: From the Steppes to the Prairies, ed. by C. Krahn. Newton. KS., 1949. P. 79.

³² Ibid. P. 80.

³³ Ibid.

³⁴ См.: Herald of Truth. May 1873 // Brothers ... P. 149.

³⁵ См.: From the Steppes to the Prairies, ed. by C. Krahn. Newton. KS., 1949. P. 80.

³⁶ Ibid.

³⁷ См.: Herald of Truth. May 1873 // Brothers ... P. 150.

³⁸ См.: From the Steppes to the Prairies, ed. by C. Krahn. Newton. KS., 1949. P. 81.

* 1 фут = 0,3 метра.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ МЕННОНИТОВ И НЕМЦЕВ В МОЛОЧАНСКОМ РЕГИОНЕ

Переселение меннонитов и немцев в бассейн реки Молочной в начале XIX в. обусловило интенсификацию процесса формирования в регионе устойчивой сети расселения. Характер природных условий определил возникновение первых колоний в долине Молочной. В дальнейшем отмечается появление колоний по ее притокам и в пределах Молочанско-Днепровского междуречья.

К 1838 году в Молочанском меннонитском округе насчитывалось 43 колонии, а в Молочанском колонистском округе – 22¹. Наряду с колониями, уже на начальном этапе освоения региона, отмечается возникновение частновладельческих хуторов. Так, в 1811 Иоганом Корнисом был основан хутор Юшанлы², позднее возник хутор Фейзенталь³.

Практически одновременно с расселением меннонитов и немцев по территории округов, начинается процесс возникновения частновладельческих имений за пределами региона первоначального расселения, о чем свидетельствуют материалы Генерального межевания и статистические описания⁴.

География колоний, образовавшихся к началу 20-х годов XIX в., свидетельствует о практическом завершении процесса сложения опорной сети расселения в Молочанском колонистском и западной части Молочанского меннонитского округов.

Анализ людности колоний в 1838 г. показал, что колонии немцев (средняя людность 365,8 человек) превышали по численности населения колонии меннонитов (256,1). Последние также отличались отсутствием поселений с численностью населения более 500 человек, в то время как в Молочанском колонистском округе таких поселений было три.

В 40-е гг. XIX в. усложнение сети расселения меннонитов и немцев, в пределах округов, происходило довольно медленными темпами. Значительно интенсивнее происходило расселение колонистов за их пределами. При описании Молочанских поселений в 1842 году отмечалось, что меннониты владели за пределами Молочанского округа (в Днепровском и Мелитопольском уездах Таврической губернии, а также в Екатеринославской губернии) 44010 десятинами земли⁵.

Составленные в 1864 году списки населенных мест Таврической губернии зафиксировали наличие в регионе 56 меннонитских и 24 немецких колоний (без учета колоний немцев и гуттерцев к юго-западу от г. Мелитополя). Кроме колоний, в пределах Молочанского колонистского округа имелся один частновладельческий хутор с численностью населения 117 человек. В Молочанском меннонитском округе насчитывалось 7 малоселенных форм расселения. Из которых, – 4 частновладельческих хутора, а также овчарня, трактир и поселение при лесной плантации. Общая численность населения в них составляла 273 человека⁶.

Сопоставление сети расселения 1838 и 1864 гг. свидетельствует об увеличении, как численности колоний, так и численности населения в них. Средняя людность меннонитских колоний достигла 383,9 человек, немецких – 572 человека, а в целом по региону – 440,3 человека. Увеличилось и число крупных колоний. В Молочанском меннонитском округе появилось 10 колоний с численностью населения более 500 человек, а в Молочанском колонистском округе их число достигло 8. Одновременно 3 немецкие колонии перешли в группу людности более 1001 человека.

Отмена крепостного права, перевод колонистов в разряд поселян-собственников, развитие капиталистических отношений, миграционные процессы в регионе (эмиграция ногайцев и болгар) определили интенсификацию процесса усложнения сети расселения меннонитов и немцев во второй половине XIX в., преимущественно за счет увеличения количества малонаселенных форм.

Анализ данных учета населенных мест проведенного в 1896 году, свидетельствует о следующих изменениях происшедших после 1864 г. в характере расселения меннонитов и немцев в пределах, образованных в 1871 году из колоний Молочанского меннонитского и Молочанского колонистского округов, Гальбштадтской, Гнаденфельдской и Пришибской волостей:

1. Количество меннонитских колоний – 56 – сохранилось на уровне 1864 г., 30 из них располагались на территории Гальбштадтской и 26 – Гнаденфельдской волостей. При увеличении численности населения до 27567 человек, это обусловило увеличение средней людности меннонитских колоний до 492,3 человек. Указанные колонии распределялись по группам людности следующим образом: 201-500 человек – 34 колонии (средняя людность – 381), 501-1000 – 20 колоний (средняя людность – 608,9), свыше 1000 – 2 колонии (средняя людность – 1217,5).

2. Количество немецких колоний, составивших Пришибскую волость, увеличилось до 27. В отличие от меннонитских колоний, для немецких была характерна стабилизация численности населения. 1864 г. – 13727 чело-

век, 1896 г. – 13664. При увеличении количества колоний это определило снижение средней плотности колоний до 506,1 человека. По группам плотности немецкие колонии распределялись следующим образом: 101-200 человек – 2 колонии (средняя плотность – 146,5), 201-500 – 15 колоний (средняя плотность – 376,2), 501-1000 – 8 колоний (средняя плотность – 649,9), свыше 1000 – 2 колонии (средняя плотность – 1264,5).

3. Значительно увеличилась численность частновладельческих хуторов. При этом наибольшее количество хуторов – 25 – располагалось в пределах Гальбштадтской волости. На территории Гнаденфельдской волости имелось всего 3 хутора. В Пришибской волости хутора не указаны.

4. Наряду с вышеотмеченными формами расселения, широкое распространение получили поселения возникшие у заводов, садов, в районах выпаса скота. Например, в Гальбштадтской волости таких поселений насчитывалось 21, Гнаденфельдской – 7, Пришибской – 2. Основная часть поселений этого типа была представлена поселками у кирпично-черепичных заводов.

Из районов первоначального расселения колонистов наибольшей стабильностью сети расселения во второй половине XIX века отличалась Пришибская волость, в пределах которой к концу XIX века, кроме вышеотмеченных 27 колоний, имелись только поселок при станции Михайловка и сторожка для садовника.

Следует отметить, что на развитие сети расселения в пределах рассматриваемой территории во второй половине XIX века продолжало играть переселение меннонитов и немцев за пределы Молочанского региона. Именно к этому периоду относится появление многочисленных частновладельческих хуторов на территории Бердянского и Мелитопольского уездов⁷. Приобретались земли и в других губерниях Российской империи: Екатеринославской, Оренбургской, Самарской, Херсонской, Терской области и других регионах⁸.

Распространение в Российской империи антинемецких настроений не могло не сказаться на процессе расселения меннонитов и немцев. Об этом наглядно свидетельствуют данные, характеризующие сеть расселения в пределах Гальбштадтской и Гнаденфельдской волостей по состоянию на 1 января 1911 года. Общая численность населения с 27567 человек в 1896 году снизилась до 26843 человек. Закономерно снизилась и средняя плотность колоний, с 492,3 до 479,3 человека. Колонии Гальбштадт и Вальдгейм из группы поселений с численностью более 1000 жителей перешли в группу 501-1000 человек⁹.

Процесс усложнения сети расселения меннонитов и немцев был остановлен первой мировой войной и принятием ликвидационных законов 1914 – 1916 гг. Уже в марте 1915 года на местах был получен циркуляр Департа-

мента государственных земельных имуществ, запрещающий продажу земельных участков немцам и меннонитам¹⁰. Это сделало невозможным образование меннонитами и немцами новых поселений. Более того, частичная реализация ликвидационных законов положила начало обратному процессу – упрощению сети расселения. Последнее подтверждается многочисленными операциями по продаже меннонитских и немецких имений¹¹.

Многочисленные обращения меннонитов в высшие инстанции об исключении их из ликвидационных списков в связи с их голландским происхождением, привели к подписанию Николаем II 19 января 1917 г. указа о приостановлении торгов на их имения¹². Это определило некоторое замедление процесса упрощения сети расселения в местах проживания меннонитов.

Революционные события 1917 года, гражданская война и последовавшие за ними социально-экономические преобразования в стране определили значительное сокращение количества поселений с преобладающим меннонитским или немецким населением. Последнее явилось результатом двух процессов. Часть поселений была ликвидирована. Так, в акте № 6 от 4 июня 1921 г. отмечалось, что “нетрудовое хозяйство бывшего владельца И.И. Мартенса... непригодно к ведению культурного сельского хозяйства, а посему все постройки подлежат сносу”¹³. Во втором случае, происходило изменение этнического состава населения. Примером может быть хутор Юшанлы (Корниса-Вибе-Реймера), в котором, при Всесоюзной переписи населения 1926 года, немцы составили 44,2% населения¹⁴.

Сравнение морфологических характеристик сети расселения меннонитов за 1911 и 1926 годы свидетельствует о следующих тенденциях в ее развитии. Во-первых, произошло уменьшение средней плотности поселений с численностью населения до 1000 человек. Во-вторых – усиление дифференциации поселений по численности населения. Количество поселений в группе плотности от 101 до 200 человек увеличилось вдвое, и 3 поселения превысили рубеж 1000 жителей (Вальдгейм, Гальбштадт и Ней-Гальбштадт).

В целом, эволюция опорного каркаса расселения меннонитов и немцев в Молочанском регионе, в период первой мировой войны – начала 20-х годов, протекала в направлении снижения численности населения проживающего в колониях.

В соответствии с Всесоюзной переписью населения 1926 года средняя плотность 83 колоний, составляющих опорный каркас расселения, составила 466,4 человека, т. е. на 30,4 человека меньше чем в 1896 году.

Особенности национальной политики советского государства в 1920-1930-е годы определили противоречивые тенденции в развитии сети расселения рассматриваемой территории.

В соответствии с постановлением ВУЦИК и СНК УССР "О выделении районов Екатеринославской губернии с преобладающим немецким населением" от 11 июня 1924 г., на территории расселения меннонитов и немцев было создано два национальных района с преобладающим немецким населением – Молочанский и Пришибский¹⁵.

Молочанский и Пришибский районы с преобладающим немецким населением просуществовали неполные четыре года. 10 апреля 1928 г. Малый Президиум ВУЦИК утвердил постановление Мелитопольского ОкрИКа об объединении Пришибского и Молочанского районов в один – Молочанский¹⁶.

В 1935 г. из восточной части Молочанского района был выделен Ротфронтовский район с преобладающим немецким населением¹⁷.

Немецкие национальные районы просуществовали в Молочанском регионе до весны 1939 г., когда Указом Президиума Верховного Совета УССР они были упразднены с передачей сельских советов в состав Большевик-макского, Мелитопольского, Михайловского, Нововасильевского и Черниговского районов¹⁸.

Несмотря на выделение районов с преобладающим немецким населением по национальному признаку, в их состав включались территории, в населении которых преобладали представители других национальностей. Так, при объединении Пришибского и Молочанского районов, Николаевский, Замостьевский, Кохановский сельсоветы с преобладающим украинским и Трудолюбимовский сельсовет с преобладающим русским населением были оставлены в составе Молочанского района. Село Мокрый Став (украинцы) было передано в состав Черниговского района, в то время как поселки Зеленый Яр (укр.), Раздолье (укр.), Широкий Яр (укр.) и хутор Завадского (рус.) – оставлены в составе Молочанского района¹⁹.

Часто в состав одного сельского совета включались населенные пункты с преобладающим немецким, русским и украинским населением. Одновременно шел процесс расселения в меннонитских и немецких колониях представителей других национальностей. Так, подворные списки населения колонии Риккенау свидетельствуют, что во время переписи 1939 года немцы (меннониты) составляли лишь 51,5% ее населения²⁰.

Расселение украинцев и русских среди меннонитских и немецких колоний обусловило развитие процесса усложнения сети расселения в Молочанском регионе за счет появления поселений с преобладанием представителей соответствующих национальностей.

Подселение в колонии украинцев, русских, белорусов, евреев и др. определило увеличение в них численности населения, несмотря на массовую эмиграцию меннонитов. Так, перепись населения 1939 г. зафиксировала прожи-

вание в колониях, выделяемых как опорный каркас расселения, 42363 человек (без учета населения Гальбштадта, Пришиба, Мунтау, Ней-Гальбштадта и Фирштенау). Однако и без населения указанных колоний эта цифра превысила численность населения в 1896 и 1926 годах. Увеличение общей численности населения определило увеличение средней людности колоний до 543,1 человека. При этом немецкие колонии по показателю средней людности – 605,6 человек – традиционно превышали меннонитские – 511,9 человек.

Важным рубежом в развитии сети расселения Молочанского региона стал 1941 год. 22 сентября Государственный Комитет Оборона принял постановление с грифом "Совершенно секретно" "О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей". В соответствии с постановлением, из Запорожской области в период с 25 сентября по 2 октября подлежало отселению 63 тыс. немцев²¹. Результатом исполнения этого постановления была практически полная утрата Молочанским регионом меннонитского и немецкого населения, оказавшая большое влияние на изменение сети расселения в регионе в последующие годы.

Приложение 1

Динамика численности населения в меннонитских колониях Молочанского региона²².

Поселения	1838	1864	1896	1911	1926	1939
Александроволь	292	373	495	604	469	521
Александркроне	-	361	497	531	617	524
Александрталь	238	382	309	393	394	389
Альтонау	249	428	736	749	564	458
Блюменорт	210	301	570	596	339	404
Вайомшлейн	294	518	590	477	478	544
Вальдгейм	235	954	1020	946	1087	2105
Вернерсдорф	304	582	592	475	552	441
Гальбштадт	352	532	1415	915	1377	н/св.
Гамберг	-	159	226	303	308	407
Гиршау	-	461	372	336	382	641
Гнаденгейм	237	337	458	428	434	428
Гнаденталь	-	193	247	197	276	391
Гнаденфельд	339	691	825	899	703	1321
Гроссвейде	274	400	386	447	360	376
Элизабетталь	205	415	176	506	385	322
Кляфельд	-	691	598	666	540	560
Клюгпенфельд	-	175	305	291	299	248
Контениусфельд	281	461	442	517	443	560
Ладекоп	222	316	447	461	369	594
Лангскроне	-	558	544	407	581	518
Либенау	214	317	500	549	323	372

Поселения	1838	1864	1896	1911	1926	1939
Линденау	273	338	539	572	436	580
Лихтенау	243	335	555	597	399	827
Лихтфельд	213	328	417	433	370	387
Маргенау	366	527	531	289	403	369
Мариаваль	-	148	248	319	193	289
Мариенталь	243	411	422	413	376	408
Минстерберг	251	351	477	372	419	497
Мунтау	373	436	841	687	628	н/св.
Ней-Гальбштадт	-	150	587	231	1368	н/св.
Нейкирх	242	329	475	446	410	385
Николайдорф	-	214	233	272	292	291
Орлов	236	347	539	540	524	845
Паства	173	299	243	251	247	236
Паульсгейм	-	224	257	309	283	360
Петерсгаген	190	304	402	420	346	657
Порденау	186	322	278	235	228	266
Прангенау	212	407	490	518	455	332
Риккенау	289	413	471	382	474	582
Розенаорт	195	307	440	409	483	486
Руднервейде	385	592	642	673	531	502
Тиге	188	293	532	579	423	892
Тигенгаген	206	275	454	539	454	800
Тигервейде	242	379	510	446	396	453
Фирстенау	185	351	413	409	231	н/св.
Фирстенвердер	284	481	626	622	503	447
Фишау	274	363	484	460	313	412
Францталь	270	424	438	423	413	338
Фридендорф	273	392	214	464	440	411
Фриденсру	-	288	416	487	471	452
Шардау	287	422	374	403	188	228
Шенау	215	315	553	340	322	483
Шензе	239	364	541	450	427	440
Шларроу	333	624	727	817	530	492
Штейнфельд	-	218	248	343	332	337

Приложение 2

Динамика численности населения в немецких колониях Молочанского региона²³

Поселения	1838	1864	1896	1926	1939
Александрсгейм	-	324	415	425	453
Альт-Монталь	308	408	312	312	448
Альт-Нассау	424	635	679	575	817
Андребург	-	-	322	267	289
Блюменталь	474	792	674	587	492
Вальдорф	239	355	148	256	417
Васерау	290	401	294	281	389

Поселения	1838	1864	1896	1926	1939
Вейнау	344	550	417	469	460
Гейдельберг	736	1147	1217	968	918
Гохштедт	360	588	562	588	1108
Гофенталь	229	392	520	496	806
Гохтейм	-	368	407	420	316
Гринталь	104	204	387	247	248
Дурлах	125	222	145	158	150
Корксру	402	698	478	360	648
Костейм	248	470	426	390	716
Крансфельд	290	439	588	622	758
Лейгерсгаузен	414	658	570	527	897
Мариангейм	-	-	348	381	431
Ней-Монталь	258	392	328	325	471
Ней-Нассау	238	398	387	276	356
Николайфельд	-	-	313	293	566
Примм	865	1514	1312	1422	н/св.
Ревенфельд	458	731	614	820	1848
Розенталь	326	454	431	444	431
Тифенбрун	266	517	378	397	340
Фридрихсфельд	649	1070	992	818	977

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Архив Русского Географического общества (АРГО). Р. 39. Оп. 1, Д. 2. Статистические сведения о Мелитопольском уезде за 1838 год. Л. 10об-13.
- 2 См.: Мыза Юшанлы, меннонита И. Корниса. – Тр. Вольного экономического общества, 1853. Т. 4. С. 246-250.
- 3 См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1558.
- 4 См.: АРГО. Р. 39. Оп. 1. Д. 2. л. 19об.
- 5 См.: Описание меннонитских колоний в России // ЖМГИ. Ч. 4. № 1. С. 1-42.
- 6 См.: Списки населённых мест Российской империи. Вып. 41. Таврическая губерния. СПб.: 1865. – С. 138.
- 7 См.: Карта Бердянского уезда Таврической губернии. Сост. по сведениям 1881 г. А.Ф. Кошевичем. СПб., Ильин, 1881. – 4 листа; Карта Мелитопольского уезда Таврической губернии. Сост. по сведениям 1889 г. П. Лебедевым. СПб.: Ильин, 1891. – 1 лист; РГИА. Ф. 384. Оп. 8. Д. 1750.
- 8 См.: Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России. Пг., 1916. – С. 207.
- 9 См.: Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). Ф. Р-4185. Оп. 1. Д. 5.
- 10 См.: Центральный государственный архив Автономной Республики Крым (ЦГААРК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 5685. Л. 53-56об.
- 11 См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 592. Оп. 42. Д. 1786; Ф. 1290. Оп. 7. Д. 592.
- 12 См.: РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.
- 13 См.: ГАЗО. Ф. Р-4175. Оп. 1. Д. 150. Л. 7.
- 14 См.: Материалы № 8 по статистике Мелитопольского округа. Мелитополь, 1927. – С. 100.
- 15 См.: Собрание узаконений Правительства Украины (СУ). 1924. № 13. Ст. 130.
- 16 См.: Центральный государственный архив высших органов государственной власти и управления Украины (ЦГАВОВ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 2558. Л. 3.
- 17 См.: СУ 1935. № 5. Ст. 23.

¹⁸ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. 27 мая.

¹⁹ См.: ГАЗО. Ф. Р-3496. Оп. 1. Д. 5а. Л. 76.

²⁰ См.: Там же. Ф. Р-1202. Оп. 1. Д. 400.

²¹ См.: История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). М.: МИГУП, 1993. С. 165.

²² Таблица составлена по материалам: АРГО. Р. 1. Оп. 1. Д. 2; Газо. Ф. Р-1202. Оп. 1. Д. 65. Там же. Ф. Р-4185. Оп. 1. Д. 5; Материалы № 8 по статистике Мелитопольского округа – Мелитополь: 1927; РГИА. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 592; Там же. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2263.

²³ Таблица составлена по материалам: АРГО. Р. 1. Оп. 1. Д. 2; Газо. Ф. Р-1202. Оп. 1. Д. 65. Материалы № 8 по статистике Мелитопольского округа. – Мелитополь: 1927; РГИА. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 20; Там же. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2263.

Л. Славина

НЕМЦЫ СИБИРИ В 1920-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА)¹

История немцев Сибири советского периода привлекла внимание многих исследователей в последнее десятилетие. Большая часть их работ посвящена социально-экономическим и особенно политическим проблемам. Одна из задач, которую решали авторы этих работ, состоит в том, чтобы охарактеризовать лишения и террор, которые претерпели немцы от советской власти. Для того, чтобы лучше осветить этот вопрос и, что еще важнее, все остальные аспекты истории немцев, необходимо расширить исследовательский ракурс и всесторонне изучить сам объект исследования – немецкий этнос, проанализировать все изменения, которые происходили в его численности и составе в течение советского периода. Такая постановка исследовательской задачи совпадает с основными тенденциями развития современной российской исторической науки: нынешняя антропологически ориентированная история требует в центр внимания ставить человека или этнос (население отдельной территории, страны и т.п.) и всесторонне изучать их.

Единственным источником, в котором содержится характеристика всего населения и, в частности, всех немцев, являются материалы всеобщих переписей населения. Можно прямо утверждать, что получить точные сведения о населении, не прибегнув к переписям, нельзя. Для изучения эволюции немецкого этноса в советский период необходимо использовать в качестве базового источника результаты переписей населения 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Они проводились в переломные исторические моменты и четко фиксировали основные количественные и качественные перемены в населении страны. Поскольку переписи имели сходные программы, сравнение их результатов позволяет реконструировать динамику численности и состава немцев в течение всех советских десятилетий, сравнить характер и особенности их развития в разных частях страны, а также сопоставить полученные результаты с аналогичными характеристиками других народов, проживавших с немцами на одной территории.

Цель настоящей работы – дать характеристику немцев Сибири в 1920-х гг. Одновременно ставится задача продемонстрировать возможности переписей населения как исторического источника.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы первой советской переписи 1920 г. не позволяют дать характеристику немцев Сибири сразу после окончания гражданской войны, потому что ее итоги были опубликованы очень кратко, а в архивах переписных материалов обнаружено мало². Хорошие возможности для решения поставленных задач дают материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г., опубликованные в 56-ти томах. Они высоко оцениваются историками, демографами, статистиками как за достоверность информации, так и за ее полноту. Это самая полная и самая качественная публикация итогов из всех проводившихся в советское время переписей. Однако и в этой публикации нет всех сведений обо всех немцах Сибири. Полные данные приводятся только об их численности, расселении, половом составе, языковой ассимиляции, грамотности. Остальные материалы переписей разработаны только по немцам, проживавшим в Омском и Славгородском округах. Учитывая, что там было сосредоточено около 85% сибирских немцев, их характеристики можно распространить на весь немецкий этнос, находившийся в Сибири в середине 1920-х гг.

Географические рамки настоящего исследования - территория, называвшаяся в первой половине 1920-х гг. сибревкомовской Сибирью (Алтайская, Омская, Тюменская, Новониколаевская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии), а с 1925 г. - Сибирским краем, разделенном на 20 округов, которые были образованы на месте упраздненных губерний.

Проведенная летом 1920 г. всероссийская перепись населения ушла в Сибири 88078 немцев, большинство из которых (85,6%) проживали в Омской и Алтайской губерниях (табл. 1).

Таблица 1. Численность и расселение немцев по территории Сибири, по переписи 1920 г.*

	Сибирь	Алтайская губ.	Енисейская губ.	Иркутская губ.	Новониколаевская губ.	Омская губ.	Томская губ.	Тюменская губ.
чел.	88078	33868	4889	1497	3097	42277	2158	1194
%	100,0	38,1	5,5	1,7	3,5	47,5	2,4	1,3

* Труды ЦСУ. Т.1. Вып. 5. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М., 1922. С. 52.

В общей массе населения Сибири немцы составляли лишь 1,0%, но, тем не менее, являлись пятым по численности этносом в регионе. Абсолютное большинство их были гражданами России, часть - подданными других государств, "занесенными" на эту территорию войной и революцией.

Проведенная в декабре 1926 года перепись ушла в Сибирском крае 78798 немцев - граждан СССР и около 800 иностранцев немецкой национальности (табл. 2). В сибирском регионе находилась десятая часть (9,8%) немцев, проживавших в РСФСР. Всего же в республике перепись ушла 806301 немцев.

Таблица 2. Численность и расселение немцев в Сибирском крае по переписи 1926 г.*

Округа	Все население		Городское население		Сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Ачинский	1188	1,5	1096	16,0	92	0,1
Иркутский	698	0,9	346	5,0	352	0,5
Канский	95	0,1	26	0,4	69	0,1
Киренский	14	0,0	5	0,1	9	0,0
Заславский	318	0,4	214	3,1	104	0,1
Кузнецкий	183	0,2	107	1,6	76	0,1
Минусинский	1520	1,9	86	1,2	1434	2,0
Томский	1059	1,4	402	5,9	657	0,9
Туринский	73	0,1	29	0,4	44	0,1
Исторический	46	0,1	13	0,2	33	0,1
Северо-Восточная Сибирь	5194	6,6	2324	33,9	2870	4,0
Барнаульский	1892	2,4	50	0,7	1842	2,6
Барнаульский	215	0,3	91	1,3	124	0,2
Енисейский	178	0,2	73	1,1	105	0,1
Кашанский	91	0,1	21	0,3	70	0,1
Новосибирский	1283	1,6	387	5,6	896	1,2
Ойротия	25	0,0	10	0,2	15	0,0
Омский	34617	43,9	1977	31,7	32444	45,1
Рубцовский	1929	2,5	34	0,5	1895	2,6
Славгородский	31743	40,3	1623	23,7	30120	41,9
Тарский	1631	2,1	71	1,0	1560	2,2
Юго-Западная Сибирь	73604	93,4	4533	66,1	69071	96,0
Сибирский край	78798	100,0	6857	100,0	71941	100,0

*Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. М., 1928. С. 17-85.

Сибирский край был третьей по величине немецкого этноса территории России после Нижневолжского края (439105 чел.) и Северного Кавказа (93915 чел.)³.

Сокращение за 6 лет численности немцев в Сибири на 9,3 тыс. чел. (на 10,5%) явилось результатом миграции части их за пределы региона. В действительности из Сибири выехало значительно больше немцев, чем показали переписи, поскольку этот отток был частично компенсирован их высоким естественным приростом. Доля немцев в населении края к 1926 г. снизилась до 0,6%. Они стали шестым по численности этносом на этой территории. В большинстве округов их удельный вес в населении был ничтожно

малым. Исключение составляли только Омский и Славгородский округа, где их доля составляла соответственно 5,0 и 7,3%⁴.

Перепись 1926 г. дала подробную характеристику расселения немцев по территории Сибири (табл. 2). 43,9% их размещались в Омском округе (части бывшей Омской губернии), 40,3% - в Славгородском (части бывшей Алтайской губ.). В остальных сибирских округах проживало по 0,1 - 2,5% от общей численности сибирских немцев. Внутри округов они также размещались компактно - большинство было сосредоточено в одном-трех из 10-20 районов, на которые делились округа⁵.

В переписи содержатся важные сведения о длительности проживания немцев в местах их постоянного жительства. Все мужчины и женщины, и немцы в том числе, разделены на "местных уроженцев", т.е. родившихся в месте, где их застала перепись, и "неместных уроженцев", с указанием длительности их проживания и года прибытия на данное место (табл. 3). К сожалению, по опубликованным материалам переписи невозможно установить, откуда прибыли немцы-переселенцы. Указано лишь, что абсолютное их большинство родились в России.

Перепись показала, что местных уроженцев среди сибирских немцев было меньше половины: 42,8% в Славгородском округе и 41,2% - в Омском⁶. Причем значительную часть их, по-видимому, составляли дети, родившиеся у переселенцев уже на новом месте. Перепись хорошо запечатлела эту миграцию: незначительные ее масштабы во второй половине XIX века; рост в 1897-1906 гг.; всплеск переселений в период столыпинской реформы; перемещения в годы I мировой войны, среднегодовые масштабы которых оказались большими, чем в предыдущий период; незначительное сокращение переселений в годы гражданской войны; новый рост притока переселенцев в условиях голода начала 20-х гг. и стабилизацию миграции в 1924-1926 гг., когда процесс, наконец, вошел в "мирное русло".

Доля неместных уроженцев среди немецких мужчин и женщин была одинаковой и составляла 57-58%⁷. Следует подчеркнуть, что в Сибири все население было очень "подвижным" - в 1926 г. неместные уроженцы составляли в селах края 27,0, а в городах - 63,5%⁸. У немцев же этот показатель был значительно выше - соответственно 57,7 и 75,3%⁹.

Немцы, как и остальные этносы в Сибири, были преимущественно сельскими жителями. Но среди них доля горожан была особенно низкой и составляла 8,7% против 13,0 во всем населении и 14,5% среди русских¹⁰. В целом по РСФСР удельный вес горожан среди немцев был вдвое выше - 15,7%¹¹.

Уровень урбанизации населения определялся в первую очередь характером экономики на территории его проживания. В более развитых в про-

мышленном отношении северо-восточных округах горожане среди немцев составляли 44,7%, в сельскохозяйственных юго-западных - лишь 6,8.

По материалам переписи можно проследить процесс урбанизации немецкого населения Сибири, который в 20-х гг. находился в самом начале. Абсолютное большинство немцев в сибирских городах были переселенцами. Неместные уроженцы составляли 75,3% среди немцев-горожан в Омском округе и 80,3% - в Славгородском¹².

Как показывает табл. 3, они прибывали в сибирские города с конца XIX века в небольшом количестве. Что же касается "коренных" горожан среди сибирских немцев, то есть родившихся в городских населенных пунктах, то таковых оказалось лишь 1334 чел. (3,9% от общей численности немцев) в Омском округе и 878 чел. (2,8%) - в Славгородском¹³.

Таблица 3. Немцы-неместные уроженцы в Сибири по переписи 1926 г.*

Всего	в том числе постоянно проживающих по продолжительности проживания (год прихода)									
	до 1 года	1 год	2 года	3-5 лет	6-9 лет	10-12 лет	13-19 лет	20-29 лет	30 лет и более	не установлено
неместных уроженцев	1926	1925	1924	1921-1923	1917-1920	1914-1916	1907-1913	1897-1906	до 1897	
Омский округ										
Все население, оба пола										
20095	1531	1434	1515	3103	2492	2105	4120	2257	648	890
Городское население, оба пола										
1582	128	117	123	223	175	172	238	129	38	239
Сельское население, оба пола										
18513	1403	1317	1392	2880	2317	1933	3882	2128	610	651
Славгородский округ										
Все население, оба пола										
18006	613	898	660	2467	1923	758	9567	304	64	752
Городское население, оба пола										
1233	87	109	105	394	94	85	134	8	1	216
Сельское население, оба пола										
6773	526	789	555	2073	1829	673	9433	296	63	536

* Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XL. М., 1930, с. 126-128, 132-134.

Демографическое развитие немцев в Сибири в первой четверти XX века шло под воздействием двух факторов: общих для всего населения региона и специфических, обусловленным их особым положением. Результаты этого развития отразились в их половозрастной структуре, которая имела весьма выраженную специфику. Если во всем населении края 49,1% составляли мужчины и 50,9% - женщины, а у русских - соответственно 48,6 и 51,4%, что являлось следствием людских потерь во время недавних войн, то у немцев пропорция была обратной - 51,4% мужчин и 48,6% женщин, и

обуславливалась она той же чрезвычайной причиной - войнами, вызвавшими активные миграции немцев.

Как показывает табл. 6, мужчины-немцы преобладали во всех молодых и средних возрастных группах. Перевес женщин начинался только с группы 45-49 лет, что объясняется в первую очередь демографической причиной - более высокой мужской смертностью. Но необходимо подчеркнуть, что у немцев, в отличие от других народов, этот перевес в старших возрастах был незначительным, так как, по-видимому, и разница в уровне мужской и женской смертности была не очень большой, что свидетельствует о хорошем демографическом качестве этноса. Мужчин-немцев было везде больше, чем женщин, - во всех округах, и в городах, и в деревнях. Исключение составляла лишь сельская местность Славгородского округа. Незначительное превышение там численности женщин свидетельствовало о более стабильной жизни и о том, что, по демографическим стандартам, на этой территории процесс воспроизводства немецкого населения был более благоприятным, чем в других частях региона.

Сибирские немцы, как и другие народы, понесли демографические потери от войн (табл. 4). Об этом свидетельствует "провал" в возрастной структуре, но не во взрослой части населения, а в детской. "Провал" образован малочисленным поколением детей, рожденных в 1915-1921 гг. В то же время годовые данные о численности детей, появившихся на свет в 1922-1926 гг., показывают, что демографические последствия войны были быстро преодолены, рождаемость ежегодно росла и за несколько послевоенных лет достигла высокого уровня. Число родившихся в 1926 г. младенцев в 2-2,5 раза превышало количество детей 1915-1917 гг. рождения.

Таблица 4. Численность немецких детей в возрасте до 14 лет в Омском округе, по переписи 1926 г.*

Год рожден.	Число детей	Год рожден.	Число детей	Год рожден.	Число детей
1912	1813	1917	1194	1922	1923
1913	1813	1918	1906	1923	2518
1914	1908	1919	1731	1924	2445
1915	1321	1920	1719	1925	2671
1916	1414	1921	1812	1926	3014

* Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI, с. 190-191.

Возрастной состав немцев также имел особенности. В середине 1920-х гг. все этносы Сибири отличались "демографической молодостью", признаком которой являлись очень высокий удельный вес детей и низкий - стар-

шего поколения (60 лет и более). Немцы же были "моложе" большинства других народов (табл. 5).

Таблица 5. Половозрастная структура немцев по переписи 1926 г.*

Возраст, лет	Омский округ		Славгородский округ	
	муж.	жен.	муж.	жен.
0-4	18,5	18,3	19,9	19,2
5-9	13,2	12,8	12,0	12,4
10-14	11,8	11,6	13,5	13,1
15-19	11,9	12,0	12,0	11,5
20-24	9,7	9,6	10,7	10,3
25-29	7,3	8,5	7,2	7,9
30-34	6,5	6,1	5,8	5,7
35-39	5,0	4,7	4,3	4,4
40-44	4,2	3,8	3,9	4,1
45-49	2,9	3,0	3,2	3,3
50-54	2,6	2,7	2,7	3,0
55-59	2,3	2,7	1,9	2,0
60 и старше	4,0	4,1	2,8	3,0

* Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI, с. 190-191, 204. в Омском и Славгородском округах русских была равна 43,0%, а у немцев - 46,5, лиц старшего поколения соответственно 5,8 и 3,5%13.

Возрастная структура немцев, живших в городах и сельской местности, различалась принципиально. Если у сельчан дети составляли почти половину их общей численности, то у горожан доля детей была чрезвычайно низкой по меркам того времени - 32,8%. Этот показатель свидетельствовал о нестабильности городской части немецкого этноса, о "неукорененности" немцев-горожан. А если учесть сроки их жизни в городских поселениях (табл. 3), то можно сделать вывод, что они начали ускоренно переходить на новый, современный режим демографического воспроизводства, тогда как сельская часть этноса воспроизводилась в основном еще по традиционному типу, характерному для аграрных обществ.

Половозрастная структура немцев Сибири, зафиксированная переписью 1926 г., указывает, что они имели очень благоприятные возможности демографического развития в течение предстоящих десятилетий. Этому должны были способствовать очень высокий удельный вес молодежи и детей, гармоничное соотношение полов, а также традиционно высокий уровень брачности у немецких мужчин и женщин. Пропорция между группами детей (0-15 лет) и "родителей" (20-34 года), определяющая возможности демографического роста, была благоприятной. Численность детей более

чем вдвое превосходила число "родителей", а это означало, что немецкий этнос был способен за счет накопленного демографического потенциала обеспечить высокие темпы прироста населения в будущем даже в случае снижения рождаемости¹⁴.

С точки зрения интересов развития экономики демографическая структура немцев также заслуживает высокой оценки. Во-первых, доля трудоспособного населения среди них была высокой, выше, чем в других этносах. Во-вторых, трудоспособные немцы были очень молодыми - более 80% их еще не достигли 40 лет. Демографическая молодость свидетельствовала о высоком качестве трудовых ресурсов. Она предполагала наличие у них физического здоровья, что было чрезвычайно важно в условиях повсеместного господства ручного труда, а также более высокого уровня грамотности, чем обычно отличаются молодые поколения от старших. В-третьих, высокий удельный вес детей в этносе свидетельствовал о благоприятном режиме воспроизводства трудовых ресурсов как минимум в ближайшие 15 лет.

Особенности демографического развития немцев во многом определялись характером их брачно-семейных отношений. Данные переписи не только подтвердили известный факт, что у немцев была высокая брачность, но и отразили динамику брачных процессов и семейного положения немцев в половозрастном разрезе (табл. 6). Учитывая пережитые немцами трудности в первой четверти века, ситуацию в их брачно-семейной сфере следует оценить как весьма благополучную. Поскольку немцы редко вступали в брак с лицами другой национальности, можно считать, что одним из решающих факторов, определявших высокий уровень их брачности, была гармоничная пропорция полов. Так, среди лиц брачного возраста (15 лет и старше) в Омском и Славгородском округах перепись учла 18550 мужчин и 18597 женщин.

Таблица 6. Семейное положение немцев по переписи 1926 г.*

Возраст, лет	Мужчины, чел.					Женщины, чел.				
	Всего	в том числе				Всего	в том числе			
		холостые	женатые	вдовцы	разведенные		незамужние	замужние	вдовы	разведенные
15-19	3992	3890	96	1	-	3872	3425	437	3	5
20-24	3404	1812	1566	8	5	3273	919	2290	28	17
25-29	2407	283	2101	17	1	2717	207	2426	57	12
30-39	3619	115	3468	22	4	3450	116	3058	246	11
40-49	2384	34	2299	40	3	2344	29	1890	409	7
50-59	1580	7	1492	73	5	1716	17	1137	553	2
60-69	871	10	765	1	-	876	9	440	421	-
70 и старше	293	20	186	82	-	349	17	114	212	-

* Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XL. М., 1930, с. 5. В таблице не учтены 48 мужчин и 83 женщины, не указавшие свое семейное положение.

Таким образом, острой проблемы нехватки "женихов" или "невест" у них, как видно, не было. Действительно, брачность была практически всеобщей: по данным переписи, среди немцев в возрасте старше 50-ти лет в браке никогда не состояли лишь 1% женщин и 0,7% мужчин.

Как свидетельствует статистика, для немцев не была характерна очень ранняя брачность. Редко кто из парней женился в возрасте до 20 лет. Перепись зарегистрировала состоящими в браке лишь 2 чел. среди 17-летних, 27 чел. среди 18-летних и 67 чел. (9,6%) среди 19-летних мужчин. Девушки, как и у других народов, выходили замуж раньше парней, но тоже не слишком рано. В браке оказались лишь 5 чел. среди 16-летних девушек и 55 чел. (6,9%) - среди 17-летних. Но в группе 18-летних девушек замужними были уже каждая пятая (18,9%), а среди 19-летних - более трети (35,9%)¹⁵.

Большинство браков заключалось обычно в возрасте до 25 лет. Среди 25-летних в браке уже находились 78,2% мужчин и 87,4% женщин. Доля состоявших в браке была чрезвычайно высокой в молодых и средних возрастах. В старших возрастных группах решающее воздействие на брачную структуру оказывали половые различия в смертности. Так, среди 60-64-летних женщин 45,5% были вдовами, среди 65-69-летних - больше половины (51,8%), а в возрасте старше 70 лет - свыше двух третей (67,5%). Среди мужчин вдовство было распространено в значительно меньшей степени, чем среди женщин. Среди 60-64-летних вдовцом был каждый десятый немец (9,5%), среди 65-69-летних - каждый седьмой (13,4%). Судя по статистике, разводы не были распространены среди немцев. Из 37,1 тыс. чел. брачного возраста в категории разведенных было учтено только 20 мужчин и 54 женщины¹⁶.

Перепись 1926 г. зафиксировала важные социокультурные характеристики немецкого этноса. Ее данные об уровне грамотности особенно отличают немцев от других народов, в том числе от русских. Показатели табл. 7 говорят за себя. Немцы не только имели высокую по тем временам грамотность, но и значительно превосходили по ее уровню русских. Причем, если у мужчин разница была не очень большой (грамотными были соответственно 70,7 и 64,8%), то у женщин - более чем двукратной (соответственно 61,6 и 29,8%). Особенно различались по уровню грамотности сельские жители. В омских и славгородских деревнях у немцев грамотными были 70,1% мужчин и 61,2% женщин, а у живших рядом с ними русских - 56,0% мужчин и лишь 19,0% женщин. Среди грамотных немцев-мужчин 88,6% были грамотными на своем родном языке, среди женщин - 92,9%¹⁷. К сожалению, перепись не дает сведений о степени распространения среди немцев грамотности на русском языке.

Таблица 7. Грамотность населения Омского и Славгородского округов в 1926 г. (в возрасте 10 лет и старше), %.*

Омский округ				Славгородский округ			
немцы		русские		немцы		русские	
муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Все население							
65,5	54,7	64,2	32,1	76,3	69,1	66,9	22,0
Городское население							
81,5	72,7	87,5	65,3	76,6	59,8	82,7	59,0
Сельское население							
64,1	53,5	55,0	18,8	76,3	69,6	58,4	19,6

*Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI, с. 62-66, 70-71.

Статистика показывает довольно высокий уровень грамотности у немцев всех возрастов, что является доказательством прочных традиций получения образования, сформировавшихся у них еще в дореволюционный период. Этим они отличались от большинства сибиряков, включая русских, у которых общий уровень грамотности в 1926 г. определяли в основном дети и молодежь, обучившиеся уже при советской власти.

Перепись зарегистрировала результаты процесса языковой ассимиляции у сибирских немцев. Ее масштабы в первую очередь зависели от характера их расселения - компактного или дисперсного и весьма различались по округам, у жителей городов и деревень. В разных местах русский язык называли родным от 3,2 до 54,5% немецких мужчин и от 0,5 до 66,7% женщин. В Омском округе среди немцев 96,1% мужчин и 97,0% женщин считали родным немецкий язык, в Славгородском - соответственно 99,2 и 99,5%. В целом же у немцев ассимиляционные процессы находились в самой начальной стадии: язык своей национальности назвали родным 94,7% мужчин и 96,1% женщин, в том числе соответственно 96,3 и 97,5% лиц указанного пола в селах и 81,1 и 76,5% - в городах. Интересно, что в сибирских городах языковая ассимиляция у женщин шла интенсивнее, чем у мужчин. Это противоречило закономерности, характерной для остальных этносов. Ассимиляционные процессы в среде сибирских немцев находились на среднероссийском уровне. В целом среди немцев РСФСР немецкий язык считали родным 94,5% мужчин и 95,5% женщин¹⁸.

При изучении социально-экономической истории народа важнейшее значение имеет анализ его трудовой деятельности и динамики социально-экономической структуры. Материалы переписи 1926 г. содержат подробные сведения о численности экономически активной части немецкого населения, о ее половозрастной структуре и распределении по отраслям на-

родного хозяйства, о профессиональном и квалификационном составе, а также о социальной структуре работающих и их иждивенцев.

Первичной экономической характеристикой населения и одновременно одним из главных показателей уровня экономического развития общества является соотношение между самостоятельным (имеющим собственный источник средств существования) и несамостоятельным населением. Согласно переписи, в 1926 г. доля самостоятельного населения среди немцев составляла 61,0%, в том числе 64,1% среди мужчин и 58,6% среди женщин¹⁹. Столь высокий уровень экономической активности немцев во многом объясняется характером их труда, который, в свою очередь, определялся низким уровнем развития производительных сил в регионе и стране в целом. Немцы, как и остальные сибиряки, начинали трудиться очень рано. Возраст самостоятельного населения в то время был значительно "шире" официально установленных в СССР рамок трудоспособного возраста - 16-55 (60) лет. Перепись к самостоятельному населению отнесла работавших с 10-летнего возраста, а верхняя граница "самостоятельности" вообще не фиксировалась.

Таблица 8. Распределение самостоятельного немецкого населения Сибири по отраслям народного хозяйства, по переписи 1926 г.*

Отрасли народного хозяйства	Все население		Мужчины		Женщины	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1. Сельское хозяйство	38129	93,7	19492	91,3	18637	96,5
2. Фабрично-заводская промышленность	158	0,4	147	0,1	11	0,1
3. Кустарно-ремесленная промышленность	449	1,1	382	1,8	67	0,3
4. Строительство	56	0,1	53	0,2	3	0,0
5. Транспорт	140	0,4	132	0,6	8	0,0
6. Торговля и кредит	212	0,5	176	0,8	36	0,2
7. Учреждения	331	0,8	245	1,1	86	0,4
8. Прочие отрасли	749	1,8	424	2,0	325	1,7
9. Не распределенные по отраслям	472	1,2	320	1,5	152	0,8
Всего	40696	100,0	21371	100,0	19325	100,0

*Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIII. М., 1929, с. 12-13. Данные по Омскому и Славгородскому округам.

Как показывает табл. 8, у немцев лишь 1,2% самостоятельного населения не были связаны с общественным производством: военнослужащие (44 чел.), безработные (144 чел.) и иждивенцы государства - пенсионеры, инвалиды, учащиеся и т.п., а также лица, жившие на нетрудовые доходы и деклассированные элементы (всего 269 чел.). Остальные работали в каких-либо отраслях народного хозяйства.

Для подавляющего большинства немцев (93,7%) главным источником средств существования была работа в сельском хозяйстве. Этим они не отличались от остальных сибиряков. По соотношению владельцев средств производства и наемных работников сельское хозяйство у немцев имело трудовой характер: рабочие и служащие составляли 4,2% занятого в отрасли населения, нанимавшие работников хозяева - 2,8%, остальные 93,0% являлись мелкими производителями, работавшими в одиночку или семьей. Однако у немцев доля лиц наемного труда и хозяев с наемными работниками была вдвое выше, чем в целом в сельском хозяйстве Сибири, где эти показатели составляли соответственно 2,1 и 1,5%.

Специфика мелкотоварного сельскохозяйственного производства, сезонный характер труда, его слабая механизация заставляли применять труд женщин, стариков, детей в широких масштабах. В сельском хозяйстве, как ни в какой другой отрасли, была высокой доля женского труда: среди немцев, занятых им, почти половину (48,9%) составляли женщины. Отсутствие механизации в отрасли позволяло привлекать туда работников с раннего возраста, поскольку от них не требовалась специальная подготовка. О профессиональном и квалификационном составе занятых сельским хозяйством немцев говорить не приходится - в своих единоличных хозяйствах они были универсалами.

Сельское хозяйство являлось главным, но не единственным занятием сибирских немцев. 382 чел. из них (1,8% самостоятельного населения) занимались кустарно-ремесленной деятельностью. Как и в сельском хозяйстве, среди кустарей преобладали мелкие производители. Одиночки составляли среди них 48,7% (186 чел.), работавшие совместно члены семьи - 25,7% (98 чел.). Только 6,5% хозяев кустарных мастерских (25 чел.) имели наемных работников. У них работали по найму 140 чел. - в среднем по 5-6 чел. в мастерской. Кустарное производство обслуживало нужды местного населения, и это определяло его специализацию. Так, в Омском округе из 17 кустарных предприятий с наемными работниками 6 занимались обработкой металла, 8 - производством продуктов питания (мельницы и т.п.). Примерно такой же была специализация кустарей, работавших без наемного труда.

Несельскохозяйственные отрасли экономики были слабо развиты в юго-западной Сибири, где проживала основная часть немцев. Поэтому лишь немногочисленные группы их (по 0,6-0,8% самостоятельного населения) трудились на транспорте, в т.ч. железнодорожном, в фабрично-заводской промышленности и в торговле. Имея высокую грамотность, немцы, тем не менее, редко работали в государственных учреждениях и сфере соц-

культбыта, где их было зарегистрировано только 245 чел. (1,1% самостоятельных).

Характер трудовой деятельности мужчин и женщин заметно различался. Абсолютное большинство женщин (96,5%) трудились в собственном единоличном сельском хозяйстве. Они редко занимались кустарно-ремесленным производством и практически не работали в промышленности, строительстве, на транспорте. Ничтожно малое количество их было занято в торговле и учреждениях. Мужчины, тоже в основном занятые в сельском хозяйстве, все же имели более разнообразную работу. Среди занятых в несельскохозяйственных отраслях немцев абсолютное большинство составляли мужчины.

Поскольку подавляющее большинство немцев работали в сельском хозяйстве, характер труда в этой отрасли определил специфику их занятости в целом: высокий уровень трудовой активности, максимально широкие возрастные рамки трудового возраста, большой удельный вес женского труда в производстве, однородный профессиональный состав, как следствие малой специализации и незначительного разделения труда.

Регистрируя "положение в занятии", перепись четко разграничила среди работавшего населения социальные категории - лиц наемного труда, мелкотоварных производителей и использовавших наемный труд предпринимателей. Сравнение материалов переписи показывает, что социально-классовое развитие немецкого этноса в первом советском десятилетии происходило так же, как и остальных народов. Проживая в основном в деревне, немцы, по сути, были мелкокрестьянским этносом. Большинство их (88,0%) являлись самостоятельными производителями, работавшими без наемного труда (табл. 9). Это "хозяева, работавшие с членами семьи", "помогавшие члены семей" и одиночки. Сфера их производственной деятельности в основном ограничивалась сельским хозяйством, частично кустарно-ремесленным производством.

"Хозяев с наемными рабочими" среди немцев было немного - всего 1086 чел. (2,7% самостоятельного населения). 96,9% их занимались сельскохозяйственным производством, 2,3% - кустарными промыслами, 7 чел. (0,6%) - торговлей.

Доля лиц наемного труда среди немцев была невысокой. 6,4% их составляли рабочие, которые в социальном отношении являлись неоднородной категорией. 42,8% из них батрачили в единоличных хозяйствах. Качественно новые социальные группы представляли немногочисленные рабочие, занятые в государственном секторе - совхозах, фабриках и заводах, железнодорожном и водном транспорте, учреждениях.

Совсем узкой прослойкой среди немцев являлись служащие - 1,7%. Это была очень пестрая по профессиональному составу группа. Основную ее часть составляли делопроизводственный персонал, а также уборщицы, сторожа, вахтеры, которых перепись включила также в категорию служащих. Лиц квалифицированного труда было мало. Перепись учла только 19 врачей и 14 фельдшеров, 121 культпросветработника, 115 учителей и 14 руководителей учреждений. Их численность свидетельствовала, что немецкая интеллигенция в Сибири только зарождалась.

Таблица 9. Социальный состав самодеятельного немецкого населения, по переписи 1926 г.*

Положение в занятии	Все население		Мужчины		Женщины	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1. Рабочие	2609	6,4	1776	8,3	833	4,3
2. Служащие	686	1,7	463	2,2	223	1,2
3. Лица свободных профессий	14	0,0	9	0,0	5	0,0
4. Хозяева с наемными рабочими	1086	2,7	1004	4,7	82	0,4
5. Хозяева, работающие с членами семьи, и члены артелей	9572	23,5	8756	41,0	816	4,2
6. Одиночки	588	1,4	461	2,1	127	0,7
7. Члены семьи, помогающие в занятии главе семьи	25684	63,1	8592	40,2	17092	88,5
8. Лица, не имеющие или не указавшие занятия	269	0,7	166	0,8	103	0,5
9. Безработные	144	0,4	100	0,5	44	0,2
10. Военнослужащие	44	0,1	44	0,2	-	-
Всего самодеятельных	40696	100,0	21371	100,0	19325	100,0

*Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIII, с. 12, 13. Данные по Омскому и Славгородскому округам.

Социальное положение мужчин и женщин различалось качественно. Женщины занимали явно подчиненное место в производстве, что определяло и их социальный облик, и общественное положение. Абсолютное большинство женщин (88,5%) являлись "помогавшими членами семьи", тогда как среди мужчин таких было 40,2%. Среди "хозяев" абсолютно доминировали мужчины - женщины были главами лишь 8,5% хозяйств, работавших с членами семьи, и только 7,6% хозяйств с наемными работниками. Женщины вдвое реже мужчин работали по найму и в пять раз реже занимались производством в одиночку. Среди учтенных переписью 127 "одиночек" женского пола две трети были заняты в собственном сельском хозяйстве, треть - в кустарных промыслах.

Представленные в данной работе результаты статистического анализа немецкого этноса в Сибири в середине 1920-х гг. можно использовать как

основу для ответа на вопрос о характере изменений, происшедших с немцами в советский период, о результатах влияния на них политики, проводимой советским государством. Но приведенными статистическими сведениями далеко не исчерпываются информационные возможности материалов переписи населения 1926 г. На их основе возможно изучение значительно более широкого круга вопросов, чем обозначено в работе, и более глубокое исследование тех, которые в ней рассмотрены. Однако даже первичный анализ переписных материалов показывает, что они могут способствовать более основательному изучению проблем специфики развития немецкого этноса, в частности, помочь ответить на вопрос, были ли немцы единой общностью или нет, выявить особенности их развития в разных частях страны, а также внутри регионов, таких, как Сибирь. Очевидно, что для этого необходимо расширить географические и хронологические рамки исследования, провести анализ итогов всех переписей по всей территории СССР. Введение в научный оборот практически не использовавшихся до сих пор материалов восьми всеобщих переписей населения, включая перепись 1897 г., должно принести значимые научные результаты.

Примечания.

- ¹ Работа выполнена при поддержке Красноярского краевого фонда науки (грант 10F 100С).
- ² Публикации итогов см.: Труды ЦСУ РСФСР. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. I. Вып. 1-5. М., 1920-1922; Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928.
- ³ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. М., 1928. С. 34, 83.
- ⁴ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. М., 1928. С. 62, 70.
- ⁵ См.: Подробнее см.: Т. VI. С. 245-260.
- ⁶ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XL. М., 1930. С. 126, 132.
- ⁷ См.: Там же.
- ⁸ См.: Там же. Т. XL. С. 70, 79, 132.
- ⁹ См.: Там же. С. 126, 132.
- ¹⁰ См.: Там же.
- ¹¹ См.: Там же. Т. IX. С. 34.
- ¹² См.: Там же. Т. XL. С. 126, 12.
- ¹³ См.: Там же. С. 126-129, 132-134.
- ¹⁴ См.: Там же. Т. VI. С. 190-191, 204-205.
- ¹⁵ Подсчитано по: Т. XL. С. 5.
- ¹⁶ См.: Там же.
- ¹⁷ См.: Там же. Т. VI. С. 17-85.
- ¹⁸ См.: Там же. Т. VI. С. 17-85. Т. IX. С. 34.
- ¹⁹ Здесь и далее подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIII. М., 1929. С. 12-13.

ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ В АССР НП В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Изменения в аграрном и индустриальном секторах экономики в конце 1920-х начале 1930-х гг. привели к небывалой миграционной активности населения. Немецкая автономия на Волге, крупный поставщик хлеба и другой сельскохозяйственной продукции государству, в полной мере испытала на себе последствия этого процесса.

В начале 1930-х гг. возникает и усиливается наряду с массовым насильственным переселением вынужденная миграция, внутри которой выделяются три направления: переселение крестьян, спасавшихся от раскулачивания; переселение 1932-1934 гг., вызванное голодом; и переселение, связанное с процессом урбанизации.

Начало вынужденного переселения приходится на февраль-март 1930 гг. и связано с началом кампании раскулачивания зажиточных крестьянских хозяйств. Оно затронуло, прежде всего, крестьянские семьи, бежавшие от раскулачивания. Попытки местных руководителей справиться с побегами крестьян часто не приводили ни к каким результатам. Крестьяне, находившиеся в родственных, соседских, дружественных связях с кулаками становились на их сторону. Приведу несколько примеров бегства кулацких семей.

В феврале 1930 г. в г. Покровске из намеченных к аресту 23 кулаков был арестован лишь один, все остальные скрылись. В Мариентальском кантоне в феврале 1930 г. бежало 44 кулака. В ночь со 2 на 3 февраля из с. Ротхаммель Франкского кантона, собрав на подводы имущество, пытались выехать 14 кулацких семей¹. Только вмешательство председателя сельского совета остановило побег. Всё же часть своего имущества беглецы успели спрятать у родственников и знакомых. Однако в большинстве случаев местное руководство не могло контролировать движение кулаков и стало перед фактом массового бегства.

Особая комиссия по ликвидации кулачества как класса неоднократно обсуждала вопрос о возросшем бегстве кулаков. Так, на заседании 9 февраля 1930 г. комиссия постановила организовать в сёлах Немреспублики заслон кулаку из бедноты и батрачества². 11 февраля комиссия предложила применять к оставшимся членам семей бежавших кулаков "соответству-

ющие меры"³. Под "соответствующими мерами" скрывались меры репрессивного характера в духе тех, что проводились по всей стране. Уже в феврале 1930 г. милицией и органами ОГПУ АССР НП были организованы поиски бежавших кулаков.

Уход крестьянских семей из родных сёл в города продолжался и в 1931 г. В апреле 1931 г. в местах наибольшего скопления скрывающихся кулаков, в Сталинграде, Астрахани, Донбассе, работали оперативные работники ОГПУ. На Сталинградском тракторном заводе были обнаружены 20 кулацких семей, бежавших из Старо-Полтавского кантона. Всего же только по этому кантону к августу 1931 г. бежали члены каждого второго хозяйства (199 раскулаченных хозяйств и 286 трудоспособных кулаков⁴).

Пойманных крестьян возвращали в Немреспублику и направляли в специальные кулацкие пункты, один из которых был расположен в городе Энгельсе (до октября 1931 г. - г. Покровск). Проживали кулацкие семьи в г. Энгельсе в трёх зданиях, расположенных в разных частях города. Из всех построек для проживания было пригодно только каменное здание общежития педагогического института, остальные деревянные постройки, принадлежавшие речному вокзалу и костеперерабатывающему заводу, были в ветхом состоянии и требовали капитального ремонта. В ожидании вынесения приговора судебными инстанциями кулаки вынуждены были жить в антисанитарных условиях, что стало причиной высокой заболеваемости и смертности⁵.

Вынужденное переселение в начале 1930-х гг. затронуло крестьянские хозяйства, пострадавшие от голода. Голод охватил значительные сельскохозяйственные районы СССР. Сильнее всего он затронул две хлебные житницы страны: Украину и Поволжье. Непризнание голода советским правительством отразилось на ведении статистики в сёлах и городах Немреспублики. Полных данных о миграции населения в этот период нет. Однако косвенные данные об изменении населения в голодные годы даёт нам анализ естественного движения населения. Наиболее точно мы можем говорить о высокой смертности населения в эти годы, что подтверждается многочисленными документами.

Анализ данных естественного прироста населения по трём городам АССР НП Бальцеру, Зельману, Марксштадту позволяет отодвинуть временные границы голода в отдельных частях Немреспублики и датировать его весной 1932 г. В Зельмане население убывает с лета 1931 г. Отрицательный прирост населения сохраняется в г. Зельмане практически в течение всего 1932 - 1933 гг.⁶

Объяснением этого может быть особенность экономического развития города и одноимённого кантона. Зельманский кантон был сельскохозяйст-

венным регионом Немреспублики со слабо развитой промышленностью, ориентированной на переработку сельскохозяйственной продукции. Преобразования в сельском хозяйстве в 1930 – 1931 гг. коснулись значительной части населения кантона. Отсутствие развитой промышленности не дало возможности населению найти работу в городах. Поэтому с июля 1931 г. в г. Зельмане наблюдается стабильная убыль населения, тогда как в Бальцере и Маркштадте первые отрицательные показатели прироста населения наблюдаются только в мае – июле 1932 и в мае – июле 1933 гг. соответственно. Наибольшая убыль населения в трёх городах АССР НП приходится на 1933 г. В этот период показатели естественного прироста населения по городам Бальцеру, Маркштадту и Зельману имеют отрицательные значения.

Одним из путей спасения от голода стало массовое переселение крестьян. Сельское население республики немцев Поволжья уходило на стройки и в города. Приблизительное число мигрантов можно определить на основе сравнения данных об изменении численности населения в Немреспублике за разные годы. В Таблице показано изменение численности населения АССР НП в 1929 – 1934 гг.

Миграция из АССР НП усилилась в 1930 г., с началом проведения политики коллективизации сельского хозяйства. За этот год мигрировало свыше 20 тысяч человек. В 1931 г. миграция увеличивается, так как к насильственному переселению добавляются потоки беженцев – крестьян, спасающихся от раскулачивания. В этот год число мигрантов превысило 60 тысяч человек. В 1933 г. миграция населения из АССР НП принимает характер настоящего исхода. Число мигрантов в этот год перевалило за сотысячную отметку⁷.

Переселение от голода затрагивает не только сельское население, но и население городов. Картина механического движения населения по городам Бальцеру, Маркштадту и Энгельсу позволяет оценить преобладание прибывшего в города населения над выехавшими. Так, по трём городам АССР НП прибывшего населения насчитывалось 17566 человек, а выехавших из тех же городов было 11363 человека. Во-вторых, следует обратить внимание на то, что из всех приехавших в города людей более половины, примерно 65%, были крестьяне. В третьих, можно констатировать, что переселившиеся из городов в сельскую местность составляли незначительное количество, примерно около трети от всех выселившихся⁸.

В голод 1932 – 1933 гг. города становятся прибежищем для сотен крестьян. Для многих крестьян переселение в города стало единственно возможным путём спасения. Существовало ещё одно крупное направление в миграции – это переселение из городов. Однако, в основном привлекают

выехавших всё те же города. Наибольшая активность в переселении наблюдается в мае 1932 г., когда голод принимает устрашающие размеры.

В 1933 г. продолжает уменьшаться численность городского населения. На 1 января 1933 г. в г. Энгельсе проживало 58361 человек. Через восемь месяцев в этом городе проживало чуть более 49 тысяч человек, то есть население сократилось почти на 9 тысяч человек. При этом за тот же период естественный прирост населения составил 196 человек, а механический всего 982 человека. Такое значительное сокращение населения города объясняется не только высокой смертностью населения, 4747 человек умерли за восемь месяцев 1933 г., но и оттоком голодающих из города. К сентябрю 1933 г. г. Энгельс покинули более 3 тысяч человек⁹.

Одним из миграционных направлений в начале 1930-х гг. становится рабочая миграция, то есть переселение в поисках работы. Этот вид вынужденной миграции существовал все годы в период существования немецкой автономии на Волге. В 1931 г. статистика рабочей миграции была проведена в 168 сельских советах из 275 существовавших. Учёт проводился по двум направлениям, прибывших и убывших в данном сельсовете. Полученные данные показали усиление миграционной активности сельского населения в процессе проведения политики коллективизации. Иными словами, к концу 1931 г. можно говорить о массовом уходе крестьян на заработки. За первую половину 1931 г. на заработки уехало 5830 человек. За это же период вернулись на постоянное место жительства 1950 человек. В дальнейшем движение населения усилилось, причём растёт число выбывших крестьян. С июля по сентябрь 1931 г. из учтённых сёл уехало на заработки 8982 человека, а вернулись лишь 1706.

Растёт в 1931 г. и отходничество крестьян, организованный уход крестьян на заработки. Оно представляет одно из направлений в рамках рабочей миграции. В ноябре и декабре 1931 г. большинство отходников трудилось на сельскохозяйственных работах, затем на фабриках и заводах.

Сведения об отходничестве крестьянского населения в 1931 г. были собраны по 176 сельским советам АССР НП. По ним в ноябре 1931 г. на заработки ушли 14208 человек, из них 2/3 или почти 12 тысяч колхозников¹⁰.

В декабре 1931 г. на заработки уходят свыше 12 тысяч человек, причём абсолютное большинство из них колхозники. Большинство отходников работали недалеко от дома, в пределах своего сельского совета. Однако более 800 крестьян трудилось на фабриках и заводах АССР НП. Динамика роста отходничества сохраняется все голодные годы и начинает снижаться к середине 1930-х гг., что было связано с введением в автономии паспортной системы.

Таким образом, усиление миграционной активности населения в начале 1930-х гг. связано с появлением нового направления – вынужденной миграции. Она начинается с февраля – марта 1930 г. и продолжается до 1934 г. Причинами возникновения такого миграционного движения населения стали коллективизация и голод в Поволжье. Коллективизация сельского хозяйства вызвала невиданное ранее насильственное и вынужденное переселения. Не признавая голод открыто, советское правительство не организовало переселение голодающих, как это было десять лет назад. Люди искали спасения в бегстве, они устремились в города, соседние сёла. Усиление миграционной активности населения в первой половине 1930-х гг. сравнимо с усилением миграционной активности в начале 1920-х гг. Потоки вынужденных переселенцев были более мощными, чем в голод предыдущего десятилетия. На мой взгляд, из-за отсутствия помощи голодающим и непризнания советским руководством голода, миграции были более сильными, чем в 1921-1922 гг. Непосредственным подтверждением этого стала перепись населения 1937 г., которая представила конкретные данные резкого сокращения населения по всей стране, в том числе в АССР НП, где прямые и косвенные потери составили свыше 100 тысяч человек.

Советское правительство пыталось жёстко контролировать миграционное движение, в том числе и вынужденную миграцию. Первые неудачные попытки были сделаны в голод в начале 1920-х гг. Насильственные переселения в 1930-е гг. являются ярким свидетельством того, что государство путём миграции части населения решало политические и экономические проблемы. Однако установить полный контроль над миграциями не удалось: органы ГПУ АССР НП постоянно разыскивали нелегальных (вынужденных) мигрантов. С 1932 г. в СССР, с 1933 г. в немецкой автономии были введена паспортная система, которая стала основой введения полного контроля над миграционными процессами. В середине 1930-х гг., когда голод в немецкой автономии был преодолён, когда не проводилось массовых насильственных переселений, миграционные процессы стабилизировались, и среди вынужденных миграций стала преобладать рабочая.

Примечания

- ¹ См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее ЦДНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1820. Л. 190.
- ² См.: Там же. Д. 1826. Л. 27.
- ³ Там же. Д. 1831. Л. 33.
- ⁴ См.: Энгельский филиал государственного архива Саратовской области (далее ЭФА-СО). Ф. 849. Оп. 3Д/П. Д. 201. Л. 271.
- ⁵ См.: Там же. Д. 215. Л. 1.

⁶ См.: Там же. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 569. Л. 65-67.

⁷ См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге 1918-1941: Часть II. Автономная республика 1924 – 1941. Саратов, 1994. С. 126., ЭФГАСО. Ф. 1188. Оп. 10/Д. Д. 347. Л. 14.

⁸ См.: ЭФГАСО. Ф. 1188. Оп. 10/Д. Д. 347. Л. 113, 125, 126, 128, 138, 141, 148.

⁹ См.: Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332. Оп. 1. Д. 11. Л. 31-33.

¹⁰ См.: ЭФГАСО. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 1261. Л. 72.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ 1930-Х-1950-Х ГОДОВ

Демографическое развитие немецкого этноса в межвоенный период характеризовалось неблагоприятными тенденциями. Империалистическая и гражданская войны, катастрофический голод 1921-22 гг., раскулачивание и голод 1932-33 гг., то усиливающаяся, то ослабевающая репрессивная политика большевистского режима – все это привело к значительным демографическим потерям. Последние образуются как за счет преждевременной смертности (прямые потери) так и косвенных потерь, связанных со снижением рождаемости в периоды социальных потрясений или природных катаклизмов. В распоряжении исследователя имеются данные переписей 1926, 1937 и 1939 гг., справки Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД) о наличии "граждан немецкой национальности" в областях и республиках в первые месяцы войны, а также сведения о численности переселенных немцев на начало 1942 г., оперируя которыми, можно дать оценку прямым и косвенным потерям за межвоенный период и определить предвоенную численность российских немцев.¹

Наиболее достоверные и полные сведения о численности и расселении немецкого населения дала перепись 17 декабря 1926 года (табл. 1). К сожалению, у нас нет половозрастной структуры немецкого этноса в целом по СССР. Однако региональные данные позволяют судить о процессах воспроизводства данной национальности. Возрастная структура поволжских немцев, проживавших в автономной республике, характеризовалась низким удельным весом детей в возрасте от 5 до 9 лет, т.е. 1917-1921 года рождения, составлявшим всего 9,8% от численности этноса, в то время как группа детей до трех лет включительно, родившихся в 1923-26 гг., насчитывала 15,7% и была непропорционально высока. Среди причерноморских немцев возрастная структура была более выровнена; удельный вес этих возрастных групп или когорт у проживающих в Одесском округе был 10,7% и 13,6% соответственно. Последнее объясняется меньшим влиянием голодомора 1921-1922 гг. на Украине, не принявшего такого катастрофического характера как на Волге².

Естественный прирост немецкого населения во второй половине двадцатых годов был одним из самых высоких в стране и составлял в 1927 го-

ду: в европейской части 32,5 на 1.000 населения при рождаемости 51,6 и смертности 19,1; в Автономной Советской Социалистической Республике Немцев Поволжья (АССР НП) общий коэффициент рождаемости - 6,08% был самым высоким среди народов СССР и означал практически биологическую границу воспроизводства³. Однако перепись, проведенная 6 января 1937 года, зафиксировала всего лишь 1151602 немца, что означало уменьшение абсолютной численности по сравнению с 1926 годом на 7,0%, в то время как население СССР в целом за межпереписной период увеличилось на 9,3%⁴. За счет чего образовалась столь значительная убыль населения?

Прежде всего, стоит оценить надежность результатов, полученных в ходе проведения данной переписи. Ведущие российские демографы признают результаты переписи 1937 г. в целом как достоверные; недоучет населения принимается величиной не более чем 0,3-0,5%⁵. Анализ географии расселения по результатам переписи на примере немецкой этнической группы позволяет усомниться в ее доброкачественности (табл. 1 и 2).

Таблица 1. Распределение немецкого населения по союзным республикам и регионам РСФСР по переписям 1926, 1937 и 1939 гг.

Республики и регионы	Перепись 17. декабря 1926 г.	Перепись 6. января 1937 г.	Перепись 17. января 1939 г.
СССР,			
в том числе в республиках:	1238549	1151602	1427232
РСФСР (без Казахстана и Киргизии),			
в том числе в регионах:	750908	651429	862504
АССР НП	379630	322652	366685
Северный Кавказ (без автономных республик)	93915	109903	112944
Сибирь и Дальний Восток	81414	Нет данных	93035*
Саратовская и Сталинградская области	54064	67793	66721
Крым	43631	50576	51299
Прочие регионы России	98254	100505	171820
Украинская ССР	393924	401880	392458
Казахская ССР	51102	80568	92571
Азербайджанская ССР	13149	Нет данных	23133
Армянская ССР	12047	1430	20527
Грузинская ССР	7075	9677	8448
Таджикская ССР	4646**	Нет данных	10049
Киргизская ССР	4291	Нет данных	11741
Туркменская ССР	1276	Нет данных	3346
Одесская ССР	Нет данных	Нет данных	2022
Армянская ССР	131	Нет данных	433

Составлено по литературе, приведенной в ссылке 1.

* Только Алтайский край и Омская область

** Совместно с входившим тогда в ее состав Таджикистаном

Прежде всего, бросается в глаза, что по шести республикам сведения о численности немецкого населения не приводятся, в то время как такие данные регистрировались в 1926 и 1939 гг. Зафиксированное в Грузии число в 1430 немцев не соответствует действительности: в 1926 г. их проживало там около 12 тыс. человек, а осенью 1941 г. по данным НКВД было депортировано из республики 20423 немца. Это касается Азербайджана и других республик, где эта национальность в итоговых данных отсутствуют. Если же вычесть из общей суммы численность немцев, указанных в РСФСР, Украине, Белоруссии и Казахстане, то останется 8048 – столько немцев должно было проживать в оставшихся 7 республиках по данным переписи. По нашим же расчетам на начало 1937 г. там проживало фактически не менее 55-60 тыс. лиц данной национальности, что дает недоучет около 47-52 тыс. человек⁶.

По Российской Федерации перепись зафиксировала 651429 немцев. Здесь тоже имеются “нестыковки”: немцы не были учтены в таких регионах как Сибирь, Дальний Восток, Дагестанская, Башкирская и Калмыцкая АССР, Горьковская и Свердловская области, хотя по данным остальных переписей и солидных историко-статистических источников представители данной национальности в довоенное время однозначно там проживали. Итоговая численность немцев по Российской Федерации представляет собой сумму только по 19 территориям, в которых они были выделены отдельной строкой (табл. 2). Не учтены были немцы тех областей и автономий, где в 1926 г. их насчитывалось около 130 тыс., а в 1939 примерно 179 тыс. человек; поправка по РСФСР принимается нами в размере 153-156 тыс. человек (средняя величина). Итого, общий недоучет немецкого населения СССР на начало 1937 года составляет по нашей оценке около 200-208 тыс. человек, а скорректированная окончательная численность определяется примерно в 1350 – 1360 тыс. При этом нами допускается, что подсчет “граждан немецкой национальности” по тем республикам и территориям, где они явно выделены, производился более или менее корректно⁷. Вопрос, какие цели преследовали организаторы переписи или органы власти, занижая численность одного из народов на 17%, остается пока открытым. Но в любом случае представляется необходимым сделать фронтальную перепроверку опубликованных материалов переписи 1937 г., по меньшей мере, с точки зрения выявления диспропорций национального состава страны.

Если рассчитать численность немецкого населения СССР на начало 1937 г. при допущении, что естественный прирост до 1930 г. включительно составлял 3,25% в год, а для 1931-1936 гг. принять ежегодный темп роста в среднем 1,82%, который был рассчитан союзным Госпланом на вторую пятилетку для страны в целом, то она должна была составлять не менее

1553856 человек⁸. С учетом сделанных расчетов и допущений дефицит родонаселения немецкого этноса за межпереписное десятилетие 1927-1936 гг. можно определить примерно в 200 тыс. человек, как разницу между гипотетической (1554 тыс.) и расчетной фактической (1350-1360 тыс.) численностью. Демографические потери немецкого этноса возникали, в первую очередь, за счет повышенной смертности и в меньшей степени из-за снижения рождаемости в результате политики насильственной коллективизации, которая привела к катастрофическому голоду 1932-1933 гг. От голода и сопутствующих ему заболеваний умерло, прежде всего в Поволжье, на Украине и в Казахстане, не менее 7,2 миллиона человек, что для европейской страны в XX веке представляет собой небывалое событие, случившееся к тому же в мирное время. Общие демографические потери оцениваются в 11 млн. человек. По поволжским областям число прямых жертв голода оценивается в 366 тыс. человек (74%), а косвенные потери (снижение рождаемости) в 116 тыс. чел. (26%). Свою лепту в статистику людских потерь внесли повышенная смертность среди выселенных кулаков, а также жертвы политических репрессий второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов⁹. Только в АССР НП число умерших от голода в 1932-1933 гг. составило 45,3 тыс. человек. Если соотношение прямых и косвенных потерь по Поволжью (аналогичными данными по Украине мы не располагаем) перенести на немецкое население в целом, то число умерших преждевременной смертью за межпереписной период будет составлять приблизительно 150 тыс. чел.; около 50 тыс. человек недосчитал немецкий этнос за счет снижения рождаемости.

Таблица 2. Распределение немецкого населения по автономным республикам, краям и областям Российской Федерации в 1937-1941 гг.

Республики, края и области Российской Федерации	Перепись 6 января 1937	Перепись 17 января 1939	Выборочный учет НКВД в сент.-декабре 1941	Переселено внутри РФ к 1.1.1942 г.
РСФСР в целом, в том числе:	651429	862504	Нет данных	672248*
Алтайский край	Нет данных	33203	Нет данных	-
Вологодская обл.	146	696	208	Нет данных
Воронежская обл.	6855	5361	5125	5125
Горьковская обл.	Нет данных	4758	1031 (2544)	3162
Дагестанская АССР	Нет данных	5048	Нет данных	7306**
Кабардино-Балкарская АССР	5276	5327	5327	5803
Калининская обл.	3590	1414	267	Нет данных
Калмыцкая АССР	Нет данных	4150	4150 (5706)	5843
Карельская АССР	Нет данных	3280	Нет данных	Нет данных
Коми АССР	Нет данных	2617	Нет данных	Нет данных
Краснодарский край	34880	34287	26987 (40636)	37733

Республики, края и области Российской Федерации	Перепись 6 января 1937	Перепись 17 января 1939	Выборочный учет НКВД в сент.-декабре 1941	Переселено внутри РФ к 1.1.1942 г.
Крымская АССР	50576	51299		1900***
Куйбышевская обл.	10665	11101	11500	8782****
Ленинградская обл. (без г. Ленинграда)	15078	12766	Нет данных	Нет данных
г. Ленинград	14239	10104	Нет данных	Нет данных
Московская обл. (без г. Москва)	Нет данных	6552	11567, из них арестовано 1142, оставлено 1620, скрылось 10	8640 (из Москвы и области)
г. Москва	11825	8301	374225	371164*****
АССР НП	322852	366685	Нет данных	Нет данных
Омская обл.	Нет данных	59832	Нет данных	Нет данных
Оренбургская (Чкаловская) обл.	17871	18594	18594	Нет данных
Орджоникидзевский край	41712	45689	95689 (см. прим. ****)	99990 (см. прим. ****)
Ростовская обл.	33311	32968	27000	38742
Саратовская обл.	42339	42970	43101	46706
Северо-Осетинская АССР	3257	2929	2929	2415
Сталинградская обл.	25454	23751	23945	26245
Тамбовская обл.	4251	3229	980	Нет данных
Тульская обл.	Нет данных	3208	2378	2702
Челябинская обл.	7451	6019	4034	Нет данных
Прочие регионы России	Нет данных	56366	Нет данных	Нет данных

Составлено по литературе, приведенной в ссылке 1.

*Сумма по всем строкам дает число 672258. С учетом переселяемых из Украины и Закавказья, общая численность депортируемых составляла 799459 чел.

** Вместе с немцами из Чечено-Ингушской АССР. По Дагестану было учтено 3592 немца, по Чечено-Ингушетии 420, всего 4012 человека.

*** Большая часть крымских немцев была депортирована из Орджоникидзевского края (примерно 50 тыс.) и Ростовской обл. (около 3 тыс.), куда они в середине августа 1941 были первоначально выселены.

**** До 15 сентября из г. Куйбышева и Чапаевска было переселено 1680 человек

***** По другим сведениям, из АССР НП было выселено 365329 чел.

Непропорционально высокие жертвы в годы "большого террора" 1937-1938 гг. понесли народы и национальные меньшинства, исторически связанные с государствами за пределами СССР, и поэтому в глазах правящего режима предоставляющие особую опасность для дела построения социализма, — поляки, немцы, латыши, финны, греки, румыны и др.¹⁰ Директивное письмо Главного Управления Государственной безопасности (ГУГБ) НКВД № 26 от 2 апреля 1937 года "О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии... на территории Союза СССР" и приложенная к нему "Ориентировка о деятельности германских фашистов в СССР" — послужили, фактически, началом "немецкой операции"¹¹. И если по политическим мотивам за эти два года было осуждено в целом по Советскому Союзу 1344923 человека или 0,84% населения страны в целом, из которых 681692 или 50,7% было рас-

стреляно, то подобная участь постигла от 69 до 73 тыс. немцев или 5,1-5,4% от их числа, из которых приблизительно 53-56 тыс. человек или 76,0% были расстреляны¹².

По переписи 1937 г. на Украине проживало 401880 немцев, значительно больше чем в АССР НП. В 1937-1938 гг. среди них было репрессировано 21229 человек, из которых 18005 или 84,8% расстреляно. По данным о репрессированных Одесской области 91,8% всех осужденных были в возрасте от 20 до 59 лет, в том числе на 30-49-летних приходилось 58,1%. Среди репрессированных немцев по Одесской области 86,4% составляли мужчины и соответственно 13,6% женщины. Среди расстрелянных доля мужчин была еще выше: 95,5%. Если допустить, что соотношение полов и возрастов репрессированных немцев по Одесской области аналогично показателям в республиканском масштабе, а возрастная структура украинцев соответствует общесоюзной (по данным переписи 1937 г.), то в 1937-1938 гг. около 18% немецких мужчин на Украине в возрасте от 20 до 59 лет было расстреляно, а среди наиболее активной части, 30-49-летних эта доля составляла почти четверть (22,3%)¹³! Невозможно адекватно оценить "поведение" части причерноморских немцев во время германской и румынской оккупации Украины, не учитывая их горького разочарования политикой советской власти и озлобления многолетней практикой экспроприаций и террора. Особенностью сталинской национальной политики было то, что масштабы репрессий в АССР НП, где немцы имели статус титульной национальности, были хоть и более массированными, чем в среднем по стране, но, судя по всему, менее масштабными, чем среди немцев Украины¹⁴.

Что же касается результатов переписи 1939 г., то ее итоги оказались сфальсифицированными: приписка в рамках всей страны составила 2,8-2,9 миллионов человек, что соответствовало 1,7%. При этом в АССР НП уровень искажения (в сторону увеличения) оказался самым большим среди всех административно-территориальных образований России: приписка к итогам численности населения составила 9,6%. В результате численность сельского населения автономной республики возросла по сравнению с фактической на 11,9%, а городского на 2,0%. Наиболее значительному искажению подверглась численность мужчин, проживающих на селе — приписка здесь составляла 20,7%, у сельских женщин этот показатель был значительно меньше и составлял "всего" 4,1%. Такая масштабная фальсификация отразилась прежде всего на достоверности результатов переписи по немцам, так как они составляли более двух третей сельского населения. Уровень приписок к численности городского и сельского насе-

ления соседних, Саратовской и Сталинградской областей, населенных в основной своей массе русскими и украинцами, был минимален (город 2%, село 2,5%). Заключенные и военнослужащие учитывались как горожане и распределялись равномерно в виде приписок к городскому населению до 2%¹⁵. По другим регионам расселения немцев, где они проживали дисперсно среди других национальностей и составляли меньшинство населения той или иной территориальной единицы, выявить размеры искажений не представляется возможным. Только отдельные отрывочные данные, прежде всего сводки НКВД о наличии немцев по областям, краям и республикам в первые месяцы войны позволяют судить в какой-то мере о возможных фальсификациях. Так, к 24 сентября 1941 г. НКВД было взято на учет в Киргизии 8426 человек, в то время как переписью 1939 г. было учтено 11741 немец. В Казахстане по переписи 1939 г. насчитывалось 92571 чел. (табл. 1), а Коммиссариат Внутренних Дел Казахстана информировал военный отдел ЦК компартии республики о наличии 61338 "местных" немцев, т.е. проживавших здесь до начала войны¹⁶.

Таким образом, результаты переписи 1939 г., как в части установления численности и расселения немецкого населения, так и для анализа демографических процессов, можно считать непригодными. Они несут в лучшем случае ориентировочный характер, ибо содержат искажения показателей до 20%, возможно и более. Следуя вышеизложенной методике расчетов, оценим численность немецкого этноса на момент депортации, отталкиваясь от расчетной величины на начало 1937 г. в 1350-1360 тыс. чел. и используя коэффициенты естественного прироста, рассчитанные для страны в целом¹⁷. От полученного результата в 1461-1472 тыс. человек исключаем прямые жертвы террора 1937-38 гг. (53-56 тыс. чел.). Таким образом, на середину 1941 г. расчетная численность "советских" немцев определяется нами величиной в 1405 - 1419 тыс. человек¹⁸. Данная оценка коррелирует с приблизительными расчетами, сделанными методом прямого счета. В этом случае численность немецкого населения оценивается нами в 1440-1460 тыс. человек¹⁹.

Демографическая ситуация немецкого населения в целом по стране или по отдельным территориям как во время войны, так и в послевоенные годы остается до сих пор практически неисследованной²⁰. В военные годы демографические события (рождение, смерть и т.д.) контингентов депортированного населения учитывались в особом порядке. В книгах записей актов гражданского состояния (ЗАГС) сельских советов сведения по немцам-выселенцам не регистрировались. Вопрос об учете естественного движения в отношении депортированных народов, прежде всего в 1941-1944 гг., остается пока открытым²¹. Данные о послевоенной численности и естест-

венном движении немецкого населения противоречивы. По справке МВД на 1 января 1949 г. на учете состоял 1035701 немец. С другой стороны, в письме начальника отдела спецпоселений МВД СССР полковника Шиана, датированном октябрём 1949 г., приводится цифра в 1096693 человека. В январе 1950 г. в совместном письме Министра внутренних дел Круглова и Генерального прокурора СССР Сафонова на имя Л. Берия шла речь о 1099758 спецпереселенцах. В начале июля 1950 г. "лиц немецкой национальности" числилось на поселении 1106277 человек²². В одной из справок МВД утверждалось, что за 1945 год родилось 1914 немцев-спецпереселенцев и умерло 6930; в 1946 соответственно 4236 и 8519; в следующем году 7314 и 12573. Только в 1948 г. число рождений 17679, наконец, превысило число умерших 12309. Приведенные данные вызывают большие сомнения относительно их полноты и достоверности. Так, только в Казахстане было зарегистрировано 4074 немцев, родившихся в 1945 году и доживших до января 1959 г., даты проведения первой послевоенной переписи. Родившихся в 1947 насчитывалось 9675; на момент переписи в республике проживало 40,7% всех "советских" немцев²³. Кроме официально зарегистрированных спецпереселенцев по состоянию на 21 февраля 1949 г. дополнительно насчитывалось 113810 человек, проживающих в различных местностях Союза ССР, не выселявшихся и не состоявших на учете²⁴. Таким образом, общая численность немцев в 1949 - середине 1950-го года по ведомственным данным колебалась между 1149,5 и 1220 тыс. человек.

Половозрастная структура поднадзорного "контингента" на начало 1949 г. была неблагоприятна: на 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше приходилось 1571 женщина, дети составляли 34,8% от общей численности этноса, что для традиционного сельского населения было довольно низким показателем²⁵. Такой непропорционально низкий удельный вес можно было бы объяснить высоким уровнем детской, прежде всего младенческой, смертности и резким снижением рождаемости во время войны. Однако анализ распределения спецпоселенцев по отдельным территориям приводит к выводу, что в последующие три года после окончания военных действий воспроизводство немецкого этноса умышленно сдерживалось. Так, в Казахстане на тысячу мужчин приходилось 1853 женщины, в Красноярском крае 1926, в Башкирии перевес женщин был еще более значительным и составлял 2579 чел. В Свердловской, Челябинской, Тульской и некоторых других промышленных областях ситуация была прямо противоположной: на 1000 мужчин приходилось соответственно 857, 879 и 439 женщин²⁶. Многолетняя разобщенность супругов вела к дестабилизации семьи и к снижению ее репродуктивных функций. Ре-

результатом искусственного разделения немецких мужчин и женщин явился резкий рост межнациональных браков, особенно в городах, что в условиях советскорусского языкового и культурного доминирования неизбежно вело к ускоренной ассимиляции.

Проведенный к 1-му января 1953 г. переучет спецпереселенцев зафиксировал их рост до 1224931 чел.²⁷ Фактическая численность немцев была выше зарегистрированной, иначе никаким естественным приростом невозможно объяснить увеличение немецкого населения за шесть лет на 32% до 1620 тыс. человек²⁸.

Половинчатость реабилитации российских немцев в послесталинскую эпоху проявилась, помимо всего прочего, в том, что на публикацию разного рода сведений, результатов переписей и социологических опросов, проведение этно-демографических и социально-культурных исследований данной национальной группы было наложено негласное табу²⁹. Наиболее достоверные сведения о демографической ситуации народов СССР в послевоенный период дала перепись 1959 г., окончательные итоги которой были представлены в 17 томах. Сведения о немецком этносе не вошли в опубликованные результаты. Было всего лишь указано, что в СССР учтено 1619655 немцев, в том числе в РСФСР 820016 или 50,6% от общего числа³⁰.

Находящийся в Российском Государственном архиве экономики (РГАЗ) фонд ЦСУ содержит материалы переписи 1959 года, в том числе неопубликованные. К сожалению, нам не удалось найти окончательные итоги по немецкому этносу по Советскому Союзу и Российской Федерации; видимо по этим территориям они вообще не разрабатывались. Однако результаты переписи по немцам Казахстана отложились в фонде и могут быть использованы для сравнительного анализа социально-демографических характеристик разных народов, для оценки последствий депортаций и массовой мобилизации в лагеря принудительного труда (таблица 3 и 4). Прежде всего, необходимо выяснить, в какой степени демографические характеристики немецкого населения Казахстана (659751 человек или 40,7% всех немцев, учтенных в Советском Союзе) могут быть репрезентативны для национальной группы в целом. В целом по СССР 39,3% немцев проживало в городах, в Казахстане несколько меньше: 30,9%. В нашем случае разница в степени урбанизации не должна заметно повлиять на достоверность полученных результатов, т.к. большая часть горожан-немцев были недавними сельчанами, сохранявшими основные черты традиционного типа воспроизводства населения³¹.

На 1 тыс. немецких мужчин приходилось в Советском Союзе 1173 женщины, в Казахстане 1192³². В Казахстане проживали различные группы немецкого этноса, у которых до конца 1940-х годов еще сохранялись оп-

ределенные различия в темпах естественного воспроизводства, обусловленные степенью их хозяйственно-бытового и производственного обустройства. Прежде всего выделялись местные немцы, не подвергавшиеся переселениям, а затем лица, депортированные на Восток по Указу от 28 августа 1941 г. и последующих правительственных или ведомственных постановлений.

Таблица 3. Половозрастная структура немецкого населения Казахстана по переписи 1959 г.

Год рождения	Возраст, лет	мужчин	женщин	оба пола
	Всего, в т.ч.	300976	358775	659751
1954	4	12261	11743	24004
1954-58 гг.	0-4	60611	57601	118212
1953	5	11120	10750	21870
1952	6	10762	10245	21007
1951	7	10145	9972	20117
1950	8	9348	8961	18309
1949	9	7786	7614	15400
1949-53 гг.	5-9	49161	47542	96703
1948	10	7026	6728	13754
1947	11	4955	4720	9675
1946	12	3206	2966	6172
1945	13	2090	1984	4074
1944	14	1683	1575	3258
1944-48 гг.	10-14	18960	17973	36933
1943	15	1479	1458	2937
1942	16	3356	3296	6652
1941	17	5001	4888	9889
1940	18	5869	6104	11973
1939	19	5759	6117	11876
1939-43 гг.	15-19	21464	21863	43327
1934-38	20-24	32003	34364	66367
1929-33	25-29	29050	29668	58718
1924-28	30-34	27134	31737	58871
1919-23	35-39	12095	18316	30411
1914-18	40-44	10368	16633	27001
1909-13	45-49	13030	21527	34557
1904-08	50-54	10350	18417	28767
1899-1903	55-59	6608	14893	21501
1894-98	60-64	4398	11079	15477
1889-93	65-69	2680	7344	10024
1879-88	70-79	2618	8139	10757
1869-78	80-89	416	1511	1927
1868 и ниже	90 и старше	18	159	177

См.: РГАЗ. Ф. Р-1562. Оп. 336, Д. 2989, Л. 209. Дополнительно учтено 12 мужчин и 9 женщин, не указавших свой возраст

Депортированные немцы составляли большинство в размере около 2/3 от общего числа немцев. В наиболее тяжелом материальном положении находились репатрианты послевоенных годов, у которых первые годы на поселении смертность превышала рождаемость. Судя по материалам учета спецпереселенцев, эти три группы были представлены в республике. Определить количественное соотношение этих групп в республике после снятия с учета и начавшейся массовой миграции не представляется возможным. Однако к началу пятидесятых годов уровень материального обеспечения и степень воссоединения семей репатриантов практически сравнялись с основной массой спецпоселенцев³³, что привело, в конечном счете, к выравниванию воспроизводственной динамики различных групп немецкого населения.

Подытоживая вышесказанное, полагаем, что выявленные демографические характеристики немцев Казахстана, в общем, соответствуют показателям для немецкого населения СССР в целом, а уровень возможных расхождений будет находиться в приемлемых пределах³⁴. Данным положением будем руководствоваться в наших дальнейших рассуждениях, если иное не будет специально оговорено.

Анализ архивных материалов переписи 1959 г. свидетельствует о серьезных деформациях демографической структуры немецкого населения, вызванной, прежде всего, насильственными переселениями, мобилизацией в трудовые лагеря и другими акциями 1940-х годов. Проводимая в жизнь правительственная политика отразилась на численности детей, родившихся в военные и первые послевоенные годы. За три военных года (1943-1945) родилось и осталось в живых до момента переписи 10269 детей; это меньше чем за один предвоенный 1940 год, где зафиксировано 11973 человека (табл. 3). Такого рода "демографическая яма" возникла, с одной стороны, в результате повышенной детской смертности в местах депортации³⁵. Однако более важным фактором явилась тотальная мобилизация и заточение мужчин и значительной части женщин репродуктивного возраста в лагеря принудительного труда ("трудармия"), что привело к катастрофическому падению рождаемости, равного которому не было ни у одного из советских народов, за исключением, пожалуй, подвергнутых депортации. Это и естественно: около 45% всех занятых в СССР в сфере материального производства не были призваны на фронт. Это касалось, прежде всего, квалифицированных рабочих и специалистов, забронированных на оборонных заводах, МТС и других важнейших предприятиях и организациях³⁶. Отсрочка или полное освобождение от армии предоставлялась многим студентам, представителям

научной и творческой интеллигенции, и конечно же партийно-советским и хозяйственным руководителям. В связи с этим падение рождаемости у недепортируемых этносов не носило столь обвальный характер как у немцев. Так, доля детей 1939 – 1948 гг. рождения у немцев составляет 12,2%, у русских – 15,1%, и у украинцев – 15,4% (табл. 4). Отметим, что вероятность дожития до момента переписи немецкого ребенка, родившегося в 1941 г. была ниже чем, к примеру, его русского сверстника. Уровень рождаемости в первый год войны мало отличался от предыдущего. Падение рождаемости вследствие военных действий сказалось во втором квартале 1942 года. Достигнувших в 1958 году возраста 17 лет немцев насчитывалось на 17,4% меньше, чем 18-летних, т.е. родившихся в 1940 году. Число их русских одногодок уменьшилось соответственно только на 10,1%³⁷.

Многолетнее разъединение семей сказывалось еще долгое время после войны. В то время как массовая демобилизация из армии привела в 1946 г. к скачкообразному восстановлению и даже превышению довоенного уровня рождаемости у большинства народов страны, у немецкого населения это произошло три года спустя в 1949-м. Этот год может считаться началом демографического взрыва: за последующие девять лет численность немецкого населения возрастала столь стремительно, что к началу 1959 г. доля детей от 0 до 9 лет составила 32,6%, что значительно опережало показатели не только всех европейских, но и кавказских и даже среднеазиатских народов³⁸. Такая бурная компенсаторная рождаемость стала возможной благодаря вступлению в детородный возраст относительно многочисленной категории лиц от 20 до 34 лет, родившихся в мирные 1924-1938 года и составивших 27,9% от общей численности этноса (табл. 3).

Не меньшее значение имели при этом высокие показатели брачности: в 1959 г. в возрасте 20-24 года в браке состояло 59,0% всех немцев, что было значительно больше, чем аналогичные показатели у большинства народов автономных и союзных республик³⁹. Только за счет поразительной динамики процесса естественного воспроизводства у немецкого этноса смогли быть за такой короткий срок скомпенсированы массовые потери сороковых годов.

Деформация половозрастной структуры немецкого населения проявилась в значительном преобладании женщин над мужчинами во всех возрастных группах, начиная с 15 лет и старше (табл. 4).

Таблица 4. Соотношение численности мужчин и женщин и удельный вес возрастных групп по отдельным национальностям, 1959 год (на 1 тыс. мужчин в соответствующей группе приходится женщин)*

Годы рождения	Возрастные группы	Немцы		Русские		Украинцы	
		Число женщин	удельн. вес	Число женщин	удельн. вес	Число женщин	удельн. вес
	0 - 100 лет, в том числе	1192	100	1261	100	1242	100
1954-58	от 0 до 4 лет	950	17,9	962	11,2	957	9,2
1949-53	5-9	967	14,7	968	10,7	963	9,0
1944-48	10-14	948	5,6	971	7,5	970	6,9
1939-43	15-19	1019	6,6	1005	7,6	1003	8,5
1934-38	20-24	1074	10,1	1028	9,7	1018	10,0
1929-33	25-29	1021	8,9	1047	8,9	1072	7,9
1924-28	30-34	1170	8,9	1239	9,6	1254	9,3
1919-23	35-39	1513	4,6	1653	5,6	1551	6,3
1914-18	40-44	1604	4,1	1649	5,3	1638	5,2
1909-13	45-49	1652	5,2	1698	6,1	1592	6,7
1904-08	50-54	1779	4,4	1777	5,0	1529	5,7
1899-03	55-59	2254	3,3	2291	4,1	1826	4,7
1894-98	60-64	2519	2,3	2122	3,0	1703	3,6
1889-93	65-69	2740	1,5	2210	2,2	1789	2,8
1879-88	70-79	3109	1,6	2513	2,7	1908	3,3
1869-78	80-89	3632	0,3	2982	0,7	2285	0,8
1868 и ниже	90 лет и старше	8833	0,0	4005	0,1	3532	0,1

Расчет по: РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 336, Д. 2989, Л. 1, 2, 209.

* Показатели по русскому и украинскому населению даются по СССР, по немецкому – только по проживающим в Казахстане. Графа "число женщин" показывает число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной категории. "Удельный вес" обозначает долю данной возрастной группы в общей численности этноса.

В прослойке 1909-1928 г.р. диспропорции в соотношении полов были немалым меньше чем у русских и украинцев, у которых мужчины данных возрастов в наибольшей степени рекрутировались на фронт и понесли боевые потери на полях сражений. При этом стоит отметить тот факт, что большинство немецких женщин в возрасте 16-45 лет (1898-1928 г. р.) в течении войны подверглись принудительной мобилизации в трудовые лагеря, где уровень смертности был выше чем у их инонациональных сверстниц. В возрастной группе от 60 до 64-летних, т.е. родившихся в 1894-98 годах, на 1000 русских мужчин приходилось 2122 женщины, у украинцев 1703, а у более молодой группы 55-59 (1899-1903 г.р.) уровень диспропорции оказался выше: 2291 и 1826 женщин у русских и украинцев соответственно. В то же время у немцев это соотношение было прямо противоположным: на 1000 немецких мужчин в возрасте 60-64 года приходилось 2519 женщин, а у предыдущей

когорты диспропорция была меньше и составляла 2254 женщин. Здесь непосредственно сказался различный статус этих народов: с 1942 г. в трудовые лагеря, со всеми вытекающими из этого последствиями, забирали немецких мужчин в возрасте до 55 лет, т.е. с 1888 г.р., в то время как у русских и украинцев лица мужского пола старше 45 лет если и мобилизовывались, то нередко на нестроевую службу с лучшим по сравнению с лагерными жилищно-бытовыми условиями и довольствием. Поэтому у них возрастная группа 60-64 лет понесла значительно меньшие потери. В целом во всех возрастных группах старше 50 лет наблюдается сверхубыль немецких мужчин по сравнению с общесоветскими и общероссийскими показателями⁴⁰.

С другой стороны, возрастная структура немецкого этноса, зафиксированная переписью, характеризовалась ярко выраженными диспропорциями: за исключением возрастной группы детей до 9 лет включительно и поколения, родившегося в 1929-38 годах, доля остальных когорт гораздо ниже, чем в среднем по России и СССР или у наиболее многочисленных народов. Чем старше возраст, тем деформации имели более резкий характер: доля лиц старше 60 лет у немцев составляла 5,7, у русских и украинцев 8,7 и 10,6% соответственно (табл. 4). Удельный вес лиц 80 лет и старше превышал у русских (0,8%) более чем вдвое, а у украинцев втрое (0,9%) соответствующий показатель немецкого населения (0,3%)⁴¹. Даже наиболее пострадавшая от военных мобилизаций и боевых потерь возрастная группа 1919-1923 гг. рождения имела больший удельный вес у русского (5,6%) и украинского (6,3%) этносов, чем у находившегося в своем большинстве в глубоком тылу немецкого населения (4,6%). Выявленная возрастная аномалия наблюдалась у украинцев в группе населения 1929-1933 гг. рождения, наиболее пострадавшей от голода начала 1930-х годов и составляющей всего 7,9% (у немцев и русских по 8,9%).

Одной из малоразработанных проблем на настоящий момент времени является вопрос оценки демографических потерь российских немцев в военные годы. Определение людских потерь СССР стало предметом пристального изучения российскими статистиками и демографами только в последнее десятилетие⁴². Стоит отметить первую попытку определения безвозвратных людских потерь в Казахстане, в том числе с разбивкой по национальностям⁴³. Одним из способов расчета убыли населения СССР в целом или по отдельным территориям является метод демографического баланса, т.е. сопоставление численности и состава населения страны или отдельной территории на начало и конец войны, учитывая миграционные потоки. Для таких дисперсно проживающих национальных групп как немцы сделать жесткий баланс численности населения с учетом прибытий и выбытий по отдельным регионам проживания практически невозможно. Более приемле-

мым путем представляется сравнение фактической численности немецкого населения на начало 1946 г. и гипотетической (т.е. такой, "если бы не было войны"). При этом специалистами рекомендуется использовать средневзвешенный прирост населения за три предвоенных года, чтобы избежать влияния годовых колебаний рождаемости и смертности. Зная расчетную численность национальной группы на середину 1941 г., составляющую 1405 – 1419 тыс., и используя среднегодовой прироста населения страны в 1,75% (см. ссылку 17), гипотетическую численность российско-немецкого этноса можно оценить к началу 1946 г. не менее чем в 1518-1533 тыс. человек.

Статистические данные о фактической численности немцев на территории СССР к этому времени отсутствуют. Поэтому оценку численности данной национальной группы попробуем выполнить по упрощенной методике ретроспективного восстановления возрастных рядов, беря за исходную точку отсчета половозрастную структуру этноса по переписи 17 января 1959 г. В нашем распоряжении имеются возрастные коэффициенты смертности населения России за 1946-1958 гг. отдельно по мужчинам и женщинам; по Казахстану аналогичными данными мы не располагаем⁴⁴. В рамках наших рассуждений условно допускаем, что уровень смертности европейских этносов Казахстана, в том числе и немецкого, был примерно такой же, как в среднем по РСФСР. Тем более что значительная часть немецкого населения до снятия с комендантского учета действительно проживала в Сибири и на Урале.

Численность лиц мужского и женского пола на начало первого послевоенного года рассчитывается отдельно. Прежде всего, из возрастного состава по данным переписи 1959 г. исключим детей, родившихся в 1946 г. и позже (см. данные табл. 3). Всего мужчин 13 лет и старше оказалось 176017 чел. (300976-124959). На основе годовых коэффициентов вычисляем сводные коэффициенты дожития по каждой половозрастной группе, т.е. определяем вероятность того, что мужчина или женщина, которым в 1946 г. было определенное число лет, доживет до 1958 года (табл. 5)⁴⁵.

Таблица 5. Фрагмент таблицы реконструкции численности немецкого населения по Казахстану на начало 1946 года (мужчины)

Возраст в 1958 году	Возраст в 1946 году	Дожил до 1958 г., чел.	Сводный коэффициент дожития	Реконструированная численность на 1946 г., чел.
13	1	2090	0,8832	2367
14	2	1683	0,8974	1875
15	3	1479	0,9229	1602
...	...	...	...	...
20-24	8-12	32003	0,9684	33048
25-29	13-17	29050	0,9564	30374

Возраст в 1958 году	Возраст в 1946 году	Дожил до 1958 г., чел.	Сводный коэффициент дожития	Реконструированная численность на 1946 г., чел.
...	...	...	...	...
60-64	48-52	4398	0,7185	6121
65-69	53-57	2680	0,6301	4253
...	...	...	...	...
85-89	73-77	111	0,1250	888
...	...	...	...	...
Итого		176017		196495

Расчет по: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927-1959. М. 1998. С. 167-170; РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 336, Д. 2989, Л. 209.

Определив этот коэффициент и зная окончательную численность возрастных групп на конец рассматриваемого временного интервала, т.е. на 1958 год, можно реконструировать численность возрастных когорт на начало 1946 года. Например, если переписью было зафиксировано 2090 тринадцатилетних мальчиков, имеющих коэффициент дожития 0,8832, то на начало 1946 г. должно было быть 2367 младенцев в возрасте одного года. И так по всем возрастным группам. В итоге реконструированная численность немецких мужчин составила 196495 чел. на начало расчетного периода.

Аналогично проведенные расчеты по лицам женского пола дали их численность в 243371 чел. Таким образом, чтобы немецкое население Казахстана в начале 1959 г. составило 659751 чел. определенной половозрастной пропорции (табл. 3), к 1946 году с учетом коэффициентов смертности должно было насчитываться 439866 человек. В республике проживало 40,7% немцев СССР, и таким образом реконструированная послевоенная численность этноса в целом по стране при принятых допущениях составит 1080752 человека. В реальных же условиях спецпоселения вплоть до конца 1940-х годов коэффициенты смертности данной национальной группы были выше тех средних показателей, которыми мы оперировали. Если учесть этот факт, то расчетная численность немцев на начало 1946 г. должна, соответственно, возрасти и составить, пожалуй, не менее 1100 тыс. человек⁴⁶. Демографические потери за годы войны определяются разницей между гипотетической (в нашем случае 1518-1533 тыс.) и реконструированной численностью немецкого населения и колеблются в рамках 418-452 тыс. человек. Из них высчитываем около 102 тыс. немцев, которые смогли остаться в Германии или переселиться за океан⁴⁷. Таким образом, в результате наших расчетов, общие потери (без эмигрантов) населения определяются в размере около 316-350 тыс. человек или 22-25% численности российских немцев к

началу войны, что больше чем относительные потери СССР за 1941-45 годы⁴⁸. Из вышеизложенного можно сделать предварительный вывод, что доля косвенных потерь за счет дефицита рождений и “невозвращенцев” у российских немцев выше, а прямых ниже, чем у народов, военнослужащих которых были непосредственно задействованы в боевых действиях.

Актуальной задачей остается объективное обоснование людских потерь немецкого этноса. Выявление потерь на фронте, в “трудовой армии” (отдельно по мужчинам и женщинам), на оккупированных территориях; определение числа преждевременно умерших от голода и болезней в местах депортации, в ГУЛАГе, расстрелянных по приговорам судов, трибуналов и Особого Совещания при НКВД; число погибших в половозрастном и территориальном разрезе и другие аспекты данной проблематики требуют анализа и интерпретации широкого спектра опубликованных документов, архивных источников и материалов личного происхождения.

В общем и целом, можно констатировать, что многочисленные прямые и косвенные потери немецкого населения СССР в первые тридцать лет советской власти произошли в первую очередь не вследствие каких-либо стихийных бедствий (землетрясения, эпидемий), участия на фронтах сражений или в результате эмиграции, а представляли собой непосредственный результат целеустремленных акций большевистского режима в экономической и политической сферах.

Примечания

¹ См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. М. 1928; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М. 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М. 1992; Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 - февраль 1942 гг.). М. 1995. Подробные результаты переписи 1926 г. были изданы в 1928-33 гг. в 56 объемных томах. В своей работе мы опираемся дополнительно на сводные данные по немцам СССР, разработанные на основе официальных публикаций переписи 1926 г. западногерманским исследователем К. Штумпом. См.: Karl Stumpp: Das Deutschtum in Rußland nach der Volkszählung von 1926 // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland 1957. Stuttgart o.J. S. 103-116.

² Рассчитано нами по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том III. Центрально-Черноземный район. Средневолжский район. Нижне-Волжский район. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М. 1928. С. 500; То же. Украинская Советская Социалистическая Республика. Том XIII. Степной подрайон. Днепропетровский подрайон. Горнопромышленный район. Отдел 1... М. 1929. С. 112-115. Соотношение между полами было в определенной мере нарушено из-за Первой мировой и гражданской войн. В большей степени пострадали от этого

колонисты Украины: на 1000 немецких мужчин приходилось здесь 1073 женщины (общееукраинский показатель 1059). В Российской Федерации соотношение было более благоприятным: 1060 к 1095 соответственно. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие... С. 2-23.

³ См.: Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М. 1930. С. 40. Естественный прирост у поволжских немцев составлял 3,81%. Только у армян и азербайджанцев, проживавших в Армянской ССР, этот показатель был выше (4,09 и 4,34% соответственно).

⁴ См.: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М. 2001. С. 47 и расчет по данным таблицы 1.

⁵ См.: Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом секретно. Всесоюзная перепись населения 1937 года. М. 1996. С. 46; Жиромская В.Б. Демографическая история... С. 47-48.

⁶ Осенью 1941 из Грузии было выселено 20423, из Азербайджана 23593, из Армении 212 немцев. По данным НКВД в Туркмении находилось 1919, Таджикистане 1321, в Киргизии 8426 немцев. Около 8-9 тыс. немцев проживало к этому времени в Узбекистане. Нами учитывался естественный прирост населения и уровень миграции. См.: Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2... С. 45, 172.

⁷ Так, в сентябре 1941 г. из АССР НП было выселено 371164 немца (по другим данным 365329 чел.). Если принять, что на 6 января 1937 г. в республике действительно проживало 322652 немца, то только при условии значительного годового прироста населения, не менее 3,0%, за четыре предвоенных года (1937 – 1940) и 2,0% за 8 месяцев 1941 г. численность немецкого населения достигает к моменту депортации 370410 человек. А ведь в эти годы несколько тысяч человек были репрессированы, частью осуждены и отправлены в ГУЛАГ, частью расстреляны. Учítывая, что немцы, проживающие в своей автономной республике, составляли 0,19% населения СССР, а Красная Армия насчитывала на 22 июня 1941 г. в своем составе 5 млн. 218 тыс. военнослужащих, то около 9-10 тыс. поволжских немцев должны были находиться в боевых частях, в основном за пределами республики (расчет по: Людские потери СССР в период второй мировой войны. Сборник статей. СПб. 1995. С. 40, 74). Без положительной национальной нетто-миграции в республику численный баланс населения сводится с большим трудом. Однако со второй половины XIX века одной из отличительных черт демографического развития поволжских колоний была массовая миграция за пределы региона, вызванная, прежде всего, аграрным перенаселением. Аналогичная тенденция наблюдалась и в советское время, только причины носили больше социально-политический характер. Окончательную ясность в данный вопрос позволит внести только тщательная разработка архива бывшей автономной республики и материалов местных органов ЗАГСа.

⁸ См.: Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 1. 1900-1939 гг. М. 2000. С. 345; Benjamin Pinkus, Ingeborg Fleischhauer: Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. Baden-Baden 1987. S. 95. От расчетной величины в 1568442 человека мы отняли 14586 персон, которые смогли за этот период эмигрировать из Советского Союза. Здесь следует учесть, что перепись 1926 г. была проведена по состоянию на 17 декабря, а 1937 года – на 6 января. В данных огрубленных расчетах мы оперируем десятилетним межпереписным периодом, пренебрегая трехнедельными демографическими изменениями.

⁹ См.: Население России в XX веке... С. 274-276; Жиромская В.Б. Демографическая история... С. 44-45; Герман А.А. Голод начала 30-х гг. в Республике Немцев Поволжья и его последствия // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М. 1995. С. 233-242, здесь С. 237. На 1 октября 1937 г. в ГУЛАГе находилось 8616 немцев (1,1% всех заключенных ИТЛ), к 1 января 1939 г. их численность увеличилась более чем вдвое и составила 18079 чел. (1,4%), а через три

года 1921 (1,4%), см.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917-1960. М. 2000. С. 414, 417, 425.

¹⁰ См.: Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники "Мемориала". Вып. 1. М. 1997; Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М. 1999, Риттершпорн Г.. "Вредные элементы", "опасные меньшинства" и большевистские тревоги: массовые операции 1937-38 гг. и этнический вопрос в СССР // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920-50-е гг. Петро-заводск, 1998. С. 99-122 и др.

¹¹ См.: Охотин Н., Рогинский А. Из истории немецкой операции НКВД 1937-1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35-75, здесь С. 40-41.

¹² Рассчитано нами по: ГУЛАГ (Главное управление лагерей)... С. 433; Охотин Н., Рогинский А. Из истории... С. 66-71.

¹³ Рассчитано нами по: Одесский мартиролог. Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы Советской власти. Том 1. Одесса 1997. С. 666-678; Всесоюзная перепись населения 1937 г... С. 74-81.

¹⁴ Охотин Н., Рогинский А.. Из истории... С. 67-68. По далеко не полным данным, в республике было осуждено 6698 человек, из которых 3632 или 54,2% расстреляно. Это общие данные, включающие сведения о жителях автономии без выделения отдельных национальностей.

¹⁵ См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 11-17.

¹⁶ См.: Из истории немцев Казахстана (1921-1975 гг.). Сборник документов. Алматы-Москва, 1997. С. 135-136.

¹⁷ Показатели воспроизводства населения СССР см.: Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Население Советского Союза. 1922-1991. М., 1993. С. 121. Коэффициент естественного прироста в 1937 г. составлял 18,2 (на тысячу населения), в 1938 г. - 18,2, в 1939 г. - 20,0, в 1940 г. - 14,4, за первое полугодие 1941 г. мы взяли средневзвешенный за последние три года показатель, уменьшенный наполовину: $17,53 \cdot 2 = 8,8$.

¹⁸ Немецкий исследователь Герхард Тайх исходит из наличия 1553 тыс. немцев к июню 1941 г., см.: Gerhard Teich: Die rußlanddeutsche Bevölkerungsbewegung in Kriegs- und Nachkriegszeit 1941-1950 // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland 1958. Stuttgart o.J. S. 82-94. Эту же цифру без всяких комментариев мы находим у Альфреда Бомана, см.: Alfred Bohmann, Menschen und Grenzen. Band 3. Strukturwandel der deutschen Bevölkerung im sowjetischen Staats- und Verwaltungsbereich. Köln 1970. S. 83.

¹⁹ К 1 января 1942 г. оказалось депортированными на Восток 794059 чел. (число изгнанников из АССР НП принимается равным 365329 чел.). Примерно 220-240 тыс. проживало в республиках, краях и областях, лежащих восточнее Уральского хребта и реки Волга, они были оставлены на своих местах. Если к этому числу добавить около 15 тыс. немцев Ленинграда и области, оказавшихся в блокаде, около 30-35 тыс. военнопленных, около 19 тыс. заключенных и почти 19 тыс. трудмобилизованных из Украины, направленных в сентябре на принудительные работы в трудовые лагеря, то к осени 1941 г. под советским контролем находилось около 1100-1120 тыс. немцев. Германская администрация на оккупированной территории Украины, Крыма и Северного Кавказа насчитала к 10 апреля 1943 г. 326500 российских немцев, в т. ч. 52300 мужчин, 107800 женщин и 166400 детей. На остальной оккупированной территории насчитывалось: около 10500 немцев в Белоруссии и примерно 4400 в районе Ленинграда. Таким образом, под оккупацией оказалось около 341 тыс. немцев СССР. Рассчитано по: "Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин". Сборник документов (1940-е гг.). М. 1998. С. 52; Alfred Bohmann, Menschen und Grenzen... S. 75. Смотри также табл. 2 и литературу к сноскам 1 и 9.

²⁰ Единственным исключением, пожалуй, являются работы исследовательницы из Казахстана Л. Бургарт на примере одной из областей республики, см.: Бургарт Л. А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997.

²¹ См.: Корнилов Г. Е. Уральское село и война (проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993. С. 13. Текущий учет естественного движения "ординарного" сельского населения осуществлялся с помощью книг ЗАГСа сельских советов, которые раз в месяц отчитывались районному отделу ЗАГС и инспектору ЦСУ.

²² См.: Депортации народов СССР. Часть 1. Документальные источники. М., 1992. С. 125, 155; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 253, 287. Как адресат письма, Берия выступает в этом случае в качестве заместителя Председателя Совета Министров СССР.

²³ См.: 40-50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // История СССР. 1992. № 1. С. 122-143, здесь С. 138-139 и результаты переписи 1959 г., представленные в таблице 3 данной статьи. К сожалению, публикатор Бугай Н.Ф. не привел архивные атрибуты документов, так что остается только гадать, каким образом были получены эти данные.

²⁴ Там же. Л. 216-217, 250-252. В том числе в Азербайджане 643 немца, в Казахстане 107, в Туркменистане 1478, на Украине 10737 (в какой-то мере здесь речь идет, по-видимому, о немцах Закарпатской области, присоединенной к СССР в 1945 г.), в Алтайском крае 16437, в Московской обл. 3258, в Омской обл. 45244 и т.д. Частично это были женщины в замужестве за лицами других национальностей. Но в подавляющем большинстве имелись в виду немцы, проживавшие в этих местностях до 1941 г. и не зарегистрированные НКВД-МВД как спецпоселенцы. Большая же часть "местных немцев" в количестве 121567 была взята на учет (в Казахстане - 59365 чел., в Башкирии - 3839, в Узбекистане - 5193, в Новосибирской обл. - 6190 и т.д.).

²⁵ Так, по переписи 1926 г. дети до шестнадцатилетнего возраста среди немцев Одесского округа составляли 40,9%; в Республике Немцев Поволжья этот показатель составлял 42,6%. При этом половозрастная структура была уже значительно деформирована под влиянием гражданской войны и голода 1921-1922 гг. Рассчитано нами по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том III... С. 500-501; Всесоюзная перепись населения 1926 г. УССР. Том XIII. Степной... С. 112-113.

²⁶ См.: Депортации народов СССР. Часть 1... С. 136-138. В статистике МВД лица моложе 16 лет записывались под рубрикой "дети", а остальные отдельно как "мужчины" и "женщины".

²⁷ Кроме вышеупомянутых "местных" немцев, не состоявших на учете, отдельные представители данной национальности находились среди других категорий спецпереселенцев. Так, среди контингента "власовцы" находились 2830 немцев, среди 4834 "фольксдойче" и "немецких пособников" значительную часть составляли немцы, некоторая часть их пребывала в составе "кулаков" и других контингентов. См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930-1959 гг.) // Население России в 1920-1950-е годы: Численность, потери, миграции. М. 1994. С. 145-194.

²⁸ Условный расчет показывает, что численность немцев на начало 1953 г. должна была быть не меньше 1 млн. 350 тыс. чел., чтобы даже при очень высоком коэффициенте естественного прироста 3,0% в течение шести лет была достигнута зафиксированная переписью 1959 года численность этноса.

²⁹ Материалы переписи 1970 г. содержали уже информацию о географии расселения российских немцев по республикам и отдельным областям. Однако сведения о половозрастной структуре, образовательном уровне, структуре занятости и т.п., приводимые по народам, имеющим ту или иную форму национальной автономии, по-прежнему отсутствовали. Интересно, что подробные сведения давались по таким "безтерриториальным" этносам как уйгуры и корейцы в Казахстане, поляки в Литве и на Украине, болгары на Украине и пр. Инерция замалчивания ока-

залась столь велика, что изданные уже после развала СССР материалы переписи 1989 г. о "социально-демографической характеристике населения коренных и наиболее многочисленных национальностей и народов, проживающих на территории России" (из предисловия) полностью проигнорировали наличие немцев, в то время 9-го по численности народа России" (из предисловия) полностью проигнорировали наличие немцев, в то время 9-го по численности народа России. См.: Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Российской Федерации по данным переписи населения 1989 г. В 2-х томах. М. 1992; Профессиональный состав населения коренных и наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации по данным переписи населения 1989 г. М. 1992. См. также нашу реплику по этому поводу: Krieger V. Nicht überwindene Merkmale stalinistischer Vergangenheit // Volk auf dem Weg. 1994. Nr. 5. S. 6. Справедливости ради необходимо отметить, что отдельные областные Управления статистики давали развернутую характеристику немецкого населения на своей территории наряду с другими наиболее многочисленными национальностями. В советское время информация из этих сборников с грифом "для служебного пользования" была фактически засекречена. В постсоветской России эти изданные малыми тиражами сборники остаются практически неизвестными научной общественности и широкой публике. См.: Характеристика населения отдельных национальностей, проживающих на территории Новосибирской области (по переписи 1979 г.). Новосибирск, 1981; Социально-демографическая характеристика отдельных национальностей Омской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Омск, 1992 и пр.

³⁰ Рассчитано нами по: Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том). М. 1962. С. 184, 202. В отдельном томе, посвященном Казахстану, немцы не упоминаются ни единым словом и цифрой, хотя они составляли 7,1% населения республики и были четвертой по величине этнической группой после русских, казахов и украинцев. Чтобы это несоответствие не так бросалось в глаза, составители сборника прибегли к несложному трюку: приводилась общая численность населения с разбивкой по 25 национальностям (последними в списке учтенных народов стояли 3158 китайцев), а графа "прочие" отсутствовала. Так что только вдумчивый читатель мог почувствовать подвох в цифровых выкладках. В такой же манере репрезентировалось распределение населения областей по "наиболее многочисленным национальностям" См.: Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР, М., 1962. По результатам переписи 1979 г. были впервые официально опубликованы состояние в браке, число и состав немецких семей (публикованы материалы последней советской переписи, где, наконец, социально-демографическая характеристика немецкого этноса нашла подобающее ей место, см.: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М. 1985. С. 300-301 (полностью материалы вышли в свет в 1989); Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Казахской ССР. Распределение населения отдельных национальностей Казахской ССР по полу, возрасту, состоянию в браке и уровню образования. Алма-Ата, 1990; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. В 3-х томах. Алма-Ата, 1992 и др.

³¹ О традиционном типе воспроизводства см.: Народонаселение: Энциклопедический словарь. М. 1994. С. 57-62, 525-526.

³² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 336, Д. 2989, Л. 209, 223; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР... С. 184, 190.

³³ На 1 января 1953 г. из 204 тыс. находящихся на спецпоселении релатриантов в Казахстане находились 42 тыс. человек или 21%, среди учтенных по категории "местные" - 56%, выселенных по решениям правительства было в республике 334 тыс. человек или 39% от их общего числа. Рассчитано по: Депортации народов СССР. Часть 1... С. 208, 229.

³⁴ В любом случае, демографические характеристики немецкого населения Казахстана (41% общей численности) представляются нам более типичными для национальной группы в целом, чем

аналогичные сведения по отдельным административным территориям России (Омская и Новосибирская обл., Алтайский и Красноярский края и др.) или по остальным союзным республикам (Киргизия, Таджикистан), где проживало не более 2-8% от общей численности немецкого этноса и где влияние местных особенностей проявлялось в большей степени. Это касается не только немцев. Так, русских в Казахстане по переписи 1959 г. насчитывалось 3974 тыс. человек или 3,5% от общего числа русского этноса в СССР. Доля детей в возрасте от 0 до 9 лет у "казахстанских" русских составляла 26,3%, а в масштабе страны гораздо меньше: 21,9%. Также доля лиц в возрастной группе 20-24 года была соответственно 11,1% и 9,7%. Такие региональные диспропорции половозрастной структуры у отдельных этносов типичны для районов крупных новостроек или массовой миграции, куда устремляются прежде всего молодые люди, что приводит к увеличению рождаемости. Казахстан как территория освоения целинных и залежных земель с 1954 года и являлся таким районом. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 336. Д. 2989. Л. 1, 3, 207. и данным таблицы 4.

³⁵ Для сравнения: у казахов в Казахстане за эти три военных года родилось детей в 1,5 раза больше, чем в 1940 г., у русских в масштабе СССР в 1,3 раза, а у белорусов, находившихся длительное время под оккупацией, этот коэффициент составил даже 1,65. То, что довоенная численность Белоруссии была восстановлена только в 1970 г. объясняется, в определенной мере, низкой рождаемостью основного этноса республики, что находит свое отражение в показателе доли детей от 0 до 9 лет, которая среди белорусов составляла 20,4%. Среди русских она составляла 21,9%, среди украинцев 18,2%, в то время как среди немецкого населения Казахстана, как отмечалось выше, 32,6%, среди казахского 31,5% и т.д. Расчет наш по: РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 336. Д. 2989. Л. 1, 3, 206; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР... С. 211-215, а так же данные табл. 4.

³⁶ См.: Людские потери СССР... С. 74; Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург 1992. С. 233-254. С уральских заводов в армию призывались, как правило, рабочие массовых профессий и низкой квалификации. С военных заводов уходило в войска 10-25%, а с предприятий гражданской промышленности до 50% от среднесписочного штата. Слабо урбанизированные этносы серьезно пострадали от военных мобилизаций, т.к. на селе практика бронирования кадров получила гораздо меньшее распространение. Число рождений на селе в Башкирской АССР, где большинство составляло коренное башкирское и татарское население, составило в 1940 г. 119,6 тыс. человек, а в 1944 году 30,3 тыс. что означало уменьшение в 3,9 раза. См.: Корнилов Г.Е. Уральское село... С. 45.

³⁷ Расчет наш по табл. 3 и нижеприведенным данным. Для наглядности приведем фрагмент возрастной структуры русских в СССР на 1959 г..

Год рождения	Возраст, лет	Человек, оба пола	Год рождения	Возраст, лет	Человек, оба пола
	Всего,	11411359	1944	14	916283
	в том числе		1944-48 гг.	10-14	8.530.338
1958	0	2549112	1943	15	805355
...	...	...	1942	16	1171498
1949	9	2441181	1941	17	2030216
1949-1953	5-9	12236534	1940	18	2232455
1948	10	2280078	1939	19	2429502
1947	11	2072038	1939-1943	15-19	8669026
1946	12	2055939	1934-1938	20-24	11130067
1945	13	1206000	...	...	...

³⁸ Только у узбеков доля детей до 9 лет была такой же величины, как и у немцев и составляла 32,6%. Рассчитано по: Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР... С. 214.

³⁹ У русских показатель брачности в данном возрасте составлял 48,2%, у татарок 45,3%, у армянок 56,1%, у белорусок 44,8%, у чувашей 35,0% и т.д. Только у чеченок, азербайджанок и народов Средней Азии доля вышедших замуж в возрасте 20-24 лет была выше, см.: Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М. 1982. С. 184; РГАЕ. Ф. Р-1562. Оп. 336. Д. 2989. Л. 209.

⁴⁰ На 1000 мужчин в возрасте 50-54 года приходилось в целом по СССР 1605 женщин, по РСФСР 1751; в возрасте 55-59 приходилось 1994 и 2208 женщин соответственно и т.д. Численное преобладание женщин в возрастной группе 55-59 лет или 1899-1903 г.г. у русских (на 1000 мужчин приходилось 2291 женщины) объясняется выраженным влиянием Первой мировой и гражданской войн, которые, судя по всему, меньше затронули немецкий (2254) и тем более украинский (1826) этносы. В наших рассуждениях мы не учитываем этническую дифференциацию причин и частоты смертности в разных половозрастных группах в период 1946-1958 гг. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР... С. 56-59 и таблица 4.

⁴¹ Доля лиц старше 60 лет в целом по СССР составляла 9,4%, по России 9,0%. См.: Там же. С. 54-55.

⁴² См.: Исупов В.А. Людские потери СССР в 1941-1945 гг.: историография вопроса // Гуманитарные науки в Сибири. Серия отечественная история. 1995. № 1. С. 11-15; Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сборник статей. М. 1995; Андреев Е., Дарский Л., Харьковова Т. Население... С. 73-79 и др.

⁴³ Людские потери Казахстана в Великой Отечественной Войне // Книга памяти Казахстана. Сводный том. Алматы, 1995. С. 269-284.

⁴⁴ См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковова Т.Л. Демографическая история России: 1927-1959. М., 1998. С. 167-170. Эти коэффициенты показывают число умерших на 1000 человек соответствующего пола и возраста в течении одного года. Так, из тысячи родившихся мальчиков в 1946 году 146,2 умерли (вероятность дожития до следующего года равна 0,8538), а из тысячи мужчин в возрасте 35 лет в этом же году умерло 9,5 человек (вероятность дожития 0,9905) и т.д. В тоже время из тысячи мальчиков, которым в 1947 г. был 1 год, умерло 35 человек (0,965), а из мужчин в возрасте 36 лет в том же году – 11,6 человек (0,9884) соответственно и т.д. Путем мультипликации этих коэффициентов определяется вероятность дожития родившегося в 1946 г. младенца до двенадцатилетнего возраста или, оставаясь в рамках рассматриваемого примера, вероятность дожития мужчины, которому в 1946 г. исполнилось 35 лет, до 1958 года, то есть до 47 лет.

⁴⁵ Более подробно о таблицах смертности и дожития см.: Народонаселение... С. 515-519.

⁴⁶ Чем выше уровень смертности, т.е. чем ниже вероятность дожития до определенного года, тем больше должна быть исходная численность этноса на начало реконструируемого периода.

⁴⁷ См.: Gerhard Teich: Die rußlanddeutsche Bevölkerungsbewegung... S. 93. В российской историографии так называемых перемещенных лиц, т.е. бывших советских военнопленных и "остарбайтеров", оставшихся после войны на Западе, относят к демографическим потерям.

⁴⁸ Общая убыль населения Союза ССР вследствие войны составила по расчетам демографа В. Гельфанда 42 млн. 19 тыс. человек, в т.ч. погибших из-за войны 26 млн. 439 тыс. и дефицит рождений 15 млн. 580 тыс. человек. По разным подсчетам демографические потери составляют 18,7-21,3%, а прямые людские потери оцениваются от 11-13% численности населения страны на середину 1941 года, см.: Исупов В.А. Людские потери СССР в 1941-1945 гг. С. 14; Михалев С.Н. Великая Отечественная: демографические и военно-оперативные потери // Людские потери СССР... С. 82-96, здесь С. 84-85.

ИСТОЧНИКИ

МАТЕРИАЛЫ ОСОБОГО КОМИТЕТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СУДЕБ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Стремление к воссозданию исторически достоверной истории Первой мировой войны, анализу одного из аспектов первой мировой войны – официальной политики российского самодержавия по отношению к немецкому населению России, побуждает обратиться к материалам “Особого Комитета по борьбе с немецким засильем” хранящимся в РГИА. Этот Комитет, созданный 22 марта 1916 г. при Совете Министров, руководствовался им же разработанным положением, утвержденным Николаем II 1 июня 1916 г., и был ликвидирован постановлением Временного Правительства 14 июля 1917 года. Материалы “Особого Комитета по борьбе с немецким засильем”, большая часть которых носит оригинальный характер, до сих пор еще недостаточно используются исследователями.

Прежде чем перейти к общей характеристике этих документов, представляется необходимым учесть следующие моменты:

Первое. Антинемецкая кампания в царской России, частичным отражением которой стала деятельность Особого Комитета, вызвала в недрах российского общества еще с 70-х годов XIX века и серьезно влияла на формирование как внутривнутриполитического, так и внешнеэкономического курса России¹.

Второе. Появлению антинемецких настроений способствовали объективные факторы социально-экономического развития России².

Третье. Антинемецкие настроения в России подпитывались как провокационными публикациями пангерманистов, так и действиями политиков³.

И наконец, в антинемецкой кампании 1914-1917 годов следует видеть: а) меры против германского капитала и германских подданных и б) меры правительства против так называемых “русских граждан немецкого происхождения”. Это последнее обстоятельство придало действиям правительственных структур особый цинизм и беззаконие. Проблема соотношения “немецкой” и “германской” политики, проводимой Россией в последней четверти XIX в. и вплоть до первой мировой войны, представляется еще не до

конца выясненной. Не касаясь всего спектра взаимоотношений России и Германии тех лет, причин возникновения "немецкого вопроса" в российском обществе, следует отметить хотя бы отдельные вехи вполне конкретных действий российского правительства, которые в той или иной мере оказывали серьезное влияние на формирование общественного мнения России в плане его антинемецкой настроенности: а) кампания 1871 г. по отмене самоуправления в немецких колониях; б) 1874 г. – распространение на немцев-колонистов и меннонитов всеобщей воинской повинности; в) переименование немецких и меннонитских колоний; г) действия государства по русификации; д) указы 80-х годов XIX в. об ограничении иностранного землевладения в западных и юго-западных губерниях России; е) законодательные акты 90-х годов XIX в., практически ущемлявшие сам принцип частной собственности, запрещавшие нерусскому населению приобретать недвижимость в ряде регионов страны; ж) антинемецкие законопроекты кануна войны о землепользовании. Безусловно, каждое из означенных действий правительства может иметь далеко не однозначную оценку, и диапазон здесь достаточно широк: от определения действий правительства, носивших явно антинемецкий характер, до мероприятий, преследующих своей целью интеграцию немецкого населения в российское общество, что явно отражало общеевропейскую и мировую тенденцию и практику.

Действия российского правительства не были результатом сугубо кабинетных решений – они проходили на фоне достаточно широко рекламируемых в печати антинемецких настроений части российского общества, руководившегося зачастую целями далекими от патриотизма и продиктованными явно меркантильными интересами. Именно последние в значительной мере и являлись основными побудительными мотивами формирования тезиса о "мирном завоевании" немцами России. В таком контексте очень верно звучит положение о том, что "национальный вопрос возникает тогда, когда это кому-то надо". Пожалуй, трудно отдать кому-либо предпочтение, помещичьим кругам, либо торгово-промышленной российской буржуазии, в создании самой психологической атмосферы в стране, пронизанной антинемецкими флюидами. Инициатива Екатеринославского дворянства в обсуждении немецкого землевладения 80-х годов XIX века по размаху пропагандистских публикаций явно уступала газетным и журнальным материалам, последовавшим за российско-германским договором 1894 г., и широкой кампанией торгово-промышленных, финансовых кругов России за пересмотр этого договора. В нее включились специально созданные комиссии при Российской экспортной палате, при Совете съездов представителей промышленности и торговли, при Министерстве торговли и промышленно-

сти, часть технической интеллигенции. Создание и деятельность этих комиссий можно считать своеобразной "пробой пера". К сожалению, в эту кампанию оказалась втянутой и часть достославной российской интеллигенции, всегда являвшаяся своеобразным барометром нравственности. Однако настроения, царившие среди членов Имперского Российского Технического Общества, выступления ряда профессоров на совещании 1912 года в доме Рябушинского, материалы газетных и журнальных публикаций являлись проявлением неблагоприятного общественного настроения в стране, духовного кризиса кануна первой мировой войны.

Начавшиеся военные действия и последовавшие за ними узаконения, именуемые "ликвидационными законами"⁴, следует рассматривать в контексте всего вышеизложенного. Если учесть все это, тогда станет гораздо понятнее психологическая ситуация, в которой происходило создание Особого Комитета по борьбе с немецким засильем, и почему его деятельность не встретила морального осуждения большей части российского общества, явно проявившего в этот час "болезнь исторической невменяемости".

Ликвидационные указы потребовали создания специальных учреждений, которые обеспечивали их исполнение. В силу этого содержание документов "Особого комитета по борьбе с немецким засильем при Совете Министров" приобретает особую ценность.

Обращает на себя внимание структура материалов, относящихся к истории создания Особого Комитета. Прежде всего, речь идет о документах, зафиксировавших инициаторов создания этого государственного органа, материалах, определявших функции Особого Комитета и его руководителей, списках личного состава Комитета. Так, в числе членов Особого Комитета оказался представитель МИД В.А. Арцимович, долгое время бывший генеральным консулом в Берлине, пользовавшийся личной симпатией Вильгельма II. У Арцимовича была слава германофила. На заседаниях Особого Комитета он присутствовал лишь один раз – при его торжественном открытии. Позже его заменил Нольде – не бывший там ни разу, а затем Михайловский Г.Н., чья активность нашла отражение в делах Особого Комитета. Здесь же содержится материал обсуждения проекта Положения об Особом Комитете⁵ и текст самого Положения⁶, документы, фиксирующие изменения в ряде его пунктов и причины, это обусловившие⁷, тексты писем, направляемые Трековым Ф.Ф. ряду Членов Государственного Совета с предложением принять участие в работе Особого Комитета и полученные им ответы с отказом от такой деятельности, выдержки из стенограмм выступлений членов Государственной Думы, касающиеся оценок деятельности Особого Комитета⁸, справки о деятельности этой структуры⁹ и материалы о ее ликвидации ре-

шением Временного Правительства¹⁰. Заключительным документом могут служить описи дел Особого Комитета, переданные Особому Делопроизводству Министерства Торговли и Промышленности, Управляющему Крестьянским Поземельным Банком и Канцелярии Временного Правительства¹¹.

Содержание материалов Особого Комитета определяется, естественно, целями, преследовавшимися при его образовании. С инициативой создания Особого Комитета выступил Председатель Совета Министров Штюрмер. Затем последовало обсуждение Советом Министром ситуации в стране, ожидаемых внутрисоциальных перемен в связи с реализацией законов 1915 года и прогнозируемых последствий. Определив для себя суть принятых ликвидационных законов 1915 года, ставивших двойную цель: с одной стороны – вытеснение чужеземных пришельцев и предприятий из находящихся под угрозой в военном отношении местностей, а с другой – освобождение экономического быта страны от германской зависимости, и поставив на очередь вопросы уничтожения общественной и сословной обособленности немецких уроженцев внутри России, правительство частично осознавало, какую социально-экономическую глыбу оно сдвигает с места, какие последствия ожидаются в хозяйственном укладе стран: в течение непродолжительного срока предстояла смена владельцев многих тысяч земельных наделов, что было чревато серьезным потрясением в сельском хозяйстве и промыслах. Происходило резкое сокращение посевных площадей, спешная распродажа скота. “С точки зрения социально-политической, – отмечалось в Особом журнале Совета Министров, – придется считаться с перемещением в городские населенные сотен тысяч людей, оторванных от привычных земледельческих занятий и располагающих не наличными средствами, которые могли бы быть обращены на новое устройство трудовой жизни, а лишь правом на ежегодный доход от именных свидетельств Крестьянского Поземельного Банка”. И далее отмечалось, что “помимо осложнения вопросов продовольствия, притоков заработка, квартирного и иных, – следует ожидать, что вся эта масса представит собой элемент тревожный для общественного спокойствия и безопасности”. Учитывая все это Совет министров счел необходимым в интересах государства создать Особый Комитет, который планомерно, согласовано, объединив все правительственные структуры, став, по сути, высшим заведением по ликвидации немецкого землевладения и сосредоточив в своих руках распорядительные и исполнительные функции, организовал бы ликвидацию немецкого присутствия в России.

Такова была официальная версия причин и целей создания Особого Комитета, представителем которого 22.03.16 г. первоначально был назначен генерал-адъютант Трепов.

Однако анализ материалов Особого Комитета позволяет утверждать, что Комитет, по сути, стал очередным межведомственным совещанием, не имевшим общей политической программы борьбы с немецким присутствием. Значительную часть своей деятельности он посвятил административной и законодательной работе. Сменивший на посту Председателя Комитета Трепова, член Государственного совета, лидер правых Стишинский, продолжил практику своего предшественника. Следует отметить, что в плане организации подобных ведомств Россия не была оригинальной, многое было заимствовано у французов. И так, в делах ОК помещены, во-первых, документы различных правительственных ведомств, общественных учреждений и должностных лиц по осуществлению узаконений и распоряжений правительства, ограничивающих права подданных воюющих с Россией государств и выходцев из этих стран. Во-вторых, в материалах Особого Комитета отложились соображения, обсуждение предложений о мероприятиях по так называемому “освобождению” страны от немецкого влияния. Другими словами, здесь содержатся документы, отражающие процесс разрешения вопросов, возникавших в практике учреждений, исполнявших ликвидационные законы.

Помимо документов законодательного характера (законопроектов, поправок к ликвидационным законам, их обсуждений, текстов и выдержек из соответствующих законов), в материалах Особого Комитета содержится обширная переписка по вопросам землевладения и землепользования с рядом российских губерний, сведения о ходе работ по применению соответствующего ликвидационного законодательства, переписка с торгово-промышленными предприятиями и представительствами Министерства Торговли и Промышленности, Министерства Внутренних дел, военных ведомств, материалы заседаний Особого Комитета, журналы Особого Комитета, их 132. Особое место занимают материалы, готовившиеся к заседаниям Совета Министров.

Давая общую характеристику материалов Особого Комитета по борьбе с немецким засильем, вполне уместно использовать градацию, ранее использованную С.Г. Нелиповичем, т.е. выделить инициативные, распорядительные и итоговые документы. К первой категории, безусловно, следует отнести законодательные акты, решения правительства, обращения Особого Комитета к Председателю Совета Министров, тексты выступлений членов Государственной Думы, обвинявших Особый Комитет в преступной медлительности, мягкотелости, непоследовательности в “своей деятельности”. К этой же группе документов могут быть отнесены материалы заседаний Комитета. Они дают возможность ознакомиться с позицией каждого из членов Особо-

го Комитета, той дискуссией, которая имела место в ходе обсуждения конкретных действий; обращения отдельных ведомств с ходатайствами об ограничении действий ликвидационных законов в отношении отдельных граждан¹² или группы лиц (меннонитов). Документы, при всей их казалась бы однотипности, содержат очень интересный материал. Так, в прошении меннонитов перечислялись положения, вполне достаточные, по их мнению, для того, чтобы оградить их собственность от распространенных на нее ликвидационных законов (голландские выходцы, против своей воли попали на короткое время в прусскую зависимость, избавились от нее путем переселения в Россию по приглашению Екатерины II; нет немецкой крови и духа ненависти, чужды милитаризму, родной язык нижеголландский, использование немецкого языка в деловой переписке было обусловлено указом правительства). В этом деле содержатся и выполненные в типографии "Радуга" формуляры жалоб, заполнив которые меннониты отправляли их в Сенат¹³. Интересны пометки сделанные Особым Комитетом на формуляре. Было отмечено, что представленный текст является, во-первых, жалобой, а не прошением; во-вторых, у меннонитов присутствует настоящая прусская кровь; в-третьих, их родным языком является нижегерманский. Исходя из этого, все их жалобы, а также перечень благотворительных мероприятий, осуществляемых ими ранее и в период начавшейся войны, не были взяты Особым Комитетом во внимание и ходатайства были отклонены.

В числе распорядительных документов оказались документ Особого Комитета о мерах по ликвидации немецкого землевладения, запросы о характере деятельности и состоянии дел отдельных заводов и фирм; о политической благонадежности конкретных лиц немецкой национальности; руководство, составленное Общей Канцелярией министра финансов правительственным инспектором¹⁴, которое, в сочетании с прилагавшимся к нему вопросным листом¹⁵, позволяло Особому Комитету достаточно оперативно получать всестороннюю информацию о состоянии ряда предприятий российских немцев либо акционерных предприятий с участием капитала германских подданных. К этой же группе документов должны быть отнесены запросы правительственных Инспекторов Особой Канцелярии по кредитной части Министерства финансов о финансовых операциях поднадзорных предприятий, письма Министерства финансов, требующие от правительственных инспекторов ускорить представления данных о подчиненных им надзору предприятиях¹⁶. Циркуляры министерств Инспекторам, явно расширяющие первоначальные функции исполнителей (от них требовали не только надзора за производством, но и оценки потенциальной возможности предприятий производить оборонную продукцию, определять благона-

дежность владельцев предприятий категориями "злонамерное бездействие" или "нежелание обслуживать нужды государственной обороны").

В этом рутинном механизме отслеживания и уничтожения прав собственности германскоподданных и так называемых выходцев из воюющих стран встречались свои далеко не объективного характера. Так, в одном из секретных циркуляров члена Совета Министра Торговли и Промышленности П. Беклемишева направленного правительственным инспектором, сообщалось о имевшем место вопиющем факте¹⁷. Речь шла о том, что средства, полученные от продажи ликвидируемого предприятия, не были проведены по книгам и были или присвоены ликвидаторами, или же незаконно переданы владельцам предприятия – неприятельским подданными, проживающим за границей. Поскольку этот факт был зафиксирован на столь высоком уровне, следует предположить, что он имел не единичный характер.

Что касается итоговых документов, то в их числе оказались отчеты правительственных Инспекторов, справки о деятельности Особого Комитета, его постановления, сведения о ходе работ Крестьянского Поземельного Банка по реализации законов 1915 года, ограничивавших землевладение и землепользование неприятельских подданных и выходцев, сведения об отчуждении в ряде губерний внегородского недвижимого имущества тех же категорий населения, данные о количестве имений и земли, находившейся в собственности воюющих с Россией государств и российских немцев, о земельных имуществах, выставленных на торги губернскими правлениями, о имениях, приобретенных Крестьянским Поземельным Банком, о продаже земли с публичных торгов в отдельных губерниях, сведения о добровольном отчуждении земли в частные руки согласно законов военных лет, о ликвидации недвижимых имуществ торгово-промышленных предприятий по губерниям, поименные списки лиц, чьи имения либо дачи подлежали продаже или были проданы, сводки данных о ходе реализации ликвидационных законов, справки о проданных землях и допущенных при этом нарушениях¹⁸.

Особую психологическую нагрузку несут прошения: жалобы населения об изъятии от действий ликвидационных законов, рассмотрение этих дел Особым Комитетом и мотивация решений. "Несущими конструкциями" этих документов, естественно, были ликвидационные законы, что делало их в какой-то мере единообразными. Однако далее в каждом из дел присутствует такая полифония чувств, такой набор аргументов, что каждый из них становится ярко индивидуальным, требующим специального анализа и оценки.

Так, в одной из справок¹⁹ Особого Комитета содержатся помимо цифровых данных (рассмотрено 630 ходатайств отдельных граждан, удовле-

творены 17) поименный список лиц, обратившихся за защитой, и той части из них, которая получила от Особого Комитета своеобразную защиту от действий ликвидационных законов. Их анализ позволяет констатировать следующее. Во-первых, сами приведенные цифры красноречиво свидетельствуют о масштабе деятельности Особого Комитета и результативности его работы. Во-вторых, у каждого из 17 ходатайств, представленных в списке, присутствовали среди важных аргументов в пользу просителя:

а) ходатайства губернских властей, заявлявших о высоком профессионализме и опыте просителя и необходимости в силу этого использовать его для нужд военного ведомства; б) заверения земских и губернских структур о благонадежности и лояльности; в) полезная общественная деятельность просителя (содержит лазарет, безвозмездно оборудовал больницу, построил православный храм); г) личные просьбы губернаторов, ряда Министров; д) браки с православными; е) православное потомство; ж) дети женаты на православных; з) добровольная служба в русской армии; и) русский уклад жизни; к) русский язык общения в семье. Другими словами, люди сохранившие язык своих предков, их обычаи, этико-религиозную самобытность, оказавшиеся в состоянии противостоять ассимиляционным процессам, заведомо лишались поддержки местных, а тем более, государственных структур власти. В-третьих, материалы Особого Комитета иллюстрируют присутствие в ряде случаев индивидуального подхода при рассмотрении дел, ибо иногда Особый Комитет принимал решения, вопреки рекомендациям Губернских властей. В-четвертых, результаты рассмотренных жалоб и просьб Особым Комитетом тоже были различными: разрешалось сохранять занимаемую должность, но при этом распространялись все другие ограничения имущественного характера; сохранялись предприятия на время для удовлетворения военных нужд, но при лишении прочих льгот; предоставлялось право продления аренды и т.д. За всеми этими прошениями, жалобами, решениями стояла психологическая драма народа. Невольно вспоминаешь прозвучавший еще полвека назад призыв Ле Февра: "Историки, будьте географами! Будьте правоведами, социологами, психологами".

Действительно, Первая мировая война поставила царствующий дом Романовых, традиционно тесно связанный с немецкими династиями, в необычайно сложное положение. Своеобразные кадровые зачистки, проводимые в правительственных учреждениях с целью изгнания немецкого элемента из соответствующих структур, были зримым отражением того антинемецкого исхода, в котором находилось российское общество. Огромную роль в этом вопросе играла пресса. Речь идет о постоянных публикациях в "Новом времени", "Вечернем времени" и др. изданиях, которые Сазонов иначе как

"нужниками" и не называл, статей явно шовинистического характера, поднимавших вопрос об "иностранных фамилиях" в МИД, о состоянии дел в "министерстве у Певческого моста", печатавших списки сенаторов с германскими фамилиями и др. Материалы этих публикаций также отложились в делах Особого Комитета²⁰, который осознал значение информационных средств в плане влияния на общественное сознание и сам представлял материал для публикаций в широкой печати. В этом не было элементов саморекламы. Подобными публикациями ОК, с одной стороны, пытался информировать российское общество о своей работе, с другой - носил успокоительный момент в среду антинемецки настроенных масс. Если бы речь шла о патриотизме, защите отечества - чувствах вполне естественных и законных в годину военного лихолетья. На поверку зачастую выявились проблемы сугубо личностного и своекорыстного характера: занять чужое место, вытеснить конкурента, выгодно приобрести чужую собственность. Масштабность происходившего была велика.

Материалы Особого Комитета по борьбе с немецким засильем через вполне конкретные судьбы людей, через своеобразный национально-социальный микрокосмос позволяют увидеть и понять воздействие макросистемы российского общества, его структур на формирование общественного мнения, норм отношений между гражданами различной национальности.

Общая характеристика материалов Особого Комитета позволяет отметить наличие явной диспропорции в объеме материалов, посвященных различным сферам деятельности, что отражает как состояние развития и положения экономики государства того периода, так и характеризует отношение властных структур к определенным областям общественно-экономической жизни страны. Так конкретные вопросы землевладения и землепользования нашли отражение на 3056 листах дел Особого Комитета (по большому счету, помещичьи круги с помощью ликвидационных законов желали частично решить земельный вопрос за счет немецких колонистов. Создав своеобразный земельный фонд и маневрируя им, правительство надеялось предотвратить аграрную революцию), общие проблемы торгово-промышленного и финансового характера лишь на 1733 листах, а проблемы образования, религии вообще представлены в небольших объемах²¹. Подобное соотношение материалов несколько нивелируется содержательной стороной особых журналов Совета Министров и журналов Особого Комитета. В них помещен значительный материал по отдельным фирмам, торговым домам, предприятиям. Характер этих сведений, их объем, последовательность изложения позволяет воссоздать историю возникновения, становления, развития и ликвидации ряда промышленных заведений России либо свя-

занных с Германией и ее подданными, либо обязанных своему существованию этническим немцам Российской империи.

Таким образом, представляется возможным заключить:

1. Что при комплексном рассмотрении материалов Особого Комитета по борьбе с немецким засильем, выявлении степени их достоверности, сопоставительном анализе с архивными материалами других ведомств и соответствующих комиссий этого периода - исследователи могут получить интересные данные по истории, как российских немцев, так и России в целом.

2. Статистические данные, достаточно объемно представленные в делах ОК, могут явиться хорошим подспорьем в изучении немецкого населения России во многих сферах деятельности немецкого землевладения и роли немецкого элемента в торгово-промышленном развитии страны.

3. Поскольку в ряде заявлений государственных деятелей России тех лет присутствует отсылка на германское законодательство и речь даже идет о его прямом заимствовании, представляется необходимым в дальнейшем произвести сравнительный анализ юридических актов и определить эффективность их реализации.

4. Рассматривая итоговые документы ОК, трудно не согласиться с мнением, что это ведомство, юридически обладая очень большими полномочиями и даже в какой-то мере диктаторскими правами, было поставлено объективно в такие условия, что его деятельность и результаты стали своеобразным клапаном, через который выпускалось социальное напряжение в обществе. Высшие эшелоны власти Российской империи, военные, бюрократические структуры, торгово-промышленный капитал, имевший немецкие корни, понес небольшие потери. Материалы Особого Комитета свидетельствуют о том, что серьезно пострадали натурализовавшиеся немцы сельских местностей, на которых со всей силой и обрушилось ликвидационное законодательство.

Примечания

¹ См.: Велицын А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. СПб., 1893; Каменский П.В. Вопрос или недоумение. М., 1895.

² См.: Исторический очерк обложения торговли и промышленности в России. СПб., 1893; Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М., 1937; Шелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973; Дякин В.С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971; Dittman Dalhmann / Carmen Scheide (Hg) "...das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat": Deutsche Untermehrer im Russischen Reich im 19 und frühen 20. Jahrhundert Essen, 1998; Зив В.С. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып.1. Германские капиталы. Пг., 1915.

³ См.: Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920. М., 1993. Кн. 1; Кирьянов Ю.А. "Майские беспорядки" 1915 г в Москве (1915-1917) // Вопросы истории. 1994. № 12; Соболев И.Г. Крестьянский поземельный банк и борьба с "немецким засильем" в аграрной сфере (1915-1917) // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. 1992. Вып. 16; Ratzel F. / Politische Geographie. München-Leipzig, 1897; Hasse E. Deutsche Grenzpolitik. München, 1906. Bd. II.

⁴ См.: Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников: Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. и 10, 15 июня и 13 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние Южной России. М., 1917; Айсфельд А. Карл Линдеман: Политическая и общественная деятельность московского ученого // Немцы Москва. М., 1997; Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России. 1861-1916 гг. // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М., 1997; Она же. Чрезвычайное законодательство и немецкие фирмы в Москве (1914-1917 гг.) // Немские предприниматели в Москве. М., 1999.

⁵ См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1438. Л. 12-15.

⁶ См.: Там же. Л. 81-82. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л.66-68.

⁷ См.: Там же. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1438. Л. 97-97об.

⁸ См.: Там же. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 33-34.

⁹ См.: Там же. Л. 115-19об.

¹⁰ См.: Там же. Л. 53-54об, 57, 57об.

¹¹ См.: Там же. Л. 61-64.

¹² См.: Там же. Л. 11-15.

¹³ См.: Там же. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 327. Л. 84-84об.

¹⁴ См.: Там же. Ф. 1425. Оп. 2. Д. 83. Л. 9-10. Л. 20, 21об.

¹⁵ См.: Там же. Л. 11.

¹⁶ См.: Там же. Л. 13.

¹⁷ См.: Там же. Л. 56.

¹⁸ См.: Там же. Л. 56.

¹⁹ См.: Там же. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 12, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 22, 23.

²⁰ См.: Там же. Д. 1. Л. 11-14.

²¹ См.: Там же. Л. 11-14.

КАРТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АССР НП

Известно, что массовое освоение немецкими колонистами Российских земель началось со второй половины XVIII века, когда Екатерина II манифестами от 4.12.1762 г. и 22.7.1763 г. пригласила иностранцев селиться на "свободных местах". Условия проживания обещались весьма заманчивые: иностранные колонисты освобождались от земельных налогов и рекрутской повинности, получали во владение по 30 десятин земли на семью, бесплатную ссуду и право беспошлинной торговли в течение 10 лет. Начавшееся заселение и хозяйственное освоение немецкими колонистами обширных российских территорий продолжалось до начала XX века. Переселенцы были выходцами из Саксонии, Швабии, Баварии, Вестфалии, Пфальца, а также Эльзас-Лотарингии и Швейцарии.

География новых поселений была весьма обширна, и охватывала всю территорию Российской империи, при этом отчетливо выделялись и регионы компактного проживания немцев: это районы Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья и Приазовья, Сибири. К исходу XIX века число немецких селений в империи достигало 1600, с общим числом жителей 1150600 человек.¹

Массив документов, относящихся к истории колонизации и хозяйственного освоения российских территорий немцами, чрезвычайно велик, и включает, конечно, также иконографические источники. К ним относятся картографические произведения различной тематики (этнографические, конфессиональные, землеустроительные, административные и др.), схемы и планы поселений. Они почти не использованы, и в настоящей работе сделана попытка восполнить этот пробел.

В литературе, посвященной истории развития немецких поселений в России, сведения о картографических источниках встречаются чрезвычайно редко. Упоминаются, в основном, карты XVIII в. к путешествию П.С. Палласа, хорошо известные этнические карты XIX в. П.И. Кеппена, впервые воспользовавшегося для этого статистическими материалами, А.Ф. Риттиха,

и некоторые другие. Эти картографические произведения касаются Европейской части России, Кавказа, Сибири, территории Российской империи в целом, показывают расселение "инородцев" по территории России.

Отдельную группу составляют картографические произведения уникального национально-территориального образования АССР Немцев Поволжья, существовавшего с 1918 г. (первоначально как автономная область) по 1941 г.

Именно в Поволжье, благодаря обещанным в манифестах Екатерины II льготам, в течение первых 100 лет (1764-1864 гг.) немецкой колонизации, в бывших Самарской и Саратовской губерниях было образовано уже 190 колоний и отведено 1461214 десятин земли². Масштабы строительных работ, которые проводились в Саратовском Поволжье уже в первоначальный период 1764-78 гг., были грандиозными: осуществлялись комплексные поставки леса с верховьев Волги, комплексное же строительство колоний³.

Известно, что территории компактного проживания "инородцев", в том числе немцев, на территории Санкт-Петербургской губернии и Европейской России впервые были показаны на этнографических картах (1849 и 1851 гг. соответственно), составленных географом, статистиком П.И. Кеппеном. В статистических таблицах, приложенных к карте, указывалось количество "душ обоего пола" данной административной единицы. Так, к 1852 г. в Самарской губернии число немцев достигало 46900 человек, а в Саратовской - 62500. Лишь в Санкт-Петербургской губернии численность немецкого населения была сравнима с приведенными выше цифрами - 50800 человек, в остальных же - значительно меньше, например, в Земле Войска Донского - "11 душ обоего пола"⁴. Согласно данным статистики, к середине XIX в. Поволжье стало территорией, где проживала наиболее значительная часть немецкого населения в России.

Напомним кратко, при каких сложных обстоятельствах была образована Немецкая Автономия. В период Первой мировой войны, усилившиеся русификаторские настроения привели к принятию в 1915-1916 гг. "ликвидационных" законов, а на апрель 1917 г. намечалось изгнание из Поволжья всех немцев. Председатель Временного правительства А.Ф. Керенский лишь "приостановил действие указа", а отменен он был уже после Октябрьского переворота. Весной 1918 г. был образован "Комиссариат по делам немцев Поволжья", а 19 октября 1918 г. В.И. Ленин подписал декрет об образовании Автономной Области Немцев Поволжья. Автономная область Немцев Поволжья (АО НП) существовала немногим более 5 лет - с 1918 по 1924 г., когда 6 января 1924 г., на 11-м Областном Съезде Советов Немобласти, была провозглашена Автономная Советская Социалистическая Рес-

публика Немцев Поволжья (АССР НП), таким образом, на непродолжительное время оформившаяся как административная единица. АО НП была первым национальным территориальным образованием в РСФСР. Преобразование АО НП в республику было сделано лишь по политическим соображениям. Национально-территориальное образование такого высокого статуса должно было иметь возможность принимать самостоятельные решения, однако реализовать это ни разу не удалось.

Картографические произведения, специально посвященные немцам в Поволжье, немногочисленны⁵. Это упоминавшиеся выше карты из сочинения П.С. Палласа, отдельные карты, опубликованные в 1910-1911 гг. Несколько рукописных планов размещения колонистов в Поволжье были воспроизведены в работе "Поселения немцев в России: Архитектурный феномен" (С.О. Терехин. Саратов, 1999).

Что же касается картографических произведений советского периода, отражающих недолгий период существования Немецкой автономии, то они долгое время оставались неизвестными. Можно предположить, что значительная их часть была уничтожена, а те, что сохранились, нередко были недоступны. Серия карт, иллюстрирующих различные этапы административно-территориального деления территории компактного проживания немцев в Поволжье в период с 1918 по 1941 г., помещена в труде "История Республики Немцев Поволжья в событиях, фактах, документах" (А.А.Герман. М., 1996). Несколько административных карт периода 1910-1938 гг. перечислены в изданном в 1997 г. Указателе к Атласу Немцев Поволжья (Карта АССР немцев Поволжья = Karte der ASSR der Wolgadeutschen Herausgegeben von Alfred Eisfeld. Göttingen, 1997).

В настоящее время среди картографического наследия, хранящегося в фонде Библиотеки Российской академии наук в Петербурге, выявлено около 30 картографических документов (периода 1910-1938 гг.), тематика которых (карты землеустройства, почвенные, административно-хозяйственные, избирательных округов и др.) дает возможность осветить как вопросы хозяйственного освоения территории, так и социально-политические аспекты жизни населения АССР НП. Карты опубликованы в Саратове, Покровске. Тиражи их колеблются от 100 до 3000 ед. Нередко одна и та же карта издана в двух вариантах – на русском и на немецком языках. Иногда к этому добавляется также и третий вариант – немая карта, на основании чего можно предположить, что карты эти были использованы в учебном процессе.

Карты землепользования, почвенные позволяют проследить, как осваивалась территория Поволжья, росло число поселений, где проходили и как менялись границы землепользования. Содержание карт включает все по-

дробности хозяйственной жизни территории – это и населенные пункты 10 разрядов, совхозы различной специализации, машинно-тракторные станции, существующие и строящиеся железные дороги, сельскохозяйственные районы и др. На одной из карт обозначено даже местоположение пункта, названного "Трудколония НКВД". Детальная почвенная карта АССР НП (Bodenkarte der ASSR der WD, 1936 г.) показывает семнадцать типов почв. Для составления таких карт были использованы самые различные материалы: землеустроительные планы Наркомзема АССР НП, материалы научных экспедиций: Приволжской экспедиции 1914 г., экспедиции Всесоюзного Института удобрений и Агрочововедения. Карты отражают и административно-территориальное деление, которое, согласно декретам правительства, за непродолжительный период изменялось несколько раз. История Немецкой автономии на Волге подробно изложена в трудах А.А. Германа⁶. Картографические произведения служат не только иллюстрацией событий, но и раскрывают подробности социальной жизни населения. Ниже приводится краткий анализ содержания карт.

Этапы сложного перехода к коллективному хозяйствованию нашли отражение на картах. Впервые обозначения совхозов встречаются на "Географическо-административной карте Трудкоммуны области Немцев Поволжья", подготовленной в Покровске, и изданной в 1922 г. в Саратове (в трех вариантах – на немецком языке, русском, и немая). На обширной территории Автономной области Немцев Поволжья располагалось всего пять совхозов, обозначенных номерами, среди них четыре немецких: Совхоз № 1 (Ротэрмель), Совхоз № 2 (Самарский) – в Федоровском кантоне, Совхоз № 3 (Гергенретер), Совхоз № 5 (Изак) – в кантоне Вольское; и один русский: Совхоз № 4 (Бережное) – в Паласовском кантоне. В то же время велико было количество отдельных хуторов, как немецких, так и русских в Паласовском (соответственно 10 и 14) и Федоровском (соответственно 17 и 5) кантонах. АО НП подразделялась на 14 кантонов: Маркштадтский, Красноярский, Тонкошуровский, Федоровский, Покровский, Вольское, Медведицкий, Голо-Камышское, Каменский, Золотовский, Ровненский, Красно-Кутский, Старо-Полтавский, Палассовский. Карта отражает изменения в административно-территориальном делении, произошедшие с июня по ноябрь 1922 г. – "округление" территории АО НП за счет присоединения Покровского уезда и нескольких волостей Саратовской губернии, создание четырнадцати кантонов и переезд административного центра АО НП из Маркштадта в Покровск. Декор карты – рамка из переплетенных колосьев, изображения серпа и молота в круглых медальонах по углам карты, девиз "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", помещенный над титулом карты, –

призван был, вероятно, убеждать в процветающем положении АО НП, в то время как там свирепствовал страшный голод.

На официальной "Карте АССР Немцев Поволжья" (Покровск, 1930 г.), корректура которой производилась в Орготделе ЦИКа и Госплане АССР НП, показано лишь шесть совхозов, часть из них – новые, а часть – прежние, но, в связи с изменившимся административно-территориальным делением, оказавшиеся в иных кантонах: Совхозы № 1 и № 2 – те же, в Федоровском кантоне, Совхоз № 3 – тот же, но в Мариентальском кантоне, Совхоз № 4 – в Покровском кантоне, но в ином месте, Совхоз № 5 – в Красно-Кутском кантоне, Совхоз № 6 – в Покровском кантоне. В Палласовском и Федоровском кантонах традиционно показано множество хуторов и мелких поселков. В дальнейшем, на картах 1935-1938 гг. число обозначенных условными знаками центров МТС и совхозов достигает 80, иногда встречаются обозначения типа "совхоз № 24", "совхоз № 598" (однако, местоположение подавляющего большинства совхозов числового ряда не указано), что указывает на то, что количество совхозов к началу 40-х гг. значительно возросло благодаря политике коллективизации.

До 1930 г. на картах АССР НП отражался национальный состав – немцы, русские, украинцы, татары, эстонцы. Так, на "Карте АССР НП" (1930 г.) показано, что большинство кантонов имеют смешанный состав населения, в то же время в Покровском кантоне совсем нет немцев, а в Маркштадтском, напротив, только немецкое население. Однако, в действительности, этнический состав был значительно более пестрым, и вряд ли смог найти отражение даже на крупномасштабной карте. Согласно "Материалам переписи населения АССР НП 1926 г."⁷, там проживали русские, немцы, поляки, латыши, украинцы, малороссы, мордва, белорусы, словаки, евреи. Сведения о количественном составе населения приведены в специальных "Поселенных картах" – статистических карточках, учитывающих все села, хутора, усадьбы, отруба, деревни. На этих карточках указаны: число домохозяйств крестьянского и некрестьянского типа, народность, население мужское, женское, число домохозяев. К этому же периоду относится и "Этнографическая карта Поволжья", составленная в Институте по изучению народов СССР АН СССР (ИПИИ)⁸, которая охватывает значительную территорию Европейской части России, но из-за мелкого масштаба (1:5000000) носит обзорный характер.

Примечательны карты, относящиеся ко времени принятия новой Конституции (1936 г.). Карта "Административное деление СССР по новой Конституции" (отдельно на русском и на немецком языке) была опубликована в г. Энгельс (бывший г. Покровск, переименованный в 1931 г.) и удостове-

рять существование АССР НП как самостоятельного административно-территориального образования. Оформление карты (отпечатана в одну синюю краску), схематичность изображения и некоторая небрежность внешнего вида позволяют предположить, что она подготавливалась и печаталась в спешке, специально для данного события.

Проводившиеся в 1937 г. и 1938 г. избирательные кампании также нашли отражение в картографических документах. 12 декабря 1937 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Предваряя это событие, в Саратове были опубликованы карты (также отдельно на русском и на немецком языках) избирательных округов для выборов депутатов в Совет Национальностей по АССР НП и в Совет Союза ССР. Территория АССР НП была поделена на 11 округов по выборам в Совет Национальностей (Бальцерский, Гриммский, Добринский, Гмелинский, Зельманский, Энгельсский городской, Энгельсский сельский, Маркштадтский, Мариентальский, Гнаденфлюрский, Красно-Кутский), и на 2 округа по выборам в Совет Союза (Энгельсский и Красно-Кутский). Требовалось "избрать" по одному депутату от каждого округа. Таким образом, АССР НП в Верховном Совете представляли 13 депутатов. Подобным образом была составлена карта, показывающая деление АССР НП на избирательные округа для выборов в Верховные Советы РСФСР и АССР НП. Богатый декор карты, с использованием государственной символики СССР и РСФСР, указывает на то, что карта должна была служить целям пропаганды.

Достаточно даже беглого взгляда на карты, чтобы отметить, что названия населенных пунктов претерпевали изменения как в связи с их ростом, так и в связи с изменением политической системы: так, г. Покровск в разное время носил названия: Покровская Слобода, Козакенштадт, Энгельс; Екатериненштадт был переименован в 1919 г. в Маркштадт; и др. Оказала влияние и начавшаяся в 1924 г. политика "коренизации" – введение национального языка в АССР НП. Теперь кантонам и селам, имевшим двойное – немецкое и русское наименования, присваивалось наименование, соответствующее большинству населения в данной административной единице, что видно на картах периода 1925-38 гг. Позднее, в 1942 г., после завершения насильственного переселения немецкого населения, немецкая топонимия была заменена старыми русскими названиями, скорректированными в соответствии с велением времени.

Сохранившиеся до нашего времени картографические произведения АССР НП наглядно фиксируют как административно-территориальное состояние, так и уровень и характер хозяйственного освоения территории в конкретный момент времени. Выстроенный по хронологическому принци-

пу ряд карт одной тематики позволяет увидеть рост хозяйственного освоения, внешнее оформление и декор карт соответствуют господствующему направлению в искусстве и нередко служат целям пропаганды.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы представить массив выявленных картографических документов специалистам, занимающимся историей немецких поселений в России. Наиболее удобной формой для того, чтобы познакомиться с этими документами, принята форма аннотированного каталога. Описания расположены в хронологическом порядке. Сокращения слов и словосочетаний в описании соответствуют сокращениям в титуле карты. Сведения о тиражах, помещенные на самих картах, приводятся здесь ввиду их важности.

1. Карта, представляющая селения иностранцев по обеим сторонам реки Волги / [Вырезывал У.[ченик] Л. Сергеев]. - Масштаб [1:750000]. - [СПб, 17...]. 1 л. Гравюра; 27,5x30,5 (по рамке 27x30) см. Графический масштаб в верстах. Рус. яз.

Показаны: населенные пункты, дороги, границы владений – условными знаками; города, колонии, села, деревни, реки, уезды, Варенбургское владение, Екатерининское владение, дорога в Симбирск, дорога в Москву, дорога к Елтонскому озеру, дорога в Астрахань – надписями, рельеф – перспективным рисунком; стрелками показано направление течения реки Волги. На пространстве левобережья Волги помещена надпись: “Степь пустая, где прежде сего кочевье имела Калмыцкая орда”.

В кн.: П.С. Палласа, ... Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1-3. СПб., 1773-1788. Экземпляр карты хранится отдельно от издания, срезан по рамке, поэтому сведения о гравюре приводятся на основании аналогичной немецкоязычной карты. В перечне картографических изданий Академической типографии (В.Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.: Л., 1946) сведений об этой карте нет.

V PC/78-6)

2. Karte worauf alle im Saratofschcn Gebiet zu beiden Seiten des Wolga Stroms angelegte Deutsche Kolonien ange zeitsind / [Вырезывал У.[ченик] Л. Сергеев]. - Maßstab [1:750000]. - [SPb, 17...]. 1 л. Гравюра. 30,7x33,1 (по рамке 27x30) см. Графический масштаб в верстах. Нем. яз. Справа над рамкой: Zu Pallas Reise III. Theils II. Buch p. 620. Справа под рамкой: Вырезывал У.Л. Сергеев.

Показаны: населенные пункты, дороги, границы владений – условными знаками; города, колонии, села, деревни, реки, уезды, Варенбургское вла-

дение, Екатерининское владение, дорога в Симбирск, дорога в Москву, дорога к “Елтонскому” озеру, дорога в Астрахань – надписями; лес, рельеф – перспективным рисунком. На карте, на пространстве левобережья Волги помещена надпись: Ganz Wüste Vormahls von Kalmücken Bevoelkerte Steppe.

В издании: Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reich in Jahren 1768-1774. SPb., 1776. Teil III. Экземпляр карты хранится отдельно от издания.

Литература. В.Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII. М.: Л., 1946. С. 260. № 268.

V PC/78-8)

3. Die Kolonien in den Gouvernements Saratow und Samara. - [Maßstab] [1:840000]. - [SPb, 1855]. 1 л. Иллюм. Литография. 43,3x53 (по рамке 35,3x40) см. Нем. яз. Графический масштаб в верстах. Координатная рамка, координатная сетка, меридианы и параллели через 1 градус.

Показаны: населенные пункты, границы конфессиональные и землепользования, дороги – условными знаками; населенные пункты, географические названия – надписями; расстояния между населенными пунктами – цифрами; границы христианских конфессий и владения (Evangelisch-lutherische Kolonien, Katholische Kolonien, Mennoniten Kolonien, Land zum Vertheilen an die Kolonisten, Krons Bauern und privat Ländereien) – цветом.

Л. № 3 издания: Atlas der Evangelisch-Lutherischen Gemeinen in Russland. - St. Petersburg: Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1855. - [1], 5 л. карт, [9] табл. На об. тит. л. – разрешение цензора: “A. Freigang, St. Petersburg, 7 März 1855”.

Статистические таблицы к карте: [Л.] II. II. Gouvernement Saratow.

III. Gouvernement Samara. (Рис. 2).

Литература: Русские атласы 19 века: Сводный каталог. Вып. 1-2. Л., 1967.

V 1937 к/2-3)

4. Карта инородческого населения Самарской губернии. - Масштаб [1:840000]. - СПб.: Картограф. заведение А. Ильина, [18...]. 1 л. Литогр. Иллюм. 99,7x66,8 см. Рус. яз. Масштаб именованный: в Английском дюйме 20 верст; графический масштаб в верстах.

Показаны: части Сибирской, Казанской, Уфимской Оренбургской, Астраханской, Саратовской губерний, Земли Уральского Казачьего войска, географические названия, населенные пункты – надписями; инородческое на-

селение - цветом и штриховкой; цифровые обозначения (римскими и арабскими цифрами), указатель к которым отсутствует.

Таблица: "Изъяснение" – 34 наименования (в том числе инородческое население, конфессиональная принадлежность, хутора и кочевья).

Область, заселенная немецкими колонистами, показана по левому берегу Волги, от нижнего течения притока Большой Иргиз широкой полосой вдоль побережья почти до нижнего течения р. Торгун. Также – отдельные селения на этой же широте.

V 1931в/191

5. Deutsche Wolga-Kolonien / [P. Langhans]. – М. 1:3700000. – Gotha: Justus Perthes, 1897. 1 л. 63x63 мм. Иллюм. Нем. яз.

Показаны: населенные пункты, географические названия – надписями; административные границы, населенные пункты 4 разрядов (по количеству населения); районы с преобладанием различных христианских конфессий (Евангелисты разных направлений, Католики, Меннониты).

Карта помещена на листе с общим названием "Deutsche Kolonisation im Osten. II Auf Slavischem boden", где размещены следующие дополнительные карты (размеры и масштабы разные): (1); (2) Deutsche Kolonien auf d. Kronsgütern Hirschenhof u.; (3); (4); (5); (6); (7); (8); (9); (10); (11); (12); (13); (14) (15).

Л. №7 из атласа: "Langhans' Deutscher Kolonial Atlas", Gotha: J. Perthes, 1897.

V 5441

6. Karte der Wolga-Kolonien / Druet und Verlag der Buchdruckerei "Energie". – Maßstab [1:672000]. – Saratow: "Energie", 1910. 1 л. Границы иллюм. Литогр. 41,5x55,5 (34,3x44) см. Нем. яз. Графический масштаб в верстах. Без координатной рамки, сетки.

Справа над рамкой: Nachdruck verboten, alle Rechte vorbehalten.

Слева под рамкой: Gratisbeilage zum Kalender "Volksfreund".

Показаны: границы губерний и уездов (округов), пристани, реки, железные дороги, населенные пункты (города и селения католические, лютеранские, евангелистов, меннонитов, русские, и др.) – условными знаками; губернии, уезды, реки, населенные пункты – надписями.

Для многих населенных пунктов приводятся два названия одновременно, например: Rownoe (Selman), Pokrowskaja Sloboda (Kosakenstadt), Gniluschka (Pfeifer), Karaulny Bujerak (Köhler), и т.д.

Таблица: Erklärung der Zeichen.

Доп. карта: [Участок р. Волги южнее г. Камышин, с показанием городов Царицына и Сарепты]. – Maßstab [1:672 000].

Литература. Карта АССР Немцев Поволжья. Göttingen, 1997. С. 3-4.

V 1933 а/52

7. Карта Покровского уезда Саратовской губернии 1920 г. / [Сост.] Губ. Административ. Комиссия. – М. 1:336000. – Саратов: Губполиграфотдел 9 отдел, 1921. 1 л. Иллюм. 70,2x52,9 см. Рус. яз. Масштаб именованный – в английском дюйме 8 верст, графический – в верстах.

Показаны: часть Саратовской и Астраханской губерний, Новоузенского, Дергачевского, Николаевского уездов, населенные пункты, станции и разъезды, географические наименования – надписями; границы уездов и волостей, села, деревни, поселки, хутора, волоисполкомы [так! – О.К.], железная дорога, железнодорожные станции и разъезды, телеграфные станции, почтовые конторы, лес – условными знаками; волости – цифрами; немецкие колонии – цветной штриховкой.

Таблицы: (1) Условные знаки – 11 наименований; (2) Названия волостей Покровского уезда и соответствующие им цифровые обозначения на карте (34 волости).

Слева внизу – "Тираж 100".

В это время Покровский уезд еще не был в составе АО НП, присоединен был в 1922 г. указом ВЦИК.

8. Географическо-административная карта Трудкоммуны Области Немцев Поволжья. РСФСР / Сост. инженер Г. Шредер, художник Р. Финк, под рук. А. Маттерн. Издание Подотдела печати Обкома Р.К.П. (большевиком), Покровск, 1922-IX. – Масштаб 1:420000. – Саратов: Саргиз, 1922. 1 л. Иллюм. 73,2x67 (60x57,5) см. Рус. яз. Координатная рамка, координатная сетка – через 30 минут. Графический масштаб – в верстах. Нулевой меридиан от Пулкова.

Слева под рамкой: Тираж Нем. Карты 3000. Тираж Русск. [карты] 3000.

Показаны: центральный город Области Н.П. – Покровск (Козакенштадт), немецкое Кантонное Управление, русское Кантонное Управление, хутора, границы кантонов и Области Н.П., паромные пристани, тракты, железные дороги и станции, телеграфные линии, реки, леса, овраги и возвышенности – условными знаками; немецкие, татарские, эстонские, русские села (как в Области Н.П., так и за ее пределами) – цветом и условными знаками; леса, реки, кантоны – цветом; географические названия, населенные пункты, совхозы, железнодорожные станции – надписями.

Таблица условных знаков: "Объяснения", включающая 19 условных обозначений.

Декор: рамка из переплетенных колосьев ржи, по углам рамки – изображение серпа и молота в круглых медальонах. Над титулом карты девиз: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Многие населенные пункты имеют два названия, при этом первым помещено то, которое соответствует преобладающему здесь населению, например: Ровное (Зельман), Гололобовка (Денгоф), Привольное (Варенбург), Гансау (Ново-Каменка), Маркштадт (Баронск).

Данная карта – среди выявленных – в настоящее время единственная, относящаяся к непродолжительному периоду существования Автономной области (Трудовой коммуны) немцев Поволжья (19 октября 1918 – 6 января 1924). Название автономии – “Трудовая коммуна” создавало впечатление, что инициатива исходит от трудящихся. Автономная область Немцев Поволжья – первое национально-территориальное образование в РСФСР.

Литература: Карта АССР Немцев Поволжья. Göttingen, 1997. С. 3-4.

V 1267-a

9. Географическо-административная карта Трудовой коммуны Автономной области Немцев Поволжья. РСФСР / Сост. инженер Г. Шредер, художник Р. Финк, под рук. А. Маттерн. Издание Подотдела печати Обкома Р.К.П. (большевикова), Покровск, 1922-IX. – Масштаб 1:420000. – Саратов: Саргиз, 1922. 1 л. Иллюм. 73,2x67 (60x57,5) см. Рус. яз. Координатная рамка, координатная сетка – через 30 минут. Нулевой меридиан от Пулкова.

Слева под рамкой: Тираж немых карт 800.

Вариант предыдущей карты. Отличия: территория кантонов не выделена цветом, отсутствуют географические и административные названия, т.е. карта немая. Возможно, была издана для учебных целей.

V 1266-a

10. Geographisch-Administrative Karte der Arbeitskommune des Gebietes der Wolgadeutschen / Angefertigt von: Ingenieur G. Schäfer, Künstler R. Fint, Unter Zeitung von: A. Mattem; Ausgabe der Bresse-Interabteilung des Gebietskomitees der R.P.V. (Bolschewiki). – Pokrowsk, 1922-IX. – Масштаб 1:420000. – Саратов: Губполиграфпром 9 отделение [1922]. 1 л. Иллюм. 73,1x67,0 (60,4x57,2) см. Нем. яз. Координатная рамка, координатная сетка через 30 минут. Графический масштаб в верстах.

Слева под рамкой: Тираж Нем. Карт 3000. Русск. 2000.

Вариант предыдущей карты, на немецком языке.

V 1268-a

11. Karte des Gebietes der Wolgadeutschen / [Саргублит]. – Масштаб [1:840000]. – [Саратов]: Сарполиграфпром 9 отдел, [1922-1924]. 1 л. Литогр. 35,5x35,3 (29,8x29,5) см. Нем. яз. Графический масштаб в [верстах]. Координатная рамка. Выходы координат по рамке – через 30 минут.

Показаны: железные дороги и железнодорожные станции, водные и сухопутные пути, административные границы, населенные пункты – условными знаками.

Таблица: 9 условных знаков, без расшифровки.

Карта немая. Обзорная карта путей сообщения АО НП.

V 1182-a

12. Karte d'Autonomen Sozialistischen Räte-Republic d. Wolgadeutschen / Verfasser: Landeinrichtungstechniker des Volkskommissariats für Landwirtschaft der ASSR WD W.N. Rjabinin; Quellen: Landeinrichtungspläne der Landverwaltung der ASSR WD, Planchetten u. Hupsometrische Karte der Ober-Geodäsieverwaltung und Karte der Wolgaexpedition vom Jahre 1914. Die Korrektur wurde von der Organisationsabteilung des ZVK und dem Staatsplan der ASSR WD vorgenommen. – Maßstab 1:400 000. – Pokrowsk: Zentral-Völker-Verlag der U.S.S.R. Abteilung in Pokrowsk, ASSR WD, 1930. 1 л. Иллюм. 79,5x69,5 (71x61,5) см. Нем. яз. Координатная рамка, координатная сетка – через 30 минут. Графический масштаб – в км. Нулевой меридиан от Гринвича.

Справа под рамкой: Тираж 5000.

Показаны: административные границы (Немреспублики и кантонов), границы сельскохозяйственных районов, населенные пункты десяти уровней (в том числе селения: свыше 1000 дворов, от 501 до 1000 дворов, от 101 до 500 дворов, меньше 100 дворов), совхозы, почтово-телеграфные отделения и агентства, почтовые отделения, пристани, железнодорожные станции, железные дороги, государственные, республиканские и кантонные тракты, леса – условными знаками; населенные пункты, реки, названия кантонов, округа Нижне-Волжского края, направления железных и шоссейных дорог – надписями; сельскохозяйственные районы – римскими цифрами; территории различных кантонов, национальный состав (немцы, русские, украинцы, эстонцы, мордва, киргизы) проживающих в городах и селениях – цветом.

Таблица: Условные знаки – 30 наименований.

V 1932в / 46

13. Карта Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья / Сост. Техник Землеустройства Наркомзема А.С.С.Р. Н.П. В.Н. Рябинин; Материалом для составления карты послужили: Землеустроительные планы Наркомзема А.С.С.Р. Н.П., планшеты и гипсометрическая карта В.Г.У. и карта Приволжской экспедиции 1914 г. Корректурa карты произведена Оргделом ЦИКа и Госпланом А.С.С.Р. Н.П. – Масштаб 1:400000. – Покровск: Центральное издательство народов СССР, Отделение в г. Покровске АССР НП, 1930. 1 л. Иллюм.; 81x69 (71,3x61,5) см. Рус. яз. Координатная рамка, координатная сетка – через 30 минут. Нулевой меридиан от Гринвича.

Справа под рамкой: Тираж 5000.

Показаны: административные границы (Немреспублики и кантонов), границы сельскохозяйственных районов, населенные пункты десяти рядов (в том числе селения: свыше 1000 дворов, от 501 до 1000 дворов, от 101 до 500 дворов, меньше 100 дворов), совхозы, почтово-телеграфные отделения и агентства, почтовые отделения, пристани, железнодорожные станции, железные дороги, государственные, республиканские и кантонные тракты, леса – условными знаками; населенные пункты, реки, названия кантонов, округа Нижне-Волжского края, направления железных и шоссейных дорог – надписями; сельскохозяйственные районы – римскими цифрами; территории различных кантонов, национальный состав (немцы, русские, украинцы, эстонцы, мордва, киргизы) проживающих в городах и селениях – цветом.

Таблица: Условные знаки - 30 наименований.

Вариант предыдущей карты, на русском языке.

V 1931 в / 122

14. Карта землепользования Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья = Karte d. Landnutzungsbedingungen d. Autonomen Sozialistischen Räte-Republik d. Wolgadeutschen / Изд. Отделения Госземтреста по АССР НП. – Масштаб 1:800000. – Саратов: Лит. Прив. Геодезич. Управления, [1925-1930]. 1 л.; 36x35,8 (31x31) см. Рус. и нем. яз. Без координатной рамки, сетки.

Справа под рамкой: Тираж 500 экз.

Показаны: железные и шоссейные дороги, границы административные и землепользования – условными знаками; названия отдельных населенных пунктов – надписями (параллельно на русском и немецком языках); хозяйства левобережья Волги и селения – цифрами (указатель к цифрам отсутствует).

Таблица: Условные знаки.

На карте не указана дата. Датировка произведена на основании сведений о том, что Автономная Область (Трудкоммуна) Немцев Поволжья была превращена в АССР НП в 1925 г., а г. Покровск переименован в Энгельс в 1931 г. На данной карте столица АССР НП – г. Покровск.

V 1931 а / 327

15. Карта Авт. Соц. Сов. Республики Немцев Поволжья / Сост. отд. Гос. Зем. Трестом А.С.С.Р. Н.П. на основании данных землеустройства 1929, 30, 31 годов; Подгот. к изданию в картпроизводстве П[риволжского]. А[эро]. Ф[ото]. Г[еодезического]. Т[реста]. – Масштаб 1:400000. – Саратов: Лит. Прив. Аэро-фото Геодезич. Треста, 1932. 1 л. Иллюм.; 59,5x71 (55,5x66,5) см. Рус. яз. Без координатной рамки, сетки.

Справа под рамкой: Тираж 1000.

Показаны: населенные пункты двух уровней (кантонные центры и села), тракты, железные дороги и железнодорожные станции, границы землепользований, овражная сеть, суходолы, пески, леса, лиманы, реки, озера – условными знаками; реки, овраги – цветом; географические названия, населенные пункты, названия округов Нижне-Волжского края, железнодорожные станции, коммуны, совхозы, мясокомбинаты, направления железных дорог и трактов – надписями.

Таблица: Условные знаки - 11 наименований.

V 1933 б / 280

16. Карта Авт. Соц. Сов. Республики Немцев Поволжья / Сост. Отделом Зем-ва Наркомзема А.С.С.Р. Н.П.; Ст. инж. П. Соснин, ст. техник В. Балдин. – Масштаб 1:500000. – Саратов: Волжская картфабрика В.К.Т. Г.Г.У. Н.К.Т.П., 1935. 1 л. Иллюм.; 53,7x60 (48,4x53) см. Рус. яз. Координатная рамка, координатная сетка. Графический масштаб в км; именованный – “В 1 сант. 5 килом.”.

Справа под рамкой: Административные данные на 1.II.1935.

Слева под рамкой: Тираж 1500.

Показаны: границы административные (республик, кантонов), сельсоветов, колхозов, МТС, населенные пункты трех уровней, центры М.Т.С. и совхозов, железные дороги существующие и строящиеся, железнодорожные станции, дороги республиканского и районного значения, зерновые и животноводческие совхозы, лес, питомники – условными знаками; направления железных и шоссейных дорог, названия краев, областей и АССР, населенные пункты, географические названия – надписями; зерновые, животноводческие совхозы, питомники – цветом.

Таблица: условные знаки – 18 наименований.

Единственная карта, на которой обозначено местоположение пункта, названного "Трудколония НКВД".

V 1935 6 / 51

17. Karte der A.S.S.R. d. W.D. / Zusammengestellt von der Landabtetlung beim V.K. für Landwirtschaft der A.S.S.R. d. W.D. im 1935; ält. Ingenieur P. Sosnin, ält. Techniker W. Baldin. - Maßstab 1:500 000. – Саратов: Волжская картфабрика В.К.Т. Г.Г.Г.У. Н.К.Т.П., 1935. 1 л. Иллюм.; 54x60,5 (48,2x53) см. Нем. яз. Координатная рамка, координатная сетка. Графический масштаб в км; именованный – "in 1 cm. 5 kilom.".

Справа, в пределах рамки: Administrative Angaben auf den 1.II.1935.

Справа за рамкой: Тираж 1500.

Показаны: границы административные (республик, кантонов), сельсоветов, колхозов, МТС, населенные пункты трех уровней, центры М.Т.С. и совхозов, железные дороги существующие и строящиеся, железнодорожные станции, дороги республиканского и районного значения, зерновые и животноводческие совхозы, лес, питомники – условными знаками; направления железных и шоссейных дорог, названия краев, областей и АССР, населенные пункты, географические названия – надписями; зерновые, животноводческие совхозы, питомники – цветом.

Вариант предыдущей карты, на немецком языке. Указано также местоположение "Arbeitskolonie der NKWD".

Литература: Карта АССР Немцев Поволжья. Göttingen, 1997. С. 3-4.

V 1935 6 / 50

18. Административная карта Саратовской области и АССР Немцев Поволжья / Сост. Волжской Карт. Фабрикой Всесоюз. Картограф. Треста Г.У.Г.С.К. Н.К.В.Д.; Отв. сост. инж. С.И. Юдин, корректировали: инж. И.Е. Панков, инж. В.А. Затворницкий, ред. инж. Б.И. Киреев. – Масштаб 1:500000. – Саратов: Волжская Карт. Ф-ка ВКТ-ГУГСК-НКВД, 1936. 2 л. в общей рамке. Иллюм.; 87x74 (73x61) см (каждый лист). Рус. яз. Координатная рамка, координатная сетка - через 30 минут. Графический масштаб в км; именованный – "в сантиметре 5 километров".

Слева за рамкой: Тираж 10 000.

Административные границы даны на 1936 г. по новой Конституции СССР.

Показаны: населенные пункты восьми разрядов, железные дороги двухколейные, однокотельные, строящиеся, станции и разъезды, шоссейные и грунтовые дороги союзного, республиканского, областного значения и

прочие, границы союзных и автономных республик, районов и кантонов, пристани, мосты, озера, пруды, плотины, лиманы, разработки полезных ископаемых, леса, луга, заводы, лесопилки, мельницы, болота – условными знаками; географические названия, населенные пункты, платформы, станции, разъезды, совхозы, области, АССР – надписями; отметки высот над уровнем моря – цифрами, рельеф – штрихами.

Таблицы: 1) Условные знаки – 31 наименование; 2) Список районов и кантонов (районы Саратовской области; 22 кантона АССР Немцев Поволжья с их столицами); 3) Таблица искажений масштаба и площади полуградусных трапеций.

Дополнительные карты: План г. Саратова и его окрестностей. – Масштаб 1:100000; Карта расположения совхозов и машинно-тракторных станций Саратовской области и А.С.С.Р. Немцев Поволжья. – Масштаб 1:2500000.

Показаны: районные центры, прочие населенные пункты, машинно-тракторные станции – условными знаками; конезаводы, молмясовхозы, овцеводсовхозы, свиноводсовхозы, птицеводсовхозы, сортсемсовхозы, зерносовхозы, садвинсовхозы, овощесовхозы, свеклосовхозы, махоросовхозы – цветными пунсонами.

V 1937 в / 67 - 1-2)

19. Bodenkarte der ASSR der WD / Ausgabe des Volkskommissariats für Landwirtschaft der ASSR der WD. Engels, 1936. Nach der Ergebnissen der von der Landeinrichtungsabteilung in den Jahren 1928-1932 im Maßstab 1:25000 durchgeführten Bodenuntersuchung und dem Material der von der Expedition des Instituts für Düngung und Wald- und Bodenkunde der SU in den Jahren 1932-1933 im Maßstab 1:50000 aus geführten Arbeiten. Angefertigt von der Landeinrichtungsabteilung des VK für Landwirtschaft der ASSR der WD. - Maßstab 1:400000. – Саратов: Картпредприятие Отдела Зем-ва КрайЗУ, 1936. = Почвенная карта АССР Немцев Поволжья / Изд. Наркомзема А.С.С.Р. Н.П. 1936 г., г. Энгельс; Отв. составитель почвовед П.М. Иванов, Начальник Отдела Землеустройства В.П. Кривенко; Составлено Отделом Землеустройства Н.К.З. по данным почвенного обследования, проведенного Отделом в масштабе 1:25 000 в период 1928-32 гг. и материалам экспедиции Всесоюзного Института удобрений и агропочвоведения, работ 1932-33 г. масштаба 1:50 000. - Саратов: Картпредприятие Отдела Зем-ва КрайЗУ, 1936. 1 л. Иллюм.; 61x71 (52,4x63,5) см. Рус. яз. Титул и таблица условных знаков параллельно на русском и немецком языках. Координатная рамка, координатная сетка. Графический масштаб в км.

Слева под рамкой: Тираж 3100.

Справа в пределах рамки: Административные данные на 1 января 1936 года.

Показаны: населенные пункты пяти разрядов, существующие и строящиеся железные дороги, шоссейные дороги, административные границы (АССР, кантонов), МТС, реки – условными знаками; названия краев и АССР, населенные пункты, реки – надписями; 17 различных типов почв – цветом и условными знаками.

Таблица: Zeichenerklärung = Условные знаки – 11 наименований и 17 типов почв.

V 1937 6 / 33

20. Административное деление СССР по новой Конституции / Уполномоченный Главлита А.С.С.Р. Н.П. № 863. – Масштаб [1:11400000] – Энгельс: Тип. Н.К.М.П., [1936]. 1 л.; 58,8x91 (43,5x78,5) см. Рус. яз. Меридианы и параллели через 10 градусов.

Справа под рамкой: Тираж 6000.

Показаны: государственная и административные (краев, областей, республик) границы, столицы союзных республик – условными знаками; географические названия, населенные пункты, административные подразделения – надписями.

Таблица: Условные знаки – 4 наименования.

Схематическая карта административного деления СССР по новой Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 года. Карта была издана в г. Энгельс с целью удостоверить существование АССР НП как административно-территориального образования высокого ранга.

V 1937 6 / 32

21. Die administrative Einteilung der UdSSR nach der neuen Konstitution/ Bevollmächtigter der Hauptlitverwaltung der ASSR WD? 863. – Maßstab [1:11400000]. – Engels: Typ. D. VKfLJ, [1936]. 1 л.: 59,8x91 (44x77,5) см. Нем. яз. Меридианы и параллели через 10 градусов.

Справа под рамкой: Тираж 6000.

Показаны: государственная граница СССР, границы союзных и автономных республик, краев, столицы союзных республик – условными знаками; географические названия, столицы, названия союзных республик – надписями; автономные республики, края и области – цифрами.

Таблицы: Условные знаки – 4 наименования.

Вариант предыдущей карты, на немецком языке. Отличие: автономные республики, края и области обозначены цифрами, названия их вынесены в таблицу условных знаков. Карты не датированы, основанием для датировки послужило само название и внешний вид карт, свидетельствующий о том, что они выполнялись в спешке.

V 1937 6 / 31

22. Схематическая карта избирательных округов для выборов депутатов в Совет Национальностей по А.С.С.Р. Немцев Поволжья / Главлит АССР НП; Госиздат АССР НП г. Энгельс. – Масштаб [1:500000]. – Саратов: Тип. Облместпрома, [1937]. 1 л. Иллюм.; 55x61,5 (50,5x55,2) см. Рус. яз. Без координатной рамки, сетки.

Под рамкой: Тираж 5000.

Показаны: административные границы, границы избирательных округов, железные дороги (в том числе строящаяся, из Саратова в Миллерово) – условными знаками; населенные пункты, совхозы, избирательные округа (Бальцерский, Гриммский, Добринский, Гмелинский, Зельманский, Энгельсский городской, Энгельсский сельский, Марксштадтский, Мариентальский, Гнаденфлюрский, Красно-Кутский) – надписями; также различные избирательные округа – цветом.

Датировка карты определена на основании события, которому она посвящена – выборам в Верховный Совет, состоявшимся 12 декабря 1937 года. В Совет Национальностей требовалось избрать 11 депутатов от АССР НП, в связи с чем она была поделена на 11 избирательных округов.

V 1938 6 / 64

23. Schematische Karte der Wahlkreise in der Autonomen Sozialistischen Sowjetrepublik der Wolgadeutschen für die Deputiertenwahl in den Sowjet der Nationalitäten / Госиздат АССР НП г.Энгельс. – Масштаб [1:500000]. – Саратов: Тип. Облместпрома, [1937]. 1 л.: иллюм.; 55x61,5 (50,5x55) см. Нем. яз. Сведения об организации, подготовившей карту к изданию, и выходные данные – на русском языке. Без координатной рамки, сетки.

Под рамкой: Тираж 5000.

Показаны: административные границы и границы избирательных округов, железные дороги – условными знаками; населенные пункты, совхозы, избирательные округа – надписями.

Вариант предыдущей карты, на немецком языке.

V 1938 6 / 66

24. Схематическая карта избирательных округов по А.С.С.Р. Н.П. для выборов депутатов в Совет Союза С.С.Р. / Госиздат АССР НП. г. Энгельс. – Масштаб [1:500000]. – Саратов: Тип. Облместпрома, [1937]. 1 л. Иллюм.; 56x61,5 (50,5x55) см. Рус. яз. Без координатной рамки, сетки.

Под рамкой: Тираж 7500.

Показаны: административные границы, границы избирательных округов, железные дороги (в том числе строящиеся) – условными знаками; населенные пункты, совхозы, избирательные округа (Энгельсский и Красно-Кутский) – надписями.

Датировка карты также определена по времени события, которому она посвящена. Как указывалось выше, для выборов в Верховный Совет СССР территория АССР НП была поделена на избирательные округа. В Совет Союза предполагалось избрать двух депутатов от АССР НП, в связи с этим территория была поделена на два избирательных округа.

V 1938 6 / 65

25. Schematische Karte der Autonomen Sozialistischen Sowjetrepublik der Wolgadeutschen für die Deputiertenwahl in den Sowjet der Union der UdSSR / Госиздат АССР НП. г. Энгельс. – Масштаб [1:500000]. – Саратов: Тип. Облместпрома, [1937]. 1 л. Иллюм.; 55,5x62 (50,5x55,5) см. Нем. яз. Без координатной рамки, сетки.

Под рамкой: Тираж 7500.

Показаны: административные границы, границы избирательных округов, существующие и строящиеся железные дороги – условными знаками; населенные пункты, совхозы, избирательные округа (Engelser, Krasnukuter) – надписями.

Вариант предыдущей карты, на немецком языке.

V 1938 6 / 63

26. Схематическая карта Саратовской области и А.С.С.Р. Немцев Поволжья / Сост. Картпредприятием Отд. Землеустройств Саратовского Обл. З.О; Отв. составитель картограф В.И. Рязанов, ред. инж. С.К. Толмачев. – Масштаб 1:1000000. – Саратов: Картпредприятие Отд. Зем-ва Обл. З.О., 1937. 1 л. Иллюм.; 44x67 (36,5x60) см. Рус. яз. Координатная рамка, координатная сетка.

Под рамкой: Тираж 5065.

В титуле карты указано: Географическая основа взята с административной карты Саратовской области и АССР Немцев Поволжья, составленной Волжской картографической фабрикой ВТК ГУГСК НКВД в 1936 году. Гра-

ницы: областная, АССР НП, районные и кантонные даны по материалам землеустройства, по состоянию на 1-е апреля 1937 года. Центры МТС и центры совхозов показаны по состоянию на 1-е апреля 1937 г.

Показаны: населенные пункты семи уровней (в том числе Саратов – областной центр, Энгельс – центр АССР НП), административные границы (в т.ч. границы районов и кантонов), дороги союзного, республиканского и областного значения, существующие и проектируемые железные дороги и станции, судоходные и не судоходные реки, пристани – условными знаками; географические наименования, названия населенных пунктов, административных единиц – надписями.

V 1937 а / 150

27. Административно-хозяйственная карта АССР Немцев Поволжья / Сост. Отделом Землеустройства Наркомзема АССР Немцев Поволжья [г. Энгельс]; Отв. составитель картограф В.И. Балдин, корректировал инж. И.Н. Орешкин, ред. И.И. Аггеев, техн. ред. В.И. Рязанов. – Масштаб 1:400000. – Саратов: Картпредприятие Отд. Зем-ва ОблЗО, 1938. 1 л. Иллюм.; 60x68,5 (52x62) см. Изд.1-е. Рус. яз. Координатная рамка, координатная сетка.

Под рамкой: Тираж 4065.

В титуле карты указано: Границы республиканские, областные, кантонов и колхозов даны по материалам выдачи государственных актов на вечное пользование землей колхозами, по состоянию на 1 января 1938 года.

Показаны: населенные пункты шести уровней, железные дороги, станции и разъезды, грунтовые и мощные дороги, леса, пески, овраги, пристани – условными знаками; административные границы (в том числе границы колхозов и совхозов) – цветом; населенные пункты, совхозы, географические названия – надписями (названия железнодорожных станций – курсивом); запольные участки – цифрами.

Таблицы: Условные знаки – 20 наименований; Указатель принадлежности запольных участков по АССР НП (по двадцати кантонам).

Литература: Карта АССР Немцев Поволжья. Göttingen, 1997. С. 3-4.

V 19386/93

28. Схематическая карта АССР Немцев Поволжья с показанием избирательных округов по выборам в Верховный Совет РСФСР и центров избирательных округов по выборам в Верховный Совет АССР Немцев Поволжья / Сост. Отделом Зем-ва Наркомзема АССР НП; Отв. ред. В.И. Балдин, тех.ред. В.И. Рязанов. г. Энгельс. – Масштаб 1:400000. – Саратов: Картпредприятие

Отд. Зем-ва ОблЗО, 1938. 1 л. Иллюм. 59,9x68,5 (52,5x61,4) см. Рус. яз. Изд. 1-е. Координатная рамка, координатная сетка.

В центре под рамкой: Тираж 2000 экз.

В титуле карты указано: Основа взята с Административно-Хозяйственной карты АССР Немцев Поволжья, отпечатанной в 1938 г. Картпредприятием Отд. Зем-ва Саратовского ОблЗО. Границы и центры избирательных округов по выборам в Верховный Совет РСФСР показаны на основании постановления Президиума ВЦИК от 20 апреля 1938 года. Центры избирательных округов по выборам в Верховный Совет АССР Немцев Поволжья показаны на основании постановления Президиума ЦИК АССР НП от 21 апреля 1938 года. г. Энгельс 1938 г.

Показаны: населенные пункты, географические названия, железнодорожные станции, совхозы – надписями; административные границы АССР, кантонов, центры избирательных округов по выборам в Верховный Совет РСФСР и АССР НП, центры кантонов, растительность – условными знаками; количество избирательных округов в населенном пункте – цифрами; 4 избирательных округа по выборам в Верховный Совет РСФСР – цветом.

Таблица: Условные знаки – 5 наименований.

Декор: изображение отрывного календаря, открытого на дате 26 июня 1938 г. (с профилями В.И. Ленина и И.В. Сталина) в окружении алых знамен СССР и РСФСР и герба РСФСР. Внизу, на ленте, лозунг: "Все на выборы в Верховные Советы РСФСР и АССР НП".

V 19386/113

29. Контурная карта Авт. Соц. Сов. Республики Немцев Поволжья / Составлена Отделом Землеустройства Наркомзема АССР НП в 1938 г.; Отв. сост. Васильев, ред. Аггеев И.Н. – Масштаб 1:1000000. – Саратов: Отпечатано Картпредприятием Отд. Зем-ва ОблЗО, 1939. 1 л. 25,4x30,4 (20,7x24,5) см. Рус. яз. Изд. 1-е. Координатная рамка, координатная сетка.

Справа за рамкой: Тираж 1065 экземпляров.

Показаны: части Сталинградской и Саратовской области, Казахской ССР, населенные пункты, совхозы, железнодорожные станции, географические наименования – надписями; центры областей и АССР, центры кантонов, центры МТС, центры совхозов, административные границы, железные дороги и станции, шоссейные дороги – условными знаками.

Таблица: Условные знаки – 9 наименований.

V 1939a/33

Картографические произведения отражают различные события и процессы, происходившие в АССР НП, и являются важным документом по истории поволжских немцев.

Примечания

¹ См.: Терехин С. Поселения немцев в России: Архитектурный феномен. Саратов, 1999. С. 6.

² См.: БСЭ / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 41. 1939. С. 524.

³ См.: Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. М., 2000. С. 123.

⁴ Кеппен П.Е. Об Этнографической карте Европейской России. СПб, 1852.

⁵ Так, в настоящее время не обнаружена карта немецкого ученого и путешественника Р. Форстера (1729-1798), посетившего немецкие поселения в 1764 г. (Плева И.Р. Указ. соч. С. 14).

⁶ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Ч. 1. Автономная область, 1918-1924. Саратов, 1992. – 191 с. Ч. 2. Автономная республика, 1924-1941. Саратов, 1994. – 410 с., История республики Немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. – 270 с., [24] л. ил., карты. – (Серия "История и этнография Российских немцев").

⁷ ПФА РАН. Ф. 135. Оп. 3. № 372. Фонд: Комиссия по изучению племенного состава населения (КИПС). Приведены здесь же сводные списки по всем 14 кантонам. Общее число "Поселенных карт" – более 700.

⁸ См.: ПФА РАН. Ф. 135. Оп. 2. № 823. Фонд КИПС.

МАТЕРИАЛЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УПРАВЛЕНИЙ ПО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВУ В 1920-Е ГОДЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ

Период 1921-1929 гг. связан с мощными социально-экономическими преобразованиями в ауле и переселенческой деревне Казахстана. В числе основных и самых крупных реформ следует выделить земельные реформы. Уже в 1920 г. были приняты первые постановления ЦК РКП(б), направленные на "уравнение землевладения" крестьян-переселенцев и местного населения в Туркестане, в т.ч. на юге Казахстана¹.

В течение 1920-1921 гг. в регионе осуществлялись мероприятия по землеустройству в связи с возвращением земли казахскому населению. Реформа протекала далеко не гладко. Довольно грубые ошибки были допущены по отношению к переселенческой деревне (незаконные переселения, огульные зачисления в захватчики и т.п.)². Что же касается собственно территории КАССР, то одним из первых законодательных актов возникшей республики, стало временное Положение о землепользовании, объявившее всю землю государственной собственностью. При ЦИК КАССР была образована специальная земельная комиссия.

В феврале - апреле 1921 г. был принят ряд декретов ЦИК КАССР по "возвращению земли казахским трудящимся"³. Декреты поднимали серьезную земельную проблему, вплотную затрагивавшую интересы всех групп и слоев общества. Требовалась продуманная реформа земельных отношений. При Наркомземе было создано Главное управление землеустройства и земельных улучшений, которое занялось учётом земельного фонда, набором специалистов землемеров, организаций картографических работ и т.д.

Наркомзем КАССР и губисполкомы разработали инструкции о применении декретов ЦИК. Суть их сводилась к тому, что крестьянские и казачьи хозяйства, имевшие постоянные постройки, сохраняли право на наделы в пределах трудовой нормы (в зависимости от района размеры её колебались, но в среднем она составляла до 7,5 дес. на душу). Тем же хозяйствам, которые не возвели постоянных построек и сохраняли за собой наделы в

других районах Казахстана, предлагалось переселиться на прежнее место жительства в первом полугодии 1922 г.⁴

Летом 1922 г. чрезвычайные землеустроительные работы по декретам ЦИК КАССР от 2 февраля и 19 апреля 1922 г. были прекращены. Шла подготовка к введению в действие Основного Закона о трудовом землепользовании. 26 августа 1922 г. по представлению Федкомзема Президиум ВЦИК утвердил Основной Закон о трудовом землепользовании на территории Казреспублики. Основные положения Закона сводились к следующему:

1. Земельные общества получали право избрать любой способ землепользования: общинный с уравнительными переделами, участковый с неизменным правом хозяйства на земли, товарищеский с совместным использованием и общественной обработкой земли (коммуна, артель, тоз), смешанный с различными способами пользования хозяйственными угодьями, в т.ч. и кочевой.
2. Право отдельных хозяйств или групп на выход из общества и выделение земли при полном развёртывании земель в обществе.
3. При частичном переделе выход из общества разрешался, если его требовало не менее 1/5 хозяйств.
4. Устранение при переделах и выделах чересполосицы, вклинивания земель, дальнотельных, равномерное обеспечение земель и водой.
5. После перехода общества от одного типа землепользования к другому, досрочные общие переделы или выделы производятся только с согласия общества.
6. Губисполкомам предоставлялось право определять нормы душевых наделов (до этого норму определяло большинство общества).
7. Все вопросы, связанные с использованием земельных угодий региона решаются на общем собрании.
8. Никто из трудящихся крестьян не может быть лишён земли.
9. Легализация аренды (в условиях многоукладности хозяйства).
10. Разрешение найма рабочей силы.
11. Приостановление обязательного перераспределения земли между волостями, сёлами и аулами.
12. Поощрение проведения землеустроительных работ по ходатайству и за счёт крестьянских обществ⁵.

30 октября 1922 г. был принят Земельный Кодекс РСФСР.

С 1923 г. землеустроительные работы вступили в новый этап. 28 марта 1923 г. Президиум ВЦИК утвердил Земельный Кодекс КАССР. Он полностью соответствовал Земельному Кодексу РСФСР и вместе с тем содержал отдельные уточнения и дополнения, учитывавшие местные хозяйственные

особенности. В районах оседлого земледелия вся земля, находившаяся в фактическом пользовании трудящихся ко времени издания Основного Закона о трудовом землепользовании или законно предоставленная им земельными органами или Советами, признавалась закреплённой в постоянное трудовое пользование. "Землеустройство производится в обязательном порядке в целях создания наибольшего удобства для пользования и развёртывания пастбищ между оседлым и кочевым населением. В кочевых и полукочевых районах оно считается целесообразным при необходимости устранить запутанные и обострённые земельные отношения, при переходе кочевого и полукочевого населения к оседлости"⁶.

Объём землеустроительных работ постепенно увеличивался. Они велись в переселенческой деревне и оседлом ауле. Наибольшее распространение землеустройство получило в Акмолинской и Семипалатинской губерниях, почти не пострадавших от неурожая и джута, частично в Кустанайской губернии. Стремление крестьян к рациональному устройству своих земельных наделов было достаточно велико. 9/10 земельных обществ сами оплачивали труд землемеров⁷.

Существенный размах получили землеустроительные работы в немецких поселениях. Материалы, связанные с деятельностью Земельных управлений, составили отдельные архивные фонды. Фонды эти довольно объёмные. Существенную их часть составляют собственно материалы по землеустройству посёлков, в том числе и немецких, выделенные в отдельные папки по каждому селу, хутору, колонии.

Определённую сложность может составить выявление материалов по землеустройству немецких колоний, посёлков. Приходится просматривать довольно большой объём дел, находящихся в фондах. Лишь некоторые папки можно выделить сразу на основании немецкого названия села (Мариенбург, Фрезен-Гот, Петерсфельд, Фриденфельд, хутор Титтель и т.д.). Но значительная часть немецких поселений имела названия, не выделявшие их из массы таких же русских или украинских посёлков (Аввакумовское, Милорадовское, Екатериновка, Надаровка, Чистополь, Романовка, Берёзовка и т.п.).

Значительно облегчает работу по выявлению папок с немецкими поселениями составленный доктором Карлом Штумпом "Перечень немецких поселений в Западной Сибири и Средней Азии (по состоянию на 1928 г.)", содержащий более 700 наименований, а также карты немецких поселений в Азиатской части СССР, в окрестностях Омска, Славгорода и Целинограда⁸.

Более 150 поселений, вошедших в "Перечень", размещались непосредственно на территории Казахстана. В ходе исследования нами были обработаны материалы по землеустройству немецких поселений 3-х крупных

регионов Казахстана: Павлодарского, Восточно-Казахстанского и Семипалатинского⁹. Объём и состав документальных материалов по каждому из посёлков несколько отличны, но в тоже время в каждом деле по землеустройству содержится определённый "костяк" однородных документов, отражающих основные этапы и содержание землеустроительных работ и позволяющих провести системный анализ:

I. Протоколы собраний обществ по определению землеустроительных пожеланий, заявления обществ или ходатайства местных органов о проведении землеустроительных работ. Постановления обществ об избрании уполномоченных.

II. Протоколы экономическо-хозяйственного обследования и выяснения состава земель, подвергаемых землеустройству, или Протоколы местного обследования (форма № 18).

III. Протокол проверки земельных прав землепользователей.

IV. Посемейные (подворные) списки обществ. Ведомости учёта основных показателей хозяйственного состояния землепользователей.

V. Проекты отвода участков земли, акты предъявления землеустроительных проектов.

VI. Чертежи, Схемы, абрисы по землеустройству посёлков.

VII. Обобщающие доклады землемеров по проведению землеустроительных работ.

VIII. Заявления, приговоры обществ по организации землеустроительных работ.

IX. Протоколы землеустроительных совещаний по утверждению землеустроительных проектов.

Перечень основных блоков документов представляет в целом главные этапы землеустроительных работ, проводившихся на основании положения о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения АКССР от 17 апреля 1924 г., в соответствии с планами работ землеустроительных управлений.

Обычно землемер - землеустроитель вместе с сельским Советом составлял посемейные списки, проверял наделы через уполномоченных или на сходе, определял фактическое землепользование, отклонения от него, составлял проект наделения общества землёй на основе установленных норм, с учётом обеспечения водой. Проект передавался на обсуждение общества. В проект могли вноситься поправки. Затем он регистрировался волисполкомом, после чего обществу или его уполномоченному выдавался план¹⁰.

Безусловно, в первую очередь, обработанные нами материалы являются источником по истории землеустройства, но в то же время содержат

важнейшую информацию, позволяющую восстановить историю поселений с начала XX века, осветить различные стороны экономического, социального, политического и демографического развития.

Представим в начале общую характеристику выделенных групп источников.

I. Протоколы собраний обществ, заявления владельцев хуторов, ходатайства местных властей перед земельными органами позволяют выяснить принципы перехода к землеустроительным работам, установить наличие проблем землепользования в немецких посёлках¹¹.

В условиях нового земельного законодательства посёлки и хутора должны были осуществить закрепление своего землепользования, решить имеющиеся проблемы как внешнего, так и внутреннего землепользования. Иногда основными инициаторами землеустроительных работ выступали не сами немецкие посёлки, а власти. Так в материалах по землеустройству пос. Переменовского (Мариенбург) Бельагачского р-на Семипалатинского округа за 1929 г. находим ходатайство Бель-Агачского райисполкома, направленное в Окрисполком и Округное Земельное управление, о введении в посёлке новой формы землепользования. В ходатайстве отмечается: "В Переменовском земельном обществе нашего района существует землепользование, которое распространено только на мужской пол, т.е. наделами земли наделены только мужчины. Эта форма землепользования является дореволюционной и явно противоречащей существующему законоположению о землепользовании."

В целях регулирования землепользования в указанном земельном обществе и обеспечения наделами всего населения, а также сохранения классового принципа в землепользовании, Бель-Агачский райисполком просит Вашего распоряжения о командировании специального лица для проведения новой формы землепользования. Одновременно нами дано распоряжение Переменовскому сельскому Совету о проработке этого вопроса на заседании с/совета, группы бедноты и общих собраниях граждан".

Между тем, Протокол землеустроительных пожеланий самого пос. Переменовского (Мариенбург) содержит решение уполномоченных, свидетельствующее о том, что общество больше волновала не форма землепользования, а его условия (прежде всего внешние), в частности - уничтожение чересполосицы землепользования с землями Ремовского земельного общества. Аналогичным образом протоколы землеустроительных пожеланий других немецких посёлков свидетельствуют о желании обществ устранить проблемы, мешающие их нормальному хозяйствованию.

II. Особый интерес представляют "Протоколы экономическо-хозяйственного обследования и выявления состава земель, подвергаемых землеустройству"¹². Источник представляет собой единую установленную форму, в которую землемеры вносили результаты экономическо-хозяйственного обследования поселков. "Шапка" протокола содержит название волости, губернии, где проводятся землеустроительные работы, сведения о землемере, производящем обследование, и присутствующих при этом уполномоченных. Далее приводятся общие сведения о посёлке, на основе которых можно установить время образования того или иного поселения, число первых поселенцев, условия приобретения ими земли, состав и количество земель, сенокосов, пастбищ и т.п.

Основную часть протокола составляет описание условий землепользования, включающее в себя:

- 1) указание на установленный в посёлке порядок землепользования;
- 2) характеристику пашен, в которой землемер излагал историю переделов, удобрений, систему полеводства, чередование хлебов, отмечал - не забрасывается ли пашня, если да, то по каким причинам, есть ли оросительная система и т.п.;
- 3) таблицу урожайности культур, на основе которой можно установить наименование основных возделываемых культур, размер посевов, урожайность, количество плохих и хороших урожайных лет;
- 4) описание усадеб (расположение, размер, наличие огородов);
- 5) характеристику пастбищ, в которой землемеры отражали условия пастбы, качество выгонов, регулирование права пользования выгонами, наличие водопоев и т.п.;
- 6) сведения о сенокосных угодьях в виде специальной таблицы и характеристики сенокосов и способов их использования;
- 7) характеристику ландшафтов (наличие степей, лесов, неудобных земель);
- 8) характеристику водообеспеченности землепользования, в которой землемеры обычно отмечали, откуда население пользуется водой для скота и своих нужд, качество и достаток воды;
- 9) сведения о наличии в общинах скота, с характеристикой пород, условий содержания;
- 10) раздел "прочие сведения", включающий в себя весьма интересные данные о дополнительных занятиях землепользователей (промыслы, ремёсла) и сведения о том, какую форму землепользования население посёлка считает лучшей;
- 11) землеустроительные пожелания населения поселков¹³.

Обычно подобная форма протокола экономическо-хозяйственного обследования присутствует в материалах за 1924-1927 гг. В материалах более позднего периода находим уже специальную форму № 18 "Протокола местного обследования по землеустройству"¹⁴. Этот источник меньше по объёму, так как содержит сведения в основном лишь по землепользованию и только частично затрагивает хозяйство в целом. В то же время, содержащиеся в Протоколе сведения отличаются более конкретными и чёткими характеристиками. Форма содержит три раздела:

I Общие сведения

II Форма землепользования хозяйства

III Сведения о землепользовании и землеустройстве.

В первом разделе, аналогично с "Протоколом экономическо-хозяйственного обследования", содержатся сведения о времени образования участка, его заселении, прежнем наименовании, общем количестве дворов и едоков, площади земли и т.п. Во втором разделе дана подробная характеристика формы землепользования. Наибольший интерес представляет третий раздел, из которого можно почерпнуть сведения о том, кто выступил инициатором землеустроительных работ, какие имеются недостатки землепользования (слабая обеспеченность водой, плохое соотношение угодий, неравномерность распределения земли, чересполосица, удалённость от рыночных центров, состояние дорожной сети и т.п.). Далее следуют предложенные виды землеустроительных работ и пожелания по форме землепользования.

III. Протокол проверки земельных прав также представляет собой предварительную форму, заполнявшуюся землемером на общем сходе жителей того или иного посёлка. Источник содержит сведения об общем количестве дворов и едоков, числе наделяемых земель и лишённых права на земельное обеспечение¹⁵.

IV. Довольно мощным источником являются "Ведомости учёта основных показателей хозяйственного состояния землепользователей" ("Посемейные списки экономическо-хозяйственного обследования граждан обществ")¹⁶. "Ведомости" ("Посемейные списки") содержат полные подворные сведения о жителях немецких посёлков с указанием фамилий, имён, отчеств, пола, возраста, численного состава семей. В некоторых списках имеются сведения о времени переселения того или иного колониста на участок, месте его выхода. По этим данным можно установить время основания посёлков, этапы заселения, регионы выхода мигрантов.

Значительную часть источника составляют показатели хозяйственного положения жителей посёлков, а именно, подворные сведения о количестве

скота (лошадей, к.р.с., мелкого скота), о площади посевов, количестве и составе сельхозинвентаря (плуги, сеялки, косилки, жнейки, телеги и т.п.), о наличии или отсутствии аренды земли, найма рабочей силы, данные о примерной стоимости имеющихся построек, доходах на хозяйство и едока по налоговому списку. Замыкает ведомость графа: "К какой категории отнесён комиссией (батрак, бедняк, середняк, зажиточный)". Таким образом, источник представляется весьма многогранным, на его основе можно провести анализ хозяйственно-экономического и социального положения немецкого населения, дать характеристики отдельных демографических процессов в его среде.

В некоторых материалах по землеустройству помимо ведомостей и посемейных списков имеются "Протоколы социально-экономических группировок земельного общества"¹⁷, составленные специальной комиссией, в которую входили председатель Сельсовета, представитель ячейки ВКП(б), представитель профсоюза, уполномоченные общества, участковый агроном и землеустроитель. Обычно на основе "Ведомостей учёта хозяйственного состояния" комиссия устанавливала разделение жителей того или иного посёлка по группам: 1) батрацкая; 2) бедняцкая; 3) середняцкая; 4) зажиточная; 5) кулацкая.

Охарактеризованные выше группы источников, отражают этапы работ предшествующих составлению землеустроительных проектов и представляют положение немецкой деревни накануне землеустройства.

V. Далее следуют уже собственно сами проекты отвода земельных участков, акты предъявления проектов землеустройства, чертежи, схемы по организации землепользования в посёлках. Все эти документы также составлялись землемерами-землеустроителями и предъявлялись на общих собраниях, сходах жителей посёлков в присутствии представителей всех заинтересованных сторон. "Протокол проекта земельного надела"¹⁸ также представлял собой специальную форму, в которую вносились сведения о посёлке (колонии, хуторе), числе дворохозяйств, новых внешних границах и внутренних условиях землепользования. На обжалование проекта давался 2-х-недельный срок.

В качестве приложения к протоколам и актам обычно следуют чертежи и схемы¹⁹, позволяющие определить расположение немецких посёлков, их границы, а также наглядно представляющие существующие земельные проблемы с соседними посёлками и аулами.

VI. В каждом деле по землеустройству имеется обобщающий доклад землемера по проведению землеустроительных работ в том или ином посёлке²⁰. В докладе ещё раз выделяются основные этапы подготовки и про-

ведения землеустроительных работ, даётся их описание и обоснование, а также проводятся сведения о принятии проекта, наличии жалоб и протестов.

VII. В некоторых делах по землеустройству можно обнаружить различные заявления, приговоры, прошения обществ, связанные с организацией землеустроительных работ и принятием землеустроительных проектов²¹. На основе этих источников можно судить о методах, уровне организации землеустроительных мероприятий. Наиболее яркий пример – немецкая колония № 2 на участке Реброва Павлодарского уезда и волости, Семипалатинской губернии. Заявления жителей посёлка свидетельствуют о неудовлетворительном уровне организации землеустроительных работ, проведённых в 1924 г. В прошении поданном ими в 1928 г. в Павлодарское земельное управление указывается на невозможность дальнейшего хозяйствования на участке, а также на факт принуждения их землемером – землеустроителем к подписанию земельного проекта в 1924 г. Колония № 2, видя невозможность решения их земельной проблемы на существующем участке, просит о переводе на новое место²².

Таким образом, документы свидетельствуют, что далеко не во всех посёлках землеустроительные работы были организованы на должном уровне, тем самым, оставляя неразрешённым ряд острейших для хозяйств колонистов проблем. Окончательное утверждение проекты по землеустройству получали в уездном землеустроительном совещании (УЗС)²³.

VIII. Наряду с материалами непосредственно по землеустройству, фонды земельных управлений содержат дополнительные источники, так или иначе связанные с организацией землеустроительных мероприятий или работой земельных отделов.

В первую очередь это материалы статистического характера, содержащие сведения о населении губерний, уездов, волостей. Например, в Фонде Семипалатинского губернского Земельного управления отложились “Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения за 1926 г.”²⁴. В составе этих материалов наибольший интерес представляют сведения о населении Семипалатинской губернии по основным национальностям. Источник содержит данные о численности населения шести волостей Семипалатинской губернии в разрезе уездов. На основе этого источника можно установить общую численность немецкого населения губернии, размещение по волостям и уездам, определить состав в разрезе “городское — сельское население”, “мужчины — женщины”, а также соотношение с численностью других этносов.

Таким образом, материалы по землеустройству представляют собой довольно мощный источник по истории немецких поселений в Казахстане. Системный анализ этих материалов позволяет сделать целый ряд серьёзных обоснованных выводов, связанных с различными проблемами развития немецкой деревни в регионе. Приведём лишь некоторые результаты и выводы, полученные нами в ходе исследовательской работы с источниками.

1. Во-первых, обработанные нами материалы по землеустройству немецких посёлков охватывают значительную часть территории Казахстана (некогда 3 крупные области – Семипалатинская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская), являвшуюся в конце XIX – начале XX вв. одним из основных районов “немецкой крестьянской колонизации”. Здесь размещалось не менее полусотни немецких поселений.

2. Материалы по землеустройству показывают, что значительная часть поселений была основана в начале XX в. (1906-1909 гг.).

3. Основная масса поселений по типу представляла собой бывшие переселенческие участки, заселённые в большинстве своём на условиях аренды. На этих условиях посёлки существовали практически без изменений до начала 20-х годов.

4. Преобладающей формой землепользования являлось подворно-участково-отрубная.

5. Немецкие посёлки располагались в основном гнёздами. Число жителей в колониях было различным. Выделяются крупные посёлки, например пос. Мариенбург (Переменовское) Бельгагачского района Семипалатинского округа (1744 жителя), средние посёлки с численностью в 200 – 400 жителей (п. Горкуновский Шемонаихинского района, п. Аввакумовский Ново-Ивановской волости Павлодарского уезда Семипалатинской губернии, п. Надаровка Володарской волости Павлодарского уезда Семипалатинской губернии и др.), мелкие посёлки в несколько десятков едоков (пос. Ивановский II Бородулихинской волости, колонии № 2 и № 3 Павлодарской волости Семипалатинской губернии и др.)

6. Характерной особенностью для немецких поселений было наличие крупных семей, в среднем по 6-8 человек, встречались также семьи по 9-12 человек. Многодетные семьи не были редкостью. У немецкого населения по-прежнему сохранялся высокий уровень рождаемости.

7. Основными районами размещения немецких поселений на территории Семипалатинской губернии являлись Володарская, Ново-Ивановская, Первомайская волости Павлодарского уезда. Пролетарская волость Усть-Каменогорского уезда, Бородулихинская и Шемонаихинская волости Семипалатинского уезда (т.е. волости с преобладанием русского и украинского населения).

8. Основу хозяйств практически всех посёлков составляло земледелие (главной культурой была пшеница, также выращивались овёс, просо, ячмень, картофель, лён, бахчевые). При этом земли, на которых располагались немецкие поселения, далеко не всегда были благоприятными для хозяйствования. На основе материалов по землеустройству можно установить, что во многих посёлках ощущался недостаток удобных пашен, сенокосов, пастбищ, воды и т.п. Приведём некоторые характеристики пашен, их протоколов экономическо-хозяйственного обследования:

Пос. Аввакумовский: "Переделов не было, удобрение не производится, система полеводства и севооборот для всего общества не установлены. Пашня забрасывается по прошествии 3-4 лет по причине непроизводительности, по прошествии 5-6 лет пашня возобновляется. Лучшие участки пашни расположены на южной стороне участка к Акмолинской границе. Орошения нет"²⁵.

Пос. Ивановский: "Ввиду малоземелья пашня истощена. Поливных земель нет, за отсутствием источников орошения, сенокосных угодий и выгона совершенно нет... Лесов и кустарников также нет. Население водой для скота и своих надобностей пользуется из колодцев, глубина которых 10 аршин и более. Вода не во всех 15 колодцах хорошего качества"²⁶.

Колонии № 2 и № 3: "Пашня забрасывается ввиду полной распаханности и обессиления земли... выделяющихся в лучшую сторону участков нет, вся одинаково плохого качества земля"²⁷.

В таблице 1 представлено распределение дворов по размеру посевов в 4-х немецких посёлках²⁸.

Таблица 1 Распределение дворов по размеру посевов (Семипалатинская губерния)

Наименование немецких поселков	Размер посевов (десятин)				
	До 5	6-10	11-20	20 и более	Нет посевов
1. Пос. Милорадовский Володорской волости Павлодарского уезда	22	9	5	1	10
2. Пос. Ивановский Бородулихинской волости Семипалатинского уезда	5	4	-	-	1
3. Немецкая колония № 3 Павлодарской волости и уезда	18	-	-	-	3
4. Хутор Титтель (2 дворохозяйина) Бородулихинской волости Семипалатинского уезда	-	1	1	-	-

9. В ходе хозяйственного обследования немецких посёлков в 1924-1928 гг. оказалось, что посёлки очень часто постигали неурожайные годы. Хорошие урожаи практически во всех посёлках были редкостью. За 10 лет, пред-

шествующих обследованию, сложилась следующая картина урожайности основных культур²⁹.

Таблица 2. Урожайность основных культур в немецких посёлках Семипалатинской губернии

Наименование немецких поселков	Было урожаев за 10 лет		
	Хороших	Средних	Плохих
Пос. Аввакумовский Ново-Ивановской волости Павлодарского уезда	1	2	7
Пос. Ивановский II Бородулихинской волости Семипалатинского уезда	1	3	6
Немецкая колония № 2 Павлодарской волости и уезда	Не было	3	7
Хутор Титтель Бородулихинской волости Семипалатинского уезда	2	6	2
Пос. Нодаровка Володарской волости Семипалатинского уезда	2	7	1

10. Зерновое земледелие составляло основу хозяйства немецких посёлков, но вместе с тем заметную роль играло и животноводство. Так, в пос. Мариенбург (Переменовское) соотношение между зерновым хозяйством и животноводческим в процентах составляло 65% и 35%.

В посёлках имелся крупнорогатый скот, лошади, мелкий скот. Были представлена немецкая, полукровно-немецкая и местная породы. Очень незначительным было число дворов, не имевших скота. Средний показатель количества скота на одно хозяйство составлял в немецких посёлках 2-3 лошади, 4-5 годов К.Р.С. Распределение дворов по количеству скота выглядело следующим образом: (см. таблицу 3)³⁰.

Таблица 3. Распределение дворов по количеству скота в немецких посёлках Семипалатинской губернии

№№ п/п	Наименование поселка	Наличие голов скота	Хозяйства, имевшие лошадей	Хозяйства, имевшие крупный рогатый скот
1.	Колония № 2 Павлодарской волости Павлодарского уезда	1-2	12	4
		3-5	8	10
		6-9	1	6
		10 и более	-	1
		нет скота	-	-
2.	Колония № 3 Павлодарской волости Павлодарского уезда	1-2	7	7
		3-5	9	10
		6-9	3	2
		10 и более	-	3
		Нет скота	4	1
3.	Пос. Ивановский Бородулихинской волости Семипалатинского уезда	1-2	7	2
		3-5	3	6
		6-9	-	-
		10 и более	-	2
		Нет скота	-	-

№№ п/п	Наименование поселка	Наличие голов скота	Хозяйства, имевшие лошадей	Хозяйства, имевшие крупный рогатый скот
4.	Пос. Авакумовский Ново-Ивановской волости Павлодарского уезда	1-2	40	30
		3-5	36	45
		6-9	-	16
		10 и более	-	4
		Нет скота	24	5
5.	Пос. Милорадовский Володарской волости Павлодарского уезда	1-2	17	14
		3-5	13	16
		6-9	3	1
		10 и более	-	-
		Нет скота	13	15

Протоколы экономическо-хозяйственного обследования немецких посёлков свидетельствуют о том, что в хозяйствах ощущалась нехватка пастбищ, сенокосов, водопоев для скота. Так, землепользователи пос. Авакумовский "сенокосами пользуются на казахских землях в Акмолинской губернии, путём аренды степных сенокосов за исполу от 5 до 10 пудов пшеницы за участок, на котором скашивается от 15 до 20 арб сена"³¹. В прошении жителей немецкой колонии № 2, направленном в Павлодарское уездное земельное Управление, отмечается: "Голов скота в посёлке: коров 55, лошадей 44, овец 66, подростков рогатого скота до 2-х лет с телятами 56, всего 220 голов. Коровы признаны Павлодарским УЗУ в 95% племенного качества, на что имеются соответствующие охранные свидетельства. Теперь же своего сена с наших лугов (52,5 дес.) всякому видно, что далеко не хватит, следовательно, для прозимования необходимо покупать на большую половину зимы сено у кирнаселения.

Урожай на нашем участке от 8 до 25 пудов, изредка десятина даёт 30-35 пудов, так что от урожая оторвать на покупку сена нельзя, следовательно, приходится продавать корову и за вырученные деньги покупать сено. Вместо прироста, таковая убавляется, если не остаётся на одинаковом уровне. Тем более если племенная корова или приросток от таковой переходят в руки кирнаселения, то вместо улучшения она переходит к кирпорде"³².

11. Сведения о наличии инвентаря свидетельствуют о том, что обеспеченность немецких хозяйств сельхозорудиями была не совсем удовлетворительной. В пос. Милорадовском на 48 дворов имелось 25 плугов, 1 сеялка, 10 жнеек³³, в пос. Авакумовском на 100 дворов имелся 81 плуг, 31 жнейка³⁴ в немецкой колонии № 2 на 22 двора приходилось 17 плугов, 6 жнеек, 5 веялок, 13 борон, 2 молотилки, 2 косилки, 2 букера, 20 телег³⁵.

Для сравнения можно привести данные по хутору Титтель, в котором на 2 дворохозяина приходилось 5 плугов, 1 жнейка, 1 косилка, 1 веялка, 2 граблей, 10 борон, 5 телег³⁶.

12. Ведомость учёта основных показателей хозяйственно-экономического состояния землепользователей содержит данные о доходах по налоговому списку в разрезе на хозяйство и едока. В пос. Милорадовском:

8 дворов имели доход до 200 руб.
16 дворов - от 200 до 400 руб.
5 дворов - от 400 до 600 руб.
2 двора - от 600 до 800 руб.
4 двора - от 800 до 1100 руб.
5 дворов - не имели доходов
8 дворов - нет сведений³⁷.

В разрезе на едока:

27 дворов имели доход до 100 руб.
7 дворов - 100-200 руб.
1 двор - свыше 200 руб.³⁸

Здесь же данные о стоимости строений в немецких хозяйствах. По тому же посёлку Милорадовскому:

9 дворов имели постройки стоимостью до 50 руб.,
5 дворов - от 50 до 100 руб.,
8 дворов - 100-150 руб.,
7 дворов - 150-200 руб.,
3 двора - свыше 200 руб.,
15 дворов - не имели построек.

Общая стоимость построек составляла 4220 руб.³⁹

В пос. Авакумовском:

11 дворов имели доход до 200 руб.,
33 двора - 200 - 400 руб.,
14 дворов - 400-600 руб.,
13 дворов - 600-800 руб.,
9 дворов - 800-1000 руб.,
5 дворов - 1000-1500 руб.,
15 дворов - не имели доходов⁴⁰.

Соответственно в разрезе на едока:

45 дворов - до 100 руб.,
39 дворов - 100-200 руб.,
9 дворов - 200 - 400 руб.⁴¹

Строения стоимостью до 50 руб. имели 28 дворов,
50 - 70 руб. - 22 двора,
70 - 90 руб. - 34 двора,
не имели строений - 16 дворов⁴².

На основании "Посемейных списков экономическо-хозяйственного состояния граждан" и "Протоколов социально-экономических группировок" можно дать характеристику социального состава немецких посёлков. В социальном разрезе немецкой деревни почти нет батраков (если и были, то чаще всего из русских деревень). Значительную прослойку составляли середняки.

Необходимо в плане характеристики источника отметить, что не совсем ясно, какие критерии положены в основу социальной стратификации, зато совершенно определённо можно сказать, что особенности развития немецких колоний чаще всего в расчёт не принимались.

В пос. Сухая Балка Усть-Каменогорского района Семипалатинского округа к бедняцкой группе было отнесено 26 дворов, к середняцкой - 22, к зажиточной - 7, к кулацкой - 5⁴³.

В пос. Аввакумовском 70 дворов были названы бедняцкими, 28 - середняцкими, 2 - батрацкими⁴⁴.

В пос. Милорадовском: 25 дворов - бедняки, 8 дворов - малоимущие середняки, 6 дворов - середняки, 8 дворов - батраки⁴⁵.

В пос. Мариенбург: 93 двора - бедняки, 88 дворов - малоимущие середняки, 107 дворов - середняки, 34 двора - зажиточные и кулаки⁴⁶.

Интересно заметить, что "Протокол местного обследования" по пос. Мариенбург содержит следующую характеристику: "В земельном обществе пользуется сильным влиянием зажиточная часть деревни, благодаря чему беднота и малоимущий середняк малоактивны в защите своих земельных прав"⁴⁷.

Жители практически всех немецких посёлков видели проблемы развития своих хозяйств во внешних условиях землепользования, что вполне обоснованно. Доказательством служат как заявления и прошения самих землепользователей, так и отчеты землемеров - землеустроителей. В прошении жителей немецкой колонии № 2 отмечается: "Данные нашего посёлка Павлодарское УЗУ имеет в своих делах, но всё таки повторим их здесь для более точного и наглядного выяснения нашего положения. Цифровые данные по учёту 1924 г. следующие: 22 двора, 115 едоков, общая площадь всей земли 946,5 десятин - значит, на одного едока причитается 8,23 дес. Из этого количества десятин признаны неудобными 626,05 дес., на одного едока - 5,44 десятин. Лишь 320,45 десятин признаны удобными, на одного едока - 2,78 десятин.

Так и признано комиссией по землеустройству в 1924 г. качество земли участка Ребровского 3 за 1, то есть, три десятины нашей земли признаны как одна десятая хорошей, удобной земли. За эти два года цифры настолько изменились, что вместо 115 едоков, насчитывается 134. Вот цифровая

картина нашего участка, посёлка и положения. Ведь это далеко не достаёт до минимального количества удобной земли, полагающейся на крестьянина-землера и скотовода, и фактически ведь не хватит для самого примитивного проживания себя и семейства"⁴⁸.

В акте предъявления земельного надела немецкой колонии № 3 землемер-землеустроитель Семгубзо И. Печкуренок отмечает: "Ввиду малоплодородности почв, сильной истощённости, малого количества покоса, земельный надел экономической устойчивости в ведении хозяйства не обеспечивает"⁴⁹.

13. Многие из выделенных проблем имели место и в русской деревне, и в казахском ауле, что довольно чётко представлено в работе Г.Ф. Дахшлейгера⁵⁰. На наш взгляд перспективным представляется анализ материалов по землеустройству отдельных русских посёлков, их сравнение с немецкими.

14. В ходе землеустроительных работ в немецких посёлках нередко возникали спорные проблемы землепользования с соседними русскими, украинскими посёлками, казахскими аулами, государственными предприятиями.

У немецких колоний № 3 и № 2 имелась чересполосица с соседним конезаводом "Жел-Кудук". Кроме того, на неосвоенных в полной мере землях конезавода колонии производили частичную запашку и пастьбу скота. Граница конезавода проходила очень близко к усадьбам. Землеустроительный проект предполагал прирезку спорного участка к немецкой колонии № 3, с чем был не согласен конезавод⁵¹.

У немецкой колонии № 2 были спорные земельные отношения с посёлком Мордовским. Земельный вопрос колонии № 2 был настолько сложным, что землеустроительный проект предполагал переселение всей колонии на один из свободных участков Павлодарского уезда. Земли колонии подлежали передаче пос. Мордовскому⁵². У пос. Ивановского был земельный спор с пос. Рямовским. Жители посёлка арендовали земли у пос. Рямовского в течение целого ряда лет, обрабатывали её и считали себя равноправными землепользователями. У жителей пос. Рямовского землеустроитель отметил многоземелье, поэтому землеустроительный проект предполагал прирезку земли к немецкому посёлку. Уполномоченные пос. Рямовского отказались подписывать проект, но в то же время не являлись по повестке к землеустроителю. Проект был утверждён в первоначальном виде⁵³.

15. При проведении землеустроительных работ большинство посёлка заявило о желании сохранить подворно-участково-отрубной порядок землепользования.

В целом, в результате землеустроительных работ в немецких посёлках было закреплено существующее землепользование. Для некоторых посёлков была осуществлена прирезка земли, сенокосов. Отдельные колонии

были вынуждены переселиться на новое место, ввиду невозможности решения проблем землепользования в старых границах. Кроме того, были проведены некоторые мероприятия по регулированию землепользования внутри посёлков (выделение групп, выселков и т.п.).

Посредством всех этих мер, безусловно, удалось разрешить лишь некоторые наиболее явные проблемы землепользования в немецких посёлках. Колониям пока удалось сохранить традиционные формы хозяйствования, их коренной слом будет осуществлён позже.

В то же время в колониях, чьи хозяйства находились в довольно сложных условиях (почвы, климат, рельеф и т.п.), не предпринималось никаких мер со стороны государства, направленных на поддержку хозяйств (строительство оросительных сооружений, удобрение почв, введение севооборотов, улучшение обеспечения инвентарём). В результате немецкие колонии не могли рассчитывать на устойчивое ведение своих хозяйств.

В целом, проведённый нами анализ материалов по землеустройству, позволяет представить довольно чёткую картину экономического развития немецких поселений в 1920-е годы, а также восстановить отдельные этапы их исторического развития в предшествующий период, охарактеризовать отдельные процессы социального и демографического характера.

Примечания

¹ См.: Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929 гг.): Алма-Ата, 1965.

² Там же. С. 148.

³ См.: Там же. С. 161-162.

⁴ См.: Там же. С. 165.

⁵ См.: Там же. С. 170-173.

⁶ Там же. С. 193.

⁷ См.: Там же. С. 194.

⁸ См.: K. Stumpp. Verzeichnis der deutschen Siedlungen in Nord - (Sibirien) und Mittelasien. Stand. 1928 // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1964. S. 87-99; Beilagen: Übersichtskarte über deutschen Siedlungen in Asien; Karte der deutschen Siedlungen in den Gebieten Omsk und Slawgorod.

⁹ См.: Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (Далее – ЦДНИВКО). Ф. 152, 153.

¹⁰ См.: Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929 гг.). - Алма-Ата, 1965. С. 195.

¹¹ См.: ЦДНИВКО. Ф. 153. Оп.1. Д. 439. Л. 10.

¹² См.: Там же. Л. 18.

¹³ См.: Там же. Ф. 152. Оп. 1. Д. 458. Л. 5-10; Д. 1309. Л. 39-44; Д. 1003. Л. 7-12; Д. 711. Л. 17-22; Д. 737. Л. 12-17 и др.

¹⁴ См.: Там же. Ф. 153. Оп. 1. Д. 439. Л. 211-215.

¹⁵ См.: Там же. Ф. 152. Оп. 1. Д. 737. Л. 19. и др.

¹⁶ См.: Там же. Д. 455. Л. 2-7; Д. 737. Л. 20-22; Д. 931. Л. 21-28; Д. 458. Л. 11-16; Д. 1003. Л. 38-48.

¹⁷ См.: Там же. Ф. 153. Оп. 1. Д. 445. Л. 6.

¹⁸ См.: Там же. Ф. 152. Оп. 1. Д. 455. Л. 12-14; Д. 737. Л. 24-26; Д. 931. Л. 54-60; Ф. 153. Оп. 1. Д. 439. Л. 253-260.

¹⁹ См.: Там же. Ф. 152. Оп. 1. Д. 931. Л. 53; Д. 711. Л. 28; Д. 455. Л. 14-14а.

²⁰ См.: Там же. Д. 737. Л.33-35.

²¹ См.: Там же. Д. 458. Л. 28-30.

²² См.: Там же. Л. 34.

²³ См.: Там же. Л. 24.

²⁴ См.: Там же. Д. 1070. Л. 95-99.

²⁵ Там же. Д. 1003. Л. 8.

²⁶ Там же. Д. 737. Л. 14.

²⁷ Там же. Д. 458. Л. 6.

²⁸ Таблица составлена на основе Протоколов экономическо-хозяйственного обследования немецких посёлков. См.: ЦДНИВКО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 737, 1003, 458, 931, 711.

²⁹ Таблица составлена по материалам "Протоколов экономическо-хозяйственного обследования" немецких посёлков.

³⁰ Таблица составлена на основе "Ведомостей учёта основных показателей хозяйственного состояния землепользователей"

³¹ ЦДНИВКО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 1003. Л. 10.

³² Там же. Д. 458. Л. 29.

³³ См.: Там же. Д. 931. Л. 21-28.

³⁴ См.: Там же. Д. 1003. Л. 39-48.

³⁵ См.: Там же. Д. 458. Л. 11-16.

³⁶ См.: Там же. Д. 711. Л.23-25.

³⁷ См.: Там же. Д. 931. Л. 21-28.

³⁸ См.: Там же.

³⁹ См.: Там же.

⁴⁰ См.: Там же. Д. 1003. Л. 39-48.

⁴¹ См.: Там же.

⁴² См.: Там же.

⁴³ См.: Там же. Д. 445. Л. 6.

⁴⁴ См.: Там же. Д. 1003. Л. 39-48.

⁴⁵ См.: Там же. Д. 931. Л. 21-28.

⁴⁶ См.: Там же. Ф. 153. Оп. 1. Д. 439. Л. 218-220.

⁴⁷ Там же. Л. 215.

⁴⁸ Там же. Д. 458. Л. 29-30.

⁴⁹ Там же. Д. 455. Л. 11-14.

⁵⁰ См.: Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929 гг.). - Алма-Ата, 1965.

⁵¹ См.: ЦДНИВКО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 455. Л. 12-14а.

⁵² См.: Там же. Д. 458. Л. 42.

⁵³ См.: Там же. Д. 737. Л. 33-35.

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ О ЖИЗНИ НЕМЕЦКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В Государственном архиве Азербайджана отложились многочисленные интересные документы, рассказывающие о жизни немецких сёл республики накануне и в период сплошной коллективизации. Все они практически ещё не исследовались и не вводились в научный оборот. Поэтому настоящий доклад является первым шагом по изучению истории немцев Азербайджана в период коллективизации.

Колхозное строительство в Республике началось ещё до XVII съезда ВКП(б), развивалось самопроизвольно и потому довольно медленными темпами. Это в полной мере относится и к немецкой деревне.

Важным источником по изучению коллективизации в немецких сёлах являются документы Комиссии по делам национальных меньшинств при АзЦИКе. Комиссия была организована 16 апреля 1927 г. с целью содействия экономическому и культурному развитию национальных меньшинств, живущих на территории Азербайджанской Республики, а также "укрепления братского сотрудничества и интернационального воспитания всех народностей Азербайджана".

Материалы этой комиссии сосредоточены в фонде АзЦИКа (опись 7). Среди них – постановления, доклады, докладные записки, акты обследования положения немцев в сёлах и др.

Комиссия проводила обследование культурно-экономического и правового положения немецкого населения Азербайджана накануне сплошной коллективизации. С этой целью члены комиссии выезжали на места и по итогам своей работы составляли подробные и интересные доклады о жизни и деятельности немецких сёл. Так, 13 апреля 1928 г. было проведено обследование работы сельсоветов по коллективизации хозяйств в немецких сёлах Казахского уезда. Таких сёл в уезде было пять: Грюнфельд-Елизаветинка, Алексеевка, Эйгенфельд и Траубенсфельд. В первом из них,

кроме немцев, проживали и русские. Во всех сёлах числилось, согласно переписи, – 1543 человека.

По итогам работы комиссии делался доклад в ЦК КП(б) Азербайджана и, если были какие-то недочёты и недостатки, Казахский уком рассматривал их и принимал меры к устранению. Анализ докладов позволяет сделать вывод, что немецкие села в экономическом отношении были самые благополучные в уезде.

Подавляющее число немецких крестьян занималось виноградарством и виноделием и состояло членами кооператива "Конкордия". Занимались немцы и хлебопашеством. В Грюнфельде пахотная земля находилась в общественном пользовании. Она коллективно обрабатывалась обществом, коллективно убиралась, урожай делился подушно. В Грюнфельде, Алексеевке и Траубенфельде функционировали машинные товарищества, имевшие в пользовании трактора.

В немецких сёлах, в отличие от других, практически не было проблем с обеспечением водой. Многие из них имели кягризы (азиатские водопроводы).

В селах широкое развитие получила потребительская кооперация. Так, в Грюнфельде членами потребкооператива "Меркурий" состояло 250 человек. В Алексеевке также имелся собственный потребкооператив "Энергия", членами которого являлись 170 человек. В кооперативах имелся достаточный ассортимент товаров, необходимый для крестьянского потребления. Потребительская кооперация серьезно потеснила частную торговлю.

В архиве хранятся документы, характеризующие самообложение крестьян накануне сплошной коллективизации. Средства от самообложения широко использовались для проведения общественных работ в сёлах. На них даже содержались некоторые работники местных советов, что противоречило букве закона.

Интересны документы, показывающие религиозную жизнь в немецких сёлах в конце 1920-х гг. В то время как у всех других национальностей наблюдался резкий отход крестьянских масс от религии, у немцев этого не было. Строго соблюдалось проведение всех религиозных мероприятий.

Документы советских органов позволяют увидеть специфику местного самоуправления. Большую роль в жизни немецких сёл играли сходы. На них решались важнейшие экономические, финансовые и хозяйственные вопросы сельских обществ. Сходы собирались очень часто. Так, в Грюнфельде только за январь-май 1927 г. было проведено 52 схода. В некоторых сёлах (например, в Траубенфельде), наряду с сельсоветами существовали "общественные советы". В селе Эйгенфельд своеобразным самостоятельным орга-

ном управления стало собрание членов сельсовета. Лишь после вмешательства государства и ликвидации "незаконных" органов управления значимую роль в жизни немецких сёл стали играть официальные сельсоветы.

В немецких сёлах органам власти было весьма затруднительным определить социальные категории местных крестьян (кулаки, середняки, бедняки и т.п.). Все крестьянские хозяйства были тесно переплетены родственными узами, трудно было выявить конкретное хозяйство. Кроме того, в период кампаний по выявлению кулаков, крестьянские хозяйства быстро дробились. В качестве примера приведем один из таких разделов в селе Анненфельд. "Крестьянин Штрек был кулаком, имел 3 дес. виноградников, постоянно имел наемную рабочую силу, поэтому числился кулаком. Чтобы выйти из списка кулаков, он выделяет сыну 1 дес., дочери ?, зятю с другой дочерью тоже ? и себе оставляет ? дес., и теперь числится он в списке бедняков, несмотря на то, что семья вся оставалась в том же доме, столуется с одного стола и хозяйство обрабатывается так же, как и до раздела. Таких явлений в немецкой бытности очень много..."

В январе 1930 г. в целях усиления влияния на немецкое население ЦИК Азербайджана принял специальное постановление, в котором потребовал "оживить" работу советов в немецких селах, обеспечить перевыборы советов, обеспечив максимальное представительство в них батраков и бедняков, рабочих промышленных предприятий, располагавшихся в немецких селах. Районные советы получили указание не допускать дискриминации немецкого населения в вопросах жизни и быта. Был сделан упор на создание актива из немцев, лояльных советской власти.

Этим же документом было объявлено о начале сплошной коллективизации в немецких селах и о раскулачивании. Важнейшей задачей определялась организация и укрепление колхозов. В связи с созданием колхозов кооператив "Конкордия" был ликвидирован и преобразован в районный виноградо-винодельческий Союз колхозов.

Архивные документы дают достаточно всеобъемлющую картину "победы" сплошной коллективизации в немецких селах Азербайджана.

НАШИ АВТОРЫ

Айфельд Альфред, заместитель директора Института культуры и истории немцев северо-восточной Европы, доктор (Геттингенское отделение, Германия).

Атаманенко Сергей Викторович, аспирант кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета. Днепропетровск (Украина).

Баах Сергей Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, научный сотрудник Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск (Россия).

Бабаева Сима, зам. директора Государственного архива Азербайджанской Республики. Баку (Азербайджан).

Бетхер Александр, заведующий музеем краеведения Азовского немецкого района Омской области. Азово (Россия).

Бобылева Светлана Иосифовна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории, директор Института украинско-германских исследований Днепропетровского национального университета. Днепропетровск (Украина).

Бургарт Людмила Алексеевна, магистр истории, преподаватель Восточно-гуманитарного института. Усть-Каменогорск (Казахстан).

Вагина-Мозговая Оксана Станиславовна, аспирантка кафедры отечественной истории новейшего времени Саратовского государственного университета. Саратов (Россия).

Вашкау Нина Эмильевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Волгоградского государственного университета. Волгоград (Россия).

Венгер (Осташева) Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, научный сотрудник Института украинско-германских исследований Днепропетровского национального университета. Днепропетровск (Украина).

Вибе Петр Петрович, кандидат исторических наук, доцент, директор Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск (Россия).

Воронежцев Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, директор Государственного архива Саратовской области. Саратов (Россия).

Гартвиг Белла Владимировна, аспирантка кафедры отечественной истории и историографии Самарского государственного университета. Самара (Россия).

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории новейшего периода Саратовского государственного университета. Саратов (Россия).

Гумбатова Тамара Филипповна, кандидат технических наук, председатель Евангелическо-лютеранской общины г. Баку (Азербайджан).

Джавадов Гамаршах Джаллад оглы, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом Института международных отношений Академии наук Республики Азербайджан. Баку (Азербайджан).

Ерина Елизавета Моисеевна, директор Энгельсского филиала Государственного архива саратовской области, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Энгельс (Россия).

Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва (Россия).

Красникова Ольга Алексеевна, зав. сектором картографии отдела фондов и обслуживания библиотеки РАН. Санкт-Петербург (Россия).

Кригер Виктор, научный сотрудник Гейдельбергского университета. Гейдельберг (Германия).

Кригер Елена Эвальдовна, аспирантка кафедры общей социологии Барнаульского государственного педагогического университета. Барнаул (Россия).

Крылов Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры географии Украины Мелитопольского национального педагогического университета. Мелитополь (Украина).

Лаптев Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий Крымским этнографическим музеем. Симферополь (Украина).

Лиценбергер Ольга Андреевна, кандидат исторических наук, докторант Саратовского государственного университета. Саратов (Россия).

Мазина Ольга Евгеньевна, аспирантка кафедры отечественной истории новейшего времени Саратовского государственного университета. Саратов (Россия).

Малиновский Лев Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры германской филологии Барнаульского государственного педагогического университета. Барнаул (Россия).

Малова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры туризма Саратовского государственного университета. Саратов (Россия).

Морозова Юлия Александровна, аспирантка кафедры отечественной истории новейшего периода Саратовского государственного университета. Саратов (Россия).

Нам Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, докторант Томского государственного университета. Томск (Россия).

Нелипович Сергей Геннадьевич, кандидат исторических наук, начальник архивного отдела администрации Балашихинского района Московской области. Балашиха (Россия).

Панга Елена Владимировна, студентка 5 курса исторического факультета Саратовского государственного университета. Саратов (Россия).

Плеве Игорь Рудольфович, доктор исторических наук, профессор, директор педагогического института Саратовского государственного университета. Саратов (Россия).

Плесская Эльвира Германовна, доцент Одесской национальной академии связи. Одесса (Украина).

Плохотнюк Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, докторант Ставропольского государственного университета. Ставрополь (Россия).

Прокопьева Наталья Валентиновна, аспирантка кафедры общей социологии Алтайского государственного университета. Барнаул (Россия).

Славина Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета. Красноярск (Россия).

Солодова Вера Владимировна, директор Одесского краеведческого музея. Одесса (Украина).

Трошина Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архангельского областного краеведческого музея. Архангельск (Россия).

Ханья Сиро, доктор, стипендиат фонда им. Обучи. Токио (Япония).

Хердт Виктор, научный сотрудник Геттингенского отделения Института культуры и истории немцев северо-восточной Европы (Люнебург/Геттинген, Германия).

Черказьянова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Санкт-Петербург (Россия).

Шадт Александр Александрович, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск (Россия).

Шульга Игорь Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Саратовского филиала Военной артиллерийской академии. Саратов (Россия).

Научное издание

**НЕМЦЫ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ (1871 - 1941 гг.)**

Материалы 8-ой международной
Научной конференции

Научный редактор *А. Герман*
Редакторы-корректоры *А. Галамага, Г. Маркович*
Верстка *Б. Базанов*

Изд. лиц. ИД № 02986 от 09.09.2000
Подписано в печать 24.10.2002. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная №1. Гарнитура «OfficinaSans».
Печать офсетная. 34.5 печ. л. Тираж 600 экз.

Издательство ЗАО «МДЦ Холдинг»,
119435, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 5, офис 51
Тел.: (095) 937-6544
Факс: (095) 248-3874

Отпечатано с готовых диалозитивов в Московской типографии № 6.